

Крым

57

Тамары

Крым Тамары

Күн
Тануу

Кнунт Тамсун

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

Редколлегия:

А. СЕРГЕЕВ

Ю. ЯХНИНА

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1999

Кнут Гамсун

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ПЯТЫЙ

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

Роман

КРУГ ЗАМКНУЛСЯ

Роман

Перевод с норвежского

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1999

УДК 82/89
ББК 84(4Нр)
Г18

KNUT HAMSN
1859 — 1952

Составление

Ю. Яхниной

Комментарии

А. Сергеева

Оформление художника

А. Лепятского

**В книге использованы репродукции с картин
норвежского художника Э. Мунка**

ISBN 5-280-03090-2 (Т. 5)
ISBN 5-280-01700-0

© Составление. Яхнина Ю. Я., 1999 г.
© Комментарии. Сергеев А. В., 1999 г.
© Перевод. Лунгина Л. З., 1999 г.
© Перевод. Фридлянд С. Л., 1999 г.

Последняя мава

РОМАН

Перевод
Л. Лунгиной

SISTE KAPITEL

1923

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Все мы бродяги на этой земле. Мы бредем по дорогам и по бездорожью, то ползем, то, поднявшись во весь рост, топчем друг друга. Вот так же и Даниэль, который топтал других, пока его самого в конце концов не растоптали.

Теперь добраться до хутора Торахус ничего не стоит, но в тот год это было делом весьма опасным и надо было глядеть в оба. Правда, уходило на это всего несколько дней, но в ту пору Даниэль властвовал над этой местностью и палил из ружья во всех, кто попадался ему на глаза; с тех пор прошло много лет, все мы были тогда куда моложе.

Когда-то Торахус был всего-навсего пастушьей хижинкой и принадлежал усадьбе его отца, но она была заброшена, и много лет кряду там не появлялась ни одна живая душа. Его отец с годами запустил все, чем владел, не только усадьбу, но и самого себя. Теперь сказать это очень просто, однако на то были свои резоны. Беды начались со смертью его жены и наваливались на него без передыху все последующие двадцать лет. Наконец умер и он, промотав все до последнего гроша, и усадьба пошла с молотка. Даниэлю удалось спасти только пастушью хижину и несколько коров. Он перебрался туда и стал там жить. Такая жизнь пришлась ему по душе. Он был крепко скроен и полон сил в свои двадцать лет. Старая служанка, работавшая в усадьбе отца, из преданности этой семье последовала за ним в Торахус. Рассказать об этом можно буквально в нескольких словах, а в жизни это происходило долго и мучительно. На глазах у всех соседей Даниэль вынужден был покинуть свое селение и перебраться высоко в горы, в пастушью хижину, где ему отныне предстоял тяжкий труд. Он взялся за дело, не щадя себя, работал от зари до зари, как простой батрак, рыл канавы, насыпал запруды, корчевал сосны, расчищая землю

под пашню, прокопал новое русло для ручья, и все это при том, что земля была сплошь усеяна валунами. Никто никогда не предполагал, что Даниэль способен работать без усталости, словно вьючное животное, что он в силах одолеть такую махину. Ведь в отцовской усадьбе он особым усердием не отличался, — видимо, потому, что там все ему казалось безнадежно запущенным. А теперь, когда Даниэль работал на самого себя, он показал себя совсем другим. Он трудился не покладая рук, как поденщик, словно сам нанимал себя на каждый день, и честно выполнял всю намеченную работу, какие бы внутренние причины его к тому ни принуждали. А причины, видимо, были.

Так прошло несколько лет. Даниэль довольствовался малым, человек он был добросовестный, в разговоре, пожалуй, несколько утомительный, а в одежде скорее небрежный, но, в общем-то, надежный и терпеливый. Что бы в мире ни происходило, война там, чума либо землетрясение, его это нимало не трогало, он ничего не читал и, как говорится, «чужих овец не считал».

К тому времени он освоил еще порядочный клин земли, и Торахус превратился в настоящий маленький хутор. Торахус означает Дом Тора. Одним словом, Даниэль не пропал в горах, он жил там по склонности своего сердца. Правда, в полном одиночестве, но его это не смущало. Вид отсюда был редкостный: на многие версты простирались горы с поросшими лесом склонами. Даниэль весь ушел в работу, а когда ему хотелось пить, он спускался с жестяным ведром к ручью, ополаскивал его и полным приносил во двор. В горах стояла тишина, лишь оттененная дальним фоном вечных звуков. Здесь сияли прекрасные звезды, не те золоченые побрякушки, которые проглядывали сквозь туман там внизу, в отцовской усадьбе, нет! Сверкающие огни, действительно прекрасные. В звездах есть что-то трогательное, они прелестны, словно маленькие девочки. Он не чувствовал себя несчастным и брошенным, каким он, в сущности, был. Со всеми камнями, которые он выкопал из земли и которые окружали его, словно толпа людей, он был в личных отношениях, с каждым из валунов, — все они были ему знакомы, он их обнаружил, одолел и заставил выбраться из земли.

После ужина он обычно снова выходил из дома, бродил по окрестностям, любовался лесом, который все разрастался, и даже болотами, которые собирался осушить. Будь у него столько денег, сколько охоты трудиться, он давно бы завел лошадь, это ясно, но он утешал себя тем, что всему

свое время, — а пока обходился и без нее. Дни бежали незаметно, и он радовался красоте вокруг.

Когда старая служанка уходила спать в свою каморку, а скотина утихала в хлеву, Даниэль возвращался домой. Комната принимала его, как приняла бы любого другого, но она принадлежала ему, только ему, и он находил в ней уют. Правда, она была никакой, будто берлога, но он находил в ней не только уют, но и укрытие от мира, такой она была надежной и тесной. Стены ее были из досок, потолок низкий, а когда он, озябший, приходил со двора, его обдавало жаром раскаленной к ночи плиты. И он блаженно валялся на пол и сворачивался калачиком, он мог себе это позволить, потому что никто его не видел. За окном — ни души. Ручей бормотал в нескольких шагах от дома. Он засыпал с миром в душе.

Даниэль прожил так два года, но, естественно, бесконечно этакая безмятежность продолжаться не могла.

На третий год он стал чаще бывать в приходе, искать общества знакомых, старался быть на людях, он повадился ходить в церковь и на аукционы. Ведь там, внизу, жила его девушка. Он был совсем молодым парнем и слишком горяч, чтобы столь размеренно прожить свою жизнь, и все чаще бегал к своей девушке. Их отделяло немалое расстояние, но преодолеть его было все же возможно; еще детьми нашли они дорожку друг к другу. Девочка шла лесом от своего двора, а он ей навстречу — от своего. В лесу на каждом шагу встречались ручьи, через которые надо было перепрыгивать, то и дело попадались зеленые лужайки, орешники, усеянные орехами, муравьиные кучи и живые душистые изгороди. Теперь, когда он стал взрослым, он снова брел той же тропинкой, что и прежде, был в прекрасном расположении духа и пел на радостях, узнавая камни, кусты и болота детства. Голова у него шла кругом, и случалось, он начинал скакать, как мальчишка, и вообще вел себя, будто ему предстояло сделать еще всего несколько шагов, а не полверсты. Случалось, он встречал ее прежде, чем доходил до места, и тогда оба краснели от смущения, что шли друг другу навстречу, и искали тому объяснение, которое звучало мало-правдоподобно. Особенно часто это случалось после конфирмации и окончания школы. С тех пор все стало более серьезно, им было уже не до игры, дела в усадьбе его отца шли из рук вон плохо, и постепенно она стала все больше сомневаться, стоит ли его держаться. Собственно говоря, возлюбленными они никогда не были, ни прежде, ни теперь, но их все еще, как и раньше, тянуло друг к другу.

В один прекрасный день в Торахус забрели двое чужих. Они охотились в горах. Один представился адвокатом, другой — доктором. Они поболтали с Даниэлем и поглядели, как он работает. У него здесь настоящий маленький хутор, сказали они ему.

Даниэль в ответ усмехнулся и заметил, что хуторок хоть и неплохой, да вот нет пастбища, чтобы завести еще хотя бы двух коров. Но если продолжать так, как он начал, то он сможет, пожалуй, вскоре расчистить землю под новые луга. Да-да, Даниэль полагает, что это отнюдь не исключено.

Охотников пригласили зайти в дом, налили им по кружке парного молока, они отпили понемногу, подули на пену и залпом выпили все до дна. Старая служанка в знак благодарности получила двухкрановую монету. Бойкие господа и богатые. Даниэлю понравилось их общество. Он пошел их провожать и тащил их ягдташи до самого селения.

По дороге они снова заговорили о Торахусе и спросили, достаточно ли там леса.

— Для дров, что ли? Более чем достаточно.

Затем они поинтересовались, какая часть склона принадлежит ему.

Даниэль показал: больше полверсты вот по этой стороне горы и до следующей пастушьей хижины — второй Торахус — на том склоне.

Прощаясь в селении, молодые люди вдруг спросили:

— А не хочешь ли ты продать свой хутор?

Даниэль переспросил:

— Продать? Господа небось шутят? Они такие весельчаки...

— Это вовсе не шутка, — сказал тот, кто представился доктором.

— Продать хутор? — снова переспросил Даниэль. — О нет! Я его непременно должен сохранить.

Затем охотники пошли своей дорогой, а Даниэль направился домой. Он получил от адвоката целых пять крон за то, что проводил их.

Ну конечно, он никак не мог продать Торахус. Ведь это был его собственный маленький хутор, единственное, чем он владел, но ему было приятно сознавать, что Торахус так привлекателен, что и другие не прочь его приобрести. В последующие дни он отремонтировал все строения во дворе, работал усердно и все сделал наилучшим образом, потом установил в ручье новый водовод и укрепил его длинной каменной оградой, — короче говоря, дома всегда дел хватало. Когда же он снова спустился в селение, он был готов

пригласить любого навестить его в горах. Всем бы там сейчас понравилось. Но подобные приходы очень медленно и с большой натугой меняют установившиеся мнения. Даниэль был единственный наследник когда-то богатой крестьянской усадьбы, а оказался в пастушьей хижине. Такова, видно, была его судьба, и от нее ему никуда не деться.

Девушку звали Элена. Красавицей ее назвать было трудно, куда там! Как и у многих девиц, у нее на лице были прыщи, да и румянца ей явно не доставало. А вообще-то говоря, она была не хуже других и охотно слушала его, когда он ей что-нибудь говорил. Ведь это так важно — уметь слушать! Она была несколько вялой, медлительной и, казалось, тщательно обдумывала его слова. Потому-то Элена и производила на Даниэля такое хорошее впечатление. Для него она была достаточно красивой. Как-то он сказал ей, что хотел бы взять ее в жены.

Она промолчала.

Ведь теперь у него есть свой дом, и совсем неплохой. Впрочем, со временем он мог бы пристроить к нему еще одну комнату.

— А ты не собираешься спуститься со своих гор снова сюда? — спросила она.

— Что?

— И снова поселиться здесь, в нашем приходе?

— Нет. У меня есть то, что у меня есть. Разве для тебя это недостаточно хорошо?

— Да нет, — сказала она задумчиво.

Они не раз говорили так друг с другом, и ничего не было решено. В конце концов он все же добился от нее обещания, что она возьмет его в мужа, но при этом она незаметно потеряла глаза, чтобы в них заблестели слезы.

Однако он не воспринял это как отказ — у него не было ни малейшего намерения отступить от нее, а потом умереть от неразделенной любви на ее могиле. Напротив, он был убежден, что достиг своей цели.

Несколько недель спустя он повстречал Элену в лавке. Он проводил ее до дому, а по дороге спросил, когда она собирается подняться к нему, имея при этом в виду, когда же они наконец поженятся.

Этого она точно не знает. Смотря по тому, как все сложится.

Понятно. Но если она не считает, что он уродливее и грубее других парней, то могла бы решиться и выйти за него замуж.

В ответ она рассмеялась и шутливо сказала, что он самый уродливый и грубый из всех. На вопрос, когда же она назначит день, она так и не ответила, сумела обойти его — видимо, таков был ее способ мягкого отказа. Она не выразила его прямо, но он сам должен был бы это понять: не может же девушка из богатой усадьбы уйти в пастушью хижину. Почему он такой настойчивый? Все ее поведение в последнее время должно было дать ему понять, что ей хотелось бы, чтобы он оставил ее в покое. Неужели он этого так никогда и не поймет?

Однако и на этот раз она слушала его не без некоторой нежности, и ему показалось, что, прощаясь, она ему как бы подмигнула. Может, на самом деле она и не подмигнула, а просто медленно опустила взгляд, словно ей было немного грустно с ним расставаться.

Что ж, и это неплохо — Даниэль пошел домой всем довольный и даже начал безо всякой причины что-то тихо напевать про себя.

А несколько недель спустя, когда уже пришла весна и гусей выпустили на луга, Даниэль услышал удивительную новость:

— Да, значит, она все-таки досталась помощнику ленсману.

— Кто?

— Как кто? Ты что, не знаешь? Элена.

Даниэль не сразу понял, не мог поверить...

— Элена?

— Ну да, в прошлое воскресенье было оглашение.

— Элена? В прошлое воскресенье? В самом деле?

— Он хлопочет о месте писаря, а потом надеется стать ленсманом. Элена будет жить как барыня, уж поверь мне!

— Я так и знал, что услышу сегодня новость, — заставил себя сказать Даниэль в ответ. — Дрозд свистел мне что-то всю дорогу, пока я шел сюда.

И он засмеялся, хотя губы его стали белыми.

Прихватив пакеты с продуктами, которые он купил для своей домоправительницы, он двинулся было домой, на свой хутор, но неожиданно повернул и пошел назад, в селение. Далеко уйти он не успел, но почему ему вдруг понадобилось вернуться в приход? Этого он и сам не знал, но пошел назад, потом побежал, на минуту остановился, а потом снова побежал.

— Ты что-то забыл? — спросили его парни, когда он снова вошел в лавку.

— Да, — ответил он.

Тут он встретил соседа, который пригласил его выпить. Они уселись в задней комнате при лавке и заказали водку. Соседа звали Хельмер, это был его добрый приятель, с детства они жили рядом, были ровесниками, оба еще очень молодые. Они просидели вдвоем некоторое время, потом к ним присоединились еще парни, получилось небольшое общество, и они болтали о всякой всячине. Один рассказал, что обязательно поменяет работу, как только кончится срок контракта, другой, что хочет отправить своему брату, который живет в Христиании, забитого им теленка. Говорили все больше о мелочах жизни.

Все нет-нет да и поглядывали на Даниэля, они знали, что с ним стряслось, ни для кого не было тайной, что он хотел взять в жены Элену, а теперь потерял ее навек. Такие вещи случаются, что и говорить, жизнь никого не щадит. Они избегали называть имя девушки, а вместо этого выражали ему свое сочувствие тем, что пили с ним и часто с ним чокались и спрашивали о хуторе, о Торахусе, который он превратил в настоящую маленькую усадьбу. Он парень что надо!

Даниэль сидел молча, позволяя обращаться с собой как с больным. Доброжелательство его приятелей было ему очень приятно, быть может, он даже несколько им подыгрывал и притворялся более потеряннным, чем был на самом деле. В порыве первого волнения он ведь дважды поднялся на гору и снова спускался вниз, к тому же алкоголь начинал оказывать свое действие, придавая ему некоторую раскованность. В конце концов, не в силах больше сдерживаться, он спросил:

— Был кто-нибудь из вас в это воскресенье в церкви?

Да, многие из них были. А почему он об этом спрашивает?

— Просто так.

— Там было три крещения и одно отпевание.

— И еще оглашение помощника ленсмана, — добавил в конце концов один парень.

Другой поторопился сменить тему разговора и сказал, обращаясь к Даниэлю:

— Я слышал, что в Торахусе у тебя теперь два новых луга. Ты что, хочешь завести лошадь?

Воцарилось долгое молчание. Потом они стали говорить уже о другом, и тогда Даниэль вдруг сказал:

— Завести лошадь? А на что она мне? На что мне весь хутор?

Даниэль сидел за столом с товарищами, со сверстниками; быть может, ему все же не следовало бы до конца рас-

крывать перед ними свою душу. Ведь эти молодые парни — простые крестьяне, конечно, они желают ему только добра, но им не понять, что из-за любовного горя пастушья хижина, точнее, горный крестьянский хутор, теряет всякую ценность. Своим отчаянием Даниэль все больше наводил на них скуку, и чтобы поддержать к себе интерес, ему пришлось сменить тон и перейти на угрозы: мол, все это чертовы козни, но пусть некоторые его поостерегутся, да кое-кому может и не поздоровиться.

— Понятно, — равнодушно отозвались сидевшие с ним парни, — твое здоровье! — И окончательно утратили к нему интерес.

Потом они начали один за другим расходиться — стало совсем скучно; тот, кто хотел послать поездом забитого теленка брату в Христианию, должен был еще успеть переговорить с лавочником, который обещал ему помочь оформить нужные бумаги. Даниэль и Хельмер остались одни, они молча сидели и курили.

— Хельмер, я хочу поджечь дом, — сказал наконец Даниэль, продолжая спокойно курить.

В ответ Хельмер зевнул.

— Не стоит, — проговорил он после паузы, усмехнулся и покачал головой.

— Уверяю тебя, я это сделаю, — сказал Даниэль. — Пусть ее обдаст жар от горящего дерева.

— Да нет, это безумие!

Даниэль только кивнул.

Его приятеля осенила новая мысль, и он сказал:

— Дом этот стоит слишком далеко от дома сельского старосты.

— И что?

— Ты обязан не позже чем через час после поджога явиться к старосте.

— Зачем? — спросил Даниэль с интересом.

— Не то тебя будут искать, поймают и приговорят к смерти.

— Это мы еще посмотрим!

— Нет, поверь, поджечь дом и вправду очень опасно! — закончил Хельмер. И чтобы окончательно отговорить товарища, добавил: — Да кроме того, неужто, по-твоему, она того стоит? Пошли, нам пора!

Они шли вместе, пока их дороги не разошлись. Тогда они простились.

— Эй, Хельмер, — крикнул ему вслед Даниэль, — я все-таки это сделаю!

— Да ты просто спятил! — возразил Хельмер.

Один из них пошел домой, другой двинулся поджигать дом.

Было девять вечера, когда Даниэль присел на обочине, чтобы дождаться темноты.

Погода была обычной для начала весны, к вечеру стало холодать, но выпивка согрела Даниэля изнутри, и он не чувствовал холода. Из трубы дома, на который он глядел, еще валил дым, но двор был пустынный, все работники уже, видно, отдыхали. Вид дома, особенно одного знакомого ему окна, нахлынувшие воспоминания, винные пары — все это настроило Даниэля на грустный лад, он заплакал, уронив голову на грудь. В конце концов он заснул.

Проснулся он от холода, увидел посветлевшее небо и подумал, что это уже брезжит рассвет. Решив, что уже поздно сделать то, что собирался, он отправился домой. Он успел пройти большую часть пути, когда его вдруг осенило, и он даже остановился: это же не рассвет, напротив, скорее всего, это полночь, как раз подходящее время, чтобы осуществить задуманное! Будь это рассвет, он услышал бы щебет птиц. Какой же он глупый! Но снова пройти весь этот долгий путь — нет, только не это, он без сил, и ему хочется спать. Он делает это в другой раз.

Из его намерения устроить поджог ничего, кроме болтовни и сплетен, не получилось. Но из-за этих сплетен Даниэль обрел дурную славу. Люди передавали друг другу то, что он наговорил, и ужасались: до чего же докатился Даниэль, а ведь родился в богатой крестьянской усадьбе!

Теперь, когда он спускался в селение, на него смотрели с опаской. Даниэль заметил, что прежнего благожелательства его знакомые к нему больше не испытывали. Один только соседский сын Хельмер не изменил к нему своего отношения и пытался, как мог, унять злословие, но сломить установившееся в приходе мнение было трудно, люди охотнее верили в плохое, нежели в хорошее.

Вот почему Даниэль снова стал проводить время у себя на хуторе, в Торахусе, и работал не покладая рук, как заправский хозяин. Весна была уже в разгаре, и так как ему все приходилось делать самому, то дел было невпроворот. Кто бы мог подумать, что Даниэль так быстро справится со своей любовной неудачей, не потеряет ни сна, ни аппетита. Слов нет, поначалу горе его было очень велико, но оно как бы не имело отношения ко всему остальному. Даниэль заставил себя быть благоразумным, взял себя в руки и почув-

ствовал, что остался тем, кем был. Их любовь была подобна цветку, — его сорвали, вдохнули аромат и выбросили! Он с гневом вспоминал все ее лживые уловки, как она своим поддакиванием, уклончивыми ответами, а то и поцелуями и ласками годами держала его на привязи, при этом вовсе не имея в виду связать с ним жизнь! Ну и пусть! Он собирался пристроить к хижине комнату, и, видит Бог, ничто его не остановит. Деревя у него, что ли, нет? Сосны есть и на хуторе, и в лесу, руби сколько душе угодно. Он валил стволы то тут, то там, когда выходил по вечерам побродить после работы. Горные сосны гудели под топором, как чистая бронза, из такого дерева можно строить на века. Да, пристройку он сделает во что бы то ни стало. Может, это и не бессмертный подвиг, но для него это вопрос честолюбия. Люди небось думают, что ему теперь не нужен большой дом, раз Елена с ним порвала, — это правда, так оно и есть, но дом он все-таки построит.

Молодому сильному парню с зоркими глазами не пристало жить как слепому. Неужели он должен сгнить здесь, в горах, без цели впереди, не видя ни в чем смысла? Долгие годы дом этот рисовался ему в воображении: он не будет поражать ни изысканной отделкой, ни размерами, он будет такой величины, как нужно, — один этаж и три окна с видом на селение.

Осенью охотники снова пришли к Даниэлю, и адвокат, и врач. У них были ягдташи и рюкзаки, но скорее для видимости, потому что собак они с собой не взяли и дичи не настреляли.

Они снова спросили Даниэля, не надумал ли он продать свою хижину и хутор.

— Да нет же, — ответил Даниэль со смехом.

— И в нынешнем году тоже не хочешь?

— Нет.

Пусть скажет, за сколько он готов их отдать, каковы его условия.

— Нет, продавать не буду.

— Ясно, — сказали они.

В нем говорит крестьянин, он упрям, как бык, его не уговоришь, решили они. И принялись его поддразнивать тем, что могут купить соседнюю пастушью хижину.

Против этого Даниэль ничего не имел.

Вид оттуда такой же широкий, только расположена она немного выше, на плато, и не защищена от ветра горой, это ее единственный недостаток.

— Разве это так важно? — спросил Даниэль.

Да, для того назначения, для которого эти господа намеревались ее купить, это было важно.

Молчание.

— Но, — сказали они в конце концов, — это все же одна и та же гора, гора Торахус, и леса для дров там сколько угодно, и воды тоже, и с высоты четырехсот метров открывается тот же вид.

— Да, — подтвердил Даниэль.

Опять молчание.

— Так, значит, с вами нам не столкнуться?

— Нет. Пусть все останется как есть.

Через несколько дней до Даниэля донесся слух, что соседнюю пастушью хижину и в самом деле продали, выходит, господа говорили правду. Они собирались построить там санаторий, заведение для больных и слабых, они не спекулянты, а, напротив, благодетели, друзья людей, и у них большие планы. Несколько недель спустя, когда Даниэль очищал отдаленную лужайку от валунов, до него и впрямь донесся стук топоров со стороны соседней хижины. Он пошел на этот звук и увидел четырех дровосеков, которые прорубали на горе дорогу. Все они были из его прихода, он их знал и заговорил с ними.

Да, да, все обстоит именно так, как он слышал, теперь будет на что посмотреть на горе Торахус, видит Бог! Они указали через плечо: вон там уже роют котлован и цементируют фундамент под настоящий замок.

Даниэль рассказал, что эти господа сперва побывали у него, но он не захотел ничего продавать.

Он поступил глупо, считали дровосеки, господа эти дали бы за его хижину кучу денег, а земля под пастбище у него осталась бы.

А сколько они заплатили?

Дровосеки назвали весьма солидную сумму.

Тот, кто ее получил, найдет ей применение. Оказалось, что продал хижину их бывший сосед, отец Хельмера. Что ж, в добрый час!

Даниэль пошел домой, обдумывая все, что услышал. Ясно, грядут большие перемены, ну и что из того? Неужто он, не поддавшись на уговоры Элены, продаст свой Торахус, свой маленький хутор, забросит его и переберется, не имея даже крыши над головой, в селение? Нет, он твердо намерен показать им всем, на что способен! У него свои планы.

Плотники из его бывшего селения обещали прийти к нему на хутор и сделать все необходимые работы, но уже два ж-

ды обманывали его и не являлись в условленный день, и тогда он позвал двух рабочих из соседнего селения. Он заранее приготовил бревна, обрубил все сучья и обстругал, плотники тоже зря времени не теряли, и через две недели уже была готова пристройка — новая комната и новая спальня, как раз такого размера, как надо, обе красивые, белые, Даниэль о таких и не мечтал.

Что касается трех окон и двух дверей, то плотники намеревались их изготовить у себя дома, в мастерской, а зимой на санках привезти на хутор. Все получалось, как ему хотелось. Да, у каждой вещи свое содержание и свой смысл, все шло своим порядком, к лету одна из коров должна была отелиться, и тогда у него будет три коровы и теленок. А как насчет лошади? Конечно, имея четырех коров, можно и о лошади подумать, а пока он сам работал, как ломовая лошадь.

Несколько новых полей в стороне от хутора дались ему тяжким трудом, зато и обещали многое — они раскинулись на месте бывших болот. Земля там была уж очень сырая, но зато особенно плодородная, только знай осушай ее почаще. Даниэль и с этим справлялся.

II

Всю зиму на гору шел поток грузов, непрерывной чередой подымались караваны со всем необходимым для строительства санатория. Всех лошадей из селения заняли на этой работе, более того, многие прихожане даже специально купили лошадей для этой цели, а когда прошла зима и поток грузов прекратился, снова их продали.

Кое-кто только головой качал, наблюдая за всеми этими тратами, но они были из тех, кто ничего не понимал. Разве они могли себе представить, что надобно, чтобы построить замок? Сколько балок и досок, сколько цемента, гвоздей, разных труб, краски, черепицы? В главном здании было двести окон, а кроме него строили еще пять других домов разной величины, причем несколько больших. Одного только оконного стекла сколько на это пошло! А еще пятьдесят печей и вся чугунная арматура для них, это сколько же нужно саней, чтобы ее перевезти. К этому добавьте внутреннее убранство! Всевозможная мебель, ковры, люстры, постельное белье, обои, посуда, хрусталь, тысяча всяких предметов, да нет, куда там тысяча, много тысяч. И уж напоследок — продукты. Для них понадобился новый караван, их везли в боч-

ках и ящиках, а кроме того, пригнали живой скот, полный хлев коров, овец и птицы. Не хватало только гостей, то есть пациентов. После торжественно отпразднованного открытия санатория появились и они.

Сколько же ушло денег, чтобы все это завершить, возвести замок, с его роскошным внутренним убранством, и дома вокруг, то, что называют подсобными строениями, а дорожка, а террасы... Нельзя было не охотиться при мысли о том, в какую копейку все это влетело! Но, казалось, это обстоятельство никого не тревожило, предприятие имело весьма солидную основу: выпустили тысячу акций по двести крон каждая, так создался большой капитал, созвали общее собрание акционеров, приняли устав. Организовано все было наилучшим образом, безо всяких изъянов, и когда набрали полный штат прислуги и начали съезжаться пациенты, все колесики этого механизма пришли в движение, они вертелись все быстрее и быстрее, и в конце концов завертелись так быстро, что стали блестящими, колесики эти как бы превратились в глаза, так быстро они вертелись. По воскресеньям люди из селения подымались в гору, чтобы полюбоваться на все это, но от изумления не могли и слова вымолвить, им оставалось только молча стоять и глазеть, да они и не все здесь понимали, масштаб у них был не тот. Никогда еще они не видели таких страшных драконов на крыше человеческого жилья, ни столько колонн сразу, и колонны эти поддерживали галереи, которые, одна над другой, доходили до самого чердака. А на самом верхнем коньке крыши красовался устремленный в небо небольшой флагшток со сверкающим шаром из посеребренного стекла. Все эти постройки с галереями, стоящими на колоннах, будто на иглоках, казались крестьянам похожими скорее на сон, чем на жизнь. Они напоминали им карточные домики, да, крестьянам в них не хватало весомости, разумной основы, целенаправленности. Ох уж эти крестьяне! У себя дома, в долине, они ложились на траву ничком, глядели на замок, и им казалось, что все, что они видят, им приснилось: ведь невозможно себе представить, что дома эти будут вот так стоять. Кто поверит, что такие дома вырастают из земли, как грибы, что их можно так быстро построить и при этом делать вид, что все это в порядке вещей? Крыша хлева имела форму большого купола, но без колоколов, амбар был выдержан в северном стиле и увенчан башней, но там тоже не было колокола, который обычно звонит в полдень. Может, их просто забыли сюда доставить и еще привезут? Но нет, больше ничего не привезут, потому что ходили слухи, будто на

строительство потрачено уже намного больше, чем предусмотрено сметой, но это будто бы не имеет большого значения, санаторий «Торахус» в состоянии оплатить и те счета, которые придут потом.

Однако, когда крестьяне полеживали у себя на травке и смотрели вверх на гору, им чудилось, что и люди, ходившие вокруг этих новых домов, по этим новым дорогам, тоже, скорее всего, им пригрезились. Боже ты мой, на что они были похожи! Не люди, а какие-то тени, ни один из них не выглядел здоровым; мужчины сплошь с синими носами, хотя погода стояла теплая и ребятишки в прохладные дни бегали с голыми коленками. Что все это означает? Дамы принимались истерически кричать, если им в рукав заползал муравей.

Чего-чего, а пациентов там хватало, в них недостатка не было. Они были хорошо одеты, ходили взад-вперед, разговаривали, некоторые кашляли, да так сильно, что слышно было издали. Одни были худые, как привидения, — им запрещали любые физические усилия и предписывали сидеть, не двигаясь, и греться на солнышке, а вот другие, напротив, должны были с помощью специального приспособления карабкаться на гору. Это называлось «силовая проба» и помогало толстякам согнать жир. У всех, кто сюда приехал, были какие-то изъяны, Бог как бы распределил их между ними. Хуже всех обстояло дело у пациентов со слабыми нервами, они страдали одновременно ото всех болезней, какие только существуют между землей и небом, и с ними приходилось разговаривать как с детьми. Вот взять, к примеру, фру Рубен, она была такая тучная, что едва протискивалась в дверь своей комнаты, но она и не думала обижаться, если кто-нибудь удивлялся ее объемам, да, она не отрицала, что очень толста, и только простодушно над этим посмеивалась; но стоило доктору усомниться в ее бессоннице или пошутить по поводу ее чересчур чувствительных нервов, как она впадала в бешенство и глаза загорались гневом. Однажды доктор сказал ей, повстречав ее на дорожке:

— Просто удивительно, фру Рубен, как хорошо вы здесь поправились. Вы теперь совершенно здоровы!

Фру Рубен ничего не ответила, но, резко повернувшись, плюнула ему вслед и удалилась.

Впрочем, она не единственная плевала доктору вслед. Были и другие пациенты, которые его презирали, и, видимо, у них были на то свои причины. Ему не хватало солидности. Ни за что ни про что назначал капли и разные там другие лекарства, хотя прекрасно знал: пользы от них что

мертвому припарки. Делал он это из желания оказать услугу, из любезности хотел предупредить все желания своих пациентов. Поскольку именно он вместе с адвокатом Робертсеном воздвиг санаторий «Торахус», да так быстро, что казалось, его вытащили из-под земли, то все ожидали, что он будет вести себя с большим достоинством, чтобы поддержать свой авторитет. Но напрасно. Еще издалека он кричал всем: «Доброе утро» — и с такой преувеличенной поспешностью снимал шляпу, что можно было подумать, он намерен подмести пол своим развевающимся на шляпе пером. Однако не следует думать, что он делал это, чтобы поддразнить людей, нет, напротив, в его жесте не было ничего, кроме приветливости и фамильярности. Многие заранее отворачивались, чтобы избежать проявления этой навязчивой вежливости, но напрасно, — доктор все равно кричал им вслед свое приветствие. Ему также очень хотелось прослыть остроумным, он старался шутить изящно и благопристойно, но получалось всегда беспомощно: сразу становилось ясно, что это добродушный крестьянский парень, который выучился на доктора. Но в том, что он был исполнен самых лучших намерений, сомневаться не приходилось, это было видно хотя бы по тому, как он заботился о своих пациентах. Кто, кроме него, из кожи вон лез, чтобы быть для всех самым сердечным другом? В этом своем стремлении он часто заходил даже слишком далеко и сознательно преуменьшал свое значение, только чтобы услужить другим, — да, чтобы сделать кому-либо приятное, он был готов принизить свое положение врача и сказать, например, следующее:

— Господин Бертельсен, уверяю вас, при вашем образовании и интеллигентности вы с этим недомоганием скорее справитесь массажем, чем я своими каплями.

Неужели врач может такое сказать, не теряя своего престижа? В результате выходило, что господин Бертельсен, который до этого верил в капли, переставал верить в врача. Ошибкой доктора Эйена была излишняя болтливость, ему не хватало сдержанности и таинственности, а врач должен внушать суеверный трепет, давать понять, что знает не в пример больше, чем «Отче наш», но вот у доктора Эйена этого не получалось!

Однажды из леса прибежали господин с дамой, это как раз и был господин Бертельсен, а даму звали фрекен Эллингсен, — красивая, высокого роста девушка. Она находилась здесь, так как несколько переутомилась, работая телеграфисткой. Итак, они примчались бегом и стали искать доктора. Господин Бертельсен ворчал:

— В кои-то веки понадобился доктор, так он как сквозь землю провалился!

Господину Бертельсену явно срочно был нужен врач, он прижимал к щеке носовой платок, тихо стонал, не в силах скрыть своего испуга.

— Небось муравей укусил! — проговорил кто-то с насмешкой.

Но когда господин Бертельсен в конце концов нашел доктора, то выяснилось, что муравей его не кусал, а просто щеку оцарапала игла от шляпы, да-да, игла от шляпы фрекен Эллингсен. Царапина выглядела опасной, чуть ли не смертельной, щека опухла, увеличилась в два раза, и барышня была в отчаянии.

— Ах, это заражение крови! — ужасалась она.

— Дайте я посмотрю, — сказал доктор. — Вы говорите, что это царапина от шляпной иглы? Значит, это пустяки, ничего страшного!

— Нет-нет, у него наверняка заражение крови, — настаивала дама.

А доктор, вместо того чтобы сделать таинственную мину и кинуться со всех ног в аптеку за кислотой, кисточкой и ватой, рассмеялся и сказал:

— Спуститесь к ручью, господин Бертельсен, и ополосните щеку холодной водой. Впрочем, можно этого и не делать. Завтра отек опадет сам собой.

Как можно было так легкомысленно к этому отнестись? Господин Бертельсен был явно разочарован, ему не хотелось, чтобы подумали, что он зря испугался, и он спросил:

— Вы уверены, что заражение крови исключено? Ведь щека так сильно отекала? Я полагаю, что кончик иглы...

— Полностью исключено! — И тут в доктора словно бес вселился, ему не терпелось показать себя. — Вряд ли, фрекен Эллингсен, в вас есть яд, судя по вашему виду, этого не скажешь.

Ограничься он этим замечанием, может, ему это еще и сошло бы с рук, но он был не в силах сдержаться, ему необходимо было утвердить свое интеллектуальное превосходство, и он превратил шляпную иглу в стрелу амура, которую послала фрекен Эллингсен. Слушать это дальше становилось просто невыносимо, и господин Бертельсен сказал, повернувшись к своей даме:

— Пойду прямою щеку борной кислотой.

— Уверяю вас, в этом нет никакой необходимости, — не унимался доктор.

И он принялся объяснять, что произошло со щекой: отек возник от скопления крови под кожей. Если царапину снова открыть, то кровь вытечет и отек спадет, но тогда царапина неизбежно снова засохнет, и под ней кровь снова скопится.

— Лучше всего оставьте свою щеку в покое, — сказал он, — кровь сама по себе рассосется.

— Чепуха, чепуха, сплошная чепуха, не более того, хотя, может, и что-то в этом есть. Пойдемте? — спросил господин Бертельсен, обернувшись к фрекен Эллингсен.

А доктор окончательно подорвал свой авторитет, крикнув вслед удаляющейся паре:

— Впрочем, можете, если вам угодно, приложить борную кислоту. Да-да, примочки борной кислоты, несомненно, принесут облегчение.

— Ну как вам это нравится! — воскликнул господин Бертельсен, обращаясь к своей даме, и даже фыркнул от возмущения.

Надо сказать, что господин Бертельсен был недоволен и собой, и всей этой историей в целом. Он прекрасно расслышал насмешливое замечание насчет муравья, который будто бы его укусил. Но насмешник, ясное дело, отпустил свою колкость лишь из зависти к его богатству — кто не знает фирму «Бертельсен и сын», торгующую древесиной? Он, господин Бертельсен, здесь, в санатории, персона номер один, лев, так сказать, и само собой разумеется, самая прелестная местная дама весьма благосклонно принимает его внимание. Насмешнику тут ничего не изменить, он, Бертельсен, неуязвим. Ко всему прочему надо еще иметь в виду, что именно его фирма поставляла всю древесину для строительства санатория и была, в силу этого, держателем большого пакета акций. Эти остряки, если на то пошло, жили в санатории только по его милости, ему достаточно кивнуть, и все это общество в два счета вылетит отсюда. Но он не кивал — он был выдержанным человеком и обращать внимание на такие вещи было ниже его достоинства.

Положение господина Бертельсена в санатории ни для кого не было секретом, да и сам он из этого не делал тайны, а в таком заведении, где, кроме как сплетничать и строить друг против друга козни, делать, собственно говоря, нечего, все были обо всем оповещены. Естественно было предположить; что завистливые остряки полны благодарности к нему за его корректное и великодушное поведение, но нет, ничуть не бывало.

— Интересно, с какой целью этот Бертельсен склонился так близко к шляпной булавке фрекен Эллингсен?

— И правда, черт возьми, что ему было надо?

— Если бы он поранил руку, это еще можно было бы объяснить, — допустим, ее шляпа зацепилась за листву и повисла на ветке. Но щека? Фу, что за гнусный тип!

— Что толку, что у него всегда безупречно отглажены брюки, а он красуется в белых гамашах и гордится тем, что занимает в санатории лучшую комнату? Всем этим он обязан только своему отцу, крупному торговцу древесиной, а сам он балбес балбесом.

— Ну, в фирму его все же взяли, — заметил кто-то.

— Что с того? — дружно возразили остальные, гневно поглядев на собеседника.

— Да я просто хотел уточнить. Выходит, он совладелец фирмы.

— Допустим, но что это меняет? — не унимались остальные. — Когда старик помрет, все доски будут принадлежать сыночку.

Никто не понял, какое отношение имело это утверждение к обсуждаемому вопросу.

Возможно, тот, кто возражал насмешникам, имел свои намерения, свой расчет, кто знает. Этот молодой человек был пианистом по фамилии Эйде, а звали его Сельмер. Итак, Сельмер Эйде. Был он действительно очень милый парень, но такой иссиня-бледный и такой тощий, что казалось, его вот-вот сдует ветром. Когда он сидел за пианино и видна была только его узкая спина, он производил болезненное впечатление, но играл с такой страстью, что пациенты, собиравшиеся по вечерам в гостиной, чтобы послушать музыку, не могли без него обойтись. Фру Рубен просила сыграть Чайковского, и он охотно играл, фрекен д'Эспар просила Сибелиуса, и он тут же выполнял ее просьбу. Он всем был готов услужить; за то, что он играл, он жил в санатории лишь за полцены.

Фрекен д'Эспар приехала сюда недавно на каникулы. Она ничем не болела, а была живой, веселой барышней, с ямочками на щеках и карими глазами. Что ей здесь было надо? Говорили, что ее семья знала лучшие времена, но теперь впала в полную безвестность. Так оно и было. Когда-то давным-давно некий чужестранец попал в эту страну, где все иностранное ценится больше, чем национальное, и одного его имени на визитной карточке оказалось достаточно, чтобы кем-то здесь стать. О таинственном господине д'Эспаре ничего не было известно, кроме того, что ему удалось занять положение в обществе, главным образом как учителю французского языка, что он получил доступ в знатные се-

мый, приобрел известность, хорошо зарабатывал и пользовался всеобщим уважением только за то, что был иностранцем. Потом у него появилась невеста, все могло бы хорошо кончиться и он бы на ней женился, не объявись у него на родине жена. И тогда ему пришлось исчезнуть.

Такова история основоположника рода.

А его норвежская невеста тем временем осталась наедине со своим позором и растущим бременем: она должна была стать матерью.

Родившийся ребенок и был вторым в этом роду. Это была девочка, и, кроме звонкой фамилии, она от своего блестящего отца ничего не унаследовала. Только фамилию. Ее матери пришлось в конечном счете спуститься на три ступени ниже по социальной лестнице, чтобы все же выйти замуж, однако маленькая Жюли д'Эспар сохранила свою фамилию, которая подняла ее на две ступени вверх. Она сидит в конторе в Христиании только потому, что носит фамилию д'Эспар, побывала за границей и выучила там французский. Особых знаний у нее нет, по-норвежски она говорит без изыска, как те, кто принадлежит к среднему классу, поет не лучше других, домоводству не училась, домашнюю работу делать не умеет, даже блузки сшить себе не может, зато умеет печатать на пишущей машинке и выучилась говорить по-французски.

Бедная Жюли д'Эспар!

Но она такая хорошенькая и живая, эта кареглазая девушка, хотя, возможно, она несколько и переигрывает, проявляя свой огненный темперамент, но как ей иначе показать, к какой нации она принадлежит! Она ведь француженка, и не какая-нибудь там захудалая, а француженка с юга страны, и пусть она незаконнорожденная, зато она дитя любви. Счастливая Жюли д'Эспар! И как бы удивительно это ни показалось, но с первого же дня своего пребывания в санатории она сразу же привлекла к себе внимание, и фрекен Эллингсен перестала быть его единственной жемчужиной, его, так сказать, цесаркой.

Фрекен д'Эспар могла позволить себе поступать так, как никто никогда не поступил бы, — например, ей ничего не стоило заявить за столом, что салат здесь готовят совсем не так, как во Франции, да, что и говорить, разница большая! Вечерами собираясь в салоне, чтобы послушать музыку, дамы предоставляли пианисту самому выбрать, что играть, или поддерживали фру Рубен, когда она просила исполнить Чайковского, потому что она была нервной и богатой. А вот фрекен д'Эспар просила играть Сибелиуса, хотя была

здоровой и бедной. Неумное создание, управы на нее нет. Ну что она понимает в Сибелиусе? Не лучше ли попросить господина Сельмера Эйде сыграть то, что ему самому хочется? И все дамы поддержали: «Да, да!» Они продолжали вполголоса обсуждать эту тему, хотя всем было ясно, почему фрекен д'Эспар попросила сыграть Сибелиуса: да потому, что она сидела на диване рядом со своим кавалером, финном по фамилии Флеминг. Он был из старого аристократического рода, и ей хотелось проявить к нему внимание.

Да, неумное создание эта д'Эспар, управы на нее нет. После музицирования всем полагалось, согласно распорядку дня, идти спать, а вот фрекен д'Эспар пожелала идти гулять. Причем не одна, а вместе с финном Флемингом, которому из-за легочной болезни было запрещено дышать холодным вечерним воздухом. Они пошли посмотреть на барометр, который висел в ящичке возле застекленной двери. Насколько они смогли разглядеть в сумерках, стрелка указывала на треугольник: сухая погода.

— Да, однако холодно, — сказал господин Флеминг и поднял воротник сюртука.

Барышня ответила, что в таком случае надо пойти быстрее. Сама она была одета совсем легко, даже без шарфа на шее.

Тогда господин Флеминг спросил, не висит ли в холле объявление, где сказано, что в десять часов вечера пациентам санатория положено быть в постели?

— Да, верно, здесь по любому поводу вывешивают объявления.

Господин Флеминг засмеялся и сказал, что она идет так быстро, что вконец его загонит. Он тяжело дышал, прижимал руку к груди и тихо кашлял.

Они присели отдохнуть.

— Это ведь тоже запрещается, — объяснил он.

— Это тоже?

— Ну да, ходить так быстро, что начинаешь кашлять, а потом сидеть и отдыхать.

— Все здесь запрещено, — заметила она как бы про себя. И объяснила, что объявления в холле вывешивают только для стариков, страдающих бессонницей. А для молодых, для них двоих, они не имеют значения.

Она поднялась со скамейки, и они двинулись дальше. Они шли в направлении пастушьей хижинки и вскоре увидели перед собой маленький хутор Даниэля. Тут царил полная тишина и покой, ни лая собаки, ни дыма из трубы, видно, люди уже спали, и скотина в хлеву тоже уgomонилась.

— Подумать только, что и здесь живут люди! — задумчиво проговорила барышня.

— Да, и кто знает, может быть, они даже счастливы, — с удивлением промолвил господин Флеминг.

Фрекен д'Эспар подошла ближе, потому что сумерки уже сгустились, а ей хотелось получше все рассмотреть: стены из некрашенных бревен, окна без занавесок, все строения покрыты торфом.

— Почему они даже в новой пристройке не повесили белых занавесок? — недоумевала она. — А вообще-то она очень миленькая, со своими тремя окнами. Эти люди не умеют уютно обставлять свой дом.

— Они живут уютно, на свой лад, — возразил господин Флеминг. — И одному Богу известно, не в этом ли истина: уют, соответствующий минимальным потребностям.

Об этом же они продолжали говорить, возвращаясь в санаторий. Господин Флеминг был спокоен и кроток, у него не было иллюзий, как обычно у больных на первой стадии; в дальнейшем они собираются с силами и начинают бороться со смертью, но на первой стадии болезни они, как правило, лишены мужества, сломлены судьбой. Чтобы его ободрить, барышня попросила рассказать ей о его доме, об их имении в Финляндии, — об огромном поместье с каменным замком и тянувшихся на много верст лесах и полях. В санаторий они вернулись около полуночи, дорога была длинная, и господин Флеминг все покашливал. Дверь оказалась уже запертой, но господин Флеминг тихо постучал своим бриллиантовым перстнем в оконное стекло, и им открыли.

Все могло бы обойтись, им незачем было беспокоить страдающих бессонницей стариков, но фрекен д'Эспар понадобилось найти книгу, — скорее всего, она осталась лежать в гостиной, а может, еще где-нибудь. Она стала ходить из комнаты в комнату, отворяя скрипучие двери, нашла наконец одну из своих книг, но это оказалась не та, которую искала, и она побрела дальше, нашла еще одну, но тоже не ту, что нужно, и в конце концов ей пришлось вернуться и удовлетвориться первой.

Ах, фрекен д'Эспар бросала свои книги там, где сидела и читала, это были всегда французские книги, романы в желтой обложке, напечатанные на серой бумаге. Эти дешевые издания и составляли в основном багаж барышни, из-за книг он был настолько тяжелый, что кучер чуть не надорвался, выгружая ее кофр. На каждой книжке она написала свое имя — Жюли д'Эспар, чтобы никто не ошибся насчет того, кто в санатории знает французский. Ее спрашивали не без

язвительности, не читает ли она одновременно несколько книг — вон ведь сколько их везде валяется. Нет, одновременно она их не читает. И добавляла на своем грубоватом норвежском:

— Но я подумала, может, кто-нибудь захочет почитать французскую книгу, так пусть она всегда будет под рукой.

— Да я и двадцатой доли наших норвежских книг не прочел, — звучало обычно ей в ответ.

— Нечего их читать! — восклицала фрекен д'Эспар.

Может, это было и глупо, но многие были равнодушны к фрекен д'Эспар, она была такая иностранная и превосходила всех, умела не считаться с обстоятельствами. Престарелые дочери пастора полагали, что достаточно верить в Бога и быть прилично одетыми на людях, но нет! Они не разгуливали по ночам и не скрипели дверьми, а вот фрекен д'Эспар это делала. Наутро они пожаловались инспектору, тот переговорил с сестрой-хозяйкой, а она пошла к доктору. Поразмыслив, доктор согласился, что такое поведение надо пресечь. Но он, как всегда, отнесся к этому легкомысленно, пошутил со старухами, похвалил их за то, что, несмотря на все это, они так замечательно поправились в «Торахусе», а фрекен д'Эспар погрозил пальцем. В ответ она рассмеялась. О, с ней ему никак не справиться, она знала, как надо обращаться с мужчинами. Потом он отправился к господину Флемингу — ночью легочному больному надо лежать в постели.

— Вам лучше гулять днем, — сказал доктор господину Флемингу.

— Хорошо.

— Днем, когда светит солнце.

— Хорошо, но к чему все это? Зачем мне так долго мучиться? — спросил господин Флеминг, бледный от утреннего холода и печали. — Поглядите на мои ногти, они совсем синие.

— Ногти? Пустяки! Вы пошли бы половить форелей в здешних ручьях.

— На солнце нельзя ловить форелей.

— Можно, на муху. Все ловят на муху. Вот, например, Даниэль из пастушьей хижины. Мы найдем хорошие места. Я пойду с вами.

— Видите ли, господин доктор, сегодня ночью я снова смотрел на свою грудную клетку: левая сторона совсем запала.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся доктор. — Нет человека, у которого обе стороны грудной клетки были бы одинаковы,

нет такого! Поверьте, на этот счет вам беспокоиться нечего. Вы ведь не харкаете кровью?

— Я потею по ночам, — продолжал господин Флеминг, весь погруженный в себя.

— Но ведь вы не харкаете кровью?

— Я кашляю. Я кашлял вечером, когда гулял.

— Вот видите! — воскликнул доктор. — Это фрекен д'Эспар виновата в вашем легкомыслии.

— Нет-нет, я сам этого хотел, я искал ее общества.

— Хорошо, ищите ее общества, сколько вашей душе угодно, но только, пожалуйста, днем.

— Раз вы упомянули фрекен д'Эспар, — сказал господин Флеминг, — то я хочу вам сказать, что я ей очень благодарен за то, что она проводит со мной время. Она такая живая и мужественная, она мне большая поддержка. Мы говорим о многом, я ей рассказывал о своем доме.

— Послушайте меня, — сказал доктор, чтобы завершить разговор. — Будете ложиться спать в десять часов — и скоро выздоровеете.

Господин Флеминг повторил со смешком, в котором звучало сомнение:

— Выздоровлю?

— Да, вы скоро выздоровеете, — твердо сказал доктор и кивнул. — А сейчас я вам дам капли от кашля.

В глазах господина Флеминга вспыхнула надежда, и его губы дрогнули, когда он спросил:

— Ведь вы сами не верите, что я выздоровлю, скажите честно.

Доктор уставился на него с недоумением:

— Я не верю, что вы выздоровеете? Вы сошли с ума!

— Это было бы так чудесно... так чудесно...

— Пойдемте, я вам дам капли от кашля.

По дороге господин Флеминг стал склоняться к мнению доктора: возможно, он еще и выздоровеет.

— Вы правы, харкать кровью я перестал, — сказал он. — Отчего бы это? Месяц назад я харкал кровью, впрочем, немного. Бывало, набирался полный рот крови, но ведь в жилах у нас течет несколько литров крови, полный рот по сравнению с этим — пустяк! А с тех пор как я сюда приехал, кровь горлом больше не шла. Вы думаете, это уже не повторится?

Доктор остановился и попросил господина Флеминга посмотреть ему прямо в глаза. Может, это был всего лишь врачебный прием, а может, он просто хотел произвести на него

сильное впечатление, но так или иначе, он вдруг весело рассмеялся и сказал:

— Чего вам бояться с вашей-то конституцией и вашим ростом! Сразу видно, что вы из старинного стойкого рода! Я не видел человека, более щедро одаренного природой. Нам остается только подлатать кончик вашего левого легкого, и вы снова будете здоровы.

Господин Флеминг заулыбался от восхищения и благодарности.

— Спасибо, спасибо, — сказал он.

— Но помните, гулять по ночам, когда воздух сырой, нельзя!

И они пошли за каплями.

Да, верно, изначально природа хорошо позаботилась о господине Флеминге, но казалось, теперь она берет назад данное ему слово, не выполнив своих обещаний. Горестно было смотреть, как на глазах увядает такой молодой человек. Утешение доктора пришлось очень кстати, господину Флемингу очень его не хватало, и весь день у него было куда лучшее настроение, чем в прошлые дни. Вот было бы здорово, если бы ему удалось провести судьбу, просто здорово! Он сел и написал бодрое письмо домой. Что за удивительное место этот санаторий «Торахус» в Норвегии! Больные здесь выздоравливают один за другим. А главное, здесь очень толковый доктор, он не только дает нужные капли от кашля, но и вселяет в пациентов бодрость, он столько всего знает! — писал он своим.

Но вечером, ложась в постель, господин Флеминг не мог не обратить внимания на то, что его грудная клетка еще больше опустилась. Как это объяснить! Неужели у него с легкими все же что-то серьезное? Он поглядел на себя в зеркало и попытался вдавить правую половину грудной клетки, чтобы обе оказались на одном уровне, но ничего не получилось, левая сторона так и оставалась вдавленной. На самом-то деле сущие пустяки, и говорить тут не о чем, небольшая впадина у верхушки левого легкого, но этого было достаточно, чтобы к господину Флемингу вернулись прежние сомнения. Он снова лег в постель, но тревожные мысли не давали ему сомкнуть глаз. Ему взбрела в голову странная идея: будь фрекен д'Эспар врачом, она непременно бы его вылечила; ему следует на ней жениться, тогда она его вылечит! Мысли повели его дальше, и, как всегда по вечерам, они становились все более яркими, опасными, невыносимыми, он тяжело дышал и ворочался в постели несколько часов, прежде чем заснуть. Посреди ночи он проснулся весь мокрый от пота.

Наступило утро. Разве он один из тех, кто, едва открыв глаза, начинает смеяться и петь? Нет-нет, какие у него на это основания? За завтраком он, подавленный, сел на свое место. У него не было аппетита. Он кинул взгляд на стул фрекен д'Эспар, ее еще не было. Что ему, собственно говоря, от нее надо? Да ничего конкретного, просто чтобы она выслушивала его, не проходила безразлично мимо, не оставляла его наедине со своими мыслями. Она красивая и здоровая, этакий прекрасный плод. Когда она появилась в столовой, он уже устал и поздоровался с ней нехотя.

— Хорошо спали? — спросила она.

В ответ он лишь покачал головой.

— Пойдемте немножко погуляем, — сказала она.

III

В санатории «Торахус» жизнь шла своим чередом. Быть может, не все было так, как хотелось, еще не хватало блеска, победной музыки, дохода с вложенного капитала, но на это, собственно говоря, и нельзя рассчитывать сразу же, все это придет лишь со временем. Администрация санатория была полна самых лучших намерений, доктор был сердечен, добр и заботился о том, чтобы все себя хорошо чувствовали, сестра-хозяйка имела большой опыт и в домоводстве, и в уходе за больными, инспектор, бывший моряк, свой парень, охотно играл с пациентами в карты и даже не отказывался выпить с ними стаканчик, если их надо было ободрить.

И еще адвокат Робертсен, который, как и доктор, занимался решительно всем: что и говорить, он частенько подымался сюда, обходил весь санаторий и проглядывал бухгалтерские книги, потому что был главным во всем этом заведении. Умница, каких мало, человек выдающихся способностей, он всегда первым здоровался с обслуживающим персоналом, хотя был хозяином, да и с пациентами держался весьма скромно, уступал им дорогу, распахивал перед дамами двери.

В свое последнее посещение он появился в санатории в весьма изысканном обществе, а именно — с супругой английского министра, которую сопровождала горничная-норвежка. Адвокат Робертсен низко поклонился гостье, распорядился о комнатах, отдал необходимые указания официантам, словом, сделал для супруги министра все, что было в его силах. Она, со своей стороны, принимала каждое про-

явление внимания к ней как нечто само собой разумеющееся и благодарила соответственно. Она была дамой весьма зрелого возраста, с мужем рассталась, но жизненных сил своих не израсходовала, отсюда — густо напудренное лицо, тугой корсет и постоянная дежурная улыбка на устах. Адвокат гордился своей гостьей и просил сестру-хозяйку хорошенько о ней позаботиться и не забывать спрашивать у норвежки-горничной, которая служила и переводчицей, не угодно ли им еще чего-нибудь. Нет, леди не страдала никаким недугом, просто эта дама из высшего общества придумала себе такой отдых в горах Норвегии и имела, судя по ее багажу и драгоценностям, необходимые для этого деньги. Как бы то ни было, но адвокат Робертсен поговорил о ней и с доктором, попросив его быть к ней повнимательней, считая, что она как магнит притянет в санаторий много новых постояльцев, да, адвокат дошел даже до того, что попросил инспектора снять шляпу и стоять с непокрытой головой все то время, что супруга министра будет садиться в экипаж. И инспектор Свендсен, который был когда-то матросом и знал английский, сказал миледи: «Very well!»¹

Адвокат Робертсен завершил наконец все намеченные дела и мог бы уже уехать, но тут появился Сельмер Эйде и попросил уделить ему несколько минут для неотложного разговора. О, адвокат прекрасно знал, о чем пойдет речь, но все же ответил:

— Охотно, господин Эйде.

Они отошли в сторонку, и пианист изложил свои обстоятельства. Впрочем, это была старая песня про то, что ему нет никакого смысла дольше здесь оставаться, он хочет, он должен уехать, проходят дни, недели, а ему все никак не удастся попасть в Париж. Не может ли господин адвокат ему посоветовать, что делать.

— В Париж, да, конечно. Повторяю, я уже говорил вам, что понимаю вас. Неужели здесь нет человека, к кому можно обратиться с вашей просьбой? Что ж, за лето непременно кто-нибудь да появится, в такие заведения, как наше, часто приезжают состоятельные люди, понадеемся на будущее.

— Я подумал о господине Бертельсене, — сказал пианист.

— Вы с ним уже говорили?

— Нет. Это просто мне вдруг пришло в голову.

— Понятно, понятно. Потерпите до осени, выход найдется, я в этом уверен...

¹ Очень хорошо! (англ.)

И хотя при этом у адвоката был такой вид, будто он что-то знает, но только не хочет пока говорить, господин Эйде нетерпеливо перебил его:

— Нет, до осени еще несколько месяцев, я должен сейчас уехать, время не ждет.

— Сейчас? Нет, не делайте этого. Знаете, кто сюда только что прибыл? Английская леди, жена министра. Вот это публика, поверьте мне, перед которой стоит играть. Она вполне может вами заинтересоваться.

— Англичане равнодушны к музыке, — сказал господин Эйде.

— Разве? И все же это будет как-то странно и даже вызывающе. Она приехала, а вы уедете. Быть может, она изъявит желание послушать музыку, а вас не будет.

— Здесь есть несколько дам, которые умеют брэнчать.

— Да, но насколько я ее знаю, ей наверняка захочется послушать хорошую музыку. Вот что, — адвокат вдруг заговорил другим тоном, — давайте договоримся следующим образом: вы остаетесь здесь до осени, а потом кто-нибудь из пациентов санатория назначит вам стипендию.

— Кто? — спросил пианист, вдруг оживившись.

— Собственно говоря, я не должен вас в это посвящать, — ответил адвокат, — но обратитесь к господину Бертельсену. Вы же знаете, кто он, фирма «Бертельсен и сын», он очень богатый человек и интересуется искусством. Передайте ему привет и скажите, что говорили об этом со мной.

Чем объяснить, что адвокат Робертсен разговаривал с этим пианистом так, словно без него нельзя обойтись? У молодого человека были теперь все основания считать, что он являет собой что-то необычное, единственное в своем роде, что на земле ему нет равных. Он был весьма назойлив, разговаривал почему-то необъяснимо фамильярным тоном, словно ему уже много раз что-то обещали и всякий раз обманывали. И адвокат все терпел. Если за этим что-то крылось, то на сей раз не удалось выяснить, что именно, поскольку адвокат тут же уехал.

Но скорее всего, за этим ровным счетом ничего не крылось. Это была просто манера адвоката разговаривать, чтобы обойти острые углы и ни с кем в санатории не ссориться, даже с пианистом. Он укротил этого нагловатого юнца, не дав ему никаких векселей. Адвокат был прирожденным хозяином, обходительным, доброжелательным компаньоном.

Он уже сидел в экипаже, когда его снова позвали наверх, — оказалось, есть еще два вопроса, которые без него нельзя

решить: это прежде всего почта пациентов, ее должны приносить в «Торахус» не случайные люди, а постоянный почтальон в форменной фуражке. А второе — это кегельбан, который совсем развалился и отсырел от влажной почвы, и его необходимо снова привести в порядок. Больные уже жаловались.

Но в конце концов адвокату все же удалось уехать.

В санатории находилось не больше двенадцати — пятнадцати человек, так что нужды в большой столовой с длинным столом на восемьдесят человек не было. Надо думать, он пригодится в дальнейшем, а пока еду подавали в дамской гостиной, где дамы никогда не бывали — они все предпочитали курительную комнату для мужчин. Там они охотно проводили время — пили кофе, рассеянно листали газеты и кашляли от дыма. Миледи, так прозвали здесь англичанку, держалась особняком, а так как ела она тоже в другое время, чем остальные, ее почти никто не видел. Она обедала в восемь часов вечера, чай пила в любое время дня, и меню ее состояло главным образом из ветчины, яиц и поджаренного хлеба.

Эти двенадцать — пятнадцать человек часто встречались, болтали обо всем, что их занимало, и поверяли друг другу подробности о своих болезнях. Конечно, все они решили подышать чистым горным воздухом не просто так, а по необходимости, все остальные способы лечения они до этого уже успели перепробовать. Один из них страдал несварением желудка и после еды принимал таблетки и соль «здоровье», у другого была подагра, у третьего — язвы на лице, у четвертого кровь шла горлом. Выходя подышать свежим воздухом, каждый закутывался на свой лад: кто старался сохранить в тепле грудь, кто — спину, кто — ноги, они обматывали шерстяными платками и меховыми горжетками самые неожиданные места, кое у кого были черные утепленные наушники, а глаза защищали очки с синими или дымчатыми стеклами. Все берегли себя как могли, никто не хотел умирать.

Но нет, не все: был среди них один пациент, который хотел умереть. Его нельзя было ни на секунду выпускать из поля зрения, у него была склонность к самоубийству. Этот молодой человек был то оживлен и общителен, то снова погружался в свои мысли и становился молчалив. Доктору часто приходилось вести с ним серьезные беседы. По правде говоря, его следовало бы поместить в специальное заведе-

ние, но у него были деньги, он мог за себя платить. Впрочем, доктор считал, что он не в состоянии наложить на себя руки.

Этого молодого человека никак нельзя было назвать красивым, он был какой-то недоделанный: широкие плечи совсем не вязались с тонкими слабыми ногами, казалось, его произвели на свет горничная и какой-нибудь мальчишка, то ли школьник, то ли ученик ремесленника. Деньги он получил по наследству. Пациенты звали его не иначе, как самоубийцей. На вопросы доктора он не считал нужным отвечать. Сперва доктор рассчитывал, что ему удастся устроить с ним, как со всеми остальными больными, легкие, шутливые отношения, но вскоре ему пришлось отказаться от своего намерения.

— Мне это удастся, — сказал самоубийца, кивнув головой.

— Что удастся? — спросил доктор.

— Я думаю только об одном. Обязательно удастся, если не сегодня, то завтра.

— Вы имеете в виду самоубийство?

— Да, конечно. Мы же об этом говорим. Обязательно в конце концов удастся.

Доктор улыбнулся и спросил:

— Вы полагаете, что сумеете мало-помалу привыкнуть к этой идее?

Самоубийца спокойно возразил, что в этом деле доктор ничего не понимает.

— Я ишу соответствующие условия, чтобы свершить то, что задумал, — сказал он. — Не буду же я просто так, средь бела дня, лишать себя жизни.

— Вы совершенно правы!

Самоубийца окинул доктора гневным взглядом:

— Прекратите, господин доктор! Вы, со своим бабьим умом, смеете рассуждать о столь сокровенных вещах! Не велика мудрость повязать себе веревку на шею. А приходила ли вам в голову мысль, что самоубийство может покрыть позором смерть?

Этот вопрос ошеломил доктора, и он промолчал.

— Видите ли, вы не понимаете, что мысль об этом может кого-то удержать от такого поступка. Повеситься дело несложное, это каждый может. Вот вы, например.

— Нет уж, благодарю покорно.

— Вы могли бы вскрыть себе вены. Даже целиться не пришлось бы, чего не избежать, решишь вы стреляться.

— Но послушайте, — сказал доктор, стараясь перейти на шутливый тон, — не могли бы вы отказаться от этого

нелепого плана, господин Магнус? Умереть, даже намеренно, не так просто, как вы думаете, мы, врачи, не раз с этим сталкивались.

— «Мы, врачи», — тут же парировал самоубийца, — ни разу не сталкивались с тем, что я имею в виду.

— А знаете ли вы, собственно говоря, что значит умереть?

— Нет, — ответил самоубийца, — на собственном опыте не знаю.

И он жестом указал доктору на дверь.

Казалось, его самого забавляли его ответы. Но вполне возможно, что его утверждение, будто самоубийство покрывает смерть позором, было лишь блефом, предлогом, за который он хватался, чтобы не повеситься. Вообще, все, что говорил самоубийца, звучало неискренне, нарочито. Но все же он производил впечатление человека страдающего, черты его юного лица стали жесткими от терзавших его мыслей.

Пациентам делать было нечего, вот они и бродили по окрестностям, от скуки читали объявления и надписи на дорожных указателях, коротали время за стаканом сельтерской воды или отдыхали на одной из веранд, греясь на солнышке и думая о своих болезнях. Каждый стремился вызвать к себе симпатию, и обычно больные быстро сходились и вступали в дружеские отношения, будто были старыми знакомыми.

— Ах, если бы Господь Бог избавил меня от подагры! — говорил один.

— Да, подагра — это мука, — поддакивал ему другой, — это одна из самых ужасных болезней!

И, представьте, это помогало, это приносило облегчение. И тут наступал черед утешителя получить свою долю сочувствия.

Все они не отличались своеобразием, больные всегда похожи. Быть может, только самоубийца выделялся среди них. Впрочем, больной с язвами на лице был тоже весьма необычным персонажем. Язвы появились лишь недавно. Сперва кожа покрывалась как бы сыпью и бляшками, потом они начинали мокнуть и превращались в язвы. Когда одни язвы подживали, тут же возникали новые. В конце концов они появились и на глазах, на самом глазном яблоке, казалось, все его тело поражено ядом. Несчастный был ровесником самоубийцы, совсем молодой, тридцать ему еще не исполнилось, и они много времени проводили вместе.

Молодой человек с язвами тоже не был дураком и не прочь был посмеяться и над остальными больными, и над

самим собой, и над своими язвами. Он был сыном аукциониста, как он говорил, и был стеснен в средствах, но за санаторий платил исправно, в этом смысле все было в порядке; довольно часто он получал от отца письма с вложенной в них десятикрановой купюрой — на игру в карты. Жил он здесь, как, впрочем, и все остальные, в надежде, что горный воздух и советы врача помогут ему вылечиться, одет был безо всякой эlegantности, носил всегда коричневую куртку, а под ней — спортивную рубашку, зашнурованную на груди желтым шнурком от ботинок с железными кончиками. Звали его Антон Мосс. Он постоянно ругал самоубийцу за то, что тот слишком много пьет, хотя бедняга ничего спиртного и в рот не брал и лишь изредка разрешал себе выпить стакан сельтерской воды.

— Как вы можете надеяться, что избавитесь от своей навязчивой идеи, раз так много пьете? — возмущался Мосс.

Самоубийца был крайне раздражителен, и он в сердцах отвечал, что, во-первых, у него нет никакой навязчивой идеи, во-вторых, он и не собирается от нее избавляться, а в-третьих, он не пьет.

— Позаботьтесь-ка лучше о себе и своих лишаях, о своем внешнем виде, уж больно вы неопрятны.

— Моя болезнь испортила лишь кожу, а ваша засела у вас внутри.

— Со мной все в порядке.

— Интересно, чего вы тогда тут торчите?

— Да заткнитесь же наконец!

— Видно, у вас что-то не в порядке с головой, с мозгами.

— Как вам только не стыдно! Это у вас с головой что-то не в порядке! Взгляните на себя в зеркало!

Мосс вдруг как-то сник, наклонил свое бугристое лицо к столу и на мгновение умолк. На одно мгновение, а потом снова стал таким, как прежде.

— Собственно говоря, у меня только одна ранка не желает заживать, вот здесь, — сказал он и протянул свой забинтованный палец.

Самоубийца с отвращением посмотрел на палец и отхлебнул из стакана сельтерской.

— Эта ранка, можно сказать, моя любимица...

— Ха-ха, — рассмеялся самоубийца.

— Без этого бинта на пальце мне явно будет чего-то не хватать. Хотите, сниму и покажу?

Самоубийца искоса бросил взгляд на отвратительную повязку и поспешно кинулся пить сельтерскую.

А Мосс тем временем продолжал:

— Прошу вас обратить внимание на то обстоятельство, что это не просто тряпочка, мне ее дала моя мать. Ее не испугали траты — повязка из чистого шелка. Да, изначально это был лоскут красного шелка. Ну, правда, теперь цвет его несколько поблек, но это ведь в порядке вещей. Все мы поблекнем со временем, и я, и вы. Впрочем, вы сегодня прекрасно выглядите, видимо, вы хорошо спали.

Этот маленький комплимент оказал благотворное действие, самоубийца кивнул и подтвердил, что хорошо выспался. И они снова спокойно заговорили об этих нескончаемых язвах на лице Мосса. Что за дьявольщина, до чего же отвратительные. Теперь у Мосса кровоточили уши.

— Да, уши, — подтвердил Мосс и объяснил, что, должно быть, ночью сорвал струпья.

Разве ему не дают мазь?

Как же, дают, хотя в данном случае доктор прибег к так называемому выжидательному методу — наблюдая за больным, не спешить с диагнозом. Конечно, мазь ему все-таки дают, но это всего-навсего вазелин.

— Странно!

Да, но вместе с тем это лишь доказывает, что болезнь эта не опасна. А заполучил он ее будто бы оттого, что чихнул против ветра.

— Ха-ха, — рассмеялся самоубийца. — Хотите сельтерской с вином?

— Да, спасибо.

Так эти двое постоянно ссорились, но потом всякий раз мирились. Они никогда не сердились друг на друга всерьез и не могли надолго расстаться. Случалось, Антон Мосс, спускаясь утром к завтраку, выглядел особенно страшно, потому что часто во сне срывал все струпья, однако это отнюдь не лишало его чувства собственного достоинства, и, повстречав самоубийцу, он вполне мог его спросить:

— Ну что, нынче ночью снова спасовали?

— Замолчите!

— Да уж, повеситься не так-то просто. Прежде всего надо найти крепкий крючок.

Они вместе выходили на веранду. Там уже расположились несколько пациентов, в том числе та дама, которая вечно крутила в руках какой-нибудь предмет: носовой платок или перчатки, все, что попадало ей под руку, она тут же превращала в жгут. Так проявлялась ее нервозность. Она методично бралась за дело, скорее всего не думая о том, сколь нелепы и бессмысленны ее движения, но проявляла при этом большое усердие, словно это важная и полезная работа. Если

ничего подходящего под рукой не оказывалось, она вертела свои пальцы, да так, что они все время щелкали.

— Подойдите к этой даме, — попросил Антон Мосс самоубийцу, — и скажите ей, чтобы она перестала вертеть перчатки.

— Я?.. Нет, я не могу этого сделать.

— Она бы хоть на время прекратила крутить перчатки. Мне ее просто жалко.

— Идите сами! — сказал самоубийца.

На веранду вышла фру Рубен, выбрала самое широкое соломенное кресло и села в него, опустила на сиденье всей своей тяжестью. В Алжире она была бы первой красавицей, покоряя всех блеском своих темных глаз и чудовищной толщиной. Ее ожиревшие темные пальцы в бриллиантовых кольцах, казалось, не имели костей.

— Хотите прогуляться? — спросила она даму, которая вертела перчатки.

— Да, если найду себе компанию. Вы не пойдете со мной, фру Рубен?

— К сожалению, я так плохо хожу.

— Вы стали куда стройнее, фру Рубен.

— Вы находите? Да, мне тоже показалось, что я похудела, но, когда я вчера взвесилась, вес был все тот же. Но, может быть, я была в тот раз теплее одета и на мне были тяжелые ботинки. Так вы, фрекен, в самом деле считаете, что я стала стройнее?

— Не сомневайтесь. Это каждому видно. Поверьте, вам надо пройти со мной, фру Рубен.

— Нет-нет, на что это будет похоже! Такой юной барышне не пристало таскать меня с собой. Господин инспектор, — крикнула она, — подойдите-ка к нам!

Инспектор тут же подошел и, снимая шляпу, спросил:

— Как вы спали этой ночью, фру Рубен?

— Как всегда, глаз не сомкнула.

— Разве вам не лучше?

— Лучше? С чего бы это? И должна вам сказать, я не потерплю больше этого безумного страха по ночам. Ни в коем случае!

— Да, конечно.

— Да. Сегодня ночью горничные опять подняли такой шум, прямо у меня над головой, что можно было подумать, там живут какие-то дикари...

— Нет, послушайте, фру Рубен...

— Как это нет? Вы говорите «нет», значит, отрицаете это. Однако учтите, от такого шума я могу в любую минуту

умереть. Да, повторяю, я всю ночь глаз не сомкнула из-за шума.

Вопреки утверждениям фру Рубен, горничные никогда не ночевали на чердаке, там вообще никто не жил, но инспектор уже набрался некоторого опыта, поэтому, как только ему удалось вставить слово, он твердо заявил, что горничных переселили.

— В самом деле? — переспросила фру Рубен.

— Да, вчера, теперь они живут в подсобном помещении, вон там, напротив.

— Ну и что?

Инспектор молчал.

К обществу присоединилась фрекен д'Эспар, отвратительная фрекен д'Эспар, на редкость неприятная особа, которая почему-то нравилась мужчинам, так вот, она присоединилась к обществу, стояла и слушала разговор фру Рубен с инспектором.

— Как же... так? — растерянно проговорила она.

— Что вас так удивляет? — спросила, смерив ее взглядом, фру Рубен.

— Я хотела лишь сказать, что господин инспектор вас, видно, не понял. Почему же вы не спали сегодня, раз горничных переселили еще вчера?

Фру Рубен задумалась.

— Должно быть, этот невыносимый шум был прошлой ночью, — заключила она наконец.

Но что и говорить, это было поражение. Другая на ее месте разразилась бы слезами, но она этого себе не позволила, зато стала пунцово-красной. Тут ей на помощь пришла дама, которая все вертела и вертела в руках свои перчатки.

— Простите, — сказала она, вставая, — в вашем кресле торчит гвоздик, о который я сегодня порвала блузку. Вот он.

— Спасибо, — сказала фру Рубен. За это короткое время она успела справиться со своим смущением и крикнула вслед уходящему инспектору:

— Вы действительно переселили горничных?

— Да, они переехали, — ответил он.

— Давно пора!

Одним словом, каждый был занят самим собой, своими навязчивыми идеями, выдуманнными тревогами и подлинными болезнями. Ах, что и говорить, все болезни были, увы, настоящими и мучительными и все неисцелимыми. Сердце надрывалось смотреть на страдания этих людей, собравшихся под одной крышей.

Дама снова села на свое место и стала вертеть перчатки. Антону Моссу было ее явно жалко, и он сказал:

— Пока она разговаривала с фру Рубен, она ничего не вертела, а теперь снова вертит. Я так ужасно выгляжу, что не могу подойти к ней, а вот вы можете!

— Это бессмысленно, — коротко ответил самоубийца.

Он сидел всецело погруженный в свои мысли, им снова овладела тоска, и ему казалось смехотворным что-либо предпринимать, даже рукой пошевелить он не мог, а тем более — встать с места, сказать хоть слово.

— Замолчите, — буркнул он Моссу.

— Взгляните-ка вон на того человека, который сюда идет.

Но самоубийца не поднял глаз.

Это был господин Флеминг, финн, страдающий болезнью легких. Он поднялся на веранду.

Его элегантный костюм лишь подчеркивал впалость груди. Господин Флеминг поздоровался с фрекен д'Эспар и со всеми остальными. Видно, он провел плохую ночь, у него были огромные синяки под глазами, но он вел себя как ни в чем не бывало, приветливо улыбался, вежливо обратился к пианисту и, протянув ему свой дорогой портсигар, угостил сигаретой.

Фрекен д'Эспар подходит к нему и протягивает руку. Господин Флеминг пожимает протянутую руку, но не прерывает своего разговора.

— Доброе утро, — приветствует она его.

— Доброе утро, — отвечает он.

У господина Флеминга, как известно, большие легкие, он очень раздражителен, он уже хорошо знает фрекен д'Эспар, и ему больше не надо ничего изображать, он рассчитывает на ее снисхождение, он даже просил ее об этом. О, он меньше всего хочет ее потерять, она ему нужна, она единственная, к кому он что-то испытывает, но она всегда рядом, искать ее общества ему не приходится, и в результате этого он иногда — вот как сейчас, после бессонной ночи, — не скрывает от нее своего дурного настроения. Он наверняка позволил бы себе проявить свое недовольство, когда, выйдя из своей комнаты, не застал бы ее на веранде. А она старается делать все, как он желает, потому что у него большие легкие и он раздражителен. Она прекрасный человек, эта фрекен д'Эспар, и готова выносить его в любом состоянии.

Они вместе спускаются с лестницы и выходят из санатория.

Куда они направляются? Опять к Даниэлю, как почти каждый день? Что они там делают?

Это желание господина Флеминга. Его тянет к Даниэлю и его хижине, такой маленькой, такой неказистой. Чтобы войти в нее, надо наклонить голову, не то ударишься о притолоку двери, а вся обстановка состоит из кровати, двух стульев и стола; там есть еще плита, на которой готовят, — прямо каменный век.

— Не угодно ли господам лучше посидеть в новой пристройке?

— Нет, спасибо.

Легочный больной, у которого огромное имение, предпочитает старую хижину. Здесь он садится на деревянный стул и ему наливают молоко в стакан из толстого стекла или простоквашу в деревянную миску, и он вспоминает забытый с детства вкус, в этом есть что-то вечное, и даже его даме, живущей в городе, печатающей на машинке и говорящей по-французски, это приходится по вкусу.

По одну сторону стола сидят Даниэль и его старая служанка, по другую — оба гостя из санатория и разговаривают. Они говорят о самых простых вещах, их беседа, благословенно беспечная, не касается тайн жизни, она не содержит никаких глубоких мыслей, но сидеть здесь и обмениваться лишь самыми необходимыми словами по поводу ветра, погоды, дороги легко и желанно. Какая огромная разница с тем состоянием, в каком господин Флеминг провел нынешнюю ночь, когда тревожные мысли не давали ему сомкнуть глаз. Куда ведет дорога? Никуда. А где проходит обратная дорога? Нигде.

Он платит, щедро платит за молоко и просит оставлять ему и простоквашу. Конечно, с радостью. Его полюбили в этом доме за обходительность и ту щедрость, с которой он совал им деньги. Можно ли ему приходиться каждый день? Здесь он себя хорошо чувствует.

— Я не хочу вас гнать, — говорит он, помолчав, — но позвольте мне побыть здесь немного одному. Я посижу за столом, обдумаю кое-что, может, напишу письмо домой. Фрекен д'Эспар, пожалуйста, объясните им мою просьбу!

Он остается один в хижине и, словно заранее все наметил, тут же начинает раздеваться. При этом он плачет от наплыва сентиментальных чувств, от сознания своей беспомощности, он болен и измучен после бессонной ночи. Неужели это он? Не иначе, безошибочный инстинкт увел его от людского общества, из больших зданий сюда, где можно скрыться от чужих глаз, назад, в пещеру.

Он смеется, смеется и плачет, о Боже, до чего же он слаб и незащищен! Но сам воздух хижины сулит выздоровление,

благостные бактерии сидят, быть может, в ее старых стенах, одному Богу известно, что это: снотворное ли, дрожжевой грибок или красные кровяные тельца, но это здоровье и жизнь.

Его ничуть не смущает, что на окнах нет занавесок, он ложится в своем голубом шелковом нижнем белье под меховое одеяло.

А фрекен д'Эспар тем временем объясняет Даниэлю и его служанке, что он за человек: богатый граф, хозяин большого замка, знает французский и даже русский, он стал немного нервным из-за болезни, но это скоро пройдет.

— Видели кольцо у него на пальце? Даниэль, будь у тебя такое, ты мог бы всю жизнь больше не работать!

— А что бы я тогда делал? — с недоумением спрашивает Даниэль. Нет, этого ему решительно не понять.

Барышня выходит во двор с Даниэлем и смотрит, как он ставит забор.

— Забор всегда то слишком низкий, то недостаточно прочный, — говорит он. — Это вечное огорчение, козы перелезают через него, коровы перепрыгивают, а овцы пролезают между планками!

Все эти подробности он объясняет шутливым тоном, но не без чувства некоторого превосходства, ему хочется показать, что он тоже кое-что знает, о, конечно, не такие тонкие вещи, как она, нет-нет, но то, что он должен знать, он знает основательно. Он дает ей понять, что в их селении, там, внизу, нет человека, который лучше его знает, как хозяйничать на хуторе, короче, он уверен, что учиться ему не у кого. Он охотно говорит о своем владении, о пастушьей хижине Торахус. Эта гора и этот лес, все, что здесь есть вокруг, уточняет он, принадлежит ему.

— Все? — переспрашивает она, пораженная, и, желая попасть ему в тон, восклицает: — Боже праведный!

Он, естественно, польщен и продолжает болтать. Этому одинокому парню не часто выпадает случай отвести душу с кем-нибудь здесь, на его горе, и он пользуется этой возможностью — не вечно же держать язык за зубами! — и охотно отвечает на ее дружелюбные вопросы.

Он говорит так забавно, барышня слушает его с удовольствием. И при этом он такой мужественный, поранил себе руку — и лишь посмеивается. Фрекен д'Эспар не находит в этом ничего смешного, а он смеется пуще прежнего. Раз уж ее интересуют такие пустяки, он рассказывает, как однажды, когда он огораживал хутор, его рука оказалась зажатой между двумя камнями, вся посинела и была вся в

крови. Этот случай мог обернуться настоящей бедой, но он избежал несчастья, орудуя другой рукой и коленкой. О, такие вещи часто происходят, когда работаешь на свежем воздухе.

Даниэль вовсе не собирался хвастаться, да он и не хвастался вовсе, просто был благодарен, что нашел слушательницу. И к тому же он, вероятно, ошибочно полагал, что она слушает его просто из интереса, на самом деле она это делала только ради того, чтобы никто не побеспокоил больного в хижине. Она уже несколько раз бегала к окну, но ей не удавалось его увидеть. В третий раз она прижалась лицом к стеклу и увидела, что он лежит на кровати и спит. Она вернулась к Даниэлю и снова стала с ним болтать. На Даниэле были только рубаша и брюки, которые держались на изношенных кожаных подтяжках, перекинутых через плечи, и деревянные сабо, надетые на голые ноги, вот и все. В работе он отличался упорством и камней, какими бы тяжелыми они ни были, на поле не оставлял. Вдруг у него лопнули подтяжки. Но его это ничуть не смутило, он отстегнул их и подпоясался веревкой. Фрекен д'Эспар наблюдала за ним, ей понравилась его находчивость. Интересно, как бы он выглядел, если бы такого парня да хорошенько отмыть! Рот у него чересчур велик, но зубы красивые и волосы густые, хотя немые, жирные. Одному Богу известно, как он выглядел бы во фраке с белой бабочкой, скорее всего, как обезьяна.

Тут появляется старая служанка в полной растерянности.

— Он улегся в твою постель! — говорит она.

Даниэль, не разгибаясь, вскидывает на нее глаза.

— Разделся и лег! — повторяет она.

Фрекен д'Эспар разыгрывает удивление:

— О, наверное, он ужасно устал.

Даниэль рассмеялся, но служанка ворчит:

— Тут нет ничего смешного!

— Не страшно, пусть поспит, видно, он смертельно устал, — повторяет фрекен д'Эспар.

Служанка уходит.

— Мог бы лечь в пристройке и попросить простыню, — говорит Даниэль. — У меня на хуторе есть простыни, — добавляет он.

Он не сбит с толку и нисколько не рассержен тем, что произошло, ему просто хочется показать, что у него есть простыня, и не одна. О, он не беден, он всем доволен. В детстве он видел, как разорвалась усадьба его отца, а теперь он

знает, чем сам владеет, и это его вполне устраивает. В округе есть, конечно, куда более крупные хутора, есть просто огромные крестьянские усадьбы, но все они обременены долгами. А пастушья хижина, гора и лес, принадлежащие Даниэлю, свободны от долгов! Он охотно болтает, не прекращая работу, а барышня задает ему все новые вопросы.

Есть ли у него девчонка в приходе?

Ха-ха! Как знать...

Должно быть, когда он ставил пристройку, он имел кого-то в виду?

Этот вопрос внушает ему уважение к уму барышни, и он решается ей рассказать, как все у него получилось.

Нет, у него нет девчонки в приходе, но она права, когда он делал пристройку, у него были определенные намерения, тогда у него была девчонка, ее зовут Элена, дочка хозяина крестьянской усадьбы там, внизу, но из этого ничего не вышло. Что поделаешь! Даниэль краснеет, как рак, он работает с ожесточением, конечно, он злится. Даже в эту минуту он не в силах скрыть своей ненависти к сопернику. Он рассказывает о помощнике ленсмана, который собирается стать ленсманом и сделать Элену важной дамой. Но Элена стоит лучшего, чем этот тип. Иначе бы он, Даниэль, не испытывал к ней никакого интереса.

— Конечно, конечно.

Он принимает свою участь с достоинством, как положено мужчине, — думает фрекен д'Эспар, а когда она его за это хвалит, он принимает свою участь с еще большим достоинством и становится даже чуть высокомерным.

Да, вот так оно и получилось: Элена скоро станет женой ленсмана, а он будет не разгибаясь гнуть спину здесь, в Торакусе, сегодня, как вчера и как завтра, как всегда. Ну и что? Он не собирается стать всеобщим посмешищем и исходить тоской по девчонке. Нет уж! У них в приходе был такой случай: один парень получил отказ от девушки, которую выбрал, и не смог этого пережить. Все худел и худел и спустя несколько лет уже лежал в гробу. Лучше бы он плюнул на нее. Еще и сейчас жил бы.

— Он что, умер?

— В один прекрасный день его не стало!

Для Даниэля это послужило уроком, как он выразился, и он привел даже подходящую к случаю поговорку: кто долго вздыхает, тот жизнь теряет.

Все эти рассуждения понравились фрекен д'Эспар, наверное, она решила, что это лично его, Даниэля, взгляд на жизнь. Но тут она заблуждалась, впрочем, это дела не ме-

няло. Она не разговаривала с людьми в приходе и поэтому не знала, что такого рода присказки в ходу в этих местах.

А Даниэль спросил в свою очередь, не жених ли ее тот граф, что спит в хижине? На это барышня ответила уклончиво. Да нет, женихсм его назвать, собственно говоря, нельзя, потому что они встретились только в санатории, но с первого дня они все время проводят вместе, у них оказалось так много общего.

— Значит, все еще впереди! — говорит Даниэль и ободряюще кивает ей.

— Что будет дальше, я не знаю, — отвечает фрекен д'Эспар, — но пока ничего еще не случилось.

Чего ей ждять? Да скорей всего, ничего.

Даниэль уже несколько раз зевнул, а это был знак того, что он проголодался. Он то и дело поглядывает на солнце, давая понять, что настала пора обеда. По дороге к дому Даниэль спросил, как там у них жизнь в санатории? Небось роскошная?

— Да, хотя, конечно, не такая, как за границей, но все же...

— Я слышал, что туда приехала какая-то английская принцесса?

Фрекен д'Эспар не против того, чтобы оказаться под одной крышей с принцессой, поэтому она не стала этого опровергать.

— Говорят.

— Кто бы мог подумать, что на месте старой пастушьей хижины появится замок и королевский двор! — говорит Даниэль, покачав головой.

И начинает ей рассказывать, что ему первому предложили продать его хижину. Похоже, он не жалеет, что оказался таким твердолобым и не пожелал продать свой хутор, но ему хочется, чтобы люди знали, что сперва под санаторий выбрали именно его владение. Так и должно было быть. Здесь место куда лучше, там, с той стороны горы, много мух и дует северный ветер.

Появляется служанка и сообщает, что Даниэлю придется есть в пристройке и вся еда будет холодная — холодная каша, холодное молоко, холодная картошка и копченая селедка — она не смогла ничего сварить, потому что плита там, где спит гость.

— Он все еще спит?

— Спит? Да он даже не пошелохнулся.

Даниэль добродушно смеется и идет есть свой холодный обед.

Фрекен д'Эспар и в самом деле замечательный человек. Она терпеливо ждет, пока Даниэль ест, а потом снова идет с ним в поле. Кто, кроме любящей женщины, на такое способен? А когда уже далеко за полдень господин Флеминг наконец встает, первое, что он видит, это сияющее лицо фрекен д'Эспар. Посмеиваясь над самим собой, он качает головой в виде извинения, словно не находит для этого подходящих слов.

— Хорошо поспали? — спрашивает она.

— Да, — отвечает он, благодарит Даниэля за то, что тот приютил его, и сует ему купюру. О, он так признателен, с детства он не спал так хорошо. — Вы меня понимаете, фрекен д'Эспар? Даниэль, вы позволите мне к вам еще прийти? Нет, никаких простыней, ничего другого мне не надо, чтобы все было так, как сегодня. Спасибо.

По дороге домой он продолжает говорить о том, как он замечательно поспал. И подумать только, он голоден! Уже не первый год он садится за стол без всякого аппетита, а сейчас он готов есть хоть сухой хлеб. Это потому, что он выспался. Сколько же часов, черт возьми, он проспал? И он проснулся не в поту, как всегда, даже легкой испарины, можно сказать, не было.

Фрекен д'Эспар, конечно же, видит следы пота, засохшего у него на висках, но она ему поддакивает, во всем поддерживает его веселое возбуждение и лишь ускоряет шаг, чтобы он не озяб.

— О, я еще поправлюсь, я уже чувствую прилив сил. Да, верно, надо поторопиться, вы проголодались, мы оба проголодались.

Они опоздали к обеду в санатории, но фрекен д'Эспар не из тех, кто не может раздобыть еду в любое время, она даже сама помогает принести ее из кухни. Они садятся за стол, едят и пьют вино, сердце господина Флеминга исполнено радости, он растроган, его всегда бледные щеки розовеют, а в глазах искрится жизнь.

День клонится к закату. Господин Флеминг все еще таит в сердце радость, и они снова выпивают немного хорошего вина. Вечером он говорит, что и речи быть не может о том, чтобы им расстаться, хотя фрекен д'Эспар дает понять, что она устала, но нет, это невозможно, он чувствует себя таким бодрым, он выспался, а ночь предстоит такая долгая... Что можно сделать? Они сидят и обсуждают, как им быть, даже мысль о том, что сейчас придется раздеваться, вызывает у него ужас, чего стоит развязать шнурки! Она смеется над этим. Они сидят в курительной комнате, пока не отправ-

ляются спать последние постояльцы. Тогда наконец и они встают и поднимаются по лестнице. У фрекен д'Эспар слипаются глаза.

Он берет ее за руку.

— Спокойной ночи, спокойной ночи, — говорит она.

Нет, нет. Он хочет побыть с ней еще немного, он приглашает ее к себе в комнату.

Она отказывается.

Но впереди у него такая длинная, такая мучительная ночь, бессонница, это так ужасно. И он просит принести вино к нему в комнату, они могут еще посидеть и выпить немного.

— Спасибо, но не сейчас. Нет, спасибо.

Нельзя ли ему в таком случае проводить ее к ней в комнату? Они посидят там еще немного вместе. Ночь такая длинная.

— Нет. Спокойной ночи! — говорит она. — Вы заснете. Впрочем, я могу вас проводить и помочь снять ботинки.

— Хорошо, большое спасибо! Вы так любезны.

У него в комнате они оба из осторожности переходят на шепот, но она не позволяет ему запереть дверь.

— Я хотел это сделать только для того, чтобы горничная не зашла, — объясняет он.

— Я тут же уйду. Садитесь.

Она развязывает ему шнурки и на миг застывает от изумления — может, этого-то он и ждал: на нем шелковые носки, и, насколько она в этом разбирается, очень дорогие шелковые носки. Чтобы скрыть свое удивление, она говорит назидательным тоном:

— Для здешних мест вы носите слишком легкие носки.

— Вы находите?

— Да, здесь, в горах, надо ходить в шерстяных. Ну вот, с остальным вы сами справитесь!

Она встает, идет к двери и исчезает за ней.

IV

Всякий раз, когда адвокат Робертсен приезжает в санаторий, дел у него невпроворот, все в нем нуждаются, кто-то, чтобы услышать ободряющие слова, кто-то — чтобы посоветоваться, и приходится проявлять большое терпение и изо всех сил сохранять доброжелательность, иначе не выдержать этого напора, однако он всегда неизменно любезен, прибегать к авторитарным решениям обычно нет нужды, все недоразумения улаживаются сами собой.

Первым делом он справился о миледи и услышал в ответ: спасибо, все в порядке. Она поражала изысканностью манер и своей непохожестью на остальных отдыхающих, читала журналы, принимала ванну, совершала небольшие прогулки со своей переводчицей, девушкой-норвежкой, вставала не раньше полудня и обедала на свой манер, в восемь часов вечера. Судя по всему, она чувствовала себя здесь хорошо. Ах, что и говорить, у миледи тоже не все в порядке, хотя она и не больна, но ее переводчица могла бы рассказать, что она нередко плачет и бывает в ужасном настроении. Видно, и жизнь миледи дала трещину.

— Ее счет все растет, — сказала сестра-хозяйка.

— Вот как? Это великолепно! — ответил адвокат. — Чем он будет больше, тем лучше!

Этот вопрос он разрешил на ходу. Но были и другие, куда более сложные. Доктор завел с ним разговор о самоубийце. Этот проклятый самоубийца типичный циклотемик. То он задается вопросами: зачем ему вставать с постели, зачем одеваться, разговаривать, ходить — ведь он все равно умрет. То он снова пребывает в нормальном состоянии и даже гоняет шары на кегельбане. А вообще-то он придерживается порядка и аккуратно платит по счетам.

— Что ж, — говорит адвокат, — не представляю себе, как нам ему помочь.

— Да никак, — отвечает доктор. — Но нельзя упускать из виду, что он иногда пугает своими дурацкими выходками и грозитя покончить с собой. Кто знает... чем это может обернуться.

— Здесь ли он наложит на себя руки или еще где — по сути значения не имеет, я так считаю, но репутации санатория это может повредить.

— Вот именно! — соглашается доктор. — Если он на это и в самом деле решится, то нетрудно себе представить, какое это вызовет волнение среди наших постояльцев. И вы правы, санаторию это принесет дурную славу.

— А вы верите, что он может повеситься?

— Лично я сильно сомневаюсь, что он повесится, но ведь есть и другие способы. Он просто одержим идеей найти какой-то особый, более изысканный, что ли, способ уйти из жизни.

— Какой же?

— Все это глупости. Он почему-то считает, что самоубийство — это нечто более низменное, чем смерть, и ставит перед собой задачу возвысить добровольный расчет с жизнью.

— Так и говорит?

— Примерно. Он будто бы стремится поднять самоубийство до уровня обычной смерти.

Они оба, и доктор, и адвокат, смеются, да и как тут не смеяться?

— Да, — говорит адвокат, — надо уважать самоубийство, возвысить его! Что ж, неплохо!

Они сходятся на том, что этого курьезного субъекта еще можно подержать некоторое время в санатории, а там будет видно.

Затем настал черед приятеля самоубийцы Антона Мосса, у которого лицо изъедено язвами. Глядеть, как он здесь разгуливает, не очень-то приятно для всех остальных, его присутствие не украшает ни веранду, ни столовую. Но и особого вреда санаторию он тоже не приносит, никто не собирается из-за него уезжать. Инспектор Свендсен к нему расположен, потому что по вечерам он помогает ему по части счетоводства и никогда не отказывается сыграть в карты, если отдыхающим не хватает партнера.

Так они перебрали одного за другим всех обитателей санатория, а в конце адвокат снова вернулся к миледи, жене английского министра: с ней как, все в порядке?

Доктор сказал, что она получает мышьяк в пилюлях для поднятия тонуса и снотворное в порошке. Она тоже не совсем здорова в душевном плане. Доктор несколько раз навещал ее, и у него сложилось такое впечатление, — во всяком случае, ведет она себя странно: как-то раз пришла в неистовство оттого, что почтальон при встрече с ней не снял фуражки, а в другой раз стала скандалить из-за того, что из ее окон видно вывешенное для просушки белье. Правда, это все пустяковые инциденты и уладить их не стоило особого труда. В остальном же никаких трудностей с миледи нет, она держится в стороне ото всех, довольствуется обществом своей переводчицы и никому не мешает. Когда доктор Эйен не может с ней объясниться, переводчица приходит на помощь, и тогда все идет прекрасно, эта норвежка отлично переводит его ответы. Впрочем, по большей части говорит сама миледи. Как-то раз она сказала, что от белья и простыней, болтающихся на веревке перед ее глазами, она преждевременно поседеет. В другой раз соизволила наконец объяснить, почему не встает с постели до полудня: оказывается, утренний свет она воспринимает как окрик, даже не просто как окрик, а как отвратительный визг, как оскорбление, да-да, именно так она выразилась.

«О, это же просто ужасно! Представьте себе, доктор, утро после бала: восхитительный вечер, мягкая убаюкивающая

ночь — и после этого проснуться утром при резком свете дня, который бьет в глаза!»

Что же касается состояния ее здоровья, то она сама понимает, что оно пошатнулось, она, несомненно, переутомлена, но вовсе не считает, что близка к смерти. Говоря это, она улыбнулась и добавила: «Взять вот так и умереть — нет, это на меня не похоже».

— Скажите, а она не требовала музыки? — спросил адвокат.

— Напротив, она попросила избавить ее от музыки. Она не возражает, впрочем, чтобы другие гости слушали музыку, но когда пианист Сельмер Эйде поручил мне спросить, нет ли у нее особых музыкальных пристрастий, таких, скажем, как произведения английского композитора и дворянина Сюлливана, она велела ему передать, что вообще никакой музыки слушать не желает. Так что Сельмеру Эйде здесь, собственно говоря, больше делать нечего, — заключил доктор. — К тому же этот Эйде ходит последнее время с недовольной миной, хотя и платит только полцены.

— По-моему, — говорит адвокат, — Эйде нам очень нужен. То, что у нас каждый вечер играет пианист, — наше большое преимущество перед другими санаториями. Разве вы так не считаете?

— Да-да, — соглашается доктор, — потому мы его здесь и держим.

— Я уже составил рекламное объявление о том, что в нашем санатории есть постоянный музыкант. На днях оно будет напечатано в газетах.

Доктор улыбнулся, покачал головой и выразил свое восхищение. Адвокат еще больше заважничал.

— Со временем мы превратим «Торахус» в шикарный первоклассный санаторий. Такая цель делает нашу работу увлекательной. Когда видишь, что все идет успешно, невольно испытываешь удовлетворение, не правда ли? Я беру на себя практическую сторону, а вы — научную. Все у нас должно получиться.

— Разумеется, все и получится.

— Да, между прочим, я не нашел миледи в Готском альманахе.

— Ну и что из этого? — наивно спрашивает доктор.

— Конечно, вы правы, что из этого? Но все же ее там нет!

Впрочем, адвокат не бросает этой темы: как бы то ни было, она жена министра, а он и вовсе позволил себе называть ее принцессой. Надо во что бы то ни стало использо-

вать пребывание миледи в «Торахусе», она может послужить им рекламой: принцесса такая-то со своей свитой — неплохо, да? Газеты уже проявили к ее приезду большой интерес. Хорошо бы еще что-нибудь для нее придумать, что-нибудь из ряда вон выходящее. Скажем, крестьянскую свадьбу в национальных костюмах, настоящий деревенский пир с игрой на скрипке, как вы думаете?

Доктор выражает сомнение, что это может увлечь миледи. Он заверяет адвоката, что она не испытывает равным счетом никакого интереса ни к стране, ни к людям в санатории.

— Неужели она никогда ни с кем не разговаривает?

— Только с фру Рубен, как это ни странно. Она даже заходила к ней в комнату.

— Да? Что ж, удивляться тут нечему. Миледи идет туда, где понимают ее язык и ее самое. Фру Рубен — европейская женщина.

— Нет, должно быть, этому есть и другое объяснение. Почему, скажем, она никогда не разговаривает с господином Флемингом? Он тоже европейски образованный человек.

— Это одному Богу известно. Кстати, мы упустили господина Флеминга. Как он, поправляется?

— Честно говоря, нет, нельзя сказать, что он поправляется, — отвечает доктор. — Болезнь то вспыхивает, то гаснет, но настоящего улучшения все же не наступило. И для нас крайне нежелательно, чтобы у этого знатного больного наступило в санатории ухудшение; на мой взгляд, здешний воздух для него слишком резок... Как бы он, чего доброго, не отдал Богу душу...

— Вы хотите посоветовать ему уехать? Но на каком основании? Что здесь неподходящий для него климат? Смею вас уверить, ни один санаторий в мире никогда не расстанется с таким выгодным больным по этой причине. Неужели господин Флеминг так уж плох?

Доктор заверяет адвоката, что за последние дни господину Флемингу стало немного лучше, он как-то приободрился, повеселел, да и сон как будто налачился. Он тоже в своем роде чудак, этот господин Флеминг. Каждый день ходит на соседний хутор есть простоквашу и, по слухам, даже спит там. Короче, последнее время он себя чувствует явно получше. Сестра-хозяйка даже намекнула, что он уже ухаживает за барышнями, точнее, за одной — фрекен д'Эспар.

— Черт возьми! — восклицает адвокат. — Значит, все обстоит не так уж безнадежно.

И они решают продержать господина Флеминга в санатории как можно дольше. Потом адвокат лично поговорил с господином Флемингом и вынес из этой беседы наилучшее впечатление. Господин Флеминг даже пошутил, что абонировался на соседнем хуторе на простоквашу — он чувствует, что она приносит ему пользу и прибавляет силы. Ему у Даниэля очень нравится, не хватает только молоденькой хорошенькой служанки.

Господин Флеминг шутит и радуется жизни — разве это не хороший признак?

На адвоката этот разговор подействовал так благотворно, что он решил позаботиться о судьбе пианиста Сельмера Эйде. И ему это легко удалось, потому что он умело взялся за дело.

Во дворе адвокат встречает Бертельсена, на котором лица нет от злости и возмущения. Он даже не ответил на приветствие адвоката, грубо обратившись к нему:

— Прошу покорно не посылать ко мне просителей, этого еще не хватает!

Они были накоротке еще по Христиании, и поэтому адвокат решил его осадить:

— Вам что, забыли подать утром пиво?

— Это вас не касается, — парировал Бертельсен. — Но скажите на милость, зачем вы науськиваете на меня какого-то бедного музыканта, который требует стипендии на поездку за границу?

— А, Эйде! — воскликнул адвокат. — Я сперва не понял, о чем вы. Так он приходил к вам?

— Да. И сказал, что это вы послали его ко мне! Имейте в виду, я не желаю, чтобы мне навязывали просителей!

Адвокат тут же согласился с ним:

— Конечно, конечно, я вас прекрасно понимаю. Я готов признать, что этот молодой человек несколько навязчив, — пылкая натура художника, никакого терпения. Разумеется, я не посылал его к вам, он сам упомянул ваше имя.

— Представляете, этот нахал подходит и спрашивает, как обстоит дело со стипендией и когда он сможет ее наконец получить!

— Ха-ха-ха! — смеется адвокат. — Он спит и видит, как бы ему поехать учиться за границу. И, честно говоря, это страстное желание вызывает у меня уважение. Я уверен, что у вас тоже.

— Возможно, но он поедет туда не за мой счет, черт его побери! — Бертельсен визжит от раздражения. — По-мое-

му, вы оба просто сошли с ума. Он сказал, что идет прямо от вас.

В эту минуту адвокат замечает, что к ним приближается фрекен Эллингсен, а следом за ней идут фрекен д'Эспар и господин Флеминг — их общество ему сейчас явно на руку.

— Повторяю, он пришел к вам не от меня. Но когда он назвал вас, сказав, что хочет попытаться к вам обратиться, я, вероятно, поддержал его, ответил: мол, конечно, пойдите! Ведь к господину Бертельсену обращаются с такими просьбами не впервые, это известно. Что-то в этом роде я, должно быть, ему и сказал.

От таких слов Бертельсен несколько смягчается, но все же говорит:

— И все-таки согласитесь, это свинство — ни с того ни с сего набрасываться на меня и требовать денег.

— Здравствуйте, фрекен Эллингсен! — приветствует ее адвокат. — А мы тут разговариваем о пианисте Эйде.

Бертельсен оборачивается, видит ее, но не кланяется. Тут к ним подходят фрекен д'Эспар и господин Флеминг, и теперь вопрос о пианисте Эйде они обсуждают уже впятером. Адвокат горячо за него заступается — трудно сказать, по каким причинам, — снова хвалит его за рвение и выражает свое восхищение целеустремленностью молодого человека.

— А ваше мнение, фрекен Эллингсен?

— Какое мне дело до его целеустремленности, — взрывается Бертельсен. — Меня возмущает его бесцеремонность: почему он требует стипендию именно от меня?

— Ну-ну, не притворяйтесь, что вы хуже, чем есть, — мягко и вкрадчиво говорит адвокат. — Вы прекрасно знаете, что не он первый обратился к вам. И, насколько мне известно, реши вы помочь этому юному таланту, это будет для вас не впервые. Уж извините меня великодушно, что я посвящаю присутствующих в ваши тайные добрые дела.

Тут Бертельсен совсем размяк, апеллируя к его тщеславию, этот проклятый адвокат обвел его вокруг пальца: из простого лесопромышленника он на глазах у всех вырос в покровителя искусств. Бросив украдкой взгляд на присутствующих, он опускает глаза.

— Он играет просто великолепно! — говорит фрекен д'Эспар про Сельмера Эйде. Скорее всего, она меньше всех понимает в музыке — и именно потому говорит больше всех. — Не правда ли? — обращается она к фрекен Эллингсен.

— О да!

— Так в чем же дело?

Отвечает ей адвокат:

— Дело в поездке, фрекен д'Эспар, в поездке в Париж для продолжения учебы.

— Речь идет о немалых деньгах, — говорит Бертельсен.

Господин Флеминг вдруг спрашивает:

— О какой сумме?

Все с минуту молчат, потом адвокат, почему-то понизив голос, начинает считать: год жизни в Париже, дорога туда и обратно, плата за обучение, разные непредвиденные расходы...

Тут Бертельсен явно почувал для себя какую-то опасность — уж не решил ли господин Флеминг вмешаться в эту историю, чтобы превзойти его? И он говорит твердо и решительно:

— Хорошо, я назначу ему стипендию.

Все смотрят на него. Лицо Бертельсена вспыхивает, адвокат спешит ему на помощь и бормочет:

— Я так и знал! Да, я так и знал!

— Но только с тем условием, чтобы он немедленно уехал, — говорит Бертельсен. — Чтобы духа его здесь не было!

— Он только о том и мечтает, — говорит адвокат. — Но почему такая поспешность?

— Почему? Да потому, что я не хочу, чтобы этот тип бегал за мной по пятам и каждый день приставал с вопросом, когда же ему наконец дадут стипендию. Еще, чего доброго, подумают, что я не в состоянии ее выплачивать. Он сейчас же получит деньги, я выпишу чек.

— Как великодушно, какой благородный поступок! Разрешите мне поблагодарить вас от его имени?

— Не будем больше об этом, — обрывает Бертельсен. — Скажите мне только, сколько нужно денег, чтобы прожить год в Париже?

Все снова молча смотрят друг на друга. Фрекен д'Эспар, побывавшая в Париже, хочет что-то сказать, но тут адвокат предлагает всем пройти в дом и там обсудить этот вопрос.

Так и сделали. Все пятеро направляются в комнату Бертельсена, самую большую и самую дорогую в санатории. Она похожа на малую гостиную, но с альковом: на стенах картины в золоченых рамах, альков отделан драпировкой, над столом — бронзовая лампа с хрустальными подвесками, на окнах — гардины в пышную складку, сквозь которые свет пробивается с трудом, мягкие кресла, обитые плюшем, диван, на полу ковер.

— Милости просим! Присаживайтесь, пожалуйста!

Бертельсен, хозяин этой роскошной комнаты, велит подать вина и печенья. Он явно гордится своей щедростью и громогласно обещает назначить музыканту вполне приличную стипендию.

— Я был уверен, что вы поступите именно так! — восклицает адвокат. — Узнаю вас, хитрец вы этакий!

После того как все улажено и чек выписан, маленькое общество не расходится, всем хочется еще немного побыть вместе, словно они только сейчас нашли друг друга. Разговор, естественно, перекидывается на других гостей санатория, не обходится без злословия. Бертельсен не скрывает своей антипатии к миледи и фру Рубен, обе эти дамы ему неприятны: одна — своим высокомерием, другая — своими объемами.

— Бог ты мой, на что это похоже! — восклицает он. — Мы ведь тоже люди, к чему нам эта гордыня и эти необъятные телеса?

Видимо, только фрекен д'Эспар усмотрела в этом несколько странном высказывании логику и рассмеялась.

— Что правда, то правда, — говорит она.

Вообще Бертельсен и фрекен д'Эспар прямо на глазах все больше сходятся во вкусах и симпатиях — они увлеченно говорят о театре, о языках, о культуре, и мнения их во всем совпадают.

Подали еще вина и печенья. Бертельсен, судя по всему, рад этому случайному приему, и хотя господин Флеминг и адвокат поглядывают на часы, он просит их еще посидеть, уверяя, что ему это доставляет большое удовольствие.

— Ведь нам всем хорошо здесь, — поддержала его фрекен д'Эспар, лишний раз подчеркивая свое с ним единодушие.

Бедная фрекен Эллингсен оказалась тут явно третьей лишней. Быть может, между ней и Бертельсеном пробежала кошка, иначе как объяснить, что он относится к ней с полным пренебрежением? Все обратили внимание, что он не только не слушал, когда она начинала говорить, но даже все время перебивал ее, не давая ей возможности высказаться. Таким образом, ему не приходилось ей противоречить, как он это часто делал. Правда, положение фрекен Эллингсен несколько облегчило проявленное к ней внимание господина Флеминга, который делал это очень тонко и естественно — он умел вести себя в обществе. Однако фрекен Эллингсен нервничала и была сама не своя, особенно когда фрекен д'Эспар начала болтать с лесоторговцем по-французски. Бог знает, о чем они говорили, фрекен Эллингсен языка не знала.

— О чем они разговаривают? — не выдержав, спросила она, прикрываясь равнодушной улыбкой. — Что за секреты?

— Да они просто упражняются в языке, — ответил господин Флеминг с такой же равнодушной улыбкой.

Но, черт возьми, между господином Флемингом и его дамой, видимо, тоже пробежала кошка, день оказался неблагоприятным для влюбленных парочек, воздух был насыщен обидами и упреками. Господин Флеминг сумел притвориться, будто ничего не замечает, но все же ему не удавалось полностью скрыть, что поведение фрекен д'Эспар его интересует. Эта фрекен д'Эспар тонкая штучка, девица с темпераментом, она нравится мужчинам — и знает это. Она умела как-то по-особому склониться к собеседнику, вызывая у него тем самым какие-то смутные чувства. Или брала в руки шляпу Бертельсена, словно в рассеянности, смотрела на нее, а потом снова вешала на место, но в этот жест вкладывала частицу своего отношения к Бертельсену — как бы проявляла к нему нежность. Вот так она и завлекала мужчин.

— Я немножко читаю по-французски, — сказала фрекен Эллингсен, чтобы не ударить лицом в грязь, — но говорить, к сожалению, не умею.

— Разумеется, вы должны хоть немного знать французский, — сказал господин Флеминг. — Иначе вы не могли бы работать телеграфисткой.

Тут Бертельсен и фрекен д'Эспар чему-то засмеялись, и фрекен Эллингсен вздрогнула, как от удара. Она их спросила напрямик, над чем они смеются, но ответа не получила. В отчаянии фрекен Эллингсен обратилась к господину Флемингу и сказала, что уже немного скучает по своей работе, по своему телеграфному аппарату. Пусть он не думает, что эта работа неинтересная, о нет, она ее предпочитает здешнему праздному времяпрепровождению, ведь телеграф — это сгусток жизни, она ежедневно становится поверенной людских радостей и горестей. Телеграфный аппарат — просто кладезь всяких тайн.

— Надеюсь, фрекен Эллингсен, обо мне вы не узнали ничего дурного, — пошутил господин Флеминг.

Но его утомленное лицо при этом почему-то залила краска.

— Надеюсь, и обо мне тоже, — повторил шутку адвокат.

Она их успокоила.

— Нет, о вас обоих я ничего дурного не узнала, — сказала она, всем своим видом и тоном давая при этом понять, что ей многое известно.

Государственные тайны? Нет, государственных тайн, она, конечно, не знает, но ведь есть и другие тайны, не менее серьезные, правда? Случается, что у нее прямо мурашки по коже пробегают, когда она выступает посредницей, так сказать, скромным орудием связи между одним из наших посланников и Министерством иностранных дел.

Мужчины внимательно слушают.

— Но самое интересное, — продолжает фрекен Эллингсен, — это телеграммы, которыми обменивается полиция разных стран, чтобы выследить убийц, фальшивомонетчиков, мошенников, воровские шайки. Бывает, в таких делах замешаны светские дамы, дворяне, французские дипломаты, банки, яд, политика...

Мужчины слушают с удивлением. Эта фрекен Эллингсен, такая красивая и стройная, но обычно малоразговорчивая, вдруг предстала перед ними совсем в новом свете, в некоем ореоле, можно сказать, проявила прямо-таки талант, так живо все рассказывая. Руки ее плавно двигаются в такт речи, глаза опущены, словно она ищет слова в глубине себя.

— Да, — продолжает она, — жизнь идет своим чередом, наверное, все предопределено судьбой. Одни отправляются в длинное путешествие, купив железнодорожный билет, а другие — в еще более длинное, прихватив заряженный револьвер.

Она принимается посвящать их в любовные трагедии, в роковые жизненные коллизии, в которых телеграф выступал не только посредником, но подчас и сообщником. Так дело доходит до истории о двух иностранцах и охотничьей повозке.

— Все началось с того, что в Норвегию приехали два иностранца, некий господин со своим слугою. Они собирались у нас поохотиться и привезли с собой охотничью повозку, чтобы разъезжать в ней по нашим долинам и лесам. Несколько дней спустя после их приезда телеграф забил тревогу: «Следите за приехавшим господином и его слугой!» Они тогда охотились в какой-то долине. Ведь иностранцы убеждены, что в наших долинах легко укрыться, что наша страна совсем затерянная и в долинах никого невозможно отыскать. Так вот, господин, его слуга и повозка находились в то время в Халлингдале. Через неделю из-за границы приезжает еще один иностранец, которого послали вдогонку за двумя первыми. И он получает из своей страны приказ по телеграфу: «Оставьте на свободе господина и его слугу, но захватите повозку». Вместе с ним на поиски отправи-

лась и наша полиция, людей нашли, но повозка исчезла. Тогда тот, кого послали вдогонку, телеграфирует в свою страну: «Охотничьей повозки с ними нет, уверяют, украдена венграми, цыганами». Они пускаются в погоню за цыганами, настигают их на перевале в Ваньдрее и там находят повозку. Да, ту самую повозку, но цыгане боятся, что получили ее в подарок. Посланец выкупает ее у цыган и сообщает в свою страну, что доставил повозку в укромное место, затем ее разобрали на части, но решительно ничего не нашли. Как выяснилось, прежде чем отдать повозку цыганам, из нее все вынули. Из донесений стало ясно, что в повозке искали не золото, не драгоценные камни, а какие-то документы, да-да, только документы. Представляете, маленькие черные буковки на белом фоне, короче, слова, которые оказались дороже любых драгоценностей и которые имели важнейшее значение, можно сказать, просто роковое, вопрос жизни и смерти! И вот эти документы бесследно исчезли!..

Тут фрекен Эллингсен вдруг обрывает свой рассказ и спрашивает:

— Вам не надоело? Хотите слушать дальше?

Как можно об этом спрашивать? Само собой разумеется, они хотят узнать, что было дальше, ведь напряжение как раз достигло своего предела.

— Ну да, но, собственно говоря, вот и вся история, — говорит фрекен Эллингсен. — Посланцу и полиции пришлось вернуться в Халлингдал ни с чем, они рыскали по полям и лесам, но ничего не смогли обнаружить. И в конце концов им ничего не оставалось, как обратиться к господину со слугой и заставить их сказать, где спрятаны документы. И тогда они их и выкупили.

— Вот как, они смогли их выкупить?

— Да.

С фрекен Эллингсен тем временем произошла разительная перемена, она словно потеряла нить своего рассказа. Что случилось?

— Но почему сразу же не арестовали этого господина и его слугу? — осторожно спрашивает господин Флеминг.

— Не знаю, — как-то неуверенно отвечает фрекен Эллингсен. — Быть может, он был близким родственником тех, кого обокрали.

— Ну а слуга? — недоумевает господин Флеминг.

Фрекен Эллингсен окончательно теряется и отвечает уже явно из последних сил:

— Слуга? Ах, да ведь это же была дама!

Этот ответ немножко поправил дело, у мужчин вырвалось удовлетворенное «А-а».

Но тут же выяснилось, что они все-таки остались в полном недоумении по поводу происшедшего, и на фрекен Эллингсен обрушился град вопросов:

— Чем же все это кончилось? Какой смысл во всей этой истории? При чем здесь злосчастная повозка? Почему все же не арестовали всю шайку?

Фрекен Эллингсен на все отвечает только одно: она, мол, не знает, ничего не знает. Вид у нее совсем потерянный. И вдруг она находит выход из положения и говорит:

— Вы спрашиваете, почему их не арестовали? Может быть, правительство хотело дать им возможность самим застрелиться из охотничьих ружей.

Что ж, может быть... Мужчины сделали вид, что удовлетворены этим объяснением, — должно быть, им стало ее жалко и они решили больше ее не мучить. Чтобы снять неловкость, они заговорили о другом. Адвокат снова вытолкнул на сцену миледи и спросил господина Флеминга, нет ли у него, как у дворянина, Готского альманаха?

Этот вопрос застает господина Флеминга врасплох, и он переспрашивает:

— То есть как? Зачем он вам?

— Я спросил, нет ли у вас случайно Готского альманаха, чтобы вы посмотрели, значится ли там миледи. Я почему-то не нашел там ее имени.

Господин Флеминг с облегчением смеется и отвечает:

— Право, я даже не знаю, значусь ли там я сам. Можно быть князем или княгиней и не быть внесенным в Готский альманах. Нет, к сожалению, у меня его нет.

А фрекен Эллингсен, уже несколько оправившись, сидит как ни в чем не бывало, слушая господина Флеминга, который рассказывает ей про быка с хутора Даниэля.

— А вы не встречали этого быка во время прогулок?

— Нет.

— И слава Богу! Он опасен, во всяком случае, не безопасен, и лучше его обходить стороной.

Да, вот такой бык у Даниэля, просто великан, жрет за двоих, рога длиннющие, шерсть гладко-коричневая и блестящая, а тупой взгляд его глаз пугает. Даниэль сам говорит, что он очень злой и шутки с ним плохи.

Нет, к счастью, она не встречала быка. При одной мысли об этом она вся задрожала.

— Если этот бык представляет опасность для пациентов санатория, то Даниэлю придется с ним расстаться, — говорит адвокат.

— Даниэль хочет продержат его до осени, а уж потом продать мяснику, — объявляет господин Флеминг.

— Я пошлю нашего швейцара, пусть немедленно купит быка, — решает адвокат. — Я не допущу, чтобы наши пациенты испытывали страх. Это сущее безумие.

Говоря это, адвокат Робертсен чувствует себя не иначе как меценатом, благодетелем санатория, а когда фрекен Эллингсен принимается благодарить его, он решает на любезность ответить любезностью.

— История, которую вы только что рассказали, просто удивительная, странно, что вы ее не записали.

— Я? Да что вы!

— Вы обязательно должны ее записать. Ваш рассказ был на редкость увлекательным, ведь верно? — спрашивает он, обращаясь к господину Флемингу.

Господин Флеминг кивает в знак согласия.

Фрекен Эллингсен уже вполне успокоилась — во время своего рассказа она, естественно, была в напряжении, но быстро пришла в себя.

— Нет-нет, что вы, писать я не умею. — И улыбнулась, как бы извиняясь. — Сидеть за телеграфным столом и принимать сообщения, которые мне передают, вот это мое дело, но на большее я не способна.

Правда, признается она, потом, оставшись одна, она обдумывает то, что услышала. Это, безусловно, имеет для нее значение, ибо питает ее ум.

Значит, она все же запишет свой рассказ?

Возможно, во всяком случае, это не исключено... Что ж, она не станет отрицать, она пробовала писать и кое-что у нее уже записано. Но как они об этом узнали?

Догадаться нетрудно. Уж больно хорошо она рассказывает.

Фрекен Эллингсен так и сияет — они признали ее талант, а она проявила незаурядную находчивость. На некоторое время она забывает о той паре, что говорила по-французски, тем более что и они ее слушали, так интересно она рассказывала.

— Уверю вас, когда передаешь телеграммы, — продолжает она с жаром, словно речь идет об очень важных вещах, — интерес вызывают не всякие там мелкие преступления, скажем, такие, как обман заказчика на поставках партии досок. Такие инциденты — это всего лишь продел-

ки, обычные уловки, к которым часто прибегают, заключая сделки. Но порой можно услышать, как аппарат на столе выстукивает сообщения совсем другого рода, например, что во время путешествия по Англии исчезла герцогиня Зомевере — то ли сама убежала, то ли ее соблазнили и увезли...

И за этим снова следует длинный рассказ. И вдруг он обрывается, — видимо, фрекен Эллингсен не знает, чем его закончить, и останавливается на полуслове.

Бертельсен и фрекен д'Эспар даже прервали свою беседу по-французски и тоже повернулись к ней. Как только она начала говорить, господин Бертельсен, владелец деревообделочной фирмы, перебил ее, заверив, что при поставках досок никто не прибегает ни к каким уловкам и никто не пытается обмануть заказчика, это начисто исключено.

— Конечно, конечно, — подхватывает фрекен Эллингсен и извиняется за свой неудачный пример. Она привела его просто так, наобум, могла бы с тем же успехом сослаться, скажем, на торговлю лошадьми.

Второй раз господин Бертельсен перебил фрекен, чтобы спросить:

— Разве вы не давали присяги?

— Присяги? Как же, давала.

— Присяги о неразглашении содержания телеграмм?

Вопрос смутил рассказчицу, и она залепетала что-то невнятное: мол, конечно, она подписала такое обязательство, но разве она его нарушила? Меньше всего на свете она этого хотела. Неужели она это сделала?

— Нет-нет, — поддержал ее господин Флеминг. — И вообще, я что-то не понял всей этой истории. Выходит, герцогиня убежала в нашу страну?

— В нашу страну?

— Мне помнится, я читал что-то подобное в одном детективном романе. Уж не его ли вы пересказываете?

Тут фрекен Эллингсен решительно запротестовала и густо покраснела. Сказать такое! Да она почти никогда не читает детективов. Просто такие истории, уверяла она, постоянно происходят вокруг нас, в повседневной жизни, и не могут миновать телеграф. А что касается ее присяги, то она ведь не назвала имен и места действия, герцогиня могла уже укатить Бог знает куда. Господа, наверное, заметили, что она внезапно запнулась и умолкла. Это не случайно, она не могла завершить рассказ, не нарушая присяги.

Но Бертельсен не знал пощады.

— Странно, странно... В истории с охотничьей повозкой вы, нимало не усомнившись, назвали место: Норвегия, Халлингдал...

Этого фрекен Эллингсен уже не смогла стерпеть и разразилась слезами. Она не встала и не ушла, а как-то вся сникла, — казалось, замечание Бертельсена ее сломало, и, не в силах вымолвить ни слова, она забилась в истерике.

— Господи! — воскликнул Бертельсен и подбежал к ней. — Ну разве можно из-за этого плакать? Я никак не хотел... но, конечно, я повел себя глупо, черт побери! Зачем я рассказал о вашей присяге, вы все это знаете сами куда лучше меня. Я совсем не хотел вас обидеть, поверьте мне. Перестаньте, прошу вас.

— Пустяки! — всхлипывала она. — Нет, сядьте, пожалуйста, прошу вас, это пустяки! Вы не должны меня утешать, вы в чем-то правы, даже во многом, а с вашей точки зрения, может, даже во всем. У меня просто потемнело в глазах. Мне не хотелось бы мешать, сейчас все пройдет. У меня просто потемнело в глазах...

Присутствующие сделали все, что могли, чтобы фрекен поскорее успокоилась. Адвокат выразил свое радостное удивление по поводу того, что господин Флеминг так хорошо выглядит: у него теперь совсем здоровый вид, он прибавляет прямо на глазах.

— Да, слава Богу, в самом скором времени мне будет не хватать только возлюбленной, ха-ха!

Фрекен д'Эспар молча наблюдала постыдную сцену, разыгравшуюся с фрекен Эллингсен, причем взгляд ее выражал одновременно и удивление, и насмешку. Теперь она встала, подошла к бедняжке, сказала ей что-то шепотом и погладила по волосам.

Мужчины потягивали вино из стаканов и говорили громче, чем надо, стараясь вернуть прежнее оживление. К счастью, к ним вскоре присоединились и дамы, и праздник продолжался. Принесли еще напитки и печенье. Все складывалось как нельзя лучше. Напряжение, возникшее между Бертельсеном и его дамой, исчезло, он придвинулся к ней ближе и продолжал разговор. Потом он произнес речь в честь санатория «Торахус», а адвокат Робертсен, в свою очередь, поблагодарил его за добрые слова. Господин Флеминг становился все более веселым, он бодро откинулся на спинку стула, натянул жилет на живот и ударил себя в грудь.

— Видите, что я могу теперь сделать, а ведь несколько недель назад мне это не удавалось. Неопровержимое свидетельство моего выздоровления!

И он просит всех присутствующих подписать ободряющую телеграмму, которую хочет отправить своей матери.

Всякий раз, как он вспоминает о своем доме и матери, на лице его появляется выражение восторга, у него очень хорошая мать, никто себе даже представить не может, какая она замечательная женщина, ах, если бы они только знали!.. Его грудь вздымается от волнения, когда он начинает писать текст телеграммы, и все присутствующие ставят под ним свою подпись.

— Спасибо, — говорит он, — вы все свидетельствуете моей матери, что обо мне беспокоиться нечего.

Он даже решает снова как ни в чем не бывало заговорить с фрекен Эллингсен о герцогине и хвалит ее рассказ. И делает это крайне тактично, с чувством меры.

— Ах, я ведь знаю куда больше, — отвечает она, — я могла бы рассказать о том, что с ней на самом деле случилось, но мне нельзя. Я обязана молчать. Разве вы не заметили, что я умолкла на полуслове?

— Конечно. И восхищаюсь вашим самообладанием, ведь не так-то просто бросить рассказ на самом интересном месте.

Тут до них доносится со двора скрип рессор подъезжающего экипажа, и Бертельсен шутит:

— Господин адвокат, вам надо срочно спуститься вниз и встретить новых знатных гостей.

Но поскольку новых пациентов не ожидали, адвокат смеется и с места не встает.

— Не смейтесь, — говорит он, — я сообщил в прессе, что у нас гостят граф и принцесса, это наверняка произведет соответствующее впечатление!

И тут произошло вот что: граф как-то странно крутанул головой, словно у него что-то застряло в горле, торопливо вытащил из кармана платок и поднес его к губам, потом стал его рассматривать, и выражение его лица говорило о том, что он не верит своим глазам. Встав со стула, он подошел к окну и снова принялся разглядывать платок.

— Что случилось? — с испугом спросила фрекен д'Эс-пар.

Господин Флеминг не ответил.

— Что случилось? — повторила она, вскочив со стула.

Господин Флеминг вытер рот и сунул платок назад в карман.

— Ничего! — сказал он и снова сел на свое место.

Однако все заметили, что это не так, ему не удалось этого скрыть. Господин Флеминг взял стакан вина и выпил его залпом. Лицо его стало серым.

— У вас здесь какая-то полосочка, — сказала фрекен д'Эспар.

— Где?

— В уголке рта. Дайте ваш платок, я...

— Спасибо, лучше я сам.

Он встал, подошел к зеркалу и еще раз вытер рот. Фрекен д'Эспар не отрывала от него глаз, да и все остальные тоже внимательно смотрели на него.

Он спокойно все это вынес, в его словах и жестах не появилось торопливости, но лицо его сразу осунулось, а щеки впали. Остальные гости старались и виду не подать, что обо всем догадались, но фрекен д'Эспар глядела на больного графа с ужасом и в порыве нежности бессознательно сжала его руку. Они встретились взглядом.

— Спасибо! — прошептал он.

Если до этого в связывающей их ниточке еще был какой-то узелок, то теперь он развязался.

— Я побегу за доктором, — сказала она.

— За доктором? — переспросил он и постарался выказать удивление. — Да нет, это пустяки. Но раз вы хотите, то, может, принесете немного льда...

— Вам что, нехорошо? Надо немедленно позвать доктора!

Адвокат встал и велел горничной сбежать за доктором. Ожидая его прихода, все старались казаться беззаботными и оживленными. Господин Флеминг не пожелал покинуть общество и лечь в постель: с какой стати ему уходить первым? Но ему пришлось еще раз вынуть платок и вытереть рот перед зеркалом, и он проделал это столь же спокойно и несуетливо, как в первый раз, — он никому не мешал. Однако оживление, царившее в комнате Бертельсена, ушло, праздник кончился.

В комнату постучал инспектор Свендсен, он пришел сообщить, что внизу сидит консул, не хочет ли адвокат с ним поздороваться?

— Кто? — переспросил адвокат.

— Консул Рубен, муж фру Рубен, он здесь.

Адвокат не знал, что консул собирается приехать, и тут же поднялся, попросив общество извинить его. Повернувшись к Бертельсену, он повторил то, что уже сказал прежде:

— И ничего нет смешного в моих словах о том, что у нас появятся новые гости. Сами видите, уже консул пожаловал.

Когда адвокат был уже в дверях, его окликнул господин Флеминг и попросил вернуться. Что и говорить, на господин Флеминга было страшно смотреть, но он еще живой, он еще думает и чувствует. Глаза его блестят, он дышит, голова работает. Он сжимает и разжимает руки, он еще не умер. Он протягивает адвокату телеграмму матери в Финляндию и просит непременно еще сегодня ее отправить.

В телеграмме, увы, уже нет правды. Господин Флеминг не мог теперь с чистой совестью сообщить, что выздоровел. И все же он решает послать матери эту телеграмму. Именно совесть велит ему так поступить.

V

Произошло немало разных событий. Сталкивались и переплетались людские судьбы. А потом в санатории стала хозяйничать смерть. Она косила без оглядки, без разбора.

Господин Флеминг лежит в постели, первое время со льдом во рту и на груди — у него шла кровь горлом. Но потом кровотечение удалось остановить, а он несколько оправился — и проводит время, сидя в кровати и раскладывая пасьянсы. Фрекен д'Эспар побывала на хуторе у Даниэля, передала ему привет от господина Флеминга и сказала, что он простудился и пока не сможет приходить есть простоквашу. Но он снова придет, как только поправится.

На обратном пути в санаторий на фрекен чуть не напал бык. Он долго преследовал ее, угрожающе мыча, и фрекен д'Эспар, прибежав в санаторий, долго не могла перевести дух.

Да, бык по-прежнему свободно пасся на этих лугах. Санаторий попытался было его купить, но Даниэль об этом и слышать не хочет до конца лета, потому что бык набирает вес и становится с каждым днем дороже. День проходит за днем, а вопрос с быком решить никак не удастся. Адвокат Робертсен снова вернулся в Христианию в свою контору. Случай с фрекен д'Эспар особого переполоха не вызвал. Ее ведь недолго любили, и никто не встал на ее защиту. Более того, все дамы считают, что так ей и надо, нечего было ходить на луг, где пасется бык, чего она там потеряла?

Появились новые постояльцы. Первым был консул Рубен, и в тот же день прибыли еще два пациента, а к концу

недели их прикатила целая куча, не меньше полдюжины, и все они поселились в «Торахусе». Предсказания адвоката Робертсена, казалось, сбывались: реклама о том, что по вечерам в санатории играет пианист и что там живут такие важные особы, как принцесса и граф, возымела свое действие, люди потянулись в санаторий. «А где же граф?» — интересовались вновь прибывшие дамы. «Где принцесса?» — интересовались не только дамы, но и господа. Санаторий в горах мало-помалу становился привлекательным местом светских развлечений, скоро замок уже не сможет вместить всех желающих. Как быть?

Стало очевидным, что осенью придется отделать еще несколько комнат, чтобы весной санаторий смог принять всех желающих. Собственно, комнат хватало, но некоторые стояли пустые, без мебели и необходимых аксессуаров, а были и такие, где еще даже не сложили печи. Пока, правда, обходились теми, что уже были готовы, потому что у гостей то не хватало времени, то денег, чтобы надолго задержаться в «Торахусе», и через несколько дней или через неделю они уезжали, освобождая место для вновь прибывших. Постель не успевала остыть, как менялся ее временный хозяин.

Консул Рубен приехал навестить свою жену. Он был из числа тех, кто не располагал свободным временем, и потому долго тут задерживаться не намеревался. Уже в первый вечер, сидя в комнате у своей жены, он стал проявлять нетерпение. И спросил жену о знатной иностранке.

— Где она? — поинтересовался он.

Несмотря на свою чудовищную толщину, фру Рубен тут же встала и, тяжело дыша, как настоящий астматик, подошла к двери. Ее вес был так велик, что она переваливалась с ноги на ногу, как гусыня. А когда спускалась по лестнице, то не могла отдышаться, будто она не спускалась по ней, а подымалась. Приоткрыв дверь, она поглядела в коридор и снова ее притворила. Ничего тревожного она при этом не обнаружила.

— Здесь слышно каждое слово, — предупредила она мужа. — Прошу тебя, говори потише. Ты спрашиваешь о принцессе? Это не обычная дама, она приходит, когда ей хочется, ее не пригласишь.

Донельзя раздосадованный этим, — мол, с чего это ей так важничать? — консул спросил:

— Зачем ты велела поставить сюда вторую кровать? Разве я не могу получить отдельного номера?

— Это все горничные. Я ничего им не говорила, возможно, нет свободных комнат... — уклончиво ответила жена.

— Глупости. Здесь просто нечем дышать. Так я тебя спрашиваю, что этой твоей даме угодно?

— Что ей угодно? — И фру Рубен стала объяснять, как обстоят дела у леди: она попала в крайне затруднительное положение, ее мучает бессонница, у нее нет родины, одним словом, несчастная женщина, которую бросил муж, никаких корней...

— Ужасно! — согласился консул.

— Дама эта была у меня несколько раз. Просто постучала в дверь, улыбнулась и попросила извинить ее за беспокойство, а вообще-то она здесь ни с кем не общается.

Когда иностранка пришла в первый раз, фру Рубен была настолько изумлена ее визитом, что от растерянности даже не встала, чтобы с ней поздороваться.

— Откуда она? — спросил консул.

— Из Англии.

Фру Рубен удивилась, что консул этого не знает. Ведь она настоящая леди, ее муж — лорд, министр, член правительства.

— Ах вот как, — сказал он, — в таком случае я о ней читал!

Однако больше ничего не добавил и никакого интереса к этой истории не проявил.

Жене пришлось вернуть его к этой теме, и она, не медля, продолжила разговор:

— Ты спрашиваешь, что ей угодно? Она, повторяю, попала в затруднительное положение, ей нужны деньги. Ей нужны деньги.

— Они нам всем нужны, — ответил консул.

— Она в беде, у нее нет ни гроша за душой, никто ей не помогает.

Тут консул нагнулся и поглядел на руку своей жены:

— Что, новое кольцо? Покажи-ка!

Фру Рубен намеренно провела рукой по своим волосам, чтобы муж заметил это чудесное кольцо.

— Разве оно не великолепно? Видит Бог, я не хотела принимать такой подарок, не хотела, но она настояла. Ты когда-нибудь видел такую игру?

Консул кивнул и спросил:

— Выходит, ей надо продать еще несколько колец, так, что ли?

— Надеюсь, ты это не всерьез. — Его вопрос задел ее. — Никаких колец она, естественно, продавать не собирается, она вовсе не за этим пришла сюда. Она хочет к тебе обратиться как к консулу, это совсем другое дело. Поскольку к

своему консулу она обращаться не может и не желает, она надеется на тебя. Сам понимаешь, к своему консулу ей идти невозможно, он, конечно же, примет сторону ее мужа и министерства.

— У нее должны быть родственники. А муж что, совсем от нее отказался?

— Не знаю, то ли это слово. Она очень тепло о нем отзывается.

— Ну да, так оно и бывает.

— Как так?

— После того как двое расходятся, жена начинает отзываться о муже более тепло, чем прежде, она, как правило, сожалеет о случившемся.

Фру Рубен и это суждение задевает за живое. Как он не понимает, что речь идет не об обычной даме, а о настоящей леди. Консул почему-то считает, что все женщины похожи на машинисток в его конторе.

— Она так тепло говорит о муже, — не унимается фру Рубен, — потому что в какой-то мере он выполнил свой долг, да и теперь не делает ей ничего дурного; просто он ожесточился и не отвечает на ее письма и телеграммы. Разве так можно?! А что до родственников, то в семье мужа к ней относятся безо всякой симпатии, а у нее самой нет родных, которые были бы в состоянии ей помочь.

— Выходит, она с самого дна общества?

Фру Рубен тут же кидается на ее защиту:

— Что значит «со дна» для Англии, где каждый может обвенчаться с кем хочет? Если даже король имеет право взять в жены мещанку, то почему лорд не может жениться на актрисе?

— Значит, она была актрисой?

— Что-то в этом роде. Быть может, танцовщицей.

— Час от часу не легче! И ты хочешь втянуть меня, консула, в эту историю? Само собой разумеется, это невозможно, начисто исключено, это вне моей компетенции. Вы обе, и ты и она, просто дуры, если ждете от меня чего-то другого.

Фру Рубен решает больше не взывать к тщеславию мужа. Он должен был сам понять, как лестно для него, что к нему за помощью обращается леди, только так к этому и следует отнестись. Ведь таким образом он сделался бы для нее чем-то вроде доверенного лица, она бы с ним советовалась по разным вопросам, они бы наверняка стали со временем на коротке. Но раз консул Рубен не откликается душой на это, придется ей избрать другой путь.

— Ей во что бы то ни стало надо раздобыть деньги, - уверенно гнет свое фру Рубен, не обращая внимания на возражения мужа, — и, поверь, она их найдет, в этом сомневаться не приходится. У нее есть ценности, которые имеют отношение к самым верхам общества.

— Это к каким таким верхам?

— А как ты назовешь положение английского министра? При чем речь идет не просто о радостях и горестях, но даже о жизни и смерти.

— Черт побери! Что же это за ценности?

— Документы, письма!

Если фру Рубен надеялась, что эти сведения произведут на мужа ошеломляющее впечатление, то ее ожидало разочарование. Консул отнюдь не загорелся любопытством, он лишь скорчил гримасу. Но это ее не обескуражило. Она твердо решила помочь чужестранке и была теперь готова осуществить свое намерение любой ценой. Откуда только бралось такое упорство? Фру Рубен страдала хроническими невротами, задыхалась от ожирения, безделье из-за огромного веса из наслаждения превратилось в наказание, все это так. Но, несмотря ни на что, у нее еще сохранились порывы доброты, она всегда была готова помочь другим. Какое ей, собственно говоря, дело до этой английской леди? Расовая симпатия? Возможно... Но ведь лорд принадлежал к той же расе, что и леди, а действия фру Рубен были направлены против него.

— Я не могу в это вмешиваться, хотя бы из-за того, что ты приняла от нее в подарок кольцо.

— При чем здесь это?! — возмутилась фру Рубен и в свою очередь скорчила гримасу. Кольцо — это сущий пустяк, в первый день оно, правда, доставило ей радость, но потом она о нем и думать забыла. Она так долго отказывалась взять его, что отказываться дольше было бы просто неприлично. Разве можно не принять подарка от высокопоставленной особы?

У фру Рубен было своих колец предостаточно, они ее только мучили, мешали. Она могла их носить, как и это новое кольцо, только на мизинце.

— Ну конечно, если все пальцы стали такие же толстые, как большой.

Фру Рубен склонила голову и ответила:

— Когда мне было восемнадцать лет...

— Эту песню я уже слышал, — перебил ее консул. — Но тебе уже не восемнадцать, а в два раза больше! И тебя стало в два раза, нет, не в два, а в четыре раза больше.

— Когда мне было восемнадцать лет, — упрямо настаивала на своем фру Рубен, — я была такой же тоненькой, как твои машинистки.

Она во второй раз за этот разговор упоминает машинисток, словно это что-то очень важное. И во второй раз консул спокойно этот намек выслушивает и лишь пожимает плечами.

— Какие-то документы, личные письма... использовать такого рода письма — это скандал, шантаж, а я ведь консул... Нет, я к ним и не притронусь!

Фру Рубен стала уверять мужа, что скандал будет менее громким, если такой влиятельный консул, как он, со всей деликатностью возьмется за это дело, а не леди, которая будет действовать на свой страх и риск и, вне всякого сомнения, скомпрометирует министра.

То ли господину Рубену польстило, что жена назвала его «влиятельным консулом», то ли ее последний довод оказался ему убедительным, но, так или иначе, он спросил, словно торопясь покончить с этим делом:

— Где эти бумаги?

Он читал их до глубокой ночи. Во время этого чтения он то качал головой, то вытягивал ноги, то похлопывал себя по коленке и закатывал глаза — было ясно, что ему очень интересно, что он всецело захвачен тем, что читал. Да, этот здоровяк с короткой шеей нашел здесь все, что соответствовало его тайным желаниям, что рисовало ему его грязное воображение. Почему в этих письмах напрочь отсутствовала элементарная деликатность, почему непристойности выражались самыми грубыми, бесстыдными словами? Он как бы окунулся в вонючее болото. Бывшая танцовщица имела, видно, за плечами немалый опыт распутства, если ее не тошнило от скабрёзностей мужа. Это были письма, присланные ей из Индии и других стран, и речь в них шла о политике, египетских оргиях, конфликтах с местными властями, торговле сомнительными товарами, покупке титула лорда и о поставках оружия — все это было свалено в одну кучу и невыносимо воняло.

Фру Рубен молча наблюдала за мужем. Мало-помалу письма становились все более краткими. Создавалось впечатление, что их автор постепенно теряет доверие к жене, что он поверяет свои новости кому-то другому. В последних упоминалось о том, что миледи снова вернулась на сцену и отправилась в турне по Шотландии с директором какой-то эстрадной труппы, личностью весьма подозрительной. Миледи, видимо, опровергла эти сведения, но в ответном пись-

ме муж подтверждает свое обвинение и объявляет о разрыве. Эти два письма поставили все точки над «і». На этом история кончалась.

Фру Рубен заметила, что чем дальше, тем больше консул терял интерес к тому, что читал. В последних письмах ничего привлекательного для него уже не было. Но похоже, именно эти письма были для миледи самыми ценными. Этот лорд сделал карьеру только благодаря тому приданому, которое принесла ему жена-танцовщица. Прodelанный им путь был бы невозможен, не будь той кругленькой суммы, которую она скопила, зарабатывая деньги своими танцами, то есть своими ногами, а он перевел потом это сколоченное ею маленькое состояние в мысли и действия, и они оба оказались на верху социальной лестницы. Что толку теперь об этом вспоминать?!

Фру Рубен сидела молча, отдавшись своим мыслям и воспоминаниям. Не оказалась ли она в том же положении, что и миледи? Муж тоже бросил ее, отказался от нее. Вот именно. Иначе чем объяснить, что ее так взволновала судьба совершенно чужой женщины? Неужто ею двигало только одно бескорыстие? Но консул не почувал неладного. Если бы он посмотрел на нее, то, может, и заподозрил бы что-нибудь, потому что глаза жены лихорадочно блестели. Она глядела на него сбоку, и взгляд ее миндалевидных глаз становился все более рассеянным и скользким, что обычно свидетельствовало о том, что в ее заплывших жиром мозгах идет напряженная работа.

— Фу! — вырвалось у консула. — Грязное болото! Сколько ей лет?

— Да, болото, — подтвердила жена.

— Я никоим образом не желаю использовать их.

Супруга молчала.

— Сколько ей лет?

— Если бы ты захотел, ты мог бы что-нибудь сделать.

Вдруг консул вспыхнул:

— Я спрашиваю, сколько ей лет? Это что, секрет, черт побери?! Какая глупость!

— Сколько ей лет? — переспросила жена и криво усмехнулась. — Я не спрашивала. И не могу тебе сказать, хороша ли она, в твоем ли вкусе. Впрочем, это не имеет значения, тебя ведь такие вещи не интересуют.

— Да, меня это и в самом деле не интересует, — раздраженно сказал консул. — Ни сама дама, ни ее скандальные разоблачения. Но признайся, это ведь ты распорядилась поставить сюда еще одну кровать? Что за дурацкая мысль!

Слава Богу, это всего на одну ночь. Я вообще не понимаю, почему ты потребовала, чтобы я приехал сюда, в горы. Не сомневаюсь, что твоя леди преследует определенную цель и ведет весьма сложную игру, иначе она не стала бы рассказывать тебе того, что рассказала. Ясно, она вбила себе в голову, что ей удастся осуществить задуманное, и, что бы ты ни говорила, при всей безнадежности своего положения она держится очень уверенно.

— Я что, мешала тебе, когда жила дома? — вдруг спросила она. — А вот ты мне ничуть не помешал своим приездом.

— Что за глупости! Разве у тебя здесь работа, почта, контора, целый штат служащих?

— Нет, ничего этого у меня здесь нет, здесь нахожусь только я одна, всегда одна! — И она продолжала жалобным голосом: — Я приехала сюда в четверг и тут же тебе написала. Настал следующий четверг, потом еще один, и еще один, а от тебя никаких вестей. Я снова написала и снова. Но ответа так и не получила. Тогда я послала телеграмму.

— Тебе это трудно понять, но мне было некогда. Сейчас особенно много работы, люди уходят по очереди в отпуск, а работу все равно приходится делать. И при этом надо успеть поехать и хоть немного поспать.

Молчание.

— Тебе это трудно понять, — повторил он и начал раздеваться.

— Раз ты говоришь, значит, это правда, — ответила она.

— Конечно, правда. Уже поздно, давай ложиться спать... Нет, в историю с этой танцовщицей я вмешиваться не буду. Ты согласна со мной?

Молчание.

— Леди ждет ответа от мужа, — сказала она наконец. — Еще не все вопросы решены, лишний вес не позволяет ей больше танцевать, да и вообще, разве мыслимо все начать сначала? Ей принадлежит небольшая ферма, где выращивают кур и кроликов, но она не знает, как там идут дела. Почему он ей не отвечает? Лорд теперь занимает высокое положение, но он молчит, а от своего адвоката она не может добиться толку, похоже, он перешел на сторону мужа. К кому ей обратиться?

— Да, кстати, — сказал вдруг консул, — эти письма — подлинники?

— Конечно. Какие тут могут быть сомнения? Почему ты спрашиваешь? Неужели ты думаешь, что они фальшивые?

— Нет. Давай ложись.

Фру Рубен еще довольно долго сидит неподвижно, потом встает, подходит к своей кровати и с чем-то возится. А консул уже лежит, сопит и ворочается.

— Когда же ты наконец ляжешь? — спрашивает он.

Молчание.

Возможно, он теперь понял, что вел себя с женой слишком грубо, и говорит более мягким тоном:

— Прошу тебя, ложись и потуши свет, нам необходимо отдохнуть.

— Отдохнешь, отдохнешь, не бойся, — крикнула она вдруг неожиданно резко.

Это было началом разыгравшейся затем сцены. Консула охватило беспокойство, он почувал что-то недоброе, в ответе жены прозвучал вызов. Он повернулся и впервые посмотрел ей прямо в глаза. Что она, черт побери, затевает? Она долго стояла у своей кровати, а теперь вдруг сделала несколько торопливых шагов в его сторону. Может, ей приспичило кинуть ему в лицо гневные слова и тем облегчить душу и она просто-напросто забыла, что у нее в руках подушка? Как это понять — она идет прямо на него с большой подушкой в руках? В свете лампы он видит, что на ней нет лица, она косит, как это бывает во время истерики или приступа безумия, она явно не в себе, потому что не в силах вымолвить ни слова. Консул разом садится в кровати — не для того, чтобы лучше ее видеть, а скорее чтобы как-то от нее защититься. И в эту самую минуту с ним что-то происходит: он странно побледнел, лицо как-то осунулось, руки бессильно повисли, он всей своей тяжестью повалился навзничь и ударился затылком о спинку кровати. Так он и остался лежать.

Вот он, конец! Фру Рубен застывает на месте, ей нужно время, чтобы собраться с мыслями и понять, что, собственно, случилось, она не садится на стул, а продолжает стоять, все еще охваченная боевым духом, словно хочет ему сказать: «Вот видишь, к чему это приводит». Она не сделала ничего плохого, но то, что произошло, справедливо. Она понимает, что нет уже никакого смысла что-либо говорить мужу, но не может удержаться от фразы: «Ну а теперь хватит!» Он не шевелится и не подает никаких признаков жизни, и она продолжает стоять. Из одного его уха течет кровь, может быть, из другого тоже, но ей его не видно. Тут ей приходит в голову, что надо позвать врача, и она окидывает взглядом комнату, чтобы убедиться, что все стоит на своих местах, нет беспорядка и доктор может смело войти.

— Ответ мне теперь, слышишь! — громко говорит она мужу.

Она видит, что он как-то неудобно лежит, — голова прижата к спинке кровати, подбородок уперся в грудь, — но она к нему не подходит, но кладет на место подушку, убирает со стола письма миледи и, переваливаясь с ноги на ногу, выходит из комнаты, чтобы позвать доктора.

Это первый случай смерти в санатории «Торахус».

Что за странное происшествие: человек приезжает в санаторий с маленькой сумкой, в которой лежат лишь зубная щетка и пижама, навестить свою жену, проводит с ней в ее комнате несколько часов, и там его настигает смерть!

Вполне естественно, что жена ошеломлена, не в силах осмыслить случившееся. Правда, муж мог бы доказать, что смерть приключилась с ним не без причины: до глубокой ночи ему докучали какой-то английской скандальной историей, а кончилось тем, что он испугался подушки, которую держала жена. Должно быть, решил, что ему угрожает опасность, что она хочет его задушить, от устремленного на него истерически-исступленного взгляда его разум помутился, — уж поверьте, муж мог бы доказать, что умер не естественной смертью.

Но, с другой стороны, ей ничего не стоит доказать, что ничего такого и в помине не было и что случившаяся катастрофа никак не вызвана внешними обстоятельствами. Вспоминая о том, как она стояла посреди комнаты с безобидной подушкой в руках, она никак не могла настроиться на торжественный лад, это же комический казус, ей хотелось только смеяться: ха-ха-ха! И то, как муж торопился вернуться домой, было тоже скорее смешно — непременно на следующий день, нет, даже на следующее утро, а вместо этого взял и умер. Да, что и говорить, в жизни бывает немало комических ситуаций, и подчас они каким-то образом связаны со смертью.

Доктор Эйен да и остальные служащие санатория сделали все возможное, чтобы скрыть этот неправдоподобный инцидент, но им это решительно не удалось. Весть о смерти консула как-то проскальзывала из комнаты в комнату и докатилась даже до больного господина Флеминга. Как такое могло случиться? Фрекен д'Эспар каждый день сидела у него по нескольку часов и следила, чтобы никто не зашел с этой новостью, но он, видимо, услышал ее через стену — в соседней комнате жила та самая дама, которая постоянно верте-

ла в руках то платок, то перчатки, то теребила свои пальцы, ходила целыми днями из угла в угол и сама с собой вслух разговаривала.

Господин Флеминг сказал фрекен д'Эспар:

— Я могу вам рассказать новость. Несколько дней назад ночью здесь умер приехавший накануне гость.

Он сказал это спокойно, сдержанно, как что-то, не имеющее никакого значения.

Фрекен д'Эспар резко встала, сняла шляпу и повесила ее на вешалку.

— Гость? Умер? — переспросила она, не отворачиваясь от стены. — Какая-нибудь дама?

— Дама? По-моему, нет. Мне кажется, это был консул из Христиании. Разве вы ничего не слышали? Тот самый, что приехал, когда мы несколько дней назад сидели в комнате господина Бертельсена.

— Нет, я ничего об этом не слышала.

— Вот как. Пожалуйста, садитесь, сегодня вам у меня не выиграть!

И они стали играть в карты.

Столom им служила крышка картонной коробки, которую они клали поперек постели господина Флеминга.

Он играл внимательно, хорошо считал, ничто не указывало на его рассеянность. Вот уже несколько дней, как господин Флеминг чувствовал себя заметно лучше, он снова был почти здоров, вновь стал надеяться, и эта смерть не имела к нему никакого отношения.

Не испытала ли фрекен д'Эспар разочарования оттого, что смерть консула нимало его не тронула? Не боялась ли, что он не оценил должным образом ее озабоченности и чувствительности, когда бросилась вешать свою шляпку, отвернувшись к стене? О, женское лукавство!

— В санатории установилась какая-то тревожная атмосфера, — сказала она, и в голосе ее прозвучал вопрос.

Господин Флеминг ответил с полным равнодушием:

— Должно быть, из-за смерти этого господина.

— Наверное. И вот теперь, когда вы мне это рассказали, мне вспоминается, что я уже что-то слышала. Впрочем, все это не имеет никакого значения, — перебила она сама себя. — Как вы сегодня спали?

— Благодарю вас. Я теперь каждую ночь хорошо сплю.

Молчание.

— Да, верно, он, кажется, и в самом деле был консулом, — сказала вдруг фрекен д'Эспар. — Но он умер от удара, не от болезни.

— Какая разница... Вот, глядите, у меня четыре бубны!

— Представляете, приехал сюда и в ту же ночь умер! Я не стала бы об этом говорить, но раз вы все равно знаете...

— Что знаю? Ах, вы об этом. Я не видел этого человека. А вы?

— Тоже нет. Но мне известно, кем он был, он занимал видное положение в Христиании, у него была большая контора, я знакома с некоторыми его машинистками. Какая ужасная судьба!

— Вы действительно идете тузом? — спросил господин Флеминг.

— Нет, извините. Консул Рубен — это ведь муж фру Рубен, ну, той толстухи, что здесь жила. Она на другой день уехала и увезла с собой покойника.

— Так-то...

— А миледи отбыла вместе с ней. И ее переводчица тоже. С нескончаемыми чаепитиями и перешептываниями в санатории покончено. И мы снова сможем слушать игру на пианино.

Так оно и было, они опять слушали по вечерам игру на пианино, пели на лестнице и пытались даже беззаботно смеяться за столом во время обеда, но им это как-то плохо удавалось. Прошла неделя с тех пор, как уехала фру Рубен, сопровождая гроб, но все разговоры пациентов по-прежнему вертелись вокруг этого страшного несчастья. Впечатление было как от разорвавшейся бомбы. «Первая смерть», — все твердил самоубийца и многозначительно кивал, словно у него в запасе было еще несколько. Этот мрачный человек вряд ли способствовал поднятию настроения в санатории.

Собственно говоря, по трем уехавшим дамам никто не скучал, но что-то было нарушено, осталась какая-то пустота. Как все это произошло? Дамы повели себя очень корректно, заплатили по счетам и отбыли. Ни одна из них не оказалась на мели, нет, они были не из таких. Даже миледи отдала все сполна, да еще не поскупилась на щедрые чаевые, которые раздавала направо и налево. А объяснялось все очень просто: консул Рубен, уезжая из дома, к счастью, туго набил свой бумажник. Бумажник этот лежал во внутреннем кармане его пиджака слева, там, где билось сердце, пока он был жив. Вот этот бумажник и спас положение при отъезде. Фру Рубен заплатила за всех. Даже из самой ужасной ситуации можно порой извлечь какую-то пользу.

Спустя неделю в санаторий снова нагрянула куча новых гостей. Они поселились в пустовавших комнатах, но и их оказалось недостаточно, людей помещать было негде! Доктору, сестре-хозяйке и инспектору пришлось немало поломать голову, чтобы найти выход из создавшегося положения.

Инспектора отправили на разведку. Первым делом он зашел в комнату номер семь. К счастью, постоялица оказалась на месте.

— Не окажете ли вы нам любезность, — обратился он к ней, — переехать на короткое время в другую комнату?

— Что?

— Мы просим вас сообразоваться переехать в другую комнату. Там, правда, нет печки, но она не хуже этой, такая же светлая. Мы поставили бы там раскладушку. Разрешите вам ее показать?

Фрекен стала ломать пальцы и спросила, почему ей надо переезжать.

Дело в том, объяснил инспектор, что после обеда понаехало много народу, санаторий переполнен, и администрация не знает, что делать.

Фрекен схватила со стола перчатки и начала судорожно мять их в руках. Она заметно побледнела, как-то спала с лица и в полной растерянности глядела на инспектора.

— Мы бы не стали просить вас об этом, нам бы и в голову такое не пришло, если бы не особые обстоятельства, — пояснил инспектор. — Когда все комнаты уже были заняты, прибыл пастор с двумя сыновьями, они боятся холода и просят дать им комнату непременно с печкой.

— Хорошо, я согласна, — сказала фрекен и покачала головой. С ней всегда можно было договориться, она легко уступала. Разве могла она допустить, чтобы кто-нибудь мерз?

— Да-да, конечно, — подхватил инспектор.

А если ей станет прохладно, она всегда сможет провести время там, где тепло, например, в гостиной.

Сердечно поблагодарив ее, инспектор снова пообещал, что речь идет всего лишь о нескольких днях. И повел ее посмотреть новую комнату.

Приободрившись от первой удачи, инспектор отправился на поиски самоубийцы. Тот сидел на веранде с Моссом, у которого все лицо по-прежнему покрывали язвы, и они мирно беседовали. Инспектор частенько играл с ними в карты и считал, что уж с ними-то можно говорить без обиняков:

— Я пришел с печальным известием, — начал он шутливо. Но, заметив, что самоубийца был в дурном настроении, на ходу переменял тон.

— Смею ли я попросить вас о большой услуге лично мне и всему санаторию? — сказал он уже вполне серьезно.

Оба молодых человека посмотрели на него вопросительно.

— Не будете ли вы возражать, если мы переведем вас на несколько дней в другие комнаты?

— Что такое, почему?

Инспектор объяснил сложившуюся ситуацию, но самоубийца гневно отказался даже вести переговоры на эту тему, заявив, что никак не ожидал получить такое бессовестное предложение и еще никогда в жизни не сталкивался с подобным безобразием. Мосс поинтересовался, что, собственно, произошло, и инспектор выставил на этот раз в виде аргумента неожиданный приезд трех дам, трех учительниц, которых некуда поселить.

— Как быть? Куда их деть? Представляете, три прелестные молодые дамы приехали в эту даль, они замерзли в пути, проголодались и умоляют найти для них комнаты с печками.

— Уж не значит ли это, что вы намерены перевести меня в комнату без печки? — спросил самоубийца, и губы его побелели.

— Совсем на короткое время, может быть, всего на два дня, наверняка кто-нибудь из них вскоре уедет. Пастор со своими двумя сыновьями, например, намерен провести здесь всего неделю.

Самоубийца был в бешенстве: какое право имеет дирекция выкидывать такие фокусы? Он что, попал в разбойничье логово? Что за наглость, что за беспардонность! Да, самоубийца показал, что умеет постоять за себя, с ним такое не пройдет, он не витает в облаках, а твердо стоит ногами на земле.

— Не советую вам задирать нос, господин инспектор! Вы небось думаете, что вы птица высокого полета, а на самом деле вы червь ползучий.

— Ну-ну, это вы уж слишком, — остановил его инспектор, добродушно усмехаясь.

— Нет, это просто возмутительно, — не унимался самоубийца, — это же место отдыха, сюда приезжают, чтобы поправить здоровье, а вы хотите, чтобы мы мерзли и окончательно потеряли человеческий облик.

Мосс тоже посмеивался над гневом самоубийцы и над его странным выбором выражений.

— Пожалуйста, моя комната в вашем распоряжении, — сказал он инспектору.

— Этого еще не хватало! — завопил самоубийца. — Мне стыдно за вас, вы жалкая вошь. Конечно, господин инспектор, его комната в вашем распоряжении. А что будет с его язвами, когда он окажется в ледяной комнате?

— Я ведь все равно печь не топлю, — сказал Мосс.

— Вот именно, потому вы так и выглядите. Вполне возможно, что язвы появились у вас от холода. Впрочем, я тоже не топлю печку. Но вдруг завтра или послезавтра похолодает, что тогда?

— Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха! Вам все хиханьки да хаханьки, — передразнил их самоубийца. — Уступить женщине! Да женщина может так выругаться, что мужчина стыдливо опустит глаза. Ваш язвительный смех — это что, ответ? Вы хуже бабы!

— Поселите ваших дам в моей комнате, — повторил Мосс.

Инспектор поблагодарил его и ушел.

Наступило молчание.

— Нет, этого я никогда не забуду! — прервал его самоубийца. — Я должен ждать, пока какой-то пастор со своими отпрысками уедет, чтобы вновь занять свою комнату! Не их комнату, не комнату пастора, а мою собственную!

— Вы забываете, что речь шла о трех учительницах.

— Ну и что?

— Представьте себе, три молодые красивые дамы в бедственном положении. Разве вы не кавалер, не рыцарь?

— Нет! — крикнул самоубийца.

— Ха-ха-ха! Вы, конечно, вполне заслуживаете чести жить в комнате с печкой, но ведь те, кто отвечает за санаторий, этого не знают. Они даже понятия не имеют о том, что вы сюда приехали, собственно говоря, лишь затем, чтобы расстаться с жизнью...

— Вас это не касается, не лезьте не в свое дело, — потечески наставительно увещевает его самоубийца. — Если вы полагаете, что ваш внешний вид позволяет вам быть кавалером, то пожалуйста, я не возражаю!

На мгновение Мосс чувствует себя побежденным, но потом говорит:

— Плохо, что вы отказались от своего намерения. Вы хотите жить, вы мечтаете о богатой вдове.

— О какой такой богатой вдове?

— Ясное дело, о фру Рубен.

— Ах, вот как, я мечтаю о фру Рубен!

Самоубийца зевнул, ему надоело переругиваться с приятелем. Наступила реакция на возбуждение, и он снова погрузился в свои мысли.

— Вас она должна заинтересовать, — продолжал гнуть свое Мосс. — В расцвете сил, необъятная, богатая, глава большого предприятия...

— Скорее она вас заинтересует. Откуда вы знаете, что она богата? Заткнитесь!

— Женщины такого типа всегда богаты.

— Заткнитесь!

Мосс посидел еще несколько минут молча, а потом встал и ушел. Самоубийца поглядел ему вслед и побрел следом — надолго они не разлучались. Они легли прямо на траву на освещенном солнцем косогоре и больше не говорили. Несчастье соединило этих двух людей. Теперь они были обречены находиться рядом, словно два потерпевших крушение корабля, выброшенные волнами на берег. Мосс в конце концов заснул. Он прикрыл лицо шляпой, чтобы мухи не облепили его язвы.

Когда он проснулся, самоубийца по-прежнему лежал рядом с открытыми глазами — он так и не заснул.

— Поспали? — спросил он.

— Да, меня разморило на солнце.

— Нет, это от истощения. Нас здесь отвратительно кормят, одними консервами. Вот и клонит ко сну.

— А я и не заметил, — сказал Мосс. — Мы едим консервы?

— Какого черта нам не дают мясо этого быка? — вдруг спросил самоубийца. — Хотелось бы знать, почему? Ведь они обещали.

— А вы спросите инспектора.

— Инспектора! — Самоубийца презрительно фыркнул. — Нет уж, пошли, обратимся прямо к доктору.

Но Мосс не хотел идти, не мог, был просто не в состоянии...

— Вы проявляете слабость, а это из-за плохого ухода. Мне с каждым днем становится все хуже. Сюда никому не следует приезжать.

— Вы что, думаете уехать?

— Уехать? Что ж, вполне возможно. А почему вы спрашиваете? Нет, я не уеду, и не надейтесь! Инспектор скорее умрет, чем от меня избавится. И даже если сюда пожалуют не один, а целых два пастора, ему меня не выжить! Я ему покажу, где раки зимуют!

И он весьма витиевато выругался в адрес посягнувшего на его комнату пастора.

Дело приняло еще худший оборот за ужином, когда то ли по иронии судьбы, то ли по злему умыслу инспектора пастор и его два мальчика оказались за столом рядом с самоубийцей. Пастор поклонился своему соседу, самоубийца ответил едва приметным кивком. Тот, кто приехал раньше, не обязан расшаркиваться перед каждым вновь прибывшим.

Пастор сказал несколько слов, самоубийца хранил молчание, зато Мосс, который сидел по другую сторону от пастора, вступил с ним в громкий, любезный разговор.

Приезжий назвал свое имя — Оливер, но самоубийца не обратил на это никакого внимания и почему-то звал его «Иенсен».

— Иенсен? — удивился пастор.

— Да, может, вам угодно, чтобы я называл вас Николайсен?

На лице пастора выразилось полное недоумение, и он молча принялся за еду.

— Хорошо, что вы приехали, с вашей помощью мы скорее покончим с консервами, — сказал самоубийца, снова обращаясь к соседу.

На этот выпад ответа не последовало — сосед с аппетитом уплетал консервированные мясные фрикадельки, он был голоден.

Самоубийца спросил:

— Вы приехали через перевал, господин пастор?

— Это вы мне? — переспросил новый гость, отрываясь от тарелки. — Я не пастор. Я директор гимназии.

Самоубийца растерялся:

— Директор гимназии?

Гость вынул визитную карточку и протянул самоубийце. Тот прочел: «Франк Оливер, доктор философии, директор гимназии».

— Извините, пожалуйста, — смущенно сказал самоубийца. — Это дурак инспектор превратил вас в пастора.

Однако это уточнение ровным счетом ничего не изменило. Самоубийца по-прежнему испытывал злость к вновь приехавшему и теперь лишь перенес ее с пастора на директора гимназии. Ведь все равно это был тот самый человек, который вознамерился выселить его из комнаты, и все то время, что директор гимназии провел в санатории, самоубийца не упускал случая выказать ему свою неприязнь.

Бедный директор Оливер никому не сделал ничего плохого, но характера в нем не было, — как говорится, ни рыба ни мясо. Долгие годы учения и стесненные обстоятельства

изнурили его, пальто висело на нем, как на вешалке, редкие волосы на голове и жиденькая бородка давно поседели — все это так. Но это отнюдь не обескураживало его. Напротив, он ходил с гордо поднятой головой, оттого что ощущал свою внутреннюю ценность. Он охотно общался с людьми, в его самомнении была большая доля какого-то детского простодушия, он всегда торопился назвать свое имя и звание, чтобы тут же вызвать к себе уважение. Что и говорить, той высокой цели, которую директор Оливер поставил себе в жизни, он не достиг, да и кому это удастся? Но к тому, чего он достиг, тщетно стремится огромное число людей, и это тоже достойная цель. Он занимает заметное место в учительском мире и считает его весьма почетным. И все его коллеги тоже так считают. В чем суть его профессии, его деятельности? Разве не в том, чтобы дать народу образование? Он приобщал людей к школьному просвещению. Если молодежь не погрязла в невежестве, то это и его заслуга, он несет свет знания, ликвидирует неграмотность, и в том, что Норвегия стала просвещенной страной, есть и его вклад.

Директор Оливер не утратил активности, но при этом он не стремится ни уйти от своей судьбы, ни подстегнуть ее. Он такой, какой есть, судьба его свершилась, лодка его жизни обрела покой в гавани. Год за годом он живет как живется, не меняется, он все такой же, как прежде. Законы страны позволяют ему зарабатывать себе на хлеб тем трудом, к которому он привык, он самый главный у себя в гимназии, распоряжения господина директора обсуждению не подлежат.

Поначалу жить под одной крышей с полсотней чужих людей было для него как-то непривычно, но это длилось всего несколько часов — скоро все уже знали, кто он, утром все с ним здоровались, внимательно слушали то, что он говорил, при его появлении вставали, уступая ему стул. Чтобы угодить господину директору, постояльцы окружали вниманием его сыновей и часами с ними беседовали.

Но самоубийца по-прежнему глядел на него косо.

— Уверяю вас, — сказал он Моссу, — что пастор, то есть директор гимназии, нарочно выдал себя за пастора, чтобы заполучить комнату получше. Надо же, какой хитрец. Но меня не проведешь.

Снова стали поговаривать о том, что санаторий намеревается купить у Даниэля быка.

— Почему теперь, — возмущался самоубийца, — почему не раньше? В кои-то веки здесь появились люди, кото-

рые отлично обходятся фрикадельками из консервных банок, и нате вам — покупают быка!

По его мнению, торопиться с покупкой быка не стоит. Он убеждает персонал санатория и постояльцев, что разумно повременить — до тех, скажем, пор, пока не уедет директор гимназии, иначе от быка слишком быстро ничего не останется.

Самоубийцу все осуждали за жадность и недружелюбие. Никто не обращал внимания на его слова.

— Ведь вы хотели умереть, не так ли? — со смехом спросил его инспектор. — Почему же вы придаете еде такое значение?

Быка купили.

Знай они, к каким это приведет последствиям, они бы его не купили, это в какой-то мере оправдывает их и отчасти снимает вину. Откажись они вовремя от этой затеи, им не пришлось бы нести тяжкий груз ответственности. Задним числом легко рассуждать, ссориться, перекидывать друг на друга вину — что толку, что случилось, то случилось, назад ничего не вернешь. Оставалось только ломать руки и сокрушаться.

Да, теперь Даниэль был готов продать своего огромного быка, несколько сот крон — большие деньги для хозяина хутора Торахус, они придутся ему весьма кстати, много причин толкало его не тянуть с продажей. Лето шло к концу, сена в этом году накосили мало, цены на него стояли высокие, а бычок Даниэля за летние месяцы здорово подрос и сможет заменить большого быка.

За быком к Даниэлю послали швейцара и почтальона. Они прихватили с собой веревку, и швейцар очень ловко обвязал ее вокруг шеи и морды быка.

— Веревка тонковата, — сказал Даниэль.

— Ничего, выдержит, — ответил швейцар.

Они не успели еще отойти от хижины, как Даниэля охватило сомнение.

— Только бы вам довести быка до санатория... — сказал он.

Швейцар с важным видом заверил его, что за свою жизнь он уже не раз имел дело с быками.

Поначалу все шло хорошо, они благополучно проделали половину пути, но тут бык вдруг заупрявился, встал и — ни с места, уткнулся мордой в землю и знай мотает головой. Должно быть, он уразумел, что попал на чужое поле, да и те, что его вели, тоже чужие. Черта с два его сдвинешь,

да еще когда ведешь на бельевой веревке. Ласковые уговоры и поглаживание не возымели никакого действия, а в ответ на удары палкой, которой орудовал почтальон, бык только сопел. Но не вечно же им торчать здесь, и швейцар стал ругаться на чем свет стоит.

— Дай ему как следует по заднице, — приказал он. — Погоди, я покрепче ухвачусь за веревку. Вот теперь давай! Но и это не помогло. Бык не шелохнулся.

— Ударь что есть силы, — крикнул возбужденный швейцар.

Почтальон силы не пожалел.

И тут произошло нечто ужасное — только Господь Бог мог уберечь швейцара. Почтальон стоял как стоял, вокруг — никого, а бык и швейцар понеслись куда-то по прямой, не разбирая дороги, — ни густой кустарник, ни валуны не были им помехой. Поначалу почтальон подумал, что ничего смешнее не видел в жизни. Швейцар мчался за быком, — то он мелькал в воздухе, то волочился по земле, а в болотце их облепили брызги грязи. Почтальон прямо выл от смеха. Но тут послышался могучий удар и вскрик. Почтальон побежал на него и увидел, что бык стоит, упершись рогами в дерево, а рядом — швейцар, рука его прижата к стволу веревкой.

— Подожди, я сейчас обрежу веревку, — испуганно сказал почтальон и выхватил нож.

— Не смей, — остановил его швейцар. Он держался молодцом и к тому же был в таком бешенстве, что скрипел зубами. — Надо ее развязать и вот тут продеть. Главное — не отпустить быка.

Когда он наконец высвободил руку, она была посиневшая и опухшая, а два пальца окровавлены. Он несколько раз помахал ею и сказал, дрожа от гнева всем телом:

— Разве я тебя просил ударять его по заднице сбоку?

— Как так сбоку? Нет, не просил, — пробормотал почтальон.

— Осел!

— Надо было отпустить веревку, — сказал в ответ почтальон.

— Не отпущу! — закричал швейцар.

— Заткнись! Разве ты не видишь, что пугаешь его своим криком?

Швейцару пришлось понизить голос, но настроение его от этого не улучшилось, и он продолжал ругать своего напарника на чем свет стоит.

Тут на дороге появились люди. Это были пациенты санатория, которые прослышали, что послали за быком, и решили двинуться навстречу. Их оказалось не так уж мало, были там и дамы, и господин Бертельсен, и даже господин Флеминг, который в этот день в первый раз после болезни вышел на воздух. Вполне возможно, что швейцар так решительно отказывался отпустить веревку не только из личного мужества, но и из честолюбия: он хотел быть героем в глазах всех этих гостей и зрителей.

— Давай еще попробуем! — сказал он излишне громко.

Почтальон пробормотал что-то насчет опасности.

— Ты просто тряпка! — крикнул швейцар. — Ведь это всего-навсего бык, убойная скотина. Неужели нам с ним не справиться? Ха-ха!

Бык не двинулся с места.

— Посмотри, какие красные у него глаза! — сказал почтальон.

— Сейчас я ему всыплю, — ответил швейцар, — тяни сильнее!

Но бык не двинулся с места.

— Иди сюда, — скомандовал швейцар, — держи его крепко вот за эту веревку у морды, да нет же, с другой стороны. Надо сдвинуть его с места, не вечно же нам здесь торчать.

Они приготовились. А бык стоял, уткнувшись мордой в землю, словно ждал чего-то, время от времени вскидывал налитые кровью глаза и громко сопел.

Приготовления закончены. Оба ухватились за веревку, правда, почтальон только одной рукой, а другой бьет быка палкой по заду — весьма неудачный способ сдвинуть упрямую скотину — ему такой удар что укол булавкой.

И вдруг бык снова сорвался с места! На этот раз почтальону было уже не до смеха: почва ушла у него из-под ног, и оба они с швейцаром полетели вверх тормашками в разные стороны. Что такое сила двух парней по сравнению с мощью быка? Они лежали на земле — он разметал их, отшвырнул подальше. Швейцар все еще сжимал в руке веревку, он не отпустил ее — настоящий смельчак, — но это был лишь обрывок, веревка порвалась.

Вот именно, бык вырвался на свободу.

Он стоит, он на свободе, его коричневая шерсть блестит на солнце, всей своей тяжестью — не меньше центнера — он устойчиво опирается на короткие ноги, а толстенная могучая шея так сильна, что ей все нипочем. Вот это зрелище!

Но людям это зрелище показалось неприятным. Гости санатория вскрикивают, у них подгибаются колени, им страшно. Они чувствуют свою беспомощность. Несмотря на красоту быка, на его блестящую коричневую шерсть, от него исходит холод и опасность, и всем присутствующим становится не по себе. В это первое мгновение все застыли на месте, все, кроме двух мальчиков, которые, всецело захваченные разыгравшейся на их глазах сценой, полезли на скалу, чтобы лучше все видеть. Это послужило как бы сигналом, все остальные последовали их примеру и тоже стали карабкаться на скалу. Там они наконец перевели дух и несколько успокоились — они оказались как бы в цирке, зрители в цирке.

Почтальон медленно встает и ощупывает себя, чтобы убедиться, что цел и невредим. Швейцар, хоть и оглушен и нетвердо стоит на ногах, тут же хватается за веревку и привязывает к ней оторвавшийся кусок. Его по-прежнему душит бешенство, и он изо всех сил старается делать вид, что ему не страшно. Одна из дам тербит и вертит перчатки еще усерднее, чем обычно, и умоляет его не подходить больше к быку, но он не обращает никакого внимания на ее слова. Однако, когда к нему обращается Бертельсен, торговец древесиной Бертельсен, которого так уважают в санатории, и просит подождать, швейцар останавливается и спрашивает:

— Чего это мне ждать?

— Пожалуйста, подождите немножко, — отвечает Бертельсен, — фрекен д'Эспар пошла за Даниэлем.

Услышав это объяснение, швейцар уж точно решает не ждать, плевать он хотел на Даниэля и на его быка. Чего бы это ему ни стоило, он доставит его в санаторий! Он оглядывается в поисках почтальона, зовет его, но тот оказался где-то сзади: когда почтальон побежал, он потерял фуражку и теперь ищет ее — фуражку, отделанную золотым шнуром, знак его должности. Швейцар ждет и снова зовет его.

— Ты что, быка испугался, этого теленка? Да у него даже рога как следует не выросли, только две маленькие шишечки на голове! Как тебе не стыдно!

— Это здоровенный бык, а не теленок, — ответил почтальон злобно, — и я больше не намерен с ним возиться, имей это в виду.

Они ссорятся, а бык тем временем все больше распаляется, подрывает мордой пни и пучки травы, весь измазюкался, бьет передними ногами землю и ревет так, что кажется, гром гремит. Вдруг его взгляд падает на швейцара, и он бросается к нему. О, это весьма устрашающее зрелище, когда

он вот так бежит на человека. Швейцар тут же залезает на скалу и говорит:

— Раз этот жалкий человечек отказывается мне помочь, то и мне придется отступить. Конечно, разве пойдешь на быка без фуражки с золотым шнуром?

Так он пытается переложить всю вину за их неудачу на почтальона.

А тут как раз появляется Даниэль. Фрекен д'Эспар не вызывает к себе симпатии, ее скорее недолюбливают, но в находчивости и сообразительности ей не откажешь. Так и на этот раз — именно она сделала то, что было необходимо: сбегала за Даниэлем. Он прибежал, захватив с собой веревку нужной толщины, и стал тихонько приближаться к быку, всячески выказывая ему свое дружеское расположение. Протянул к нему руку, называл самыми ласковыми именами, стараясь дать ему понять, что идет к нему, как и всегда, с добрыми намерениями, но бык, не подымая головы, по-прежнему рыхлил землю передними ногами.

— Вы его напугали, — с досадой сказал Даниэль.

— Нас теперь здесь столько, что можем его окружить и погнать, — предложил швейцар.

Что и говорить, народу и правда предостаточно, дело не в этом, но... Может быть, у швейцара и хватило бы мужества, но осуществить его замысел невозможно. Как погонишь взбесившегося быка? Они его окружают, но остается сделать самое трудное.

Так они стояли, и — ни с места.

— Кто-то должен сходить за Мартой, — говорит Даниэль, — он ее хорошо знает.

Марта — это старая служанка Даниэля. Хорошо, кто-нибудь сходит за Мартой. Никому не хочется, все отказываются под предлогом, что не знают дороги. Снова придется отправиться в путь фрекен д'Эспар. Что ж, она готова. Вот только повесит шляпу на дерево. Она слезает со скалы и уходит, а остальные так и стоят на скале, в страхе глядя вниз.

Когда и Даниэль не справился с быком, швейцар испытал злорадное торжество. Пусть все видят, что он тоже не может! Но никто не станет сомневаться в его мужестве, даже если он и смолчит. Однако стоит посмотреть на всю эту историю непредвзято — и станет ясно, что это именно он заварил всю эту кашу. Уж лучше ему помалкивать!

— Может, мне сходить за своим ружьем и пристрелить его? — предлагает Бертельсен.

— Прошу вас, сделайте это, — воскликнула дама, что теребила перчатки и ломала пальцы.

Бертельсен осмотрелся в поисках безопасного пути, но, видимо, не нашел его — в самом деле, его везде может настичь этот бешеный зверь. А тут еще фрекен Эллингсен хватает его за руку и просит отказаться от этой затеи, ведь, слава Богу, скоро придет Марта.

Даниэль еще несколько раз пытается схватить быка за веревку, но ему это никак не удается, тогда он тоже залезает на скалу. Теперь они все там собрались. Бык бьет копытами землю, подымает голову, ревет и снова бьет копытами. Кажется, ему и дела мало, что целая куча людей забралась из-за него на скалу. Из соседней роци до них доносятся крики. Там толпятся другие больные из санатория, они спрашивают, могут ли они подойти поближе.

— Нет-нет! — кричат им в ответ со скалы. — Бык разгуливает на свободе.

— Скорее отправляйтесь назад, просто немедленно, — кричит громче других Бертельсен.

Должно быть, эти крики окончательно сбили быка с толку, он весь задрожал — и тут-то все и началось.

Бык как-то неестественно захрипел — это был отвратительный, безумный звук, — рванулся с места, словно его снова ударили по заднице, и галопом помчался на скалу. Крики насмерть перепуганных людей слились в один многоголосый вопль, они бросились врассыпную, скала вмиг опустела, словно всех ветром сдуло, на ней осталась только одна дама, она больше не теребила перчатки, а впала в оцепенение, потом пошатнулась, колени у нее подогнулись, и она упала. Бык уперся в нее своими рогами и поволок, поволок по скале, будто узел тряпья...

Настала очередь швейцара. Швейцар не пожелал бежать вместе с остальными, он совсем как обезьяна быстро влез на дерево. Должно быть, этот чертов парень заранее продумал такой способ спасения, иначе не сделал бы этого так уверенно и хитро в минуту опасности. И вот он сидит на суку, и все ему нипочем. Он не испугался, даже когда понял, что бык увидел его, но минуту спустя бык налетает на дерево.

Что толку, что швейцар прослышет храбрецом, — дерево скрипит, ствол трясется. Швейцар кричит на быка, ругается, обзывает его самыми страшными словами, но мало-помалу, правда очень медленно, до него все же доходит, что он может погибнуть, и он просит Бога помочь ему.

Те, что убежали со скалы, издали наблюдают за швейцаром и призывают присоединиться к ним, они не понима-

ют, что это невозможно, что для него отрезаны все пути к спасению. То и дело из глотки быка вырывается рык, громкий, как удар грома, бык что есть силы наскакивает на дерево, и оно начинает клониться. При этом шляпа фрекен д'Эспар падает с ветки, бык топчет ее, топчет со все большей яростью, и эта-то шляпа и спасает швейцара. В тот миг, когда внимание быка всецело сосредоточено на шляпе, швейцар с ловкостью обезьяны слезает с дерева и бежит, бежит что есть мочи...

Его спасло чудо.

Он догоняет остальных и рассказывает о том, что натворил бык: он убил женщину, она лежит вон там, на скале, скорее всего, она уже мертва, но все же надо посмотреть, надо попытаться... О, швейцар вновь на коне, он соображает, как ему надо себя вести, и требует помощи, чтобы спасти даму. Он уверяет, что прибежал только затем, чтобы это рассказать, не то мог бы преспокойно сидеть и дальше на своем дереве.

Даниэль поспешно идет с ним назад. Бертельсен с благородной неосторожностью рванулся было за ними, но фрекен Эллингсен его удержала.

— Стойте и ждите здесь! — говорит она. — Я сейчас вернусь.

И она бежит вслед за ушедшими. Благородный поступок! Быть может, она считает, что ее красная блузка отвлечет быка от трупа.

А бык тем временем снова вернулся к своей жертве и основательно ею занялся. Вот тут-то и появились спасатели. Они кричат, шумят, но бык, опьяненный своей победой, не обращает на них никакого внимания. Но вдруг до него с дороги доносится голос, который он хорошо знает: пришла Марта. В руках у нее ведро, она идет к обезумевшему быку и протягивает ему ведро с мучным пойлом. Все получается. А Даниэль уже стоит тут как тут наготове с веревкой.

VI

Наступило время тревог и раздоров.

Печальное событие обсуждалось денно и ночью много недель подряд — это было неизбежно. Как такое могло случиться? Доктор прямо с ног сбился — у него то и дело требовали укрепляющих капель, и как только появлялись швейцар или почтальон, их начинали ругать последними слова-

ми. Даниэля весьма строго допросили: нет ли у него других взбесившихся быков — может, он где-то прячет еще одного, а то даже двух?

И что это за канитель, почему, убрав труп цветами, не хоронят покойницу, почему не закалывают быка? Неужели трудно понять, что чем скорее это произойдет, тем лучше?

Адвокату Робертсену пришлось покинуть свой кабинет, забросить все дела в городе и снова приехать в «Торакс» — ведь он здесь отвечал за все. Ему с огромным трудом кое-как удалось погасить недовольство, пациенты были вне себя: их жизнь и здоровье подвергаются здесь опасности! Швейцар — настоящий убийца, да-да, тут и спорить нечего, а Даниэль, у которого бык оказался бешеным, разве на нем нет вины? А сам адвокат и доктор тоже хороши, построили санаторий в непосредственной близости от бешеного быка! И как объяснить то обстоятельство, что это чудовище до сих пор мирно жует себе сено в хлеву санатория?

Самоубийца кивает головой и многозначительно замечает:

— Второй случай смерти!

А вообще-то говоря, все идет в соответствии с его желаниями: чем дольше не закалывают быка, тем меньше свежего мяса успеет съесть директор гимназии. Самоубийца рассчитал, что еще день-другой, и тому и вовсе не удастся его отведать.

Однако адвокат помешал осуществиться этому расчету.

— Наши новые гости интересуются, почему нет музыки, — сказал адвокату доктор. — Они прочли в газете, что по вечерам у нас играет пианист.

У адвоката на все есть готовый ответ:

— Пусть себе газеты пишут что угодно, не всему надо верить, что в них напечатано. Но в данном случае надо объяснить людям, что наш музыкант в отпуске, мы отправили его за границу, чтобы он еще больше усовершенствовался в игре. Все очень просто. Вернется он уже настоящим маэстро. Все знают, я всегда говорил, что отношусь с уважением к желанию этого молодого человека поехать за границу для завершения своего образования.

— А еще спрашивают, где принцесса. О ней тоже писали газеты, — не унимался доктор.

И на это был готов ответ:

— Черт его знает, где она теперь. Может быть, тоже умерла, или разорилась, или арестована, откуда мне знать. Во всяком случае, она здесь жила и сполна уплатила по счету.

Они помолчали, а потом адвокат продолжил:

— Как бы то ни было, граф по-прежнему живет у нас.

— Граф, — повторил доктор, покачав головой. — Он болен, и лучше его не показывать.

Но адвокат и тут нашелся:

— Зато мы заполучили директора Оливера.

— Да, правда.

— Известный человек. Ученый. Пойду поздороваюсь с ним.

— Он собирается пробыть здесь не больше недели.

— Что ж, я поговорю с ним, скажу, как мы рады его приезду, как надеемся, что ему здесь понравится, и спрошу, решит ли он написать в газете о его пребывании в санатории. Это произведет хорошее впечатление.

Этот разговор взбодрил доктора, он от души посмеялся над тем, как быстро адвокат находит выход из любого трудного положения. Они разговаривают, у них нет никакой задней мысли, от этого никакого вреда, наоборот — польза санаторию.

— Я все стараюсь вспомнить, не сдавали ли мы с директором вместе экзамен на аттестат зрелости, — сказал адвокат. — Мне кажется, что мы были когда-то добрыми друзьями.

Доктор снова рассмеялся.

Адвокат нахмурил лоб и сказал вполне серьезно:

— Так или иначе, мы его не выпустим отсюда, пока не заполучим другую знаменитость. Денег у него мало, что ж, пусть живет бесплатно...

Директор гимназии Оливер и его двое сыновей прожили в санатории две недели, потом задержались еще на одну. Быка закололи, туша поступила в распоряжение поваров, вместо консервов стали подавать прекрасное жаркое или бифштексы, и настроение у всех поднялось. Директор гимназии расцвел на глазах, он заметно поправился, отдыхал от трудов, читал французские книги фрекен д'Эспар и обсуждал их с ней. Встретить такую образованную даму было для него просто событие, в его городе он был лишен достойного его общества.

А самоубийца скрежетал зубами.

Он прекрасно понимал, что выгнать директора гимназии невозможно. Дама, которая уступила ему свою комнату, умерла, и присутствие директора никого больше не стес-

няло. Но неприязнь, даже отвращение самоубийцы к этому человеку, который, приехав сюда, потребовал себе комнату с печкой, не уменьшилось Кто его сюда звал? Почему вокруг него поднимают столько шума? И какой зверский аппетит у этого учителя гимназии!

— Я все сделаю, чтобы избежать встречи с этим человеком, — сказал самоубийца своему приятелю Антону Моссу, — но все равно рано или поздно нам придется столкнуться!

Все началось с того, что однажды самоубийца зашел в курительную комнату и уселся в ожидании. Он ждал свежих газет, которые доставлял в санаторий почтальон. И вот наконец газеты появились. В последнее время стало правилом, что первым газеты брал директор гимназии, как самый образованный из гостей, которому было необходимо быть в курсе всех новостей, и все считали это вполне естественным. Все, кроме самоубийцы, которого это бесило. Как только принесли свежие газеты, он поспешно перепутал их со старыми, все еще лежащими на столе, а затем сел и взял себе английскую газету, на которую в свое время подписались из-за миледи. Все было готово для стычки.

Пришел директор гимназии.

И тут же между ними разгорелась ссора. Чтобы найти свежие газеты, директору пришлось рыться в ворохе старых и сравнивать даты и номера, и наконец он спросил самоубийцу:

— У вас какой номер?

Словно не понимая, о чем речь, самоубийца ответил:

— Какой у меня номер? У меня не номер, а буквы, меня зовут Магнус.

Директор продолжал рыться в ворохе газет и все твердил:

— Виданное ли это дело!

— Что случилось? — поинтересовался самоубийца.

— Что случилось? — возмутился директор. — Зачем вы перепутали все газеты?

И тогда самоубийца ошеломил директора своим вопросом:

— Вы сами до этого дошли?

Директор гимназии промолчал. Видимо, он понял, что имеет дело с сумасшедшим. Он сел и стал просматривать газету, которую наконец нашел.

Но сумасшедший, похоже, и не собирался уходить. Директор несколько раз пробежал глазами взятую им газету, но конца этому не предвиделось, сумасшедший все еще не выпускал из рук английскую газету, словно догадался, что директор школы ждет именно ее. Да, это был именно тот

день, в который директор Оливер всегда читал иностранные газеты, это было для него наивысшее удовольствие, его страсть с молодых лет.

— Не будете ли вы столь любезны, не поменяетесь ли вы со мной газетами? — спросил он, отчаявшись.

Ответа не последовало.

— Я заметил, что вы ее не читаете, не переворачиваете страницы.

Кажется, ясно сказано, но и эти слова не произвели на сумасшедшего никакого впечатления.

В комнату вошла фрекен д'Эспар и почтительно поздоровалась:

— Доброе утро, господин директор!

Директор тут же пожаловался ей, что все газеты на столе перепутаны, что он ничего не может найти.

Фрекен сразу начинает их разбирать. На это у нее уходит всего две-три минуты, она все умеет, со всем может справиться. Затем она подходит к самоубийце и говорит тихо, с просительной интонацией в голосе:

— Не одолжите ли вы мне ненадолго вашу газету?

Чертова девчонка! Дамы ее недолюбливают, но мужчинам она нравится. Она стоит, такая прелестная, совсем близко от самоубийцы, он ощущает ее дыхание.

— Но, может, вы ее еще не дочитали? — спрашивает она.

— Не дочитал, потому что не читаю, — ответил он, протягивая ей газету. — Я не могу ее прочесть.

Но тут директор, хотя и получил злосчастную газету, окончательно вышел из себя.

— Вы не можете ее прочесть? Выходит, вы не знаете английского. Зачем вы тогда ее так долго держали? Это выше моего понимания.

— Если бы я вам сказал, что плохо вижу и поэтому не могу прочитать газету, это было бы неправдой, — ответил самоубийца. — Я прекрасно вижу, а вот мой товарищ Антон Мосс, к сожалению, видит плохо.

— Ну и что? — в полной растерянности спрашивает директор.

— А ничего. У него язвы на лице, и теперь они появились и на глазах.

Директор гимназии не ответил. Он лишь кинул вопросительный взгляд на фрекен д'Эспар.

— Он, наверное, все же знает английский, — сказала она.

— Нет, я не знаю английского, — сказал самоубийца со всей определенностью.

Директор гимназии и фрекен д'Эспар погрузились в чтение. Но привычный распорядок дня был нарушен, директор был выбит из колеи и никак не мог справиться со своей досадой.

— Подумать только, он не знает английского! — сказал он, обращаясь к фрекен д'Эспар. — Наверное, вообще ни одного иностранного языка не знает. А вот мои мальчики уже неплохо продвинулись в английском.

— Потому что у них есть преимущество: они сыновья директора Оливера.

— В наше время не каждый считает преимуществом быть образованным человеком и знать языки.

Они продолжают читать. Надо сказать, что слова фрекен д'Эспар несколько смягчили директора. И когда он видит, что необразованный человек одиноко сидит в углу, он начинает испытывать к нему нечто вроде сочувствия. Он директор гимназии и должен вести себя соответственно. Естественно, природа дает всем одинаковые шансы, но у его мальчиков все складывается лучше, чем у других. Он шепчет что-то об этом своей собеседнице и продолжает читать. В ответ фрекен д'Эспар пишет на листочке бумаги несколько фраз и протягивает ему листок.

— Ах, вот оно что, — говорит директор и кивает, — понятно.

Видно, он получил объяснение и лучше понимает сложившуюся ситуацию, чем прежде, что-то для него приоткрылось. Он встает, садится рядом с самоубийцей и заговаривает с ним самым дружественным тоном:

— Мне пришла мысль, — я ведь школьный учитель, — если вам угодно, я мог бы позаниматься с вами языком, пока я здесь живу. Что вы скажете?

Самоубийца глядит на него.

— Поверьте мне: директор гимназии не такой уж плохой человек. Если бы вы жили в моем городе, я охотно давал бы вам бесплатно частные уроки.

Самоубийца не сдает своих позиций.

— Должно быть, не стоит понимать все буквально, — говорит он. — У вас наверняка есть какая-то задняя мысль.

— Уверяю вас, что нет! — со смехом отвечает директор. — У меня нет никаких задних мыслей. Я охотно буду вас учить тому, чего вы не знаете.

— Всякий раз после вашего ухода газеты, вокруг которых вы подняли весь этот сыр-бор, — говорит вдруг самоубийца очень грубым тоном, — валяются здесь в таком же беспорядке, как сегодня.

— Не может быть! — в отчаянии восклицает директор. Он беспомощно глядит на фрекен д'Эспар и спрашивает: — Неужели я действительно оставляю все в таком беспорядке? Если это так, то я очень виноват.

Фрекен д'Эспар извиняется за него перед самоубийцей:

— Видите ли, господин директор — ученый, ему труднее так аккуратно все складывать, чем нам.

— О нет, — протестует директор, — я постараюсь... больше этого не случится...

— Знаете ли вы, что ту даму, которая погибла, из-за вас выселили из ее комнаты, и жизнь для нее стала невыносимой. Она не раз говорила, что хочет умереть.

— Я что-то ничего не понимаю. О какой даме вы говорите?

— О фрекен, которая постоянно теребила перчатки. Ее переселили в комнату без печки, и она захотела умереть. Ее убил бык.

Тут фрекен д'Эспар громко рассмеялась — только не надо принимать всерьез слова самоубийцы, все это смешно, все это просто бред.

А он по-прежнему сидит с серьезным видом в своем углу и, кажется, намерен продолжать свои нападки. Почему он держится столь недружелюбно? Все равно у него ничего не получается, его собеседники обращаются с ним все более и более обходительно, смеются и выражают одобрение. В конце концов он встает и уходит.

— Ах, вот оно что, он странноватый, не совсем нормальный? Хорошо, что вы меня предупредили. Подумать только, *suicideur*¹, — говорит директор и перечитывает записку фрекен д'Эспар. — Впрочем, это и видно.

— Да, но, может быть, все это одни сплетни. Доктор в это не верит.

— Я разговаривал с ним очень любезно, не правда ли?

— Вы действительно были с ним очень любезны, господин директор, предложили давать ему уроки, и вообще...

— Да, но вы же слышали: он не принял моего предложения и даже не поблагодарил меня. Такое поведение мне знакомо. Но вот что я хочу сказать: видите, как хорошо знать языки. Если бы вы написали мне записку по-норвежски, он мог бы ее прочесть.

— Да, — подтверждает фрекен д'Эспар, — знание французского уже много раз приносило мне и радость, и пользу.

— Но вы же слышали, — продолжает директор с подавленным видом, — он не захотел заниматься. Таких людей

¹ Самоубийца (*фр.*).

не сдвинешь с места, я уже пытался, они не хотят учиться и не знают благодарности.

— Да, так оно и есть, — соглашается фрекен д'Эспар и преувеличенно энергично кивает, словно директор попал в самую больную точку.

— О, можете мне поверить, я ведь пытался, даже с самыми близкими. Вот, например, в моем городе у меня есть брат. Он кузнец. Прекрасный кузнец, и голова у него хорошая, но совершенно необразован, невежествен. У нас с ним нет ничего общего, вы понимаете, у нас совсем разные интересы, мы почти не видимся. Я не хочу его осуждать, Боже упаси, я его не стыжусь, он хорошо зарабатывает, он сколотил состояние, его уважают, но мы не общаемся. Когда его избрали в городской совет, я послал ему открытку, но он меня даже не поблагодарил. Два раза мы с ним пытались поговорить, первый раз, когда я просил его мне помочь, дать взаймы денег. Что ж, он помог, но точно так, как помог бы любому другому. Он не проявил никакой особой отзывчивости, скорее наоборот: был крайне осмотрителен. После конфирмации он забрал своих детей из школы, хотя они проявляли явные способности к учебе, и мне хотелось, чтобы они учились дальше и смогли бы занять соответствующее положение в обществе. Нет! И вот тут-то мой добрый брат Абель заговорил со мной, он даже произнес целую речь. «Положение в обществе», — передразнил он меня. — Ради чего же я работал, неужели ради того, чтобы дети стали бездушными чиновниками, чтобы выучили языки, произносили бы иностранные слова и стремились только к тому, что утонченно и противоестественно? Сколько времени и душевных сил они убьют на это в свои молодые годы!» Говорил так, словно время и душевные силы будут потрачены зря, понимаете? И не думайте, что он шутил, нет-нет, он говорил вполне серьезно. Он считает, что я работаю в дурацкой бессмысленной системе, что я и мои коллеги люди хотя и ученые, но слепые. Мы сами, мол, даже не понимаем, в какой бродим пустоте и духовных потемках. «Какая у тебя цель? — спросил он. — Я и сам знаю: чтобы в нашем городе твоим именем назвали улицу — улица Оливера?» Он уверен, что я обречен прожить всю свою жизнь в нищете. Представляете, он утверждает, что я нищ телом и душой, да-да, и душой!

Фрекен д'Эспар всплеснула руками.

— Да, — усмехнувшись, продолжает директор, — можете мне поверить, у меня хватает забот. И так рассуждает член городского совета, к мнению которого прислушиваются. Он

научился выступать в общинном управлении, и многие находят, что в его словах есть и здравый смысл, и понимание людей. Так вот, во второй раз я к нему обратился, когда собирался защищать докторскую диссертацию и мне снова потребовалась небольшая денежная помощь. Он в этом ничего не смыслит. «Докторская диссертация — что это такое? — спросил он. — Небось тоже что-то мертвое?» — «Нет, — возразил я, — самое что ни на есть живое, это научное исследование, это знания, то, что никогда не умирает». — «А в ней есть что-нибудь новое, то, чего прежде не знали? — И он стал перечислять: — Занимаешься ли ты в своих исследованиях тем, что нужно людям, — минеральными удобрениями, например, или открытием новых звезд, или изучением глубоководных рыб, или музыкой, или созданием средств против тли, пожирающей листья, — он любит цветы, у него свой сад, — короче, есть ли в них любовь и розовые щеки?» — он научился говорить образно и доходчиво. «Нет, — ответил я в растерянности. Я стоял как школьник перед братом-кузнецом. — Ничего этого в моей работе нет, это философское исследование в области языка, но в нем есть и свои открытия, речь идет об омонимах, ну, и тому подобном». — «Кому это нужно?» — спросил он. «Кому? Кто может на это ответить? — сказал я. — Разве ты не считаешь, что важно точно установить, писал ли Гомер тот или иной древний текст или нет?» Нет, оказывается, он этого не считает. «Ты снова занимаешься мертвечиной», — сказал он. Конечно, для него все, чем я занимаюсь, смешотворно, бессмысленно. «Выброшенные деньги», — сказал он, когда давал мне их. На это я ему ничего не ответил, я взял себе за правило с ним не спорить, это все равно безнадежно. Он несколько раз возвращался к тому, что моим именем следует назвать улицу в нашем городе, но я ему сказал, что в этом нет нужды, может быть, когда-нибудь мне поставят памятник в самой Христиании.

— Не сомневаюсь, так и будет, — воскликнула фрекен д'Эспар.

— Ну, это покажет будущее, от нашего времени я ничего не жду. Вот я вам и рассказал про оба случая, когда мне довелось поговорить с моим братом Абелем. Однажды у нас дома сломался замок, и я позвонил брату и попросил прийти починить его. Я объяснил, что это, видимо, серьезная поломка, потому что ключ не входит в замочную скважину. Думаете, он сам пришел? Ничуть не бывало. Он послал одного из своих сыновей, причем даже не старшего. Правда, мальчик легко справился с поручением. Он снял

замок, разобрал его и снова поставил. Его ребята умеют делать руками все, что угодно. А моим сыновьям, которые учат языки и математику, оставалось только смотреть на это и хлопать глазами. Нет, на деликатность тут рассчитывать не приходится. Но интересно, что весь город стоит на стороне моего брата, на стороне кузнеца против директора гимназии. Когда люди нас обсуждают, то обычно говорят: один из них разумный, а другой — ученый. И конечно, быть ученым куда хуже, — добавил директор и усмехнулся.

— Ну конечно же, — сказала фрекен д'Эспар и тоже усмехнулась.

— На понимание в своем родном городе нечего рассчитывать, и иногда от этого просто руки опускаются.

Директор покачал головой и добавил:

— Я, безусловно, верну ему деньги, и как можно скорее.

— Не сомневаюсь.

— Я и в самом деле сделаю это. Надеюсь, что столичные господа от науки поймут наконец, что я давно заслужил стипендию.

Бедный директор гимназии Оливер, путь его отнюдь не был усыпан розами, ему то и дело приходилось терпеть несправедливость и злые козни. Правда была на его стороне, это было ясно, как божий день, но непросвещенные простолюдины попирали ногами его правоту. Что ж, прикажете ему капитулировать перед плебсом? Нет уж! Он будет ходить с высоко поднятой головой, он постоит за себя и за свое дело, дело просвещения. В этих условиях вполне простительно, что он несколько преувеличивает достижения своих сыновей по части иностранных языков и математики. На самом-то деле знают они очень мало, учиться не хотят и при каждом удобном случае убегают в кузню к дяде в поисках приключений. Это угнетает директора гимназии, его труд не приносит желанных плодов.

В курительную комнату входит господин Флеминг. Вид у него усталый, грудь впалая, сразу видно, легочный больной санатория, одетый как кавалер.

— Доброе утро, фрекен д'Эспар, — произнес он с приветливой улыбкой. Директору гимназии он тоже учтиво поклонился.

— У нас очень интересная беседа, — сказала фрекен д'Эспар. — Господин директор настолько любезен, что рассказал мне немного о своем родном городе.

Господин Флеминг сел рядом с ними и спросил, бросив взгляд на стол:

— В газетах есть какие-нибудь важные новости?

— По-моему, ничего нового. Впрочем, я еще не все прочел, — сказал директор гимназии.

— Дело в том, что наш самоубийца помешал сегодня господину директору прочесть газеты, — объяснила фрекен д'Эспар. — Самоубийца обвинил господина директора в том, что он не меньше быка повинен в смерти той дамы.

Они рассмеялись и продолжали обсуждать это, потом разговор перешел на сам несчастный случай, и директор гимназии выразил удивление по поводу того, что бык, четвероногое животное, смог забраться на скалу. Господин Флеминг знает деревенскую жизнь не хуже крестьянина, и он объяснил, что бык цеплялся рогами за скальные выступы и был так разъярен и испуган, что взял штурмом скалу буквально за несколько секунд.

— Вы тоже были на скале?

— Нет, — ответил господин Флеминг, — фрекен д'Эспар еще до того просто прогнала меня домой.

— Вы были не вполне здоровы, — пробормотала фрекен д'Эспар.

— Я так испугался за своих мальчиков, — сказал директор гимназии, — но что я мог сделать? Потом я, конечно, наказал их так, как они того заслужили, но... Я только надеюсь, что теперь они будут стараться избегать опасности, держаться по возможности от нее подальше.

— У вас разумные ребята, — ответила фрекен д'Эспар. — Они первыми залезли на скалу и подсказали нам, что делать. Не то все могло обернуться куда хуже. Погиб только один человек, да растоптана дамская шляпа.

От легкомысленности фрекен д'Эспар по лицу господина Флеминга пробежала тень.

— Пошли? — предложил он.

Фрекен д'Эспар сказала, вставая:

— Представляете, господин Флеминг обещал мне подарить новую шляпу! Я сгораю от любопытства. Ну, в путь! — И объяснила директору гимназии, куда они направляются: — На хутор Даниэля. Господин Флеминг там ест протоквашу.

И они ушли.

Они еще не успели выйти с территории санатория, как их общение изменило форму: они умолкли. Люди не могут всегда играть на одних и тех же струнах, случается, струны

рвутся, иногда приходится играть на одной последней. Обычно фрекен д'Эспар болтала без умолку, почему же она теперь молчит? Господина Флеминга это не могло не удивить. Сам он не отличался разговорчивостью, про него никак нельзя было сказать, что его речь лилась бурным потоком, но он охотно слушал других. Время от времени он вставлял в разговор несколько точных, уместных слов и снова слушал собеседника, уж такова была его манера. Но фрекен д'Эспар, она-то чего молчит?

Наконец она прервала молчание и сказала то, чего нельзя было больше таить:

— Сегодня я вас провожаю на хутор, должно быть, в последний раз.

Выстрел попал в цель.

— Как? Почему? Столь неожиданно! — Он был совершенно не подготовлен к такой новости. — Вы уезжаете? — спросил он.

— Да.

И объяснила, что ее уже не в первый раз вызывают в контору, где она работает.

— Вот как... — Господин Флеминг стал задумчив. — А я не знал и про первый раз.

— Конечно, я не хотела... вы тогда еще не выздоровели... зачем мне было это вам говорить...

Господин Флеминг стал еще задумчивей. Оба молчали.

Стояло бабье лето, прекрасная пора, их глазам открылся широкий вид на простирившуюся далеко внизу долину, оба были молоды, оба любили жизнь, и оба молчали. На первый вызов из конторы фрекен д'Эспар никак не ответила. Ее предупредили за две недели, что ей необходимо вернуться и выйти на работу в назначенный день, но она не уехала, она не могла бросить лежачего больного, который нуждался в ней. И вот несколько дней назад она получила уведомление об увольнении. Да, ее уволили. Она перенесла этот удар с достоинством. По каким-то мистическим причинам она ничего не рассказала господину Флемингу, а сегодня утром даже забыла о своих неприятностях и внимательно выслушала рассказ директора гимназии Оливера о том, как трудно ему приходится. Она была мужественной девушкой и никогда не ныла. Но она уже растратила почти все свои деньги, и ей волей-неволей пришлось сказать, что она уезжает.

— Сколько раз вас уже вызывали? — спросил господин Флеминг. Он надеялся, что можно оттянуть ее отъезд, и сказал наугад: — Три раза? Вы получили уже три письма?..

— Нет, — улыбнувшись, ответила она. — Так или иначе, ничего не поделаешь. Надо ехать.

— Вон оно что... Значит, завтра?

— Да, завтра.

Они снова умолкли. Господин Флеминг останавливается, словно дальше идти уже не имеет смысла.

Фрекен д'Эспар приходит ему на помощь.

— Что это за домик? — спросила она. — Его здесь раньше не было. Пойдемте посмотрим.

Они подходят к маленькому сараю, стоящему посреди поля, — Даниэль недавно сбил его, чтобы хранить в нем сено, скошенное на горных лугах. Там уже много свежего сена, и они заходят, чтобы передохнуть. Двери в сарае нет, солнце проникает внутрь через широкий проем, и воробушки залетают в погоне за мошкаррой. Видимо, все это пробуждает у господина Флеминга какие-то воспоминания, он становится мягче, печальнее и заговаривает о своем доме. Он не большой, собственно говоря, это никакое не поместье, и замка никакого нет, это маленький загородный дом, и никакого богатства, куда там...

— Сейчас вам все видится в мрачном свете, — утешает она его.

— Может, отчасти и так.

Во всяком случае, там деревья, лес, запах сена, течет ручей, через ручей перекинута доска, и на ней он часто лежал и ловил рыбок, приладив к удочке булавку вместо крючка. Детские воспоминания, поэтические видения и печаль нахлынули на юношу с больными легкими. Вынужденный жить здесь, в горах, он испытывал в эти минуты острое чувство тоски по родному краю. Он сказал, что ему хочется поскорее вернуться домой, но придется еще пожить какое-то время здесь, в горах, и постараться выздороветь. Он было совсем упал духом, не веря в выздоровление, но она сумела его подбодрить и пробудить в нем надежду. Нет-нет, не надо возражать, не надо преуменьшать свою роль, он благодарен ей за все, что она для него сделала, он не представляет себе, как будет здесь жить без нее.

Вот примерно, что он ей сказал.

Она слушала его с радостью, их разговор становился все сердечнее и нежнее, они доверились друг другу, все время улыбались и согласно кивали. Но стоило ему вдруг вспомнить, что завтра им придется расстаться, как он побледнел и уголки его рта опустились.

— Разве мы не пойдем на хутор за простоквашей? — спросила она.

— Нет. Честно говоря, теперь мне все безразлично.

— Ах, что за глупости! Я вас просто не узнаю.

— Теперь мне все безразлично, — повторил он.

Они помолчали. Каждый углубился в свои мысли — возможно, они думали об одном и том же.

— Если вы за меня беспокоитесь, — вдруг, желая ему помочь восстановить между ними контакт, сказала фрекен д'Эспар, — то пусть вас это не тревожит. У меня хватит денег, чтобы отсюда уехать.

— Господи, вот в чем дело! — Он был ошеломлен. — Деньги?

Она понимает, что деньги он может ей дать, а вот если он останется здесь один, без нее, ему будет плохо.

Они снова помолчали. Она глядела на его пальцы, такие тонкие, что кольцо, казалось, вот-вот соскользнет с руки... Возможно, она думала о том, что эти руки ни на что не пригодны, они не нанесут удара, ничего не схватят, они беспомощны, их хочется погладить, приласкать. Она вспомнила о его шелковых носках, об элегантно ночной рубашке, в которой он лежал, когда болел, и о том, как он ее поменял на следующий день из-за того, что на нее попала капелька кофе и осталось пятно никак не больше булавочной головки. Видно, так уж заведено у графов. Дважды за это время он был чересчур настойчив, проявлял к ней больше нежности, чем она могла от него принять, и глаза его при этом начинали лихорадочно блестеть. Да, так было, но из-за болезни, она уверена, и теперь ей это легче простить, она чувствовала, что ее все больше к нему тянет.

— Право, не знаю, что нам делать, — говорит она. — Может, я и могла бы задержаться...

Она полна великодушия и доверия к нему. И он спрашивает без обиняков:

— Вы можете отказаться от своей работы в городе?

— Да, — отвечает она.

— Тогда сделайте это. Я позабочусь обо всем остальном.

После этого решения они почувствовали себя более раскованно. Он отбросил излишнюю церемонность, стал вести себя куда свободней, ласковей, стряхнул с ее блузки сухие стебельки и сено с ее колен и положил ей руку на плечо. Одним словом, вел себя, как ему хотелось...

Потом они пошли к Даниэлю. Охватившая их радость странным образом требовала тишины, они переговаривались вполголоса, не шутили, шли, опустив глаза. Атмосфера несколько разрядилась, когда они дошли до хутора. Там их тепло встретила старая служанка, дала простокваши и

отказалась от денег, хотя господин Флеминг заплатил очень щедро. В конце концов они ее все же уговорили, и, прощаясь с ними, она в знак благодарности протянула им руку. По лицу господина Флеминга было видно, что он всем очень доволен.

На пути домой они снова подошли к сарайчику с сеном, и господин Флеминг сказал:

— Зайдем, отдохнем немного.

Фрекен д'Эспар потупила глаза и молча пошла за ним...

С тех пор они стали снова ежедневно ходить на хутор есть простоквашу и тем самым лечили больные легкие. Все шло хорошо. Господину Флемингу стало настолько лучше, что к нему вернулось доброе настроение, а на щеках появился румянец. Вместе с этим он проявлял все больший интерес к окружающей жизни, расспрашивал о последних новостях в мире, а в конце концов с жадностью набрасывался на напечатанные в газетах телеграммы. Доктор, авторитет которого теперь заметно возрос в его глазах, завидев Флеминга, с удовольствием приветствовал его, подметая при этом пол пером своей шляпы. Поскольку доктор не возражал против того, чтобы больной пил вино, но, конечно, в меру, то господин Флеминг пил его весьма усердно, а иногда и не вполне в меру. Впрочем, ничего плохого он в этих случаях себе не позволял, не шумел, но взгляд его становился неподвижным, словно он не мог оторвать его от начерченной мелом черты. Фрекен д'Эспар неизменно составляла ему компанию.

А потом случилось нечто неожиданное: в один прекрасный день, когда фрекен д'Эспар пригласила его на прогулку, он попросил ее пригласить и фрекен Эллингсен. Так они стали гулять втроем, лишив тем самым дочек священника, старых заядлых сплетниц, оснований для пересудов.

Со стороны господина Флеминга это был, быть может, хитрый ход, а может быть, просто внезапно возникшая потребность в какой-то перемене. Постоянное общество фрекен д'Эспар, то, что они никогда не разлучались, начинало тяготить его все больше, по мере того как он поправлялся и все меньше нуждался в ее уходе. К тому же фрекен д'Эспар допекла его своим французским. Конечно, он знал этот язык и понимал все, что она говорила, иначе и быть не могло, но случалось, его раздражало, когда она начинала с увлечением тараторить по-французски, особенно если она задавала ему какой-то вопрос и ждала ответа. Он перестал отвечать на ее вопросы под предлогом, что не понимает по-французски, — все посмеялись над этим, как над хорошей шуткой.

Фрекен д'Эспар постепенно училась смиряться со всем происходящим, смирилась она и с тем, что гулять они стали втроем. Правда, она несколько удивилась и много размышляла над тем, что бы это могло означать — почему он пригласил именно фрекен Эллингсен? Спору нет, она высокая и красивая и глаза у нее с косым разрезом — неужели это так уж красиво? И вообще, зачем нужен третий? В тот раз фрекен д'Эспар ничего не возразила, отправилась за фрекен Эллингсен, но не переставала размышлять над сложившейся ситуацией: она не легкомысленная, не флиртует, не пьет, все время сидит рядом со своим приятелем и глядит, как он пьет, — что же могло вызвать у него досаду? Это было известно одному графу. Фрекен Эллингсен ведь тоже не собиралась долго задерживаться в санатории — скорее всего, она уедет к концу недели. Итак, фрекен Эллингсен надо принять в их компанию — что ж, пожалуйста. Стакан вина? Конфеты? Ради Бога. Но сказать, что она красавица, что она интереснее меня, — ни за что. К тому же она, чуть что, принимается плакать, лишь бы привлечь к себе внимание, и вечно рассказывает какие-то небылицы, заводится по чем зря.

Так их стало трое, а когда к ним присоединился и кавалер фрекен Эллингсен, господин Бертельсен, их стало четверо, как раз компания для игры в бейсик. Теперь они могли смело занимать столик в углу курительной комнаты, не вызывая ничьих нареканий.

Все шло как нельзя лучше. Они жалели, что не сошлись раньше, подшучивали друг над другом и чувствовали себя превосходно. Бертельсен, правда, не был дворянином, но он был богатый человек, учился за границей, в Саутгемптоне и Гавре, ему принадлежали почти все акции санатория, и он умел, когда хотел, произвести впечатление. К тому же он отправил учиться в Париж музыканта и выплачивал ему стипендию. За такого человека, как Бертельсен, стыдиться в обществе не приходилось. Он неукоснительно настаивал на том, чтобы платить за вино, когда приходила его очередь.

Время от времени директор гимназии Оливер оказывал этой компании честь своим присутствием и даже выпивал стакан вина, хотя вообще-то он был человеком порядка и не любил излишеств. В этих случаях карты откладывались, директор гимназии придвигал себе стул и получал слово. О, директор Оливер не был заурядным филологом, он был крупным специалистом в своей области и знал то, чего другие не знали. Этот чрезвычайно образованный человек никогда не смеялся, в его натуре было что-то противо-

естественное, он был глух и слеп ко всему, что веселило душу и радовало глаз. Но у него были и свои достоинства: всю жизнь он прилежно трудился и был крайне невзыскателен, никогда не предавался разврату, не пил, не играл в карты. Детей своих он тоже воспитывал в духе умеренности: каждое утро он нарезал перочинным ножом четыре одинакового размера полоски газеты для определенных целей. Как-то раз дети спросили его, почему именно четыре, и отец ответил:

— Больше не требуется, четырех вполне хватает, возьмите себе это тоже за правило!

Нет, он не был ни щедрым, ни расточительным, куда там! Напротив, он довольствовался дешевым табаком, незатейливой домашней едой, которую готовила его жена, и блестящими от изношенности костюмами. Уважение, которое вызывало его имя, сполна заменяло ему все жизненные блага. Завистливые коллеги с изрядным красноречием напали на его докторскую диссертацию, как настоящий ученый он и сам подверг свой труд критической оценке. В ту пору он пошатнулся, но устоял и смог потом смело сказать себе: «Я сомневался, достаточно ли глубоки мои знания, но мои многочисленные книги дают на этот вопрос однозначный положительный ответ. Стоит только посмотреть на мою докторскую диссертацию, к ней приложены целых две страницы библиографии! Одно этого достаточно, чтобы окончательно рассеять все сомнения на этот счет».

Когда директор гимназии Оливер попадал в общество, он сперва бывал замкнут в силу своих избыточных знаний. Почти любой по сравнению с ним оказывался несостоятельным, и стоило ему только открыть рот, как все другие умолкали. Он говорил на доступном для них уровне, наизусть знал объяснение всех слов, какие только дает лексикон, никогда не делал ошибок в речи, правильно употреблял иностранные слова. Одно этого было достаточно, чтобы произвести впечатление на случайно собравшихся в санатории людей, но было еще и другое: во всех спорных случаях стоило только подойти к нему с вопросом, как он тут же давал авторитетное разъяснение. Вот тут-то и была вершина его торжества. И отвечал он всегда так охотно, был просто счастлив, когда представлялся случай проявить свое знание языков. При этом у него появлялась возможность и о себе рассказать, и делал он это с такой удивительной непосредственностью, что привлекал людей. Взыскательным он становился только тогда, когда речь заходила о добросовестности.

Теперь он перестал сомневаться, знает ли самоубийца английский или нет. Он убедился в том, что знает, поскольку застал его в комнате инспектора со старым номером английской газеты в руках. Поскольку он там находился один, то у него не было причин разыгрывать спектакль.

В личности самоубийцы было что-то мистическое, это все замечали.

— Да, — сказала фрекен д'Эспар, — этот человек на многое способен!

Все с ней согласились, и потому Бертельсену захотелось переплюнуть ее.

— Он наверняка знает куда больше, чем мы думаем, просто он немного странный. Я уверен, что он знает и французский, и еще другие языки!

Тогда директор гимназии выразил сожаление по поводу того, что предложил самоубийце давать ему уроки английского. И он чистосердечно признался, что не знает, как теперь исправить свой промах. Директор гимназии так разнервничался, что остальным пришлось его успокаивать и уверять, что он не сделал ничего плохого. Чтобы его отвлечь, заговорили о последних известиях, о книгах, об образовании, об иностранных институтах для девушек. Так директор гимназии снова оказался в своей стихии и смог как следует выговориться.

— Возникает вопрос: двигаемся ли мы вперед? Вне всякого сомнения, двигаемся. Разве можно сравнить нынешнее состояние нашей страны с тем, что было в прошлом? Во времена моего детства разве были у нас санатории и сельские гостиницы? А теперь они выстроены чуть ли не на каждой горе. У меня возникает впечатление, что мы продвинулись вперед на целое столетие, что мы приближаемся по уровню жизни к Швейцарии. Сколько у нас прежде было школ, как обстояло дело с просвещением народа? А теперь? Не приходится удивляться, что мы слышем одним из самых передовых народов мира. У нас такие врачи, священники, юристы и профессора, что многие страны могут нам позавидовать. Наша наука незамедлительно осваивает все лучшее, что создают большие нации, и не отстает от них. Да, мы — и это несомненно — идем вперед. Вот тут с нами рядом сидят две молодые дамы, которые в полной мере воспользовались неизмеримо выросшим уровнем преподавания литературы в школе. А самый приятный итог нашего развития — заметное улучшение положения женщины в обществе. Теперь она имеет те же права, что мужчина, и может, как и он, свободно сама выбрать свой жиз-

ненный путь. Неверно думать, что я человек старого образа мыслей, педант, который занимается только прошлым, как это утверждают некоторые мои завистники. Вот вы смеетесь над таким мнением, а они тем не менее утверждают, что это так. Особенно усердствует некий Рейнер, сын нашего городского пономаря, который никак не может мне простить мое звание доктора наук. Мы с ним были товарищами по школе, а потом вместе учились в университете, но я всегда был сильнее его, и он так и не смог с этим смириться. Этот парень тратил много денег, он разорил своего отца, и старому пономарю пришлось в конце концов взять деньги в долг из той суммы, которую собирали на Рождество, чтобы бесшабашный сыночек ни в чем не терпел недостатка. Короче говоря, парень не работал так, как надо, он на два года дольше меня готовился к выпускному экзамену, хотя и имел перед глазами мой положительный пример. Теперь он живет в маленьком городке на западе страны, где получил место учителя. Уже ясно, что большего ему не добиться. Однако у него хватает зависти и желчи, чтобы нападать на меня. Он написал, что я приложил к своей диссертации две страницы библиографии только для того, чтобы показаться ученым, но что большинство из указанных работ не имеют никакого отношения к моей теме. Я ответил ему исключительно по существу вопроса и только добавил, что им движет личная ко мне неприязнь. Тогда ему на помощь пришел другой наш коллега. Тому тоже хвастаться особенно было нечем, он известный радикал и весельчак. И вот этот человек обвинил меня в том, что я роюсь в старом псевдонаучном хламе, что не умею мыслить современно. Это меняет! Меня, вся деятельность которого направлена только на то, чтобы помочь как можно большему числу людей достичь высокого развития. Я могу смело сказать, что в чем, в чем, а в этом отношении у меня совесть чиста. Я даже начал было читать для моих сограждан лекции. Из этого, правда, ничего не вышло, но не по моей вине. Представьте себе: я говорю об эллинизме и упоминаю Фукидиду. И тогда меня перебивает дурашливый парень, сидящий передо мной на скамье, и спрашивает, не имею ли я в виду толстяка Дид! И все пошло прахом — вся огромная аудитория стала сотрясаться от смеха, я сошел с кафедры и отказался впредь читать лекции. Это было безнадежным делом. Но ведь если бы мои слушатели лучше учились в школе, такого не случилось бы. Фукидид, как известно, не толстяк Дид! Учиться, больше учиться! Поэтому я все время, всю свою жизнь ра-

тую за народное просвещение. По мне, так каждая служанка достойна того, чтобы сдать экзамен на аттестат зрелости и стать образованным человеком. Я привержен самым прогрессивным взглядам. Вот, например, в отношении женщин: пусть они получают образование и равные с мужчиной права. Ведь это значит, по выражению одного великого англичанина, удвоить человечество! И так должно быть везде: школы и курсы для больших и маленьких, для мужчин и женщин, школы и всякого рода другие учебные заведения. Так наверняка и будет. Женщина может теперь выбрать любую профессию, повсюду на всех факультетах полным-полно студенток, они могут стать судьями, врачами, учительницами. У нас есть школы всех типов: технические училища, художественные школы, торговые школы, языковые курсы, семинарии, даже школы для отсталых детей, где дебилов учат азбуке, есть специальные заведения, где калеки, лишённые рук, учатся какому-то ремеслу, сжимая инструмент в зубах, одним словом, школы, школы...

Но в самый разгар красноречивой речи директору гимназии приходится прерваться на полуслове: все присутствующие увидели в окно, что на веранде в плетеных креслах сидят и явно дрожат от холода самоубийца и Антон Мосс. Первым на них обращает внимание сам директор гимназии, он откидывается на спинку стула и говорит:

— Сидят, голубчики.

Бертельсен предлагает позвать их и угостить вином. Фрекен д'Эспар отправляется за ними, и, представьте себе, у нее все получается! Общество отчетливо видит сквозь оконное стекло: друзья удивлены полученным приглашением, они обсуждают его друг с другом, словно один спрашивает другого, как к этому отнестись, а Фрекен д'Эспар стоит рядом, склонив голову, и улыбается. И вот все трое входят в курительную.

Вновь пришедшим освобождают место, им наливают вина, предлагают сигареты, пододвигают к ним пепельницы. Однако гости сидят неподвижно и молчат. Бертельсен, видимо, надеялся, что ему удастся вызвать самоубийцу на интересный, занимательный разговор, что он выдаст им какое-нибудь свое неординарное суждение, но ничего этого не происходит. Его товарищ Антон Мосс чувствует себя явно неуютно в этом изысканном обществе, он старается спрятать перевязанные тряпочками пальцы, он плохо видит и тут же опрокидывает свой стакан.

— Пустяки, — утешает его фрекен д'Эспар.

Все проявляют крайнюю благожелательность, особенно директор гимназии. Чтобы хоть как-то завязать разговор, он спрашивает:

— Когда вы гуляли, вы случайно не видели моих мальчиков?

— Видел, — отвечает самоубийца. — Они пошли удить рыбу.

— Так я и знал! Я не раз слышал, какие быстрые и опасные горные речки. Я запретил мальчикам приближаться к реке, но... Они были одни?

— Нет, с ними был мужчина, он сказал, что он ленсман. Совсем еще молодой человек.

— Ну конечно, они липнут к каждому встречному.

— Ленсман... Интересно, зачем сюда пожаловало начальство? — шутит Бертельсен.

— Он поинтересовался, кто живет в санатории, и мы с моим товарищем ему всех перечислили.

Господин Флеминг вдруг начинает учащенно дышать, словно ему не хватает воздуха. И когда все поворачиваются к нему, он наклоняется и принимается возиться под столом со своими ботинками.

— Нет, на этот раз все в порядке, — говорит он фрекен д'Эспар, которая, должно быть, опасалась нового кровотечения.

Но что-то все же не в порядке. Господин Флеминг вдруг чувствует острую боль, улыбается какой-то вымученной улыбкой и не произносит больше ни слова.

Чтобы его успокоить, фрекен д'Эспар говорит бодрым тоном:

— Ну, раз ваших мальчиков сопровождает начальство, то вам, господин директор, опасаться нечего.

— Я все равно беспокоюсь, — упрямо отвечает директор гимназии. Он встает, благодарит присутствующих и еще раз повторяет, что запретил, строго запретил мальчикам спускаться к реке.

— Как он рассердился на своих ребят, — поражается Бертельсен, когда директор вышел из комнаты.

— А меня это ничуть не удивляет, — возражает фрекен д'Эспар, — он наверняка образцовый отец.

— Великий человек, — заявляет Бертельсен, снова перешеголяв фрекен д'Эспар. — Чего он только не учил, он знает все на свете!

Господин Флеминг поднимается. Самоубийца и его товарищ понимают это как намек — они тоже встают, благо-

дарят и уходят. Оказалось, для светской жизни эти двое мало пригодны. Что с самоубийцей? От него все ожидали чего-то необычного, искорки безумия, особой непримиримости суждений. А он все это время просидел как в воду опущенный или как певчая птица в неволе. Его товарищ куда симпатичнее, но он так ужасно выглядит из-за своих язв и нарывов, что смотреть на него просто страшно. Бертельсен сказал, что не смеет назвать болезнь Антона Мосса. Глаза у Антона Мосса заплыли, рот перекосялся.

Господин Флеминг попрощался и ушел.

Фрекен д'Эспар последовала за ним. Господин Флеминг ждал ее, она снова была ему нужна, ему просто необходим ее уход. Что-то с ним явно случилось: было видно, что господин Флеминг чем-то встревожен, а обычно он умел прекрасно держаться, ведь он граф. Но теперь он казался совершенно растерянным и явно нуждался в ее поддержке.

Они поднялись по лестнице и зашли в комнату господина Флеминга.

— Ничего особенного, просто сегодня снова плохой день, — заметил он.

— Вы еще не вполне выздоровели, — утешала она его.

— Нет, это не то. — И господин Флеминг нервно схватился за нагрудный карман. — Вот, на случай, если со мной что-то случится, ведь никогда не знаешь...

— Вы скоро выздоровеете.

— Дело не в том, что я непременно умру. Впрочем, и в этом тоже. Боже, вы не представляете, как я не хочу умирать. Я готов стать рабом, лишь бы сохранить жизнь, готов стать убийцей, лишь бы жить. Но сейчас не об этом речь. А по правде говоря, именно об этом. Я говорю бессвязно, но это так. Если меня вдруг заточат, я тут же умру.

Фрекен д'Эспар, несколько растерявшись, все же ответила:

— Но вас никто не собирается заточать, что за чушь!

— Там, внизу, я только что получил предупреждение. Дело в том, что у меня на родине не только друзья, но и враги. Могу я говорить с вами откровенно?

— Да! — ответила она с мольбой в голосе и улыбнулась.

Для доверительного разговора господин Флеминг не мог сделать лучшего выбора. Фрекен д'Эспар отнюдь не маленькая девочка, которая заблудилась в большом лесу и не знает, как из него выбраться, нет-нет. Она сидит, вся обратившись в слух.

— Я не невинный человек, — говорит он с жалкой улыбкой.

— Я тоже. Таких вообще не бывает.

Он пытается объяснить все как есть.

Пусть она не думает, что он допустил ошибку, вовсе нет, это был сознательный поступок, и он готов его повторить. Все началось с того, что он почувствовал дыхание смерти. Это было так неожиданно и страшно, так несправедливо — он стал харкать кровью и понял, что погибает!.. У него не было никакой надежды выжить, если тут же не придумать какой-нибудь уловки. Она понимает?

Она заверила его, что понимает.

И он нашел уловку, да такую хитрую, что даже при самой придирчивой проверке удалось бы обнаружить всего лишь описку, лишний ноль, и ничего больше, решительно ничего. Потом он уехал в этот санаторий. Правильно ли он выбрал место, нашел ли здесь то, что искал? Ему становилось то лучше, то хуже и снова то лучше, то хуже. Бог его знает, может, он и ошибся. И все это время он чувствовал, что над ним что-то висит, он был подавлен, он страдал. Не случайно он каждый день спрашивал, что нового в газетах, не случайно жадно читал сообщения телеграфных агентств. Но делать это он должен был незаметно, чтобы его заинтересованность никому не бросалась в глаза. Он жил в постоянном напряжении.

Однако фрекен д'Эспар не пришла в отчаяние от этой исповеди, душевного мужества ей было не занимать, она не усмотрела в этом ничего плохого, напротив, она в какой-то степени оправдывала его и сочувственно посмеивалась. И та жизнерадостность, с какой она восприняла его рассказ, уже сама по себе явилась поддержкой для бедняги, он перестал чувствовать себя преданным, всеми брошенным, она защитила его.

А он продолжал: как только он вылечит легкие и снова наберется сил, он сам заявит о своем проступке и примет наказание как должное, видит Бог, он даже охотно, с радостью искупит свою вину.

— Дайте мне только время! — вырвалось у него. — Чтобы я был физически в состоянии нести наказание, не убивайте меня, пока я не прошел этот курс лечения!

Кое-что в его обстоятельствах фрекен д'Эспар не вполне себе уяснила, и он уточнил: он никакой не финский дворянин, он из деревни, от земли, у них небольшое хозяйство, одна лошадь и четыре коровы. Поэтому-то для него так важен свежий воздух. А он шесть лет проработал в банке, и за все это время у него не было ни одного радостного дня. Он простой деревенский парень и прекрасно знает, какие могучие рога

бывают у быков. Недаром его так тянет ко всему деревенскому. Вовсе не случайно ищет он прибежище на хуторе Даниэля, в его маленьком домике, где он пьет молоко и накрывается овчиной — ведь все это вернет ему здоровье, верно?

— Да.

Ему надо выздороветь, черт возьми, а эти идиоты не желают понять этого и хотят при первой возможности посадить его за решетку. У него нет никакой потребности в роскоши, он не поехал в Париж, не останавливался в шикарных отелях, а ведь мог бы пожить там с шиком на полученные денежки. Нет, его привлекают только свежий воздух, горы, небо. Зачем же тогда он выдал себя за графа? Понять не трудно: это была своего рода защита. Флеминга обвинить куда труднее, чем, скажем, какого-то Аксельсона.

— Дома мы дважды в день, утром и в обед, ходили в хлев доить коров. Отец мой умер, а маму зовут Лиза, — рассказывал он. — Она всей душой радуется, когда слышит, что ее сын хорошо себя чувствует здесь, в горах. Из-за меня она относится к своим соседкам высокомерно, она гордится тем, что я получил место в банке. А теперь я хочу, чтобы она поскорее умерла, лишь бы избавить ее от позора!

Для фрекен д'Эспар это было уже слишком, но все же она сказала:

— Ну-ну, не надо так.

Он не сомневался, что ему не избежать ареста, это только вопрос времени. От услышанного в курительной слова «ленсман» в нем, словно от искры, вспыхнуло чувство страха.

Серьезный и сосредоточенный, господин Флеминг вынимает из кармана бумажник и кладет на стол толстый пакет, по виду похожий на пачку писем.

— Мне надо быть ко всему готовым, — говорит он. — Это деньги, что мне с ними делать? Может, сжечь?

— Надеюсь, вы не всерьез?

— Может, и нет, но спрятать их уже нет времени. Я вполне допускаю, что в эту минуту к дому подходит человек, который пришел за мной, вы понимаете, о чем я?

— Я спрячу их, — говорит фрекен д'Эспар.

— Правда? Вы не боитесь?

Она с храбрым видом откидывает головку и улыбается.

— Да, но все дело в том, что и вы не можете чувствовать себя в полной безопасности, это я сообразил всего несколько дней назад. Мы так много времени проводим вместе, что и на вас, вполне возможно, падет подозрение. Собственно

говоря, именно поэтому я и попросил вас позвать гулять с нами фрекен Эллингсен, а через нее привлечь в наш круг и господина Бертельсена.

Фрекен д'Эспар хватает со стола толстый конверт и прячет его на своей груди.

— Временно, — объясняет она.

— Хорошо. Конечно, эти деньги можно сжечь. Но ведь может случиться, что я не умру, а отбуду положенный срок — ведь моя болезнь капризная, с ней уже происходили всякие неожиданности, — и вот тогда, к моменту выхода из тюрьмы...

Фрекен д'Эспар кивает в знак того, что нет надобности продолжать, она сама была бы рада, выйдя после заключения, располагать какой-то суммой денег.

— Хочу вас предупредить еще об одном, — говорит он. — Чтобы знакомство со мной не навлекло на вас неприятностей, я буду, естественно, все отрицать. Понимаете? Буквально все. Мне вынесут приговор, но я буду все отрицать, все от начала до конца. Другого выхода у меня нет. Я на самом деле считаю, что не совершил никакого преступления, я просто хотел выжить.

— Конечно.

Они целиком сошлись в оценке этой истории, их мнения полностью совпали. Деньги они не пересчитывали, даже сумма не была названа. Когда фрекен д'Эспар ушла наконец к себе, у господина Флеминга заметно отлегло от сердца — она как бы унесла с собой половину тяжести, которая давила на него. Все произошло как-то само собой.

Несколько минут спустя она снова постучала в его дверь, вошла и сказала:

— Здесь был вовсе не ленсман, а его помощник.

Господин Флеминг сперва испугался: уж не задавала ли она неосторожные вопросы горничным, — но она его успокоила, хитро усмехнувшись:

— Я спросила у мальчиков директора гимназии.

— Вот что, помощник. Ну и что?

— Тот самый, что увел невесту Даниэля.

— Ленсман или помощник ленсмана — какая разница, все это лишь вопрос времени, — сказал он, подумав. — Сегодня среда, мне надо как можно скорее уехать.

Господин Флеминг мог в тот день не беспокоиться: жандарм вернулся с рыбной ловли, побыл недолго в санатории и благополучно ушел домой. Фрекен д'Эспар сама видела,

как он уходил. Зачем он приходил сюда, неизвестно, но, так или иначе, какой-то случай расстроил его планы. Его появление стало предметом пересудов гостей санатория: он угодил в воду, пришел мокрый с ног до головы, даже его фуражка с золотым шнуром и золотым львом походила скорее на половую тряпку. «Что с ним случилось?» — спрашивали многие, в том числе и фрекен д'Эспар.

— Не о чем говорить, — отвечал он. — Несчастный случай, плохо поставил ногу на мокрый камень, она соскользнула, и я угодил в воду!

Ему не удалось скрыть, что его спасли мальчики.

Какие находчивые ребята! Сперва они кинули ему палку, чтобы он за нее ухватился. Но когда они увидели, что, не в силах подняться, он по-прежнему вязнет в иле, они сами прыгнули в воду и помогли ему выбраться. Что за чертовы мальчишки эти сыновья директора гимназии, настоящие искатели приключений, еще маленькие, но уже с мужской хваткой! Теперь они лежали в постели, а их одежду вывесили для просушки.

Господин Флеминг и фрекен д'Эспар решили немного передохнуть, они заметно оживились, пили вино, вытянув ноги, и весело болтали. Они не теряли чувства юмора.

Она посмеялась над его страхом перед жандармом, этим горе-рыбаком, который полетел в воду вниз головой, прости нас Господи!

Господин Флеминг заразился на время ее беззаботностью и весело ей вторил:

— На этот раз ему пришлось сделать от ворот поворот и поспешить домой!

— Он крался домой как мокрая собака. Я его видела.

— Собственно говоря, он вел себя вполне корректно. А ведь мокрые наручники, если бы ему пришлось ими воспользоваться, запачкали бы мои манжеты.

— Ха-ха-ха! — смеялась фрекен д'Эспар, стараясь как можно дольше продлить веселое настроение своего смертельно больного приятеля. Смех вскоре исчерпал себя, и она прибегла к своей излюбленной шутке, которая всегда вырочала ее, когда она хотела кого-нибудь позабавить, — начала говорить на ломаном французском: «Кофе с... avec, hit de parade — кровать».

— Не надо говорить со мной по-французски, — улыбнувшись, сказал он, желая покончить с этим раз и навсегда. — Вы знаете, по каким причинам.

Позже, когда уже стали сгущаться сумерки, он попросил дать ему немного из его денег. Они могли ему понадобиться.

Ему пришлось расстегнуть ей блузку на спине, и они начали обниматься, не в силах противиться обрушившемуся на них шквалу нежности, — поцелуи, слезы, почти истерика. Сказалось напряжение этого дня, они оба как-то помягчели. Возможно, она испытала некоторое разочарование, узнав, что у него нет имени, что он не граф, но у нее хватило ума это скрыть. Его откровенность сблизила их. Он ей по-прежнему нравился — он вел себя деликатно и мило, что было у него, видно, врожденной чертой, а к тому же — был обладателем кольца на пальце и конверта, набитого деньгами.

Что касается денег, то он еще раз повторил, что ей следует быть предельно осторожной и в случае необходимости не раздумывая сжечь их.

— Ни за что! — ответила она.

По его желанию они попрощались более торжественно, чем обычно. Они любили друг друга, целовались и поклялись в вечной любви.

— Спокойной ночи! А *propos*¹, я бы вам охотно подарил это кольцо, но оно может вас скомпрометировать.

Снова поцелуи.

— Спокойной ночи!

Они расстались, и он так и не открыл конверта с деньгами и не взял из него ни одной купюры. Может, это был лишь предлог для их вечерней встречи.

Утром она подошла к его двери и прислушалась. Его ботинки были выставлены в коридор. Она постучала негромко и стала ждать, как обычно, пока он откроет и потом снова ляжет в постель. Никакого ответа. Она снова постучала. Опять ничего. Тогда она нажала ручку двери, та оказалась незапертой. Она вошла в комнату. Комната была пуста. Но все лежало на месте, а кровать не была разобрана. На вешалке висела какая-то одежда, на полу стояли два чемодана с ключами в замках. Дорожная сумка отсутствовала.

Фрекен д'Эспар еще раз окинула взглядом комнату и поняла, что произошло, быть может, она даже ожидала этого. Первое, что она сделала, — заперла дверь изнутри — и сама оказалась взаперти, как она часто поступала, когда господин Флеминг бывал болен и не вставал с постели. На стук горничной она чуть приоткрыла дверь и объяснила, что господин Флеминг снова простудился, и попросила принести завтрак, как обычно в таких случаях, в комнату. Когда еду принесли, она взяла поднос из рук горничной в дверях. Для правдоподобия она немного поела из каждой тарелки.

¹ Кстати (*фр.*).

Все это она проделывала целых три дня. По ночам она запирала его комнату и уходила спать в свою, а наутро снова шла к нему и проводила там весь день. Его ботинки попрежнему стояли в коридоре.

Она сидит взаперти и ломает себе голову: чем же все это кончится? Она испытывает не отчаяние, а, скорее, даже какое-то наслаждение от невероятности этого вынужденного затворничества и безмерности своего страха. Станным образом к этому примешивается приятное чувство уверенности и обеспеченности при мысли о пакете с деньгами, который ей дали на хранение. Поскольку она не может выйти из дома, она прячет его временно под обивку одного из мягких стульев в своей комнате.

Только бы господин Флеминг успел на поезд! Только бы сел в поезд и не свалился бы от болезни. Он еще очень слаб, сильно потеет, держится исключительно на своей воле к жизни и на бешеной энергии перед лицом опасности. Одному Богу известно, что будет.

В один из этих дней, которые она провела в его комнате, она видит в окно направляющегося в санаторий жандарма. Мундир на этот раз на нем сухой и даже фуражка отутюжена. Идет ли он сюда по долгу службы? Видимо, он получил необходимое разъяснение, во всяком случае, отбедав, снова уходит домой. «Конечно, — подумала фрекен д'Эспар, — не пристало беспокоить лежащего больного».

На третий день произошло два события. Во-первых, почтальон принес большую круглую коробку для фрекен д'Эспар. В ней лежала шляпа. Та самая шляпа, которую обещал ей подарить господин Флеминг. Он своего обещания не забыл! Она вздохнула и успокоилась, значит, он благополучно добрался до Христиании, а раз он вспомнил о таком пустяке, как дамская шляпа, то пока что он вне опасности. От этих мыслей фрекен д'Эспар почувствовала такое облегчение, что к ней вернулась ее прежняя беззаботность, и в этой чужой комнате, где она несла добровольное дежурство, она развязала коробку и с интересом примерила перед зеркалом новую шляпу. Просто чудо, как хороша, роскошный подарок, разве что слишком дорогой.

Другим важным событием стал приезд в «Торакус» адвоката Робертсена, вследствие чего фрекен д'Эспар освободилась от своего дежурства в комнате господина Флеминга. Видимо, адвокат что-то узнал от обслуги о повторном визите жандарма и о том, кем он интересовался. Поэтому адвокат тут же поднялся по лестнице и постучал в дверь комнаты господина Флеминга. При этом он самым дружеским

тоном громко назваля и попросил разрешения поздороваться с больным.

Фрекен д'Эспар открыла дверь. Она приняла решение, как себя вести: смело, дерзко и находчиво.

Адвокат оглядел комнату, быть может, его удивление было несколько наигранно.

— Но... Где же больной? — спросил он, наморщив лоб.

— Не знаю, — сказала фрекен д'Эспар, без смущения глядя ему в глаза.

— Вот как. А кто же знает?

— Наверное, он сам, — ответила она. — Присаживайтесь, пожалуйста.

— Что все это значит? Граф удрал?

Откуда ей знать? Когда она утром зашла в его комнату, господина Флеминга там не было — это все, что ей известно.

— А вам известно, что он натворил?

— Нет, а он что-то натворил?

— Я, во всяком случае, ничего об этом не знаю. Он сполна заплатил по счету, и его нет в санатории. Где он? Может, он с вами поссорился и ушел на хутор к Даниэлю?

— Мы никогда не ссорились, — ответила она сухо. — И его наверняка нет у Даниэля.

— Не обижайтесь на меня за мою шутку. Я имел в виду какое-нибудь маленькое недоразумение.

— И маленького недоразумения между нами не было. Мы не были так накоротке. Просто мы иногда разговаривали друг с другом.

— Меня очень огорчает случившееся, — объяснил адвокат. — Одна только надежда, что он уехал ненадолго и скоро вернется. Репутация такого места, как санаторий, страдает от всяких происшествий, о которых могут написать в газетах, которые дают повод для пересудов.

— Да.

— Ведь вы это сами понимаете, не правда ли, фрекен д'Эспар?

— Конечно. Я тоже так думала, поэтому и сидела здесь за запертой дверью до вашего прихода.

Адвокат кинул на нее взгляд и решил, что вряд ли она заодно с Флемингом. Во всяком случае, он ее предупредил:

— Вполне возможно, что ленсман поднимется сюда и захочет с вами поговорить. Не надо это воспринимать трагически. К тому же господин Флеминг, возможно, вернется. То обстоятельство, что он оставил здесь свои вещи, обнадеживает.

— Да.

— Мы запрем чемоданы и подождем немного. Если с ним что-нибудь не в порядке... Впрочем, я вовсе не утверждаю, что это так, я в это не верю. Если бы я думал, что граф Флеминг разыскивается полицией, я бы первый заявил о нем. Но он для меня дворянин без страха и упрёка. С другой стороны, его могут искать по совершенно необоснованному подозрению, но и в этом случае санаторий пострадает. Мне бы не хотелось, чтобы его задержали здесь у нас. Подождем пока.

Адвокат имел все основания быть осмотрительным. Санаторию «Торахус», этому совсем новому заведению, уже несколько раз не везло: здесь уже было два смертельных случая, что, несомненно, его компрометировало, потом эта неясная история с английской принцессой и женой министра, с которой, по всей видимости, никто не хотел больше знать. А теперь надвигается скандал из-за финского графа. Адвокат не станет доносить на фрекен д'Эспар, даже подозревая, что и она принимала участие в бегстве господина Флеминга, такое сведение счетов было не в его натуре. Он был здесь хозяин, своего рода опекун всех гостей, и хотел он только одного — найти хоть какой-то выход из создавшегося положения.

Над этим он и задумался, а потом сказал:

— Вы его здесь не застали сегодня утром, значит, у него преимущество в восемь часов. Это совсем немного, и мне бы не хотелось, чтобы его сюда доставили под стражей — конечно, если он сам не вернется. Итак, восемь часов. Утренний поезд отходит в шесть часов пятнадцать минут. Я буду ждать — если, конечно, господин Флеминг сам сюда не вернется в течение дня — до завтрашнего утра.

— Хорошо, — сказала фрекен д'Эспар.

— Да, это решено, я жду до завтрашнего утра. А знаете ли вы, что я потом сделаю? — спросил он с решительным видом. — Потом я сам отправлюсь к ленсману и расскажу ему все, что знаю. Таким образом мы избежим его прихода сюда, так будет лучше. Ведь вредить нам не в интересах ни ленсмана, ни прихода. Мы платим большие налоги, предоставляем крестьянам работу, покупаем у них продукты и скот, мы являемся украшением всей области.

VII

Уехал директор гимназии со своими сыновьями, и торговец Бертельсен, и фрекен Эллингсен. Наступила осень. Летние каникулы для любителей горного воздуха кончились.

Впрочем, санаторий не опустел — там жили теперь мелкие рантье, вдовы пасторов, жены торговцев, у которых шалили нервы, и они никак не могли поправиться. Было там и несколько спортсменов, которые получили профессиональные травмы и надеялись здесь вылечиться — одним словом, гостей хватало. Когда одни уезжали, то свободные комнаты быстро заполнялись новыми приезжими. Правда, по большей части люди останавливались теперь проездом, на одну-две ночи, это были путешественники, которые объезжали местные горы, поэтому для рекламы в газете адвокат не мог использовать их имена, но все равно они были желанными клиентами и на них санаторий зарабатывал больше, чем на постояльцах, живущих месяцами.

Из первоначальных пациентов в санатории все еще находились самоубийца и его приятель с язвами — они не желали уезжать, хотя персонал их и недолго любил, одного из-за его внутреннего состояния, другого — из-за внешнего вида. Но они упорно продолжали здесь жить — то ли из верности этому месту, то ли просто всем назло.

Впрочем, ничего плохого они не делали, шума не подымали, не пытались привлечь к себе внимание, они были людьми незначительными и несчастными. Жизнь их обоих протекала печально и глупо — день за днем проводили они, читая плакаты на столбах, надписи на дорожных указателях, по вечерам играли в карты с инспектором и швейцаром, а во время еды сидели рядом с нервными пациентами, которые глотали пилюли и микстуры, как только бил гонг. Так они коротали время.

Правда, у самоубийцы вдруг появилось желание несколько изменить свой образ жизни, и он стал, чтобы сохранить здоровье, много гулять на свежем воздухе и лазить по горам. Какой странный человек! Чуть ли не с самого детства он жил только ради того, чтобы в конце концов покончить с собой, а теперь у него вдруг стало меняться мнение на этот счет. Разве он всегда не повторял, что отложит самоубийство до тех пор, пока не найдет для него такую форму, которая возвысит его до обычной смерти? Все это время он ел, одевался, разговаривал. Но тогда он сам был свидетелем бессмысленности такого существования, он прекрасно видел себя как бы со стороны и порицал. А теперь он стал другом. То ли воздух санатория «Торахус» так на него повлиял, то ли он обрел какую-то мудрость, но он стал куда мягче оценивать себя и вести себя обходительней с другими, уступал дорогу, если сталкивался с кем-то в дверях, а о само-

убийстве стал говорить с негодованием. А когда его товарищ Антон Мосс подтрунивал над ним по этому поводу, то говорил, что человек занимает ту или иную позицию лишь временно и волен менять свое мнение.

Великолепно! Человек спасает самого себя и еще другого. Ты живой — и так можно стать бессмертным! Даже если ты не певец, можно пойти в горы и там громко и радостно петь. Все дело только в том, сколь долго продлится это светлое состояние души.

— Вы женаты? — как-то недоверчиво спросил его Антон Мосс.

— Женат? Нет.

— А были женаты?

— Это вас не касается! — резко ответил самоубийца. — Я ведь вас не спрашиваю, не больны ли вы болезнью, которую я не хотел бы называть.

Моссу пришлось проглотить это, он помолчал, а потом все же сказал:

— Во всяком случае, вы с этим теперь справились, как я полагаю. Пусть лучше черт стреляется из-за женщины.

Это замечание, казалось, захватило самоубийцу врасплох.

— Я вас не спрашивал, что мне делать.

Они умолкли. У самоубийцы дрожали губы, было похоже, что у него вот-вот вырвется какое-то признание.

— Откуда вы это взяли? Вы что, подслушиваете или горничные вам рассказали, что я во сне разговариваю? Чего только не случается!

Самоубийца оказался, собственно говоря, отличным парнем. У него был свой секрет, и он не желал его разглашать. Меньше всего он хотел прослыть человеком трагической судьбы, разорившимся, скажем, на бирже или обманутым женой. Но почему он вдруг спасовал? У него и в самом деле оборвалась какая-то струна внутри? И он снова заговорил раздумчиво, философично, но не без вызова:

— Впрочем, вы правы — пусть черт стреляется из-за женщины. Стреляться, чтобы свести счеты с женщиной, значит наказать самого себя. Возможно, на какой-то короткий миг это ее немного заденет, но очень скоро эта смерть станет ей безразличной, она будет есть и пить, думать о своей прическе, о своих нарядах. А еще некоторое время спустя она даже испытает своего рода гордость от того, что она, оказывается, стоила револьверного выстрела, она кажется самой себе интересной, раз из-за нее кто-то застрелился, она этим чуть

ли не хвастается. Вы только меня верно поймите, я не говорю о конкретной женщине, а о женщинах вообще.

— Конечно, — ответил Мосс.

Но на этот раз голос его товарища звучал не так, как обычно. У Мосса глаза видели плохо, но уши слышали хорошо, он боялся, что последует какое-то признание, боялся сентиментальности, поэтому решил, как это часто делал, отшутиться, позволил себе иронический тон:

— От самоубийства все же не стоит совсем отказываться, оно имеет свою ценность как некий поступок, как спорт, если хотите...

— Вы — обезьяна, — сказал самоубийца и посмотрел на него косо.

Разговаривая друг с другом, оба чувствовали себя свободно, за словом в карман не лезли, переругивались от чистого сердца, но зла не держали. Однако Антон Мосс долго не выдерживал таких перебранок, он был куда слабее своего товарища.

— Сегодня вечером вы снова проиграли изрядную сумму, — сказал он.

— Да, и вы за меня заплатили.

— Вовсе нет, но мне было досадно, что вы так плохо играете. Проиграть почтальону можно только из-за того, что его фуражка окантована золотым шнуром. Вы все время проигрываете почтальону.

— Напрасно вы об этом сожалеете. Почтальон не может позволить себе проигрыша.

— Ах, вы поэтому?

— Да нет, вы снова проявляете удивительную ограниченность. Совсем не потому.

— Ограниченность? Да по-вашему выходит, что я должен стыдиться того, что не спорил с вами, когда самоубийство стало вашей идефикс, так, что ли?

— У вас все лицо разъедено, — с отвращением крикнул самоубийца. — Вы уже даже не в состоянии выговаривать слова, потому что губы в болячках.

— Ха-ха-ха! — сказал Мосс. Он не смеялся, а проговорил это. — Что за вздор!

Но самоубийца его осадил:

— Я процветаю и прибавляю в весе, а у вас глаза проваливаются, и вы становитесь все легкомысленней. Можно только удивляться, что вы не носите соломенной шляпы. И к тому же вы вечно небриты.

На это Моссу ответить было нечего, он и в самом деле выглядел нечистым и неаккуратным, у него были не только

язвы и шишки на лице, но он еще оброс щетиной, все это угнетало его, и он старался не попадаться людям на глаза.

— У вас чудовищный характер и такое настроение, что я в ужасе от вас. Вам бы скотом торговать, а не с людьми общаться. Я не могу больше бриться, у меня лопается кожа, но я часто стригу щетину ножницами, что примерно одно и то же. Любой другой на вашем месте это понял бы.

Теперь настал черед самоубийцы опасаться взрыва, и он сказал:

— Да замолчите, только без слез!

— Ха-ха-ха! — снова проговорил Мосс.

И оба замолчали. Они сидели и моргали глазами, все больше погружаясь в свои мысли. Время от времени они гордо вскидывали головы, изо всех сил стараясь выглядеть как мужчины.

— Сегодня прохладно, — прервал молчание самоубийца, — скоро повалит снег. Я вот что хотел сказать, хотя особого значения это не имеет, — у вас такой вид, будто вы разгадали загадки жизни. А себя-то самого вы понимаете?

— Себя? Нет. Зато я понимаю, что скоро стану слепым.

— Вы сказали, что пусть черт стреляется из-за женщины. Вот именно. Но если у вас не было бы предвзятого мнения, то вы бы поняли, насколько ваша болтовня поверхностна. Разве есть только мужчина и женщина? А ребенок? Только поймите меня правильно: не конкретный ребенок, а ребенок как категория.

Мосс откинул голову и ответил:

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Все это меня не касается. Я не хочу заставлять себя спорить с вами.

— Как вам будет угодно, — сказал самоубийца, но продолжал говорить, словно испытывал в этом необходимость: — Так вот, ребенок, мальчик или девочка, скажем, девочка. Если ей, к примеру, три месяца, то, увидев ее, вы восхититесь, и не пытайтесь мне говорить обратное, я вам все равно не поверю. И что делает мать? Что делает мать спустя три месяца? Ребенок лежит и сжимает своей ручкой ваш палец, крепко сжимает и не отпускает. Вы думаете, что сами захотите его высвободить? Я говорю просто так, в общем виде, не имея в виду ничего конкретного...

Тут их разговор прервали: пришел человек и рассказал, что этой ночью произошел несчастный случай: кто-то умер. Это не большое несчастье, не очень заметная потеря для мира, конечно, нет, и самоубийца не намерен отказаться из-за этого от своих походов в горы, но все же он сник от этого

известия: новый смертный случай! И в санатории снова возникла напряженная атмосфера...

Странно, что такие тяжелые последствия имело совершенно будничное обстоятельство: одна из горничных зашла в пустующую комнату на втором этаже и почему-то осталась там сидеть.

Сестра-хозяйка обнаружила ее уже поздно ночью, она сидела в полной темноте. Сестра-хозяйка по долгу службы обходила весь дом, проверяя, все ли гости легли спать, зажигала спичку, освещала комнату и шла дальше. Так она и наткнулась на горничную, которая сидела, будто ей здесь было что-то надо. Она не плакала, не раскачивалась на стуле, не мурлыкала себе под нос, наоборот, она сидела совершенно неподвижно, так тихо, что и дыхания ее нельзя было уловить, явно к чему-то прислушиваясь.

Сестра-хозяйка была так удивлена, что воскликнула, еще стоя в дверях:

— Что такое... почему ты здесь сидишь?

Горничная кивком приглашает сестру-хозяйку войти. Они обе прислушиваются — из соседней комнаты до них доносятся какие-то странные звуки: плач, вздохи, шепот причитаний. «Это фрекен д'Эспар, — сообщает сестра-хозяйка. — Ей плохо?»

— Давно она так? — шепотом спрашивает сестра-хозяйка горничную.

— О да, сегодня уже довольно давно. А вообще-то она так ведет себя уже целую неделю. И ничего не ест, а если что-то и проглотит, то сразу же начинается рвота.

Сестра-хозяйка выходит в коридор, стучит в дверь фрекен д'Эспар и спрашивает:

— Вам плохо, фрекен д'Эспар?

— Мне? — бодрым голосом переспрашивает она. — Нет, я просто вслух читала французскую книгу.

— Тогда извините! — говорит сестра-хозяйка, хотя лицо у нее вытянулось, — скорее всего, от недоумения. Горничной она велит тут же ложиться спать.

На следующий вечер горничная снова пришла в пустую комнату. Она ведь явственно слышала не французские слова, а норвежские причитания и сгорала от любопытства, понимая, что тут все не так-то просто. Поэтому она снова села на стул и притаилась в темноте. И вдруг она увидела, что фрекен д'Эспар, вся в белом, стоит в дверях и держит в руке зажженную спичку...

Горничная тихо вскрикнула, закрыла лицо руками, шатаясь, проскользнула в дверь мимо фрекен д'Эспар и с под-

гибающимися коленками побежала по коридору, все дальше и дальше. Потом у черного хода послышался звук падения и крик, и все стихло...

Однако этот смертный случай, хотя и не имел особого значения, произвел сильное впечатление на фрекен д'Эспар, усилил ее страх. Молодая девушка, сидевшая до того в конторе за пишущей машинкой, была не в состоянии переносить какие-либо новые потрясения, с нее и так хватало, даже через край. Пребывание в санатории она не воспринимает более как приятные каникулы, она подозревает, что горничные судачат по поводу ее болезненного вида и того, что она не в состоянии есть обычную пищу, что просит подавать ей какие-то странные, ею самой придуманные блюда, — например, жареную селедку на ломтике кекса или тарелку сырого горошка. А потом она обнаруживает, что горничные шпионят за ней, сидят в соседней комнате и подслушивают... Разве это можно было вынести!

Ее бросили, оставили здесь одну, ее друг уехал, и ей надо одной нести свой крест. Ношу... А собственно говоря, какую такую ношу? Что горничная из-за нее сломала себе шею? Ничуть не бывало. Поскольку никто не задал ей ни одного вопроса об этом ночном происшествии, она тоже ни словом не обмолвилась о своей к нему причастности. Да, когда она лежала и читала французскую книжку, она услышала крик — больше ей нечего сказать.

Она вышла погулять, чтобы в надежном месте спрятать пакет с деньгами. До этого времени она хранила его за обивкой спинки мягкого стула и не взяла себе оттуда ни гроша. Она хотела быть абсолютно честной по отношению к господину Флемингу, благородной во всем, что имеет отношение к ее больному другу, а может, ею руководили и другие чувства — любовь, надежда на новую встречу, — одним словом, здесь могло быть много объяснений.

Она обратила внимание на то, что с недавних пор самоубийца начал бродить по горам, и когда она искала место для тайника, то хотела быть уверенной, что он ушел далеко. Она нашла нужное место, о, здесь найти надежное место было нетрудно, особенно если идти в сторону хутора Даниэля, — поблизости от того сарайчика, который она так хорошо знала...

Да, вот именно здесь.

Когда она вынула толстый конверт, ей пришлось в голову открыть его и, прежде чем сунуть под камень, посмотреть, что в нем лежит. Эта мысль пришла ей впервые, волнения после побега друга и тайные мучения не оставляли ей вре-

мени на любопытство. В конверте лежало адресованное ей письмо. Он писал, что это ей подарок, что лежащие в конверте купюры принадлежат ей. Ведь он обещал помочь ей, когда она ради него потеряла место в конторе. У него и без этого достаточно денег, только надо проявить величайшую осторожность и в случае необходимости сжечь эти деньги. Фрекен д'Эспар хватается за голову и закрывает глаза — в ее головке царит полное смятение, но минуту спустя все муки странным образом проходят. Какую тонкость, какую деликатность он проявил, поступая так, — вот уж воистину как граф или кто он там еще! Для фрекен д'Эспар деньги, которые она спрятала на груди, стали теперь не воровской добычей, а прощальным подарком, памятью о благородном человеке. Она хочет пересчитать деньги, нет, она их не пересчитывает, а просто окидывает взглядом, на глазок определяя, сколько их может быть. Купюры крупные, в несколько тысяч, правда, это не такая сумма, какую ей иногда приходилось писать на пишущей машинке, но все же это несколько тысяч, много тысяч, целое состояние. В пачке есть и более мелкие купюры, и совсем мелкие, словно он хотел оградить ее на время от необходимости менять деньги. Он все обдумал.

Она садится на камень и принимается размышлять. Есть ли у нее теперь основания ломать руки и рыдать по ночам? Конечно, все та же причина остается, и это ужасно. Но деньги есть деньги, и вдруг ей в голову приходит удачная мысль. Она встает в приподнятом настроении, снова прячет пакет с деньгами на груди и, с трудом справившись с кнопками на спине, идет по дороге.

Лучше всего ей было бы немедленно вернуться в санаторий, но тут вдруг появляется Даниэль и видит ее. В руках у него веревка и женская нижняя юбка, одна из юбок Марты, он носит в ней сено из сарайчика в свой хлев. Он еще издали ее приветствует, и фрекен д'Эспар приходится остановиться и поговорить с ним. Они долго не видели друг друга, выходит, это встреча после долгой разлуки. Даниэль явно рад этому.

— Я вас так давно не видел, я думал, вы уехали.

— Нет.

— А граф, где граф?

— Граф уехал. Быть может, он еще сюда вернется, но сейчас в горах слишком холодно для его больных легких.

— Это я могу понять, — говорит Даниэль весьма доброжелательно. — А вы теперь одна гуляете, совсем одна?

— Да, но тоже скоро уеду.

Не долго думая, она откидывает назад руки, чтобы растегнуть кнопки на спине. Когда она вынимает пакет с деньгами, глаза Даниэля округляются от изумления, а она вытаскивает из конверта бумажку в десять крон и протягивает ему со словами:

— Возьмите, он просил меня передать вам это. Очень удачно, что я вас встретила.

— Нет, нет, нет! — восклицает Даниэль и отступает на несколько шагов. — Это невозможно.

— От графа. От графа. Он обо всех подумал.

Даниэль затевает долгий разговор о графе: мол, превосходный человек, Марта каждый день его поминает. Какая беда, что такой человек болен...

— Не могли бы вы застегнуть мне кнопки на спине, я не достаю... — просит фрекен д'Эспар.

Даниэль кидает на траву веревку и нижнюю юбку и говорит:

— Не знаю, сумею ли, это тонкая вещь...

Однако смело берется за дело, она чувствует его руки на своей спине, ощущает, как он боится сделать резкое движение, слышит, как щелкают кнопки.

Они вместе доходят до сарайчика, фрекен д'Эспар заглядывает в него и, видимо, попадает во власть воспоминаний. Здесь она много раз сидела со своим другом, он обнимал ее и целовал... Конечно, они оба опасались возможных последствий, но этому страху они всякий раз давали новый повод. Нет, они этим занимались не просто так, забавы ради, они подчинялись коварному зову крови, делать такие глупости повелось в веках, но, возможно, их манило и что-то драгоценное, возможно, даже любовь, — пожалуй, все вместе взятое было в этом акте.

— До свидания! — сказала фрекен д'Эспар, оставляя Даниэля с его сеном.

Вернувшись в санаторий, она уложила свои вещи, собрала все французские романы и спрятала их в чемодан, попросила счет и уплатила по нему теми купюрами, которые специально для этого вынула из заветного конверта. Она чувствовала себя уверенно, и когда обнаружила, что ей посчитали на день меньше, чем надо, отослала счет, чтобы его дополнили, а потом дала еще весьма щедрые чаевые. Сознание, что на груди у нее спрятан конверт с деньгами, служило ей огромной, прямо-таки мистической подержкой.

Пришел доктор. Даже если он знал больше, чем надо, о ее внезапном отъезде, он оказался на этот раз достаточно

умен, чтобы виду не подать. А по правде говоря, доктор ничего точно не знал.

— И вы, Брутесса! — воскликнул он, пытаясь острить.

Он был доволен своей находчивостью и сам от души смеялся. К тому же удивляться, что она уезжает, особенно не приходилось, потому что в горах становилось прохладно, и он сам был бы не прочь последовать ее примеру. Потом он осведомился, не забыла ли она чего-нибудь, может, какую книгу. Она ответила, что это не имеет особого значения, потому что она собирается вскоре вернуться. Это только что-то вроде небольшой экскурсии в Христианию, поэтому она намерена оставить здесь свои чемоданы.

Доктор обрадовался:

— Прекрасно, фрекен д'Эспар, мы всегда вам будем очень рады. Вы нам особенно дороги, потому что вы из наших самых верных, самых первых гостей.

Пришла сестра-хозяйка, и она повторила те же уверения в искренней симпатии, те же дружеские слова прощания.

Когда фрекен д'Эспар уже выходила с небольшой дорожной сумкой в руках, она сделала крюк, чтобы пройти через гостиную. Специально. Она прекрасно знала, что дамы, здесь живущие, ее терпеть не могут, и хотела еще раз продемонстрировать им свое равнодушие. Пусть они не думают о ней так уж плохо, пусть лишний раз увидят ее, пожалуйста! Разве безрассудная смелость не лучшая форма осторожности? Она прошла через гостиную, словно по подиуму, с двух сторон которого сидят зрители. При этом для большей естественности она даже почесала себе мизинцем ухо. От нее веяло самоуверенностью.

В поезде ее, естественно, никто не знал.

В первый же день своего приезда в Христианию она встретила бывших коллег по конторе, где работала машинисткой. Радость встречи и обмен любезностями завершились тем, что ее пригласили на вечер в одну из тех холостяцких квартир, где она бывала и прежде. Она поблагодарила, пообещала прийти и простилась с ними, объяснив, что у нее дела в городе.

Она все подстроила так, чтобы как бы случайно столкнуться на улице с Бертельсеном. Этот господин не смотрел на нее косо в санатории, совсем наоборот, он вполне отдавал ей должное. Как-то раз, когда они все веселились и пили вино, он даже наступил ей под столом на ногу.

Она спросила, как поживает фрекен Эллингсен. Он ответил, что часто ее видит, что у нее все хорошо, и в свою очередь спросил про господина Флеминга. И тут же предложил зайти посидеть в кафе, вместо того чтобы стоять на улице.

— Охотно, если вы позвоните фрекен Эллингсен и попросите ее тоже прийти.

Он пообещал это сделать, они пошли в кафе и заказали еду и вино. Бертельсен рассказал, что фру Рубен сильно похудела и стала легко ходить.

— Вы помните фру Рубен? Теперь ее не узнать, может, тому причиной траур по мужу, а может, еще что-нибудь. А миледи, жену английского министра, вы тоже помните? Ах, все, что тогда говорили, оказалось ложью, опасным обманом, до меня дошли эти слухи из Швеции. Но скажите, фрекен д'Эспар, не хотите ли вы проехаться в автомобиле до моего дома? Там мы могли бы очень уютно посидеть и поболтать.

— Я готова, если только вы позвоните фрекен Эллингсен.

— Фрекен Эллингсен, да, сейчас, хотя нет, она на дежурстве, она не сможет прийти.

И тут случилось нечто странное: фрекен д'Эспар пришла в ярость. Не потому, что она так уж дорожила обществом фрекен Эллингсен, отнюдь нет, но она прямо побледнела от гнева, потому что Бертельсен ее обманул, грубо надул. Да, она стала очень раздражительной, любой пустяк мог ее вывести из себя, она находилась в необычном для себя состоянии. Фрекен д'Эспар решительно не могла понять, как он смеет делать ей такое предложение. Она же не какая-нибудь школьница. Она теперь меньше всего готова согласиться на то, что он ей предлагает. И плевать она хотела на поездку в автомобиле. Потом она несколько успокоилась и поблагодарила за приглашение, но, выйдя из кафе, они тут же растались, и каждый пошел своей дорогой.

После обеда она зашла к фрекен Эллингсен, которая ничуть не изменилась, — все та же романтика, поэзия, рассказы про разбойников, в голове — паутина из дюжин захватывающих историй, которые она собирается написать, которые уже пишет. И все говорят ей, что у нее получается. Однако глупость заключается в том, что ей нельзя разглашать тайны, что она дала присягу молчать.

Фрекен д'Эспар охотно расспросила бы эту даму, которая так много может узнать, сидя за телеграфным аппаратом, об одном беглеце, о больном дворянине, но она

не решалась. Судя по всему, его, слава Богу, пока не арестовали, может быть, ему удалось сесть на трансатлантический пароход и уплыть в Австралию или в Южную Америку.

Фрекен д'Эспар спрашивает фрекен Эллингсен, не пойдет ли она вместе с ней к ее бывшему начальнику, в его холостяцкую квартирку.

— Да, охотно. А Бертельсен там будет?

— Бертельсен... Ах да, они могут ему позвонить.

Вечером фрекен д'Эспар зашла за подругой, и они вместе поехали на вечеринку. Но удовольствия она от этого не получила: ее старые коллеги, которые здесь собрались, были такими же, как прежде, а она сама сильно изменилась. Бог ты мой, ей было совсем неинтересно слушать разговоры о том, как идут в конторе дела, или сплетни про управляющего, ухаживающего за новой машинисткой.

— Она знает французский? — поинтересовалась фрекен д'Эспар.

— Французский можно знать по-разному. Конечно, она не так сильна, как вы, но...

Фрекен д'Эспар улыбнулась, но ей все это было, собственно говоря, безразлично.

— Ее взяли на работу по фотографии, — сказал один из ее бывших коллег.

Это ей тоже было безразлично.

— Ей уже повысили оклад.

Безразлично, все безразлично. У фрекен д'Эспар в голове совсем другое. Она должна себя беречь, в ней говорит инстинкт самосохранения. Вот фрекен Эллингсен хорошо, но у нее совсем другие обстоятельства, ей незачем спешить, она не борется за жизнь. Вот она сидит, крупная, красивая, этакий великолепный экземпляр женщины, но она ничего из себя не строит, потому что ей это не нужно. Все мужчины в восторге от ее появления, этот взгляд огромных, чуть раскосых глаз, которые придают ее лицу такое своеобразие, изумительно очерченный большой рот, роскошные каштановые волосы — но она совершенно не кокетничает, сидит, не принимая ни в чем участия, в ней нет живости. Она превратилась в своего рода механизм: стоит ее завести, и она начнет рассказывать, сочинять небылицы, дает волю своей скованной фантазии, пока вдруг не сбивается. Но она умеет сочинять так увлеченно, что глаза ее начинают блестеть, а щеки заливаются краской. Потом что-то заедает, и она умолкает. Дело всегда кончается слезами.

«Что за зануда», — подумала фрекен д'Эспар и сказала громко:

— За ваше здоровье, фрекен Эллингсен!

— За ваше!

Фрекен д'Эспар сосредоточена на своих помыслах. Она внимательно оглядывает по очереди всех присутствующих, критически их оценивает. Ее бывшие коллеги все уже более или менее лысые, они изношены своей канцелярской работой — день-деньской стоят за конторкой и что-то пишут, и так годами, безо всякой здоровой физической нагрузки. Начальник канцелярии выглядит хуже всех, он сам смеется над своей большой лысиной, поглаживает ее ладонью и обращает на нее внимание других.

— Это у нас семейный недостаток, — объясняет он.

Вообще-то он лихой мужик, на указательном пальце у него перстень с печаткой, среди своих коллег слывет прожигателем жизни, даже развратником, и он еще отнюдь не угомонился, а находится в полном расцвете сил. Его квартира вполне на уровне его обстоятельств: две комнаты, разделенные портьерой. Но фрекен д'Эспар он не подходит — слишком легкомысленный, морально неустойчивый, ему не хватает надежности. Она от него внутренне отказывается.

— Мы ведь хотели позвонить, — шепчет фрекен Эллингсен.

— Позвонить? Ах да, Бертельсену, да, конечно.

Но фрекен д'Эспар по-прежнему сосредоточена на своем, а все остальное пусть подождет. Теперь она приглядывается к другому служащему канцелярии, — пожалуй, самому молодому в собравшемся здесь обществе. В его внешности ничто не привлекает внимания, и лысины у него тоже еще нет. Он приехал из деревни, по происхождению — крестьянин, вот уже семь лет, как здесь работает, оклад у него теперь вполне приличный, но он жалуется, что очень медленно обретает светские манеры. Фрекен д'Эспар прекрасно понимает, что он несколько спекулирует своей народностью: умный карьерист, крестьянин до мозга костей. Он очень благодарен своему начальнику за то, что его сюда пригласили, пьет крайне осторожно, все время подчеркивает свое ко всем уважение.

Идет час за часом. На столе — бутерброды, водка, пиво, коньяк с сельтерской водой, курят трубки и сигареты, болтают — нет, при других обстоятельствах фрекен д'Эспар не скучала бы, но у нее на уме совсем другое. Когда подают кофе с ликером, она едва в силах повеселить общество своим «кофе с авес».

Фрекен Эллингсен снова прошептала:

— Нельзя ли нам позвонить?

— Позвонить? Ах да! Но я не знаю, знаком ли Бертельсен с этими господами.

— Бертельсен не любит, чтобы я ходила в гости без него, — признается фрекен Эллингсен.

Фрекен д'Эспар всегда готова помочь, и она громко спрашивает:

— Можно ли нам позвонить Бертельсену и пригласить его прийти сюда?

— Бертельсен?

— Ну да, «Бертельсен и сын». Речь идет о сыне.

Все его знают, в том числе и начальник канцелярии.

— Пожалуйста, телефон в соседней комнате.

Дамы зашли за портьеру и позвонили. Но Бертельсена нет ни в конторе, ни дома, сказали, что он в каком-нибудь кафе.

— Идите к обществу, — сказала фрекен д'Эспар, — я его найду!

Она почти силком отправила фрекен Эллингсен в первую комнату и позвала молодого канцеляриста, бывшего крестьянина:

— Помогите мне, я знаю, как вы умело обращаетесь с телефоном.

Они начали звонить в полутемной спальне по разным номерам, а когда они нашли наконец Бертельсена, фрекен д'Эспар, следуя своему плану, обняла крестьянина за плечи и погладила его по волосам. Этого он никак не ожидал, черт возьми, никак не ожидал...

А она стала говорить, что весь вечер думала о нем.

Он растерян, напуган, плохо понимает, что происходит, и потому проявляет крайнюю сдержанность. Конечно, он ее целует, но при этом полон недоверия. Как это только возможно, фрекен д'Эспар, за которой ухаживает сам начальник канцелярии!

— Нам надо вернуться к остальным, — говорит он.

Конечно, но теперь он знает, что он ей нравится, что она его, честно говоря, не сможет забыть. Что он ей на это скажет?

Об этом он, естественно, и мечтать не смел... Он ее недолюбливает, он маленький человек... У него жалкая должность... никакого будущего.

О, у нее самой кое-что есть. Сейчас она не хочет об этом распространяться, но у нее есть небольшое состояние, часть наследства от ее французских родственников, можно ска-

зять, подарок, упавший с неба! Но она добавляет, — так оставляют открытой заднюю дверь, чтобы можно было удрать в случае чего:

— Не надо было меня целовать, если я вам не нравлюсь. Ох, как у меня болит голова!

Они возвращаются к остальным. Крестьянин теряет всякое самообладание. Фрекен д'Эспар лучше владеет собой, может быть, в силу необходимости, она заслоняет глаза рукой и восклицает:

— О, какой яркий свет. Мы нашли Бертельсена, фрекен Эллингсен, он сейчас придет.

И Бертельсен пришел. Бросил, как он сказал, своих приятелей и пришел. Он тщательно одет, очень разговорчив, хотя выражается путано — видимо, он с обеда переходил из одного кафе в другое. Он сразу же положил глаз на фрекен д'Эспар и для своей атаки использовал те сведения, которые вывез из санатория. Он стал уверять ее, что граф совсем не тот человек, какой ей нужен, больной, стоящий на краю могилы, да и кто его знает, настоящий ли он дворянин.

Фрекен д'Эспар ответила раздраженно:

— Уж во всяком случае, не как вы, дворянин балок да досок.

Эту грубость торговец древесиной выслушал с дружеской улыбкой и сказал, чтобы ее обезоружить:

— Даю вам добрый совет — не презирайте балки, то есть деньги.

И добавил, что он не раз выручал своих друзей, и к тому же в Париже — правда, он не любит об этом говорить — учиться его стипендиат, музыкант...

— Да, мы это знаем, — сказала фрекен д'Эспар, исполненная раскаяния. — Это замечательный поступок с вашей стороны.

— Ну не будем преувеличивать, — скромно возразил Бертельсен, — вы придаете этому чересчур большое значение.

— Вовсе нет! — И из желания сгладить свою выходку, быть снова дружественной и милой, она добавила: — Я прекрасно знаю, что вы выступаете как благодетель не в первый раз.

Бертельсен с наигранным удивлением оборачивается к сидящим за столом и говорит:

— Вот уж кто не скупится на похвалу! К слову, я не хотел ничего плохого сказать о графе, фрекен д'Эспар. Он был приятным собеседником, мы вместе играли в карты и пили вино, и он вел себя, вне всякого сомнения, как истинный

джентльмен. Жаль только, что он так болен. Вы с ним помолвлены?

— Я? Нет. Вы болтаете глупости.

— Может, и глупости. Относитесь к этому, как вам будет угодно, но ведь я вас люблю, а не он.

Все посмеялись над таким объяснением, хотя и приняли его всерьез, только фрекен Эллингсен сидела мрачная, всеми забытая, печальная.

Бертельсен продолжал болтать — он снова заговорил о фру Рубен: он недавно ее встретил, видимо, она прошла какой-то курс лечения, она невероятно изменилась. Богатая дама, невообразимо богатая. И красивые, роскошные, миндалевидные глаза.

— Вы слышали новость про адвоката Робертсена? — спросил он присутствующих. — Да, так вот, теперь его фамилия будет Руппребхт, он испросил у короля разрешения зваться Руппребхтом. Вот дурак! Может, мне тоже подать прошение, чтобы стать Бартийоном? Да ни за что на свете!

Бертельсен пил все больше, но так как он был крепко скроен, то пьянел медленно, не падал под стол, а только все хвастался своим богатством и был не очень-то приятен. Фрекен д'Эспар, не стесняясь, пропускала его болтовню мимо ушей, старалась привлечь его внимание к фрекен Эллингсен, но ей это не удавалось. Он снял, например, свой ключ с цепочки и пытался в своем пьяном возбуждении всучить его фрекен д'Эспар — он был невменяем.

— Вы хотите, чтобы он был у меня? — спросила она.

— Я хочу вам его дать.

— Не надо. Зачем? Я не хочу его брать.

Начальник канцелярии пришел тут на помощь:

— Подождите, дайте-ка ключ мне. У господина Бертельсена дома наверняка много серебра.

— Ха-ха-ха! — рассмеялись все.

А фрекен Эллингсен сидит в углу, статная, красивая, и слушает все это молча. Неужели ей не обидно, почему она позволяет так с ней обращаться? Лицо ее ничего не выражает. Она живет день за днем — в голове ветер, ничего не видит вокруг, ни на что не реагирует, ничто ее не задевает. Она красивая, но скучная. Наверное, умеет вязать и играть на пианино. Ее страсти сосредоточены только на литературе и на том, что выстукивает телеграф, на грезах и выдуманных историях. «Дура», — подумала фрекен д'Эспар.

— За ваше здоровье, фрекен Эллингсен! Вы так молчаливы.

— За ваше!

Бертельсен не отступает, продолжает ухаживать за фрекен д'Эспар, становится излишне фамильярным, зовет ее по имени — Жюли, произнося «Шюли».

Фрекен д'Эспар вдруг резко отодвигается от стола и говорит, не щадя его:

— Чего это вы мне все на ногу наступаете, господин Бертельсен?

Но и от этого резкого замечания нет никакого проку, ничто на него не производит впечатления.

Фрекен д'Эспар встает и говорит, обращаясь к бывшему крестьянину с пышной шевелюрой:

— Уже поздно. Пойдемте со мной, поможете мне вызвать машину.

Крестьянин бросает взгляд на начальника канцелярии, своего шефа, и снова скрывается за портьерой.

Фрекен д'Эспар в настоящей истерике от безнадежности своего положения и бешеного желания найти себе мужа, она прижимается к нему всем телом и задает прямой вопрос. Он начинает на нее злиться, она мешает ему говорить по телефону, ему приходится снова набирать номер. Он пытается от нее защититься и уверяет ее, что ничего не имеет против нее, ни в отношении ее внешности, ни в каком другом. А она отвечает, что вообще-то он ей и не нужен, она еще подумает.

Наконец она понимает, что все это бесполезно, и сухо спрашивает:

— Вы вызвали машину?

— Сейчас придет! — Видимо, ему хочется что-то у нее выведать, и он добавляет: — Не знаю, что я должен сказать, но, во всяком случае, для вас это счастье — получить деньги, свою долю наследства... От всего сердца желаю вам удачи!

— Спасибо, — говорит она. — Вы мне, конечно, не верите, впрочем, это не важно, но можете сами убедиться — пощупайте вот здесь!

Она кладет его руку себе на грудь, и он восклицает:

— Бог ты мой, и вы все это носите на себе?! Вы должны немедленно положить деньги в банк. Сколько здесь?

Настал долгожданный момент. Она не все будет молча терпеть, не все можно себе с ней позволить.

— Вам трудно вообразить... — отвечает она. И вдруг на нее что-то находит, это как приступ бешенства, и она кидает ему в лицо: — Вам не терпится узнать? Слюнки потекли, да? Неужели вы думаете, что я стала бы вас целовать, если не была бы пьяной? Идите к черту!

Успокаивается ли она на этом? О нет, еще больше негодует, но так как она умна и быстро соображает, то тут же находит способ скрыть свое поражение. Она обрушивается на своего кавалера на французском, которого он, конечно, не знает, произносит гладко, словно читая по написанному, шквал непонятных ему фраз, сопровождаемых выразительными жестами. Он может понять это как шутку или принять всерьез, но она упорно говорит только по-французски, даже когда отодвигает портьеру и присоединяется к остальным.

Все с удивлением глядят на нее, а начальник канцелярии шутит, обращаясь к бывшему крестьянину:

— Отвечайте! Чего же вы не отвечаете?

Фрекен д'Эспар объясняет ситуацию:

— Я предложила ему взять меня в жены, но была отвергнута. Пойдемте, фрекен Эллингсен?

Она благодарит хозяина за гостеприимство, прощается с остальными, и со своим неудачным кавалером тоже, протянув ему руку:

— До свидания! Ну что, пойдете, фрекен Эллингсен?

— Да... впрочем, не знаю...

— Да вы же видите, Бертельсен заснул.

— Да, но...

— Ну, все, слышите клаксон? Автомобиль ждать не будет. Еще раз спасибо за прелестный вечер.

Однако в машине она не может себя больше сдерживать и дает волю слезам. Приехав в гостиницу, она просит разбудить ее в указанный час и ложится в постель. Но заснуть она, конечно, никак не может, она сильно возбуждена, ее мучит страх перед будущим. Поездка в Христианию оказалась бессмысленной, она ничего не уладила, ничего не достигла. Она думает о своем тернистом пути и снова плачет. В каком ужасном обществе она провела вечер! Возможно, она была несправедлива к крестьянину с пышной шевелюрой, но ей показалось, что он жадный, что он позарился на ее деньги, хотел точно узнать, сколько она может ему предложить. Все это так. Но потом, когда родится ребенок и деньги будут помещены в какое-нибудь дело, что будет тогда? Не заговорит ли он тогда по-другому?

Она чувствует себя очень несчастной, плачет, ломает руки, тербит одеяло и все перебирает в уме всех знакомых мужчин. Конечно, она могла бы обвенчаться с господином Флемингом, но тогда она оказалась бы впутанной в его дела, он явно не хотел обрекать ее на судьбу, которой она могла избежать. Но если бы он только знал, от чего он ее не убе-

рег! Кроме всего прочего, от того, что случилось, пострадала ее внешность... Она вскакивает с постели и глядит на себя в зеркало — за последние дни она стала куда хуже выглядеть, лицо посерело, появилась какая-то одутловатость. Лучше всего ей отсюда поскорее убраться. Здесь даже нет леса, где можно надежно спрятать деньги, здесь кишмя кишит людьми, которые застукают ее, если она попытается их закопать.

Наутро, проведя бессонную ночь, она с чувством некоторого облегчения снова села в поезд. Она отправилась в путь не думая, по наитию, у нее не было никакого определенного плана действий, просто ей хотелось поскорее покинуть Христианию, она полагала, что, может быть, ей лучше всего снова оказаться в санатории «Торахус». Почему? Это одному Богу известно. Во всяком случае, там был лес. Ею двигала какая-то подсознательная мудрость, присущий ей разумный подход к вещам, потому что осознанных желаний у нее не было.

Прибыв в санаторий, она не испытывает торжества, поскольку вернулась из поездки, так ничего и не добившись. Ее присутствие не должно докучать живущим там дамам. К тому же за эти несколько дней их стало заметно меньше, санаторий пустел на глазах. Выпал первый снег, стало холодно, но на лыжах никто не катался; детей не было, и вообще не заметно никакого оживления. Иногда на дороге виднелись следы от ботинок тех немногих, кто, гуляя, доходил до столба, чтобы прочесть вывешенную сводку погоды или какое-нибудь другое объявление.

Фрекен д'Эспар поселилась в своей прежней комнате и распаковала французские книги в желтых переплетах, которыми прежде так гордилась. Теперь они стали ей безразличны, не интересовали ее больше, не помогали жить. И потекли дни и ночи, полные одних и тех же терзаний.

VIII

Доктор посоветовался с инспектором: необходимо что-то придумать для гостей санатория, чтобы им было тут интересно, найти для них привлекательные занятия. И они решили, что надо срочно организовать спуск на лыжах с горы и оборудовать на озере каток. Да-да, это просто необходимо сделать, не откладывая в долгий ящик. Но так как инспектор Свендсен, старый матрос, мало что понимал в видах спорта, не имеющих отношения к морю, ему пришлось

обратиться за помощью к почтальону и швейцару. Они втроем нашли подходящий для лыж спуск, а когда лед на озере достаточно окреп, смели снег, чтобы обнажить сверкающую на солнце ледяную поверхность. И на этот раз Робертсену снова представился случай продемонстрировать свою любезность и умение быть хорошим хозяином: он отправил в санаторий в нужном количестве лыжи и ботинки с коньками, чтобы гости могли ими пользоваться. Объявление, вывешенное в этой связи на столбе, было составлено в шутовском тоне: «Лучше ломайте лыжи, чем шею!» И подпись «Руп-прехт».

Гости и пациенты, которые и правда не знали, чем себя занять, заинтересовались этими новыми развлечениями, те, кто помоложе и посмелее, тут же захотели встать на лыжи и заскользить по льду. Только пожилые дамы оставались в стороне от этого нового увлечения, в лучшем случае они могли бы покататься на санках, но так как они уже давно не были детьми, то им нужны были не санки, а настоящие сани.

— Хорошо, — сказал инспектор Свендсен, — мы раздобудем и сани!

Пока что для лыж снега не хватало, но семь ночей подряд длились заморозки, и лед на озере стал вполне пригоден для катанья, за исключением одного опасного места — там, где тек ручей, спускающийся к пастбищу Даниэля.

Гостям следовало запастись теплыми вещами для холодной зимы, но многие предпочли просто уехать. В главном здании, в замке, как его звали в деревне, и в двух подсобных флигелях стало куда просторней. Самоубийце, как человеку вполне состоятельному, прислали из дома и зимнее пальто, и теплую куртку. Но поскольку он вполне мог обойтись одним пальто, а у Мосса вообще не было никакой верхней одежды, он одолжил куртку своему приятелю.

— Почему вы не уезжаете? — спросил его самоубийца.

— Скоро уеду, — ответил Мосс.

Однако ни тот, ни другой не уехали, и, видимо, на то у каждого были свои причины: самоубийца, судя по всему, жил здесь — лишь бы не жить дома, вот и все. Как же он мог вернуться?

Они вышли посмотреть на конькобежцев, это было теперь их главным времяпрепровождением. Так как Мосс стал совсем плохо видеть, он теперь ходил с палкой и постукивал ею, выбирая дорогу, но сопровождал своего товарища повсюду, даже в горы и даже, как сейчас, на каток.

Конькобежцев сперва было всего двое — швейцар и почтальон. Иногда они с двух сторон брали за руки даму и катали ее. Потом и другие решились попытать счастья, молодая вдова и розничный торговец привинтили коньки и на свой страх и риск попытались встать на лед. Озеро огласилось вскриками и визгом.

Возвращаясь вечером домой, самоубийца и Антон Мосс встретили фрекен д'Эспар. Она надела на себя все, что у нее было с собой, одну вещь на другую, была вся замотана, вот только ноги оставались незащищенными.

Приятеля ей поклонились. Они испытывали к этой даме слабость с того дня, как она их пригласила к столу, в изысканное общество, пить вино и есть печенье.

— Холодно на льду, — говорит самоубийца, бросив взгляд на ее одежду.

— Да, — отвечает она, — у меня совсем нет теплых вещей, но...

Мосс расстегивает куртку и делает движение, чтобы снять ее.

— Что вы делаете?! — восклицает она.

— Вы не хотите ее надеть?

— Нет. Что это вы придумали!.. Нет, спасибо.

— Я ведь иду домой, — сказал он в виде объяснения.

— Все равно не возьму. К тому же я тоже возвращаюсь. Я как раз собиралась повернуть. Какая глупость, мне надо было взять зимние вещи, когда я была в Христиании. Но я об этом просто не подумала. Я написала, чтобы мне прислали пальто и теплые носки.

Они вместе идут в санаторий. Фрекен д'Эспар честно признается, что у нее дурное настроение, на душе кошки скребут, что здесь, в горах, стало мрачно и она чувствует себя одиноко. Она спрашивает своих попутчиков, не собираются ли они уезжать. Они отвечают, что вообще-то собираются, но не уверены, что в другом месте будет лучше.

— Я тоже так думаю, — говорит она. И, ссылаясь на собственный опыт, добавляет: — От дурного настроения веселей не становится, в нем нет никакого смысла. Верно?

Приятеля решили, что она скучает по господину Флемингу, по графу, они понимают, что ей плохо. Мосс, опустив глаза, говорит, чтобы подбодрить ее:

— Пусть черт грустит!

Похоже, у него нет ровным счетом никаких причин быть довольным. Фрекен д'Эспар становится его жалко, и она соглашается с ним вопреки своим убеждениям:

— Вы совершенно правы. Нет никакого смысла ломать себе голову над тем, чего нельзя решить, сидеть взаперти в своей комнате и давать волю мрачным мыслям. Какой в этом толк?

Самоубийца отнесся к этим словам критически:

— Если долго и сосредоточенно думать, то, возможно, и найдешь приемлемый выход. Сам не знаю.

Они дошли до санатория. Прощаясь с ними, фрекен д'Эспар решает, что пренебрегать этими двумя приятелями ей не следует. В них что-то есть, они не походят на пустых парней, которые болтают что придется за кружкой пива и увиваются на курорте за любой юбкой. В последующие дни фрекен д'Эспар проводит с ними время. В их положении есть что-то схожее, и их, естественно, тянет друг к другу. Когда она попала в беду, их общество перестало казаться ей ничтожным, она стала ценить самостоятельность их мысли, а их забавная болтовня действует на нее ободряюще и часто смешит ее. Такие же упрямы, как и она, и всех троих судьба не пощадила. Самоубийца, впрочем, перестал быть сумасшедшим, все, что угодно, но уж никак не сумасшедший. И намек на безумие в нем не осталось. Он глубоко проникает в поставленный перед ним вопрос и отвечает всегда очень логично и разумно. Антон Мосс более кроток, задумчив, симпатичен и прекрасно выглядел бы, если бы не раны на лице и нарастающая слепота. А все остальное при нем. Отличные ребята, просто молодцы! Они умеют раззадорить друг друга своими шуточками, мрачным юмором, это помогает им держаться на плаву. Конечно, нельзя сказать, что они запросто справляются с любой неудачей, нет, куда там! Обладают ли они той отвагой, которая нужна, чтобы отмести все заботы? Могут ли они купить, нанять или украсть то, что им хочется иметь? Нет! Настолько ли они цельные, чтобы оказаться на уровне своих обстоятельств? Радуются ли, когда возникает острая ситуация, умеют ли за нее ухватиться и поступать соответственно? Нет!

Нет, они оба потеряли себя, опустились, каждый на свой лад, и им постоянно приходится притворяться, даже когда дело касается ночного сна или аппетита. Но у них хорошие, благословенные головы, и в этом каждый из них черпает силы и покорно принимает свою судьбу.

Затем произошел случай, который еще крепче связал фрекен д'Эспар с двумя приятелями.

В санаторий снова пришел ленсман, точнее говоря, его помощник, жандарм, но все почему-то называют его ленс-

маном. Это был, как известно, тот парень, который взял в жены избранницу Даниэля. Под мышкой у него папка с протоколом, чтобы сделать в нем соответствующие записи. Он побеседовал с сестрой-хозяйкой и с инспектором, ему нужны подробные сведения о господине Флеминге.

Сестра-хозяйка ничего о нем не знает, инспектор тоже, но они поинтересовались: а что же, собственно говоря, случилось с господином Флемингом?

— Что-то с ним не в порядке, — отвечает ленсман, — он арестован.

— Боже, сохрани нас и помилуй!

И ленсман объясняет, что он получил задание узнать какие-то подробности о нем с его последнего места жительства, а это был санаторий «Торахус».

— Адвокат Робертсен сообщил, со своей стороны, что здесь остались два его чемодана, — говорит ленсман. — Где они?

Инспектор поднимается с ним на чердак, и они раскрывают чемоданы. Там лежит одежда, немало дорогих вещей, многие из шелка, но, кроме этого, там ничего нет. Ленсман снова закрывает и запирает чемоданы, даже ставит сургучную печать на замки, но ключи не забирает. Потом делает в протоколе какие-то записи.

Однако содержимое этих чемоданов никак не исчерпывает той значительной суммы, которую господин Флеминг то ли одолжил, то ли украл в каком-то банке в Финляндии. Где же эти деньги?

Этого ни сестра-хозяйка, ни инспектор не знают. Зовут доктора, но и он не может ответить на этот вопрос.

— Не передал ли господин Флеминг несколько тысяч на хранение в несгораемый шкаф санатория? — спрашивает ленсман.

— Нет!

Ленсман заносит все ответы в протокол.

Доктора, поскольку он лечил этого пациента, ленсман допрашивает с большим пристрастием. Нет, доктор ничего не может сказать о своем легочном больном, кроме того, что состояние его постепенно улучшалось, но он был неосторожен и легко простужался, и тогда у него наступали рецидивы, из которых он выбирался с большим трудом. Временами он был ипохондриком, а временами — окрылен чрезмерной надеждой, состояния эти чередовались. Он пил вино, но понемногу и на это тратил мало денег, что можно доказать, просмотрев бухгалтерские книги санатория. К тому же во время его последней простуды доктор его даже

не видел, у него, как обычно, подолгу сидела фрекен д'Эспар, она была последней, кто его видел.

Ленсман все это записывает, а когда кончил, спрашивает про фрекен д'Эспар.

— Позвать ее? — осведомляется сестра-хозяйка.

— Она здесь еще живет? Тогда подождите, лучше отведите меня к ней в комнату.

Фрекен д'Эспар явно удивлена, когда в ее дверь стучит и входит человек с папкой под мышкой, в фуражке, окантованной золотым шнуром. Он снимает ее, но лишь после того, как видит, что она произвела ожидаемое впечатление. Фрекен д'Эспар его почти сразу узнает.

— Извините меня за беспокойство, фрекен д'Эспар, — начинает он. — Я пришел узнать, что вам известно о господине Флеминге, который до недавнего времени жил в санатории. Я здесь по долгу службы.

— Господин Флеминг... ох... он что, умер?

— Нет-нет. А даже если бы и умер, что вам до этого? Но в данном случае речь идет совсем о другом.

Фрекен д'Эспар не раз уже попадала в затруднительные положения, и это помогло ей стать решительной и находчивой.

— Всегда неприятно услышать, что кто-то умер, я это имела в виду, — нашлась она.

— Вы ведь знали этого человека, вы были последней, кто видел его перед тем, как он попался.

— Как «попался»?

— Это и заставило его бежать. Но извольте ответить на мой вопрос.

— Что значит «знала»? — сказала она. — Господин Флеминг часто болел, и тогда я с ним сидела, вот и все наше знакомство.

— И это все? Больше ничего не было? — Ленсман ищет что-то в своем протоколе и делает вид, что находит нужные сведения. — У меня создалось впечатление, что вы постоянно находились в его обществе, разве нет? Так мне, во всяком случае, говорили.

Фрекен д'Эспар улыбается, правда, она бледновата, но улыбается и говорит:

— Как часто я с ним бывала и сколько времени мы проводили вместе, вас это интересует? Пожалуй, я могу сказать, что видела его ежедневно, но, конечно, не весь день. Мы оба жили здесь, в санатории, и мы друг с другом разговаривали.

— Он относился к вам с доверием?

— Повторяю, мы с ним разговаривали. Я больше французенка, чем норвежка, и господин Флеминг, как человек образованный, говорил со мной по-французски, — объясняет она.

— Вот как? — удивляется ленсман. Он несколько растерян. — По-французски?

Фрекен д'Эспар жестом указывает на лежащие вокруг книги.

— Я читаю только по-французски. Мы с господином Флемингом говорили о книгах, которые читали. Как по-вашему, это есть проявление доверия?

Ленсман обижается:

— Здесь я задаю вопросы, фрекен д'Эспар. Я пришел, чтобы составить протокол.

— Я вам отвечу, — говорит она.

— Спасибо. Дело в том, что господин Флеминг арестован...

— Что он сделал?

— Подлог, предъявил банку фальшивый документ или что-то в этом роде. Дело идет о весьма значительной сумме. Вот как все обстоит. И я хочу вас спросить: не знаете ли вы, где он спрятал эти деньги?

— Я? — Фрекен д'Эспар громко, звонко смеется. — Вы не искали в его чемоданах?

Ленсман краснеет и говорит с досадой:

— Лучше бы вы ответили на мой вопрос!

Фрекен д'Эспар продолжает смеяться, никак не показывая своего страха, и говорит, давась от смеха:

— Извините меня, не могу удержаться. Это так смешно.

Но, видимо, ее веселье показалось ему наигранным, он собирается с силами, чтобы нанести удар.

— Где деньги? — говорит он тоном приказа.

Господи, ведь эти деньги спрятаны у нее на груди, а дверь закрыта! Да-да, конверт с деньгами всегда при ней, он стал как бы частью ее тела, принял нужную форму, прирос к ней, лежал себе неделями в тепле. Фрекен д'Эспар ведет себя как герой, она полна мужества, она прекрасно понимает, что находится на краю пропасти, но не сдается, грубость, с которой ленсман задал свой вопрос, ей помогает, она глубоко задета, но ничего удивительного тут нет. Быстрым движением она кидает ключ от своего чемодана прямо перед ним на стол и говорит резко:

— Пожалуйста, общите мою комнату и мой чемодан, я не буду вам мешать.

С этими словами она распахивает настежь дверь и выбегает из комнаты.

Она бежит по коридору, перепрыгивая через ступеньки, спускается по лестнице и влетает на веранду. Там сидят самоубийца и Антон Мосс. По дороге она успеваешь рывком расстегнуть кнопки на спине и вытащить спрятанный на груди толстый пакет. Она протягивает его сидящим приятелям и говорит:

— Здесь жандарм, он хочет у меня его отнять. Спрячьте пакет, в нем письма графа, письма господина Флеминга, только письма...

Мосс сидит ближе к ней и тут же хватается за пакет. Он плохо видит, но все же достаточно, чтобы понять, что она убегает от опасности, что ее блузка расстегнута. Он слышит страх в ее голосе и, не долго думая, расстегивает куртку и рубашку, убирает пакет и снова все застегивает.

— Уф! — вырывается у нее вздох облегчения, и она без сил опускается в плетеное кресло.

— Что происходит? — спрашивает самоубийца.

— Сама не знаю. Все это из-за господина Флеминга, он якобы должен какие-то деньги или взял деньги, которые ему не принадлежали, почему я знаю! И теперь ленсман требует, чтобы я сказала, где он спрятал эти деньги.

— Он вас обыскивал? — спросил самоубийца с недоверием в голосе.

— Да. Точнее, хотел. Но он не получит этого пакета, это письма. Верно?

— Ни в коем случае, — удивительно спокойно говорит Мосс.

Самоубийца тоже возмущен, вид у него решительный, и он говорит, обращаясь к своему товарищу:

— Одолжите-ка мне вашу трость, Мосс. Пусть она будет у меня на всякий случай.

— Не могу без нее обойтись, — отвечает Мосс. — Я сам первый пушу ее в ход.

— О, спасибо, спасибо! — Фрекен д'Эспар плачет и смеется одновременно. — Я сделаю все, что вы скажете.

Она сама испугалась своей решимости и мужества. На многое можно отважиться в момент опасности, но долго выдерживать такой порыв трудно, особенно если ты уже измотан предыдущими тревогами и неудачами. Чувствуешь себя птичкой, которая прячется в кустах.

А сейчас она нашла опору и защиту у двух пациентов, двух бедолаг, которые сами в беде. Они здесь торчат потому, что им безразлично, где быть и что делать, они живут, не зная, как убить дни и ночи.

Самоубийца настроен воинственно.

— Где этот тип? — спрашивает он.

Фрекен д'Эспар снова плачет и смеется от благодарности, она восхищена его бесстрашием, подумать только, полицейского он называет «типом»!

— Он в моей комнате, — объясняет она. — Я сказала ему, что он может обыскать мою комнату и чемодан, я сама дала ему ключ.

Приятель восхищается ею, считает, что она повела себя великолепно, так ему и надо, этому типу! Они не говорят этого вслух, но согласно кивают. Самоубийца выражает свое неудовольствие по поводу того, что она оставила совершенно чужого человека в своей комнате, да еще с незапертым чемоданом.

— Пожалуй, я подымусь к нему! — сказал он и встал.

Но Фрекен д'Эспар хватает его за руку и просит этого не делать.

— Он ничего не найдет, там ничего нет. Ради Бога, не ходите туда, не надо!

И она снова смеется и снова всхлипывает, в восторге от поведения самоубийцы, который выражает недоверие к полиции, к самой полиции. Постепенно ее волнение проходит, нервы успокаиваются. Она откидывается в кресле, чтобы не были видны расстегнутые на спине кнопки. Приятель считает, что она замерзла, и просят ее войти в дом, но она наотрез отказывается, говорит, что будет здесь сидеть, пока жандарм не пройдет мимо, хочет быть уверенной, что он ушел. И заверяет своих друзей, что ей ничуть не холодно. И снова они ею восхищаются: она не бежит, значит, у нее чистая совесть.

Появился жандарм. Он теперь настроен мирно и добродушно, весь его боевой пыл пропал.

— Вы меня неверно поняли, — говорит он, — вам незачем было оставлять меня там одного.

Фрекен д'Эспар смотрит на него и молчит.

— Я, конечно, никакого обыска у вас не делал. Ключ от чемодана лежит там, где вы его оставили. Я просто записал в протокол ваши показания.

Фрекен д'Эспар молчит. Но она очень боится, что ее друзья заговорят, что Антон Мосс ударит себя в грудь и скажет: «Вот здесь письма графа, попробуйте-ка их взять!»

Молчание нарушает самоубийца, он говорит:

— Похоже, что все, кто жил с графом под одной крышей и разговаривал с ним, попадают под подозрение.

Саркастическое замечание самоубийцы окончательно сбilo ленса с толку.

— Что вы хотите сказать? Как вас понять?..

— Я один из тех, кто с ним разговаривал.

— И я тоже, — добавляет Мосс, не поднимая глаз.

Фрекен д'Эспар говорит испуганно:

— Нет-нет, не надо!

Ленсман спрашивает:

— Вы говорите «граф». Он что, граф?

— Вы даже этого не знаете! — возмущается самоубийца, словно никогда не сталкивался с такой неосведомленностью.

Верит ли ленсман в то, что Флеминг граф, или нет, неясно, но он наверняка замечает, что перед ним враждебные ему люди, и поспешно говорит:

— Ну вот, я выполнил полученное задание.

Он кланяется, подносит руку к окантованной золотым шнуром фуражке и уходит.

Ушел он красиво, и это примирило с ним присутствующих. К тому же было известно, что ему необходимо заработать себе повышение, — фрекен д'Эспар знала это от Даниэля. Он и вправду рассчитывал получить должность ленсмана и превратить свою жену, фру Элену, в настоящую даму. Все было взаимосвязано.

Отдавая толстый конверт, Мосс говорит шутя, по-прежнему не подымая глаз:

— Можете мне его снова дать в любое время. Я не против того, чтобы он лежал у меня в кармане, так у меня возникает ощущение, что я чем-то обладаю.

И Мосс усмехнулся, скривив губы в грустной гримасе.

Эта полная отчаяния усмешка произвела на фрекен д'Эспар сильное впечатление. А так как силы ее уже подорваны быстрой сменой настроений, ей в этот момент захотелось кинуться на грудь к этому больному человеку и приласкать его.

— Чем я могла бы вас обоих отблагодарить? — спрашивает она.

Но так как они ни в коей мере не были кавалерами, они не сумели ответить на этот вопрос должным изысканным образом, а просто с трудом выдавили из себя: «Ничем», а Мосс даже пробормотал:

— Это мы должны вас благодарить!

В последующие дни они подолгу беседовали втроем. Фрекен д'Эспар казалась мужчинам весьма привлекательной, а приятели, в свою очередь, вселяли в нее бодрость, хотя и не подозревали об этом. Ей хотелось расспросить Антона Мосса об его язвах на лице, но он не шел на такой разговор, всякий раз уклонялся от него. Она хотела подо-

брать ему какое-нибудь сильнодействующее средство, но он упорно избегал этой темы.

Так проходил день за днем, приятели поддерживали ее как умели, вселяя в нее некоторую бодрость, но дни летели быстро, и она впадала в панику при мысли, что их осталось не так уж много до отмеренного ей срока. Она сидела со своими друзьями в курительной комнате, не зная, как ей дальше быть, совсем утратив покой, и слушала, как они ссорятся и выдвигают друг против друга самые невероятные обвинения. От постоянной череды таких словесных дуэлей они отточили свои формулировки, были абсолютно безжалостны друг к другу, и никогда еще фрекен д'Эспар не доводилось слушать такой ужасной вроде бы шуточной ругани.

Мосс без всякого зазрения совести смеялся над самоубийцей за то, что тот еще жив.

— У вас просто не хватает смелости себя убить, — говорит он.

— Подождите, пока я соберусь с мыслями, — отвечает самоубийца. — Тогда я постараюсь вам все объяснить.

Фрекен д'Эспар заливается краской от смущения. Что будет дальше?

— Все дело в том, что вы даже не понимаете, до какой степени вы решительно никому не нужны на нашей земле, вы лишний человек, — неуклонно наступают Мосс.

Эти слова, видимо, задевают самоубийцу.

— Вы ему не верьте, фрекен д'Эспар, все обстоит иначе, — говорит он. — Просто мне кажется нелепым, что я только из упрямства должен уйти из жизни.

— Конечно, не должны, — поддерживает его фрекен д'Эспар, она не понимает, почему Мосс так груб.

— Ах, вот оно что, вы не желаете быть упрямым. Нет, вы этим только прикрываетесь, на самом-то деле у вас просто не хватает смелости.

Молчание.

Мосс подначивает его, теперь он представляет самоубийство как нечто очень заманчивое, прекрасное.

— Если бы вы набрались мужества и совершили задуманное нынче ночью, то завтра утром проснулись бы, а у вас между колен арфа.

Для фрекен д'Эспар загадка, как можно сказать такое. Из чего сделан этот самоубийца, почему он не отвечает ударом на удар? Он спокойно сидит и посмеивается, но в конце концов все же решает, что терпенье его исчерпано.

Это лишь первый акт спектакля. Теперь настал черед самоубийцы. Ах, бедняга Антон Мосс, он сам напросился на жестокость.

— Кто бы мог подумать, что у слепца скопилось столько желчи! — говорит он.

— Я не слепой, — протестует Мосс.

— Читать вы уже не можете.

— Не могу читать?

Мосс встает, чтобы взять с соседнего стола газету и доказать, что еще читает, но натывается на стул, и тот падает.

Самоубийца поднимает стул и говорит:

— Я предлагаю вам выйти во двор, чтобы не переломать здесь всю мебель.

Фрекен д'Эспар заступается за Мосса:

— Бедняга, он просто не заметил стула.

— Да, не заметил, а читать могу, — уверяет их Мосс. — Что за глупости вы болтаете!

— Смотрите, — восклицает с торжеством самоубийца, — вы сорвали с пальца свою отвратительную повязку. Вот она лежит. Нет, сядьте, я подниму, вы все равно ее не разглядите. Берите и снова завяжите. Вам все приходится объяснять, вы как ребенок, мне противно находиться рядом с вами. А к больному пальцу вы относитесь как к своей любимой. Лучше бы отрезали его ножницами.

— Ха-ха-ха, — отвечает Мосс.

Судя по всему, отношения между двумя приятелями были весьма сложные. Создавалось впечатление, что они ссорятся, чтобы не сломиться. Постепенно между ними выработался этот способ общения, словно они о нем договорились. У одного была душевная болезнь, у другого — телесная. Оба никак не радовались своей молодости. Зато отлично научились изводить друг друга. Самоубийца всякий раз обрушивался на внешний вид приятеля, начиная с его одежды.

— Ваша рубашка стала на спине желто-красной, ее уже нельзя назвать одноцветной. С вашим острым зрением вы не могли этого не заметить.

— Вы только и умеете, что ругаться, — отвечает ему Мосс. — Вы скучны и пресыщенны, ничто вам не мило. Какой заносчивостью надо обладать, чтобы ругать всех вокруг.

— А на вас, дорогой друг, даже смотреть опасно! — издевательским тоном говорит самоубийца. — Вы не находите, фрекен д'Эспар?

— Нет, но перестаньте, оба хороши... Сейчас же перестаньте! — в ужасе восклицает она.

Но самоубийца и не думает внимать этому воплю:

— Не стоит ли вам попробовать попудрить лицо? А может, вы для того чересчур набожны?

— Ха-ха-ха! — отвечает Мосс.

Тут фрекен д'Эспар уже и сама не в силах сдерживать смех, но она при этом всплескивает руками и кричит им:

— Господи, да вы просто оба сошли с ума!

А они продолжают ругаться, потом делают короткую паузу и тут же начинают с новой силой извергать поток взаимных оскорблений. Конечно, они несчастны, судьба к ним немилосердна, но ни один из них ни разу не пошутил беззлобно, они никогда не смеются от чистого сердца. Они стараются распалить себя до полной ожесточенности, чтобы не сокрушаться о своей участи, скрежещут зубами, чтобы не разрыдаться.

Любопытно отметить, что самоубийца то и дело обращался к фрекен д'Эспар, стараясь втянуть ее в этот спор, а вот Мосс ни разу не позволил себе такой вольности. Он сидит, уперев взгляд в пол и низко склонив свое страшное лицо.

Но иногда им удается поговорить втроем как ни в чем не бывало, каждый на время забывает о своей беде, и они отвечают друг другу безо всякой злости. Этими минутами фрекен д'Эспар особенно дорожила. Она ведь тоже изменилась: Все, что с ней случилось, сделало ее более скупой на слова, зато она стала более серьезно думать: как быстро все меняется, вот взять, к примеру, господина Флеминга. Еще совсем недавно он жил здесь, окруженный всеобщим уважением, кольцо с бриллиантом, шелковое белье, граф, свободный человек, — а теперь сидит в тюрьме! Или она сама: на какой-то миг она выбралась из бедности, но лишь затем, чтобы тут же свалиться в еще более глубокую пропасть. Что ей теперь делать? Быть как на угольях из-за полученного подарка, из-за обретенного богатства и в то же время мучиться от того тайного страдания, в котором она и себе-то признаться не смеет? По мере того как ее бедственное положение становилось все безысходней, она все меньше думала о господине Флеминге, он все дальше уходил от нее. Она жалела его, ей хотелось, чтобы он избежал наказания или нашел бы в себе силы его отбить, но она утратила к нему нежность и не считала себя больше обязанной хранить ему верность. И удивляться тут было нечему. Ее никак нельзя было назвать бессердечной, но для любви это было не самое удачное время. Самоубийца и его друг оказались для нее подходящим обществом.

Как-то они сидели все вместе и говорили о школе и преподавании, и фрекен д'Эспар упомянула в этой связи директора гимназии Оливера. Самоубийца скорчил гримасу.

— У него прекрасные сыновья, — сказал Антон Мосс.

— Да, ну а сам директор? — спросила она.

— Этого господина Бог сотворил во гневе, — бросил самоубийца.

И с этой минуты разговор завертелся вокруг директора гимназии. Жаль, торговец древесиной Бертельсен уже уехал из санатория, ему ведь так хотелось быть свидетелем приступа безумия. На этот раз он наслушался бы всякой всячины, в том числе и немало светлых рассуждений, хотя многие из них могли бы показаться очень необычными и даже сомнительными, одним словом, в них соседствовали бред и разум. Самоубийца уверял, что голова директора гимназии Оливера набита словарями, и из этого хаоса родилось беспомощное существо: где его кормилица, где бутылочка с молоком? Он блуждает в темноте и думает, что с помощью книг может стать человеком, но лишен характера, он не личность. Попугай умеет повторять заученные фразы, человеку тоже можно вдолбить в голову все, что угодно. Но это будет не живой человек, а член некой касты, как директор Оливер из касты филологов. Он знает «языки», но ничего кроме них.

Это рассуждение несколько задело фрекен д'Эспар, и она, исходя из представлений, которые дает гимназическое образование, позволила себе заметить:

— Знать языки — это не так уж плохо. Я хотела бы знать как можно больше языков.

— Почему? Зачем вам это? — спросил он.

— Почему? В самом деле, зачем учат языки? Хотя бы для того, чтобы развить свой интеллект, чтобы следить за иностранной литературой, чтобы стать образованным человеком.

— Я не успеваю следить даже за нашей отечественной литературой, — сказал он.

— Ну да, конечно, нашу отечественную... — В ее ответе звучала ирония.

Он вдруг заговорил с яростью, стал неприятен и воинственен, словно его точка зрения настолько очевидна, что не стоит тратить время на ее защиту.

— Иностранные языки, книги других народов — к чему все это? На скандинавских языках написано больше миллиона томов, но мы проходим мимо, чтобы читать «иностран-

ные!»! А может, наши ничуть не хуже? А может, даже в чем-то лучше? Во всяком случае, их нам куда легче освоить. Что же до интеллектуального развития, которое якобы дает изучение языков, — то посмотрите-ка на нашего филолога, на директора гимназии: самый обыкновенный человек, ничем не отличающийся от большинства других людей, правда, и не хуже других, но ведь дело не в этом, а в том, лучше ли он? Более ли высокого полета его душа, богаче ли его внутренняя жизнь? Легче ли он переносит несчастье, счастливее ли он? Чего от него можно ожидать? Он напичкан всякой рухлядью, слова, слова, одни только слова.

— Да что вы говорите!

— И за что только его столь многие ценят? Этот комический персонаж окружен всеобщим вниманием. Оттого, что его голова битком набита словарями, его глупость только упрочилась, а люди всячески выражают ему свое одобрение и призывают не останавливаться на достигнутом: попробуй проглотить еще несколько словарей, еще два-три, не больше, вот так, bravo, мы за все заплатим! И все это лишь затем, чтобы дать ему возможность открыть лавку и сбывать школьникам все это старье.

— Вы в самом деле так думаете? Считаете, что языки учить вообще не надо? Что в школах не должно быть уроков иностранного языка?

— Возможно, что не надо, совсем не надо. А вы как думаете? Не больше ли мы теряем при изучении «языков», чем приобретаем? Жизнь так коротка, что нельзя ее растрчивать на попугайский труд. Языки должны учить только те, кто испытывает к этому особую склонность, кто не способен на большее, чем стать переводчиком, письменным или устным, или работать в посольстве, короче, иметь такую специальность, а не просто все смертные, как вы, как он, как я. Конечно, все это не относится к гениям языкознания, к тем, кто открывает что-то новое. Речь идет о нас, о кивающих автоматах. Мы ведь уже стали сомневаться в необходимости каждому учиться играть на пианино, но от этого мы не перестаем ценить музыкантов Божьей милостью. Разве не так?

— Но что будет со школами, если там отменить изучение языков?

— Да, вы правы: что будет с царящим и там рабством! Ничего, остаются безразличные всем даты царствования королей, продолжительности войн, особые выкрутасы в занятиях гимнастикой вместо полезной работы, дурацкая игра в математику, недоступная по большей части для двенадца-

тилетних детских мозгов, — одним словом, для порабощения детей материала и так хватит. Что такое настоящая школа? Это ежедневное воспитание матери, ежедневное обучение отца. А школа, опирающаяся на книги, это нечто надуманное, это некое учреждение, специально созданное, чтобы усложнять жизнь, чтобы сделать ее тяжелой для человека, начиная с детства, с шести лет, и до самой смерти. Книга, печатное слово, предназначенное всем и каждому, наполняет мир недовольством и несчастьем, потому что порождает не качественное, а количественное образование, то, что мы называем цивилизацией.

— Разве не прекрасно, что все люди... Одним словом, я хочу сказать, что все тянутся к тому, кто учился, к тому, кто учился больше других, к ученому.

— Вы полагаете, что это вселяет в меня недоверие? О нет! Ведь мы восхищаемся Бог весть кем, спортсменами, быстрее других пробежавшими стометровку, например, или лучшим лыжником — в обоих случаях я испытываю к ним скорее сочувствие. Мы встаем и уступаем свой стул клавдиканту, мы терпеливо ждем, пока заика выдавит из себя пустую фразу, мы распахиваем перед дамой дверь, словно у нее нет рук...

Он остановился.

— Ну и что? — спросила фрекен д'Эспар.

— Я хочу сказать лишь следующее. Был когда-то флейтист, подлинный виртуоз. А все кончилось для него тем, что он забросил ноты под пульт и стал пускать из флейты мыльные пузыри. Только это я и хотел сказать.

Он выговорился — завод механизма кончился. Оба молчали.

Воцарившуюся тишину прерывает Мосс.

— Вы впали в экстаз, — говорит он.

Самоубийца глядит на него и в задумчивости мигает.

— Слушать вас было захватывающе интересно, вы говорили чуть ли не стихами, — продолжает свое Мосс.

Фрекен д'Эспар немного посмеялась, но так как самоубийца, по всей видимости, и теперь его не слышал, Мосс больше не пытался втянуть его в разговор. Он встал, некоторое время глядел в окно, а потом ушел.

Те двое по-прежнему сидели в курительной. Сгущались сумерки.

Казалось, что теперь, когда они оказались вдвоем, что-то изменилось. Дама, обладающая притягательной силой для мужчин, склонила голову и стала обдумывать то, что он сказал, во всяком случае, она сделала вид, что думает.

Этого человека, рассуждала она, никак нельзя назвать сумасшедшим, а это уже кое-что. Из разных мелких наблюдений она также сделала вывод, что он себе не отказывает в необходимом, а покупает все, что ему может понадобиться, — так каково же его положение в обществе? Есть ли у него дело в городе, которое приносит доход, или он живет на проценты с капитала? Но главное — что же все-таки с ним произошло? Ей самой было весьма интересно узнать, как человек, доведенный до крайности, все же может отказаться от мысли о самоубийстве.

Она даже дошла до того, что попросила у него прощения за то, что мучила его своими глупыми замечаниями, она ничего во всем этом не понимает, ей вовсе не хотелось...

Нет-нет-нет, это он должен просить прощения. Господи, уж не смеется ли она над ним?

— Я часто ломала себе голову над тем, почему вы, собственно говоря, здесь живете, — решительно сказала она своим обычным небрежным тоном.

— Почему я здесь живу — вы об этом спрашиваете?

— В общем, почему вы здесь задержались так надолго? Вы не больны, с вами все в порядке, каникулы уже давно кончились. Извините меня, нельзя быть столь любопытной.

— Видимо, у меня есть на то свои причины.

— Да, конечно.

— А вы сами здесь почему?

Она вдруг резко наклоняется вперед.

— Господи, ах, Господи... да, вы правы. Я не должна была вас об этом спрашивать!

— Да что вы, что вы, это не имеет значения, — говорит он в испуге. — Вернее, это я не должен был отвечать вам вопросом на вопрос. Только пусть вас это не тревожит!

— Я просто думала... надеялась, что вы, как человек мужественный и полный сил, сможете мне указать какой-то путь. Да, одним словом, что вы можете дать совет. Не знаю, как это выразить, но ведь однажды вы мне уже помогли.

Он решил, что она имеет в виду посещение ленсмана и пакет с письмами, из чего он сделал вывод, что ее муки вызваны любовными переживаниями и нет тут ничего другого.

— Действительно, мы не должны падать духом, — говорит он тоном утешения. — Никак не должны. Против судьбы не пойдешь, в таких случаях лучше отойти в сторонку, ничего другого не остается.

— Вы правы. Но это так тяжело.

— Да, мы отходим в сторонку то ли с вызовом, то ли незаметно, но отходим, иного нам не дано. Впрочем, надо еще

понять, стоит ли то, что мы зовем судьбой, наших страданий. И для многих все потом как-то налаживается.

— Не для меня. Для меня все становится лишь тяжелее день ото дня.

— Нет-нет!

Чтобы подбодрить ее, он чувствует себя обязанным сказать хоть что-то о себе: если бы она только знала его судьбу, какие бывают ситуации! А то, что граф уехал, да, возможно, только на короткий срок, и что он запутался в каких-то денежных делах, не смог, может, в нужный день оплатить несколько счетов, все это вещи проходящие. Одно его громкое имя поможет уладить это недоразумение, и его богатая семья, вне всякого сомнения, вмешается в это дело, чтобы не было позора... О, поверьте, другим приходится куда как хуже.

— У вас тоже плохие дела?

— О да, не очень хорошие, но...

И этой несчастной молодой женщине удастся так тронуть самоубийцу, что он уже не в силах скрыть боли по поводу своих бед, и губы его начинают дрожать. Он делает признания, которые при других обстоятельствах никогда не вырвались бы из его уст, ее участие сыграло с ним злую шутку: он смягчается и уже с трудом сдерживает слезы. Эта чертова барышня сокрушила ту ожесточенность, которую он в себе с трудом выработал в разговорах с Моссом.

Была ли у фрекен д'Эспар задняя мысль, когда она так упорно сидела с ним и расспрашивала его? Это одному Богу известно, но она была очень подавлена и растерянна, и одно это могло служить ей извинением.

Когда она спросила его, есть ли у него дом, жена, дети, он стал отрицать это и даже выразил свое недоумение по поводу того, что у нее могло возникнуть такое предположение, — как она себе это представляет, как такое могло взбрести ей на ум?

— Да нет, я только спросила, но это просто глупо.

— Нет, вовсе не глупо, я не это хотел сказать, совсем не глупо...

— Конечно, глупо, мне бы сообразить, что человек, который так долго живет здесь, в горах, не мог оставить там, откуда он приехал, любимых людей.

— Во все нет, уверяю вас, что, собственно, могло бы ему в этом помешать? — вдруг горячо запротестовал он. — Что мы вообще знаем друг о друге? Разве я не мог оставить дома жену и детей? Я готов даже пойти дальше в этом рассуждении и сказать, что именно это может оказаться причиной, которая вынуждает беднягу убежать в горы. Я, конечно, го-

ворю не о себе, — поспешил добавить он, — а вообще. Просто предполагаю, что такое может случиться.

И в самом деле, от ее присутствия он становился все более откровенным. Он, правда, все время следил за тем, чтобы всякий раз подчеркивать, что говорит не о себе, а просто разбирает возможные случаи, и считал, что этим объяснением он надежно защищен. Но он стал объяснять ей, почему человеку хочется удрать в горы: может случиться, — не с ним, конечно, а с кем-то, — что черт забредет в дом, где живет замужняя женщина. И что же тогда происходит? Ребенок лежит заброшенный в колыбели, дом запущен, женщина вообще больше домой не приходит. Может, ее и нельзя за это винить, наверное, у нее были на то свои причины. Например, можно предположить, что у нее своевольный характер или что она безумно в кого-то влюбилась, — такое ведь случается. Но ребенок лежит без присмотра, и он может при этом быть красивым, прелестным. Это, предположим, маленькая девочка, и у нее уже густые волосики и точеные черты лица, в этом нет ничего необычного. Такое ведь может с каждым случиться, так проходит зима, а потом муж уже не в силах это выдержать, и он бежит из дома. Видите, вот так это происходит. Он садится на пароход, чтобы плыть в Австралию. В горы никто не бежит в этой ситуации. Но если этот человек ограничен, прост, не просвещен, то он может при этом потерять душевное равновесие и ему может взбрести на ум стать хозяином своей судьбы и положить конец мучениям. Эти мысли занимают его по пути в Австралию. В этих обстоятельствах он может приобрести пистолет. Пистолет? А возможно, что пистолет уже давно куплен и лежит смазанный, начищенный и заряженный в надежном месте. Почему же он им не воспользовался? Видите ли, фрекен д'Эспар, наш герой ведь человек, все мы человеки, и, может быть, он еще, несмотря ни на что, укоренен в жизни и наперекор всему, может быть, влюблен, и еще его удерживает страх, что ребенок погибнет, что ему надо жить, чтобы его спасти. Вот он и бродит по свету...

Самоубийца добавляет, чтобы прикрыться:

— Вот такую историю мне рассказали, сам же я себя никак не могу поставить на место этого человека. Особенно мысли о ребенке — скажите мне ради Бога, что бы это означало? Я никогда не слышал, чтобы мужчина мог быть привязан к новорожденной, совсем еще крошечной девочке. И будь у меня такое маленькое существо, как я его назвал бы, какое имя можно ему дать? Нет уж, благодарю покорно, — говорит он с излишней жесткостью...

Мосс стоит в дверях.

Мосс плохо видит, но он хорошо слышит и тонко чувствует. Бедняга самоубийца, он, видно, давно уже тосковал по сочувствию, и теперь, когда он его вдруг получил, он совсем размяк. Но Мосс с этим не посчитался.

— Извините, если я помешал вам проливать прекрасные слезы! — говорит он.

— Слезы? — переспрашивает самоубийца и начинает хотать. — Вы их видите, надо полагать, благодаря своему острому зрению.

Но самоубийца не чувствует себя очень уж уверенно. Когда он оказывается с глазу на глаз со своим товарищем, он сразу настраивается на особый саркастический тон, и потому продолжает:

— Если я позвоню и закажу вам выпивку, то вы не так заговорите... А не выпьете ли вы тоже чего-нибудь, фрекен д'Эспар?

— Нет, спасибо, большое спасибо!

Фрекен д'Эспар не в состоянии вникать в заботы других людей, у нее и своих хватает. Она возвращается в свою комнату, ложится на кровать, берет книгу, но ей не читается, она задумывается, вздыхает и чувствует себя из рук вон плохо. Самоубийца тоже оказался не для нее — он оказался не свободным, он женат, и даже влюблен, счастливчик! Она решает совершить еще одну безнадежную поездку в Христианию, зачем, сама не знает, но что толку здесь торчать? Единственным утешением в той заброшенности, в какой она очутилась, был пакет с деньгами у нее на груди. Он придает ей какую-то уверенность, благодаря ему она в состоянии встать, когда звонит звонок к ужину, спуститься в столовую и как-то скоротать вечер. А потом наступает ночь.

Горничная застегивает ей каждый день блузку на спине, она приходит утром и торопясь, кое-как справляется со своими обязанностями. У нее холодные пальцы, она тянет края блузки, с трудом соединяя их, и фрекен д'Эспар кажется, что она о ней что-то знает, когда говорит, что барышня небось слишком много ест, раз так полнеет. Это никак не соответствует действительности, но горничная несколько раз уже замечала с какой-то усмешкой: неужели можно так поправиться от сырого горошка и жареной селетки на ломтике кекса?

Наглая тварь! Чувствуя, что горничная может ее еще больше прижать к стенке, фрекен д'Эспар пытается предупредить ее возможный выпад:

— Уф, мне снятся такие ужасные сны!

— Да уж наверное, — отвечает горничная, — вы во сне стонете и разговариваете.

— Это со многими случается.

Горничная молчит.

— Во время дурных снов болтаешь всякий вздор, — продолжает фрекен д'Эспар, — случается, что называешь имена, цифры, даже денежные суммы, и вообще невесть что. Но вы же знаете, что все это ничего не значит.

Горничная молчит. Что ей надо? Ждет денег, чтобы поддакнуть?

После ее ухода фрекен д'Эспар распахивает окно и смотрит: идет снег, кажется, он идет во всем мире, покрывает поля, припудривает лес, гора, возвышающаяся на границе санаторской территории, становится все менее видимой, это та самая скала. Но не везде царит тишина погребенного под снегом мира, время от времени слышатся выстрелы, кто-то стреляет на пастбище. Сперва один выстрел, потом еще один, это, наверное, Даниэль, который отстреливает белых куропаток для санатория. Даниэль вышел на охоту, он полон сил, здоров, он пережил свою любовную драму. Она вспоминает, что у него на стене висят два ружья.

Фрекен д'Эспар спускается вниз — к другим гостям санатория, начинается новый день. Несладко оказаться на ее месте.

Но сегодня ей приходит наконец в голову самый простой, самый естественный выход из положения. Удивительно, что она не нашла его раньше: надо отправиться к некоей благожелательной даме, чей адрес она увидела среди объявлений в лежащей перед ней газете. Дама эта весьма опытна и живет на расстоянии трех часов езды от столицы в тихом месте. Все ее трудности будут разрешены, там ей помогут, можно смело сказать, что она спасена! У нее есть деньги на эту поездку и время еще есть, торопиться нечего, она может поехать туда перед Рождеством или после него. Она спасена!

После длительных недель мрака и отчаяния она впадает в радостную эйфорию, снова чувствует себя молодой, ей хочется смеяться. Перед судьбой надо отступить в сторону? Что за глупая, несостоятельная точка зрения! Она схватит судьбу за шиворот и заставит ее склониться перед ней!

— Дайте мне, пожалуйста, тюбик вазелина, — говорит она доктору.

— На что он вам? — спрашивает он, чтобы ее немного подразнить.

— Помажу им хлеб, — отвечает она, готовая на словесную дуэль.

— Вполне в вашем духе, — говорит он, — вы ведь едите жареную селедку на ломтике кекса.

— А на завтра я заказываю помидоры с березовыми опилками.

Они оба от души смеются над этой дурацкой выдумкой. У доктора теперь много свободного времени в течение дня, потому что пациентов мало, и он рад приятной беседе.

— Садитесь, фрекен д'Эспар, — говорит он.

— Мне некогда, — отвечает она и тут же спрашивает: — А что, собственно говоря, с господином Моссом?

— Мосс? Он скоро уедет.

— Но я вас спросила, чем он болен?

Доктор начинает разбирать на столе какие-то бумаги и говорит:

— Атрофия кожи. Как, вы уже уходите?

— Вы не можете его вылечить?

— Почему вы меня об этом спрашиваете? Нет... Ему придется вскоре уехать.

Фрекен д'Эспар отправляется в свою комнату и берет тюбик с вазелином. Она мажет им лицо и начинает его массировать. Просто позор, как она за последние недели запустила себя, кожа на лице обвисла, это, конечно, последствия ее страданий, появилось много новых морщинок. На кого она похожа! Но теперь все изменится. После визита к благожелательной даме из объявления в газете она снова будет хорошо выглядеть и сумеет за себя постоять. Она тут же дает себе слово ежедневно делать массаж лица.

— Войдите!

Это снова горничная. Фрекен д'Эспар удивлена ее приходом.

— Вы ведь мне уже застегнули блузку.

— Я хотела вам сказать, что взяла расчет. Утром я промолчала, но работать здесь больше не хочу.

— В самом деле?

— Я считаю, что была вам полезной. Вы меня знаете, я не болтала ни о вас, ни о чем другом.

Горничная с ума, что ли, сошла! К фрекен д'Эспар вернулась ее прежняя бодрость, дрожа от гнева, она прогоняет горничную и продолжает массаж. Так вот что эта тварь имела в виду утром, когда так странно выражалась: хотела ее унижить, напугать и получить добавочное вознаграждение, не правда ли? Многого приходится пережить, но главное —

не сдаваться. Защитить себя можно, только обладая чувством превосходства. Она теперь намерена предъявить определенные требования. Вполне возможно, что ей придется выразить недовольство по тому или иному поводу: слишком уж ее не удовлетворяло питание и обслуживание в санатории, или скандально высокие цены за стирку, или воздух в гостиной, который пожилые вдовы чиновников отравляют запахом своей бедности. Больше она не намерена со всем этим мириться, в этом больше нет нужды, она ведь нашла легкий выход из положения, схватила судьбу за шиворот и заставила ее склониться перед ней. Теперь все будет хорошо. Пусть ей подадут кофе в постель! Нет, этого мало, пусть подадут кофе и завтрак. Она читала об этом в своих французских книжках. После всего, что ей пришлось перенести, ей надо вдоволь себя побаловать, она просто обязана это сделать.

И ей захотелось снова стать ухоженной и красивой. Сомнений нет, массаж помогает.

— Послушайте, друзья, — сказала она Моссу и самоубийце, — последние дни мне снились такие хорошие сны, я больше не буду угрюмой, всегда можно найти выход, ведь верно?

— В самом деле? — удивились приятели.

— Да, выход всегда можно найти. А сейчас мы пойдем кататься на санках, смотрите, какой снег!

Мосс готов, Мосс, несмотря на свою страшную болезнь, готов, а вот самоубийца встает с нерешительным видом и говорит:

— Мы промочим ноги.

— Ну и пусть! Высохнут.

— Да и санок приличных нет.

Мосс уверяет, что уже приобретены хорошие небольшие санки, как раз такого размера, как нужно, так что на это нечего ссылаться.

— Тоже мне любитель свежего воздуха, — бормочет самоубийца и с досадой смотрит на него.

Они одеваются и выходят из дома. Снег идет такой густой, что скалы почти не видно.

Втроем они тянут санки наверх, все выше и выше, до самой вершины горы, и усаживаются на них, чтобы катиться вниз. Они мчатся очень быстро, прямо дух захватывает, самоубийца держит руль, дама сидит между кавалерами, снег окутывает их белой тьмой, приходится зажмуривать глаза, Боже, до чего же прекрасно и жутко!

Снова идут в гору. Санки тяжелые, но их же трое.

— Черт-те что! — восклицает от восторга фрекен д'Эспар.

И они опять несутся вниз словно по воздуху. Фрекен д'Эспар сидит за Моссом, обхватив его за талию, так мчаться, так лететь — чистое безумие, но какое же это наслаждение.

После нескольких таких спусков самоубийца хочется уйти.

— Почему? — спрашивает она.

— Я больше не могу, а вы продолжайте, если хотите.

Правда ли самоубийца устал, или он просто завидует Моссу, который сидит впереди и фрекен д'Эспар его обнимает. Все мы люди.

— Я больше не могу, — повторяет он.

— Хорошо сказано, разумно, — насмехается над ним Мосс. — Никакого хвастовства. Значит, вы устали?

Самоубийца отвечает на удивление резко:

— Мне на вас наплевать, Мосс. Когда мне хочется идти домой, я иду, и никто меня не остановит. Катанье не доставляет мне удовольствия. Adieu.

Уговаривать его бессмысленно, самоубийца их покидает, фрекен д'Эспар и Мосс остаются вдвоем и, выбиваясь из сил, тащат санки навверх.

Когда они добираются наконец до вершины, он неуверенно спрашивает:

— Хотите править?

— Нет, я не могу, не хочу.

Он стоит в нерешительности.

— Вы плохо видите? Вы совсем ослепли? — спрашивает она со страхом в голосе.

Он берет себя в руки:

— Я ослеп? Вовсе нет. Это только от снега.

— Я буду глядеть в оба и давать вам команду, — успокаивает она его.

Они садятся и отталкиваются.

Но теперь, когда фрекен д'Эспар сидит впереди и ее никто не заслоняет, она не может открыть глаз из-за валящего снега, а глаза Мосса настолько слабы, что не могут издали увидеть препятствия на пути, и они то и дело налетают на деревья и камни. На середине спуска сани вдруг подсакивают, фрекен д'Эспар кричит, на бешеной скорости они налетают друг на друга, что-то в санках разламывается, и их раскидывает в разные стороны.

Мосс первым встает на ноги, стряхивает с лица снег и оглядывается. Он стоит как в разбушевавшемся море. Да, санки разломались пополам, а фрекен д'Эспар лежит, она

не подымается, даже не двигается, что с ней случилось? Он подходит к ней, осматривает ее, пытается поднять, но она валится назад. Колено и лицо у нее в крови. Он зовет ее по имени, но она не отзывается. Она без сознания.

Он берет ее на руки и несет домой. Он не успевает дойти до дома, как она приходит в себя и уже сама поднимается по лестнице, правда, с трудом, — приходится ее поддерживать. На лице у нее рана, уродливая рана — ее подбородок рассечен.

Срочно вызывают доктора.

IX

Так у доктора появилась работа — ему пришлось зашивать подбородок фрекен д'Эспар.

Он получил также ответ из богадельни, куда обращался по поводу Мосса: ему сообщили, что его готовы принять. Одним словом, доктор чувствует себя весьма нужным человеком, у него важные дела.

Вообще-то он не был ни жестким, ни бесчувственным, он от души жалел Мосса и потому держал его в санатории дольше, чем следовало. Хорошо это или плохо, но доктор Эйен никого не выгонял, он был всегда благожелательно настроен, и отказывать людям, огорчать их ему было тяжело. А кроме того, санаторий нуждался в пациентах, во всех, кто там жил.

Он подозвал Мосса, решив его подготовить:

— Дорогой Мосс, у меня для вас хорошее известие.

Несмотря на язвы, испещрявшие лицо Мосса, стало видно, что он побледнел и весь сник.

— Вот как. Да, я вас слушаю.

— Все в порядке. Правда, в последнем моем заявлении я писал, что место нужно срочно.

У него создалось впечатление, что Мосс принял эту новость как удар, хотя и сказал:

— Да-да, благодарю вас.

Но вид у него был несчастный.

Тогда доктор сказал, чтобы его обрадовать:

— Для вас богадельня — это самое лучшее, что можно придумать, вас будут хорошо кормить, за вами будут ухаживать, у вас будут друзья, как и здесь, у нас. Но к тому же вас там смогут лечить, и через какое-то время вы выздоровеете, найдут средство, какую-нибудь сыворотку, вы же знаете, наука двигается теперь вперед гигантскими шагами.

— Когда я должен уехать? — спрашивает несчастный.

— Когда захотите. Дорогой друг, вопрос не в днях, не торопитесь. И повторяю, в наши дни наука творит чудеса, появится нужная сыворотка, и вы заживете нормальной жизнью!

Мосс находит самоубийцу, садится рядом с ним, но ведет себя так, будто ничего не произошло. Со дня того неудачного катания на санках они каждый день, буквально каждый час, ссорятся, и вот теперь они снова затевают очередную спор, причем, как ни странно, его инициатором является Мосс. Кажется, ему это необходимо.

— У вас промокли ноги? — спрашивает он.

— Вы о чем?

— О том случае, тогда, на санках.

— Да замолчите же наконец! — огрызается самоубийца.

— Вы должны признаться, что проявили трусость, оставив нас одних на горе.

Самоубийца наносит удар:

— Я ушел потому, что вы хотели остаться с ней наедине. Это было отвратительно.

— Ха-ха-ха! А вчера вы утверждали, что я хотел, чтобы она разбилась насмерть при спуске.

— Что же, может, вы признаетесь, что произошло на самом деле. Она была полумертвой, когда вы принесли ее домой. Она и сейчас еще лежит.

— Нет, она уже встала, и скоро у нее все пройдет, — утешает его Мосс.

— Во всяком случае, вы ее пометили на всю жизнь. Теперь она так навсегда и останется с красной полоской на лице. Не всем внешний вид так безразличен, как некоторым.

Мосс молчит.

— Даже не прямая полоска, а уродливая, кривая, и все из-за вас, потому что вы не удосужились посмотреть, куда мчитесь, не смогли ее уберечь. Просто ужас какой-то.

Сплошное ребячество, пустая болтовня. Приятели были явно не в форме, Моссу не удавалось настроить себя даже на маленькую дуэль. Он лишь сказал, вернее, попросил:

— Продолжайте в том же духе, потом я тоже подключусь.

Так они просидели полдня, а в короткие зимние дни часам к четырем уже начинаются сумерки. Самоубийца предложил Моссу пойти с ним на их ежедневную прогулку в горы. Постепенно они протоптали в снегу дорожку, она подмерзла, и ходить по ней стало легко.

Они шли друг за дружкой, впереди — самоубийца, за ним — Мосс с палкой, и его походка выдавала, что он ничего не видит. Погода стояла ясная, на синем шелке неба сияла полная луна, похожая на золотую стокроновую монету, однако на западе собирались облака. Указатель погоды, треугольник на четырехугольнике, предупреждал: неустойчива!

Для самоубийцы взобраться на скалу было пустяковым делом, ежедневными упражнениями он натренировал себя, стал сильным и чуть ли не чересчур здоровым. Он смеется над Моссом, который ощупывает дорожку палкой и все время отстает.

— И чего это вы напялили на себя меховую шапку, — говорит он.

Мосс объясняет, что купил шапку у инспектора, потому что в ней не мерзнут уши, а вот в шляпе мерзнут. Впрочем, какое ему до этого дело?

— Сколько вы за нее заплатили?

— Можно сказать, ничего. Он уступил ее мне за шестьдесят эре. Лучшей мне и не надо.

— Я такую ни за что не надел бы.

— Конечно, вы намерены повеситься с непокрытой головой, чтобы не оскорблять смерть.

— Желчи вам не занимать, хотя пол-лица уже сожрано язвами!

Мосс все больше отстает, и самоубийца уходит далеко вперед, прежде чем замечает, что идет один. Он оборачивается, видит, что Мосс стучит по земле палкой, и кричит ему:

— Это пустяки, маленькая трещина, перешагните через нее!

— Я ослеп от снега, — кричит в ответ Мосс. — Где вы?

Самоубийце приходится повернуть назад, и он нетерпеливо кричит:

— Что еще за фокусы? Вы ведь каждый день переступали через эту маленькую трещину.

— Помогите, дайте мне руку!

Самоубийца отвечает:

— К вам противно прикасаться, вы должны это знать. Вы же весь в язвах!

И, не скрывая отвращения, он все-таки помогает своему товарищу перешагнуть через трещину.

— Я что-то не понимаю, что со мной происходит, — говорит Мосс, — все вокруг потеряло четкие очертания, все стало расплывчатым. Это что, камень? — спрашивает он и ударяет по камню палкой.

— Конечно.

— Мне кажется, что он серый. Это я все-таки вижу.

Самоубийца не хочет верить худшему, он говорит:

— Выходит, вы ослепли, но не совсем. Вперед, надо идти дальше!

Они карабкаются все выше. Но самоубийца видит, что его товарищ не держит нужного направления, то и дело сходит с дорожки и падает, но тут же поднимается и снова идет, постукивая палкой.

— Странно, — говорит Мосс, — я отставал на подъеме, потому что ничего не видел.

— А теперь вы лучше видите?

— Куда лучше, заметно лучше, там я просто ослеп от снега. — Но Мосс то и дело оступается, потом снова падает, растянувшись во весь рост. И сразу находит тому причину:

— Это я споткнулся о камень. Но я вижу хорошо, с этим теперь все в порядке. Вон на том спуске, это не березка? Слава Богу, я различаю деревья.

— Нет, это ольха, куст ольхи.

— Ха-ха-ха! — смущенно говорит Мосс. — Я и хотел сказать: ольха.

Тем временем они поднялись на самую вершину скалы, как обычно, и сели каждый на валун, чтобы перевести дух.

— Не знаю, зачем я сюда поднимаюсь, — говорит Мосс.

— Наверное, по той же причине, что и я, — отвечает самоубийца. — Ради здоровья.

— Ради здоровья... Я вполне здоров, во всяком случае, на мой век здоровья хватит.

— А говорят совсем другое: будто с вами дело обстоит плохо, будто в вас сидит опасная болезнь.

Мосс раздражается громким искусственным смехом и говорит:

— Глупости, докторская болтовня!

Он держится хорошо, однако смеяться перестает. Глядя на то, как он шарит руками вокруг себя, пытаясь найти палку, которую приложил к валуну, когда садился, самоубийца убеждается, что дело с ним действительно обстоит плохо.

— Нет, пожалуй, лучше всего возвратиться домой, — говорит он и встает.

Мосс продолжает сидеть.

— Ведь луна светит, — отвечает он.

— В данный момент ее закрыли облака.

— Да, вижу. Идите вперед, а я еще немного посижу.

— Нет, тогда я тоже останусь.

Проходит несколько минут, и самоубийца говорит:

— Пошли, пора!

— Чего вы хотите? — спрашивает Мосс.

— Чего я хочу? Естественно, идти домой.

— Идите вперед, слышите! Ну и дурак же вы, думаете небось, что мне одному не дойти.

— Да-да, я возвращаюсь домой. Но вы должны пойти со мной.

— Воображаете всякие ужасы... Ваша фантазия богаче моей! — посмеивается Мосс.

— Да замолчите вы наконец! — восклицает самоубийца и хватает товарища за плечи. — Я должен увести вас с собой, я просто обязан это сделать.

— Все не обязаны. Вам охота идти — идите! Как темно стало! Для меня все кругом черным-черно...

— Глупости! — перебивает его самоубийца. — Мне тоже кажется, что темно стало, я тоже могу сказать, что кругом черным-черно.

— Не верю.

— Не верите? Вот пойдем, и я вам все объясню.

Он заставляет Мосса встать, берет его за рукав, и они начинают обратный путь. Они продвигаются медленно и доходят наконец до трещины. Тут Мосс оступается и проваливается в нее. С большим трудом самоубийце удается вытащить его, на это уходит немало времени. Обессиленные, они снова садятся, чтобы отдохнуть и отдышаться.

— Не говорите больше, что я вам противен и вызываю только отвращение, — просит вдруг Мосс, — а я вам зато откровенно признаюсь, что ничего не вижу. Видимо, уже совсем стемнело.

— Нет, видимо, вы ослепли, — говорит самоубийца.

— Именно это я и сам подумал, — подтверждает Мосс и согласно кивает. — Оказывается, я прав.

— Хвастаться тут нечем, — замечает самоубийца.

— Да, я совершенно прав, и отрицать это не приходится. Прав — значит, прав.

— Доктор знает, что с вами случилось?

— Конечно. Он уже давно говорит мне, что я должен отсюда уехать. Он добился для меня места в богадельне.

— Давно? Почему же вы не уехали?

Мосс молчит.

— Не понимаю, чего вы здесь торчите.

В Моссе постепенно накапливается горечь:

— Вы неправдоподобно смешны. А вы сами почему не уезжаете отсюда? Что вас держит? Вам тоже место в специальном заведении, у вас душевная болезнь.

— Ничего подобного!

— Отрицать это бессмысленно. А до моей болезни вам нет никакого дела. Что вы хотите выведать?

— Я вовсе не душевнобольной, у меня просто депрессия, вызванная страданиями.

— Ха-ха-ха, повторите-ка эту глупость! От страданий никто еще не болел! Вы хотите повеситься, вас надо запереть в специальном заведении. Между нами лишь та разница, что вам, чтобы туда попасть, надо доказать, что вы в самом деле сумасшедший, а мне не надо.

Молчание.

— Я устал вас тащить, но не могу же я вас тут бросить, — раздраженно говорит самоубийца и тянет товарища за руку.

Они доходят до конца спуска и снова останавливаются. Мосс рукавом вытирает со лба пот, он совсем без сил. А самоубийца сообщает ему:

— Я вас больше никогда с собой не возьму, это в последний раз, так и знайте.

— Конечно, завтра я уеду, — отвечает Мосс.

— Вот и хорошо!

Они идут дальше. И вдруг самоубийца спрашивает:

— Уже завтра? Вы завтра уезжаете?

— Да.

— Чего это вы так торопитесь? Впрочем, мне это безразлично.

Мосс не отвечает.

— А вы подумали о том, как мне жить? Наверняка, нет.

— Вам? А мне-то какое до этого дело?

— Да-да, теперь ясно, что вы за птица.

— Вы будете торчать здесь день за днем, демонстрируя всем и каждому свою нежизнеспособность. Вы считаете, что сидеть где-то, моргать и курить, не делая ни добра, ни зла, — это важное занятие. Но, Бог ты мой, от вас ведь никакой пользы, вам нечего сказать людям, вы не создаете никаких ценностей, ни хлеба, чтобы накормить хоть воробья, ни сказки, чтобы позабавить дитя...

— Да замолчите вы! Это же дословно то, что я вам говорил, вы просто выучили это наизусть.

— Да, верно. Вы это говорили обо мне.

— В вас есть что-то мелкое, жалкое, — говорит самоубийца. — То, что вы слышите от других, вы присваиваете себе. Вы хватаете на лету какие-то фразы и обыгрываете их. «Самоубийство оскорбляет смерть», — все твердите вы, а это просто пустые слова. Хорошо, что вы уезжаете, я уже давно устал от вас. Конечно, иной раз можно подумать о смерти,

вместо того чтобы думать о самоубийстве... Мне рассказывали об одном человеке, который хотел застрелить свою жену, хотя и был в нее влюблен, любил ее... Но отложим этот рассказ на другой раз... А потом он решил и сам застрелиться.

— И это вся история?

— Нет, был еще ребенок. Я слышал, у них был ребенок.

Приятель молча идет дальше. Потом Мосс говорит:

— Да, людям трудно жить.

Эти слова, в которых слышится сочувствие, трогают самоубийцу, но он берет себя в руки, откашливается и отвечает жестко:

— Что вы об этом знаете! Лучше помолчите, вы и говорить-то толком уже не в состоянии.

Они идут молча. Мосс снова падает, растягивается во весь рост, лицо его все в снегу.

— Вы совсем ничего не видите? — спрашивает самоубийца.

— Немного вижу. Но меня слепит снег.

— Вы неизлечимы?

— Я?! — пронзительно вопит Мосс и застывает на месте. Вся его твердость вдруг улетучивается, он наклоняется вперед, словно его тело хочет сказать «да». Но мгновение спустя он снова выпрямляется и говорит: — Мы когда-нибудь доберемся сегодня домой?

Уже почти у самого санатория он спрашивает:

— Нам еще далеко идти?

— Нет. Вы что, даже огней не видите?

— Конечно, вижу. Я просто так спрашиваю.

Теперь уже самоубийца останавливается и спрашивает каким-то чужим голосом:

— Если бы только вы могли... Я говорю, если бы только вы могли... дело в том...

— В чем?

— В чем? — зло передразнивает самоубийца. — Вы сами знаете. Я хочу лишь сказать, что лично я не могу. Но допускаю, что вам это поможет, хотя мне никогда не помогало... Молиться Богу. Поэтому я не буду вам ни советовать, ни отговаривать вас молиться...

— Молиться Богу? — переспрашивает Мосс, совсем сбивший с толку.

— А почему нет? — в гневе восклицает самоубийца. — Вы что, считаете себя выше этого?

Мосс понимает, что лихость его товарища напускная, что он сам близок к отчаянию. Ему передается это состояние, и он не в силах ответить.

А самоубийца продолжает:

— Я слышал от людей, что они благодаря этому стали счастливее. И спокойней встретили смерть.

— Заткнитесь! — простонал Мосс.

Но самоубийце уже хочется во что бы то ни стало прикрыть свою слабость и снова стать парнем хоть куда. В своей беспомощности он хватается за первый попавшийся анекдот: ему, мол, так и не удалось уговорить Господа Бога спуститься к нему хоть на несколько минут, но только потому, что Бог не смог пролезть через дырку в крыше...

Утром по санаторию пробежал слух, что Мосс уезжает, он дошел даже до Фрекен д'Эспар, и она послала за Моссом горничную. Мосс не понимает, что ей от него нужно. Фрекен д'Эспар сама не в лучшем виде, она обезображена, но она полна подлинного сочувствия к этому несчастному человеку, и ей хочется сделать для него все, что в ее силах. А Мосс испытывает только страх, он ошупью кое-как добирается до ее комнаты и стоит перед ней, чувствуя себя всецело виновным за тот несчастный случай, который произошел во время катания на санках. При виде его у нее на глазах навертываются слезы, за последние месяцы лицо его сплошь покрылось язвами, он стал почти неузнаваем. Она берет его за руку и подводит к стулу. В случившемся с ней нет его вины, уверяет она, как только ему пришла в голову такая глупость! Напротив, она с благодарностью вспоминает о времени, которое они провели вместе в санатории.

— Я часто о вас думала, — говорит она, — мне очень жаль, что вам столько пришлось выстрадать. Но где-то же есть средство, которое вам поможет, ведь правда? Вы молоды и смелы, вы справитесь со своей болезнью.

— Я слышал, у вас серьезная рана, — отвечает ей Мосс.

— Ничего страшного, смотрите сами!

— Косой шрам через весь подбородок. Да, это большое несчастье.

Фрекен д'Эспар ничего не имеет против того, что Мосс испытывает чувство вины, и именно поэтому она с особым удовольствием утешает и подбадривает его.

— Не говорите этого. Вы должны думать только об одном — как поскорее выздороветь. Маленький розовый шрам — какие пустяки!.. Послушайте, примите вот это от меня! Положите в карман. И не благодарите!

— Что это? — спрашивает Мосс. — Деньги?

— Да о чем тут говорить, — в каком-то упоении восклицает она. — Вы мне доставите большую радость.

— Спасибо, — отвечает он, — но деньги мне не нужны.

— Они вам пригодятся. Поглядите, здесь совсем не много...

— Но я не смогу ими воспользоваться, фрекен д'Эспар!

— Я вас не понимаю, — говорит она, не в силах скрыть своего разочарования.

Мосс объясняет тихим голосом:

— Я принадлежу, увы, к тем, кто получает казенное жилье. Государство предоставляет мне там место.

— Вот как? — спрашивает она легковерно. — Что за место? Вас берут на работу?

— Да, у меня будет легкая работа. Ходить с трещоткой и кричать: «Нечист! Нечист!»

Фрекен д'Эспар в ужасе смотрит на него и шепчет:

— Вы... вы... — она не в силах закончить фразу.

Мосс кивает, встает и, стуча палкой, выходит из комнаты.

И все же тяжелее всех отъезд Мосса переживает, наверное, самоубийца. Он тоже попытался тайком сунуть слепому деньги в карман, а когда это ему не удалось, стал его ругать. Он осыпает его отнюдь не шуточными обвинениями и ругательствами.

— Не понимаю, зачем Господь Бог посылает на землю таких людей, как вы. И вообще, если я называю вас «человеком», то только потому, что боюсь заходить слишком далеко, но это никак не выражает моего личного мнения.

— Продолжайте, — велит Мосс.

— Не хочется, — отвечает самоубийца, но все же не останавливается. Он возбужден и говорит без умолку, он теряет всякое чувство меры и все больше горячится. — Я всегда говорил, что вы исполнены желчи — желчи, злобы и упрямства. Меня нисколько не удивляет, что вы радуетесь, покидая место, которое вам уже не дано видеть, а мы приговорены, как проклятые, любоваться этими красотами природы. Это на вас похоже. Куда вы едете? Бог знает куда, не в тюрьму ли вы направляетесь?

— Вы в чем-то меня обвиняете?

— Понимайте, как вам угодно... как вам угодно!

— В таком случае нам придется драться, — заявляет Мосс и сжимает в кулаки свои обмотанные тряпками пальцы.

— Что за дурацкая поза! Я вообще не желаю больше с вами разговаривать. Вы могли бы быть хорошей обезьяной. Но только не думайте, что я вас не понимаю, вы до смешного просты, вы точно ребенок, и вся ваша рисовка никого не обманет. Какой вам вред от того, что у вас в кармане завяляются несколько монет?

— Все, что мне нужно, уже лежит у меня в кармане.

— Вы покупаете выношенную меховую шапку за шестьдесят зре...

— Вы просто завидуете, что у вас нет такой теплой вещи, вот в чем дело!

— Ерунда! Ваше хладнокровие вымученно, вы себя успокаиваете такими глупостями, вы себя считаете умником. А по мне, вы просто бедолага, но вы полны тщеславия, да, тщеславия. Откуда я это знаю? Да потому, что вы ведете себя растерянно и ребячливо, а чтобы это скрыть, усердно подчеркиваете свою дерзость. Неужели вы думаете, что я этого не понимаю? Все это притворство и бахвальство...

Под окном стоит почтальон, который повезет его вниз, он зовет его, и Мосс, стуча палкой, выходит. Самоубийца помогает ему. В последнюю минуту он даже протягивает Моссу руку, но тот ее не видит и лишь говорит «До свидания». Он не может придумать ничего лучшего, чем крикнуть:

— До свидания, великий самоубийца!

Вот это да! Но самоубийца молодец, своею руганью он здорово помог Моссу пережить час расставанья.

На лестнице стоит сестра-хозяйка, она желает ему счастливого пути и скорого выздоровления. Доктор залез в сани, он что-то шепчет Моссу и помогает уложить багаж. Когда сани трогаются, он говорит громко:

— Мужества вам, Антониус, и не забывайте, что я вам сказал.

— Да, спасибо! — отвечает Мосс. И так как идет мелкий снег, он вытирает глаза, надо думать, из-за нескольких снежинок, которые попали в них...

И Мосс уезжает. На нем меховая шапка инспектора и куртка самоубийцы — он едет, чтобы быть заживо похороненным. Не удивительно, что он так долго противился судьбе, не желая расставаться с санаторием и с жизнью...

И все снова идет как будто своим чередом.

Но тут наступает черед фрекен д'Эспар принимать решения. Она выздоровела, встает с постели, да, она снова на

ногах, немного ест, немного спит и время от времени разговаривает с доктором. Но настроение у нее из рук вон плохое. Полоска на подбородке ее отнюдь не красит. Она спрашивает доктора, не считает ли он, что со временем этот шрам пройдет. И доктор ее успокаивает:

— Конечно, пройдет, не сомневайтесь.

А тем временем она ежедневно продолжает делать массаж лица.

Но однажды...

Все началось с того, что, хорошо выспавшись, она проснулась и нарядно оделась, потому что было воскресенье. День был ясный, и сразу же после завтрака она отправилась гулять по заснеженной дороге, и у нее приятно розовеют щеки. После прогулки она читает газеты, а потом поднимается к себе в комнату. Все в этот день дается ей с легкостью, какой она давно уже не испытывала.

Она спускается к обеду — в воскресенье обычно кормят лучше, чем в будни. В санатории осталось совсем мало народу, так что все сидят за одним столом — во главе, на хозяйском месте, доктор, по обе стороны от него — вдовы священников и мелкие торговцы с женами, а в конце стола — сестра-хозяйка.

Вдруг фрекен д'Эспар вскакивает со стула.

— Что случилось? — спрашивает доктор и вопросительно глядит на гостей. — Что случилось, фрекен д'Эспар?

Ответа нет. Тогда доктор встает и направляется к ней, но она пронесется мимо него, распахивает дверь столовой и убегает, прикрыв рот рукой.

— Ясное дело, зубная боль! — Доктор улыбается и приглашает присутствующих вернуться к куропаткам.

Фрекен д'Эспар пулей влетает к себе в комнату. Ее рука дрожит, но она все же нащупывает во рту пшеничное зерно и зуб, да, обломившийся зуб, резец. О Боже, ее красота!.. Она подбегает к зеркалу и видит черную дыру, отвратительную дыру. В первое мгновение она стоит молча, но, попытавшись перед зеркалом улыбнуться, открыть на разный манер рот и рассмеяться, она приходит в бешенство и раздражается грубыми ругательствами. Ее маленькие руки становятся похожими на когти, она размахивает ими, как бы царапая воздух. Господи, только этого еще не хватало! Какой теперь смысл делать массаж лица и надеяться, что розовый шрам побледнеет? И вообще, какой теперь смысл в ее визите к благожелательной даме в провинции, с расчетом сделать затем хорошую партию? Все идет прахом!

А она-то собиралась схватить судьбу за шиворот и заставить ее склониться перед ней! Ну что за чертова затея, и почему все случается именно с ней? Какая уж тут надежда на будущее, если она будет выглядеть так, как теперь? Что ей делать? Немножко успокоившись, она нашла некоторое утешение в том толстом конверте с деньгами, который носила на груди, — он даст ей возможность как-то продержаться. Пока он у нее есть, ей не грозит ни голод, ни страх оказаться без крыши над головой. Она разглядывает зуб, который держит в руке, и видит в нем большое дупло. Он все равно сломался бы, это был лишь вопрос времени. Вместо зерна от грубого помола с мельницы Даниэля могла оказаться корка хлеба или косточка. Когда ее истерическая вспышка бешенства прошла, она стала пробовать улыбаться и смеяться, приноровляясь к дырке во рту. Попытка скрыть этот дефект оказалась неутешительной.

За день она обдумала все свои возможности: совершить ли новую поездку в Христианию, махнуть на все рукой или поехать в Финляндию? Ни один вариант не принес ей покоя, выхода для себя она не видела и впала в самое мрачное настроение, просто в отчаяние. Всю ночь она не сомкнула глаз, утро застало ее с выражением решимости на лице и со стиснутыми зубами. Не то чтобы у нее возникли далеко идущие планы, о нет, теперь она уже не могла рассчитывать, что ею заинтересуется граф или просто богатый человек, но она приняла решение и знала, что ей делать.

Она отправилась в курительную комнату, собрала старые газеты, сунула их под мышку и вышла на лесную дорожку.

Может быть, то, что она именно теперь решила отправиться на хутор к Даниэлю, чтобы разжалобить его происшествием с зубом и вообще всеми своими горестями, было не совсем правильно или даже не очень достойно, но нетрудно ее извинить в этой ситуации, к тому же она преследовала некую цель. Даниэль человек с определенными понятиями, он сам немало пережил, потерял и отцовский двор, и свою любимую, он знал, чего стоит хороший уход, простокваша и добрый нрав. Был понедельник, Даниэль, наверное, занят какой-нибудь работой.

И действительно, она встречает Даниэля на полпути, у сарайчика в лесу. Он пришел за соломой, но теперь, когда выпало так много снега, он тащит ее на санях. Как удачно, что она встретила его здесь, на полпути, это просто перст судьбы, не иначе.

Они здороваются, как всегда, радуясь встрече, они ведь так давно не виделись, фрекен исчезла, ее словно ветром сдуло.

Она протягивает ему газеты, по вечерам он может проглядеть их и читать, если что-то его заинтересует.

Он благодарит ее, он явно очень доволен. Он не знает лучшего отдыха, чем чтение, уверяет он, он и сам не прочь выписать газету, но пока до этого дело еще не дошло, да и читать он едва-едва умеет.

Он может каждый день получать газеты из санатория, она с удовольствием будет их ему приносить. После того как их прочитывают гости, их обычно сжигают.

— Сжигают?

— Да, сжигают. — И она кивает в подтверждение. — Газеты на всех языках!

— Надо же! Но у них там, в замке, денег куры не клюют. А я, как видите, — говорит он, — еще и за лошадь работаю.

— Да-да, это, наверно, не очень-то приятно, — отвечает она.

— Ничего страшного, и вообще, не мне жаловаться. Я мог бы давно обзавестись лошадью, мне охотно откроют кредит, я пользуюсь доброй репутацией у людей. Если пойду в приход, то тут же заполучу лошадь.

— Вот и прекрасно!

— Поверьте, сразу же заполучу. Но я решил подождать до весны.

— Просто счастье, Даниэль, что у вас всегда такое хорошее настроение.

— Да благословит вас Бог, — вырывается у него с большой искренностью. — У меня есть руки, дом, двор и коровы. Время от времени я продаю бычка, а еще охочусь на зайцев и на куропаток. Весной заведу лошадь и тогда вспахаю вот это болото и засею его.

Тут ей представляется удобный случай показать ему свой рот: мол, одно из его пшеничных зерен сломало ей зуб, вот ведь какая штука приключилась, неужели ему не стыдно!

Он возводит к небу руки от ужаса и отчаяния, но увидев, что она как-то с этим совладала, не плачет и не упрекает его, он тут же несколько приободряется:

— Уверяю вас, ничего и не видно, это, по сути, ничего не меняет, вы так же красивы и привлекательны, как были...

— Господи, вы говорите «красива»? Поллюбитесь. Вот это я тоже приобрела за то время, что мы не виделись. Хорошенький шрам, не правда ли?

Ей приходится рассказать всю историю с катанием на санках, Даниэль кивает и вдруг говорит:

— Мне бы править!

— Да, верно.

— В следующий раз вы только пошлите за мной, я тут же приду со своими санками.

Его решимость и бодрый тон вызывают у нее улыбку, судя по ее виду, его слова ее несколько утешили, она доверчиво берет его за рукав и спрашивает:

— Когда я улыбаюсь, это не противно?

— Что? Эта маленькая дырочка? Держу пари, я бы ее и не заметил, если бы вы сами мне ее не показали. Ничего, можно сказать, и нет.

— Ха-ха-ха!

— А кроме того, я уверен, что поцеловать вас так же приятно, как и раньше, — говорит он задорно.

— Ах, перестаньте! — просит она и шутя бьет его по руке.

Они сидят в сарайчике, светит солнце, стена залитых солнцем пылинок, словно занавес, скрывает их от чужих глаз, все как бы специально для них устроено. Когда он ее целует, она тихо вскрикивает, а потом говорит:

— Какой вы, однако, опасный!

— Словами мне не выразить того, что я чувствую, — отвечает он невпопад.

Она встает и глядит на него: будь он чуть выше ростом, он был бы и вовсе красивым парнем, большой рот его отнюдь не портит.

— Теперь отряхните с меня сено, — говорит она.

— Только за поцелуй.

Она завлекательно улыбается и отвечает:

— Может, когда-нибудь потом...

Но он не стращивает с нее сено, а, напротив, хватая ее за руку и пытается притянуть к себе. Ему это не удается, нет, он совсем не знает меры, он должен дать ей хоть немного времени. Он как с цепи сорвался, удержу не знает, его необходимо немного обуздать. Хотя она уже не так привлекательна, как прежде, надо рискнуть набить себе цену, подразнить его.

Она выбирается из сарайчика и принимается сама стряхивать сено. Чтобы получить обещанную награду, он тоже выходит и помогает ей. И вдруг рывком привлекает ее к себе.

— Нет-нет, вы не должны так себя вести! — кричит она. — Нет, не должны! Я вам обещала поцелуй, но вам не следовало его срывать, я бы вам его сама дала.

— Еще не поздно... Вы еще можете мне его дать.

— Вы просто ненасытный, прошу вас, не надо. Но завтра я снова приду и принесу вам газеты. Господи, у меня так болят зубы, и мне так худо, Даниэль!

— Да, зубная боль — ужасная штука, — соглашается он, — у меня дважды болели зубы. У Марты это часто случается, но она знай себе возится по хозяйству и не жалуется. А вот мне никогда не привыкнуть к этой боли.

— Если бы у вас к тому же были и другие неприятности, как у меня...

— Для всего остального всегда найдется выход, черт побери! А вот зубная боль...

— По-вашему, это самое худшее?

— Да, хуже и не придумаешь.

Она начинает перечислять всякого рода невзгоды: тревогу, бессонницу и другие удары судьбы. Он не клюет на эту удочку. Из какого же материала он сделан, удивляется она, неужели он никогда не чувствовал себя несчастным?

— Чувствовал. Год назад.

— А жизнь, эта борьба за существование, все муки, которые приходится претерпевать?

— Нет, моя жизнь проще, я живу день за днем, а все, что за этим, выше моего разума.

Он пытается снова затащить ее в сарайчик, но она не позволяет. Да, у него и впрямь бешеный темперамент, по нему сразу видно. Он глядит на нее в упор, не моргая, она опускает глаза, а когда вновь подымает, то догадывается, что он все это время не сводил с нее глаз. Им в эти минуты владеет только одно желание, он всеми порами ощущает, как она хороша и нежна, какое у нее гибкое тело. Он наперед наслаждается ею, он весь в жару. Сила этого желания делает охватившую его страсть добродетельной.

Она отходит на несколько шагов и боязливо отстраняется. В нем появилось что-то хищное, он вежлив, но крылья его носа дрожат, белые зубы сверкают, от тяжелого дыхания вздымается живот.

— Мне надо идти, — говорит она.

— Нет! — возражает он.

Но бесполезно. Фрекен д'Эспар уже отошла от него, и он понимает, что на этот раз она и в самом деле уйдет.

Она машет ему рукой.

— Неужели вы больше не придете?

— Приду, завтра. Я ведь обещала принести вам газеты.

На следующее утро.

Быть может, и неразумно снова отправиться в сарайчик, но ведь у нее был свой умысел. А то с чего бы это ей так

повести себя накануне? Фрекен д'Эспар не располагает большим выбором в поисках выхода из своего положения.

И вот она идет, она тоже человек, потерявшийся на этой земле, странница, маленькая девочка, заблудившаяся в этой сложной жизни, крохотный росточек... Но она вовсе не в подавленном состоянии, отнюдь нет, она внимательно следит, как бы не сойти с дороги, чтобы не набрать снега в ботинки. Погода стоит такая же ясная и солнечная, как накануне, газеты она несет под мышкой, она прекрасно знает, что ее ждет в сарайчике, и все же идет. Некоторые называют это свободным волеизъявлением.

На этот раз он явился без саней. Может, из-за того, что не хотел забирать сено из сарая, а может, у него была другая, задняя мысль. Он приоделся и тщательно вымылся.

Он не хочет сделать ложного шага, как вчера, а потому ведет себя весьма осмотрительно. О, у него ничего нет на уме, он спокойно стоит на дороге, и это не он, а она первой входит в сарайчик и садится на сено.

— Можете тоже зайти и сесть рядом, — говорит она, — но только если будете себя хорошо вести.

— Да, — обещает он твердо, — буду.

Они говорят о газетах, она показывает ему то одну, то другую статью, рекомендует их прочесть, уверяя, что ему это доставит удовольствие. Он и в самом деле хорошо владеет собой, он усвоил ее вчерашний урок. Она уже бормочет что-то насчет того, что ей пора возвращаться домой, а он еще даже не посмел положить ей руку на плечо, вот до чего доходит дело. Правда, он был не вполне самим собой, болтал, что взбрет в голову, вообще, слишком много говорил, рисовался, острил. Она сама решила положить этому конец:

— Когда я ушла вчера, мне стало вас жалко. А сейчас я сдержу свое обещание, конечно, если вы меня попросите...

— Поцелуй?

— Да... то, что вы хотите. Я вам сочувствую...

Тут все напряжение разом спадает с нее, она вдруг теряет самообладание и плачет. Маленькая девочка, которая вот уже многие недели тайно мучается от сознания своей беды. Это ей не под силу, она больше не может выносить такую тяжесть. Плач переходит в рыдание, она поднимается, стоит в дверном проеме, ее трясет.

Он не понимает, что с ней, он напуган, он ничего не знает про истерику и спрашивает, что случилось. Он гладит ее, он полон нежности:

— Успокойтесь, успокойтесь, почему вы плачете?

— Стою и реву, как дура, — всхлипывает она.

В конце концов на ее губах появляется слабая улыбка, она то ли смеется, то ли плачет.

Он снова увлекает ее на сено, и они так долго обнимаются, что в нем вновь пробуждается страсть, и она ему уступает.

Вот какой человек нашелся! Он говорит о ней с восхищением, взхлеб: она, мол, великолепна, Господи, просто само совершенство! Он считает себя весьма разборчивым в отношении телесной красоты, но такой, как она...

— Вы бы помолчали! — вырывается у нее, и она утыкается лицом ему в плечо.

Но нет, он не может умолкнуть, это неожиданное приключение с горожанкой, с изысканной дамой, вскружило ему голову, он, не закрывая рта, продолжает ею восхищаться. Впрочем, собой он тоже доволен, его так и распирает от гордости.

— Вы не боитесь, что это плохо кончится? — спрашивает она.

— Плохо? Нет, об этом и думать не надо. Почему это должно плохо кончиться?

— Последствия! — говорит она со страхом. — Последствия!

Он настроен легкомысленно и не хочет вести себя иначе.

— Ради Бога, только не беспокойтесь, — уговаривает он ее. — Уверю вас, это не имеет никакого смысла. Боже упаси, чтобы с вами что-либо случилось. Тогда и мои сильные руки не помогут. Но я хочу вам вот что сказать: мы как пушинки, которые кружат в воздухе по велению Божьему. Тут уж ничего не поделаешь. Я лучше потеряю свой хутор, чем причиню вам хоть малейший вред, а потому вы не должны попусту терзать себя страхами, я прошу вас...

Глупости, бессвязная болтовня. Ей тоже не хочется об этом говорить, но ведь куда умнее заранее предупредить об опасности, обозначить ее, чтобы потом она не стала неожиданностью. Она снова полна предусмотрительности. К тому же его пустая болтовня тоже приносит известное утешение, ей нужна его дружба, его светлый взгляд на окружающее действует на нее целительно. У него прекрасные широкие плечи. Ему, наверное, ничего не стоит взять ее на руки, как ребенка, и отнести к себе в дом. Она чувствует в нем опору.

— Ладно, ладно, раз вы так говорите, я буду спокойна, — обещает она. — Если вы готовы мне помочь...

— Ах, я... Да я все сделаю, что вы захотите, можете в этом не сомневаться. Только бы с вами ничего не случилось, я этого просто не допущу.

— Да, я надеюсь на вас, Даниэль. У меня никого нет, кроме вас...

— Так вот, помните, если вам захочется покататься на санках или еще чего-нибудь, приходите ко мне, только ко мне, и ни к кому другому.

Нет, получилось не то, что ей хотелось, он думал, так сказать, бездумно, совсем не о том, что надо, но она решила, что на этот раз хватит, и попрощалась. Главное, ей надо хоть как-то успокоиться, она немного продвинулась в осуществлении своего плана, а сейчас ей необходимо поспать — поесть и поспать. Что же произошло? Она, можно сказать, удачно справилась с тем, что задумала. Через неделю-другую она сделает еще один шаг.

Домой она шла с более легкой душой, чем туда, она освободилась от тяжести, которая ее так долго угнетала. Маленькая девочка, но она не сдалась, а делала все, что только могла, строила разные планы, старалась навести в своей жизни порядок, хваталась за все наперекор судьбе. Если ей удастся чего-то достичь, то она это заслужила.

День шел за днем, и покой, который она сама себе создала, пошел ей на пользу. У нее улучшился цвет лица, и прежде чем заснуть вечером, она лежала и глядела в темноту, но на душе у нее было светло. Даниэль не видит, что ее внешность заметно ухудшилась, из этого и надо исходить; всякий раз, когда они встречались, он все больше восхищался тем, что осталось от фрекен д'Эспар. К тому же она вовсе не стала развалиной, отнюдь нет, тело ее по-прежнему было безупречно прекрасно, а что касается сломанного зуба, то можно заказать вставной зуб на штifte, как многие и делают...

В санатории ожидали приезда адвоката Руппрехта. Инспектор и сестра-хозяйка решили немного к этому подготовиться — убрать двор и помещение, подмести дорожки, а главное, сделать запас продуктов, свежих продуктов — на эту тему вновь назревал заговор с самоубийцей во главе, люди жаловались на избыток в рационе консервов.

Сестра-хозяйка потребовала рыбу, свежую форель. Инспектор сам не рыбачит, он, правда, когда-то был матросом, но потом стал инспектором, у него была своя работа, и поэтому он обратился за помощью к Даниэлю. Даниэль пробил прорубь в замерзшем горном озере и день-деньской стоял с удочкой. Там его и нашла фрекен д'Эспар и сообщила неприятную новость:

— Случилось то, чего я опасалась, я в этом уверена. Впрочем, я это знала с первой же минуты. Вы помните, что я вас предупреждала?

Что мог ответить Даниэль? Гм. Конечно. Вот как.

Всякий раз, когда Даниэль вытаскивал удочку, с нее стекала вода, она быстро становилась льдом, и пространство вокруг проруби стало скользким и опасным. Он попросил ее не подходить к ней чересчур близко.

— Господи, какая разница! — воскликнула она. — Лучше всего было бы, если бы ты меня сейчас схватил и кинул бы в эту прорубь.

Он отложил удочку, подошел к ней, взял ее на руки, отнес в сторону и усадил на лед. Все это время он ее целовал.

— Да благословит тебя Бог! — прошептала она и бросилась ему на шею.

Он и сам был счастлив, что поддался своему порыву, раз это так сердечно ее согрело.

— Что ж, переживем и это!

— Да, ты так говоришь, но... Что мне делать?

— Только не плачь, не плачь! Что-нибудь сообразим.

— Спасибо тебе! Я так рада, что ты хочешь мне помочь!

— Помочь? Разве я не сказал: приходи ко мне! Мы всегда найдем выход, ведь нас двое. Я торчу тут день за днем и зарабатываю деньги, и вполне приличные...

— Деньги, — говорит она, — у меня тоже есть немного денег.

Он изумлен, хотя, да, он видел несколько недель тому назад у нее толстый пакет с деньгами, и теперь, он вспомнил об этом, почувствовал его на груди, когда нес ее, прижимая к себе.

— Значит, нечего тревожиться, — сказал он громко.

— Да-да, — согласилась она и ушла.

— Береги себя! — крикнул он ей вслед, когда она была уже далеко. — Следи, чтобы снег не набрался в ботинки!

Все прошло как нельзя лучше. Даниэль был отличный парень, он вел себя точь-в-точь как один очень изысканный французский господин в ее книгах, некий monsieur без страха и упрека, даже его беззаботность была привлекательна. Она часто навещала его на озере и болтала с ним, иногда она находила его у новой проруби, которую ему приходилось пробивать, а в конце концов он перебрался совсем наверх, на самое высокое горное озеро, и усердно удил. Даниэль вылавливал не так уж много форели, но он всегда довольствовался малым, и это, казалось ему, совсем неплохо. Он не терял своего доброго настроения.

— Это Марте на кофе, — сказал он. — Для зимы это совсем неплохой заработок.

Фрекен д'Эспар спросила, сколько он получает за каждую рыбу, но он не смог ответить, — каждый раз по-разному, в зависимости от размеров рыбы и ее веса. Во всяком случае, каждая рыба позволяла сделать большой глоток кофе с сахаром и еще можно было кое-что отложить. Он шутливо добавил, что главное для него, чтобы доходы покрывали расходы, а не наоборот!

Тем временем дамы, живущие в санатории, что-то затевали, они часто собирались и, сидя, словно воронье, что-то обсуждали. У одной из них был карандаш в руке, и она что-то записывала на листе бумаги. И всякий раз, когда появлялась фрекен д'Эспар, их разговор мгновенно умолкал.

Фрекен Жюли д'Эспар это безразлично, о, решительно безразлично, она из тех, кто умеет делать вид, что просто не замечает таких вороньих сборищ! Но со временем ей все же стало неприятно, что она напрочь исключена из всякого общения. Она предприняла несколько попыток сближения, предложила, например, дамам свои французские книги, но из этого ничего не получилось. Ей жилось в санатории очень скучно, скучно и одиноко, а человек, как правило, плохо переносит одиночество. Правда, у нее был Даниэль, но до верхнего озера было далеко и холодно ходить, а самоубийца, с тех пор как его товарищ уехал, несчастный самоубийца вновь вернулся к своим прежним мыслям, перестал гулять в горах и кеглями больше не занимался.

Поэтому настроение фрекен д'Эспар очень улучшилось от приезда адвоката. Он был на редкость благожелателен и всегда охотно приходил на помощь, а так как фрекен д'Эспар жила здесь так долго, он был с ней особенно обходителен, что у остальных неизменно вызывало зависть и досаду.

Адвокат кое-что рассказал о господине Флеминге, многого из этого фрекен д'Эспар не знала: арестован он был в Христиании, но из-за своей болезни попал в больницу и будет там лечиться, пока не придет решение о передаче его финским властям. К слову сказать, он сам оплачивал лечение и вел себя как истый дворянин. Самым удивительным было то обстоятельство, что финские власти тоже не очень строго отнеслись к подделывателю чеков и даже попросили лечить пациента как следует.

— Одному Богу известно, кто же он на самом деле и что сделал плохого, — сказал адвокат. — Возможно, вообще ничего, возможно, это просто какое-то недоразумение, ко-

торое еще прояснится. Ни вы, фрекен д'Эспар, ни я этого не знаем.

— Конечно.

— Ну конечно. Что мы вообще знаем о наших гостях в таком вот санатории? Мы их ни о чем не расспрашиваем, мы принимаем их за тех, за кого они себя выдают. Они съезжают к нам с востока и с запада, потом уезжают, а куда, мы не знаем. Большинство из них исчезают для нас навсегда, стоит им уехать, как жизнь поглощает их. Они приезжают в санаторий на какой-то срок и уезжают, их пребывание здесь выпадает из обычного течения жизни, мы обеспечиваем им покой и развлечения, иногда даже удается наладить их здоровье, а возможно, и спасти им жизнь, но они остаются у нас лишь ограниченное время. Случалось, мы давали приют и авантюристам, не буду отрицать. Но мы ведь не полиция. Иногда до нас доходят такого рода известия, заметка в газете напоминает о ком-то из наших гостей. Вы помните принцессу?

— Да.

— Жену английского министра! Теперь выяснилось, что она никакая не леди и не принцесса. Ее разоблачили. Но нас это не касается. Она достаточно долго жила здесь с переводчицей и горничной, и мы не понесли от этого никакого ущерба, по счету все было уплачено. А то обстоятельство, что за нее заплатила фру Рубен, нас не интересует, это их дело, а не наше. Раз фру Рубен решила за нее заплатить, то, надо думать, у нее были на то свои причины. А пронос, фру Рубен сильно похудела.

— Я слышала.

— Да, она стала тоньше, подвижней и красивей, смотреть на нее одно удовольствие. Вполне допускаю, что это следствие ее пребывания у нас в санатории. Я сам, когда приезжаю сюда, чувствую себя вновь родившимся. Ведь вы тоже себя здесь хорошо чувствуете, верно?

— Конечно.

— Хоть нельзя сказать, что вы похудели, напротив, вы, безусловно, поправились.

Фрекен д'Эспар залилась краской.

— Я осталась точь-в-точь такой, какой была.

— Нет, вы все же немного поправились, но не чересчур. Так и должно быть: толстые люди освобождаются от лишнего веса, а худые набирают то, чего им не хватает. Думаю, что это происходит из-за здешней воды, я непременно должен отвезти ее на анализ. О, мне еще столько всего непременно надо сделать. Но прежде всего необходимо позабо-

титься с флагах. Подумать только, что все это время у нас здесь нет флагов, я и на этот раз забыл их привезти. У нас ведь есть два флагштока, один на крыше, а второй на лужайке напротив дома, а вот самих флагов нет. К Рождеству их просто необходимо сюда доставить. А прогос, я пригласил к нам на Рождество директора гимназии Оливера. Вы хорошо с ним ладили, не правда ли?

— Да.

— Так вот, я пригласил его на Рождество. Мне будет приятно, если он поживет у нас, это известный человек, у него громкое имя. Вернувшись осенью домой, он написал весьма хвалебную статью о нашем санатории, об этом оздоровительном заведении в горах, о всех наших достижениях. Статья была опубликована в местной газете, а теперь мне хотелось бы, чтобы подобная публикация появилась и в большой газете, которую все читают, я думаю, что и ему это доставит большое удовлетворение.

— Некоторое время тому назад к нам сюда приходил ленсман. Он явился снять с нас допрос.

— О господине Флеминге, да, я знаю. Вернее, я узнал об этом уже задним числом, меня здесь тогда не было, не то я этому воспрепятствовал бы. Надеюсь, он вел себя пристойно? Только этого нам не хватало! Я обязательно поговорю об этом с альтманом, я буду настаивать на том, что нельзя нарушать покой наших гостей.

— Вот вы упомянули господина Флеминга... Скажите, он не умер... он еще жив?

— Надеюсь, — отвечает адвокат все с той же доброжелательностью и той же симпатией ко всем, в том числе и к отсутствующему поддельвателю чеков. — Я ничего такого не слышал, я надеюсь, что пребывание в санатории пошло господину Флемингу на пользу и что теперь он себя чувствует лучше. Господин Флеминг в высшей степени любезный и привлекательный молодой человек, благородный и образованный, с безупречными манерами. И если ему захочется сюда вернуться, то санаторий «Торахус» его всегда с радостью примет. Нам вообще везло с нашими гостями, все они были на редкость милыми людьми, и их возвращение к нам мы будем только приветствовать. А что касается принцессы, то и она была для нас неплохой рекламой, и ее повторному посещению мы бы только порадовались. Как она умела держаться, как выделялась на фоне остальных наших пациентов! Не знаю, имеют ли такие вещи для вас значение, но я должен признаться, что на меня это производит впечатление. Можете считать меня дураком, если вам угодно!

— Для меня это тоже важно, — поддерживает его фрекен д'Эспар.

— Конечно, ведь вы же француженка... Да, что и говорить, принцесса — это личность. Она разговаривала с доктором, со мной, со всеми нами, словно мы ее челядь. Но совсем не вредно поближе столкнуться с образом жизни такой особы. Доктор Эйен спрашивал меня, не должен ли он входить к ней в апартаменты в белых перчатках. Но я считал это уж чрезмерным. Ведь ему, возможно, пришлось бы пощупать у нее пульс, а в перчатках это сделать затруднительно. Нет, излишне угодливым быть не следует, у нас должна быть своя гордость. Но я сейчас еще сожалею, что у нас не было флагов, когда она здесь жила.

Да, адвокат Рупрехт болтал без умолку, в нем было что-то детское, он иногда отпускал глупые шутки, а в своем окружении набрался некоторого снобизма и наивной изысканности, но те черты, которые были изначально свойственны его натуре, имели куда большую ценность: добродушие, готовность прийти на помощь, умение быть радушным хозяином. Он не был также лишен врожденного такта, поэтому вел себя так, будто не заметил изменений в лице фрекен д'Эспар. А когда она сама обратила на это его внимание, он наклонился к ней, чтобы получше рассмотреть, и сказал:

— Теперь, когда вы мне сказали...

— О, какая деликатность! — восхитилась она и засмеялась.

— Да, когда вы сказали! Я теперь хуже вижу, чем прежде, но поскольку вы обратили на это мое внимание, я, конечно, вижу. Поверьте, этот шрам едва заметен, и теперь у вас есть преимущество, вам не надо наклеивать мушки...

— Верно, — подхватила она с улыбкой, — от мушек придется отказаться.

— Такой шрам несколько не искажает лица. Как это получилось?

Выслушав весь рассказ про катанье на санках, он сразу заговорил о том, что надо сделать, чтобы такие истории не могли повториться. За лето необходимо очистить склон горы от стволов деревьев и валунов, а сейчас он распорядится, чтобы на рождественские праздники на склон насыпали побольше снега и с обеих сторон санной дороги вбили столбики. Да-да, необходимо принять все меры предосторожности. А ведь Рождество уже на носу.

— Вы проведете его у нас, фрекен д'Эспар?

— Скорее всего.

— Я надеюсь! Вы ведь наша любимица. Я тоже приеду на праздники, и еще другие гости приедут, я со многими го-

ворил. Мы очистим все озеро от снега, устроим большой каток. Я думаю, никто здесь скучать не станет. Мы вообще намерены превратить «Торахус» в привлекательное место отдыха. Пока я буду директором этого заведения, я не пожалею своих сил для достижения поставленной цели. Ближайшая задача — провести электричество. Этим мы уже занимаемся. А к весне мы приведем в порядок все пустующие помещения и привезем для них мебель. И это все? Нет. Еще предстоит строительство. Выяснилось, что санаторий слишком мал, его необходимо расширить. Мы создадим здесь свой замкнутый мирок...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Х

Самоубийца получил по почте большую посылку — Антон Мосс прислал ему назад куртку. Там было и письмо, в котором говорилось, что ею можно безбоязненно пользоваться, потому что она продезинфицирована. Возвращаю, мол, с большой благодарностью!

Это письмо Мосс написал не сам, но, вероятно, продиктовал, потому что его манеру выражаться нельзя не узнать. Письмо было странным, каждая его фраза звучала как злая насмешка, он советовал самоубийце вновь жениться или стать миссионером.

— Он сошел с ума! — сказал самоубийца.

Может, это покажется удивительным, но самоубийца был сильно задет выпадами своего старого приятеля, они возбудили в нем крайнее раздражение, даже злобу, которая могла излиться лишь в неуправляемом потоке брани и обвинений, как это бывало прежде, во время их нескончаемых ссор. Он поймал фрекен д'Эспар и попросил ее выслушать пункт за пунктом то, что собирается написать в ответ на это безобразное письмо. Гнев, который он намерен обрушить на этого слепца, на этот живой труп, вызван отнюдь не мелочными обидами. Да, он обязательно напишет, сказал самоубийца, этой собаке письмо, от которого ему не поздоровится, видит Бог, он не допустит, чтобы за ним было последнее слово, напишет все как есть, черным по белому, сказал он. Фрекен д'Эспар попросила его, если возможно, сгладить то или иное выражение, но он об этом и слышать

не желал, ему не хватало оскорбительных слов для этой слепой коровы, для этой чумы, и он злобно захихикал. Несколько дней ушло на то, чтобы заставить себя сесть и написать задуманное, и когда он наконец осуществил свой замысел, то впал в такое возбуждение, что из духа противоречия вновь пошел бродить по горам. Больше всего его почему-то оскорбил совет вновь жениться.

— Откуда ему знать, этой падали, был ли я вообще женат или нет? — возмущался он. — Я ему буквально ничего о себе не рассказывал. Вы идете гулять, фрекен д'Эспар? Если разрешите, я вас провожу, я хочу подняться на скалу.

Фрекен д'Эспар собралась идти к Даниэлю, который удил рыбу. Несколько дней она не навещала его, чтобы не зачать, но поскольку все дамы в санатории ее по-прежнему избегали, ей было очень одиноко, и она решила отправиться к Даниэлю на озеро.

О, эти гнусные дамы! Оказывается, они были заняты рукоделием, вышивали по зеленому бархату какой-то многоцветный орнамент. Фрекен д'Эспар случайно увидела эту скатерть: горничная, убиравшая комнату одной из дам, разложила ее на кровати и любовалась ею, а дверь в комнату была открыта. Фрекен д'Эспар быстрым взглядом окинула открывшуюся ей картину и тут же все сообразила: одна из дам тогда в гостиной своими вороньими лапками записывала что-то и произносила вслух какие-то цены: столько-то за зеленый бархат, столько-то за шелковые нитки, за сатиновую подкладку, за бахрому. Вот почему они все последнее время собирались то в одной, то в другой комнате, пили кофе и под чтение вслух вышивали до одури.

Фрекен д'Эспар была теперь в курсе дела, она улыбнулась, вспомнив про вороньи посиделки: так вот оно то развлечение, к которому остальные дамы ее не допустили. А ей это было все равно ни к чему — она не умела вышивать, даже не знала, как иголку держать, этому она не училась. Зато умела делать другое — печатать на пишущей машинке, говорить по-французски, — она развивалась духовно. Но в этом окружении, в этом душном обществе ее знания не находили применения, рукоделие здесь ценилось куда больше, а она ведь современная женщина.

После отъезда адвоката фрекен д'Эспар не с кем было разговаривать, кроме Даниэля, да ей это, наверно, и было интереснее всего. Что из всего этого получится? Где выход? Она не задала ни одного прямого вопроса и, соответственно, не получила никакого ответа. Решение так и не было принято. Хотела ли она его получить? Толком она и сама

не знала — конечно, у нее были такие намерения, а как же иначе после того, что между ними произошло! Она даже была в него немного влюблена, она не исключала, что когда-нибудь привяжется к нему по-настоящему, в его характере было много привлекательного, да и выглядел он совсем неплохо. А кроме того, разве она могла выбирать? Пастушья хижина вполне ей подходила.

Фрекен д'Эспар миновала первое озеро, где работники санатория и приходские крестьяне сгребали снег, чтобы превратить его в каток. Из прихода пришли, в основном, молодые парни, и вели они себя несколько развязно: когда она проходила мимо, они хихикали и что-то шептали друг другу. Это было не очень-то приятно, но когда она дошла до Даниэля, то сразу почувствовала себя в безопасности. Он всегда оставался самим собой, всегда был готов помочь. Когда она ему рассказала, как вели себя парни из прихода, он тут же захотел все бросить и пойти к ним объясняться.

— Это небось весь тот сброд, что вечно топчется на рынке, — сказал он, — готов поклясться. Так ты, значит, не хочешь, чтобы я с ними поговорил? Ладно. Впрочем, могу попросить об этом Хельмера.

— Хельмер — кто это?

— Хельмер — это мой сосед по отцовской усадьбе, я знаю его с самого детства, отличный парень, мой лучший друг.

Даниэль рассказал со смехом, что именно Хельмер удержал его от попытки поджечь дом:

— Это произошло несколько лет назад, когда она меня так позорно обманула и вышла за другого, за ленсмана. На меня это настолько сильно подействовало, что я потерял на время рассудок, захотел отомстить и сжечь ее. Не будь рядом со мной Хельмера, одному Богу известно, что могло случиться...

— Ты был способен на это? — спрашивает фрекен д'Эспар.

— Да, — отвечает Даниэль. Быть может, это хвастовство, но он твердо отвечает: — Да! — И добавляет: — Ты только подумай, что она сделала. Зачем ей было меня предавать? Разве я родом не из такой же крестьянской усадьбы, как и она? Но теперь мне на это наплевать, — говорит Даниэль и кивает, — она меня больше не интересуется!

У них получился большой разговор. Он стал полушутя-полусерьезно развивать эту тему, а для фрекен д'Эспар его слова имели второй смысл: отныне он интересуется только ею одной, и больше никем. Она вдруг спросила его, как бы он поступил, упали она сейчас в прорубь? Он снова отбро-

сил в сторону удочки, схватил ее в охапку и отнес подальше от проруби, осыпая при этом страстными поцелуями. Да, он цельный человек, она чувствует себя спокойно на его груди, широкой, как дверь.

— Даниэль, — говорит она с робкой улыбкой, — если бы в твоём сердце была хоть капелька любви ко мне, ты бы сделал мне сейчас предложение

— Что?

Увидев, как его удивили эти слова, она тут же забила отбой, боясь все испортить и вместе с тем испытывая обиду.

— Ха-ха-ха! — рассмеялась она. — Да я это просто так сказала. Неужели ты подумал, что я всерьёз? Я бросила это en l'air¹. Ах да, ты ведь не понимаешь по-французски. Как это сказать иначе?

— А если бы я это сделал, если бы попросил твоей руки, что бы ты мне ответила? — спрашивает Даниэль.

— Ну, смотря по обстоятельствам... Не знаю...

— Я спрашиваю это в самом общем виде, ничего не имея в виду...

Фрекен д'Эспар отвечает:

— Скорее всего, я ответила бы, что нам обоим надо все как следует обдумать.

Молчание.

— Я и представить себе не мог, что ты этого хочешь, — говорит Даниэль с теплотой в голосе. — Прямо не верится.

— Почему? После того, что у нас было, так дальше продолжаться не может.

Тут он становится серьёзным, внимательно смотрит на нее и спрашивает без обиняков:

— Так что же ты думаешь? Ты и в самом деле готова выйти за меня? Или так вопрос не стоит?

Молчание.

— Ну, вот видишь! — восклицает он и с растерянной улыбкой качает головой.

И тогда она говорит:

— Да, я готова. Знаешь, у нас просто нет другого выхода. Я пойду за тебя. Но ты должен совершить какой-то поступок, ты должен проявить свою волю и взять меня в жены. В самом деле должен, после того что ты со мной сделал.

Собственно говоря, ему это и в голову не приходило, он и не представлял себе, что такое возможно, и вот он, ошеломленный, стоит перед ней. На него снова напала веселая

¹ На ветер (фр.).

болтливость, как уже было однажды, он совсем потерял голову и несет всякий вздор: она самая прекрасная из всех дам, самая великолепная фрекен, когда-либо ступавшая по земле. Он никогда не ожидал такого, не смел даже об этом помышлять, это уж чересчур...

— Тс-с-с! — говорит она. — Я тебе такая не нужна, я даже коров доить не умею.

— Я сам буду доить.

— Но я смогу ходить с тобой за сеном и давать его скоту.

— Нет, все это я буду делать сам. Боже упаси, неужели ты думаешь, что я хочу сделать из тебя работницу?

— Тебе скоро наскучит так меня баловать.

— А для чего у меня Марта? Зимой я и сам бездельничаю, мне даже пальцем пошевелить не приходится, Марта справляется со всем хозяйством. Но я все же хочу тебя спросить: ты в самом деле об этом думала, ты это всерьез?

Она снова повторяет, что у них нет другого выхода.

Он склоняет голову, упирается подбородком в грудь, погружается в мысли и качает головой.

— Ну, если это совершится, то весь приход всполошится, — говорит он, — Элена и все остальные.

Похоже, что больше всего в этой истории его занимает торжество над приходом. Ему кажется, что он слишком мало рассказывал ей об Элене, и, возвращаясь к ней, находит теплые слова. Его усадьба и его родители, заверяет он снова фрекен д'Эспар, были ничуть не хуже, чем у Элены... И теперь он желает ей только добра! Ведь они дружили с самого раннего детства и не сомневались, что поженятся, клялись друг другу в вечной любви. Поцелуев и всяких нежностей между ними тоже было немало, в этом Жюли может не сомневаться, именно поэтому он не мог смириться с тем, что Элена вышла за другого. И если воздавать по заслугам, — по праву, ее следовало тогда сжечь, сжечь дотла, чтобы ни одного волоска от нее не осталось. От нее должна была остаться лишь горсточка пепла. Вот так...

— Тс-с, — повторяет фрекен д'Эспар, стараясь его охладить, сейчас ей надо думать только о себе.

— Вот будет новость так новость, просто сродни чуду! — говорит Даниэль и смеется, сжав кулаки, размахивая ими в воздухе.

Фрекен д'Эспар не всегда его понимает, он представляется ей бездумным и легковесным, но вместе с тем он обладает несгибаемой волей, не знает усталости в работе — одним словом, в нем сочетается плохое и хорошее, как у всех людей. А когда он говорит, что больше удить не будет, а поне-

сет ее на руках в свою хижину и никогда не отпустит, то кажется ей и вовсе настоящим возлюбленным, по которому так тосковало ее сердце.

— Мы должны вести себя разумно, — говорит она, — но все, что ты сейчас сказал, это правильно.

А он продолжает строить планы: она будет жить в новой пристройке, все там будет в ее полном распоряжении. Ни он, ни Марта туда даже не войдут, и у нее всего будет в изобилии: и простокваши, и мяса, и картошки, и яиц...

По дороге домой, в санаторий, она решает, что все прошло хорошо, она не безмерно счастлива, но все же довольна, она в хорошем настроении, самое плохое осталось позади, она выплыла на поверхность. Когда она уходила, он крикнул ей вслед:

— Послушай, фрекен... что я хотел спросить... скажи мне только одно: ты это всерьез?

Он в третий раз задавал ей этот вопрос и выслушивал ее заверения, что всерьез. А что еще она могла ему ответить? У нее хватало разума понять, что ей все же повезло: прежде чем попасть на хутор Торахус, она успела через многое пройти и сильно поблекнуть, и вот теперь молодой человек предлагает ей дом и семейную жизнь, такую, какую он может ей дать. Что ж, лучшего ей сейчас не найти. Но, конечно, она ухватилась за это все же по необходимости...

Наступило Рождество, и сочельник все пациенты санатория провели вместе. Елки не было, поскольку не было детей, а о рождественских подарках тоже не могло быть и речи — уж очень разные собрались здесь люди. Однако мужчины все же скинулись и купили для сестры-хозяйки красивую брошку — цветная эмаль, окаймленная позолоченным ободком. К концу ужина доктор встал и произнес краткую речь, поблагодарив от имени сестры-хозяйки присутствующих мужчин, ее женатых и неженатых поклонников, а может, даже и претендентов на руку, за такой дорогой подарок, который они прикололи ей на грудь. А потом доктор поблагодарил дам, назвав их всех по именам, за подарок, который получил сам, — он оказался столь неожиданным и прекрасным, что у него просто нет слов, чтобы выразить свой восторг. Доктор и в самом деле был тронут, он даже не смог продолжить фразу, у него перехватило дыхание и увлажнились глаза. После небольшой вынужденной паузы он все же завершил свою речь, заверив дам, что исполнен гордости и благодарности за такое необычайное проявление

ние их дружеских к нему чувств. Он не сомневается, что все присутствующие здесь мужчины умирают от зависти.

— Этот подарок, — продолжал он, — над которым столь прилежно трудились маленькие прелестные ручки, поражает искусным исполнением, а также своим вкусом, и озаряет мой дом поэзией! Эта изумительная скатерть превращает обеденный стол в алтарь, а комнату — в святилище. Милые дамы, от всего сердца еще раз выражаю вам свою благодарность.

Затем он стал говорить о Рождестве и о всех тех гостях, у которых хватило мужества и душевного здоровья перезимовать здесь, в горах, и выразил надежду, что это принесет им радость и пользу.

Вот, оказывается, кому предназначалась скатерть, теперь она стала собственностью доктора. Фрекен д'Эспар сидела и улыбалась, она была рада, что чрезмерная благодарность доктора не имела к ней никакого отношения. Разыгравшаяся сцена показалась ей неестественной, даже лицемерной. Ведь доктора Эйена здесь недолюбливали. Он был, правда, мил, благожелателен, деятелен, однако не внушал уважения. Вдовам священников приближающееся Рождество ударило в голову, им было просто необходимо сделать рождественский подарок хоть кому-нибудь, на худой конец, даже доктору. Что ж, превосходно, если это доставило ему удовольствие, растрогало его, ведь у него и в самом деле выступили на глазах слезы при словах об алтарном покрывале в его святилище. После ужина раздали почту: настоящий поток рождественских открыток, несколько рождественских альбомов, одна книга. В полученной корреспонденции была и круглая картонная трубочка с французской маркой и парижской печатью — подарок санаторию, марш «Торахуса», сочиненный пианистом и стипендиатом Сельмером Эйде. Замечательно! Даже великолепие мирового города не заставило молодого артиста забыть «Торахус». Отдыхавшую здесь учительницу музыки подвели к пианино и попросили сыграть этот марш, но, едва начав, она отказалась, сказав, что ей нужно сперва поупражняться. Зато она охотно исполнила два рождественских хорала, и все стали подпевать. Потом подали кофе, торт, вино и конфеты, и вечер мало-помалу стал обретать все более рождественский характер, а доктор произнес еще одну речь, на этот раз он говорил о каждом очаге в стране, о мерцающих окнах в домах и хижинах, о радостных глазах детей, о матерях — да, о тех матерях, которым в эту чудесную рождественскую пору приходится работать не покладая рук с утра до вечера, а иногда с вечера до утра...

— Выпьем же за очаги и за матерей!

И все выпили, то были минуты умиления, задеты были нежные струны, а матери, сидевшие за столом, кивали и благодарили.

Час спустя рождественский вечер закончился, доктор строго следил, чтобы нервные пациенты вовремя ложились спать, а остальные, те, кого прозвали полуночниками, не шумели в коридорах. Поэтому самоубийца, инспектор и мелкие торговцы решили пойти во флигель поиграть в «двадцать шесть».

Когда самоубийца проходил мимо фрекен д'Эспар, она сказала ему:

— Счастливого вам Рождества, господин Магнус.

Это было сказано просто так, безо всякой задней мысли, но самоубийца резко ответил:

— Почему вы мне это говорите?

Стало ясно, что ее слова ему неприятны, но она все же отважилась продолжить разговор:

— Вы получили много рождественских открыток?

— А вы сами, фрекен д'Эспар, много получили?

— Нет, всего две.

— От кого я мог получить открытки? У меня никого нет.

— Тогда извините меня.

— Да нет, дорогая... — проговорил самоубийца, явно раскаиваясь. — Мы еще потом это обсудим. Идите вперед, не ждите меня, — сказал он, обращаясь к своим партнерам, — я сейчас приду. Нет, я не получил ни одной рождественской открытки, да я и не ждал их. Все это вздор. Я только очень сожалею, что сам отправил дурацкие рождественские поздравления, ничего глупее не придумаешь. Представляете, открытка такой скотине, как Моссу!

— Ах вот как, Моссу.

— Вас это удивляет? Но ведь он прислал мне назад куртку и гнуснейшее письмо.

— А вы ответили?

— Нет, просто послал открытку. Купил ее внизу, в селении. Будь на ней изображены погасшая свеча или человек с длинным носом, она вполне подошла бы, но там была ну просто смехотворная картинка: белочка! Я не выбирал открытки, взял ту, что мне дали. Но представьте себе: белочка, это что-то совсем нелепое! Вы же знаете, как обычно сидят белки — хвост трубой, так и кажется, что он скручен. Пошли я ему выкрашенный красной краской засыпанный снегом домик или младенца Христа, было бы не хуже. Подумать только, белочка!.. Есть ли на свете большее воплощение невинности?

— Вы не думаете, что он будет ломать себе голову над этой белочкой? Это поможет ему убить время. Он слепой и одинокий.

— Да, вы правы, он как следует поломает себе голову. Что ж, неплохо, его гниющей голове нагрузка необходима. «Белочка, — будет он повторять про себя, — что он имел в виду?..» Послушайте, фрекен д'Эспар, не одеться ли нам и не пойти ли погулять, пока светит луна?

— Но ведь вас ждут во флигеле?

— Не имеет значения. Позовут почтальона или швейцара.

Они вышли, лунный свет освещал им дорогу.

— Чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что белочка пойдет ему на пользу, — говорит самоубийца. — Я благодарен вам, фрекен д'Эспар, что вы навели меня на эту мысль. Вы сразу заметили, что тут есть от чего прийти в отчаяние. Он, конечно, спросит кого-нибудь из зрячих, что изображено на открытке. А ему ответят: белочка. Представляю себе его лицо — полный мрак и непонимание...

Самоубийца продолжает говорить, но фрекен д'Эспар его перебивает:

— Мрака ему и так хватает. Хорошо, что вы не ответили на его письмо.

— А где сказано, что я не отправлю ему ответа? — резко возражает самоубийца. — Да, он его получит, об этом я уж позабочусь. Вы считаете, что я не вправе этого делать? А вы можете объяснить, почему последнее слово должно остаться за ним?

Они бродят при лунном свете, дороги хорошо расчищены, они могут идти рядом. Фрекен д'Эспар неоднократно напоминает, что ей пора спать, но самоубийца каждый раз отвечает, что только полночь, и даже два часа утра для него детское время, даже четыре или пять часов утра — это еще совсем не поздно, последние дни он стал опять плохо спать. Ожесточенности и желания сражаться в нем поубавилось, он был благодарен фрекен д'Эспар, что она гуляет с ним и этим помогает ему хоть на час укоротить жизнь, а значит, быстрее приблизиться к смерти. Он делится своими печальными мыслями о том, как проходят дни, о своем пустом существовании. Он только зря теряет здесь время, он очутился на теневой стороне жизни, сердце его едва бьется, с него даже сваливается одежда. Вдруг он повернулся к своей спутнице и спросил не очень понятно:

— Вы тоже?

— Простите?

— Я имею в виду, вы тоже считаете, что зря теряете здесь время?

— Возможно. Но, к слову сказать, я уеду сразу после Рождества.

— Не может быть! После Рождества, прямо сейчас?! — вырвалось у него.

Эта новость ему крайне неприятна, словно он боится оказаться здесь совсем один. И самоубийца, который с отъездом Мосса отвык разговаривать и рассуждать вслух, вдруг загорается и становится разговорчив.

— Неожиданная новость, и весьма огорчительная. И далеко вы уезжаете? Конечно, меня это не касается, но уверены ли вы, что где-то будет лучше? Я — нет, и поэтому остаюсь здесь. Собственно говоря, не все ли равно, где нам, людям, жить? Мне, во всяком случае, так кажется. Поглядите на эту круглую луну. Мы находим ее красивой, мы говорим: полнолуние, но на самом-то деле она бесполезна, инертна, висит себе на небе и скучает. Так же дело обстоит и со всем сущим на земле, и со всеми нами тоже, — как бы мы сегодня ни мельтешили, ни вертелись, в конце концов мы все равно погибнем. Но ведь, как известно, этой ночью родился наш Спаситель. Я говорю это не из бахвальства. Я вполне допускаю, что в этом что-то есть — в Спасителе, в спасении — спасении от бытия, которое нам дали, но которое нам самим не нужно, спасении от жизни, которую нам навязали помимо нашего желания. Ах, Господи, все это сплошная мистика! Но я вовсе не утверждаю, что в это невозможно поверить, есть люди, которые верят именно потому, что это кажется абсурдом. С веревкой на шее нас ведут к концу, и мы послушно идем, хотя это и противно всему тому лучшему, что в нас есть. Нам говорят о мудрости бытия, но мы ее не видим, не осознаем. Я не знаю, что более правильно, есть ведь и серьезные люди, которые никогда не смеются над жизнью. А мы идем по жизни вслепую, бродим с места на место. Нас непрестанно ведут, и то лучшее, что в нас не уничтожено возрастом и временем, уж во всяком случае, меняется до неузнаваемости. Мы бродим долгое время, до старости, если повезет, а потом еще немного. Наконец нам остается лишь день, потом ночь, и в сумерки следующего вечера приходит наш час, нас убивают, убивают уже всерьез. Вот он, роман жизни, последняя его глава — это смерть. Все это сплошная мистика. По сути, мы были лишь миной, которая ждала искры, и после взрыва мы лежим тихо, тише самой тиши-

ны, мы мертвы. Мы, естественно, пытаемся сопротивляться, ездим с места на место, чтобы этого избежать, поселяемся в санатории, но здесь, похоже, недоброе место, дом смерти, где люди гибнут один за другим, и каждого кладут в гроб. А иногда мы бежим — вот как вы собираетесь поступить, фрекен д'Эспар, — бежим еще куда-то, как будто в этом есть хоть малейший смысл! Нам вдогонку шлют приказы об аресте, нас настигают, мы значимся в списках личного состава части, мы можем сменить гарнизон, но не военачальника. Бог ты мой, как мы этому сопротивляемся! Когда смерть входит в дверь, мы встаем на цыпочки и шипим на нее, а когда она хватает нас в свои объятия, мы начинаем ей противиться, бороться. Конечно, это длится недолго, и вот мы лежим с синяками. А потом нас закапывают в землю. Зачем? Чтобы оставшиеся могли умереть в более здоровой обстановке! А мы тем временем лежим в сырой земле, и черви выедают нам глаза, а мы мертвы, нам не под силу скинуть их. Разве не так? И это всего лишь половина рассказа. Мы говорили лишь о том, что творит смерть, когда она ходит сама по себе и срывает что может. Но ее это не всегда удовлетворяет. И тогда к ее услугам война, землетрясение, эпидемии, и она становится Ее Величеством и подымает на радостях большой палец: смерть шлепает по жизни...

Из селения до них доносятся глухие звуки, это бьет колокол приходской церкви — молодой ревностный священник придумал, видно, такой набожный сюрприз для своих прихожан. Звуки далекие, порой они совсем пропадают, но когда ветер их подхватывает и несет наверх, слышно несколько сильных ударов подряд. Это красиво и необычно, рождественская ночь, и в церкви чистосердечно и отрешенно служат мессу.

Самоубийца подходит к обрыву, похоже, что он растроган, но ему во что бы то ни стало надо это скрыть, надо сделать все, что только возможно, чтобы не подать и виду.

Для фрекен д'Эспар эта пауза как нельзя кстати, она стряхивает с себя снег и говорит:

— Спасибо вам, но уже полночь! Я иду к себе.

Самоубийца никак не хочет показать свою растроганность, даже намек на нее, он должен продолжать свою болтовню, но он заговорил теперь несколько по-другому:

— В конечном счете смерть, может, и не так ужасна, она не всегда кровава, она не пожирает, мы остаемся почти такими же, как были, разве что с синяками от схватки с ней, но разве можно требовать иного? Со смертью борются глав-

ным образом богачи и власть имущие, бедняки относятся к ней терпимей, порой они даже призывают ее: приди же, смерть, пусть скорее наступит последняя глава!

— Да, — соглашается фрекен д'Эспар, — да, все это так. Спокойной ночи, господин Магнус!

— Ах, вы хотите уйти... Извините, фрекен д'Эспар, — бормочет он и останавливается перед дверью. — Собственно говоря, я мог бы и получить хоть маленькую открытку, ведь сегодня рождественский вечер, это был бы знак, пустяковый, что и говорить, но все же... Как по-вашему?

— Да, безусловно, — отвечает она.

— Они могли бы об этом подумать, вот что я имею в виду. Раз я посылаю открытку, потому что наступает Рождество, то неплохо было бы ответить. Но нет. Да все это не имеет значения, я никого не виню. Конечно, такой пустяк легко забыть, когда живешь дома и столько забот и хлопот.

Фрекен д'Эспар начинает внимательно слушать и спрашивает:

— Вы послали только одну открытку — Моссу?

— Нет, еще одну, — признается самоубийца. — Но только не думайте, что она имеет какое-либо значение, на ней были нарисованы лишь два цветка.

— Но ведь до Нового года и не может быть ответа, верно?

— Я об этом и сам подумал, — говорит он. — Но почему на мою открытку обязательно должен быть ответ? Нет, они просто забыли, вот в чем дело. А как вы думаете, можно не послать открытку преднамеренно?

— Это маловероятно.

— Да. Я тоже не исключаю, что еще получу новогоднюю открытку. Вообще, я считаю, что поздравлять с Новым годом более важно, чем с Рождеством. А вам как кажется?

— По-моему, вы совершенно правы.

— Ведь верно? Рождественские открытки — так, пустяки, это несерьезно. Они хороши для детей, но для взрослых...

Фрекен д'Эспар вошла в дом, а самоубийца еще долго стоял у лестницы. Колокольный звон прекратился, не доносилось ни звука, только ветер шелестел в горах. Свет луны освещал его, угрюмая маска снова сковала его лицо, и весь его облик, вновь ставший таким, каким был в первое время его пребывания в санатории, выражал замкнутость и страдание...

На второй день Рождества в санаторий приехали адвокат Руппребт и с ним еще несколько человек, в том числе

один инженер, на третий — директор Оливер, торговец древесиной Бертельсен, фру Рубен и фрекен Эллингсен, а потом еще какие-то незнакомые гости с лыжами и коньками. Вновь приехавших было не так уж много, к тем, кто уже был в санатории, добавилось человек двенадцать, не больше. Но надо иметь в виду, что «Торахус» новый курорт и вряд ли можно ожидать, что уже в первые рождественские каникулы там будет полно народу.

На флагшток подняли новый флаг, а для Бертельсена исполнили марш «Торахуса», поскольку он был меценат, который предоставил молодому музыканту возможность создать это произведение. Бертельсен нашел себе занятие и в санатории: он вознамерился заняться вопросом проводки электричества. Какое ему было до этого дело? Да никакого. Просто этот богатый молодой человек решил придать себе важности тем, что занимается хозяйственными вопросами. А ведь адвокат привез с собой инженера специально для того, чтобы он измерил объем необходимой воды и высоту ее падения и произвел все необходимые расчеты для будущей гидроэлектростанции.

В этот приезд в санаторий в поведении Бертельсена появилась какая-то заносчивость. Он изображал себя хозяином всего заведения и прямо говорил, что приехал главным образом потому, что хотел хоть что-то получить от своих вкладов в это строительство. По этой же причине он отказался уплатить по счету за свое прежнее здесь пребывание.

Однажды адвокату даже пришлось его мягко поправить:

— Я не знал, каков ваш вклад в наше заведение. Теперь я это выяснил и должен вам сказать, что вы ошибаетесь. У вас всего несколько акций.

— Верно. А вы разве хотите их купить? — спросил Бертельсен.

Адвокат ответил, что у него нет таких возможностей, и это соответствовало правде. Но он не исключал, что в дальнейшем сможет их у него приобрести.

— А сейчас?

— Нет, сейчас не могу. Почему именно сейчас? Неужели вам нужны деньги?

— Слава Богу, нет, — сморщив лоб, ответил Бертельсен, он явно кичился своим богатством.

Одному Богу известно, как обстояло дело в действительности, но Бертельсен оказался не очень приятным человеком, и делить с ним кров и стол было, по общему мнению, небольшим удовольствием. Он, например, плохо отзывал-

ся о марше «Торахуса» и потребовал, чтобы ему возместили его траты на стипендиата.

— Пребывание на этом курорте влетело мне в копейку, — заявил он.

Но ведь все знали, что он хозяин большого, богатого предприятия, и то, что он жалеет о стипендии в несколько тысяч, выглядело не очень красиво и никак не шло на пользу его репутации. В чем же было дело? Один из гостей, хозяин небольшого магазинчика, по имени Руд, выразил некоторые сомнения в богатстве дома «Бертельсен и сын».

— Я знаком со старшим Бертельсеном, — сказал он. — Это надежный и солидный человек. А о сыне мне еще ничего не известно, он делает вид, что мы незнакомы, и даже не здоровается со мной, хотя отлично знает, что много лет назад я мог потопить его отца, однако не сделал этого. Я слышал, — добавил господин Руд, — что последние большие закупки древесины, которые произвел Бертельсен-младший, подорвали кредит фирмы.

— Но у фирмы ведь есть гарантийный капитал, — заметил кто-то.

— Не уверен, — ответил господин Руд. — Все зависит, во-первых, от того, не слишком ли дорого купил молодой человек эту древесину, а во-вторых, от общей конъюнктуры рынка. Если, скажем, Англия затеет новую войну в каком-то отдаленном уголке света, то цены на дерево сразу возрастут и фирма «Бертельсен и сын» снова окажется на коне. Впрочем, может, у них и сейчас все обстоит благополучно, я этого просто не знаю. Было бы весьма печально, если бы у такой большой фирмы возникли финансовые трудности, а уж тем более, если бы ей пришлось свернуть свою деятельность. У них есть предприятия в двух городах — деревообрабатывающие фабрики, мастерские по полировке древесины и мебельные фабрики. Надеюсь, беды не случится, — сказал в заключение господин Руд. — Там работает много людей.

По молодому Бертельсену, во всяком случае, ничего не было видно, он казался вполне беспечным, а его высказывания по поводу стипендии и акций были, надо думать, лишь всплеском случайного настроения. Но симпатии он не вызывал, и многие желали ему разорения. В его внешности не было ничего особенного, и он не отличался глупостью, однако весь его облик, его манера поведения были на удивление лишены обаяния. Уже одно его обращение с фрекен Эллингсен отталкивало. Был ли он с ней помолвлен или нет — оставалось неясным. Но те, кто жил в санатории с первого

заезда, прекрасно помнили, как он сразу же начал ухаживать за самой красивой дамой, как он водил ее в зеленый лес и все прочее, а теперь он едва ее замечал, хотя в ее преданности сомневаться не приходилось. Она не раз прерывала беседу с другими господами и не шла ни на какое сближение с ними ради Бертельсена, но на него это, скорее всего, не производило никакого впечатления. Он делал вид, что очень занят делами санатория, и действительно повсюду совал свой нос, однако, несмотря на это, у него вполне хватало времени уделять внимание совсем другой даме. Какой же это даме? Может, фрекен д'Эспар, за которой он уже прежде ухаживал? Нет, вовсе не фрекен д'Эспар, она, судя по всему, уже не вызывала у него бывшего интереса, то ли из-за своего изуродованного лица, то ли по каким-то другим причинам. Нет, его внимание было сосредоточено на фру Рубен. Фрекен Эллингсен случайно застала его в комнате с фру Рубен за чашкой чая с пирожными. Фру Рубен окликнула ее — в ее голосе звучали и досада, и смущение.

— Как мило, что вы сюда заглянули. А мы решили почавничать! — сказала она.

— Я не смог вас найти! — был вынужден объяснить Бертельсен. — Где вы были? Не хотите ли позвонить и заказать себе чашку чаю?

Не надо, однако, думать, что фру Рубен проявляла интерес к молодому коммерсанту и пыталась завоевать его, напротив, она не была расположена к флирту. К тому же было непонятно, почему фру Рубен захотелось вернуться в этот дом, где ее муж, консул, таким странным, таинственным образом нашел свою смерть. Неужели ее притягивало это ужасное событие и она, как бабочка, летела на огонь? Во всяком случае, она потребовала, чтобы ее поселили в ее прежней комнате, словно снова хотела пережить свой траур. Она сильно похудела, просто чудо, что она смогла избавиться от своей тучности. Она была туго затянута в корсет и красива. А вот лицо ее не помолодело, оно как-то оплыло и утратило свежесть. Когда самоубийца ее снова увидел, он сказал фрекен д'Эспар:

— Поглядите... что с ней стало!

— А что?

— Она вся обвисла... Она похожа на лопнувшую шину.

Но как бы то ни было, у нее были все те же глубокие, прекрасные глаза миндалевидной формы.

Если фру Рубен, живя в своей прежней комнате, всю ночь напролет снова переживала трагедию, постигшую ее мужа, то разве не мило с ее стороны, что днем она присо-

единялась к тем, кто искал ее общества. У них с Бертельсеном были общие интересы, оба занимались делами, и им было о чем поговорить друг с другом. Он ей совсем не нравился, как, впрочем, и многие другие, но он был известный в городе человек, к тому же молодой и здоровый. Вдобавок ко всему он курил хорошие сигары и не принадлежал к числу тех мужчин, у которых вечно были желтые пальцы от сигарет. У Бертельсена, вероятно, тоже были свои причины предпочитать общество фру Рубен всем остальным. Кожа ее обвисла, должно быть, оттого, что она так заметно похудела, она была теперь настолько худой, что казалось, недоедает, а может, так оно и было. Но Бертельсен, похоже, не искал розового бутона, его привлекала деловая сметка фру Рубен, ее целеустремленность, а может быть, кто знает, и ее богатство.

Они сидели и беседовали, а когда к ним присоединилась фрекен Эллингсен, оказались втроем.

— Вас прервали, когда вы собирались рассказать о принцессе, — напомнил Бертельсен.

Фру Рубен была готова повторить свой рассказ с самого начала.

— Как я уже вам сказала, я не раз одалживала ей деньги под залог кольца, постепенно сумма стала весьма значительной, но я ничего бы не имела против, пусть кольцо останется у меня...

— Оно не осталось?

— Вы же видите, его нет, — говорит фру Рубен и показывает свои смуглые руки.

— Так где же оно? Его украли?

— Оно исчезло. Но дело не в этом, к чему оно мне!

Молчание.

— Да, это неприглядная история, — продолжает после паузы фру Рубен. — Мне хотелось помочь этой даме, из-за этого я даже поссорилась с мужем. Я верила всему, что она мне рассказывала о своем муже, о пачке писем, которой она размахивала у меня перед носом, о птичьей ферме, которую хотела завести, но все это оказалось ложью. Вы говорите, кольцо? Да, она взяла его назад, просто украла! Не буду отрицать, что изначально я впуталась во все это из-за кольца. Кольцо было изумительное, я никогда не видела такой глубины камня, оно было просто чудом ювелирного искусства, я сразу поняла это, Бог знает, где она его взяла. И вот под залог этого кольца она захотела взять у меня в долг деньги. Колец у меня хоть отбавляй, но такого никогда не было. Она мне его не дарила, а оставила в залог, чтобы получить

деньги. Хорошо, сказала я, и отдала ей все, что у меня было. Но этого оказалось недостаточно, ей нужна была очень большая сумма, я готова, сказала я, но боюсь, что муж не захочет покупать мне кольцо за такие деньги. «Тогда я дам ему вот эти письма, им цена наверняка не меньше миллиона в ваших норвежских деньгах. А вы достаньте мне десять тысяч, может, двадцать тысяч!» Я поговорю с мужем, ответила я. «Прямо сейчас?» — настаивала она. Хорошо, сейчас. Я вызову его телеграммой... Кольцо было у меня на пальце, я сняла два других, чтобы освободить для него достойное место, и ночью спала, не снимая его. Но как я уже говорила, я вовсе не помешалась на этом кольце, не надо так думать. Приехал мой муж и счел, что у меня и так хватает колец, и он был совершенно прав, но хуже всего было то, что он не верил этим письмам и решительно отказался предпринять с ними, как консул, какой-либо демарш. Если бы я тогда вняла его предупреждениям! Но я ничего не хотела слушать. Ничего. Он прочел письма, можно сказать, проштудировал их, и, пока читал, все качал головой. Мы поговорили до поздней ночи. Он очень устал и лег. Я тоже собралась было лечь, и вдруг слышу стук — это он ударился головой о край кровати. Он лежал неподвижно, он был мертв.

— Удар, — сказал Бертельсен и кивнул.

— Да, удар. И вот я стою перед ним. Мне ничего не оставалось, как подойти ко всему разумно: у моего мужа была слишком короткая шея, рано или поздно удар поразил бы его, случившегося не изменить. И у меня есть кольцо. Конечно, оно еще не совсем мое, но ради безопасности я его ночью не снимала. Что было потом? Я оплатила пребывание миледи и ее камеристки в санатории, я оплатила все ее покупки, я платила и платила без конца, но кольцо было чудесное, и я во что бы то ни стало хотела его иметь. Ну, в конце концов мне пришлось дать ей понять, что вечно так длиться не может. «Да, — сказала она, — но ведь у вас есть письма!» Но я понятия не имею, что можно сделать с этими письмами, а мой муж умер. «Ведь эти письма стоят не меньше миллиона, их автор — английский министр и политик». Да, я не сомневаюсь в их подлинности, но я не знаю, как их использовать. Я вела себя честно с этой дамой, я посетила двух ювелиров и попросила оценить кольцо, оба сказали, что можно еще немного за него добавить, это ценное старинное кольцо. Наконец я сказала: стоп, больше я за него платить не буду. Миледи с ценой согласилась. А потом меня провели. Произошло это вот как. Однажды утром, когда я мылась, меня позвали к телефону, звонила

фру Стерн. Я быстро накинула платье и спустилась вниз, а мои кольца остались лежать на ночном столике. Я взяла трубку, но телефон молчал. Я набрала номер фру Стерн, она заверила меня, что не звонила. Тогда я соединилась со станцией, однако там мне тоже ничего не смогли объяснить. На все эти звонки ушло какое-то время, а когда я вернулась в спальню, кольца на ночном столике не было. Оно исчезло! Все остальные кольца лежали на месте, а этого нет. Может, я захватила его с собой, когда шла к телефону? Я спускаюсь вниз и ищу — его нет. У меня все поплыло перед глазами, я позвала миледи, и она пришла, она участливо меня выслушала и рассмеялась на мой вопрос, не взяла ли она кольцо. «Вы шутите!» — возмутилась она. «А может, его нашла ваша камеристка, переводчица?» — «Возможно», — сказала она и тут же позвала Мари, но выяснилось, что ее даже дома нет, она ушла в город.

— Именно так я и подумала! — воскликнула фрекен Эллингсен. Она слушала с напряженным интересом, рассказ был из области детективных историй, она в них хорошо разбиралась, сама не раз их рассказывала. — Они, конечно, были заодно, девушка и позвонила по телефону из города, — завершила она свою мысль.

Фру Рубен кивнула:

— Так оно, видимо, и было. Кольцо пропало.

— И как вы поступили? — спросил Бертельсен.

— Как поступила? По-умному — выгнала обманщицу из моего дома.

— Куда же они делись?

— Понятия не имею. Наверное, куда-нибудь уехали и продолжают дурачить людей.

— Неслыханная по дерзости история! Вы не обратились в полицию?

— Нет. Я не в состоянии заниматься охотой на лис. А кроме того, мне хотелось избежать скандала.

Молчание.

— Хм, — произнесла фрекен Эллингсен, чтобы привлечь к себе внимание, — я могла бы многое рассказать об этих дамах, но я связана клятвой.

Бертельсен выслушал ее с пренебрежительной усмешкой.

— Но поскольку вы не можете вернуть кольцо, то это не представляет интереса, — сказал он.

Фрекен Эллингсен, переполненная тайными сведениями из жизни великих князей и герцогов, ответила:

— Я не уверена, что мои сведения не наведут нас на нужный след, но обязана молчать.

— Думаю, — сказала вдруг фру Рубен, — что санаторий мог бы мне возместить ту сумму, которую я уплатила за пребывание здесь этих дам. Это единственное, что для меня можно сделать.

— Вы считаете? — несколько растерянно спросил Бертельсен.

— Да, единственное.

— Но этого все равно не хватит, чтобы возместить вам ущерб.

— Но все же. Это примерно треть потраченной мной суммы. А остальные две трети я получила, когда выставяла этих дам.

— Каким образом? — спрашивает Бертельсен.

— Я отняла у них все, что купила им в Христиании.

— Великолепно! И они позволили?

— У них не было выбора. О, они без предрассудков! Представьте себе женщину, которая в открытую, не делая ни малейшего усилия, чтобы прикрыть себя, крадет кольцо с моего ночного столика, у такой нет и капли совести. Она, конечно, поняла, что я знаю, кто взял кольцо, но ей было на это наплевать. Мы стояли лицом к лицу, но она глаз не опустила.

— Прямо сказка!

— Как вы думаете, санаторий пойдет мне навстречу? — спросила фру Рубен.

— Да, я этим займусь, — твердо обещал Бертельсен.

— Вы готовы этим заняться? — Фру Рубен благодарно улыбнулась. — Я знала, что должна с вами поговорить, вы ведь имеете здесь такой вес. И правда, если санаторий принимает такого рода принцесс, то нужно все сделать, чтобы остальные гости не терпели от этого ущерба.

— Я этим займусь, — повторил Бертельсен.

Он поглядел на часы, встал, извинился и ушел, объяснив, что должен пойти на «инспекцию» обоих озер, чтобы выяснить, какие есть возможности провести в санаторий электричество.

— Мы обязаны обеспечить современный уровень обслуживания, — сказал он, уходя, — это, конечно, будет дорого стоить, но тут уж ничего не поделаешь.

Однако Бертельсен мог бы вполне спокойно остаться с дамами: как выяснилось, адвокат, доктор и инженер ушли без него — его это удивило и обидело. При случае он это вспомнит адвокату...

Когда пришло время обедать, обитателей санатория встревожила весть, что исчез самоубийца. Он не явился к столу, но и повешенным на чердаке его, к счастью, не на-

шли. Доктор, который все это время надеялся, что до катастрофы дело не дойдет, был теперь в этом не так уверен и, взяв с собой после обеда людей, отправился на поиски в лес. Этот проклятый самоубийца был вполне способен придумать Бог весть что — может, он застрелился и лежит теперь под елкой, засыпанный снегом.

Они искали и звали, проваливались в снег, выкрикивали проклятия и угрозы. Это продолжалось до самых сумерек, тогда они в десятый раз обыскали его комнату: там лежали его вещи, на стене висела одежда, на столе валялось несколько книг — исторические исследования; судя по всему, он не погиб. Так где же он?

И тут фрекен д'Эспар пришла мысль позвонить на вокзал. Ах уж эта удивительная фрекен д'Эспар, голова у нее работает как надо: самоубийца Магнус уехал утренним поездом.

Так фрекен д'Эспар вернула покой в санаторий, все были ей сердечно благодарны, и даже те дамы, которые прежде не хотели с ней знаться, почувствовали некоторое раскаяние. Во всяком случае, она спасла всех пациентов от бессонной ночи. Директор гимназии Оливер открыто признался, что его нервы не вынесли бы, если бы человек повесился в лесу, да еще так близко от санатория.

— Мы, интеллектуалы, не такие, как все, — сказал он, — у каждого из нас свои нервы. Долгие годы учения не прошли бесследно, наши нервы стали более тонкими, но зато менее крепкими.

— Однако вы хорошо выглядите, господин директор, — сказала фрекен д'Эспар, желая сделать ему комплимент.

— Это не болезнь, — ответил он, — а только «слабина», как выражается мой брат кузнец. Кто-то, возможно, назовет это утонченностью, но мой брат употребляет здесь слово «слабина». У него свой язык.

— А как идут дела у вас на родине, в вашем городе, господин директор?

— Нормально. Так, как они и могут идти в маленьком городе. Для нас, для всех тех, кто пытается удержать по возможности высокий уровень, обстоятельства неблагоприятны. У людей там нет высших интересов. И все же мне удалось добиться, чтобы в нашем клубе подписались на несколько иностранных газет, но этим все и ограничилось.

Фрекен д'Эспар, видимо, сильно изменилась, жизнь и переживания директора гимназии ее уже больше не интересуют так, как прежде, нет, она с полным равнодушием выслушала рассказ о том, что в его клубе появились иностран-

ные газеты. Может, это сумасшедший самоубийца Магнус повлиял на нее своими неуважительными суждениями об изучении иностранных языков и вообще об образовании. Но так или иначе, она стала теперь совсем другая, может, она опустила, ведь она собирается стать женой хозяина пастушьей хижины.

Но директор гимназии помнил, как охотно она его слушала раньше, она его избаловала, и он решил снова посвятить ее во все, что происходило в его городе. Иронично и снисходительно рассказал он ей о пароходе «Фия»:

— Когда «Фия» подошла к пристани с приспущенным флагом, потому что в плавании покалечило одного матроса, то весь город переполошился. Но когда умирает крупнейший ученый с мировым именем, в нашем городке это никого не трогает. Правда, у матроса в городе были близкие родственники, а ученые, Бог тому свидетель, у нас не проживают: для этого нет никаких предпосылок. Вот итальянец с шарманкой и обезьянкой имел бы у нас успех, а еще лучше — карусель, если б ее установили на общественном лугу. В таких условиях трудно работать, повсюду встречаешь пассивное сопротивление. Когда я осенью вернулся после каникул домой, у пристани стояли канонерки, и было решено устроить для офицеров ужин и бал. Собственно говоря, подготовку его возложили на городского старосту, то есть на моего доброго брата Абея, но он понимал, что для устройства такого мероприятия ему не хватает того, что есть у нас, интеллектуалов, и ужин дал консул Шелдруп Йенсен, а ведь позора и скандала можно было легко избежать. Я позвонил брату и сказал, что готов предоставить для этого приема свою квартиру, жена моя согласна заняться ужином, а я произнесу речь. А брат в ответ чуть не умер от смеха. «Каким ты был, таким и останешься!» — воскликнул он. Так и сказал. Я повесил трубку. Что вы на это скажете, фрекен д'Эспар? Я предлагаю свои услуги и получаю такой ответ! Правда, эта история имела последствия. На выборах старосты жители города голосовали не так дружно, как прежде, и мой добрый брат-кузнец едва-едва прошел. Случай, казалось бы, весьма незначительный, но повторись он, и Шелдруп Йенсен займет этот пост!

— Подумать только! — заметила фрекен д'Эспар.

— Да, уверяю вас, — многозначительно сказал директор, — этим дело и кончится. Я все же немного разбираюсь в наших обстоятельствах!

И директор кивнул для пущей убедительности.

Фрекен д'Эспар собралась уходить.

Но директор гимназии вошел во вкус, он не мог забыть этого большого события и снова заговорил:

— Если бы все шло по воле брата, то ни ужина, ни, тем более, бала вообще не устраивали бы. Но лучшие семьи города никогда бы этого не допустили. Поэтому большое счастье, что в нашей среде есть такой человек, как консул. Правда, академического образования у него нет, чего нет, того нет, но он знает языки, он учился и к тому же — богатый человек.

— Понятно, — сказала фрекен д'Эспар.

— Он не преминул воспользоваться подвернувшимся случаем. Избиратели поддержали его. Если бы не консул, мы были бы опозорены перед офицерами, они подняли бы нас на смех, и это все понимали. Ведь в народе живет стремление, и немалое, подняться, даже те, кто оказались на самом дне, мечтают о высоких постах. Моему брату, кузнецу, может, и удастся еще какое-то время делать из нас посмешище в глазах людей низших классов за то, что мы потратили всю свою жизнь, чтобы учиться, чтобы узнать что-то новое, но когда надо представить нашу страну, или дать справку по поводу какой-то книги, или ответить на письмо из-за рубежа, то им приходится идти к нам. У меня уже было несколько таких случаев. Не так давно, например, один знаменитый шведский профессор — не хочу называть его имени — сделал все от него зависевшее, чтобы подорвать уважение к образованию и науке, то уважение, которое мы стремимся передать из поколения в поколение. Какое удовлетворение он от этого получил, не знаю. Но он написал, что детям от шести до двадцати лет, а иногда и дольше, вовсе не обязательно часами сидеть и учить уроки, этого не нужно, чтобы стать настоящими людьми. Так и написал. Но если детям не нужно учиться, то я не понимаю, что им нужно. А вы понимаете?

— Нет, — сказала фрекен д'Эспар.

— Ну вот видите! Он считает также, что наши учебники слишком толстые, что в них слишком много ненужных сведений, что дети столько всего зубрят, что в конце концов вообще ничего не знают. Вы когда-нибудь такое слышали? Разве не наоборот — чем больше зубришь, тем больше знаешь? Он пренебрежительно отозвался о популярных лекциях для народа, а значит, о народной академии, и тем самым вообще о просвещении. Он считает, что достигнутый прогресс в области науки и техники породил наше суеверное уважение ко всему, что имеет отношение к науке. Представьте, профессор не стесняется писать: суеверное уважение! И

заключает: дети должны работать, а не учить наизусть кучу мертвых сведений. Словно учить наизусть не есть работа! О Боже, сколько у меня уходило сил на то, чтобы запомнить все то, что было необходимо! — в сердцах вырвалось у директора гимназии. — Шведский профессор заблуждается, — продолжал он. — Разве развитие не идет совсем иным путем: открывается все больше школ, растет число предметов как для мальчиков, так и для девочек? Неужели этот человек, который стоит на своем и выступает против нас всех, придерживающихся противоположной точки зрения, прав? Нет! И он получил достойную отповедь. Хотите узнать, как это произошло?

— Если вас не затруднит, господин директор.

— Ни в малой степени. Послушайте, вам будет интересно! Не знаю, помните ли вы, что некоторое время тому назад в газетах развернулась весьма острая дискуссия по поводу высшего образования для женщин. Вы знаете мою точку зрения по этому вопросу. Я придерживаюсь самого гуманного и свободомыслящего взгляда, считая, что женщина имеет равное с мужчиной право на образование. Печатались разные статьи и за, и против, и в какой-то момент я решил, что не могу больше молчать, что должен выступить, вероятно, этого ждут, ведь у меня есть имя. Вот я и взялся за перо. Я не стал миндальничать, мое мнение было категорическим. «Школы, и еще раз школы, — писал я. — Раздаются голоса, что детям надо больше давать физической нагрузки и меньше загружать их учебной, но я считаю, что это заблуждение и демагогия. Я вовсе не хочу дискредитировать физическую подготовку. Например, я считаю, что женщинам надо научиться разводить сады. Однако слова «готовить», «шить», «танцевать», «заниматься гимнастикой» имеют, по-моему, лишь временное значение, а для большинства женщин они становятся главными словами в жизни. Это делает их поверхностными и рассеянными. Я отдаю дань уважения умелым рукам и ручному труду, но дух важнее. Не буду пока задерживаться на этих четырех глаголах, — писал я, — но боюсь, что они представляют угрозу для получения образования молодыми женщинами. Речь здесь идет не о тех немногих, которые поступают в мужские гимназии, сдают экзамен на аттестат зрелости и становятся профессионалами в различных областях, я думаю о всех остальных. Какие качества надо развивать им у себя, чтобы стать хорошими матерями и уметь правильно вести дом? Конечно, прежде всего им необходимо духовное развитие, — повторил я, подчеркивая важность этого. — Им необходимо по-

лучить соответствующее образование, иначе говоря, знать языки, литературу, искусство, историю искусства и хотя бы основы музыкальной культуры. Для чего? Да хотя бы для того, чтобы не чувствовать себя беспомощными перед иностранцами. В наше время почти все молодые девушки стремятся попасть за границу, и это желание может быть легко осуществимым, но, как правило, у них нет того минимума знаний, которые необходимы, чтобы получить истинное наслаждение от пребывания за границей...» Вот, в основных чертах, изложение моей статьи. Конечно, мое резюме очень неполное, в статье было много целенаправленных выпадов против шведского профессора, которые, я надеюсь, заставят его призадуматься. Во всяком случае, я испытываю удовлетворение при мысли, что до сих пор он и не пытался, насколько мне известно, мне ответить.

Молчание.

— Что вы на все это скажете, фрекен д'Эспар?

— Конечно, вы, наверно, правы. Но мне трудно судить... Я плохо разбираюсь в этом...

— Прекрасный ответ! — воскликнул директор гимназии. — Если бы все так отвечали, то мы, которые занимаемся этим вопросом уже тридцать лет и прекрасно в нем разбираемся, получили бы возможность принять по нему решение. У вас ведь есть практический опыт в этой области, и все равно вы не решаетесь нам возражать. Вы имеете несомненное преимущество перед большинством наших дам, не правда ли, не отрицайте, вы обладаете приоритетом, потому что вы посещали школу, учили французский. А принесло бы вам ваше пребывание во Франции хоть какую-то пользу, не знай вы французского? О нет, сколько ни ходи в школу, сколько ни зубри, это никогда не лишнее, невозможно утратить знания от излишней зубрежки. Шведский профессор глубоко ошибается.

Молчание.

— На этот раз вы не взяли с собой своих мальчиков, господин директор? — спросила фрекен д'Эспар.

— Нет, они были здесь осенью, а я не хочу их чересчур баловать. Они должны учиться и учиться, набираться знаний и продвигаться вперед. К сожалению, у них нет той страсти к учению, которая была у меня в детстве, но я надеюсь, что это еще придет.

В последующие дни не произошло ничего приятного для фрекен д'Эспар, наступило Рождество, но радости оно не принесло — она ни к кому не могла прибиться, у нее не было

корней. Да и санаторий уже не казался таким уютным: цветочные горшки, купленные еще в прошлом году, по-прежнему стояли на своих местах, цветы не погибли, но как-то усохли, потеряли свежесть, большая пальма в гостиной стала серая от пыли и печально выглядела из-за отрезанных концов ее листьев. Чувством красоты в убранстве комнат фрекен д'Эспар не отличалась, но все же какая-то потребность в этом у нее была, как и у большинства людей. Поэтому она охотно разобрала газеты в курительной комнате, а в своей комнате прикрепил к зеркалу еловую ветку. Были у нее еще французские книги в желтых обложках, но на стенах ничего, кроме платъев, не висело.

Не сидеть же ей все время в своей комнате, а куда еще деться? К директору гимназии и снова к директору гимназии? Что ж, это не хуже всего остального, но не менее скучно. Новых гостей почти не прибавилось, адвокат ошибся в своих расчетах и надеждах на приезд гостей. Он, правда, поместил рекламу в газеты, перечислив все те удовольствия, которые ждут здесь приехавших: склоны для лыжных прогулок, жизнь на свежем воздухе, но на это соблазнилось лишь несколько парней в коротких штанах, чересчур бойких на язык, да молодая журналистка, которая намеревалась написать репортаж о жизни в горах в рождественские праздники. Они не могли составить компании фрекен д'Эспар. Бертельсен не проявлял к ней никакого интереса, с фру Рубен ей трудно было общаться, фрекен Эллингсен была неуловима. Ничего не оставалось, кроме Даниэля и его хутора.

В рождественский вечер фрекен д'Эспар заскочила к своему возлюбленному и вручила ему большую красную купюру, а Марте — желтую, поменьше. Оба очень обрадовались подаркам, проявили свою радость весьма бурно и заявили, что купят себе на эти деньги роскошные подарки. Деловая сметка Даниэля тут же заработала. Он купит себе на память лошадь. Он давно мечтал о ней. И на второй день Рождества он спустится вниз, в селение, и приглядит у Хельмера, своего друга, хорошенькую лошадку. Да, Даниэль знал, что делает: зимой лошадь стоит дешевле, потому что у всех не хватает кормов, а у него их с избытком, потому что он продал осенью своего большого быка.

Когда фрекен д'Эспар через несколько дней снова пришла на хутор, она не застала Даниэля: он и вправду отправился в селение торговать лошадь. Марта рассказала, что он уже несколько раз спускался вниз, но пока еще о цене не договорился. Так, мол, всегда бывает при покупке лошади.

Фрекен д'Эспар не могла его ждать, она вернулась в санаторий к директору Оливеру.

Доктор, инженер и адвокат после своей экспедиции тоже зашли к нему. Доктор подметал пол пером своей шляпы и был, как всегда, возбужден:

— Значит, у нас будет свет, ведь верно, господин инженер? В каждой комнате «Торахуса», за каждым окном загорятся электрические лампочки! Мы будем стоять на скале, а внизу, под нами, раскинется небо, усеянное звездами.

Доктор остался верен себе.

— К сожалению, я не останусь здесь так долго, — сказала фрекен д'Эспар. — Выходит, пока я здесь, электричества не будет.

— Как? Вы хотите нас покинуть? — спросил адвокат. — Мне будет жаль, если вы уедете.

— Нам всем будет жаль, — сказал доктор.

Директор Оливер кивнул, присоединившись к общему мнению.

— Мне не по карману жить тут так долго, — объяснила фрекен д'Эспар, — после Нового года я уеду.

— Обратнo в Христианию?

— Нет, к Даниэлю. В его пастушью хижину.

Все умолкли от изумления.

— Вы сможете там жить? — спросил наконец доктор.

— А почему нет? — ответила она. — Меня поселят в новой пристройке и будут кормить.

Адвокат первым овладел собой:

— Таким образом, фрекен д'Эспар, вы останетесь с нами в горах. И если вам захочется переменить место жительства, мы всегда с радостью вас примем.

К ним подошел Бертельсен. В углу комнаты сидел с газетой розничный торговец Руд. Может, его вовсе не интересовал разговор, который вели стоящие посреди комнаты господа, а может, он ловил каждое их слово. Обычно Руд был задумчив и скуп на слова. Бертельсен пребывал в дурном настроении из-за того, что адвокат и доктор без него ходили на горные озера.

— А где вы возьмете деньги на проведение электричества? — спросил он каким-то зловещим голосом.

— Как-нибудь выйдем из положения, — сказал адвокат. — Вы поможете, еще кто-нибудь найдется. Нельзя срывать такое дело из-за какой-то жалкой суммы денег.

— Я больше помогать не собираюсь, — заявил Бертельсен. — С меня и так хватит. Мне навязали этого стипендианта.

та, который влетел в копеечку, да еще пришлось взять большой пакет акций. Все, больше я денег тратить не буду.

— Жаль. А не хотите ли вы продать свои акции? — дружески-сдержанно спросил адвокат.

— Да, очень даже хочу! Найдите мне покупателя!

— У вас с собой акции? — раздумчиво спросил адвокат.

— С собой? Нет, — отвечает Бертельсен, несколько удивленный тоном адвоката. — Но ведь здесь и покупателя нет.

— Это еще неизвестно.

— Вот как, — смущенно заметил Бертельсен. — Но акций у меня здесь, конечно, нет. Несгораемый шкаф у меня набит бумагами, не могу же я их все с собой таскать.

— Но вы можете попросить, чтобы вам их выслали.

— О да, конечно, — подтвердил Бертельсен. — Но ведь это не к спеху. Я приехал сюда, чтобы отпраздновать Рождество.

Во все время этого краткого разговора Руд продолжал сидеть в углу, скрытый от глаз газетой. Но тут он откашлялся, аккуратно сложил газету и вышел из курительной комнаты.

— Не он ли хочет купить акции? — спросил Бертельсен и движением головы указал на ушедшего. — У вас есть от него заявка?

Адвокат ответил дружески, но уклончиво, что в данном случае сам купит акции в качестве комиссионера.

Больше он ничего не сказал, но и не стал отрицать, что покупает их для розничного торговца Руда, который так скромно, так тихо сидел в своем углу, хотя карман его раздувался от скопленных денег.

Больше Бертельсену ничего выяснить не удалось. Но хуже всего было то, что он уже не держал в руках ни санаторий, ни адвоката и уже не мог оказать никакого нажима, чтобы фру Рубен вернули деньги. Он все же улучил момент, чтобы оказаться с глазу на глаз с адвокатом, самым дружеским образом изложил ему историю с фру Рубен и попросил пойти ей навстречу. Адвокат внимательно выслушал его, всем своим видом подчеркивая, что хоть он и хозяин этого заведения, но он вместе с тем и добрый знакомый, едва ли не друг.

— Почему я должен оплачивать мошеннические проделки гостей? Боюсь, что так управлять санаторием невозможно. Да, господин Бертельсен, вы уж извините, но правда невозможно.

Бертельсен понял, что все пропало, ему придется признаться фру Рубен, что он здесь не имеет никакого веса. А

его это, похоже, именно теперь никак не устраивало, создавалось впечатление, что разом рухнули все его планы.

Адвокат погрузился в размышления, выдержав паузу, чтобы произвести своим отказом соответствующее впечатление, снова пробормотал «это невозможно», опять задулся и, сверкнув глазами, снова заговорил:

— Так управлять санаторием значит завести его в полный тупик. Другое дело, если фру Рубен сможет как-то вернуть нам деньги, которые хочет получить, тогда стоит об этом еще подумать. Для фру Рубен очень важно возместить свои затраты?

Бертельсен ответил, что фру Рубен очень богатая женщина, и эти сравнительно небольшие издержки не имеют для нее значения. Однако он вполне понимает, что пропажа кольца ее глубоко раздосадовала и что возмещением своих расходов она пытается восстановить покой в своем сердце, как бы вернуться в то время, когда она этого кольца еще не видела.

— Вы очень тонко проанализировали ситуацию, — сказал адвокат. — Ваши слова стоит взвесить. Как вы полагаете, фру Рубен согласится дать интервью?

— Интервью?

— Она красива и стройна, как лилия, она стала просто красавицей. Не приписывает ли она свое преобразование пребыванию в санатории «Торахус», как по-вашему?

Бертельсен молчал.

— Я хочу сказать, не считает ли она, что ее нынешний внешний вид следствие тех месяцев, которые она провела у нас? Ведь результат налицо! Она так заметно похудела, снова стала совсем молодой.

— Не знаю, — сказал Бертельсен.

— Я думаю, это вполне вероятно.

Бертельсен увидел едва заметный путь к спасению и пробормотал:

— Я ее спрошу.

— Пожалуйста, скажите ей сразу же, что все дело в воде, она оказывает такое действие — вода, здешний воздух и жизнь в горах, вообще весь наш курс лечения способствует этому благословенному обновлению всего организма. Скажите это фру Рубен, она разумная женщина, она поймет.

— А если это не так? Если она похудела, скажем, оттого, что голодала?

— Вы думаете, что в этом случае нет оснований для интервью? Но если даже фру Рубен похудела из-за того, что голодала, то ведь и другие женщины могут последовать ее

примеру, чтобы усилить действие здешней воды. Я не вижу здесь никакого противоречия. И даже если санаторий не сыграл никакой роли в обновлении фру Рубен, ее интервью может послужить прекрасной рекламой для нашего горного курорта. Это само по себе стоит того. Но мы и в самом деле можем предъявить несколько примеров чудесного излечения: нервы директора гимназии Оливера, душевное состояние самоубийцы Магнуса, легкие графа Флеминга, ну, и так далее. Если добавить еще похудание фру Рубен, то это сможет привлечь внимание других больных людей.

— Кто будет у нее брать интервью?

— Здесь сейчас находится журналистка, которая пишет для трех газет, — одна из них выходит в Христиании, другая в Стокгольме, третья в Копенгагене, это три большие газеты.

— Я поговорю с фру Рубен, — сказал Бертельсен.

— Скажите ей, что в таком случае санаторий с радостью пойдет ей навстречу и сделает все необходимое, чтобы помочь ей забыть возмутительную историю с этой авантюристкой.

XI

Люди ползут и ползут по жизни, одни сюда, другие туда. Иногда ползут вместе, а иногда сталкиваются, и тогда никто не хочет уступить другому дорогу. А случается, один переползает через труп другого. Да и может ли быть иначе? Они ведь люди.

Адвокат Руппрехт никому не желает зла. И теперь, когда приходится признать, что благодаря случаю он одержал верх над Бертельсеном, то вовсе не собирается торжествовать по этому поводу, напротив, ему хочется замять то обстоятельство, что Бертельсен проиграл этот бой. Он покупает у него акции — да, конечно. Но он вовсе не радуется тому, что ему приходится так обойтись с одним из своих гостей, он не потирает руки и не посмеивается.

Господин Руд пришел к нему спросить, как обстоит дело с акциями.

Но адвокат знает только то, что Руд сам слышал в курительной комнате.

Руда насторожило, что Бертельсен не захотел тут же предоставить акции. Возможно, их вообще не получить.

— Почему?

— Не исключаю, что они депонированы. Молодой Бертельсен вполне мог их заложить и взять под них деньги.

Адвокат выразил надежду, что дела у фирмы «Бертельсен и сын» не обстоят так плохо.

Вот такой он, адвокат, — добродушный и обходительный, он всегда стремится уладить все конфликты. Ему больше всего хочется, чтобы все гости санатория жили в ладу и не переползали через труп соседа.

Руд не собирается биться за эти акции. Руд далеко не из худших, он не бандит, не черт, нет, Боже избави. Обычно он ходит опустив глаза, а если видит булавку на ковре, то кладет ее на стол тому, кому она принадлежит, да так, чтобы ее сразу было видно. У него большая, красиво подстриженная борода с заметной проседью, на пальце он носит кольцо с масонским знаком. У него достаточное состояние, чтобы быть честным. Зачем ему понадобились эти акции? Это особая история: ему настолько сопутствует удача в земных делах, что при случае он имеет возможность потрясти бумажником и тем самым осадить высокомерие молодого Бертельсена, который знать его не хотел и даже с ним не здоровался, хотя Руд столь респектабелен. А вот его отцу, старику Бертельсену, который однажды пришел к Руду, обратился в какой-то трудный момент за помощью и получил ее, он желает только самого хорошего.

Вот какой человек розничный торговец Руд.

Но адвокат Руппрехт хочет всех окружить заботой, его доброжелательность чувствует каждый. В гостиной он устроил маленький прием, туда принесли закуски и напитки, и он приглашает зайти всех, кто проходит мимо.

— Сейчас Рождество, — все повторяет он, — и нет причин для дурного настроения.

Он попросил учительницу музыки сыграть марш «Торакуса», а потом произнес речь и рассказал историю отсутствующего композитора: прежде он жил здесь, в санатории, играл как Бог, но ему мучительно хотелось учиться в чужой стране. Адвокат заверил присутствующих, что всегда с уважением относился к желанию музыканта уехать учиться, но, к сожалению, не имел возможности ему помочь. И тут появился человек, у которого была и добрая воля, и материальная возможность это сделать, он спас молодого творца, который отправился в далекий путь, в широкий мир. И адвокат заключил, что подымает свой бокал за этот благородный и великодушный поступок, одним словом, за господина Бертельсена.

Все встали и выпили вместе с ним.

Что заставило адвоката Руппрехта произнести этот тост? Никакого злого умысла у него не было, им двигали только лучшие чувства, ему захотелось создать для Бертельсена праздничное настроение, чтобы он хоть на минуту почувствовал себя на коне. Ведь было Рождество, и Бертельсен был гостем санатория, а кроме того, он только что потерпел поражение.

В тот же день у адвоката возникла возможность позаботиться и о фрекен д'Эспар.

— Жаль, что вы нас покидаете, фрекен д'Эспар. Вы одна из первых наших гостей, и мы все к вам очень привязаны.

Фрекен д'Эспар улыбнулась.

— Видимо, так надо. Вы уезжаете, это решено?

— Да.

— А то я мог бы вам кое-что предложить. Вы упомянули о том, что так долго жить у нас вам не по карману. Так вот, мы нашли бы из этого выход, если вам угодно.

— Спасибо, но мне надо уезжать... Как вы сказали: это решено...

— Понятно, — с улыбкой сказал адвокат, — молодежь вылетает из гнезда. Но имейте в виду, что в гнезде всегда найдется для вас местечко.

Адвокат обошел все помещения и поговорил с каждым гостем, побывал и на конюшне, и в хлеву и нашел, что сказать каждому. Он и с работниками был очень дружелюбен и обходителен. К нему обратился инспектор Свендсен со смешной просьбой — иначе ее не назовешь: ему хотелось бы, чтобы его звали «директором», он просит дать ему это звание.

— Директором? — переспросил адвокат.

Он внимательно поглядел на инспектора Свендсена, но тут же вспомнил, что Рождество и что голова старого моряка, может быть, не совсем ясная.

— Видите ли, — стал объяснять Свендсен, — сюда приходят люди и все спрашивают, не я ли директор. «Нет», — отвечаю я. «А где же директор?» А я и не знаю, что сказать.

— Вот как, — проговорил адвокат и задумался. — А зачем людям, собственно говоря, директор?

— Этого я не знаю. Но вот швейцар чувствует себя директором в хлеву, а у почтальона фуражка окантована золотым шнуром.

— Да, это верно. Но не знаю... нет, думаю, звать вас директором невозможно, Свендсен. Правда нет. Но вы же знаете, что вы, с вашим знанием английского, с тем опытом,

который вы получили, побродив по свету, вы здесь, в санатории, после доктора главное лицо.

— Да я просто спросил, — сказал Свендсен и собрался идти.

Видимо, он все же был несколько обижен.

Так как адвокат никак не хотел его обидеть, он сказал:

— Видите ли, Свендсен, вы инспектор и отвечаете здесь за все. Подобный человек нашим гостям просто необходим. Где нам взять такого умелого инспектора, как вы, если мы сделаем вас директором? Вы об этом подумали?

С фру Рубен он договорился. Она согласилась дать интервью, и ей возместили деньги, которые она заплатила за миледи. Интервью было сделано очень удачно, без ненужных восхвалений, она сказала только несколько слов о воде в «Торахусе» как об эффективном средстве для похудения. Она ничего не утверждала, просто скромно рассказала журналистке о своем опыте, и это попало в прессу. Все было в порядке: фру Рубен осталась довольна, господин Бертельсен тоже, и адвокат никак не выказывал своего неудовольствия. Да, что и говорить, его любезность как директора и хозяина была просто Божьим даром. Даже когда самоубийца вернулся, адвокат не стал ругать его за тот переполох, который он устроил своим исчезновением, а встретил его дружеской улыбкой и попросил тут же пройти в столовую, где его накормят.

— Как долго вы в пути? С самого утра? И с вокзала шли пешком? Я сейчас распоряжусь, чтобы вам принесли горячей еды.

Да, самоубийца опять всплыл. Несколько дней назад он вдруг исчез, но вот в последний день этого года вернулся, чтобы на следующий день начать новый год в горах. Он был молчалив и подавлен, он прятался, поворачивался к людям спиной, только бы не здороваться, казалось, он чего-то стыдится. В таком состоянии его уже давно не видели, таким он был в самом начале своего здесь пребывания, когда замышлял недоброе и говорил о самоубийстве. Он сразу же отправился к себе в комнату и побрился, словно хотел хоть немного взбодриться и предстать перед другими в более пристойном виде. Красноватую астру, которая выглядела так, словно до этого долго лежала в кармане, он воткнул себе в петлицу, где она и продолжала тягаться со смертью. Потом он спустился в столовую, и ему подали еду. Он извинился перед подавальщицей за то, что пришел в неурочный час.

Обед длился недолго, он кончился бы еще скорее, если бы не пришел доктор и не сел против него. Доктор тоже не

ругал его, это вообще не было ему свойственно, напротив, он пытался завести интересный разговор. Для начала он рассказал, что в санатории собираются провести электричество.

— Вот как, — сказал самоубийца.

— Море света, нет, не море, а настоящий пожар. Сидя на скале, можно будет читать письма, настолько будет светло.

— Вот как, — сказал самоубийца.

— Ах, господин Магнус, это должно вас теперь больше интересовать, поскольку вы, видимо, хотите как-то приладиться к жизни.

— Меня это совершенно не интересует.

— Сегодня вечером мы сможем приветствовать наступление Нового года маршем «Торахуса», — продолжал доктор, ожидая ответа.

Молчание.

— Знаете ли вы, что летом нам придется заняться строительством? Разве это не достижение, что наш новый курорт уже взрывает свои границы и нам необходимо расширяться? Оборудовать еще не обставленные комнаты — этого мало, места все равно не хватит, мы должны строить. Осенью стало ясно, что мы не можем разместить всех желающих.

Молчание.

— Вы заметили, что у нас появились флаги?

— Да.

— Мы вообще все больше укрепляемся. Мы надеемся стать ведущим санаторием страны. Необходимо в этой связи перестроить дорогу к вокзалу, сделать из нее шоссе для автомобилей. Мы ожидаем знатных гостей, высокопоставленных господ, что возят с собой лошадей для верховой езды и прислугу, богатейших людей, которые заранее заказывают целую анфиладу комнат.

— Мне кажется, вы рассчитываете на долгую жизнь, — мрачно сказал самоубийца.

Доктор, видимо, не был готов услышать такое странное высказывание.

— Я рассчитываю на долгую жизнь? — переспросил он. — Да, конечно, а как же иначе? Впрочем, короткой или долгой будет наша жизнь, мы все равно должны сделать все, что можем.

— Кто это сказал?

— Я сам это говорю. И я не бросаю слов на ветер. А после нашей смерти придут другие люди.

— И тоже умрут.

— Верно, и они тоже умрут. Другого пути нет.

— Так какой же во всем этом смысл?

— Все это — заведенный распорядок жизни, вот так она идет.

— Нет, все это смерть, — сказал самоубийца.

И с этим доктор согласился, чтобы не раздражать своего пациента, которого преследует злая судьба. При этом он улыбнулся и продолжал всему поддакивать, но с таким видом, словно ему было открыто что-то другое.

— Как это кончится? — продолжал самоубийца. — И когда это кончится? Почему это вечное уничтожение не прекращается? Лучше не становится. Какой в этом смысл? Безумие, которому нет конца?

Он кончил есть и хотел было идти, но доктор задержал его. Их следующий разговор мог бы быть короче, если бы доктор не пытался отвечать.

— Ваша поездка плохо обернулась, — сказал он.

— Откуда вы знаете?

— Я делаю свои выводы как врач.

— Врач! — передразнил его самоубийца. — Как обстоит дело с пищеварением в вашей больнице?

— Вам теперь хуже, чем до вашего отъезда. Лучше бы вы оставались с нами.

— Хорошо ли выпадают в осадок лечебные соли?

— Нет, — сказал доктор, — прошу вас, будьте таким, как мы все, господин Магнус, здоровы, как мы, и радостны, как мы. Дурное настроение не имеет никакого смысла. Выпейте стаканчик вина и приободритесь! Последнее время вы были просто молодцом, что вас толкнуло на эту поездку?

— Жизнь, — сказал самоубийца. — То, что вы называете жизнью.

— Жизнь! — повторил доктор. — Не делайте ее хуже, чем она есть. Жизнь богата, просто великолепна, мы должны ей радоваться и сносить те муки, которые она нам уготовила.

— Ну и так далее. Такие рассуждения я уже не раз слышал. А вы когда-нибудь остановились в своем беге и хоть минутку подумали? Вы, конечно, видели страх и гибель в глазах других, на их лицах, а сами в своей груди вы когда-нибудь ощущали страх и гибель? Стояли ли вы когда-нибудь посреди озера и звали на помощь?

— На это у меня никогда не было времени, я работаю. Тружусь по мере своих сил...

— Да, мы трудимся, каждый по мере своих сил. Вы по мере ваших, а я по мере моих. Господи, как мы стараемся! Но все равно рано или поздно нас это приведет к верной смерти. Только радостный дурак может об этом не думать. Он считает, что, забыв о смерти, он ее одолел.

— Но куда нас ведет мысль о смерти?

— К смерти.

— А когда мы забываем о ней?

— Тоже к смерти.

— Ну и что?

— У одного, таким образом, есть пока глупая радость, но другой ему не завидует.

Доктор подумал и сказал:

— У него есть радость пользоваться жизнью. Это не так уж глупо.

Самоубийца прослушал его слова.

— Вы до этого сказали «распорядок жизни». Когда, по-вашему, этот «распорядок жизни» нас волнует и вливает мужество? Когда мы пытаемся сделать что-то хорошее? Вовсе нет, «распорядок жизни» будет в это время в лучшем случае такой же, как обычно: слеп, непримирим и неприступен.

— Да, но, Господи... — начал было доктор, но замолк.

— Врач, сказали вы. Вы строите. Вы расширяете санаторий. Зачем? Мы съезжаем сюда с востока и запада, многие едут издалека, мы готовы пасть на колени и молить о помощи, мы все жаждем выздороветь, но никто не находит здесь помощи, смерть забирает всех.

Тут доктор уже не мог сдерживать смеха и сказал в присущей ему полушутливой манере:

— Вы словно Библию читаете... «с востока и запада»...

Самоубийца мгновенно изменил тон и снова заговорил раздраженно, с вызовом:

— Много ли вы успели здесь развесить новых объявлений, пока меня не было, доктор? «Просят после десяти часов не топтать по полу, чтобы не нарушать покоя лежащих в постели жертв жизни!» «Просят осторожно обращаться с огнем, потушить все лампы и свечи, чтобы не сжечь полутрупь».

— Ха-ха-ха! — смеется доктор слегка натужно.

Но вы только послушайте, что этот вышеупомянутый врач собирается сделать: выйти в полночь на лед и испробовать новые коньки. И не сомневайтесь, он это осуществит. Он считает, что это самый радостный и оригинальный способ встретить Новый год.

— Приходите тоже, — приглашает он самоубийцу. — Луна осветит нам каток.

— В коридоре висит объявление, что в десять часов я должен лежать в постели.

— Врач освобождает вас от этого по случаю новогодней ночи.

Самоубийца ушел к себе в комнату, лег на кровать и заснул — или сделал вид, что заснул, и так он пролежал до звонка к ужину. Тогда он торопливо оделся и спустился вниз.

Дом был полон гостей, все были одеты по-праздничному. У самоубийцы в петлице по-прежнему была астра, которая имела уже совсем жалкий вид.

За столом доктор снова произнес речь. Этот неутомимый человек благодарил всех присутствующих за их доброе отношение в уходящем году и желал каждому в отдельности, чтобы новый год был еще лучше старого. Ничего другого и сказать было нельзя, это были правильные, нужные слова, и никто не произнес бы их лучше, чем доктор Эйен. Ему сопутствовало счастье. Так как он должен был при этом себя показать и позабавить народ, он сказал в заключение, что директор, адвокат Руппрехт, несомненно, произнес бы еще лучшую речь, и призвал всех — среди присутствующих воцарилось веселое оживление — обратить внимание на руки адвоката, такие гладкие и ловкие, чтобы представить себе, какими гладкими и ловкими словами он осыпал бы сидящих за столом. Но тут доктор просчитался. Он хотел повеселить гостей, но упустил из виду тщеславие директора. Затем зазвучала музыка, в том числе был сыгран марш «Торакуса», и в конце раздали новогоднюю почту, которой накопилась целая куча.

Все перешли в гостиную, чтобы пить кофе с пирожными, учительница музыки играла, и новогодний псалом все спели хором.

На самом-то деле почта была не так уж велика, но от этого она не стала менее желанной. Это были краткие сердечные приветы из внешнего мира, пачка открыток с картинками и письма, которые сестра-хозяйка убрала, а сейчас раздавала. Доктор получил две открытки, господин Руд — письмо, фру Рубен — пять открыток, а фрекен д'Эспар не получила ничего.

— Господин Магнус! — выкрикнула сестра-хозяйка. Это привлекло всеобщее внимание. Самоубийца подошел к ней. Она протянула ему открытку. Он тут же с любопытством оглядел ее, пощупал край, чтобы проверить, не две ли это, сморщив лоб, пошел к стулу в углу комнаты и сел. Остальные открытки были для прислуги, каждая горничная получила по нескольку штук, были среди них и запоздалые рождественские поздравления и вести из Америки. Сестра-хозяйка все раздала и стояла теперь с пустыми руками.

Некоторое время гости беседовали, потом опять заиграло пианино, а незнакомый инженер стал вдруг по памяти

читать стихи. Он это очень хорошо делал, его просили почитать еще и еще, пока он не исчерпал весь свой репертуар. Тогда он стал показывать карточные фокусы. Все только удивлялись, почему он не стал актером, и он сказал, что мечтал об этом, но... И ничего не добавил.

— Что ж, хороший инженер — это тоже совсем неплохо, — сказал адвокат, чтобы закрыть эту тему.

Потом все разошлись по своим комнатам.

Было около десяти часов вечера, время, когда буржуа обычно ложатся в постель. Фрекен д'Эспар вышла с самоубийцей прогуляться. Они дошли до первой скамейки и сели. Ей было бы любопытно узнать хоть что-нибудь о его поездке — где он был и как все прошло, — но он заговорил совсем о другом: о расширении санатория, о директоре гимназии Оливере, к которому он все еще чувствовал неприязнь, о ней самой. Видно, он испытывал к ней большой интерес, хотя и не расспрашивал ее ни о чем. Она была товарищем по несчастью, с ней, похоже, тоже что-то случилось. И с ней. Когда она стала рассказывать, что собирается переехать в дом Даниэля, он кивнул и выразил свое одобрение.

— Это не так уж плохо! — сказал он.

— Дело в том, что здесь, в санатории, мне так долго жить не по карману, — сказала она. — Даниэль отдаст мне целиком всю пристройку.

— Конечно, здесь дорого. Я тоже уже думал о том, что надо отсюда уезжать, переехать в какое-нибудь другое место, но...

— Не получилось?

— Нет. Я зря ездил.

Молчание.

— Но, быть может, следующая поездка к чему-то приведет. Не знаю, как сказать, но мне хотелось бы, чтобы вы не смотрели так мрачно... Ну да, на себя и на всех в целом.

Он удивил ее тем, что вдруг захотел поделиться с ней. Никто, кроме нее, не мог бы его подвигнуть на чистосердечный разговор. Но вот ее сочувствие, ее привлекательность, склоненная внимательно слушающая головка отомкнули его сердце.

— Я, собственно говоря, хотел поехать домой и посмотреть, что там. Ради этого я двинулся в путь. Но когда я уже стоял под окном, то вдруг передумал.

— Вот оно что, — сказала она, потому что не нашла никаких других слов в ответ.

— Я купил несколько астр, но, естественно, не послал их ей.

— Не знаю, — сказала она осторожно, — может быть, их все же следовало послать.

— Нет. Не хватает смелости что-либо сделать, ни плохое, ни хорошее.

— Я обратила внимание, что вы получили новогоднюю открытку.

— Да, — сказал он.

— Вот видите! Это, наверное, ответ на ваше рождественское поздравление.

Молчание.

— Это началось год назад. Или... Я уж точно не помню, но примерно год назад. Сперва я не верил. Ведь верить в такое — это уже само по себе подло, и я шесть месяцев не хотел верить, — сказал самоубийца.

Казалось, он хочет выговориться, рассказать без утайки все до конца, но ему это не удавалось. Он говорил медленно и бессвязно, он решил довериться, но был чересчур подавлен и с трудом выдавливал из себя какие-то обрывочные фразы. Фрекен д'Эспар нужно было обо всем догадываться. Что же он говорил? Говорил, что старался по возможности избегать их. Но теперь признавал, что это была неправильная тактика. Он шел к себе и ложился, вместо того чтобы требовать объяснений. Чего он этим достигал? Идти домой и лечь в такой ситуации не самая легкая задача на свете, поэтому он поворачивал назад и шел за ними, но бежать ему было стыдно, и он их очень скоро терял из виду. Дома он повесил на стену карту мира и мог рассматривать ее, лежа на постели, решал всякие математические задачи, которые сам себе задавал, читал книги, считал геометрические фигуры на обоях. В какой-то вечер ему сказали, что малышка заболела...

Самоубийца вдруг задумался и спросил:

— Как я сказал, когда это началось?

— Год назад, — ответила фрекен д'Эспар.

— Нет, я думаю, два года назад. Здесь скрывать нечего, ведь была малышка. Да, так вот, я слышу, что малышка больна. Что мне до этого! Но я иду к ней и гляжу на нее, я ее почти полтора года не видел, эту маленькую девочку. У нее болел живот, и она кричала, но ничего страшного. «Теплые шерстяные лоскуты на живот», — сказал я. Она лежала передо мной, маленькое личико, маленькие ручки, прелестное произведение искусства, не постыжусь сказать, трогательное существо. Но мне-то что до этого! К тому же надо сказать, что началось это раньше, чем два года назад, чего уж тут скрывать... «На шерстяной лоскут надо вылить не-

много постного масла, один кладите на живот, а другой тем временем грейте». Так мы и делаем, и все хорошо кончается: она перестает кричать, только иногда еще вздрагивает и в конце концов засыпает. У меня чувство, что я ее впервые вижу, и я постоял возле нее. Каким-то образом она схватила меня за палец и крепко держала, и я не знал, что мне, собственно говоря, делать. «Ее ведь не крестили, — сказал я себе, — как же ее звать?» Когда стало тихо, я услышал, что в соседней комнате перешептываются, потом упал и разбился стакан. Я гляжу на няню, а она на меня — ясно, что это не ее гости.

«Теперь вы знаете, что надо делать, — сказал я ей, — теплые шерстяные лоскуты с постным маслом, и все пройдет». Я снова вернулся в свою комнату, но у меня теперь уже не было сомнений насчет того, что меня позвали к ребенку, чтобы я узнал что-то совсем другое. Я полежал некоторое время, немного почитал и немного подумал. Вскоре я погасил свет и снова принялся думать. За последние шесть месяцев я не стал вялым и заторможенным, наоборот, был собранным, быстрым и легко сжимал кулаки. Я услышал какой-то грохот за домом. Няня снова пришла ко мне. «Что-то случилось, — говорит она испуганно, — на лестнице черного хода что-то упало». У меня в тумбочке лежит фонарик, чтобы ночью посмотреть, который час. Я беру его и иду на лестницу черного хода. Так и есть, он там лежит, но не умер и даже сознание не потерял, а просто мертвецки пьян. Я направляю на него свет фонарика и вижу, в каком он состоянии, он не в силах шевельнуться, лежит на полу и улыбается мне. «Убирайся!» — говорю я, подаю ему шляпу и помогаю пройти в дверь. Когда я снова поднимаюсь к себе в комнату, то чувю, что там кто-то сидит в темноте. Я слышу, как она что-то бормочет. Я зажигаю свет. Так я и думал — она тоже нетвердо стоит на ногах. Но она ведь не без памяти, она растрепана, и от нее пахнет вином. Что ей надо? Да, представьте себе, извиниться! «Я ясно слышала, что малышка плачет, но не решалась войти, потому что голова кружилась. Больше такого не случится, никогда». Но я не должен ее подозревать, не должен думать, что произошло худшее. Когда он попытался было, она ответила: «Нет, убирайся, я вижу, кто ты, я тебя знаю, ты не мой муж!» Все это она мне говорит, она одета как следует, а на мне еще только халат, и она меня просит снова лечь, а не сидеть и мерзнуть. И она все твердит без конца, что этого не должно повториться, избави Боже! Что я мог на все это сказать? Всему этому мож-

но было поверить, мне оставалось только выражать свой гнев, я был доведен до белого каления, а ей хотелось только извиниться и просить о пощаде. Кончилось все это, естественно, так же, как уже не раз прежде: она осталась у меня, и наутро все было забыто.

— Да, это ужасно, ужасно, — говорит фрекен д'Эспар так, будто это с ней случилось.

— Поймите меня правильно, — объясняет самоубийца, — в этой игре злобы не было. Злобы? Нет, ни капельки. Всегда думают иначе, но это глупо. То, что она делала, она делала вовсе не для того, чтобы меня мучить, просто она уступала, легче было уступить, чем сопротивляться. К этому надо еще добавить, что он был ее другом детства, и во все не пьяница, нет-нет, и нельзя сказать, что плохой. Он красивый, большого роста, но не очень умный. Собственно, им надо было быть вместе. Но тут появился я, мое положение в обществе было лучше, я мог ей создать дом. Знал ли я об их отношениях? Конечно, знал, но все же навязался, не буду себя обелять, я человек. Обдумайте, пожалуйста, всю эту ситуацию в целом. Причины сделать мне больно у них не было, и им это и в голову не приходило. Конечно, не стой я на их пути, им было бы лучше. Но я стоял, впрочем, тоже безо всякой злобы. Вот так. Но, с другой стороны, поставьте себя в мое положение: могло ли это продолжаться и дальше, разве не прошло шесть месяцев, прежде чем я решился в это поверить? Что произошло бы в тот вечер, если бы ребенок не заплакал и не помешал им? Все у них было обдуманно, разве они не могли бы молча соединиться? От этой мысли — от этого подозрения — легко задуматься и насчет ребенка. Я сказал вам «год», но это был самый невыносимый год, а вообще-то, не стоит скрывать, это началось больше чем два года назад, значит, давно, очень давно, — что мне до этого ребенка? Этот вопрос был самый серьезный из всех.

Самоубийца умолк.

Фрекен д'Эспар хочется его утешить.

— Нет, вы не должны так думать. Так скоро этого не делают, я в этом убеждена.

— Вы думаете? — спросил он заинтересованно.

— Да, обычно проходит год или два, а иногда и три, прежде чем что-то такое может случиться, это происходит оттого, что устаешь друг от друга или пресыщаешься — я хочу сказать, что это приходит само по себе, и усталость, и пресыщение, не из-за кого-то другого, а само по себе. Вы ее не спрашивали?

— Нет. Только намекнул. Но можно ли было ожидать от них правды? Ну, допустим, вы рассуждаете верно. Как же это происходит?

— Что вы хотите сказать?

— Нет, вы не желаете об этом думать, вы превращаете все это в обычную, будничную историю и не считаете, что стоит ее обсуждать.

— Вы спрашиваете, как это происходит? Я вас просто не понимаю. Человек есть человек, как вы сказали. Легко надоесть самому себе, и тогда себя как бы выкидываешь. Это ведь бывает, верно?

— Я тоже так думаю. Но как это происходит практически? Где кто находится? Борются ли они хоть немного? В темноте?

Фрекен д'Эспар пытается разглядеть его лицо, несмотря на тьму. Она молчит. Она не верит своим ушам.

Он отступает и больше вопросов не задает.

Фрекен д'Эспар поплотнее запахивает пальто, а он, увидев, что она собирается уходить, совсем сникает, как бы подчеркивая этим свою заброшенность, и говорит, упершись подбородком в грудь:

— Она мне ничего не пожелала объяснить, хотя я неотступно шел за ней из комнаты в комнату, я гнал ее и спрашивал...

— Вот этого я не стала бы делать на вашем месте, я не стала бы ее гнать.

— А она только твердила, что я сошел с ума. Мое поведение было безумным, но так легко можно было меня успокоить. Я был глупее всех диких зверей. Когда истекли шесть месяцев, в течение которых я не верил тому, что видел, наступили те месяцы, когда я поверил, вернее, однажды я вынужден был поверить. Да, во всяком случае, я так считал. Я почти не спал, проходили недели, я спал только в те часы, когда мы с ней находились вместе, в одной комнате. Я ее преследовал, шел по пятам и мог во всем убедиться. Думал, что мог. Один раз? Да что такое один раз! Ради такого пустяка я не стал бы выставлять себя дураком. Много раз, говорю вам! — воскликнул самоубийца, придя вдруг в волнение. — Всякий раз, когда давал себе труд идти за ними. Они не чувствовали мерзости происходящего, его подлости, они беззастенчиво глядели на меня, выходя вместе из кафе или театра. Я думал: это должно быть для них чем-то само собой разумеющимся, чем-то справедливым и правильным. Иначе я не в силах этого понять! И все получилось, как я и думал: она сказала мне прямо, что он ей нужен, он, и ни-

кто другой, что всегда был для нее только он и что я их разлучил! Моя тактика снова была неверной, я ответил. Ответил на обвинение, да, представьте себе, стоял и отвечал! Я сказал, что если бы она мне это сказала своевременно, то я оставил бы ее в покое! Лжи в моих словах как таковой не было, но мне следовало молчать. Я сильно облегчил ей игру: она сказала, тоже решив ответить, что все время пыталась дать мне это понять, но я то ли не хотел, то ли не мог этого услышать! Вероятно, и в этом лжи не было, это звучало очень правдоподобно. Вот что у нас получилось.

— А вы не думали о том, чтобы развестись?

— Конечно, думали, то хватались за эту мысль, то отказывались от нее. Я, со своей стороны, немного об этом думал, но она, может, была храбрее меня, я не знаю, я про это ничего не слышал. А когда я думал, то всякий раз приходил к выводу, что развод никак не решит вопрос, он только освободил бы нас от уз. Зачем ей развод? Она могла от него отказаться, во всяком случае, она о нем не упоминала. А у меня не хватало ни мужества, ни мужской твердости, чтобы его потребовать. В человеке столько ничтожного. Допустим, развод! Она уезжает и берет с собой все, что ей принадлежит: даже блузки не висит больше на стене. Я открываю ящики, и они все пустые. Я гляжу на зеркало в прихожей, на его полочке не лежат ни вуаль, ни пара перчаток. Если я куплю новое бриллиантовое колечко и положу на ее столик, его никто не возьмет. Нет, только не развод! Даже запаха ее не будет больше в доме, ни забытого слова, никакого следа, никакого намека, пустая комната. Было бы это лучше, чем то, что я имею сейчас? К тому же в моем унижении я не был всецело отторгнут от нее, а дверь никогда не запиралась, колечко тронуло ее до слез и объятий — мне бы от стыда сквозь землю провалиться, а я наслаждался этой минутой и сам плакал. Человек ничтожен. После сцены с кольцом мы вместе пошли в комнату малышки. На следующий день все было забыто.

Фрекен д'Эспар покачала головой.

— Все забыто. А могло быть иначе, все могло быть хорошо.

— Господи, — сказала фрекен д'Эспар, вид у нее был несчастный, — столько всего должно было бы быть иначе.

— Вы снова правы. Не исключено, что она, если бы я был другим, иначе выглядел и вел себя лучше, вернулась бы ко мне, а возможно, даже и не уходила бы. Все это так. А теперь поставьте себя снова на мое место, что со мной про-

исходит? Я не умер, и вот как обстоят мои дела. Пусть подлость моего поведения очевидна, но и его подлость не сокрыта от чужого взгляда, я мог бы на нее указать и ее зафиксировать. И длится все это уже больше двух лет.

— Что вы собираетесь сделать? — почти шепотом спросила фрекен д'Эспар.

— Ничего, — ответил он, — я не способен ни на хороший поступок, ни на плохой. Я поехал в Христианию, чтобы принять какое-то решение и положить всему конец, но потом отказался от этого. «Во всяком случае, это теплый дом для ребенка, — думал я, — там до обеда солнце во всех комнатах». Я никого не встретил и не вошел в дом, но вечером в квартире горел свет, только в моей комнате было темно, она с уважением отнеслась к тому, что я ее запер. Стояла тишина — ни веселых криков, ни звуков музыки не доносилось до меня.

— Только этого еще не хватало бы!

— Я и это ценю, я теперь довольствуюсь малым. Я им благодарен, что они не открыли мою комнату и не пользуются ею, от этого я чувствую себя немного менее бездомным. У меня в городе есть эта комната.

— Как вам, должно быть, неудобно, — сказала фрекен д'Эспар, потрясенная всем, что услышала.

Он, видимо, заметил, что слишком долго говорил и не сумел скрыть своего страдания, он перебарывает себя и встает:

— Уже поздно, и вы, наверное, замерзли, извините меня, я забылся.

— Вам нечего извиняться.

— Спасибо, но моя судьба не может быть интересной. К слову сказать, у людей бывает и хуже, моя судьба не самая плохая, у меня есть и много радостей.

— Надеюсь!

— Пойдемте, фрекен д'Эспар, уже поздно!

Когда они входили в дом, она повторила:

— Да, я в самом деле надеюсь, что у вас есть и много радостей. И Бог ты мой, все это может еще и наладиться, вы не думаете?

— Нет. Но, конечно, ручаться нельзя.

— Вы ведь получили открытку...

— Да, получил. Кто ее послал, как вы думаете? Мосс?

— Нет, может быть, вовсе не Мосс. Может быть, кто-то куда более приятный.

— Я сам себе ее послал, — сказал самоубийца.

В свете коридорной лампы она увидела его печальное лицо и поглядела ему в глаза. Он вынул из кармана открытку и показал ей: «Замок Акерхуз, поздравление с Новым годом!», а под этим его инициалы. Губы его дрожали.

— Я купил ее по дороге, — сказал он. — Я знал, что не получу никакой другой открытки, впрочем, это мне было безразлично. Я послал ее не ради себя, мне на такого рода вещи плевать, я сделал это из-за здешних гостей, чтобы они видели, что мне пришла открытка. Ну, вам пора лечь, фрекен д'Эспар, спокойной ночи!

Он повернулся и снова вышел в зимнюю ночь.

Утром стала распространяться новость, мрачная новость, звучащая как дурное предвестие. Началось это совсем рано, когда горничная вошла в комнату доктора с кофейником. Она вернулась в испуге и рассказала это своим подругам, и таким образом новость дошла и до некоторых гостей. Адвокат Рупп्रेхт немедленно встал и сделал обход всего санатория. Что же произошло? Нечто непонятное и пугающее, и это в первый день Нового года.

Когда адвокат прошел мимо инспектора Свендсена, который как раз собирался поднять флаг, он остановил его и сказал:

— Подождите, пока что не подымайте флага. Вы доктора видели?

— Нет, сегодня не видел. В кабинете еще горят лампы. Что, его там нет?

— Нет. Но давайте пойдем еще раз туда, посмотрим.

Доктора там не было. Из кабинета они пошли в комнату доктора, но и там его не оказалось. Одному Богу известно, где он мог быть. И это в первый день Нового года!

Многие гости поспешно встали и тоже приняли участие в поисках доктора. Выяснилось, что доктор собирался испробовать ночью на горном озере свои новые коньки; тогда несколько человек побежали на каток, чтобы его поискать, и увидели на дороге даму. Это была фрекен Эллингсен, которая пошла туда раньше их и повстречалась им на обратном пути. В руке у нее была длинная деревянная палка. Они спросили ее, не видела ли она доктора, и она ответила, что нет. При этом она с мрачным видом покачала головой и добавила:

— Но я там обнаружила множество прорубей, сделанных, видно, для рыбной ловли, и одна из них не затянута льдом.

— Вот как... И что же вы думаете?

— В одной лед пробит, — она снова кивнула, — и это случилось сегодня ночью.

— Неужели возможно, что он... Да что вы говорите!

Они побежали дальше, чтобы обследовать прорубь, а фрекен Эллингсен продолжила свой путь домой. Она шла в глубокой задумчивости, да, фрекен Эллингсен всецело погрузилась в свои мысли, эта открытая прорубь на ледяной поверхности озера напомнила ей английские *short stories*¹, ночную трагедию, она себе уже все представила.

Когда она вошла в дом, вокруг нее столпились люди, потому что она побывала на месте происшествия и могла дать самую свежую информацию. Она говорила сдержанно, но вместе с тем впечатляюще, давая понять слушателям, что можно опасаться самого худшего.

— Только бы не случилось несчастья! — воскликнул адвокат. — Вы говорите, что прорубь открыта?

— Открыта. Лед, которым она затянута, был этой ночью сломан.

— Это проруби, которые проделал Даниэль, чтобы удить рыбу, — объяснил инспектор.

— Разве ночь была не лунной? — спросил кто-то.

— Нет, — сказал инспектор. — И зачем он пошел в такую темень на лед! Это какая из прорубей, фрекен Эллингсен?

— Та, что ближе всего к ручью, у его впадения в озеро.

— Там как раз лед слабее всего. Мы там воткнули палку, чтобы предостеречь людей.

— Вот эта палка, — сказала фрекен Эллингсен. — Она лежала на льду, и я взяла ее с собой.

— Зачем? — спросил Бертельсен.

Она ответила ему — ему одному, и, возможно, она все это время говорила только для того, чтобы привлечь его внимание:

— Вполне возможно, что ее надо будет обследовать.

— Палку? — с крайним удивлением переспросил Бертельсен.

— Ну чего мы здесь стоим и болтаем, — прервал этот разговор адвокат. — Свендсен, возьмите людей и отколите лед вокруг этой проруби. Боже праведный, только бы не случилось несчастья!

— Я хотела бы сказать вам несколько слов у вас в кабинете. И вы, Бертельсен, будьте добры, пойдите с нами.

¹ Короткие рассказы (англ.).

У Фрекен Эллингсен было какое-то важное сообщение, в этом сомневаться не приходилось, у нее был не свойственный ей сосредоточенный вид.

Адвокат вошел к себе в кабинет первым.

— Садитесь, пожалуйста, Фрекен Эллингсен. Вы хотели мне что-то сказать?

Фрекен Эллингсен получает слово, она подробно рассказывает, что обнаружила, щеки ее горят. Бертельсен, который не раз слышал ее выдуманные рассказы, сперва изображает полное равнодушие к ее словам, но, видя, сколь серьезно то, что она говорит, становится все внимательней.

— Мы уже знаем, что ночью небо было затянуто тучами, а значит, лунный свет не освещал катка. Я сама осмотрела прорубь и установила, что, судя по ее размерам, человек, мчащийся на коньках, вполне может в нее провалиться. Но я пока еще не утверждаю, что несчастье случилось.

— Конечно, нет. Но что вы хотите этим сказать? — нетерпеливо спрашивает Бертельсен.

Она обращается к нему:

— Вы меня спросили, почему я взяла эту палку? Я принесла ее сюда, потому что ее, возможно, придется послать на химический анализ. На ней следы чего-то, похожего на кровь.

— Кровь?

Она указывает на красноватые пятна на конце палки, и они не знают, что и подумать. Да, это, бесспорно, кровь. И тогда Бертельсен спрашивает:

— Ну и что, если это кровь?

— Тогда можно предположить, что эта палка послужила орудием.

— На доктора, по-вашему, было совершено нападение? Нет, это маловероятно!

Фрекен Эллингсен молчит. Она держится очень естественно, делает усилие, чтобы решить стоящую перед ней задачу — они это видят, — борется за это решение, напряженно думает.

— Господи, да кто бы это мог напасть на доктора? Милейший человек, у которого здесь были только друзья.

— А все же кто-то мог это сделать.

— Вы кого-то конкретно подозреваете?

— Да, — отвечает она, — подозреваю одного человека.

— Кого?

— Мне не хотелось бы этого говорить, еще мало улик. Но если это останется между нами...

— Само собой! — восклицают оба собеседника и с напряжением ждут ее ответа.

— Я не могу утверждать, что он это сделал, — говорит она тихо, но со значением, — но все же подозреваю одного человека... Того, кого мы называем между собой самоубийцей. У меня есть на то свои основания.

Молчание. Серьезность, с которой фрекен Эллингсен говорит, производит впечатление. Они смотрят на нее и думают.

— Что могло его на это толкнуть? — спрашивает Бертельсен.

— Душевнобольной человек.... в момент безумия... разное может прийти в голову...

— Да, в этом смысле фрекен Эллингсен права. Вы сказали, что у вас есть основания его подозревать. Какие?

— Есть некоторые улики. Я слышала, как он поздно вечером говорил в холле с фрекен д'Эспар. Она сказала ему «спокойной ночи» и одна поднялась по лестнице, а он снова вышел из дома в ночь.

— Да, что и говорить, это странно. Вы в этом уверены? Фрекен Эллингсен только кивает.

— Но есть и более серьезная улика: я вернулась с катка.

— Ну и что?

— А то, что я побывала первой, раньше всех остальных, на том месте, где все произошло. И там я нашла... я нашла...

— Что вы нашли?

— Вот что, — почти шепотом говорит фрекен Эллингсен и показывает астру самоубийцы.

Никто не произносит ни слова. Здесь есть над чем подумать. Так проходит несколько секунд, а потом фрекен Эллингсен спрашивает:

— Узнаете? Помните, в чьей петлице она красовалась вчера вечером?

— Да, — говорят они.

— Я нашла ее на льду вблизи проруби. Ее потеряли сегодня ночью.

И адвокат и Бертельсен не сомневаются, что видели эту жалкую астру на груди самоубийцы. Бертельсен обратил на нее внимание, когда сестра-хозяйка подозвала самоубийцу к лампе, чтобы вручить новогоднюю открытку. В тот момент он прекрасно разглядел этот увядший цветок.

— Что это та самая астра, не может быть сомнений, — говорит адвокат. — Тут все ясно. Я просто восхищен вами, фрекен Эллингсен, что вы смогли все это обнаружить, что сопоставили столь разные обстоятельства.

— Она и не такое может, — восклицает Бертельсен. — Уверяю вас, она настоящий детектив. Дайте ей обрывок нитки или окурок — и она раскроет все преступление.

Фрекен Эллингсен счастлива, о таком признании она и не помышляла, она наклоняется вперед, чтобы скрыть свое волнение.

— Во всяком случае, — говорит она, все еще в плену своей версии, — во всяком случае, самоубийца — последний, кто видел доктора. Он сумеет нам что-то сказать.

Однако напряжение, в котором они находились, постепенно ослабло, нападение на доктора им снова стало казаться маловероятным, почти исключенным. Но, с другой стороны, кто знает, ведь на палке следы крови, это уж точно. Они попросили фрекен Эллингсен деликатно поговорить с самоубийцей, по мнению адвоката, никто лучше ее с такой задачей не справится. Но даже после того, как они перестали совещаться и разошлись, адвокат все еще не терял надежды найти своего компаньона. Он даже поручил горничной, которая повстречалась ему в коридоре, еще раз зайти в комнату доктора, хотя он сам уже не раз там был.

— И поглядите на всякий случай под кроватью, — крикнул он ей вдогонку.

А сам адвокат пошел на каток.

Разговор фрекен Эллингсен с самоубийцей ничего не дал, он не видел доктора. Он рассказал ей, что выходил ночью прогуляться, это было уже далеко за полночь. Вернулся домой в час, а может, и в два часа. На катке он был, потому что доктор звал его, но, видимо, он пришел слишком поздно, во всяком случае, доктора там не было.

— Вы видели, что у устья ручья торчала палка? — спросила фрекен Эллингсен.

— Палка? Нет. А почему вы спрашиваете?

— Похоже, что на ней след крови.

— Вот как, — отозвался самоубийца безо всякого интереса. — Впрочем, я не верю, что доктор что-то с собой сделал. Он — ветрогон.

— Я нашла цветок, который был у вас вчера в петлице, я нашла его сегодня утром на катке.

— Вот как, — снова повторил самоубийца. — Да, он уже никуда не годился, он свою службу сослужил.

Нет, у самоубийцы выведать ничего не удалось, вернее, он сам чистосердечно все рассказывал, не делая ни из чего тайны. В конце концов он перестал внимательно слушать то, что говорила фрекен Эллингсен, но несколько раз повторил, что доктор наверняка еще появится.

Все собрались на обед. Но ели молча. Первый день нового года тянулся бесконечно долго, не было ни флага, ни музыки, ни смеха, ни радости, и санаторий, должно быть, понес большой денежный урон. После обеда настроение у людей несколько поднялось, потому что инспектор Свендсен с помощниками откололи лед от проруби до места впадения ручья, но утопленника не нашли. Доктор, во всяком случае, не утонул. Эта весть обрадовала всех, кто был в санатории, и фрекен Эллингсен, надо думать, тоже, но она почему-то поднялась к себе в комнату, кинулась на кровать и заплакала. Ах, бедная фрекен Эллингсен, казалось, все при ней: и рост, и красота, — но она начиталась детективных романов, это бесплодное чтение возбудило ее фантазию, и она не могла пережить еще одного поражения, на этот раз ей надо было во что бы то ни стало победить, оказаться правой в своем предположении, она была не глупа, она прекрасно понимала, что победа была бы Божьим благословением, потому что решалась ее судьба. Где в эти минуты находится Бертельсен, не атакует ли он другую даму? Почему все так получается? Если бы обнаруженные ею улики вели по правильному пути, у нее могла быть надежда, но, судя по всему, это не так. Самоубийца не делает никакой тайны из своей ночной прогулки, потерянной астре он вообще не придал никакого значения, а адвокат Руппребхт, придя с озера, сказал ей:

— На вашей палке, видимо, рыба кровь, вокруг той проруби, где Даниэль ловил рыбу, много крови.

И фрекен Эллингсен не могла этого отрицать, ей пришлось так ответить:

— Да, вполне возможно, что это рыба кровь, анализ ответит на этот вопрос.

Но она, конечно, чувствовала себя низвергнутой с той высоты, на которой в какой-то момент оказалась, она плакала и к обеду не явилась.

Хотя было более или менее ясно, что доктор не утонул, найти его не могли. Где же он был? Все как раз собирались отправиться на поиски, когда по санаторию разнеслась сенсационная вест: из дальней комнаты, где никто не жил, где не было еще ни печки, ни мебели, даже кровати, там стояла только какая-то раскладушка, раздался звонок. А когда горничная туда побежала, чтобы понять, что это за таинственный звонок, она увидела его, увидела доктора, доктора Эйена.

— Господи, что это? — крикнула она.

— Молчите, — сказал он ей с раскладушки, — сходите за адвокатом.

Горничная пошла за ним, но решила, что доктор сошел с ума, а под глазами у него были страшные синяки.

Когда адвокат вошел в комнату, он всплеснул руками и хотел было тут же задать несколько вопросов, но не стал этого делать, потому что доктор, судя по его виду, вряд ли был в состоянии что-либо объяснить.

— Вы здесь лежите? — вот все, что смог выдавить из себя адвокат, на что доктор ответил:

— Меня надо куда-то перенести.

Он лежал, прикрывшись курткой, его трясло от холода, он был болен. Из его промокшей одежды и ботинок на пол натекла вода, у раскладушки валялись коньки, а сквозь пыльное окно без занавесок сочился скудный свет. Какое убожество, какая безысходность! И он тут лежал!

— Швейцар сильный, он сможет меня перенести, — сказал он.

— Мы понесем вас прямо на раскладушке, — сказал адвокат.

— Нет, тогда все это увидят. А швейцар может со мной подняться по лестнице черного хода.

И его понесли. Сперва в его аптеку, где он принял какие-то капли, а потом в его комнату. Дважды пришлось пересекать двор, но швейцар нес его. Затопили печку, ему согрели простыни, к ногам положили бутылки с горячей водой, напоили горячим. Он сказал, что чувствует себя лучше.

Адвокат стал ему осторожно задавать вопросы, чтобы понять, что произошло. Он говорил довольно бессвязно, но все же стало ясно, что он повел себя крайне легкомысленно. Конечно, его угораздило провалиться в рыболовную прорубь, но вместо того, чтобы тут же побежать домой и лечь поскорее в постель в своей теплой комнате, он решил скрыться от людских глаз, чтобы утаить, что упал в воду.

Отчаянная душа! Он опасался, видно, испугать гостей, а может, хотел показать, что он сам — врач — может зимней ночью окунуться в ледяную воду, не причинив себе этим никакого вреда. Но вот тут-то он как раз и ошибся. Когда адвокат дал ему понять, что в санатории возникла большая тревога, доктор очень огорчился.

— Что говорят наши гости? — спросил он. — Смеются?

Он объяснил, что забрел в эту нежилую комнату, чтобы спрятаться, и собирался рано утром, когда его одежда немного подсохнет, встать и пробраться к себе в комнату, но не смог этого сделать, потому что ему стало плохо, очень плохо...

Вообще он воспринимал ночное происшествие как нечто постыдное.

— Я что-то ничего не могу понять! — признался в конце концов адвокат и покачал головой.

— Все произошло из-за того, что было очень темно, луна не светила, — сказал доктор.

Таково было его искреннее мнение. Но на самом-то деле случившееся можно, скорее, объяснить тем, что за годы учебы он никогда не попадал в такого рода ситуации и поэтому не имел ни малейшего понятия, как в таких случаях надо себя вести. Изучая медицину, он потерял свою личность, от него как бы ничего не осталось, и он наверняка считал, что все хорошо придумал. Он остался мальчишкой, ребенком, выдержавшим экзамены! Этому человеку, видит Бог, не хватало жизненного опыта, он не успел обрести форму, а ведь что-то в нем было, он мог бы кем-то стать. И вот он выкинул чисто юношеский фортель, вздумал скрыть, что провалился в ледяную воду, спрятавшись в каком-то подобии чулана. Даже дикая, недрессированная обезьяна повела бы себя иначе.

— Теперь я хочу поспать. Но почему здесь так холодно?

Адвокат посмотрел на термометр:

— Здесь больше двадцати градусов. У вас, видно, высокая температура.

— Ну, раз здесь больше двадцати градусов, значит, не холодно. Сейчас я немного посплю, а к ужину встану.

Адвокат был рад, что его компаньон снова заговорил разумно, он сообщал эту новость со всеми необходимыми объяснениями всем, кого встречал, и велел поднять флаг. Правда, уже близился вечер, но все же это был первый день нового года.

Однако, как это ни странно, поднять настроение оказалось труднее. Теперь уже как будто не было никаких причин вешать головы, но гости как-то притихли, жуть, сковавшая их утром, никак не проходила. Один из них вышел во двор, а вернувшись, рассказал, что инспектор просто замучился с флагом, он поднял его до половины флагштока, а дальше — ни с места, ни вверх не ползет, ни вниз! Этот рассказ произвел впечатление в гостиной, заставил задуматься. Может быть, флаг, поднятый лишь на половину флагштока, это какое-то знамение?

— Спустите его вниз! — крикнул адвокат с веранды.

— У меня не получается! — прокричал в ответ инспектор.

— Тогда повалите флагшток на землю.

Так и сделали — он лежал без флага на снегу, и никто не пытался его снова установить.

Адвокат был крайне раздосадован всем, что случилось, и удивляться тут было нечему. Он обратился к директору гимназии Оливеру и стал жаловаться на свои обстоятельства, но директор Оливер отнесся ко всему с полным равнодушием. Ободрять и утешать не было его профессией, его профессией было учить, и он чувствовал себя весьма одиноким без учеников, без слушателей. Даже фрекен д'Эспар не искала больше его общества, видимо, она была занята своими делами. Директор Оливер ответил адвокату односложно. «В чем же здесь дело? — уже в который раз спрашивал себя самого адвокат. — Почему наш дом, где полным-полно народу, кажется вымершим?»

— Разве прежде не случалось, чтобы канат, на котором подымается флаг, защемлялся сочленением флагштока и тем самым все блокировалось? Все же трудно допустить, что небо посылает нам знамение, когда доктор Эйен простужается, не так ли, господин директор?

— Да, это просто невероятно, — ответил директор гимназии.

Адвокат попросил инженера что-нибудь придумать, чтобы поднять настроение гостей. Инженер не отказался, он уже однажды здесь выступал — и умел это делать: он затевал разные игры, пародировал известных актеров, увлек молодежь «жмурками» и даже пел негритянские песни. В самом деле, он не щадил себя, во время игры в «жмурки» он просто не знал удержу, плясал, проделывал всякие фигуры, кричал разными голосами, изображая дурака, и в конце концов разыграл целую комическую сценку — он сетовал и убивался по поводу несчастного случая, который не произошел, — и все это с завязанными глазами. Корреспондент трех газет заверила всех присутствующих, что в инженере пропадает большой актер, о чем она обязательно напишет в своем следующем «Письме с высокогорного курорта». Но не все присутствующие разделяли восторг корреспондентки, многие сидели с хмурыми лицами, черт его знает, что это на них нашло, идти кататься на коньках или санках они тоже не желали, они сидели в гостинной и безучастно глядели на то, как инженер из кожи вон лез, чтобы восстановить веселье.

Вскоре стало известно, что доктор чувствует себя хуже, и адвокат позвонил в селение, чтобы вызвать врача. Трудно было позвонить так, чтобы никто этого не слышал, а адвокат, возможно, был несколько неосторожен, когда сказал:

— Только бы это не был тиф!

Эти слова вмиг облетели санаторий. Многие гости решили прервать здесь свое пребывание и на следующий день, второй день нового года, уехать. Большая денежная потеря для санатория. Господин Руд тоже тайно сложил свой маленький чемодан.

Приехал врач из селения. Воспаление легких. Оставил капли и микстуру и уехал. Он приехал на следующий день и увидел, что пациенту стало хуже. На третий день доктор Эйен умер.

Что за Новый год!

Самоубийца не мог упустить такого удобного случая высказать то, что у него было на душе. И стал уверять, что это еще далеко не конец!

— Жизнь — дешевый товар для смерти, — сказал он, — она уже выбрала среди нас следующего.

Несколько дней подряд он старался заразить гостей своим ощущением обреченности, он говорил о себе и о них как «о тех, кто пока еще живы».

Многие уехали: корреспондентка, господин Руд, инженер и молодежь обоего пола. Ничто их здесь больше не удерживало, они не прошли и половины своего жизненного пути, и у них не было никакого резона смотреть, как прибудет гроб для доктора Эйена, как в него положат труп и как его увезут. Руд, не таясь, сообщил, что у него есть и другие дела, что он не может так надолго бросать свою лавку.

— Что касается акций, — сказал он адвокату, — то я теперь точно узнал, что они депонированы и Бертельсен не может их продать.

— Вот как, — сказал в ответ адвокат, не желая входить в более подробное обсуждение этого вопроса.

— Но вы можете выкупить их в банке по тому курсу, о котором мы с вами говорили, — продолжил Руд, — конечно, только в том случае, если вы заплатили страховку за санаторий.

Да, слов нет, Руд во все совал свой нос, вряд ли адвокат жаждал вступить с ним в более тесные отношения. Что он выиграет, если этот человек вместо Бертельсена займется делами санатория? Нет уж, благодарствуйте. Кроме того, Бертельсена удалось как следует осадить, адвокат не хотел его больше унижать.

Директор гимназии Оливер не уехал, так же как Бертельсен, фру Рубен и фрекен Эллингсен. Адвокат Руппрехт, директор санатория, не мог покинуть свое любимое детище до того, как все снова будет приведено в полный порядок.

Сейчас он был занят тем, что повсюду звонил и телеграфировал в поисках нового врача для санатория.

Следующим больным оказалась фру Рубен. Можно было только удивляться, что эта дама еще жива, потому что она ничего не ела, не пила, поддерживала жизнь только пилюлями. Видно, в ней таилась могучая сила сопротивления. Что это за пилюли? Мистические пилюли, фру Рубен получала их из Лондона и тщательно прятала после каждого приема. Старая санаторская горничная видела такие же коробочки с пилюлями у миледи. Видно, у фру Рубен с англичанкой отношения были более тесными, чем могло показаться.

Бедная фру Рубен, она заболела и слегла — почему это случилось, не совсем было ясно, но, возможно, просто из-за того, что в сочельник, наперекор своей привычке, она досыта наелась. Ее мучили боли, она лежала, выражение ее глубоких прекрасных глаз было чужим. О том, чтобы вызвать врача из селения, она и слышать не хотела, она уверяла, что на следующий день встанет. Однако встать она не смогла, ей было нехорошо, но она стояла на своем. По почте ей прислали две пары остроносых сапожек из материи и лака, чтобы она их померила и выбрала. Фру Рубен и надеяться не могла, что ее косолапые ноги в них влезут, но решила их не убирать — пусть все думают, что это ее номер. Когда к ней в комнату зашел новый доктор, они стояли на туалетном столике.

Да, в санаторий приехал новый доктор, и его появление стало событием для гостей «Торахуса». Они впервые увидели его во время обеда: он был близорук, долговяз и очень худ. Когда он склонял голову над тарелкой, казалось, он тянет шею через балконную изгородь, чтобы посмотреть на улицу. У него была приятная улыбка и умное, волевое лицо. Он только начинал свою практику, но его не следовало недооценивать, его отец был доктором, и он сам был рожден стать врачом.

Войдя в комнату к фру Рубен, он вежливо поздоровался, представился ей и спросил:

— Вы здесь, в горах, носите такие сапоги?

Потом он заметил коробочку с пилюлями, угол которой торчал из-под подушки, вытащил ее, прочел название, открыл ее и спросил:

— Зачем вы это принимаете?

Фру Рубен охотнее всего вырвала бы у него из рук эту коробочку. Не скрывая досады, она ответила:

— Я их не принимаю... почти не принимаю...

Доктор встал, ни слова не говоря, запер дверь комнаты, откинул с фру одеяло и сказал:

— Повернитесь, пожалуйста!

Закончив осмотр, он спросил:

— У вас есть еще коробки с этими пилюлями?

— Не знаю. Скорее всего, нет. А что?

— Я не химик, но не думаю, что эти пилюли возбуждают у вас аппетит.

— Я ем, сколько могу, — ответила она.

— Конечно. Но вы должны больше есть, у вас не должно появляться отвращение к еде, — сказал доктор и сунул коробочку с пилюлями в карман.

XII

Доктор поздоровался с каждым больным в отдельности и расспросил о его болезнях. Бертельсен был совершенно здоров, он находился здесь как гость и очень заинтересованно стал спрашивать о состоянии здоровья фру Рубен. Он объяснил доктору, что приехал сюда вместе с ней и не может без нее уехать. Фрекен Эллингсен услышала это и весьма выразительно на него посмотрела, но Бертельсена это ничуть не тронуло.

— А я-то думала, что вы со мной приехали, — грустно пошутила она.

— А вы здесь в связи с чем? — спросил доктор.

— Я тоже вполне здорова. К тому же я завтра утром уеду.

— Конечно, я остаюсь не только ради того, чтобы подождать фру Рубен, — сказал тогда Бертельсен. — Вы же знаете, фрекен Эллингсен, что я заинтересован в делах санатория, в этой связи мне еще кое-что надо здесь уладить.

На следующий день фрекен Эллингсен уехала, уехала одна. Она, видимо, поняла, что надеяться ей больше не на что.

— Я очень скоро последую за вами, — сказал ей Бертельсен. — Но нам надо еще решить вопрос о том, когда начать весной строительство.

Каким-то образом Бертельсен получил разрешение навестить утром фру Рубен. Он выразил ей свое сочувствие, утешал, как мог, и дал понять, что разделяет ее страдания. Она начала понемногу есть и стала лучше спать, вполне оживленно говорила с Бертельсеном, шутила и была с ним весьма любезной, они приятно провели этот час вместе. Он вышел из ее комнаты в прекрасном настроении. И вдруг увидел, что на полу, прямо перед ним, носовой платок фрекен Эллингсен, белоснежный и ни разу не употребленный. Он поднял его и отнес хозяйке:

— Посмотрите, что я нашел: ваш платок, вот ваша монограмма. Он такой белый и невинный, можно подумать, что мне его нарочно положили под ноги.

— Нарочно?

— Я шучу, фрекен Эллингсен! Вы, я вижу, уже собрались в путь. Я погляжу, как вы будете садиться в сани. Привет городу!

Она казалась совсем беспомощной, возможно, она и в самом деле нарочно обронила свой платок у дверей комнаты фру Рубен, когда услышала, что там сидит Бертельсен, ничего лучшего она не могла придумать. Конечно, ей нелегко далось решение расстаться сегодня с Бертельсеном, ведь это значило расстаться окончательно, раз и навсегда. Но, с другой стороны, что могло у них получиться? Разве не было очевидно, что он потерял к ней интерес, стал равнодушен? Этот эпизод ее жизни кончился столь же бесплодно и неожиданно, как те детективные истории, которые она рассказывала. Фрекен Эллингсен была, как мы знаем, высокая, стройная и красивая и могла бы чего-то добиться, у нее были и чувства, и фантазия, но она ими плохо пользовалась: чувства тратила как дура, а фантазия расходовалась на рассказы, на всякие нелепые выдумки. Она была не в силах удержать торговца древесиной Бертельсена, и ей пришлось в конце концов от него отказаться. А что ей еще оставалось? Она надоела бы ему до смерти, одно и то же и днем, и ночью...

Обходя всех живущих в санатории, доктор дошел и до самоубийцы. Видимо, он кое-что о нем уже слышал и был соответственно настроен, а может, он был в курсе его истории еще по Христиании, Бог его знает.

Самоубийца посмотрел на него с наглым видом и спросил:

— Вы сюда приехали, чтобы найти себе в горах подходящее место для могилы?

Доктор на это сказал:

— Тяжелая зима. Вы здесь единственный, кто разумно одевается, как я вижу.

— Постоянно увозить отсюда трупы весьма накладно, — гнул свое самоубийца. — Я могу вам показать местечко, где нас, пока еще выживших, можно будет похоронить.

— Если у вас есть время, я хотел бы посмотреть на него, — сказал доктор.

И они тут же пошли. Но самоубийца явно не был готов к тому, чтобы его так поймали на слове, он стал сомневаться,

в каком направлении идти, был в нерешительности, в лесу остановился, постоял немного и в конце концов сказал:

— Это просто нелепость с вашей стороны — провожать меня. Пошли назад! — Самоубийца был явно недоволен и продолжил: — Ваша решимость идти со мной была чисто показная.

Доктор глядел на него и слушал.

— Думаете, я не понимаю: вы смотрите на меня и, так сказать, обследуете. Я уже сказал вам, пошли домой!

На обратном пути доктор спросил:

— С каких пор вы здесь?

— Со дня творения. С того дня, как открылся санаторий.

— И чего вы ждете, так долго живя в горах?

— Я долго не жду, решительно не жду ничего долго. А вы сами зачем сюда пожаловали?

Молчание.

— Я спрашиваю не для того, чтобы доставить вам неприятность, а чтобы разобраться, — продолжил самоубийца. — Смерть здесь прекрасно справляется и без вашей помощи.

— Почему вы дуете на пальцы?

— Вы заметили? Выдающаяся наблюдательность! Я дую, чтобы их согреть.

— Не хотите ли зайти ко мне и выпить коньяку с сельтерской? — спросил доктор.

— Что? Да, охотно, — сказал самоубийца несколько растерянно.

Когда они уселись у доктора, каждый со своей рюмкой коньяка с сельтерской в руке, самоубийца почувствовал себя легко и свободно и начал говорить вполне разумно. Доктор стал его расспрашивать о санатории и о его постояльцах и получил довольно уклончивые ответы. Вдруг самоубийца протянул ему свою руку и спросил:

— Вы спрашивали, почему я на нее дул? Поглядите, что вы скажете об этой ранке?

— Это даже не ранка, — сказал доктор.

— А что же это?

— Ничего!

— А вдруг это проказа?

Доктор усмехнулся:

— Чушь! Вы просто расцарапали себе кожу.

— Могу я за это что-нибудь получить?

— Да, еще один коньяк с сельтерской.

Самоубийца явно почувствовал облегчение, узнав правду о своей ранке, и за второй рюмкой его настроение стало

лучше, чем за все последнее время. Доктор рассказывал всякие истории, он был совсем молодой врач и еще помнил все интересные случаи из своей практики. В частности, он рассказал, как его вызвали к женщине, которую высекли, в результате чего ее задница была вся в синяках и кровоподтеках.

— В самом деле? — переспросил самоубийца.

— Это была совсем молодая женщина, красивая и, видимо, несколько легкомысленная. Муж был тут же, в комнате, и во время осмотра объяснил, как это случилось, и показал камышовую трость, которой пользовался для экзекуции.

— Так это муж?..

— Всыпал? Да, муж. Она начала себе чересчур много позволять, пытаясь всецело подчинить его своей воле, обращалась с ним как с дурачком, завела себе любовника.

— Какое мне дело до этого мужа и его жены? — спросил самоубийца с каким-то подозрением.

— Простите, не понял...

— Почему вы мне это рассказываете?

— Комичный случай. Мне довелось лечить жене задницу, а муж лечил ее своеволие. Нет, вы правы, что нам до этой пары? Но как говорят...

Молчание.

— Ваша история к тому же неинтересна. Он ее вылечил, говорите вы?

— Еще как! Я потом встречал этих людей, они счастливы, у них теперь двое детей. Все воскресные вечера проводят вместе.

— Великолечно! — воскликнул самоубийца. — Пусть и дальше так живут!

— У меня было немало такого рода случаев, — тихо сказал доктор, словно обращаясь к самому себе. — Не будь их, визиты к больным были бы очень скучны.

А самоубийца тем временем позабыл про подозрительность, в нем пробудилось любопытство и даже какая-то наивность:

— Меня заинтересовали те муж и жена, о которых вы рассказали. Что это были за люди?

— Из ремесленников. Муж — кузнец.

— Ах вот как! — разочарованно сказал самоубийца. — Кузнец и его жена.

— Вот именно. Конечно, трость — средство, пригодное не для всякой среды, средства надо выбирать индивидуальные, иногда, например, это могут быть даже цветы.

— Каждый может стать несчастным от применения силы в своем доме, — пробормотал самоубийца и стал внимательно изучать стены комнаты.

Доктор ответил рассеянно, словно погруженный в воспоминания:

— Да, так оно и есть. Я сам однажды едва не воспользовался тростью.

— Вы женаты? — спросил самоубийца с напряженным интересом.

— Нет, — с улыбкой ответил доктор и замолчал.

Но самоубийца проявил нетерпение, он не сводил с доктора вопросительного взгляда.

— Нет, это была моя домоправительница, — сказал доктор. — Она не походила на ту жену кузнеца, но была тоже девушкой из народа, тоже с сумасшедшинкой, но и со многими хорошими качествами.

— Всего лишь домоправительница! — снова разочарованно воскликнул самоубийца.

— Она была молода и красива, с великолепной фигурой, замечательно играла на пианино и гитаре, была очень музыкальна.

— И все же...

— Я был в нее влюблен.

— Ну, это дело другое, — сказал самоубийца. — И она смогла вас довести до того, что вам захотелось прибегнуть к трости?

— Да, после того как с цветами ничего не получилось. И с подарками тоже. Надо же найти какое-то средство, верно?

— Я в этом ничего не понимаю.

— И все же... При полной беспомощности необходимо за что-то ухватиться. Нет, конечно, будь это жена, ваша жена или моя, и человек из нашей среды, то можно было бы все решить по-хорошему. Но вот домоправительница! Вы, видеть, тоже не женаты? — спросил доктор.

— Я? Женат? Нет.

— Нет? Я так и думал.

— Не такой же я дурак! — сказал самоубийца.

Доктор посчитал, что в известном смысле он прав, они продолжали обсуждать этот вопрос и все же пришли к выводу, что избежать брака трудно.

— Ну, так чем же дело кончилось с той девушкой? — спросил самоубийца. — Вы достигли того, чего хотели, без трости?

— Нет, — ответил доктор, — не достиг — еще нет. Я нашел другой выход — приехал сюда. Согласился быть врачом в этом санатории.

Долгое изумленное молчание.

— Очень интересно! — Самоубийца кивнул. — А если и это не поможет?

— Тогда поступлю как кузнец, — твердо сказал доктор.

Разговор с доктором произвел, видимо, на самоубийцу впечатление, он его обдумывал и время от времени посмеивался про себя. Но это состояние длилось недолго, вскоре он снова превратился в того мрачного, озлобленного фантазера, каким был до того. Он стал искать фрекен д'Эспар, но ему не повезло — он нашел ее в курительной комнате в обществе директора гимназии Оливера, и ему неизбежно пришлось вступить с ним в разговор. Сперва он сказал, чтобы быть любезным:

— Приветствую коллегию!

Оба не привыкли слышать от него остроты, поэтому растерялись и промолчали.

— Несколько дней назад я обратился к новому доктору по поводу вот этой ранки, — сказал он фрекен д'Эспар.

— И он вам дал что-нибудь? — спросила она.

— Да, две рюмки коньяка с сельтерской.

— Две что?

— Две рюмки коньяка с сельтерской. У него вообще редкие лекарства. Он прибегает, например, к испанским камышовым тростям.

— Вы, наверное, хотите сказать, к испанским мушкам? Но это не редкое лекарство.

Самоубийца не удостоил его ответом.

— Иногда он пользуется и цветами. Весьма оригинальный человек.

Директор гимназии хотел проявить дружеские чувства и подхватил:

— Да, цветы могут быть иногда весьма полезны.

Самоубийца снова пренебрег им, но фрекен д'Эспар кивнула и сказала:

— Да, это точно.

— Что точно? — спросил самоубийца. — Что цветы полезны? С тем же успехом больным можно прописать пуговицы, перламутровые пуговицы, роговые, цинковые, не правда ли?

Все смеются.

Директор гимназии снова становится важным, он больше не намерен болтать всякий вздор.

— Я собираюсь завтра прервать мое здесь пребывание.

— Ах, уже завтра? — воскликнула фрекен д'Эспар.

— Завтра я уеду. А вы когда, фрекен д'Эспар?

— На этих днях, в один из ближайших дней.

— А вы, молодой человек?

На этот прямой вопрос самоубийца отвечает неохотно.

— Я не уезжаю.

— Вот как? У вас нет обязанностей, которые вас призывают?

— А у вас есть, если я вас верно понял?

— Конечно, есть. Надеюсь, вы не будете этого оспаривать? — с улыбкой спрашивает директор гимназии. — Мы, учителя, работаем в школах, мы стараемся в меру своих сил передать людям то, что сами выучили.

— Не верьте ему, фрекен д'Эспар, — говорит самоубийца. — Дело, которым занимаются учителя, вовсе не так невинно.

Фрекен д'Эспар, видимо, неприятно, что ее втягивают в такого рода разговор, и она говорит примирительно:

— Но школа ведь не приносит вреда, верно?

— Школа переламинает натуру ребенка, ученика передвигают на побочные пути, он растет совсем в другом направлении, чем то, которому изначально должен был следовать. Учиться в школе — это значит прибыть по этим путям в пустыню.

Директор гимназии делает вид, что его это забавляет. А что ему еще остается?

— Полагаю, что я все же выбрался из пустыни! — шутит он.

— Да, конечно, — соглашается фрекен д'Эспар и продолжает: — Будьте разумны, господин Магнус, директор гимназии ведь большой ученый, доктор наук...

— Господин директор, наверное, считает себя очень удачливым, — безразлично отвечает самоубийца. — Так считают все директора, иначе им будет невыносимо стоять на кафедре.

— Ну, кафедра для нас не место пытки, напротив, стоять на кафедре — это удовольствие.

Молчание.

— Значит, вы тоже уезжаете, фрекен д'Эспар? — спрашивает самоубийца. — Ну да, все мы бродяги на этой земле, мы мечемся то туда, то сюда, некоторые из нас застревают в санатории. Я ходил давеча с доктором, чтобы найти место, где нас, оставшихся здесь, можно будет похоронить.

На эту малопонятную речь ответа не последовало.

— Я, может быть, вас не понял, милостивый государь, — говорит директор гимназии на свой изысканный манер, — но мне сдается, вы не одобряете нашу работу на кафедре?

Молчание.

— Господин директор задал вам вопрос, — напоминает фрекен д'Эспар.

— Всякий директор гимназии чистосердечно верит, — говорит самоубийца, — что его школа учит детей всем знаниям, какие только накопились на свете. Потом дети уходят из школы, после долгих, долгих лет они уходят из школы, куда поступили еще сосунками. Запомнить все, чему их учили, просто невозможно, но даже если они и запомнили, то это не имеет никакого значения. Они забывают, с чем на западе граничит внутреннее море Эцерн или почему у моркови нет чашечки. Изначально «школа» была приятным времяпрепровождением для взрослых, она стала адом для детей. Когда они выбираются из этого ада, они уже не молодые, многие начинают лысеть или слепнуть, а некоторые так из нее и не выбираются. Дети не должны годами торчать в школе.

— Забавно, весьма забавно, — говорит директор гимназии.

— Но, дорогой друг, — возражает фрекен д'Эспар, — как людям обустроить свою жизнь, если они не будут ходить в школу?

— Не школа делает людей. В зрелые годы, когда человек уже многое успел пережить и побывал в опасных переделках, у него может возникнуть потребность в школе.

— Но и тогда школ должно быть как можно меньше, да? — спрашивает директор гимназии и встает, чтобы закончить этот разговор, изрядно ему уже надоевший. Собственно говоря, в этом споре директору Оливеру достаточно было бы сказать еще несколько слов, и он победил бы, все преимущества были на его стороне, он знал языки и в своем предмете был учен и знаменит. Но обсуждать такие глупости, нет уж, увольте, этого он не может и не выносит. Он хочет уйти, но тут в самоубийцу словно черт вселяется. Он обращается прямо к нему и говорит:

— Я замечаю, что мои рассуждения вас заинтересовали.

— Нет, этого я не могу сказать, — холодно отвечает директор.

— Напрасно вы отрицаете, это ведь видно.

— Вот как? Во всяком случае, с вашими рассуждениями — уж не знаю, как их назвать, галиматьей, что ли, — я уже сталкивался, и даже в своей собственной семье, хотя, конечно, не в такой утрированной, вызывающей форме. К

сожалению, есть люди, которые гордятся своим невежеством, тем, что не знают ни одной страны, ни одного языка. Нет, это меня и в самом деле ничуть не заинтересовало. Разве что как курьез, как какое-то безумие, какое-то извращение... не знаю, как это еще назвать...

— Не ломайте себе над этим голову, я легко могу себе представить, что вы еще скажете, — прерывает его самоубийца с насмешливой готовностью прийти на помощь.

— Это мне напоминает статью того шведского профессора, о котором я вам рассказывал, — говорит директор гимназии, обращаясь к фрекен д'Эспар. — Я ответил ему, перечислил пункт за пунктом все его заблуждения. Но это ни к чему не привело. Есть вещи, с которыми даже Бог тщетно воюет здесь на земле.

Обида директора гимназии пришлась, это было видно, самоубийце по душе, он получил от нее свое удовольствие.

— Вы упомянули землю. В вашей школе, наверное, придают большое значение углу наклона земной оси, но люди, к сожалению, топчут эту землю, не думая об этом угле. Ваши дети изучают языки и искусство, им рассказывают о кораблях и звездах, о деньгах и войнах, об электричестве, калориях, они изучают математику, деревья и языки. И еще раз — языки. Но ведь все это само по себе не имеет реального содержания, во всем этом можно определить какое-то состояние, жизненную форму, но учить что-то — это значит подвергаться чисто механической дрессировке, которая лишена какой-либо этической ценности. А как насчет того, что живет в человеке, как обстоит дело с его душой, с его натурой? Наша душа богата не благодаря тому, что мы черпнули из книг, но именно благодаря ей мы в состоянии постигнуть книжную мудрость. То, что в нас живет, и делает человека человеком, то есть личностью.

Видимо, нетерпение, которое проявлял директор гимназии, все больше подстрекало самоубийцу, подергивания, искажавшие лицо директора, ему явно доставляли наслаждение, и он говорит:

— Я знаю, что в прошлом году университет уделил вам особое внимание.

— Что вы имеете в виду?

— То, что вас удостоили звания школьного советника.

— Ха-ха, — рассмеялся директор Оливер. — Да, университет и в самом деле уделил мне особое внимание и дал звание школьного советника, ха-ха! Дорогой мой, вы восхитительный молодой человек!

— А вот я бы на вашем месте, — сказал самоубийца, — не согласился на такую палаческую должность при детях. Обязанность школьного советника — измерять усердие детей в школе, он сидит себе и спрашивает, скажем, как римляне называли тот или иной предмет две тысячи лет назад. Перед ним стоит маленький автомат; школьный советник кидает ему трудный вопрос, и малыш начинает что-то бубнить. Так проходит экзамен. Человеку с вашим именем, вашего значения, офицеру от науки, негоже заниматься таким делом.

— Ах, — восклицает фрекен д'Эспар, снова стараясь все сгладить, — это уже не шутка!

Директор гимназии поглядел на самоубийцу с недоверием и говорит:

— В шутку вы говорите это или всерьез, мне безразлично, это не принижает меня и не возвышает.

В эту минуту в комнату заходит горничная и сообщает, что внизу стоит человек, который хочет поговорить с фрекен д'Эспар, это Даниэль с хутора.

Даниэль стоит у лестницы со своими маленькими санками, шапки он не снял, но говорит приветливо и доверительно:

— Добрый день! Как обстоят дела? Я подумал, что самое время зайти за тобой.

— Зайти за мной?

— Ну да, за вещами. Ты что, не переезжаешь?

Господи, он, этот парень, говорит так громко! Она украдкой бросает взгляд на дом. У окон стоят отдыхающие. Даже фру Рубен уже встала на ноги, стоит у окна и глядит вниз.

— Да, конечно, переезжаю, конечно! — говорит фрекен д'Эспар. — Но я еще не уложила вещи.

— Я могу подождать, — успокаивает ее Даниэль.

Это мило, и вообще, ей ведь, кроме него, не на кого рассчитывать.

— Я смогу только завтра, дорогой Даниэль, — говорит она.

— Ладно, — отвечает Даниэль. — Я привел сюда теленка и подумал, что могу заодно и за тобой зайти. Тебе обязательно надо посмотреть на этого теленка, он замечательный, он сейчас в хлеву, пойдем, я тебе покажу.

— Нет, не сейчас. У меня дела.

— Ладно. Но поверь, теленок просто замечательный, швейцар тоже так считает.

— Я все приготовлю и переберусь к тебе завтра, — говорит она.

Она возвращается в дом. Этот визит ей неприятен, и она рада, что самоубийца все еще сидит в курительной комнате. Ей нужен собеседник.

— Это был Даниэль, он пришел за моими чемоданами, — объясняет она, желая быть в меру правдивой. — Но не бежать же мне отсюда сломя голову, верно?

— Даниэль хочет, чтобы вы переехали как можно скорее, из-за месячной оплаты.

— Да, вы правы.

— У Даниэля свои заботы, у нас — свои. У Даниэля все в порядке, он здешний, живет в горах, здесь трудится, — он живет своей жизнью и умрет, когда придет время. Надо родиться таким, как он, тогда нет нужды никуда убегать. Он, скорее всего, от любви не страдает.

— Думаю, что нет.

— Что за счастливый человек, черт возьми!

— Вы думаете?

— Не по собственному опыту, — поторопился добавить самоубийца. — Единственное, что имеет значение, это радость жизни, благодарность за жизнь. Но к ней приходишь не через любовь. Напротив, любовь — это бич.

— Часто так бывает.

— Такой вот человек, как Мосс, — я случайно его назвал, к нему это не относится, у него другие заботы, у каждого из нас — свои.

— Вы послали Моссу ответ на его письмо? — спросила фрекен д'Эспар.

— На его наглое письмо? Нет, не послал, еще не послал. Но он получит ответ, можете в этом не сомневаться. С какой это стати оставлять за ним последнее слово?

— Да, я вас понимаю. Но он был здесь очень несчастен.

— Не знаю, — задумчиво сказал самоубийца, — может, он и был несчастен. — Вдруг он захихикал и стал качать головой. — А белочка, которую я ему послал, заставила его небось поломать себе голову, я об этом думаю с удовольствием.

Но столь же быстро, как оживился, он вдруг помрачнел и замкнулся.

— Видите эту ранку? — сказал он. Это была та же маленькая ранка, которую он показывал доктору. Эта жалкая царапина занимала все его мысли, он ее все время трогал, дул на нее, не давал зажить. — Что мне с ней делать? — спросил он.

— По-моему, это пустяки. Что сказал доктор?

— Доктор, дурак какой-то! Видите ли, есть серьезная опасность, что это инфекция.

— Нет, что вы!

— А я говорю, серьезная опасность. Дело в том, что он прислал мне куртку, а ее, скорее всего, как следует не продезинфицировали. А кроме того, я получил его паршивое письмо. Такая скотина, поганая муха навозная! Расхаживал себе здесь и дышал нашим воздухом, разговаривал с нами, ел за нашим столом! Его следовало расстрелять. А к тому же имел еще наглость послать мне письмо.

— Новое?

— Да, новое. Оно пришло несколько дней назад.

— Вы мне этого не рассказали.

— Я, конечно, письмо не вскрыл, я даже не притронулся к нему.

— Вы его не прочли? — с изумлением спросила фрекен д'Эспар.

— Его прочел доктор. И как вы думаете, что там было написано? Ни единого правдивого слова, сплошное вранье: пишет, что у него никакая не проказа, как выяснилось, это предположение оказалось ошибочным, уверяет он.

— В жизни не слышала, что можно так ошибаться.

— Чистая ложь. Он пишет также, что стал немного видеть и может ходить один.

— Как хорошо, когда на этом свете хоть что-то снова приходит в порядок, — вырвалось у фрекен д'Эспар.

Эта неожиданность оказалась не единственной в тот день. К ней в комнату вдруг вошла одна из санаторских дам. Вернее, их было две, но одна осталась стоять в коридоре. Дамы, которые прежде выключили ее из своей компании, пришли к ней с предложением: не купит ли она у них скатерть?

Фрекен д'Эспар лишилась дара речи.

Дама объяснила, что они предложили было эту скатерть фру Рубен, но она ей не понравилась, узор не пришелся ей по вкусу, но ведь, честно говоря, фру Рубен сильна только в денежных делах, а в остальном ничего не понимает. Фру Рубен и направила их к фрекен д'Эспар: она ведь переезжает на хутор, там скатерть ей пригодится.

Это была скатерть доктора Эйена, рождественский подарок, который ему сделали дамы, — он так за него благодарил, был тронут чуть ли не до слез.

— Вы несколько удивлены, фрекен д'Эспар?

— Да, хотя, быть может, в этом нет ничего удивительного.

И в самом деле, особенно удивляться тут нечему. Дамы потратили на эту скатерть не только много труда и старания, но и денег. И цели своей они достигли, доставили док-

тору в соответствующий момент удовольствие. Но доктор умер, вскоре приедут его родственники за вещами и разделят их между собой. Красивая будет сценка. Но ни у одной из дам нет ни малейшего желания дарить скатерть родственникам доктора Эйена, и поэтому они взяли назад свой подарок.

Это объяснение было настолько убедительным, что фрекен д'Эспар его безоговорочно приняла. Она взяла скатерть в руки, разложила ее и стала рассматривать. Ей, видимо, льстило, что дамы обратились по этому случаю именно к ней.

— Конечно, если бы эту скатерть положили бы в гроб ее владельца, — продолжала развивать свою мысль дама, предлагавшая купить их изделие, — тогда дело другое, тогда их похоронили бы вместе, а так...

— Сколько вы хотите за нее? — спросила фрекен д'Эспар.

Тут дама позвала из коридора свою товарку, бывшую как бы секретарем этого мероприятия и записавшую, сколько стоили бархат, шелк для вышивания, бахромы. Они тихо посоветовались, и дама-секретарь обратила внимание фрекен д'Эспар на то, что сумму, которую они просят, придется разделить на много частей — по количеству участниц, — так что каждая получит очень мало.

Фрекен д'Эспар купила скатерть.

Так быстро была стерта память о докторе Эйене. От его ухода пустоты не образовалось, он так мало для них значил, и они легко переползли через его труп. А если теперь еще выяснится, что он ошибся в диагнозе, поставленном Антону Моссу, то... Может, так быстро забыть такого доброжелательного человека было и несправедливо, но эта несправедливость казалась заслуженной. Над Эйеном тяготело подозрение в некомпетентности, в легкомыслии, он был как рыба, выброшенная на сушу. Но и он свершил здесь свой последний путь — в землю.

На следующее утро уехал домой директор гимназии Оливер, тем же поездом отбыли фру Рубен, Бертельсен и адвокат. Фру Рубен чувствовала себя куда лучше, она ела и спала, заметно посвежела, и ее обвислая кожа натянулась. Она снова была здорова, снова стала хороша собой. Просто чудо, как эта дама за короткое время могла измениться до неузнаваемости. Хорошая порода, стойкая порода.

Под вечер фрекен д'Эспар заплатила по счету и тихонько пошла на хутор. Она хотела прийти в сумерки. Она не

радовалась, не ликовала, напротив, скорее — несколько себя стеснялась, но глаза ее были сухими. Конечно, она плохо справилась со своими обстоятельствами, но в последнее время она принимала свою участь, больше не падая иступленно на колени, не рыдая от отчаяния. Слезы и молитвы, она в этом убедилась, были бесполезны, она больше не пыталась пустить в ход божественный механизм. Она шла вспять по жизни? Несомненно, но шла с каким-то внутренним подъемом. Она несла под мышкой знаменитую скатерть, она собиралась накрыть ею стол и этим самым как бы зажечь факел своей судьбы в пристройке Даниэля. Разве это не блестящая идея? Она засмеялась — быть может, чтобы не заплакать. Если смотреть на ее судьбу сквозь слезы, она покажется куда более мрачной.

Последние недели в санатории были для фрекен д'Эспар не очень приятными. Ей приходилось прибегать к различным хитростям, то принарядиться, то потуже затянуться в корсет, она прыгала как трясогузка по ступенькам лестницы, напоказ изображала веселье и беззаботность, — пусть санаторские дамы — ведьмы, а не дамы — смотрят во все глаза, — ничего подозрительного им в ней не найти! Но постоянно следить за собой было настоящей пыткой, и она была уже не той, что прежде. Она утратила свою притягательную силу для мужчин, или, во всяком случае, так ей казалось, она больше не пыталась скрыть во рту дырку от сломанного зуба, ее юное тело стало бесформенным, она теперь избегала стоять посреди комнаты, боялась привлечь к себе внимание других.

А накануне в санаторий пришел Даниэль. Он легко мог все испортить, и она с удовлетворением думала о том, что ничуть не разгневалась, увидев его. Он появился, словно был ее возлюбленный, поставил ее в затруднительное положение, послал за ней горничную и привлек всеобщее внимание — все стояли у окон и смотрели на него. Она приняла его дружески, но отчужденно и назвала его «дорогой Даниэль», словно он только ее сосед.

Вот о чем она думала дорогой, и мало-помалу ее серьезность и подавленность прошли. У сарайчика в лесу ее встретил Даниэль.

— Я так и думал, что ты придешь в это время, и решил выйти тебе навстречу, — сказал он.

Он взял с собой санки, намереваясь тут же сходить за ее чемоданом.

— Что у тебя под мышкой? — спросил он, чтобы что-то сказать.

— Ты бы только знал! — ответила она таинственным шепотом.

Ее шуточный тон позволил ему ощупать пакет и поглядеть, что в нем. И вдруг он взял ее на руки и отнес в сарай...

— Ты просто сумасшедший!

Однако оторваться от земли и от всех ее напастей было, скорее, приятно.

В свою новую жизнь на горном пастбище она вступила без особой подготовки, но при этом не поддавалась изумлению по поводу необычности окружающей ее обстановки. Тут все было просто и прямо, без обиняков, без мельтешни. И она в самом деле прекрасно спала первую ночь и проснулась лишь поздним утром — она попала в своего рода тихую гавань, этого нельзя было отрицать.

Она скользнула взглядом по тем нескольким предметам, что были в комнате: не считая ее чемодана, тут стояли кровать, стол, пара табуреток, на печке — белая миска, украшенная бусинками, — таз для умывания. Назвать это обстановкой было бы смешно, но все так и сияло чистотой, и комната выглядела довольно уютно. Одним словом — так живут на горном пастбище. Вокруг царил тишина. Даниэля, видимо, дома не было, а Марта, если она и возилась на кухне у плиты, то делала это совсем неслышно. Когда фрекен д'Эспар умывалась, то заметила, что капля воды, упавшая на печку, зашипела — да-да, печку топили, в комнате было тепло. Ах, что за существо такое эта Марта! Фрекен д'Эспар захотелось ее особо поблагодарить за доброту в это первое утро на хutore.

В окно она увидела Даниэля и жестом пригласила его войти к ней.

— Даниэль, что ты обо мне думаешь, я ведь только встаю!

— А что тебе делать, если б раньше встала? Я был бы рад, если б ты еще полежала. Ты хорошо спала?

— Мертвым сном.

— Я старался устроить здесь все так, чтобы тебе было как можно приятнее, — сказал Даниэль. — Мы поставили сюда те вещи, которые могут тебе понадобиться!

Вид у него был очень гордый, словно комната была заставлена роскошной мебелью и всевозможными безделушками. И он шепотом добавил, что если ей чего-то не хватает, то пусть только скажет!

Замечательный малый, правда, совсем наивный и невежественный, но не лишенный обаяния. Тронутая, она стала кокетничать, ей захотелось, чтобы он ее поцеловал.

— Я люблю тебя, и ты должна стать моей, — сказал он ей с подлинным чувством, очень искренне. И она уже в который раз подумала, что Даниэль, получи он соответствующее воспитание, был бы совсем неплох.

— Да, вот это теперь твое место, — сказал он.

— Что?

— Твой дом. Торахус — пастбище, гора и лес. Тебе здесь нравится?

Она улыбнулась и ответила:

— У меня еще слишком маленький опыт здешней жизни. Спроси через год!

Ей подали еду в комнату, и она съела больше, чем, как ей казалось, она была в состоянии съесть. Это были не консервы, а здешние продукты, разного рода копчености.

— Сколько я должна платить в месяц? — спросила она.

У нее этот вопрос как-то вырвался, и он свидетельствовал лишь о том, что свою новую роль хозяйки дома она еще совсем не освоила.

Даниэль принял его за шутку.

— Ха-ха-ха! Вот это вопрос!

И Марта, которая, по всей видимости, была в курсе происходящего, тоже тихонько посмеялась.

Они вошли в крохотный, но теплый хлев, и вся скотина — и коровы, и овцы повернули головы в их сторону и стали их разглядывать.

— Этот бычок осенью будет что надо, — сказал Даниэль и погладил его. — Он совсем другого нрава, чем прошлогодний убийца, ты могла бы проползти у него под брюхом.

Потом они подошли к лошади. Даниэль ею хвастался, кобылка все понимала, как человек, и к тому же отличалась недюжинной силой, даже представить себе трудно, какую тяжесть она потянет.

— Ты только погляди, как у нее глаза блестят, ты в них отражаешься, как в зеркале. Бедное животное, тебе хочется хлеба? Потом получишь, — сказал он, но тут же передумал. — Подожди, фрекен, я только принесу немного хлеба, я не хочу ее обманывать.

Даниэль исчез и мигом вернулся с хлебом. Он стал его разламывать на кусочки и давать лошади.

— Ты ей тоже дай, фрекен, — сказал он.

— Жюли, — поправила она.

— Дай и почувствуй, какая мягкая у нее морда.

Только когда они вышли из хлева, он вернулся к ее имени.

— Жюли, — повторил он. — Тебя зовут Жюли? Замечательное имя, в нашем приходе так никого не зовут.

Они обошли двор, он ей все показывал, даже открыл крышку ларя и сказал:

— Гляди, вот лаки, а вот съестные припасы. И шерсть тоже здесь. Слава Богу, в горах тоже многое можно найти. Эта шерсть для тебя!

— Да, я вижу.

Он показал ей два висящих на стене ружья и объяснил, что одно стреляет шрапнелью, другое — патронами, показал штуки материи — шерстяной бобрик и белую ткань для белья.

— Жюли, — еще раз повторил он, — такое имя нельзя забыть, когда его произносишь, то кажется, трогаешь бархат.

— А по-французски оно звучит «Джюли», — сказала она.

— Сколько ты всего знаешь! — воскликнул он и покачал головой. — И лошадь я завел благодаря тебе.

— Не сомневаюсь, ты заполучил бы ее и без меня.

— Конечно, я для лошади хороший хозяин, и мне она уже по средствам. И все же я тогда очень кстати пришел с деньгами.

Вот как Жюли д'Эспар встретила свою будущую жизнь.

ХШ

Несколько недель все шло хорошо, и так могло бы быть и дальше, но тут произошло нечто, внесшее сумятицу в их жизнь. Но об этом потом, а пока все как-то налаживалось. Фрекен д'Эспар любила лежать на медвежьей шкуре. Она избегала пить кофе в постели. Так как не было причин бодрствовать по вечерам, она рано ложилась спать, а раз рано ложилась, то и рано вставала. Возможно, ей казалось ненормальным, что она была на ногах в шесть утра, а не в одиннадцать. Однако спустя некоторое время она даже стала испытывать известную гордость по этому поводу, словно совершала отважный поступок. И Марта ее очень хвалила и предсказывала, что со временем она станет замечательной женой для хозяина высокогорного хутора.

Однако пока что она ни в каких домашних работах не участвовала, не считая стирки. В дни стирки она надевала

одну из юбок Марты, стирала свое белье, носовые платки, воротнички и блузки. Эти дни были не скучнее других, напротив, стирая, она вела с Мартой разговоры, которые имели для нее большое значение.

— Он такой славный, о таком можно только мечтать, — говорила Марта, — я ведь знаю его со дня рождения. Просто позор, что Элена ему отказала.

Может показаться странным, но фрекен д'Эспар была предубеждена против Элены, она ее терпеть не могла, казалось даже, что готова к ней приревновать. Насколько она знала, не было никаких признаков того, что Элена ждет ребенка, хотя была уже достаточно давно женой ленсманна, по-прежнему выглядела как девушка, ничуть не изменилась.

— Элена... она красивая? — спросила фрекен д'Эспар.

— Да, — ответила Марта, — белокурая и прелестная... настоящая крестьянская дочь.

— А ростом большая?

— Да, большая.

Тут фрекен д'Эспар захотелось найти Даниэля. В эти дни он ходил в белом свитере с синей отделкой, связанном Мартой. Шерсть была отбелена до ослепительно белого цвета, и Даниэль выглядел великолепно.

— Послушай, Даниэль, — сказала фрекен д'Эспар, — наверное, нам пора обвенчаться?

— Верно! — подтвердил Даниэль. — Я уже давно об этом думаю, но не решался сказать. Когда тебе хочется это сделать?

— Это тебе решать.

— Следующая неделя — Пасха, с оглашения должно пройти три воскресенья. Но между Пасхой и Троицей шесть недель, времени хватит. Пусть только придут твои документы, чтобы все было в порядке.

— Тебе так идет этот красивый свитер, — сказала фрекен д'Эспар.

— Да? Он связан из моей шерсти. У нас в Торахусе прекрасная шерсть.

— И такая мягкая, — сказала она и пощупала свитер.

— У тебя тоже будет такой же.

— О, ты, наверное, охотнее подарил бы его Элене?

— Элене? — с удивлением переспросил Даниэль.

— Разве не так зовут девушку, которую ты хотел взять в жены? Я точно не знаю...

— Элена — да я о ней больше не думаю. Во всяком случае, очень редко.

Фрекен д'Эспар стояла посреди комнаты и совсем уже не была красивой: без зуба, с изуродованным лицом и оплывшей талией. Должно быть, она чувствовала себя неуверенно и потому продолжала спрашивать:

— Какая она? Можно на нее когда-нибудь посмотреть? Часто ты ее целовал?

— Никогда! — сказал он. — Почему ты об этом спрашиваешь? Я и виду не показывал, что она мне так уж нужна, не просил стать моей женой, просто обмолвился об этом при случае. Я происхожу из семьи ничуть не худшей, чем ее, я — крестьянский сын и дело свое делаю как надо, у меня свой двор и дом, у меня бочки и лари, ты же видела. И у меня есть свои планы, которые я осуществлю со временем, Элена их не знает... Нет, покорно благодарю, она мне больше не нужна. И я никогда о ней не думаю...

Он успокоил ее долгим разговором, нашел красивые и честные слова, чтобы заверить ее, что она — Жюли — та единственная, которую Бог ему послал и сделал его счастливым. Конечно, к этому примешивалось и тщеславие, он теперь не мог ни о ком, кроме нее, мечтать, потому что она и в его глазах, и в глазах всех прихожан стояла во много раз больше крестьянской дочери. Она изящна и благородна, в ее головке умещаются все знания на свете, а руки все умеют делать.

В самом деле, у фрекен д'Эспар не было повода ревновать, ну ни малейшего. Даниэль радовался предстоящему браку и от этого становился более привлекательным. Если он при этом ни на минуту не отходил от своей дамы, то это было вполне простительно — он был влюблен. Во всем же остальном выносить его в повседневном обиходе труда не составляло.

— В магазине мне показали белые гардины для твоих окон, — сказал он. — Но я их не взял.

— Пойди и купи их, я отдам тебе деньги, — сказала фрекен д'Эспар. — Возьми те, что поплотнее, такие, чтобы сквозь них ничего не было видно.

— Это на то время, когда тебе придется лежать в кровати?

— Да. — Фрекен д'Эспар не делала из этого тайны, занавески были нужны на то время, когда ей придется лежать. — И принеси зеркало. Большое зеркало, чтобы его можно было повесить на стену. У меня есть только ручное.

— Ты скажи мне, если тебе что-то хочется. Тебе надо лишь сказать...

На Пасху в санаторий снова приехали разные люди, и кое-кто из них заладили ходить на хутор. Должно быть, они

прослышали о молодой даме, горожанке, которая здесь поселилась, и хотели ее увидеть, но все их усилия были напрасны, она не показывалась. Ей ничего не стоило откинуть край своих новых гардин и понаблюдать за любопытными каникулярными гостями. Но среди них не было никого из прежних завсегдатаев, ни одного знакомого лица.

Но вот однажды заявилась фрекен Эллингсен, она без спроса вошла в новую комнату и поздоровалась. Это была прежняя фрекен Эллингсен, хорошо одетая, стройная, красивая. Фрекен д'Эспар встретила ее не без удовольствия, она была, так сказать, из ее бывшего круга, из ее страны, представительница того народа, который стал ей теперь неведомым и далеким.

— Бертельсен приехал с вами? — ляпнула она и тут же раскаялась в своем бестактном вопросе, она стала теперь чересчур прямой, утратила былую обходительность.

Фрекен Эллингсен обошлась без обвиняков.

— Нет, — ответила она тихо, без вздоха, — он помолвлен с фру Рубен.

— Не может быть!

— Вы не читали уведомления в газете?

— Нет, я не читаю газет!

Молчание.

— Да, это конец, — сказала фрекен Эллингсен.

— Нет, кто бы мог подумать! Ее муж ведь совсем недавно умер.

— Да, и одному Богу известно, при каких обстоятельствах это случилось.

— Что вы имеете в виду?

— Я лично — ничего, — сказала фрекен Эллингсен, но при этом у нее был такой вид, будто дело не обошлось без хлороформа и преступления. — Я этой даме еще когда-нибудь покажу!..

— Но ведь Бертельсен еще хуже, — заметила фрекен д'Эспар.

— Нет, Бертельсен не хуже. Эта дама настоящая нимфоманка. — Фрекен Эллингсен несколько раз кивнула и повторила: — Но я ей еще когда-нибудь...

— Бертельсен, выходит, вас обманул?

— Да, — печально ответила фрекен Эллингсен, но при этом она отнюдь не казалась разбитой горем.

— Знаете, что я вам скажу, — воскликнула фрекен д'Эспар, — вы были слишком хороши для него!

Некоторое время они обсуждали эту тему, а тут многое можно было сказать. Впрочем, фрекен Эллингсен с ней не

соглашалась, она не считала себя чересчур хорошей для него. Ни в коем случае! В конце концов в ответ на прямой вопрос она призналась, что Бертельсен никогда не просил ее руки.

— Да, это, конечно, меняет дело. Выходит, он общался с вами только для того, чтобы не быть одному?

— Нет, — сказала фрекен Эллингсен, стараясь быть правдивой, — при желании он мог бы иметь любую даму, подумайте, наследник фирмы «Бертельсен и сын» с миллионными оборотами. Но ему нравилось быть со мной, выводить меня в общество.

— Ну, уж я ему показала бы, где черти зимуют! — воскликнула фрекен д'Эспар, заняв самую непримиримую позицию.

У фрекен Эллингсен достало душевного равновесия не торопиться с конечными выводами и не уверять, что ей наплевать на него, но вот фру Рубен она предсказывала недоброе.

— Она еще дождется! — сказала она с угрозой в голосе. — Я с ней еще не свела своих счетов!

— Что вы собираетесь сделать?

— Пока ничего, — ответила она и продолжала болтать: — Я это как-нибудь переживу, у меня есть во имя чего жить: моя профессия и мои записки. После работы я иду домой, и там начинаются чудеса: мне кажется, что моя комната полна народу.

В этой красивой головке все те же глупости! Фрекен Эллингсен, такая уравновешенная особа, обладала при этом причудливой фантазией: казалось, она живет под наркозом, в каком-то бреде. Так мало-помалу она стала такой, какой была, — крайне противоречивой по натуре, равнодушной к вопросам пола, скучной и бесплодной.

— Раз вы не читаете газет, то, наверное, не знаете, что выходит серия моих рассказов.

— Серия? Нет.

— Мои записки. В газетах их называли набросками, но можно, если хотите, сказать «истории». Они все построены на имевших место происшествиях.

— В самом деле?!

— Все, кто их читал, уверяют, что это интересно. Мне оставалось только придумать конец.

— Не представляю, как вам удалось с этим справиться.

— Все удивляются. Но тут главное — иметь призвание, особые способности. Ну а все остальное — дело практики.

— Да, видит Бог, без практики ничего не добиться. Я это поняла, я ведь читаю только французские книги. Нельзя же допустить, чтобы я забыла язык, верно?

— Я пишу уже десять лет, — призналась фрекен Эллингсен. — Мой первый сборник выйдет в мой юбилей.

Возможно, она и пришла только для того, чтобы сообщить эту новость. Она была готова говорить об этом, пока у фрекен д'Эспар хватит терпения ее слушать. То обстоятельство, что об этом написали в газете, явно занимало ее куда больше, чем все, что ей до тех пор довелось пережить. Лишь перед самым уходом она вспомнила, что ей поручили пригласить фрекен д'Эспар в санаторий.

— Меня, в санаторий?

— Да, приехали важные гости, которым, наверно, не терпится поговорить по-французски. Генеральный консул с женой и двумя взрослыми дочерьми.

— Я не могу прийти, — беспомощно ответила фрекен д'Эспар.

— Почему? — с недоумением спросила фрекен Эллингсен. — Вас просит сам директор, адвокат Руппрехт.

Фрекен д'Эспар подумала немного и поинтересовалась, сколько людей приехало.

— Много, очень много, столько еще никогда не было. Кстати, очень странно, собралось огромное число толстяков, куда ни направишься, всюду от животов прохода нет. Лыжники, те, естественно, худые, а вот все остальные — на них стоит посмотреть.

Приехал и начальник фрекен д'Эспар, из той конторы, где она работала в городе.

— Андерсен? — спросила фрекен д'Эспар.

— Да, и еще многие другие толстяки, и дамы, и господа.

Гости хлынули в санаторий, видимо, благодаря интервью с фру Рубен. Несчастные хотят пожить в «Торахусе», чтобы избавиться от излишков жира. Ведь в интервью говорилось, что целебная вода, курс лечения и особое медицинское обслуживание за короткое время делают чудеса!

— Вот как, Андерсен! — повторила фрекен д'Эспар. У нее оставалось сомнение, ей в голову не пришло подумать еще, она твердо сказала: — Передайте, пожалуйста, адвокату, что я не смогу прийти.

Фрекен Эллингсен попрощалась без улыбки, не проявив ни малейших чувств, она только сказала:

— Я пришлю вам несколько газет, где обо мне написано.

— Не говорите, пожалуйста, что я не смогу прийти, — вдруг сказала фрекен д'Эспар, — скажите просто, что я занята. Значит, запомнили: я занята.

Они расстались отчужденно, погруженные в свои мысли.

Да, конечно, фрекен д'Эспар уже не могла появиться в санатории, где к тому же находился ее бывший начальник, об этом и думать было нечего. Тем самым она теряла удобный случай оказаться в своей среде и поговорить по-французски. Это было грустно, но она не могла винить в этом Даниэля и не стала вымещать на нем свое дурное настроение. Она только сказала ему, что ей пришлось отказаться от полученного приглашения.

— Тебе следовало бы пойти, — сказал он.

— Надеюсь, ты это не всерьез? Куда я могу идти в таком виде? А между прочим, твоя работа.

— Какое это имеет значение? — легкомысленно ответил Даниэль.

Спорить с ним не имело смысла. У него были свои взгляды на этот вопрос, и они решительно отличались от ее взглядов. К тому же он был поглощен своим делом. Хотя была Пасха, он сидел на кухне и вырезал кожаные подтяжки. Разговаривая с ней, он не прерывал своей работы, он что-то вымерял, что-то отмечал на коже, он был всецело этим поглощен.

— Кожа от моей собственной скотины! — сказал он с гордостью.

— Что это будет?

— Подтяжки.

— Подтяжки? — изумилась она.

Видимо, ей вспомнились другие подтяжки, из шелка и резины, изысканные подтяжки господина Флеминга. Но у Даниэля было свое мнение на этот счет: чтобы хорошо держать брюки, подтяжки должны быть из кожи. Она глядела, как он вырезает подтяжки, аккуратно вымеряя все размеры, и рассмеялась. Даниэль удивленно посмотрел на нее. Это была добротная, толстая бычья кожа, хорошо обработанная, отнюдь не бросовая, так что смеяться тут нечего. У него руки не были чистыми, зато они сильные и могут крепко держать и хватать в охапку. Этими же руками он умеет мастерить разные приятные вещицы: он показал ей скамеечку, которую сам сделал, с резьбой на спинке. Он показал ей также ушат для муки, — он был украшен искусно вырезанной вставшей на дыбы лошадьёю. У него был талант, корнями уходящий в прошлое, талант не просто плотника, а резчи-

ка, скульптора, и это вызывает большее уважение, чем канцелярская работа.

Даниэль не тратит времени зря, он снова берется за свои подтяжки и, перед тем как пустить в ход нож, снова разглаживает кожу. При этом он объясняет, что ремень должен быть очень крепким, особенно там, где прорезаются петли для пуговиц. Даниэль постоянно один и тот же, что сегодня, что завтра, трудолюбивый, скромный, довольный и даже гордящийся собой. И в безделье воскресного дня он всегда находит себе дело, он мечтает, размышляет, поднимает упавшие предметы, вбивает гвоздь, где его не хватает, режет прутья для загона. Он не разбрасывает своих вещей, не дает им выходить из строя, он бережлив и аккуратен от рождения, да еще и воспитывает в себе эти черты. Он не большой знаток хрусталя и фарфора, и, если случилось — весьма редко, — что в кухне разбивалась тарелка, он долго огорченно качал головой по поводу случившейся утраты.

Фрекен д'Эспар влачит довольно жалкое существование, иногда что-то шьет, но если кто-то заходит к ней, тут же прячет свою работу. Должно быть, потому, что уж очень неумело обходится с иглой и нитками. Из своей новой комнаты она выходит только на кухню, а потом идет назад, к себе. Лежит на кровати или сидит рядом с Даниэлем, если он что-то мастерит. Случается, она читает ему вслух отрывки из своих французских романов, и это доставляет ему большое удовольствие. Он тихо сидит и смотрит на нее с изумленной улыбкой. Чтение идет как по маслу, и поскольку он не понимает ни слова, то не важно, правильно ли произносит она слова, лишь бы быстро. Главное, чтобы у него не создалось впечатления, что она читает по слогам.

— А вот тут написано то, что ты должен понять, Даниэль, тут он говорит ей, что любит ее.

— Им тоже нужны такие слова? — спрашивает он.

— Ну конечно, Бог ты мой, ты и вообразить себе не можешь, как замечательно французы это говорят!..

Пришла весна, дни стали длиннее, полуденное солнце было белым, жгучим и слепило глаза. Марта разложила шерстяную пряжу для отбелики. Так было заведено в здешних благополучных хозяйствах, отбеливать шерсть на весеннем солнце, доводить ее до готовности. А время шло, солнце грело все сильнее, лед на озере стал голубым и по краям ломким, снег на дороге таял, куры топтались в лужах и болели ревматизмом.

Эти месяцы могли бы стать месяцами пробуждающихся надежд и светлых мыслей, но фрекен д'Эспар весна в горах

не пошла впрок, она стала беспокойной, плохо спала, ела куда хуже, чем прежде, и потеряла уверенность в себе. Что с ней происходило? Разве не было ей здесь тепло, покойно и приятно? Нет. Она пыталась пожаловаться на свои страдания Даниэлю, но он ничего не понял.

— Не спуститься ли мне в приход и объявить о нашем браке? — спросил он.

— Да, — ответила она, — если этому суждено свершиться, то...

— Сейчас пойду, у нас уже есть все необходимые документы. Вот только помоюсь.

Когда он привел себя в порядок и собрался идти, она вдруг сказала:

— Нет, не ходи, подожди еще немного!

— Что такое?

— Подожди еще немного, к чему такая спешка?

— Ничего не понимаю!

— Неужели ты не можешь еще немного подождать?! — раздраженно крикнула она.

Даниэль решил обратить все в шутку:

— Тогда какого черта я мылся! Да еще посреди недели!

Но оттого, что он согласился немного подождать, ей лучше не стало, что-то давило ее, она стала мрачной и нетерпеливой. Ей хотелось быть одной, она уходила из дома в лес, садилась там на камень и отдавалась своим мыслям. Ну и что толку? Вечером ее пугало, что приближается время ложиться спать, потому что все последнее время ей снились страшные сны: ночь за ночью она видела доктора Эйена, который приходил к ней за своей скатертью. Она просыпалась в страхе, и сердце у нее так билось, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Прежде, попав в безвыходное положение, фрекен д'Эспар не теряла мужества и могла принимать решения, теперь же она стала слабой и потерянной, не смела зажечь лампу или оторвать рук от мехового одеяла. Ей снился мертвец. Труп...

Она стонала и жаловалась Даниэлю.

— Что такое? — спрашивал он. — Разве у нас нет воды в ручье?

— Воды? — переспрашивала она.

— И дрова лежат прямо у двери дома. Воздух прекрасный, в комнате тепло, у нас полно мяса и яиц. Слышишь, как кудахчут куры?

— Ах, ты просто невыносим... все это глупости, глупости...

— Чего тебе не хватает?

— Не знаю.

— И я не знаю.

— Мне снятся такие ужасные сны каждую ночь.

— Позволь мне лечь с тобой. Тогда ты снова будешь спать как убитая.

— Ты думаешь только о себе, — огрызнулась она.

Даниэль снова предложил заказать оглашение и назначить день бракосочетания, и фрекен д'Эспар тоже об этом думала и согласно кивнула — настало время. Но хватит ли у нее на это сил? Она стала слабой и жалкой, ей казалось, что ей не дойти до церкви, а потом вернуться назад домой. Даниэль предложил взять у Хельмера коляску, запрячь их кобылку, уж она-то потянет.

— Потянет, даже если бы ты весила десять центнеров!

Но у фрекен д'Эспар не хватало на это духа, и она попросила еще немного подождать, должно же ей стать лучше...

Даниэль сунул документы в карман и пошел в приход, там он встретил дружков и знакомых, выпил с ними стаканчик и пошел на свой страх и риск прямо к пастору. Оттого что их огласят в церкви, ничего плохого не будет, он достаточно долго ждал этой минуты, ему так хотелось поразить прихожан. Конечно, он давно намекал им, что помолвлен, но ничего определенного и точного не говорил. Пусть теперь это сделает сам пастор. Это вовсе не значит, что он действует вопреки желанию Жюли, она сама назначит день их бракосочетания потом, когда снова станет бодрой и веселой.

С пастором он обо всем договорился. С Хельмером насчет коляски он тоже договорился, и дело кончилось тем, что они провели вместе весь день, а потом Хельмер проводил его до хутора. Оба были в превосходном настроении, к тому же они прихватили с собой бутылку, и Даниэль, преисполненный тщеславия, захотел показать ему Жюли. Где она?

Марта сказала, что далеко она не ушла.

Некоторое время они подождали ее на кухне, а потом Даниэль предложил пойти к ней в новую комнату, как только она вернется из леса.

— Сидит себе небось на камне в лесу, как она повадилась в последнее время, — сказал Даниэль.

В конце концов Хельмер пробормотал, что ему пора идти домой. Не покажет ли ему Даниэль новую комнату? Ведь он ее еще не видел.

Они подкрепились рюмкой водки и отправились в пристройку.

Там и правда стало очень уютно из-за занавесок, большого зеркала на стене, французских книг и многоцветной скатерти. Хельмер сказал, что комната просто великолепна.

— Да, уж я постарался сделать все как можно лучше, — сказал Даниэль.

От наплыва чувств и легкого опьянения Даниэль решил покрасоваться, выражался ученым языком, много раз употреблял слово «превосходный». Хельмеру и это очень понравилось.

— Погляди на скатерть, — сказал Даниэль. — Она сама ее сделала. Для нее это пустячное дело.

Хельмер внимательно оглядел скатерть, не решаясь к ней прикоснуться.

— Да ты потрогай ее, не бойся, — сказал Даниэль. — Что до меня, то я здесь трогаю все, что есть. Еще не хватает, чтобы я боялся!

Он явно хвастался, — решительно переложил романы с одного места на другое, нарочно толкнул стул.

— Что хочу, то и делаю, — сказал он, — она не кусается.

— Тебе здорово повезло, Даниэль, — сказал Хельмер.

Даниэль кивнул, он был с ним согласен.

— Ее зовут Жюли, — сказал он и с гордостью посмотрел на своего друга. — Я забыл, как это звучит по-французски.

— Какой замечательный чемодан! — восхитился Хельмер. — Латунные полосы вдоль и поперек!

А Даниэль расхвастался пуще прежнего.

— Да. А что там внутри, я и говорить не буду. Поверь мне, он битком набит красивыми вещами, платьями и другими городскими штучками. Если она придет, я уговорю ее тебе их показать.

— А с тобой она мила? — спросил Хельмер.

— Мила? Да она как дитя малое, я делаю с ней все, что хочу. Она добрая, все дарит, что только захочешь. Ступай купи себе лошадь, ступай купи себе и это, и это, я дам тебе денег, говорит она.

— У нее есть деньги? — с интересом спрашивает Хельмер.

— Деньги? Не удивительно, что ты спрашиваешь, ты же ее не знаешь. Но она при мне вынимала из блузки пакет с деньгами. Посмотрел бы ты на этот пакет, тогда не стал бы спрашивать. Такого толстеного пакета с деньгами я в жизни своей не видел.

— Прекрасно! Я же сказал, тебе здорово повезло! — повторил Хельмер, восхищенный услышанной сказкой. — Я был бы рад ее увидеть.

— Может, ты думаешь, что она старая уродина, которую никто не хочет брать? Послушай, что я тебе скажу, Хельмер. На Пасху за ней прислали из санатория. Да-да, туда понаехало полно важных особ. Они хотели повидаться с ней и поговорить. Но ее это не больно интересуется, она не пошла туда. Давай выйдем, позовем ее.

Они вышли, Даниэль стал ее звать, и вскоре она появилась на опушке леса.

— Тебя так долго не было, я уже начал беспокоиться, — сказал Даниэль.

Молодость, какое удивительное время жизни! Она, например, помнит, что Хельмер был среди тех парней, которые зимой расчищали озеро от снега. Она ответила на его приветствие и дружески ему улыбнулась. Даниэль мог быть доволен.

— Похоже, ты привел гостя, — сказала она.

— Хельмер. Он весь день провел со мной. Мы были у пастора и заказали оглашение. Хельмер пообещал дать коляску. Он хотел тебя увидеть.

— Меня — меня увидеть! Господи, какие сумасбродные желания бывают у вас, мальчишек!

— Не сердись, я не мог поступить иначе, он отказался уйти, не повидав тебя!

Приятно ли было ей это услышать или нет, не ясно, но так или иначе, она мило улыбнулась, не показывая при этом дырку на месте потерянного зуба. К счастью, идя в лес, она надела пальто, оно было очень широким и длинным и полностью скрывало ее уже бесформенную фигуру.

— Мы заглянули к тебе, Хельмеру хотелось поглядеть на новую комнату.

— Понятно, — ответила она по-прежнему в добром настроении, — теперь он увидел не только комнату, но и меня.

Хельмер, учтивый и сдержанный, промолчал.

— Угостила ли Марта Хельмера кофе? — спросила она, желая изобразить хозяйку дома.

— Нет, — ответил Даниэль, — но он получил кое-что получше. Мы прихватили с собой бутылку.

— О, вы, значит, кутите! Молодцы, ничего не скажешь!

— Ну, кутеж не велик, — со смешком ответил Хельмер, но покраснел, как рак.

Стало смеркаться, надвигался вечер, они еще немного поболтали, но фрекен д'Эспар не пригласила Хельмера к себе в комнату, ведь тогда ей пришлось бы снять пальто, а она этого не хотела.

Когда Хельмер уходил, Даниэль сказал ему:

— Приходи поскорей снова к нам в гости, в наш дом!

— Да, — поддержала его фрекен д'Эспар и кивнула ему.

Даниэль опасался, что ему предстоит тяжелое объяснение, потому что он без согласия своей возлюбленной заказал оглашение, и когда она попросила его зайти к ней, он вытащил заранее заготовленную сигару. Но все прошло вполне благополучно, его возлюбленная ничем не выразила своего недовольства, она только спросила с насмешкой, не намерен ли он на свой страх и риск устроить и венчание. Тут Даниэль стал с помощью слюны увлажнять свою сигару.

— От оглашения нет никакого вреда, — сказал он. — А венчание будет потом, когда ты сама назначишь день.

Собственно говоря, тут он был прав, она смягчилась и стала с интересом расспрашивать его, что сказал пастор и правильно ли он записал ее французское имя.

— Да, пастор очень удивился и спросил, не дворянка ли ты.

Ей захотелось узнать, почему он столько возится со своей сигарой.

— Ты не знаешь? Сигару надо увлажнить и как следует помять пальцами, не то она погаснет.

Он купил эту сигару и принес ее домой, чтобы посидеть и покурить у нее в комнате.

— Ну что ж, теперь уже можно прикуривать! — сказала она.

По комнате поплыл запах хорошего табака, фрекен д'Эспар вдыхала его и чувствовала себя уютно. Потом они пошли на кухню и поужинали, а так как она теперь боялась темноты и ее мучили мрачные мысли, она позвала Даниэля к себе в комнату. И этой ночью она действительно спала спокойно, потому что Даниэль охранял ее.

Только в понедельник Даниэль снова отправился в приход. Время от времени он пускался бежать, он очень торопился, ему не терпелось узнать, как все прошло. Ибо свершилось — они были оглашены с церковной кафедры. Что говорят в приходе? О, он не сомневался, все лишились дара речи, и на то были причины.

Он направился в торговую контору, где всегда толпилось много народу, там он неизбежно встретит знакомых и приятелей и сможет у них что-нибудь узнать. Сделав вид, что у него есть дело, он подошел к прилавку. Когда его узнали, все расступились, пропуская его, — никогда прежде ему не оказывали такой чести. И он вел себя как взрослый человек, с большим достоинством. Один из присутствующих про-

тянул ему руку и пожелал счастья, потом подошел еще один, и в конце концов его окружили плотным кольцом. Даниэль наслаждался этой минутой, его сердце наполнялось восторгом.

— Я всегда говорила, что из тебя что-то получится, Даниэль. Ты из хорошей семьи, мы с твоей матерью однолетки и вместе проходили конфирмацию, а теперь она покоится в своей могиле.

Здесь собрался самый разный народ отовсюду, но все они желали ему счастья, и было ясно: приход посчитал, что он сорвал главный выигрыш. Большое впечатление в церкви произвело названное пастором имя: фрекен д'Эспар. Даниэль понял также, что Хельмер отнюдь не молчал эти дни, а взахлеб рассказывал о своем посещении хутора, о новой комнате и ее обитательнице.

Без особой на то надобности Даниэль направился из торговой конторы к ленсману, решив заплатить какой-то небольшой налог или что-то в этом роде, но в глубине души ему хотелось показаться Элене и восторжествовать над ней. Ах, молодые годы и буйные сердца! Оказывается, мало быть хозяином хутора на альпийском пастбище, иметь скот, а также возлюбленную, и день ото дня обеспечивать их всем необходимым, жили в Даниэле иные чувства, и они требовали пищи.

У этого любителя сигар была своя внутренняя жизнь, с которой ему приходилось считаться, о да, весьма богатая и запутанная внутренняя жизнь, и он был вынужден уступать ее требованиям. Тщеславие? А почему бы и нет? Ведь Элена им пренебрегла...

Она не появилась, не прибежала, не поглядела на него влажными глазами, с раскаянием, вовсе нет, ее нигде не было видно. Черт-те что!.. Но все равно, как удачно он сходил в селение!

Он заплатил в конторе нужную сумму и сунул в карман квитанцию, которую ему дал ленсман, так, словно она не имела никакого значения, словно он привык такими бумажками раскуривать сигару. Он суховаато кивнул и суховаато произнес «adieu»¹ вместо обычного «до свидания», а когда вышел из дома ленсмана, ни разу не обернулся.

Дело сделано.

Но тут что-то происходит: он встречает ее в лесу, да, встречает Элену, она идет ему навстречу, подходит к нему и кивает. Оба останавливаются, оба краснеют. И начинают разговор, у каждого на то свои причины, и каждый говорит своим язы-

¹ Прощай (фр.).

ком, на свой лад. У нее, у жены ленсмана, тоже, видимо, своя внутренняя жизнь, и даже если она тихая и ограниченная, то для нее, для Элены, не менее важна и значима. Она сразу говорит о главном, протягивает ему руку и желает счастья.

— Это большая новость. Не скажи это пастор, ни за что бы не поверила, — добавляет она.

— Уж не у тебя ли мне просить разрешения? — спрашивает он коллоче.

Она больше для него ровно ничего не значит, и покраснел он только от напряжения.

Его слова оглушили ее. Но она все же говорит:

— Я давно тебя не видела.

Даниэль, которому в ее словах слышались раскаяние и печаль, отвечает твердо:

— Да, ты уже давно исчезла.

— О, какое там исчезла, — ответила она и смиренно улыбнулась, — я живу в селении.

— Возможно. Но я хожу сюда только по делу. А с тобой у меня никаких дел больше нет.

— Пожалуй, так.

— Да, так, и так оно и будет, — говорит Даниэль.

О, когда надо, он может быть лихим парнем, он не допускает никакого сюсюканья, никакой угодливости. Он сумеет ей ответить надлежащим образом, он ей покажет...

Но теперь и ей не хочется уходить, и она вдруг спрашивает:

— Что за барышню ты уловил в свои сети?

Даниэль побледнел и в сердцах ответил:

— А тебе-то что? Хватит и того, что я знаю.

— Да, конечно, да только знаешь ли?

— Когда захочу узнать побольше, обращусь к тебе, — сказал он, сделав вид, что хочет уйти. — С тех пор, как ты стала женой ленсмана, у тебя выработался нюх ищейки.

— Дело в том, что ленсману по долгу службы приходится вести допросы, — ответила она. — Так положено.

— Ну и что, ее он тоже допрашивал? — спросил он насмешливо.

— Да, допрашивал, — ответила она.

Даниэль уставился на нее с открытым ртом, она побледнела, ее губы дрожали. Возможно, у него в голове промелькнули тревожные мысли: вот как... ленсман допрашивал фрекен Жюли, но когда? Он ничего об этом не знал, при этом не присутствовал — не то нашел бы управу на этого типа, обломал бы его как следует...

— Я подумала, что должна тебе это рассказать, — сказала Елена.

— Вот как, ты подумала. С чего бы это он ее допрашивал? Разве она не та, за кого себя выдает? Хочешь посмотреть ее документы? — спрашивает он и расстегивает карман: — Свидетельство о прививке, свидетельство о крещении, свидетельство о конфирмации. Они все при мне.

— Не в этом дело! — говорит Елена.

Чудеса, да и только, но он начинает ругаться, он кричит, что ему плевать на нее и на ленсмана, и пусть она отправляется домой и оставит в покое приличных людей, он ей это советует, а не то... Она просто дрянь, да и только, и ко всему прочему решила его еще и преследовать?.. Но потом он все же умолк, он увидел страдальческую, болезненную гримасу на ее лице и решил, что все понял: она ревнует его к барышне, не может пережить, что он перестал тосковать, что полюбил другую и хочет на ней жениться, ей, видно, хотелось, чтоб он сидел на своем хуторе и до смерти сох бы по Элене, которую не получил! А у него совсем другие намерения, он собирается ее как следует помучить...

— Ты о ней не заботься, — сказал он со значением. — Она единственная, кого я когда-либо любил, вот что я тебе скажу.

— Да я о ней и не забочусь, — говорит Елена, — и не думай. Сам понимаешь, сказать, что ее допрашивали из-за украденных денег, вовсе не значит о ней заботиться.

— Деньги? Какие деньги? Она их украла?

— Я этого не говорю.

У Елены сильная позиция, Даниэль испытывает некоторую тревогу, какой-то подвох: что все это значит? Деньги, конверт с деньгами?

— Все это глупости, которые выдумал твой муж! — говорит он.

— Ты думаешь? Ничего он не выдумал. Он получил приказ ее допросить, что и сделал. Она была невестой или что-то в этом роде одного финна, а этот финн украл большую сумму денег в каком-то банке. Его арестовали, но он имел при себе всего лишь несколько сот крон. Куда девались все деньги?

— И ты утверждаешь, что фрекен... Жюли... их?..

— Нет, ничего этого я не утверждаю. И муж мой не утверждает.

Даниэль говорит грубо, хотя его охватывает недоброе предчувствие:

— И твой муж не утверждает, так? И поступает как раз наоборот!

— Он уверен, что она, эта твоя барышня, знает об этих деньгах куда больше, чем говорит. Вот что он считает.

Даниэль произносит задумчиво:

— Я спрошу ее.

Молчание.

— Я подумала, что должна тебе это рассказать, — повторяет Елена.

— Она хорошая, честная, я ее спрошу, — повторяет Даниэль. — Нет, она не была невестой этого человека. Он — настоящий граф, и все это вранье, что он украл деньги из банка. У него на родине замок, ты бы видела кольцо у него на пальце, за такое кольцо можно купить весь наш приход со всеми дворами! Но граф был болен, и фрекен д'Эспар ухаживала за ним, давала таблетки и капли. И само собой разумеется, он платил ей за это, и, надо думать, немалые деньги, это было его право. Они заладились ходить ко мне на хутор есть простоквашу, а иногда, перед тем как идти назад в санаторий, граф укладывался на мою кровать поспать часок-другой. Я про графа знаю все до малейших подробностей, она рассказала мне это в первые же дни, как они только стали приходить, и прошло немало времени, прежде чем она у меня поселилась. Вот вся история, от начала и до конца, и сказки, которые ты и твой муж сочиняете, ни к чему не приведут, — заключил Даниэль.

Он кивнул и пошел.

Элена заплакала и крикнула:

— Даниэль!

— Что еще?

Те несколько шагов, на которые он успел уйти, она неуверенно прошла к нему и, остановившись, вынула платок, утерла слезы, молчала.

— Ну, что такое?

— Ничего. Мне просто тебя жалко.

— Нечего меня жалеть!

— Верно. Но раз у нее так много денег, то ты теперь знаешь, откуда они.

— У нее много денег? Я что-то этого не знаю, — раздумчиво сказал Даниэль.

— Хельмер рассказал про это, когда пришел от тебя.

— Ах, вот оно что! — в бешенстве крикнул Даниэль. — Не зря я сказал, что ты стала ищейкой, я не желаю больше с тобой разговаривать...

Домой он шел, погруженный в свои мысли. Конечно, он должен серьезно поговорить со своей возлюбленной, и это надо сделать тотчас же, не откладывая.

Но все получилось иначе, чем он рассчитывал.

Когда он пришел домой, Марты там не было. Он осторожно заглянул в новую комнату и увидел, что Жюли лежит на кровати, лица на ней нет, а в глазах безумие... Что с ней, неужели уже началось? Нет! Оказалось, ее укусила гадюка.

— Гадюка? Куда?

— Вот.

Она протянула руку с синей, бегущей вверх полоской. Марта перевязала руку, пальцы побелели, безжизненно повисли от тугой повязки, а сама она отправилась за доктором.

— Я сейчас высосу яд! — сказал он.

Но было уже слишком поздно, он даже расковырял ранку иглой и что было силы сосал, но это не помогло. Потом пришел доктор. Она была невменяема, начала кричать. У нее был настоящий шок от страха. Когда доктор обработал ранку и перевязал руку, он велел фрекен д'Эспар раздеть и уложить в постель — по разным причинам, уточнил он.

— Господи, что это со мной? — спросила она. — Только не уходите!

Он не ушел, оставался с ней то короткое время, пока это длилось. Уже было некогда посылать Даниэля в санаторий, чтобы вызвать по телефону акушерку и тем самым обеспечить умелую помощь. Просто чудо, как быстро все произошло, не иначе как гадюка оказала эту услугу.

Когда все кончилось и доктор вышел из комнаты, его ждал Даниэль, бледный и взволнованный.

— Надо думать, все позади, да? — спросил он. — Ну, а что теперь?

— Да, это случилось так внезапно. Теперь посмотрим...

— Есть опасность?

— Опасность всегда есть, когда роды преждевременны.

— Да, сильно преждевременны! Но ведь ребенок кричал, — сказал Даниэль. — Это мальчик?

Доктор кивнул и сказал:

— Вечером я снова приду. Ваша старая служанка наверняка и сама все умеет, но я все же позвоню и вызову кого-нибудь на помощь.

Вне сомнения, мальчик кричал. Даниэль подумал, что ему это неплохо удастся, надо сказать об этом матери. Ему можно войти? Ребенок умолк, он успокоился возле матери, и Даниэль проскользнул в комнату.

— Эй, малыш умеет кричать, — сказал он смущенно.

— Да, но он такой крошечный явился на свет, настолько раньше срока, — донеслось до него с кровати.

Бедная, маленькая фрекен д'Эспар. Она лежит здесь, и ей надо хранить свой секрет. Задача не из простых, она осторожная и сильная. За последние недели она успела втайне сшить несколько маленьких вещиц и не оказалась застигнутой совсем врасплох, но так как она очень неумело обращалась с иголкой и нитками, то не стала выставлять сшитые ею распашонки напоказ. Да и зачем? Тем не менее они ей нравились, а те, что она скроила из своих шелковых блузок, были на редкость мягкими и невесомыми. А у Марты было вдоволь более грубых тканей и белоснежная шерстяная пряжа.

Даниэль огляделся по сторонам и стал придуриваться.

— Он что, ушел? — пошутил он.

— Кто?

— Ребенок, малыш. Я ведь слышал, что кто-то плакал.

Тут молодая мать не могла не улыбнуться, она откинула край мехового одеяла и показала ему новорожденного.

— Он появился значительно раньше положенного, — сказала она, подчеркивая особое значение этого обстоятельства.

— Как я вижу, он вовсе не такой уж маленький, не тревожься, — сказал Даниэль. — Я был куда меньше, когда родился, верно, Марта?

Марта уклонилась от ответа и сказала:

— Слава Богу, хороший ребенок!

Фрекен д'Эспар успокоилась, она больше не думала об укусе гадюки. Ее бы воля, она тут же сорвала бы повязку с руки.

— Она мешает мне держать ребенка как надо, — сказала она.

И уже совсем спокойно рассказала, каким образом ее укусила змея.

— Я сидела, как обычно, на камне посреди лужайки, солнце сияло, и меня стало клонить ко сну. И вдруг я почувствовала чье-то холодное прикосновение к руке и вздрогнула в испуге.

Змея тут же уползла, но она успела ощутить укус и побежала домой.

— Эти гадюки — жуткие твари, — сказал Даниэль. — Однажды, когда я спал на поляне, гадюка заползла мне в штаны.

— Ты ее убил?

— Нет, не успел. И сейчас еще вспоминаю это со злостью... Какие смешные у него пальчики. Покажи-ка еще раз! Смотри, он ими двигает!

— Тебе пора уходить, — сказала ему Марта.

А тут еще эта история с деньгами и графом. К концу недели он решил с ней об этом поговорить. Разговор начался с того, что лучше бы им обвенчаться до рождения ребенка, — не очень хорошо все получилось, но Даниэль считал, что это не имеет никакого значения.

— Но я о другом, — сказал он, — я просто хочу кое-что выяснить, чтобы потом никогда больше об этом не думать. Речь идет о графе, ну, о том, что приходил сюда есть простоквашу. Он что, мошенник?

— Граф? Почему ты спрашиваешь? Нет-нет, ничего такого я в нем не заметила.

— Вот как. Но ведь он украл деньги и его арестовали.

Фрекен д'Эспар сказала:

— Может, он и мошенник, но я, во всяком случае, об этом не имела понятия, я ведь его не очень хорошо знала...

— Что у тебя с ним было?

— У меня? Ничего.

— Но ты знаешь про деньги, которые он украл. Они у тебя?

— У меня! — вскрикнула она. — Ты с ума сошел!

— Ну, так я и думал, — сказал Даниэль.

— У меня те деньги, которые он мне дал, да-да, совсем немного, они у меня. Разве я тебе об этом не рассказывала?

— Да, пожалуй. Но будь это более значительная сумма, тебе пришлось бы отдать ее ленсману, не так ли?

— Что-что? Ни за что на свете!

— Он ведь допрашивал тебя.

— Ленсман? Да. Неужели я тебе об этом не рассказывала?

— Кажется, ты как-то обмолвилась.

— Он допрашивал всех в санатории, и меня в том числе.

Почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Они там у ленсмана уверяют, что ты знаешь о графе и деньгах больше, чем говоришь.

— Не иначе как все они с ума посходили, — сказала она. — Что я могу об этом знать? К тому же граф не крал деньги и его никто не арестовывал, мне рассказал об этом адвокат в санатории. Полиция ошиблась, они отвезли его не в тюрьму, а в больницу, потому что у него чахотка. Можешь сам спросить адвоката.

Лучших доказательств для Даниэля было не придумать, его вера и доверие получили подтверждение, и он ушел, полностью удовлетворенный объяснениями своей подруги. Ха-ха, Элене не удастся разрушить его планы. Бедная Элена,

она наверняка раскаивается, она в отчаянии, еще не дай Бог пойдет в один прекрасный день на озеро топиться. Но уж на это он не сумеет смотреть хладнокровно, придется ее спасти.

Снег пластами соскальзывал с крыш и таял на дорогах, все больше превращая их в грязное месиво. Вокруг то и дело звучали глухие удары — это обрушивался влажный снег, пастбища и скала все больше оголялись. Перед самой Троицей в горах разыгралась настоящая буря с проливным дождем, было приятно сидеть дома, в тепле, и знать, что припасов хватит и для людей, и для скотины. Непогода бушевала всю ночь, гром гремел в вышине грозными раскатами, этот фантастический спектакль разыгрывался по нарастающей до четырех часов утра, и лишь после этого небо и земля стали постепенно успокаиваться. А на следующий день наступила весна.

Как удивительна весна в горах!

Она пришла совсем неожиданно, нагрянула, как внезапно блеснувшая чудесная мысль, молниеносная и безумная. Марта сняла зимнюю одежду.

Когда фрекен д'Эспар вышла из дома, она застыла от того вида, который ей открылся: внизу перед ней раскинулся широкий мир, он простирался до самого прихода и был совсем иным, чем прежде: зеленый, залитый солнцем, пышный — лес вокруг горных пастбищ с распускающимися цветами, зеленеющие посевы на полях. Сильный запах земли оглушал. Очень скоро она совсем поправилась, выносила ребеночка из комнаты, усаживалась с ним на пороге дома и кормила его грудью, а Даниэль пристраивался рядом.

— Страшно, что он родился таким маленьким, — заметила она, снова подчеркивая, что не доносила младенца, — только бы нам его не потерять! Ведь доктор сказал, что он слишком рано явился на свет.

— Да, он что-то такое говорил.

— Вот видишь! На много недель раньше срока, ты же сам знаешь, когда мы встретились!

О, фрекен д'Эспар должна быть очень благодарна гадюке, ей бы никогда не найти лучшего объяснения преждевременным родам.

— Да он вовсе не такой уж маленький, — уверял ее Даниэль. Он гордился малышом. — Тебе так просто кажется, у страха глаза велики!

Все было в полном порядке, в маленькой семье не возникало никаких недоразумений. Разве мальчик не прибавлял с каждым днем? Разве они ссорились из-за него с утра до вечера? Да нет, никогда! Даниэлю вскоре снова пришлось спуститься в селение, и он купил там малышу платок с изображением зверей и подарил его ему от всего сердца. Что же стояло на их пути? Ничего! Сострадательная умиленность ослепила Даниэля, он не видел ни себя, ни свой хутор в истинном свете. Его потребности были крайне малы, его семейная жизнь строилась на лжи, но им владело сильное и благородное чувство удовлетворения.

Фрекен д'Эспар ценила его, ей никак нельзя пренебрегать им, и останься все таким, каким было сейчас, то опасаться и вовсе нечего! Она все дни проводила с ребенком, снова стала хорошо выглядеть, была здорова и твердо решила, что Даниэль никогда не услышит от нее ни одного злого слова.

— Даниэль, как по-твоему, мы ведь его не потеряем? Быть может, мы его не заслужили, но он будет с нами!

К ней вернулись мужество и сила, и она сказала:

— Если бы меня теперь позвали в санаторий, то я взяла бы малыша на руки и пошла бы с ним.

Семейная жизнь, построенная на лжи? Да, но и во лжи может быть много красивой правды. Не делай жизнь ложь такой необходимой, ее бы не было.

Бракосочетание все откладывалось. Не из-за чьего-то нежелания, виной тому были обстоятельства, а не фрекен д'Эспар. Взять ребенка с собой в церковь? Об этом и речи быть не могло. Выставить его на позор, дать повод кумушкам посудачить, да еще, Боже избави, показать его чужим! Но как оставить такого маленького дома? Нет, это тоже невозможно. Марта ведь не может дать ему грудь. Что было делать?

Когда наступило лето, Марта взяла мальчика, спустилась с ним в приход и окрестила его, потому что молодая мать пока еще не могла предстать с ребенком перед чужими.

XIV

Все могло бы быть хорошо.

Снова наступили каникулы, и снова на дорогах, ведущих в санаторий, появились люди — одни шли пешком, другие ехали в колясках — это были гости, приехавшие набраться здесь сил, и толстяки, мечтавшие похудеть. Их принимали

инспектор и сестра-хозяйка, приходил и доктор, если в нем была нужда. На курорте царил образцовый порядок, каждый день вывешивали прогноз погоды, на поворотах тропинок стояли указатели, на столбах висели всевозможные объявления, в распоряжении гостей была многочисленная прислуга, и даже сам директор адвокат Руппрехт считал, что все идет как надо.

Работы по строительству электростанции начались несколько недель назад, но, как это обычно бывает в подобных случаях, отставали от намеченного графика и продвигались куда медленней, чем хотелось бы. Возникли непредвиденные трудности, оказалось необходимо взрывать скалы, а громоподобный шум от таких взрывов грозил нарушить покой пациентов, поэтому был возможен лишь в определенные часы. «Зато у нас будет электричество! — не уставал повторять адвокат. — И мощная гидроэлектростанция!»

В санаторий то и дело прибывали всевозможные грузы: то продукты, то мебель и оборудование для тех комнат замка, которые до тех пор пустовали, то, поскольку собирались увеличить жилую площадь в два раза, материалы для нового строительства, а именно — железные балки, цемент, доски, а также матрасы, большие зеркала, печки, обои.

А однажды на вокзал прибыл один господин и поднялся наверх, в горы, да, он поднялся...

До санатория он доехал в коляске, хотя багаж его был невелик, только один изящный ручной чемоданчик. Одет он был тоже весьма изящно, хотя вещи на нем не были новыми. На его пальце красовалось бриллиантовое кольцо, а булавка, воткнутая в галстук, тоже была украшена небольшим бриллиантом. Привез его Хельмер.

Господин этот вышел из коляски у большой веранды, прошел мимо многих гостей, дружески поприветствовал сестру-хозяйку и сказал:

— Если это возможно, мне хотелось бы получить мою прежнюю комнату. Я здесь у вас уже жил, моя фамилия Флеминг.

Сестра-хозяйка сперва растерялась:

— Не знаю... Вы господин Флеминг?

Господин Флеминг улыбнулся и кивнул.

— Да, ваша комната... Я сейчас узнаю...

Подошел инспектор. Поздоровался и взял у господина Флеминга чемоданчик. Они направились в курительную комнату, и по дороге сестра-хозяйка сказала:

— Это господин Флеминг!

Тут появился адвокат Рупп्रेхт и громко выразил свою радость, тут же узнав гостя.

— Вот так сюрприз! — воскликнул он. — Как вы поживаете, господин граф? Неужели вы не узнали господина графа? — спросил он сестру-хозяйку.

— Ничего удивительного, — заметил господин Флеминг, — у меня теперь такая окладистая борода!

— Я узнал бы вас среди тысячи других людей! Какую комнату мы можем предложить графу Флемингу?

Выяснилось, что его прежняя комната занята, но это удастся уладить, сам адвокат этим займется. Он вел себя как гостеприимный хозяин, весь сиял, позвонил горничной, велел принести портвейна, предложил гостю с ним выпить и все повторял «господин граф», чтобы другие отдыхающие это услышали. Одним словом, господину Флемингу был оказан большой почет.

И в самом деле, все удалось уладить, господин Флеминг получил свою прежнюю комнату, и инспектор принес с чердака его чемодан. Ключик висел в конверте с сургучной печатью, и господин Флеминг сломал ее с таким равнодушием, словно конверт запечатал не ленсман, а он сам. Брать то, что опечатано полицией, опасно, так считается, но господин Флеминг, видимо, ничего не опасался.

Инспектор сказал, чтобы войти в доверие:

— Это не мы, а ленсман опечатал ваши вещи.

— В этом не было никакой нужды, — ответил господин Флеминг. — Не сомневаюсь, что в санатории никто в мое отсутствие не открыл бы мой чемодан.

Он помылся и привел себя в порядок с прежней тщательностью, спустился вниз и присоединился к остальным гостям. Из них он знал лишь немногих, увидел самоубийцу на веранде, подсел к нему и предложил сигарету.

Самоубийца от сигареты отказался. Он снова был в плохой форме, весь как-то сник, не отрывал глаз от пола, дул на ранку на руке и молчал.

— Похоже, здесь теперь много народу, — сказал господин Флеминг.

Самоубийца вдруг отозвался:

— Да, полно дураков. Толстяки сюда ездят, чтобы избавиться от жира, и, видит Бог, им это удается, ибо нас кормят только здешней водой и консервами.

Господин Флеминг усмехнулся, он, видимо, узнал ворчливый тон, которым самоубийца разговаривал прежде.

— А худые? — спросил он.

— Худые живут надеждами.

Возникла пауза, которую прервал господин Флеминг:

— Вы верны санаторию.

— Я здесь живу, чтобы не быть в другом месте, — возразил ему самоубийца.

Но когда господин Флеминг попытался продолжить этот разговор, он уже не получил от самоубийцы никакого ответа. Тот, видимо, выговорился.

Людей в санатории и в самом деле было полным-полно — нет, глядя на них, нельзя было согласиться с самоубийцей и назвать всех отпетыми дураками, но все они были на свой лад деформированы, одни — чрезмерной худобой, другие — ожирением, этакие неуклюжие бочонки с ногами. В большинстве своем это были учительницы или секретарши, искалеченные непрерывной писаниной и чтением бумаг, многие с худенькими и длинными ручками и ножками, походившими на сочленения насекомых. Впрочем, встречались и прехорошенькие мордашки с беспомощными, добрыми глазами. Одна дама сидела на веранде и пространно рассказывала, в какой большой фирме она служит и какие счета ей приходится выписывать, она оперировала огромными суммами, тысячами, и все это по поводу датских яиц и датской ветчины. Притом казалось, что ее худые собеседницы охотно слушают повествование о таком невообразимом количестве качественной еды.

Господин Флеминг встал, чтобы поздороваться с директором Оливером — из-за своей окладистой бороды ему приходилось всякий раз называть свое имя. Немолодой уже деятель просвещения за это время ничуть не изменился, на нем тот же костюм, и лицо у него все то же — утомленное, серое, и та же манера говорить, терпеливо поучать. Неизменяемость этого человека порождала чувство безнадежности, даже свой черный галстук он не поменял, руки были все такими же длинными и костлявыми, а ботинки — такими же прочными. Стойкий персонаж в санатории «Торахус».

— *Voilà un homme!*¹ — сказал он, приветствуя господина Флеминга. — Вы знаете это изречение? Так сказал Наполеон, встретившись с Гете.

И директор тут же стал объяснять Флемингу, что не встречал здесь ни одного человека, с которым мог бы говорить на равных, причем, он вовсе не утверждает, уточнил он, что у гостей санатория нет никаких интересов, отнюдь нет, но просто он не встречал людей, родственных ему по духу.

¹ Вот это человек! (*фр.*)

Впрочем, за одним исключением: инженер, ведающий строительством электростанции, обладает настоящим актерским даром.

— Вы обязательно должны с ним познакомиться!

Директор гимназии был рад встретиться с господином Флемингом, человеком, с которым можно было беседовать обо всем, он был хорошо воспитан, образован и интересовался духовными ценностями. Господин Флеминг спросил, как поживают сыновья директора, такие прекрасные ребята.

— На этот раз я их снова взял с собой. Они носятся по всей территории, и одному Богу известно, где они сейчас!

Директор никогда не был вполне доволен своими мальчиками, они пока не проявляли ни того горячего желания учиться, ни тех способностей, которыми он сам обладал в их возрасте, но что поделаешь?

— Конечно, кое-что они все же знают, — сказал директор, — не то это был бы просто позор: дети директора гимназии, дети городского светила, если я смею сам так о себе отозваться. Но вот в языках, в грамматике они отстают — просто странно, в том предмете, который мне всегда казался самым легким! Но если их оставишь в лодке или пошлешь с каким-нибудь поручением в город, то потом их находишь либо в кузнице, либо на верхотуре строящегося дома!

— Это так по-мальчишески! — сказал господин Флеминг с улыбкой.

— Но я не хочу, чтобы так было, они должны заниматься, учиться и двигаться дальше!

Директор принялся подробно развивать эту тему и затеял весьма длинную беседу. Разговаривать с господином Флемингом ему нравилось, он был так вежлив, так восприимчив и склонялся перед теми, кто знал больше.

— Скажите, вам не мешает, господин директор, — спросил господин Флеминг, — что здесь так много чужих и вообще такое количество народа?

— Нисколько. Хотя, честно говоря, конечно, все же немного мешает. Мы же все люди разного уровня, каждый должен прилаживаться к другому во всех отношениях, и это может стать затруднительным. Но в целом я всем доволен. Место восхитительное!

О, директор гимназии Оливер был человеком без претензий, всю свою жизнь он прожил весьма скромно, можно даже сказать, в постоянной бедности, ел, что ему ставили на стол,

и не рассчитывал на то, что ему почистят ботинки. Теперь он, правда, вошел во вкус бесплатного проживания на ка-никулах в этом большом санатории и жил там как можно дольше. Он посчитал, что приезжает сюда в третий раз, ему здесь нравилось, и с какой стати он должен ехать в какое-то другое место. Он не любил ничего менять.

Поздоровавшись и поговорив со старыми знакомы-ми, господин Флеминг отправился побродить по лесу. Са-райчик стоял как прежде и был полон свежего сена. А даль-ше — красиво раскинулся хутор Даниэля. Он дошел до дома и увидел, что в пристройке на окнах висят занавески.

В один из ближайших дней во время такой прогулки он увидел фрекен д'Эспар, она сидела с ребенком на пороге дома.

Ждала ли она его или невольно кивнула, неясно, но, как бы то ни было, она тут же встала, вошла с ребенком в дом, но вскоре вышла и пошла ему навстречу.

Тайная встреча в лесу — сколько времени прошло с тех пор, как это случилось в последний раз? Они оба покрасне-ли — Бог его знает от чего, может, от волнения, а может, от чего-то другого. Они поздоровались за руку, но что еще ска-зать, не знали. Он увидел у нее во рту дырку вместо зуба и заметил, что она пытается ее скрыть, показал шрам на под-бородке и проговорил наконец:

— Вы так ужасно себя ранили!

— Это было давно, зимой. Вы хорошо выглядите. Боль-ше не кашляете?

— Нет. Вы знали, что это я здесь стою?

— Я так подумала. Тут нет никакого колдовства, я услы-шала от Хельмера, что вы приехали. Хельмер — это тот крестьянин, что вас привез.

Господин Флеминг кивнул:

— Я от него тоже почерпнул кое-какие сведения.

— Вот как, — сказала она и вздохнула, — значит, вы в курсе всего, что случилось.

Пауза.

— Вы хорошо выглядите, но как-то непривычно. Поче-му вы отпустили бороду?

— Потому что... Видите ли, у меня провалились щеки, не обольщайтесь на мой счет, я здорово истощен. Но я подумал, что сумею здесь снова поправиться, я помнил про «То-рахус», про хутор, про простоквашу. Кроме того, я подумал, что если явлюсь к здешнему хозяину, к Даниэлю или как там его зовут, с этой бородой, то смогу сойти за друго-го человека. По некоторым причинам мне этого хотелось.

— Он вас сразу узнал бы. Да, и он, и Марта вас сразу узнали бы.

— Наверное, это была ребяческая затея. Давайте лучше поговорим о вас.

— Нет, обо мне не надо. Сами видите, какой я стала. — И она вдруг сказала, чтобы опередить его возможный вопрос: — Поглядите, я и зуб потеряла.

— Ну и что с того?

— Во всяком случае, это не очень красиво.

— Клык на этом месте был бы не лучше. Но вы ответьте мне на вопрос: вы что, собираетесь замуж?

Пауза.

— У меня родился ребенок, — сказала она.

— Ребенок... вот как...

— Его зовут Юлиус. Большой, красивый ребенок, поверьте мне. Он сказал, что ему надо дать мое имя.

— Кто сказал?

— Даниэль.

Пауза.

Каждый погрузился в свои мысли.

— И вот теперь вы хотите выйти замуж, — сказал он задумчиво.

— Расскажите лучше о себе, — попросила она. — У вас снова все в порядке, вы здоровы?

— Как-то держусь. К слову сказать, я в этом смысле возлагал надежды на санаторий, но теперь не знаю, все так изменилось...

— Вы поправитесь, будьте только осторожны. У вас было столько забот, когда вы были здесь в прошлый раз, я хочу сказать, в конце вашего пребывания, это не пошло вам на пользу. Но, как я слышала, все это глупости.

— Да, сплошные глупости. Я попал в Христиании в больницу и там поправился. О, я выносливый, а болезнь моя очень зависит от настроения. Я отправился на пароходе в Финляндию и в пути совсем вылечился, так что я больше не харкаю кровью. И это было великолепное путешествие: Балтийское море, перемена воздуха, лучшего средства мне бы не найти.

— Да, но когда вы прибыли домой, в Финляндию?.. — спросила она и, возможно, подумала о тюрьме и заключении.

— Никаких изменений, — ответил он. — То есть, конечно, изменения были: моя мать продала имение, я ведь не мог ездить домой и жить у нее...

— Она продала имение?

— Да, а что она могла еще сделать? Я не мог бы им заниматься, я был болен. Вот она его и продала, превратила в деньги.

— А где сейчас ваша мать?

Пауза.

— Как печально, — сказала фрекен д'Эспар.

— Давайте не будем об этом говорить, это случилось прежде, чем я вернулся домой, это случилось, когда я лежал в больнице в Христиании, я узнал из письма. Между прочим, она умерла не от воспаления легких, у нее было что-то с сердцем, возможно, удар, я был просто не в силах это читать.

Он взял ее руку, слабое пожатие, безо всякой навязчивости. У Даниэля была другая хватка. Однако эта худая рука конторского служащего чем-то ее потрясла: кожа тонкая, прозрачная, а сама рука теплая от постоянной небольшой температуры, сжимать ее было приятно, у нее мороз пробежал по спине. Она так долго не позволяла себе тосковать по своей прежней жизни, по своему кругу, что уже больше не могла сопротивляться этому нахлынувшему чувству, и во внезапном порыве бросилась господину Флемингу на шею. Это придало ему уверенности, он стал свободнее, целовал ее, был нежен.

— Мы должны быть осторожны, — сказала она, — он может прийти по этой дороге.

— Кто?

— Даниэль. Он на горном озере, удит рыбу для санатория, но может вернуться этой дорогой.

Господин Флеминг сразу пал духом и умолк.

— Как странно быть снова с вами, — сказала она. — Сколько времени прошло с нашей последней встречи?

— Не знаю, я не должен об этом думать. Это было давно.

Она сбоку разглядывала его. Он прав: он сильно исхудал, черты обострились, ногти посинели. Видимо, он прошел Бог знает что и ел из жестяной миски, которую ему совали в окошечко в двери камеры. Богатым он тоже не казался, хотя по-прежнему на пальце было бриллиантовое кольцо и одет он был в дорогой костюм из своего чемодана; тем не менее было заметно, что держался он совсем не так, как прежде, словно все это время прожил в нужде и теперь ему уже не на что опереться.

Вдруг она очень внимательно посмотрела на его руку:

— Это... разве это то самое кольцо?

— Ну конечно, — ответил он и поднял палец, чтобы грани засверкали на солнце.

— Мне кажется, оно не блестит, как прежде.

— Это из-за пыли, внутри в него забились пылинки. А вообще-то мне больше не хочется его носить, — сказал он и, сняв его с пальца, сунул в карман пиджака.

— Спасибо, — сказала она, — спасибо за все, за деньги...

Он рассеянно покачал головой и спросил с улыбкой:

— Вы их спасли?

— Конечно.

— Вам не пришлось их сжечь?

— Нет-нет, я смогла их сохранить. Правда, я была вынуждена взять оттуда немного, Даниэлю дала, и на себя потратила, он лошадь купил и всякие мелочи для дома...

— Об этом и говорить не стоит...

— Может, вернуть вам эти деньги? Скажем, частично?

— Что вы! Нет-нет!

— Ну хотя бы немного?

Он покачал головой.

— Все так изменилось. Я не знаю, что мне делать. Я вернулся потому, что вы здесь, и потому, что мне здесь было хорошо: за мной наблюдал врач, за мной ухаживали, когда я болел, все проявляли заботу, в горной хижине меня угощали простоквашей, я там хорошо спал, укрытый мехом, я каждый день видел вас. Я скучал по вам, только о вас и думал.

— Вы и теперь можете видеть меня каждый день, — сказала она.

— Но как это можно устроить?

— Я буду приходить в санаторий, когда вы захотите. Он не против.

Он снова покачал головой.

— Это не то же самое. Разве вы не собираетесь замуж?

Она ответила не сразу.

— Да.

— Ну вот видите. Как же вы сможете ко мне приходить?

Нет, все миновало.

Он молчал, они оба молчали. А потом он снова заговорил:

— Вы говорите, деньги? Лишь в случае крайней необходимости мы с вами вместе могли бы тратить эти деньги. Я думал, они помогут нам как-то выбраться из трудностей. Я и приехал сюда только для того, чтобы с вами это обсудить. Но, повторяю, все миновало, нету, увы, первоосновы, я вам уже не нужен.

— Нет, вы не правы, не надо это говорить, вы мне нужны, уверяю вас.

— Не так, как хотелось бы.

— Нет, так. Но что мне было делать? Я осталась одна, в полном отчаянии, я ждала ребенка, из санатория пришлось уехать, мне нужно было найти дом.

— Конечно.

Долгое молчание, они снова погрузились в свои мысли.

— Обстоятельства, — начал он задумчиво, — обстоятельства виной тому, что я не смог стать для вас тем, кем должен был стать...

— Напротив! — прервала она его и утешила: — Вы были тем, кем должны были быть, и даже больше того, вы так много сделали для меня! Что бы со мной стало, если бы вы не обеспечили мне возможность жить, потеряв работу в городе?

— Ну да, да, хоть это...

— Вы сунули мне за пазуху пакет денег. Вы даже представить себе не можете, что это для меня значило.

— Ладно. Обстоятельства так сложились, что я не мог вас взять с собой. Может, в те дни вы согласились бы сопровождать меня?

— Да.

— Вот видите. А теперь вы уже не в состоянии этого сделать.

— Мне надо идти, — сказала она и встала, — малыш проснется, а меня не будет.

— Вы позволите мне снова сюда прийти? — спросил он.

— Да, — сказала она задумчиво, — да...

— Либо вы придете ко мне?

— Быть может.

— Я обязательно хочу с вами еще поговорить, узнать про все...

Она несколько раз приходила в санаторий. Обычно рано утром, она вставала около шести и заставала его еще в постели. Так было раза два-три, а потом произошла неприятность. Горничным не нравятся такие визиты, если они сами ничего с этого не имеют. Когда она как-то утром попыталась проскользнуть к нему в комнату, она в коридоре наткнулась на директора санатория, адвоката Руппрехта.

Он тут же узнал ее, поздоровался, расплылся в улыбке и, казалось, искренне обрадовался встрече.

— Я не видел вас целую вечность, фрекен д'Эспар, нехорошо с вашей стороны, что вы нас совсем забыли. Что мы вам сделали плохого? Прошу вас, давайте выпьем вместе кофе, я вас не отпущу, пока вы не расскажете, как поживаете...

те. Давайте сядем вот здесь. Должно быть, вы хотите поговорить с господином Флемингом? Он еще не встал, он не такая ранняя пташка, как вы и я, но мы сейчас за ним пошлем. А мы пока выпьем кофе, это будет весьма кстати. Луиза, будьте добры, принесите фрекен д'Эспар и мне кофе. А потом поднимитесь на второй этаж, постучите в дверь господина графа и скажите, что его здесь внизу ожидает молодая дама...

Так получилось, что с этого дня они уже не могли встречаться по утрам в санатории.

Фрекен д'Эспар заранее подготовила Даниэля и Марту к появлению господина Флеминга. Она рассказала, что граф снова приехал в санаторий, они ведь помнят богатого, роскошно одетого графа? Так вот, он снова здесь и снова изъявил желание приходить есть простоквашу.

Даниэль довольно улыбнулся, а Марта стала в растерянности оправлять свое платье.

— Но тогда пусть будет по-моему, — потребовала она, — пусть он теперь ест ее в новой комнате, кухня неподходящее место для такого господина!

Фрекен, казалось, была очень недовольна тем, что граф будет торчать в ее комнате, но ей пришлось уступить.

Граф пришел в первый раз, а потом стал появляться ежедневно, ел простоквашу и постепенно стал поправляться, в самом деле, было видно, что сил у него прибавилось. Все было бы прекрасно, будь это честная игра, а не обман, — частенько они даже задерживали плотные занавески, так что снаружи никто не мог к ним заглянуть, — исключительно для того, чтобы укрыться от солнца. Господин Флеминг съедал простоквашу, клал двухкрановую монету на стол, и если ребенок спал, фрекен д'Эспар провожала его домой. Иногда случалось, они доходили вместе до самого санатория, и тогда она проводила некоторое время в местном обществе.

Повстречав самоубийцу, она умудрилась разговаривать с ним, да-да, фрекен д'Эспар умела настроить его на общение и вызвать на беседу.

— Я слышал, две наши горничные заболели, — тотчас сообщил он. — Скажите спасибо, что не живете здесь больше, фрекен д'Эспар.

— Расскажите!

— Это новенькие, они только что пришли из селения, не привыкли к здешней еде и обе слегли. Одна как будто уже достигла последней главы. Иначе и быть не могло, эти консервы — чистый яд. Не сумеет ли Даниэль продать нам еще одного быка?

— Не знаю, — ответила фрекен д'Эспар, смеясь.

— Он просто спас бы нам жизнь!

— Но вы совсем неплохо выглядите, господин Магнус.

— Я стараюсь не поддаваться, но я уже совсем не тот, что был. Ем без всякого аппетита, и даже сесть на стул мне трудно, нет, я не тот, что был. По вечерам играю в «шестьдесят шесть» с отдыхающими. Что вы на это скажете?

— Дорогой господин Магнус, мы все должны стараться принимать то, что случается, с лучшей стороны.

— Где это написано?

— Не знаю. В нашей судьбе.

— Видите вон того господина на тропинке? — спросил самоубийца и показал глазами на директора гимназии. — Этот книжный червь все принимает, как вы говорите, с лучшей стороны. Он знает языки, но сам он ничто. Старательно погружается в свою школьную премудрость и все учит чисто механически, чтобы эти же механические мертвые знания передать потом детям. Но он не понимает всей смехотворности таких занятий, не задает себе вопрос: разве это жизнь? Напротив, он уверен, что его деяния поднимают его в глазах окружающих, считает себя необыкновенным, все что-то сам доучивает, чтобы потом научить этому других. Вот он принимает все с лучшей стороны. В клубе своего родного города он читает иностранные газеты, люди с ним здороваются на улице, и он доволен. Это его жизнь. Он не испытывает уважения даже к великим ученым, он их в упор не видит, понятия не имеет о том, что они существуют. Ох уж эти сеятели, исследователи эпох и народов...

— Вы что-нибудь слышали о нашем друге Моссе? — спросила фрекен д'Эспар.

— Мосс — обманщик, негодяй! Посмотрите, что он со мной сделал, — сказал самоубийца, протянув ей свою руку. — Не заживает! Я пытался выжечь эту ранку, но все бесполезно, он меня заразил. А еще уверял, что он человек религиозный! Но я пошлю ему письмо, я ему покажу!..

— Он пишет? — спросила она. — Или он умер?

— Он? Умер? Конечно, пишет. Я его писем в руки не беру, их читает доктор, а он все пишет и пишет, стыда не знает. Уверяет, что видит все лучше, и последнее письмо якобы написал уже сам.

— Не может быть! — воскликнула фрекен д'Эспар в крайнем изумлении.

— Ах, вы, значит, тоже ему верите? — спросил самоубийца с недовольным видом. — Допустим, что это так, что он сам его написал, — только не думайте, что строчки у него

прямые и ровные, я так мог бы написать с завязанными глазами. Но это еще не самое плохое. Теперь он пытается нас убедить, что его болезнь — это всего лишь сикоз бороды, своего рода лишай, который изуродовал его лицо. Ну, что вы на это скажете?

— Я в этом ничего не понимаю.

— Хорошо, допустим, что на лице у него был этот сикоз, а на всем остальном теле что? Что, тоже сикоз?

— А разве у него были язвы и на теле?

— Не знаю, но уверен, что были. Он вообще был весь какой-то грязный, как скотина, сплошь в язвах и нарывах. Не исключаю, что он, может, и стал лучше видеть, если ему подлечили глаза, но как вы тогда объясните, что он заразил меня курткой?

— Покажите-ка мне еще раз вашу ранку, — попросила она.

— Да незачем, — ответил самоубийца, уклоняясь от выполнения ее просьбы, — спорить о том, есть ли она, увы, не приходится.

— А что говорит доктор?

— Доктор! — гневно фыркнул самоубийца. — Лучше бы сам принимал лекарства! Разве доктор Эйен был плохим доктором? А вот говорил же он, что у Мосса проказа.

Спорить с ним дальше не имело смысла. Поэтому фрекен д'Эспар наклонилась к нему и спросила:

— У вас есть какие-нибудь вести из дома?

— Зачем вы об этом спрашиваете? Ни слова!

— Извините, я имела в виду новости о малышке, о ребенке. Вы что-нибудь слышали о ней?

— Почему я должен был слышать? Я даже не знаю, как ее зовут, я здесь, а она там. Что у нас общего?

— Как это печально...

— При первой же возможности я намерен поехать в Христианию и решить там все вопросы. С сомнениями надо покончить, даже если это чревато для всех нас смертью, самоубийством, гибелью! Мне все равно! — И после этих мрачных слов самоубийца добавил: — Будьте добры, фрекен д'Эспар, спросите Даниэля, не захочет ли он продать нам быка, это вопрос жизни и смерти!

Даниэль снова заговорил о венчании.

Да, конечно, она согласна в любое время.

— Но ты что, собираешься венчаться в шерстяном свитере?

Он и не подумал об этом, а она, видимо, права. Правда, у него есть воскресный костюм, но, наверное, по такому торжественному случаю надо занять что-то новое. Но о том, чтобы успеть сшить что-то до Троицы, и речи быть не может, черт возьми!

Венчание снова пришлось отложить.

Сразу после Троицы он вернулся к этому разговору. Она не сказала «нет», но что-то не очень спешила предложить ему денег на новую одежду. Это было как-то странно, Даниэль, должно быть, на это надеялся, прежде она то и дело говорила: «Иди, купи себе то или это, вот тебе деньги». Она его избаловала, и теперь он никак не мог взять в толк, откуда взялась ее внезапная бережливость. Он несколько обиженно оборвал разговор и долгое время не упоминал о венчании.

А тем временем господин Флеминг продолжал каждый день приходить в новую комнату, а потом она его провожала до санатория. Это длилось долго, почти до конца лета. Но вот однажды, когда она снова собралась было уйти с господином Флемингом, Даниэль вышел из кухни и позвал ее:

— Малыш проснулся, я слышу его крик!

— Проснулся?

— Да, Юлиус проснулся. Он плачет, я слышу.

Она повернулась и пошла назад, а господин Флеминг отправился один в санаторий. Она шла медленно, только из чувства долга, и сказала Даниэлю:

— Как странно, он ведь крепко спал.

Даниэль последовал за ней в новую комнату, как бы для того, чтобы посмотреть, в самом ли деле малыш проснулся. Но оказалось, он спокойно спал.

— Что это значит? — спросила она.

Даниэль пробормотал что-то маловразумительное. Казалось, он и сам удивлен, и продолжал уверять, что отчетливо слышал плач малыша, мол, сам не понимает, что произошло. Неужели он трус? «Господи милостивый, только бы он не оказался трусом», — подумала она.

Они немножко поговорили о том, что случилось, она осталась явно недовольной, однако примирилась с ситуацией. А когда Даниэль стал приставать с лаской и нежностями, она все поняла и попыталась отвергнуть его притязания, даже оказала было сопротивление, однако в конце концов сдалась. Знай она об этом заранее, ни за что бы не вернулась. Однако она не решилась всерьез проявить свое нежелание, свела все к шутке, выговаривая ему и ударяя его

ладонью. Она твердила, что он не в себе, просто невменяем, что она чуть ли не боится его, что он груб. Даниэль славился своими причудами, он и правда был груб и вспыльчив, но устоять против него было невозможно, это так, а его недостатки часто оборачивались достоинствами. Он посещал новую комнату теперь крайне редко, она больше не боялась темноты, светло было допоздна, и в качестве ночного стража он ей уже был не нужен. Поэтому она выставила его за дверь.

— А теперь уходи, проказник! — сказала она.

Она попыталась подумать о нем без предвзятости. Не случись ничего непредвиденного, она, скорее всего, была бы уже его женой и хозяйкой хутора Торахус. Пренебрегать Даниэлем не следует. Он ест за двоих, но и работает так же. Когда однажды зимой он пришел после рубки леса домой с раной на ноге, он прежде всего сел за стол. И только когда кровь пролилась на пол, она наконец поняла, что он поранил себя. Кровь сочилась из дырявого носка его сапога. «Пустяки, это из большого пальца!» И завязал палец тряпочкой — он обращался с ним, будто с деревяшкой.

А как он повел себя, когда весной упал с крыши амбара? Верхнюю часть амбара небоскребом не назовешь, но она покоится на очень высокой стене в форме арки, и вот на самой ее верхотуре Даниэль как раз и возился. В том несчастном случае была отчасти виновата фрекен д'Эспар. Он лежал на коньке крыши и заделывал дырку. Она что-то крикнула ему снизу, и он вынужден был повернуться, чтобы слышать ее слова. Вот тогда-то это и произошло, буквально на ее глазах, потому что она стояла внизу и глядела на него. У него не было времени быть осторожным, она отчетливо видела, что он не прыгнул изящно, как обычно, словно спускался на облаке с неба, а рухнул как колода, на лету его тело выпрямилось, и он упал, ударившись плечом о землю. Он не крикнул, кричала она. Он встал на ноги как ни в чем не бывало: что случилось, черт подери? И уставился на крышу с окаменелым лицом, выражавшим полное непонимание того, что произошло. Только потом он что-то почувствовал. «Сильно ударился, Даниэль?» — спросила она. «Не думаю, — ответил он, — но все же для приличия придется немного постонать!»

Фрекен д'Эспар продолжает размышлять.

Тот другой — больной господин, он болен с юных лет, но какой изящный и внимательный, он считается с ней, просит, а не требует, а своими разговорами и чувствами помога-

ет ей подняться на более высокую ступень. Он нуждается в уходе и помощи, но он их заслуживает. Он вовсе не граф, но вполне мог им быть — с такими-то манерами, с такой прелестной улыбкой, с лаковыми ботинками, шелковым бельем и бриллиантовым кольцом в кармане пиджака.

И он ее первая любовь.

С чего все началось? Господи, да она и сама не знает, началось ни с чего: как-то вечером в санатории он придвинул свой стул поближе к ее стулу и так сидел молча. Может, это исходило от его дыхания, от запаха его волос, но ее вдруг пронзил какой-то ток. Что такое влюбленность? Она тогда покраснела и улыбнулась, а он положил руку на спинку ее стула, и это было как объятие, еще немного — и она упала бы в обморок, выставив себя на всеобщее осмеяние. Но он был настолько тактичен, что сказал: «Здесь холодно, пойду надену пальто». Он отсутствовал излишне долго, и она пошла за ним и сказала: «Да, стало холодно, вернемся лучше в дом».

Каждый день добавлял что-то новое, росли доверие и близость, а потом пришла любовь, потом она ухаживала за больным и наступила катастрофа.

Все это было давным-давно, с тех пор миновало много месяцев, ей пришлось со всем справиться без него, время сделало свое дело. Да, но родник не иссяк, не пропал, и вода из него понемногу текла, текла...

У нее щемило сердце при мысли о том, сколько всего ему пришлось перенести и что он и теперь не стал тем, кем был, не поднялся снова на верхние ступеньки общества. Да, он носит шелковое белье, но оно уже не новое и не свидетельствует о достатке. И он все чаще забывает положить двухкрановую монету за простоквашу... Что бы это значило? Фрекен д'Эспар приходилось втайне выручать его, отдавать Марте две кроны из своих денег.

Даниэль снова зашел к ней, видимо, он за это время продумал до конца свое положение и решил сказать ей то, что у него на сердце:

— Завтра вечером я пойду в приход и закажу костюм.

— Да-да, — отвечает она.

И так как она ничего не добавила, он продолжает:

— Я просто хотел узнать, не надо ли и тебе что-нибудь купить?

— Нет.

— Можно сшить костюм в кредит, — говорит он.

— Да, так и надо сделать, — отвечает она.

Даниэль ушел.

Что это? Почему он говорил только о своей одежде? Проявление деликатности, такта? Разве ей тоже не нужно новых вещей? Если все делать как положено, то ей необходимо шелковое платье, белые туфли, много метров вуали для фаты и шлейфа, который должны нести подружки. В своих представлениях Даниэль, видимо, и в этом вопросе не отрывается от родной почвы. А в романах, которые она читала, молодые после свадьбы обязательно отправляются в свадебное путешествие, но у нее его не будет, а на самой свадьбе всегда много цветов, вина и речей, но и всего этого у нее тоже не будет. У нее будет нищенская свадьба. Единственным гостем будет Хельмер. Не приглашать же ей господина Флеминга!

Вся эта церемония казалась ей все более невозможной. Однако она не переставала думать о ней. Но теперь она воспринимала ее скорее как некую формальность, которую все же лучше соблюсти. А дальнейшее решит судьба. Из французских романов она почерпнула, что грешить можно только в браке, возлюбленным грешить нельзя. Этому надо положить конец. И приданое она может принести, оно у нее есть. Но как идти к алтарю на глазах у того, кто имеет большие права и на нее, и на ребенка? Правда, у ее добродетели листья уже опали, она отцвела, однако, невзирая на ее далеко не безупречное прошлое, надо остаться интеллигентным человеком, иначе зачем она столько мучилась в гимназии, зачем учила французский? Она не может допустить, чтобы он сидел в санатории у окна и глядел, как она идет в церковь с другим. Но можно отнестись к этому и иначе: к чему придавать такое значение венчанию? Есть места, где за этим идут к бургомистру, а в других — в консульство.

Ночью она заперла дверь, чтобы избежать посещений.

Утром пришел господин Флеминг.

— Я не слишком рано? — спросил он.

— Нет. — И добавила: — Даниэль пошел в селение.

— Со мной случилось две истории, — сказал он и начал рассказывать: — Вчера пришел ленсман и предложил сломать печать у меня на чемодане. Я сказал, что решил избавить его от этого труда и потому сам сломал печать. Ему это не очень понравилось, он считает, что это только его право. Я показал ему документы, выданные мне властями на родине и заверенные потом в Христиании, из которых следовало, что я имею свободный доступ к своему собственному чемодану. Да, с документами все в порядке, сказал ленсман, он тоже получил эти сведения, но сорвать печать должен он. Собственно говоря, тут он прав, и поэтому я попро-

сил его извинить меня, я не мог ждать его прихода. Тогда он стал вдруг очень любезен, признался, что уже несколько дней знал о моем возвращении и должен был бы прийти раньше, но у него не было времени. Мы стали друзьями. И вся эта история с деньгами, — сказал он, — недоразумение, он знает, что это мои деньги, банк просто ошибся. Я подтвердил, что с деньгами, которые я взял в долг в банке, все в порядке, я их вернул. Ленсман посоветовал мне потребовать от банка возмещения понесенного ущерба.

Господин Флеминг умолк. Зачем он рассказал все это фрекен д'Эспар? Видимо, на то у него были свои причины: он хотел, наверное, оправдаться перед ней, стереть то неблагоприятное впечатление, которое могло произвести на нее его ненужное чистосердечное признание, которое он сделал, перед тем как сбежал осенью из санатория. Он не крал денег, он их одолжил. И более того, теперь он их вернул.

Судя по всему, его рассказ очень обрадовал фрекен д'Эспар, он освободил ее от тяжелого груза, хотя вряд ли она уж очень убивалась по поводу того, что он оступился, ей самой не раз приходилось выбирать из затруднительных положений, не очень разбираясь в средствах, и она хорошо знала, почему фунт лиха.

— Вот видите, выходит, вы тогда все преувеличили, я так и знала, — сказала она.

— Может, несколько и преувеличил, но не хотел изображать себя перед вами лучше, чем был на самом деле. Конечно, я действовал не так, как положено; но я был болен, харкал кровью и не хотел умереть, поэтому я не мог ждать, пока дирекция банка оформит мне ссуду. Я сам ее взял. Вот и вся история. Но теперь я абсолютно чист и приехал к вам.

Ей не хотелось на это отвечать, поэтому она спросила:

— А вторая история?

— А вторая — я был у доктора. Он осмотрел меня и считает, что у меня большое улучшение, одно легкое совсем в порядке, а во втором очаг тоже уже начал зарубцовываться. Но предупредил, что мне следует все же быть осторожным.

— Замечательно!

— Да... И теперь вы мне нужны еще больше, чем прежде.

— Да... Но что вы хотите этим сказать?

Пауза.

Может быть, ей и было приятно, что ее добиваются не один, а двое мужчин, но настал день, когда она должна сделать выбор.

— Вы допускаете, что я выйду за Даниэля?

— Ну а вы сами-то как считаете? — спросил он еле слышно. И добавил, немного подумав: — Между нами уже столько всего было, что я понадеялся, вы не можете меня бросить.

— Не могу, — согласилась она. — А его, по-вашему, я могу бросить?

— Не знаю.

— О нашей помолвке уже объявлено в церкви.

Больше они об этом не говорили, он был очень мрачен и решил уйти, она пошла его провожать, но не дальше сарайчика.

Там они остановились, оба были в отчаянии. Прошло уже много времени, пора было возвращаться домой, к ребенку, и чтобы хоть как-то его утешить, она обвила руками его шею, поцеловала и прошептала:

— Вы же знаете, кого я люблю и с кем хочу быть, но это так трудно, он меня не отпустит.

— Тогда есть только один выход: уйти сейчас со мной.

— Нет, не стоит делать глупостей, найдем выход из положения, нужно только хорошенько подумать.

Они расстались, и каждый пошел своей дорогой.

А Даниэль выбрался из сена и вышел из сарая; он не стал терять время на то, чтобы стряхнуть с себя прилипшие былинки, а пошел, вернее, побежал за фрекен, догнал ее и остановил.

Он был бледен, с трудом переводил дух, не кричал, не ругался, молчал, но она очень испугалась и глядела на него, не в силах пошевелиться, — выражение его глаз и плотно сжатый рот были красноречивей всяких слов.

— Ты возвращаешься по этой дороге из прихода?

— Я там не был, я возвращаюсь из сарая, — ответил он.

Она и сама это прекрасно понимала, но разыграла удивление. И раз он не бил ее, не кусал, она взяла себя в руки и постаралась оценить ситуацию. Собственно говоря, она ничего ужасного не совершила, а просто постояла у сарая и ласково общалась с большим человеком.

— Ах, вот что, ты был в сарае. Значит, ты слышал, о чем мы говорили?

— Да.

— Он больной человек, мне пришлось придумать, как его утешить.

— Надо с этим кончать! — сказал Даниэль, кивнув.

— Кончать? Что ж, я готова. Пусть уезжает. Я его не держу.

Это она умно придумала, ее слова, похоже, несколько облегчили душу Даниэля, и он повторил:

— Да, пусть уезжает!

Нет, Даниэль не опасен. Конечно, неприятно, что он дурно настроен, но даже когда он твердо сжимает губы и выставляет большой палец, это еще не значит, что тот, кто заслуживает смерти, должен умереть. Она пошла домой, он проводил ее, дольше не задерживая. Но по дороге она перешла в наступление.

— Не могу забыть, что ты был в сарае, — сказала она. — Сам подумай, ведь ты подслушивал!

Он ее никак не мог понять — видно, это городские представления или книжная мудрость. То, что он пошел в сарай, лишь доказывает, что он не дурак, что им его не обмануть, что никому не под силу его обмануть.

Он ответил с чувством собственного достоинства:

— Знай, тому, кто задумал меня провести, надо очень рано вставать!

Да, конечно, его недоверие и попытки следить за ней ее обидели. И она отвела душу резким выговором:

— Предупреждаю, не смей больше меня выслеживать и подслушивать. Я этого не потерплю. Да и тебя это до хорошего не доведет.

— Воображаю! А ты как собираешься вести себя дальше? — спросил он и снова сжал губы.

Она была связана по рукам и ногам, их уже огласили в церкви, и для Даниэля этого достаточно. Он чувствовал себя вправе говорить так, как говорил, он был во всем уверен. Но именно потому, что она попала в ловушку, ей хотелось потрепыхаться: нельзя ли дать их оглашению обратный ход? Надо будет обсудить это с господином Флемингом.

Все шло заведенным порядком. Господин Флеминг явился за простоквашей, и Даниэль это стерпел или сделал вид, что не замечает этого, а фрекен д'Эспар была настолько умна, что отказалась от посещения санатория.

Однажды Даниэль сказал:

— Я считаю, что он должен уехать.

— Хорошо, — согласилась она.

— Ты сама ему скажешь или мне это сделать?

— Я охотно скажу, — ответила она. — Но не знаю, поможет ли это.

— Уж я так сделаю, что поможет, — сказал он.

Она приняла это за его обычное хвастовство и спросила:

— А что тут плохого, чего ты ворчишь? Он приходит сюда ради простокваши, чтобы выздороветь.

— Он не должен больше приходить.

— Значит, получается, у меня здесь вообще нет права голоса? Хорошо хоть, что я узнала об этом.

— У тебя есть это право, но он должен уехать! — закричал Даниэль.

— Тебе не выгнать человека из санатория.

— Почему тебе знать? Я уже говорил тебе, я могу его выдать ленсману.

— Ха-ха-ха, — засмеялась она. — Да что он такого сделал? Господи, до чего же ты глуп!

Тут уж Даниэль не побоялся грубо осадить ее:

— Он украл деньги в банке, что бы ты ни говорила. И ты их хранишь.

— Старые бредни! — отпарировала она. — Посмотрел бы ты только его документы с печатью, короной и всем прочим. Полиция извинилась перед ним, министру в Финляндии пришлось вернуть все, что ему принадлежало, замок и все деньги. Помолчи-ка лучше, сам не знаешь, что говоришь.

— Вот увидишь! — пробормотал он с угрозой в голосе. — Ленсман искал деньги, а они были у тебя...

Она встала, открыла свой чемодан, вынула конверт с деньгами и показала ему, о, этот толстый конверт с такой кучей денег!

— Вот они, деньги, — сказала она. — Позови ленсмана, пусть он тоже посмотрит, я при нем их посчитаю. Это деньги графа, но он мне их подарил, теперь они мои. Уходи, и пусть тебе будет стыдно!

Она кинула конверт с деньгами в чемодан, резко захлопнула крышку и заперла на ключ.

Даниэль заговорил мягче:

— По мнению начальства, он получил эти деньги бесчестным путем, и это так, что бы ты ни говорила. И они были у тебя, когда ленсман их искал. И они все еще здесь, на пастбище Торахус...

— Горы и леса, — протянула она издевательским тоном. — Торахус — пастбище, горы и леса... Деньги, — крикнула она, — уж не хочешь ли ты запустить в них свою лапу?

Эти слова его здорово задели, просто придавили, он чуть было не заплакал. Собственно говоря, она права, она увидела его насквозь, и он злился на себя, злился, что своей неводержанностью сам загнал себя в западню.

— Насколько мне известно, я не подходил к твоему чемодану и ничего у тебя не брал, — сказал он, жалея самого себя.

— А я этого и не говорила!

— Бог до сих пор помогал мне обходиться без этих денег и зарабатывать себе и всем нам на хлеб, и надеюсь, что и впредь Бог не оставит меня...

Ну и так далее.

Он говорил как раз то, что могло ее смягчить и произвести на нее впечатление.

— Послушай! — воскликнула она. — Давай не будем ссориться.

И когда эта чертова девчонка обняла его и прижалась к нему, он растаял. Он даже попытался объяснить свое поведение: потерял, мол, контроль над собой, язык плел что попало, а он вовсе и не собирался упоминать о деньгах, хотел лишь сказать, что граф привез с собой одно зло: навлек на нее подозрение, вынудил отвечать на допросе, вверг в беду...

— Это все так. Но теперь давай об этом забудем. Ни слова больше!..

Впервые между ними произошло такое острое столкновение, ей удалось, правда, одержать над ним верх, но, не исключено, это еще не конец, такая сцена может повториться. Она всерьез задумалась о своем положении и поняла, что оно весьма шаткое.

Конечно, что ей стоит сказать: «Иди и закажи себе свадебный костюм, Даниэль, вот тебе деньги». Такой поворот, вне всякого сомнения, вернул бы все на круги своя, но кто знает, надолго ли? Жюли д'Эспар уж никак не назовешь душой, ее маленькая головка работает исправно. Разве не пришлось ей взять на себя оплату простокваши? Да, она заверила господина Флеминга, что платить за какую-то банку простокваши просто глупость.

— Здесь, на хуторе, я все же могу сказать свое слово, ведь вы мой гость!

Ей ничего не оставалось, как это сделать. Стало очевидно, что он уже не богат. Возможно, усадьба, которую продали, пошла на погашение его долга, откуда ей знать! А несколько дней назад он пришел к ней и представил счет из санатория, попросив ее оплатить его. Что бы это значило? Только одно. Конечно, она оплатила, и оплатила щедро. Но насколько хватит ее денег, если он придет с новым счетом?

Она не дура, так продолжаться не может, нельзя давать деньги двоим, нужно сделать выбор.

Господин Флеминг, наверное, прав: оставшиеся деньги следует употребить на то, чтобы найти какой-то источник дохода. А ей они нужны, чтобы вернуться в ту жизнь, в тот мир, откуда она оказалась вытесненной. Нельзя отрицать,

что она тоскует по утраченной среде, ей не место на хуторе, она живет здесь на грани между двумя слоями общества, ведет странную, просто невыносимую жизнь, жизнь, как бы взятую напрокат, хотя она и пытается пустить в ней корни. Удастся ли ей это, может ли это в самом деле удалиться? Как-то раз она мыла руки на кухне, и Марта простодушно кинула ей мешок вместо полотенца.

Она должна сделать выбор. Господин Флеминг не герой, нет, что и говорить, героем его никак не назовешь, но ведь пронзил же ее ток, когда он улыбнулся и положил руку на спинку ее стула. Как все это странно! Он герой? Господи, скорее он выбитый из седла молодой человек, неумельный, ничем не выдающийся, ничего из себя не представляющий, совсем обычный, маленький человечек — такой же обычный и маленький, как все остальные на свете. Но господин Флеминг красив и изящен, с ним рядом она подымается на несколько ступенек социальной лестницы, в этом и есть его суть. Когда он пришел из санатория со счетом, он был в перчатках, правда, уже несколько поношенных, но еще вполне приличных, он держал в руке в перчатке счет, который предложил ей оплатить.

Результатом этих размышлений стало то, что она занялась тем, чем уже давно не занималась: она снова начала делать массаж лица, чтобы стать красивой.

— Послушай, — сказала она Даниэлю, — я хочу тебя о чем-то спросить: нельзя ли дать обратный ход нашей затее?

Даниэль уставился на нее:

— Что?

— Ну, положить конец тому, что случилось между тобой и мной...

Сперва он подумал, что она шутит, а он был из тех, кто ничего не имел против удачной шутки, против настоящей шутки. Но когда до него дошло, что это всерьез, лицо его вытянулось и посерело, и он стал судорожно водить руками по груди, то расстегивая, то снова застегивая свою шерстяную кофту. Она поняла, что с ним предстоит нелегкая борьба, и сказала:

— Давай не будем ссориться, Даниэль, пойдем посидим в лесу.

И они пошли, да, Даниэль плелся за ней следом, он был растерян, ничего не соображал, никак не мог прийти в себя.

— По-твоему, это невозможно?

Да, он считал это совершенно невозможным, просто невысказанным. Он качал головой и даже смеялся, настолько это было невозможно.

— Представляешь, — сказала она, — я взяла с собой в лес свой кошелек, видишь, у меня голова совсем уже кругом пошла.

Она открыла кошелек, конверта там не было, однако денег было немало, в том числе и бумажных.

— Будь так любезен, возьми пока эти деньги, а то я, чего доброго, еще их потеряю в этой траве.

Это был хитрый ход, он лишь свидетельствовал об уме фрекен д'Эспар, но против ожиданий Даниэль отказался взять деньги. Более того, это предложение пробудило в нем недоверие, он пристально посмотрел на нее и даже чуть-чуть отодвинулся.

Она расхохоталась и сказала с вызовом:

— Здесь вовсе не так уж много, нечего пугаться! Я просто подумала, что ты спрячешь их до возвращения домой, но я и сама могу их припрятать.

— Так ты считаешь, можно все отыграть назад? — спросил он.

— Так, как у нас все складывается, дальше продолжаться не может. Я об этом много думала.

— Но нельзя все отыграть назад, это невозможно, — сказал он, придавая вес каждому слову.

Она подумала, потом спросила:

— А, собственно говоря, почему?

Тут он выставил довод, который ей, горожанке, был совершенно непонятен: он напомнил ей, что он крестьянский сын.

— Ну и что? — спросила она с невинным видом.

— Раз ты не понимаешь, это не имеет значения, — сказал он. — Но тебе придется исходить из того, что я не какой-то там безродный горожанин. Со мной тебе этого проделать не удастся!

Получилось, что прогулка в лесу не принесла ей удачи. Правда, они еще немного поговорили о том, что их ждет, но Даниэль оборвал этот разговор и встал, чтобы идти домой.

— И не упоминай больше об этом!

Их отношения стали еще более напряженными, надежды на компромисс уже не оставалось. Но теперь она стала уже всерьез дергаться по всякому поводу, его сопротивление придало ей вспыльчивости, ее лихорадило, она перед самой собой преувеличивала свою любовь к господину Флемингу и плакала оттого, что он оказался для нее недоступен.

Пришел почтальон из санатория и принес ей записку: прибыли весьма именитые американцы, английский язык инспектора Свендсена вызывает у них лишь улыбку, и они

мечтают поговорить по-французски — не окажет ли фрекен д'Эспар любезность и придет, к всеобщей радости, в санаторий? Может, за этой запиской стоял и не адвокат Рупп्रेхт, но, так или иначе, он подписал ее, выражая свое уважение и посылая дружеский привет.

Даниэль не мог ответить отказом на это приглашение, поскольку прежде не раз сам советовал ей принимать их, но просил ее ради ребенка поскорее вернуться домой. Она так обрадовалась, что ей захотелось и его чем-то порадовать, и она сказала:

— Брось свои подозрения, Даниэль, я вернусь, как только смогу. К тому же... граф уехал, как я слышала.

— Уехал? — быстро переспросил Даниэль.

— Я слышала, что он собирается уезжать.

— Должен тебе сказать, — восторженно воскликнул Даниэль, — что в таком случае я никого там не подозреваю. Да и кого? Инспектора, швейцара, почтальона? Нет! А из гостей разве того, кого зовут самоубийцей, ха-ха-ха! Ступай и оставайся там, сколько тебе захочется.

Первый, кого она встретила на территории санатория, был самоубийца. Он был более тщательно одет, чем обычно, казалось, он собрался в путешествие. В руке он держал трость.

— Одна из тех двух девушек, о которых я вам говорил, умерла, — сказал он.

— Умерла? — переспросила фрекен д'Эспар безо всякого интереса.

— Вчера, как я слышал. Да, вот как все получается, фрекен д'Эспар, мы странники, мы отправляемся на горные курорты и там остаемся.

— Печально.

— Очень печально. Она совершенно здоровая пришла сюда из селения, чтобы найти здесь могилу. Видимо, съела какую-то гадость, которую не смогла переварить. Я приписываю это всецело еде, которой нас тут кормят.

— Еде? — повторила фрекен д'Эспар так же без интереса.

— Конечно, она подействовала на желудок. Может, это холера. Вторая девушка еще жива, но надолго ли?

— Американцы приехали?

— Нет.

— Или, может, французы — гости, которые говорят по-французски?

— Не думаю. Мне, во всяком случае, ничего об этом не известно. Да, особыми новостями нас здесь не балуют, только и слышим что про смерть то того, то другого, и так день за днем. Приезжают двое туристов, которые намеревались перевалить через горы, да еще какая-то семья, которая решила понаслаждаться high life¹, вот и все, насколько я знаю. Ах да, чуть не забыл: инженер, который строил электростанцию, тоже умер.

— Как?

— Несчастный случай. Я все время твердил, что эти взрывы опасны, но здесь никто не хочет считаться с опасностью. На него упал кусок скалы и раздавил его.

— Когда это случилось?

— Сегодня утром, как я слышал. При первом взрыве.

В санатории случилось уже столько смертей, что к ним привыкли, они уже никого не интересовали, но самоубийца по-прежнему вел им учет. О девушке из селения он говорил особенно подробно потому, что в ее смерти повинна была только еда. Впрочем, об умершей все сразу забыли, потому что на следующий день умер инженер и внимание гостей перключилось на него.

— Случай с инженером, — сказал самоубийца, — да, конечно, его надо считать, это еще одна смерть, но это несчастный случай, такое может случиться где угодно. А смерть девушки страшнее! Да, кстати, не может ли Даниэль продать нам быка?

— Нет, он решил не продавать его до осени.

— Тогда необходимо еще где-нибудь раздобыть приличную еду. Не подыхать же нам здесь.

— Вы уезжаете? — спросила фрекен д'Эспар.

— Нет. Только небольшая экскурсия в Христианию.

XV

Флаг был приспущен, в санатории стоял шум, царило смятение, с начала каникул сюда наехало много гостей, и теперь они метались туда-сюда и суетились безо всякого толка. В коридоре фрекен д'Эспар повстречала адвоката, он был вездесущ, очень занят и очень печален.

— Добрый день, фрекен д'Эспар! Жаль, что вы пришли не в более счастливый день, сегодня у нас траур и отчаяние.

¹ Красивая жизнь (англ.).

— Я слышала. Две смерти.

— Слов нет. Он был на редкость милым человеком, мы все так к нему привязались, что он стал нам просто необходимым. Каждый вечер он придумывал что-нибудь забавное для гостей, со всеми дружил, повсюду был нужен, в нем, по мнению сведущих людей, пропал большой актерский талант. И такой конец!

— Что тут скажешь...

— Вы, наверное, хотите поговорить с господином Флемингом, он, надо думать, у себя в комнате, сейчас пошлю за ним.

— А американская семья?

— Какая?

— Ну, та, которая жаждет поговорить по-французски?

— Ах да. Они приедут, мы ожидаем их в самое ближайшее время, и, возможно, даже не одна семья, а несколько, целое общество. Жизнь и лечение должны идти своим чередом, хотя такой трагический случай, как с инженером... Мне как раз надо позвонить насчет нового руководителя работ на электростанции.

— Выходит, американская семья еще не прибыла?

— Луиза, — позвал адвокат, — сходите, пожалуйста, к господину графу и скажите, что фрекен д'Эспар уже пришла и ждет его. А вы пройдите, пожалуйста, пока в читальный зал. Извините, но у меня столько дел!

Пришел господин Флеминг, и они отправились в лес, чтобы побыть одним. Он тоже был под впечатлением от смерти инженера и заговорил об этом, но фрекен д'Эспар его остановила:

— Все это так, но что будет с нами?

— Да, что будет с нами? Мы должны найти выход.

— Никогда больше не приходите на хутор, я боюсь за вас.

— Это он сказал?

— Да.

— Но я же прихожу не ради него, — сказал господин Флеминг и помолчал, — просто, чтобы попасть к вам, мне не миновать его. Неужели он этого не понимает?

— Именно это он и понимает и больше этого не допустит.

— Так что же нам делать?

— Он требует, чтобы вы уехали.

Молчание. Они сидят в лесу на траве, но им кажется, что они взаперти.

— Нам надо бежать, — сказал он.

Фрекен д'Эспар достаточно разумна, чтобы понять невозможность побега.

— Я об этом уже думала, — говорит она, — но он нас догонит на полпути к станции, если не раньше. И ребенок...

— Ребенка, само собой разумеется, вы возьмете с собой!

— Его надо все время нести на руках, он еще совсем маленький, его ни на минуту нельзя оставить одного. Нет, необходимо это серьезно обсудить: неужели нельзя отказаться от оглашения... по всем правилам?..

— Да, это выход, — согласился он, — ленсман был очень благожелательно настроен, возможно, он захочет нам помочь...

Она прервала его:

— Нет, дело не в ленсмане. Видите ли, вам следует пойти к пастору. При чем здесь ленсман? А вот пастор... Я слышала, что такое бывает. Вы должны выразить протест, что я выхожу замуж за другого, тогда как вы отец ребенка, а я его мать. А я подпишу такое заявление.

— Я пойду, — сказал он.

Она снова была полна энергии, однако чувствовала себя не совсем уверенно, боясь, что действовать таким образом не безопасно. Закон, возможно, будет на их стороне, но кто знает, как поступит в этом случае Даниэль?

Господин Флеминг не отличался силой, но он был не из трусливых, он не боялся возможных выходов Даниэля.

— С Даниэлем можно будет поговорить, — сказал он, — и убедить его вести себя разумно.

Фрекен д'Эспар в этом сильно сомневалась, она ведь уже пробовала это сделать.

— Что ж, пусть поступает, как ему угодно!

— Вы не боитесь? — спросила она. — Он способен на самый отчаянный поступок.

В ответ он лишь отрицательно покачал головой, он не хвастался, не изображал храбреца, и эта его сдержанность вызвала у нее доверие. Он взял ее руку и сказал:

— Главное, это то, что вы хотите... хотите быть со мной!

Ну что ж, жребий брошен — она никогда не сможет стать женой хуторянина.

Они вернулись в санаторий и сели в курительной комнате. Было решено, что она останется на обед, ведь Даниэль проявил такую терпимость и позволил ей отсутствовать, сколько она захочет. Судя по всему, новые гости были о ней наслышаны: когда она появилась, все головы повернулись к ней, ее рассматривали и оценивали, а разве она была безупречна? Господин Флеминг, граф, явно пользовался тут

большим уважением, это он обеспечил ей достойное место в здешнем обществе, без него она тут никто, а может, ее даже сюда и не допустили бы.

Фрекен д'Эспар отомстила им, окинув всех, и знакомых и незнакомых, высокомерным взглядом, а уж что-что, а смотреть свысока она умела, когда хотела. Чего они тут собрались, толстяки, эти пивные бочки, эти уроды? Все они — пациенты, больные люди, а ей для поддержания формы вовсе не нужна здешняя вода. Господин Флеминг не решался говорить по-французски, поэтому ей не удалось показать, кто она есть на самом деле, но директор Оливер всегда искал ее общества, предпочитая ее всем другим гостям, и их стол сразу оказался в центре всеобщего внимания. Гости за другими столиками отложили газеты и тоже стали слушать.

Перед обедом к ним присоединился и доктор, новый доктор, который не допускал к себе неуважительного отношения; подойдя к фрекен д'Эспар с дружески протянутой рукой, он тепло ее приветствовал и немного поболтал с ней:

— Как поживаете, фрекен д'Эспар? Надеюсь, никаких последствий от укуса гадюки? Все хорошо? Надо остерегаться гадюк, чтобы не оказаться снова в таком положении.

Доктор ушел, но он сделал свое дело, фрекен д'Эспар достигла минуты торжества. Она была красива, ее угостили вином, она оживилась, стала ласкова, пустила в ход всю силу своего обаяния. За соседним столиком сидела стайка дам, похоже, что все они ей завидовали.

Адвокат оглядел все столики, но не обнаружил самоубийцу. Где господин Магнус? Никто не знал. Одну из горничных послали наверх, в его комнату, но и там его не было. И тогда фрекен д'Эспар рассказала, что утром повстречала господина Магнуса, одетого по-дорожному. Он сообщил ей, что собирается съездить в Христианию.

— Я всегда говорил, — воскликнул адвокат, — без вас нам просто не обойтись, фрекен д'Эспар. За ваше здоровье! Еще большее торжество и еще большая зависть.

Однако за обедом царило подавленное настроение, весь санаторий был в трауре. Покачав головой, адвокат молча указал на пустующее место инженера, все говорили шепотом. Как хозяин, отвечающий здесь за все, адвокат конечно же не мог не испытывать благодарности к фрекен д'Эспар за то, что она своим появлением внесла хоть некоторое оживление и не спасовала перед дамами соседнего столика.

После обеда они с господином Флемингом зашли в одну из пустующих комнат, и она написала свое объяснение. Она изложила все обстоятельства очень толково и подтвердила,

что господин Флеминг является отцом ее ребенка. Было совершенно очевидно, что нужна и бумага от доктора, удостоверяющая доношенность ребенка. Она нашла доктора и тут же ее получила. Да, все шло блестяще, она была просто великолепно, безупречно, и кончилось тем, что она безо всякого смущения направилась с господином Флемингом в его комнату, — казалось, она получила — или сама взяла — освобождение от всех обязательств. Вино, надо думать, тоже оказало свое действие.

Господин Флеминг пошел провожать ее домой.

Они не успели еще далеко уйти, как повстречали двух дам из санатория, которые возвращались с послеобеденной прогулки. Господин Флеминг с ними вежливо раскланялся, и они разошлись. Фрекен д'Эспар сказала, не подозревая об опасности:

— Господи, до чего же они мне завидуют!

У сарайчика они расстались с господином Флемингом. Они договорились, что на следующий день он пойдет к пастору, но она все еще была настроена на боевой лад и снова повторила, на что ему следует обратить внимание пастора.

— Постарайтесь быть как можно убедительней! — сказала она. — До свидания.

Не успела она отойти на несколько шагов, как из сарайчика выскочил Даниэль.

— Черт-те что! — крикнул он и схватил своей тяжелой рукой господина Флеминга за плечо.

В лице у Даниэля ни кровинки, господин Флеминг тоже побледнел, и Даниэль говорит хриплым голосом:

— Уезжайте, и чтобы духа вашего здесь не было! Что вам тут надо? Вы немедленно уедете, и чтобы мы больше о вас и не слышали, понятно?

— Спокойно!.. — начинает было господин Флеминг.

Но Даниэль отнюдь не спокоен, он орет как бешеный и трясет господина Флеминга. Фрекен д'Эспар подбегает, до нее доносится шквал ужасных ругательств и невообразимых угроз:

— Я сверну тебе шею, я плюну тебе в рожу, я разобью твою башку!

Господину Флемингу ничего не остается, как уйти. Даниэль стоит и смотрит ему вслед, потом вдруг подпрыгивает, угрожающе сжимает кулаки и кричит:

— Убирайся немедленно, сегодня же! Смотри не забудь!

Обернувшись, он видит ее, казалось, он гордится тем, что проделал, и говорит:

— Пусть только попробует прийти, я ему покажу, где раки зимуют.

Он ее не бьет, не кусается, чего она боялась, он разговаривает вполне нормально, и это придает ей мужества.

— Он ведь больной человек, — замечает она неодобрительно.

— Ты же говорила: он уехал? — спрашивает он резко.

— А ты валяешься здесь и выслеживаешь, — отвечает она и стряхивает с него соломинки, она по опыту знает, что ей надо до него дотронуться. Он отстраняет ее, да, отстраняет, заметно смягчает и объясняет, что вовсе не собирался их выслеживать, но получил некое сообщение, своего рода сигнал...

— Ага, понятно, мимо прошли две дамы и болтали, я знаю, они нам повстречались.

— Как бы мне не пришлось его убить! — говорит он.

Фрекен д'Эспар вдруг восклицает:

— Да, прости меня!

Это было так странно, так неожиданно, что он совсем теряется и только говорит:

— Иди скорее домой к ребенку! Марта дала ему молока, но...

— Да, прости, — повторяет она уже на ходу.

До дому они шли молча, а когда остались вдвоем в комнате, она снова заговорила о главном:

— Он спрашивает тебя, не хочешь ли ты построить большой дом с несколькими комнатами?

— Построить?

— Ну да, чтобы селить у себя отдыхающих и зарабатывать на этом деньги?

— Ты с ним об этом договорилась? — спросил Даниэль в полном недоумении.

— Да, он готов дать тебе денег на строительство.

— Я знаю только одно, — сказал Даниэль в задумчивости, — он должен отсюда убраться, да поскорей.

— Тогда он уехал бы.

Даниэль по-прежнему ничего не понимает.

— Он хочет это сделать ради тебя? — восклицает он.

— Да.

— И после этого он уедет?

— Да.

— Ты хочешь, чтобы мы принимали отдыхающих?

— Да, — подтвердила фрекен д'Эспар, — точнее, он считает, что тогда я смогу с ним уехать.

— Что? — крикнул Даниэль.

— Что ты тогда от меня откажешься, понимаешь? И нечего так орать.

Даниэль беспомощно взмахнул руками.

— По-моему, вы оба сошли с ума.

— Не думаю, что у тебя есть основания это говорить, — сказала она упрямо. — Если у тебя здесь будет настоящий маленький санаторий, ты тут же найдешь себе другую подругу. Ты станешь важной персоной.

Он подскочил к ней, согнувшись от бешенства. В первый миг могло показаться, что он вот-вот кинется на нее, но он овладел собой и сказал:

— Я ведь предостерег, чтобы об этом и речи больше не было.

— Да, — сказала она.

Он еще постоял какое-то время молча и вышел из комнаты.

Он сделал крюк, она видела, как он прошел перед ее окном и направился к ручью. Вскоре он вернулся и снова зашел к ней.

— Давай решим: в следующий четверг мы обвенчаемся, договорились? — спросил он.

Она не видела для себя никакого выхода, и ей вдруг все стало безразлично, что бы ни случилось, — пусть дерется, пусть кусается, пусть даже убьет ее.

— Сказать-то это мы можем, пожалуйста, — ответила она, — но все равно из этого ничего не получится.

Он все перепробовал — строгий тон, гнев, угрозы, проклятия — и ничего не добился, а теперь он почувствовал себя беспомощным и умолк. Он опустил на табуретку и закрыл лицо руками.

— Неужели ты не понимаешь, — сказала она, — что это становится невыносимым для всех нас.

— Чего не понимаю? — спросил он. — Для меня это невозможно.

Ей казалось, что ничего страшного не происходит. Не раз уже бывало, что возлюбленные порывают отношения.

Она что, совсем ничего не соображает или все забыла? Его уже однажды обманули, второй раз этого не случится. Что скажут люди! Он из хорошей семьи, он не заслужил еще раз пережить по ее вине такой позор.

Вздыхая и убиваясь, он принялся ей все это втолковывать, и она поняла, что ни на волосок не продвинулась, но не стала еще больше раздражать его, хотя и знала, как ему надо ответить. Хорошее происхождение, крестьянский сын — подобные причины для нее ничего не значат. Уж если

кому и говорить о хорошем происхождении, таком, каким можно гордиться, так это в первую очередь ей, Жюли, урожденной д'Эспар. Недаром пастор принял ее за дворянку, какой она, собственно говоря, и является.

— Видишь ли, — сказал он, — у меня тут возникли кое-какие планы: мы можем вернуть себе усадьбу. Что ты об этом думаешь?

— Какую усадьбу?

— Усадьбу моего отца. Если у нас будут средства, мы можем получить ее обратно. Тогда мы переедем в селение, тебе там будет лучше.

— Нет, — ответила она, — дело совсем не в этом.

Впрочем, что-то в его плане привлекло ее внимание, и она спросила с интересом:

— Когда у тебя будут на это средства?

— Трудно сказать, но мое право на усадьбу действительно еще двадцать лет, так что время у нас есть. А мы с каждым днем двигаемся вперед, учти это.

Она:

— Почему, черт возьми, ты не продал эту свою землю под санаторий? Тогда у тебя была бы уйма денег.

Даниэль криво усмехнулся:

— Ну уж нет, я не настолько глуп! Все говорят: уйма денег, а знаешь, сколько это? Совсем немного. Знаешь, что получил отец Хельмера за свой альпийский луг, когда стали строить санаторий? Несколько сот крон. Может, мне бы дали немного больше, но мне нужны были не несколько сот крон, а во много раз больше. А за хижину мне бы не получить столько, сколько надо, чтобы выкупить усадьбу. Нет, благодарю покорно, меня так просто не проведешь! Здесь мои доходы постепенно растут, я продаю скотину, шкуры и шерсть, а скоро начну и масло продавать. Подожди еще немного. А луга, они мои, я их не отдал, и они из года в год лишь повышаются в цене.

— Я в этом ничего не смыслю, и мне все это ни к чему, — сказала она.

Но так как она была отнюдь не глупа, ей хотелось понять, учитывает ли он в своих расчетах ее деньги.

— Да, мы обязательно вернемся в селение, — утешал он ее. — Там замечательная усадьба, лес, его называют Утви, перегонной, суглинок, даже водяная мельница есть.

— Мне все это ни к чему, я же сказала, — раздраженно ответила она.

— Нет-нет, подумай хорошенько, Жюли, прямо сейчас подумай! Это большая усадьба, я смогу ее поднять, я хочу,

чтобы тебе было хорошо, и Юлиус должен жить в той усадьбе, откуда он родом.

— Юлиус, — сказала она задумчиво, — нет, Юлиус не оттуда родом.

— Подумай, о чем я говорю, — попросил он и погладил ей руку. — Порадуйся нашим планам и скажи «да».

От проявлений его нежности она беспокойно заерзала на месте, испугавшись, что дело кончится насилием.

— Уходи! — сказала она.

Он встал и пошел к двери:

— Итак, в следующий четверг, не говори «нет»!

Она сидела, погружившись в свои мысли. Нет, ее предложение построить здесь большой дом его не увлекло, ее умная головка опять оказалась в проигрыше. Должно быть, отменить оглашение для него просто невозможно: что скажут в приходе? Она его знала: видно, когда он там побывал, он выпил и похвастался, обронил словечко о деньгах, которые вот-вот получит, намекнул, что Елена еще обо всем пожалеет, попросил, наконец, пастора объявить о помолвке — теперь все пути к отступлению для него закрыты. Что он ей такое наплел? Он хочет выкупить отцовскую усадьбу? Тут он, скорее всего, не врал, очевидно, именно это заставляло его трудиться здесь, в горах, не покладая рук. Он хотел вновь обрести все, что было утрачено. И вот тут их пути скрестились — он знал, что у нее есть большие деньги, с их помощью, возможно, удастся выкупить усадьбу отца...

Нет, он от своего не отступит.

Даниэль был в большом горе и ожесточен, — она держала его на расстоянии, не подпускала к себе. Зачем ему прихорашиваться, ходить на цыпочках и стучаться, прежде чем войти к ней? Почему он должен был по праздникам надевать другую одежду? Он пал духом, не понимая, на каком он свете. Он может, конечно, постараться получше выглядеть, быть любезным, выкуривать время от времени у нее в комнате сигару, но это не имело смысла, потому что на все его попытки приблизиться к ней она отвечала гневным взглядом:

— Уходи!

А между тем дела на хуторе шли из рук вон плохо. Случалось, Даниэль уходил посреди работы, картошку и репу вовсе не окучивал. В один прекрасный день он отправился в приход.

На свой страх и риск он заказал оглашение, точно так же он поступит и с венчанием!..

В приемной пастора ему сообщили неожиданную новость: поступило возражение против предстоящего венчания, некий господин Флеминг заявил свои претензии на его невесту.

У Даниэля вытянулось лицо:

— Вот как... вот как...

— Венчать, раз такое дело... — сказал пастор.

— Но это же все выдумки, фантазии, которые те двое вбили себе в голову.

— В самом деле? Но все равно, это как-то нехорошо, — сказал пастор, — обстоятельства неясные...

— Да нет, все ясно, дело только за венчанием. Бог ты мой! — воскликнул Даниэль. — Ведь все уже давно было решено, а тут вдруг явился этот чужак, и сбивает ее с толку своими разговорами. Оба просто с ума посходили и решили все переиграть.

— Да, — сказал пастор и покачал головой.

— Да, — сказал и Даниэль. — И к тому же он слабак, стоит на краю могилы, харкает кровью и в руках полицейских побывал, какое-то там мошенничество, чужие деньги, что ли, прикарманил...

— Нет, это была ошибка, он показал мне документы, у него все в порядке.

— Вот как, — сказал Даниэль, — да-да, — повторил он и снова помолчал. — Ведь нашу помолвку уже объявили.

— Да, — подтвердил пастор и снова покачал головой.

— И у нас ведь уже родился ребенок.

— Да, ребенок, но и тут как будто что-то не так.

— И тут не так?

— Этот Флеминг сказал, что он отец ребенка.

— Что?! — воскликнул Даниэль, вне себя от ярости, не в силах вымолвить больше ни слова.

Пастора тронула доверчивость Даниэля, его совершенно искреннее недоумение. Во всей этой истории было что-то неприятное, даже уродливое, и этот крестьянский паренек, Даниэль, вызвал у него сочувствие.

— Я не знаю, как на самом деле все обстоит, — сказал он, — но, во всяком случае, у меня в книге отцом ребенка записаны вы.

Он раскрыл регистрационную книгу и стал водить пальцем с одной строки на другую.

Даниэль успел отдышаться.

— Уж в чем, в чем, а в том, что я отец, сомнений быть не может. Он ведь бежал отсюда, его не было у нас в горах. Никогда еще такой дичи не слышал!

— Он утверждает, что ребенок был зачат до того, как он уехал из санатория. По времени все сходится.

— По времени — да, но ведь ребенок родился недоношенный.

— Хм... Вы не ошибаетесь? — мягко спросил пастор. — Он показал мне справку от врача санатория, что ребенок родился вовремя.

— Но этого быть не может! Он сам написал эту справку! Ее укусила в лесу гадюка, и из-за этого начались преждевременные роды.

— Да, на день или несколько дней раньше, так и стоит в справке. Но ребенок родился доношенный.

Даниэль просидел некоторое время в полном смятении чувств, а потом воскликнул:

— Кому это знать, как не матери!

— Да, конечно.

— Ну вот, а она все время говорит, что отец я. Ни разу не слышал от нее ничего другого. Она это говорила и у нас дома, и крестные родители это слышали.

Пастор покачал головой:

— Теперь она утверждает, что отец ребенка Флеминг. Он представил и ее письменное объяснение по этому поводу.

Молчание.

— Да они просто сошли с ума! — растерянно пробормотал Даниэль.

Пастор хотел бы ему помочь, но не может.

— Очень неудачно, что мать не присутствовала при записи ребенка в церковную книгу. Если обстоятельства ее прижмут, не исключено, что она будет отрицать правильность вашей записи.

— Нет, этого она не сделает, — сказал Даниэль, — быть того не может, я с ней поговорю!

— Что ж, глядишь, все еще и уладится, будем на это надеяться. Я прекрасно понимаю, как вам нелегко приходится. Так или иначе, в церковной книге отцом записаны вы, а не кто-то другой.

Уже в дверях Даниэль спросил:

— Выходит, господин пастор, вы пока что не можете нас обвенчать?

— Гм... Нет, просто так не могу, Даниэль, сперва надо все это выяснить. А вы постарайтесь с ней поговорить, да и с ним тоже, так-то оно будет лучше, может, все и уладится. Понадеемся на это!

— Но вы пока никому об этом не расскажете?

— Нет. И тому, другому, я сказал то же самое, хотя он меня об этом не просил.

Даниэль зашел в лавку и сделал кое-какие покупки, он был задумчив, купил для хозяйства несколько вещей, о которых вспомнил, о других, более необходимых, забыл, стоял у прилавка как во сне и отвечал невпопад на вопросы. По дороге домой он успел все как следует обдумать, иногда он останавливался и стоял какое-то время неподвижно, упершись взглядом в землю, это повторилось два-три раза, а потом он повернул назад и снова вошел в лавку.

Нет, злостью и угрозами он ничего не добьется, это он понимал, а вот если сделать что-нибудь хорошее... что-нибудь для нее... по возможности... тогда, кто знает... Он подошел к прилавку и попросил показать шелковую ленту:

— Сколько она стоит?

Потом увидел ленту пошире:

— А эта сколько? — И попросил отрезать метр.

Скорее всего, она не примет этого подарка, зашвырнет в угол. Но можно проявить хитрость и сказать, что она для маленького Юлиуса.

Фрекен д'Эспар он дома не застал, но Марта сказала, что она скоро придет.

Даниэль направился в новую комнату. Малыш спал, и Даниэль счел это неудачей, потому что в противном случае он мог повязать ему эту ленту на шею или еще как-нибудь его украсить. Это не его ребенок? Чушь! Как раз об этом он и хотел с ней поспорить.

— Юлиус! — крикнул он.

Нет, ребенок крепко спал. Он развернул ленту и некоторое время держал ее в поднятой руке, она была синяя и очень красивая, он хотел привязать ее к зеркалу, но не смог сделать банта с длинными концами. Надо было с самого начала признаться, что он не умеет завязывать банты из шелковой ленты, упорствовать — глупо. Кончилось тем, что, измяв ленту, он все равно был вынужден позвать Марту и попросить ему помочь. Голубой бант — знак доброй памяти — был тут же водружен на зеркало.

— Она сказала, что ей хочется ленту? — спросила Марта.

— Во всяком случае, я так ее понял, — ответил Даниэль.

— Она, наверно, скоро вернется, — сказала Марта и вышла.

Но фрекен д'Эспар все не возвращалась. Даниэль то выходил из дома, то возвращался, что-то напевал про себя, чтобы успокоить Марту, дошел до дровяного сарая, потом до ручья и, наконец, от полного отчаяния отправился на

поле окучивать картошку. С этим он быстро справился, от работы тело его снова стало гибким и налитым, он мог бы шутя унести в охапке всю свою семью. И он побрел по лесной тропинке через лес в санаторий.

Визит к пастору сбил с него спесь, он вовсе не хотел ее выслеживать, а только выйти навстречу, и он шел, тихонько что-то насвистывая, чтобы показать, как миролюбиво он настроен, а может, чтобы предупредить о своем приближении. Ему нетрудно было догадаться, почему она пошла в санаторий: послав гонца к пастору, она поспешила узнать, что из этого получилось. «Ах, моя маленькая Жюли, — думал Даниэль, — ничегошеньки у тебя не получится, пока во мне теплится хоть искра жизни!»

Он встретил ее на полпути к сарайчику. Она была одна.

— Ходила гулять? — спросил он миролюбиво.

— Да, в санаторий, — ответила она с вызовом.

— Вот как, в санаторий...

Она подумала, что снова начинается ссора, и крикнула:

— Бог ты мой, что за жизнь, я не имею права даже выйти!

— У тебя, наверно, плохие новости? — сказал он еще более мягким тоном. Он хорошо держал себя в руках.

— Нет, у меня хорошие новости!

— Граф уехал?

— Пойди спроси его!

Даниэль немного помолчал, а потом спросил:

— Ты не боишься, что когда-нибудь это плохо кончится?

— Что плохо кончится?

— Все. Я слышал, что ты и ребенка хочешь у меня отнять?

— Ребенка... У тебя?..

Выкрикнув эти слова, она вдруг остановилась, не решаясь тут же сказать ему правду, — Даниэль был так мирно настроен. Так невообразимо мирно.

— Юлиус проснулся? — спросил она.

— Я хотел тебя предостеречь, — продолжал он, — но я уже раз это сделал без всякого толка, и больше я не собираюсь делать бессмысленные вещи. Но ты небось и сама понимаешь, что на твои безумные планы с этим финном, с графом, я никогда не соглашусь. И если ты думаешь, что сможешь забрать у меня ребенка, то я хочу тебе сказать, что я, а не кто-то другой, записан в регистрационной книге пастора, и тут уж ничего не поделаешь. К тому же, как ты знаешь, нас с тобой огласили в церкви.

Не задрожав вдруг голос Даниэля так странно, она, может, и наплевала бы на его слова и снова назвала бы их бол-

товней. Она же знала, как все обстоит на самом деле, у нее были свои доказательства, которые ему не опровергнуть, но в этот момент она не решилась их предъявить, поняв, что окончательное объяснение необходимо отложить.

— Ах, ты ходил к пастору, — вот и все, что она сказала.

— Больше я тебя предупреждать не буду, учти, — сказал он в завершение.

— Боже, — простонала она, — как я устала от твоей болтовни...

Дни шли за днями, четверг, назначенный им для венчания, тоже миновал, но ничего в их жизни не менялось, она продолжала делать массаж лица и часто уходила в лес, причем иногда брала с собой и Юлиуса. Насколько Даниэль знал, в лесу она больше ни с кем не встречалась.

Что все это означало? Ждала ли она каких-то новостей или надеялась, что Даниэль устанет и сдастся? Для нее это было тяжелое время, оказавшись в таком трудном положении, она мучилась, плохо спала, ее душил гнев. Более всего подстрекало ее сопротивление Даниэля: кто знает, разреши он ей ходить в санаторий, она, быть может, и не ходила бы туда, а возможно, походила бы немного и перестала, Бог его знает, как все сложилось бы. Его нескгибаемость приводила ее в бешенство, она истерически рыдала и скрежетала зубами. Теперь она его на дух не переносила.

Даниэль стал чаще ходить в приход. Нет, шелковых лент он больше не покупал, тот метр ленты, который он в тот раз принес домой, не произвел на нее никакого впечатления, ни плохого, ни хорошего, лента висела над зеркалом в новой комнате, синяя, красивая, но на ней уже появились пятнышки от мух. Фрекен д'Эспар ничего ему тогда не сказала, не поблагодарила за нее.

Теперь Даниэль ходил в селение, чтобы встретить знакомых, повидать людей, он в этом нуждался. Он был подавлен и молчалив: он думал восторжествовать над приходом, а вот что получилось! Даже маленького Юлиуса они хотят у него украсть. Но Даниэль прекрасно знал, что в этом вопросе он будет твердо стоять на своем: он записан отцом ребенка с согласия матери, в присутствии Марты и крестного отца. Этого им не удастся оспорить, не так ли?

Друзья говорили с недомолвками, видно, до них дошли какие-то слухи, что на альпийском хуторе не все ладно, да и сам Даниэль изменился.

— Когда же ты женишься, Даниэль? — спросил его как-то один из приятелей.

И Даниэль ответил:

— Да и сам точно не знаю.

— Вот как, а почему?

— Все время возникают какие-то помехи: то время неподходящее, праздники, то нет нужной одежды, что-то все время мешает.

— Чудно как-то!

— Не знаю, как объяснить, — отвечал Даниэль. — С любовью другой невестой было бы проще, а вот Жюли подавай особое платье, лучшее из лучших, с шелковыми бантами и жемчугом.

Приятель посмеялся над такими причудами, да и над ним посмеялись.

— Я это в шутку сказал, — поспешил объяснить Даниэль, чтобы спасти себя. — Я просто имел в виду, что женщинам всегда надо что-то особенное. Но и мне, пожалуй, не пойти к алтарю в том, в чем я хожу каждый день, а другого костюма у меня нет.

— У тебя так мало одежды?

— Да, мало.

— Но это не безвыходное положение.

— Конечно, — согласился Даниэль, — надо было заказать себе костюм, но подошли праздники, кто бы в те дни стал шить мне костюм, сами знаете.

— Да ты не обижайся, мы же по-хорошему, — сказали друзья.

Они сидели в задней комнате лавки, пили пиво, шумели, становились все веселей и счастливей, прощали друг другу грехи, о которых проболтались во хмелю, и разрешали все недоразумения. Но сомнений не было, друзья что-то прослышали о беде Даниэля, о нем снова стали болтать.

— Мне надо с тобой поговорить, Хельмер, — сказал Даниэль.

Они вместе выходят из лавки и направляются к дому Хельмера. А Даниэль вот что хочет ему сказать: что он, скорее всего, убьет сегодня человека.

— Что? Нет, не вздумай этого делать! — говорит Хельмер со смехом и мотает головой.

— Придется, раз обстоятельства меня вынуждают.

— Кто он?

— Есть здесь один такой, ты, может быть, слышал.

— Нет, откуда я мог слышать? Ну конечно, кое-что до меня доходило, но... А ты представляешь себе, что они потом с тобой сделают? Придут и заберут тебя.

— А мне без разницы.

— Надо вести себя разумно, не будь дураком! — говорит Хельмер. — Я прошу тебя, — говорит он, — и заметь, прошу тебя не в первый раз, было время, когда ты хотел поджечь дом Элены, и я тебя тогда отговорил.

— Да, было такое, но...

— Я ни о чем больше слышать не хочу, понял? А теперь пойдем со мной, выпьешь немного горячего кофе и снова станешь разумным.

Даниэль пошел к нему, выпил кофе и на какое-то короткое время несколько взбодрился. Но когда надо было уходить, он снова сник. Хельмер вышел вместе с ним.

— Помнишь, как в день крестин она сказала, что ребенок мой? — спросил Даниэль.

— Что ребенок твой?

— Ну да, она тогда сказала: бережно носи своего ребенка, не прижимай так своего ребенка, Даниэль, — вот что она сказала. Это было у нас, в новой комнате. Ты ведь слышал?

— Это я могу клятвенно подтвердить.

— Я сейчас пойду домой, поговорю с ней и растолкую все. Уже поздно, мне надо поторопиться.

Хельмер еще раз попросил его вести себя разумно и отпустил его. Своего товарища он вновь увидел только через несколько недель, а к тому времени все уже стало другим, все разрушилось...

Придя домой, Даниэль тут же направился в новую комнату.

— Я стал посмешищем в приходе, — сказал он. — Позор, да и только.

— Ну? — сказала она.

— Я хочу знать, в какой день ты готова со мной обвенчаться.

Того, что случилось, еще никогда не случалось, но она была так измучена, так подавленна: она расплакалась.

— Я хочу домой, — кричала она, — я хочу уехать, хочу домой! Что мне здесь делать? Да поможет мне Бог, но здесь нет людей, ни души, нет лавок, нет витрин, нет улиц, нет пароходов, нет пристани, вечером темно, никто мимо не проезжает, ничего нет...

Она плакала истерично и спрашивала его, есть ли смысл в такой жизни.

— Ты даже Акерслев не видел, — сказала она, — там много лодок, я там с мальчишками гребла, мы брали лодку, не спросив разрешения, ха-ха-ха... Даниэль, милый, пойми, не могу я здесь, сама не знаю, в чем дело, но мне стало про-

сто невыносимо. Обвенчаться? Ну послушай, ты же совсем сошел с ума, он ждет меня, мы вместе уедем, а ты все твердишь: обвенчаться, обвенчаться! Похоже, ты не отдаешь себе ни в чем отчета, но граф ждет, да, ты слышишь, я люблю его, я хранила его деньги, они почти все в целости и сохранности. Но мы и тебе хотим помочь...

— Замолчи и дай мне сказать только несколько слов, — крикнул Даниэль. — В какой день ты будешь со мной венчаться?

— Венчаться?

— Да, я только хочу узнать.

— Но послушай, я возьму ребенка и убегу с ним! — крикнула она, глаза ее лихорадочно блеснули. — Ты не сможешь меня преследовать, если у меня на руках будет ребенок, не то мы упадем, мы будем драться, Юлиус будет драться...

Даниэль топнул ногой и закричал:

— Замолчи!

— Прости, — сказала она.

— Ты совсем спятила, и говорить с тобой я больше не желаю, — сказал Даниэль. — Об одном я тебя прошу: не ходи больше до венчания в санаторий, поняла? И не смей до венчания ни с кем встречаться в лесу. Я запрещаю, втыкая себе это в башку. Вот и все, что я хотел тебе сказать.

Она задумалась — то ли об этом, то ли о чем-то другом. И вдруг она обратилась к нему нежно, явно пытаясь его обольстить:

— Прости меня, Даниэль, прости за все! Я вела себя не так, как надо, твоя правда. Я гнала тебя, знать не хотела. А теперь я в растерянности — я готова все исправить, сделать все по-твоему, если ты готов. Пусть все будет по-хорошему, Даниэль! Я все теперь сделаю по-твоему... Согласен?

Видно, она рассчитывала таким образом приглушить его возбуждение, надеялась, что он станет мягче и ей будет легче с ним сладить. Она понимала, что ее загнали в западню, она была в полном смятении.

Глубоко вздохнув, она повернулась к окну, быть может, в ней пробудился стыд. Он спросил тем же тоном, с тем же терпением:

— Значит, в последний раз назначаем на следующий четверг — или?..

У нее тут же пропала всякая надежда настроить его на другой лад, она сидела молча, уперев взгляд себе в колени.

— Я не могу позволить, чтобы все кому не лень болтали обо мне в приходе, — объяснил он. — Я не бродяга, я из Утви, меня здесь все знают. Так как насчет четверга?

— Пойду скажу ему, — ответила она беспомощно.

— Нет! — закричал Даниэль. — Разве я тебе только что не запретил туда ходить?

— Скажу, чтобы он уехал... только это...

Даниэль:

— Я это ему уже сказал, нет нужды повторять, он знает. Господи, по-моему, я все ему ясно объяснил!

Она не ответила, вообще больше не произнесла ни слова. Помолчав, он сказал, что ее платье вполне сгодятся для венчания, а он может одолжить костюм у Хельмера. И еще он попытался ей внушить, что надо потребовать от пастора вернуть ей все те бумаги, которые она ему переслала, все эти ее объяснения. Она молчала.

Настало следующее утро.

Господи, ей необходимо поговорить с господином Флемингом, необходимо предостеречь его, потому что теперь опасность стала куда больше: Даниэль был просто в ярости.

Она решила пойти. Где сейчас Даниэль? Возможно, он опять спустился в селение. Марта возилась со скотиной. В кухне никого не было.

Вне всяких сомнений, она должна сходить в санаторий. Она уже не раз решалась на это, а теперь, когда необходимость и в самом деле столь очевидна, нельзя спастись. Как бы это выглядело! И что, собственно, в этом зазорного? Она хочет лишь предотвратить возможный инцидент, она опасалась, как бы он не напал в своем ожесточении на господина Флеминга, как бы не случилось несчастья, ведь теперь всего можно ожидать! Любой образованный человек вроде господина Флеминга был бы только благодарен за ее стремление помешать злодеянию, увидев в этом заслугу, но что можно ожидать от Даниэля? О, он так разъярен, в таком отчаянии! Когда он придет, он еще, чего доброго, ее задушит. Как поступил муж в замечательном французском романе, когда, вернувшись домой, застал в спальне любовника жены? Поздоровался с ним, а потом осветил лампой лестницу. «Будьте осторожны, — предупредил он, — здесь одна ступенька плохая, не упадите!» Вот как ведет себя светский человек, — как изящно, с каким лоском! Но разве можно ожидать чего-нибудь подобного от Даниэля?

Преодолев вчерашнюю страшную депрессию, она ушла в свои мысли. Погода стояла хорошая, дорога была сухая, в лесу пели птицы и пахло травами. Она шагала легко и быстро, чтобы не оставлять Юлиуса надолго одного.

У сарайчика она повстречала господина Флеминга — он словно знал, что она придет. Он предложил проводить ее домой, но она не захотела, не решилась:

— Нет, он может вас выследить, он задумал недоброе!

Лучше она возьмет риск на себя и уйдет из владений Даниэля, только бы не допустить, чтобы господин Флеминг приблизился к их дому. Они пошли в сторону санатория и уселись неподалеку от него на траву.

Она рассказала, что знала: вчера Даниэль ходил к пастору. Вернулся из прихода полный ярости и решимости. Прихожане снова начали о нем судачить, и он решил с этим покончить. Она вдруг спросила господина Флеминга:

— Можете вы понять, почему для него так важно, что говорят люди в приходе?

— О да, прекрасно понимаю. Так всегда бывает в тех местах, где все друг друга хорошо знают.

— А почему он все время твердит: «Я сын крестьянина»?

— Да-да, они придают этому большое значение, они этим гордятся, я знаю, у нас дома тоже так. Крестьянскому сыну положено больше считаться с мнением людей, чем другим.

— Словно он дворянин! — со смешком сказала она.

Господин Флеминг кивнул:

— Если сын крестьянина ведет распутный образ жизни, то почтенных родителей это может свести в могилу. Так, к сожалению, бывает.

— Почему вы говорите «к сожалению»? Ну, ладно, — сказала она, обрывая себя, — что же нам делать? Он хочет, чтобы мы в четверг обвенчались.

— После моего заявления это невозможно.

— На этот раз это не пустая болтовня Даниэля. Я его боюсь.

Господин Флеминг предложил ей бежать, оставив ребенка на время у Даниэля.

— Нет, — сказала она, покачав головой.

— На короткое время, пока все уладится и мы найдем работу.

— Нет, ни за что. Вы, может, не разглядели Юлиуса как следует?

— Чудесный ребенок!

— Что это? — вдруг тревожно спросила она. — Мне слышался какой-то шорох.

Они огляделись — нет, ничего не видно. Она сказала:

— Может, мне удастся прокрасться с ребенком на руках в санаторий? Как по-вашему?

— В санаторий?

— Ну да, и там остаться. Чтобы быть всем троим вместе?

Подумав, господин Флеминг сказал:

— Директор Рупп्रेхт — замечательный человек, я вполне допускаю, что он разрешит. Наверняка разрешит.

— Там мы будем чувствовать себя в безопасности, никто не сможет нас выгнать. Проживем так какое-то время.

— Но мне кажется, для вас это будет ужасно — прислуга, гости, а вы с ребенком...

— Я и сама об этом думала, но что поделаешь, придется это вытерпеть.

— Я поговорю с директором, — сказал господин Флеминг с воодушевлением.

Они продолжают обсуждать подробности — это все же какой-то выход при полной безысходности всей ситуации, но она жалуется ему, ужасаясь, какой крест она на себя взваливает.

— А теперь мне надо идти, — говорит она и встает. — Я пришла без разрешения.

Он тоже встает:

— Я вас провожу!

В то же мгновение фрекен д'Эспар бледнеет как полотно и застывает: на холмике, у дороги, сидит Даниэль, наполовину скрытый кустами. Господин Флеминг тоже видит его, на его лице появляется напряженное выражение.

Фрекен д'Эспар кричит:

— Даниэль, я пришла сюда, только чтобы предупредить, я бегу домой.

Ответа не последовало. Даниэль сидит и глядит на них, он весь собрался в комок, как хищное животное перед прыжком. Фрекен д'Эспар теряет всякое самообладание, у нее словно приступ безумия.

— О, ты здесь, Даниэль! — в крайнем возбуждении кричит она, рыдая. — Я ему велела уехать, но он не хочет, вы оба меня преследуете, он не желает меня бросать, слышишь? И теперь я решила... в какой-нибудь день, потихоньку от тебя... я возьму Юлиуса... возьму Юлиуса...

Казалось, она едва находит слова...

— Я провожу вас! — восклицает господин Флеминг.

— Нет-нет, — кричит она, — лучше о себе позаботьтесь.

Даниэль не сводит с них глаз, незаметно, скользя по траве, он меняет позицию, опускается на правое колено, его рука ощупью шарит по земле, и в следующее мгновение он уже прижимает ружье к щеке.

Фрекен д'Эспар с криком валится на траву.

— Ничего... дорогая, ничего! — успокаивает ее господин Флеминг.

— Ложитесь, ложитесь скорее, — слышит он ее приказ.

Но он продолжает гордо стоять, он не испугался, даже не отскочил в сторону. Может, Даниэль ничего и не сделал бы, не сделал бы того, что сделал, но его окончательно вывело из себя спокойствие соперника: его застучали на месте встречи, а этот страшный обманщик стоит как ни в чем не бывало, хочет еще выглядеть благородно.

После того как прогремел выстрел, прошло еще несколько секунд, прежде чем господин Флеминг рухнул на землю. Чуть пошевелив пальцами, он дернулся коленом и застыл в неподвижности.

Фрекен д'Эспар видит, что Даниэль спускается со своего пригорка и направляется к ней. Она его скорее услышала, чем увидела, высокая трава цепляется за его сапоги. Ее охватывает ужас, она приподнимается на локте и спрашивает:

— Что тебе надо?

Она видит, как его глаза останавливаются то на ней, то на трупе, его лицо становится неузнаваемым, она видит, что он двигает губами, наверно, что-то говорит.

— Что ты собираешься со мной сделать? Слышишь, что ли? — спрашивает она жалобным тоном.

Но он не отвечает, и тогда она вскакивает и бежит. А он стоит и смотрит, не шевелится ли мертвец, — это последнее, что она видит.

Она бежит в сторону санатория. Немного придя в себя, она останавливается и на мгновение задумывается, а потом делает большой крюк в лесу и идет домой на хутор.

Даниэль все стоит и смотрит на содеянное им — может, с некоторым любопытством и некоторым изумлением. Он человек, он разучился ходить на четвереньках и рвать врага в клочья, зато он научился стрелять. Нет, он не какой-то особый, он не герой, он такой, как и все остальные люди.

XVI

Расследование, розыски, допросы, приход взбудоражен, наиболее боязливые запирают по вечерам двери, кто знает, чего можно ожидать! Местных жителей посылают изображать полицейских и искать Даниэля. О да, они обыскали лес вокруг хутора, а под конец устроили настоящую облаву

и заглядывали под каждый можжевельниковый куст. Но Даниэль укрылся в горах, наверно, они об этом догадывались. «Пусть себе гуляет! — скорее всего, думали они, не в силах скрыть своего глубокого сочувствия к бедолаге. — Когда-нибудь ему все равно придется спуститься, и не такой уж он плохой, это ведь наш Даниэль Утви». Да, так они, скорее всего, думали. А кроме того, сейчас, глядишь, и опасно близко к нему подходить, Бог его знает, что может случиться. С таким отчаянным шутки плохи, разве не собирался он когда-то сжечь дом Элены!

Фрекен д'Эспар рассказывает о происшествии, но у нее плохо с памятью, да и с головой творится что-то неладное, и о самых важных моментах катастрофы она решительно ничего не помнит. Ленсман прямо из кожи вон лезет, чтобы допросить ее как следует и занести показания в протокол, но ничего не добивается. Первый его вопрос, было ли это преднамеренное убийство, если да, то за это полагается смертная казнь. Тут она глубоко задумывается, этот вопрос надолго полностью выключает ее память. Эта фрекен д'Эспар, по мнению ленсмана, настоящая чертовка, он ее уже однажды допрашивал и ничего не смог у нее выпытать.

— Так как же произошло само злодеяние?

Этого она не знает. Она сразу потеряла сознание, а когда очнулась, бросилась, ни на что не глядя, бежать. Чему тут удивляться?

— Что сказал Даниэль?

— Ни слова.

— Он вас не предостерег?

— Предостерег. Он что-то крикнул.

— Значит, он все же что-то сказал?

— Нет, он не сказал ни слова. Он предостерег криком.

— Угрожал ли Даниэль господину Флемингу, говорил ли, что пристрелит его?

— Нет, во всяком случае, я этого никогда не слышала.

— Не угрожал? Никогда?

— Нет. Он только просил его уехать.

— В то утро... он взял с собой ружье с намерением застрелить господина Флеминга?

— Разве?

— Здесь я задаю вопросы, — говорит ленсман.

Фрекен д'Эспар смотрит ему прямо в лицо и возражает:

— Я не могу рассказать больше того, что знаю.

— Но как по-вашему? Какое у вас сложилось впечатление?

Фрекен д'Эспар делает видимое усилие, стараясь что-то вспомнить, и отвечает:

— Он сказал, что собирается на охоту.

Ленсман быстро переворачивает листы протокола назад и говорит:

— Вот здесь вы сказали, что в то утро вы с ним не говорили.

Фрекен д'Эспар:

— Он сказал мне это накануне вечером.

— Что он утром собирается идти на охоту?

— Да.

— С ружьем? В это время года? Что он мог подстрелить из ружья?

Фрекен д'Эспар молчит, хватается рукой за лоб, она не может знать все на свете, поэтому не отвечает. Она совсем сбита с толку всем, что пережила за последнее время, и это не удивительно! Она беспомощно смотрит на Марту.

Когда наступает черед отвечать Марте, она объясняет, что Даниэль собирался поохотиться на оленя. Вот для чего ему понадобилось ружье. На диких оленей в горах.

Тут фрекен д'Эспар снова обретает дар речи:

— Да, на оленей, именно это он мне и говорил.

— Сейчас не сезон охоты на оленей, — говорит ленсман.

Из ответов Марты следует, что, охотясь, Даниэль никогда не обращал особого внимания на время года.

— Выходит, он охотился, несмотря на запрет на охоту в это время года?

Марта с секунду колеблется, а потом отвечает, явно подчеркивая свои слова:

— Да, Даниэль часто ходил на охоту, как правило, в течение всего года.

— Это запрещено законом! — заявляет ленсман...

Да, многое запрещено законом. Подстреливать людей тоже запрещено законом. Когда Даниэля засекли высоко в горах, некоторые смельчаки стали тайком карабкаться к нему, знаками выражая свое расположение, он крикнул им, что тот, кто подползет ближе, тут же станет трупом, — это тоже, кажется, запрещено законом. Но все не мешкая поползли вниз и оставили его в покое.

Ленсман, однако, остался недоволен таким исходом вылазки, он снабдил своих людей ружьями и велел им сделать еще одну попытку, но и она не увенчалась успехом. Они попытались обойти безумца с другой стороны, чтобы потом окружить, но им не удалось приблизиться на нужное рас-

стояние, его ружье стреляло дальше их ружей. О, поверьте, они сделали все, что было в их силах.

Так получилось, что Даниэль занял господствующую позицию на горе Торахус, и никто не мог к нему приблизиться.

Но однажды утром он увидел сбоку от себя две приближающиеся точки. Вскоре стало ясно, что это два мальчика, они карабкались со стороны скалы, и один из них держал в руке палку с белым платком — они выступали парламентариями и хотели поговорить с главарем разбойников. Даниэль никогда не читал книг, в которых писалось про это, он ничего не понял из их слов, но стрелять явно не стоило — двое мальчишек, Бог ты мой, чего их бояться? И они продолжали ползти к нему.

Даниэль сперва напряженно оглядывался, но потом положил ружье на землю, чтобы их не испугать. И тогда они докарабкались до него. Они были бледны, скованны в движениях и дышали прерывисто, тот, что держал палку с платком, подошел первым, а второй держал пакет, который протянул Даниэлю и сказал:

— Пожалуйста!

— Что это? — с изумлением спросил Даниэль.

— Немного еды, — ответил он. — Завтрак!

— Мы взяли ее прямо со стола, — объяснил другой.

— Вы откуда?

— Мы живем в санатории.

— В санатории? И пришли сюда?

— Да, мы решили это еще вчера вечером. Здесь всего лишь немного еды, бутерброды.

Даниэль развернул пакет и начал есть, отвернувшись и не глядя на ребят. Явно тронутый этим благодеянием, он засопел, хотя и был твердолобым.

— Кто-нибудь знает, что вы сюда пошли? — спросил он.

— Нет, никто.

— Никому не рассказывайте, — попросил он.

Они еще немного поговорили, Даниэль узнал, сколько им лет, что их отец директор гимназии Оливер и что он тоже живет в санатории.

Весь этот разговор Даниэль стоял, не глядя на них, и сопел все больше. Покончив с едой, он повернулся к ним, пожал каждому руку и сказал:

— Благодарю вас.

— Мы принесли очень мало, — сказали они, — почти ничего, завтра придем снова и принесем побольше.

Даниэль ответил резко:

— Нет, не надо больше приходить! Нет! Да меня здесь и не будет, — добавил он уже мягче. — Вам нельзя больше приходить.

— Не будем, — обещали они.

— Поглядите-ка, — сказал Даниэль, протянув руку. — Обратно держитесь вдоль этих кустов и не выходите на голые места, где вас можно увидеть снизу. Не будьте дурачками, прикрывайтесь всю дорогу кустами.

— Хорошо.

— И еще раз спасибо! — сказал Даниэль и снова отвернулся.

Мальчики ушли. Им удалось совершить то, что задумали, и поэтому они спрятали белый флаг. Радовались, что выполнили свою миссию, и гордились, что атаман разбойников подал им руку...

Даниэль продолжал господствовать над горой. Шел уже третий день. Он даже не побоялся чуть ближе подойти к хутору, к домам, и, угрожая ружьем, не позволил никому приблизиться. Беспомощные что-либо сделать, его преследователи в конце концов пошли в приход к Хельмеру:

— Хельмер, попробуй с ним поговорить по-хорошему!

Но нет, Хельмер наотрез отказался, не в его силах смотреть, как будут убивать Даниэля. И Даниэль продолжал царить на своей вершине, — подняв ружье над головой, безумец прокричал, что уложит каждого, кто подойдет на расстояние выстрела. Он был непоколебим, он защищал свой очаг.

А обе женщины на хуторе ломали себе голову, как помочь Даниэлю, и молили Бога, чтобы ему представился случай спуститься и заpastись хоть какой-то едой, — сами идти к нему они не решались, боясь полиции и людей. Иногда они слышали выстрелы в горах, видно, он в кого-то стрелял.

Ленсман потребовал от них положить еду на порог дома. Что ж, они повиновались.

— И пусть одна из вас пойдет и скажет ему, где еда, — приказал он.

— Нет, на это я никогда не решусь, — сказала Марта. И фрекен д'Эспар повторила то же самое. Обе сказали, что отказываются идти, даже если это будет стоить им жизни. Ленсман простоял всю ночь напролет у окна сарая, наблюдая, не появится ли Даниэль у порога дома, а потом и вторую ночь, но Даниэль так и не появился. Им пришлось отказать от этого наивного опыта и внести еду снова в дом.

Но как-то в дождливый вечер он все же пришел.

Марта и фрекен д'Эспар тихо разговаривали на кухне. Вдруг открылась дверь, и он проскользнул внутрь. Фрекен д'Эспар вскрикнула, увидев его, и отскочила в сторону. Он промок до нитки, замерз, вид у него был донельзя жалкий: измученное бессонными ночами, исполосованное дождем лицо, впалые глаза. Он не поглядел на них, а, коснувшись посиневшей рукой рта и стыдливо усмехнувшись, кинулся к столу и схватил хлеб. Ружье поставил возле себя.

Марта не растерялась:

— Как хорошо, что ты пришел. Вот кофе!

Он все откусывал и откусывал от целого хлеба и только потом взял мясо. А кофе стоял, и от него шел пар.

— Можно, я возьму с собой? — спросил он, вставая, и сунул остаток хлеба под мышку.

— Не выпьешь кофе?

— Нет, не стоит. Он слишком горячий.

— Послушай, мы давали показания, — принялась рассказывать Марта. — Мы сказали, что ты в то утро хотел подстрелить оленя. Что ты потому и взял ружье, сказали мы.

— Хорошо, — ответил он.

— А вовсе не для того, чтобы подстрелить человека, тебе надо знать, что мы им сказали.

— Мне все равно.

— Нет, не то тебя могут приговорить к смерти, — сказала Марта.

— Вот как... да-да.

Фрекен д'Эспар сидела на полу.

— Даниэль, ты попробуешь уйти?

— Не знаю, — ответил он. Потом бросил косой взгляд на нее и спросил: — Юлиус спит?

— Да, спит.

— Мне хотелось бы на него посмотреть.

Одному Богу известно, что он при этом имел в виду, действительно ли его тянуло к ребенку или он старался показать, что не торопится, не боится. Он снял со стены куртку, схватил ружье и направился к двери. Фрекен д'Эспар вышла вместе с ним, и они вошли в новую комнату. Все произошло очень быстро. Он только взглянул на ребенка, кивнул и двинулся к двери.

Фрекен д'Эспар:

— Погоди... минутку!

Ее глубоко волновало, что его преследуют, что за ним охотятся, а то, что он при этом не выражал ей обиды, не сказал ей ни единого худого слова, так на нее подействовало, что она была готова упасть перед ним на колени. То-

ропливо открыв свой чемодан, она взяла, не глядя, несколько купюр, сунула ему и попросила его уйти, может, через горы...

— Потом мы встретимся...

Впервые посмотрев на нее, он сказал:

— Да-да, спасибо!

Вошла Марта и протянула ему бутылку с кофе. Он хотел ее взять, но уронил на пол. По старой привычке он стал ворчать:

— Ну вот, загубил бутылку, надо же, я такой неуклюжий...

Распахнув дверь, он выбежал из дома.

Он господствовал над горой еще несколько дней, ленсман был в полном отчаянии, он страстно хотел справиться с этой ситуацией, не прибегая к посторонней помощи. В один из дней он поднялся на пастбище Торахус вместе с женой. У них не было с собой ружья, они ничуть не походили на полицейских, а шли как бы просто так. Подойдя к границе того пространства, которое Даниэль простреливал, ленсман остановился, а жена пошла дальше. Весьма странный посланец, она-то, которая обманула Даниэля! Но Елена, видимо, сказала, что попытается поговорить с ним по-доброму.

Обе женщины с хутора видели прошедшую мимо них пару и теперь наблюдали за Эленой, — как далеко решится она пойти. Было похоже, что Елена собралась добраться до самого верха, Даниэль кричал ей, предостерегая.

— Он не пристрелит Элену, — сказала Марта.

— Вот это да, рискнула пойти к нему! — с завистью сказала фрекен д'Эспар. — Я бы тоже рискнула. Но нам с тобой нельзя.

Элена подымалась все выше.

— Что ей, этой ленсманше, там надо? — возмущалась фрекен д'Эспар. — Ему на нее наплевать!

И вдруг Даниэль делает нечто совсем неожиданное: он начинает спускаться со своей вершины, идет ей навстречу, они встречаются, останавливаются и разговаривают друг с другом. Елена и он.

Бедная фрекен д'Эспар, она совсем сбита с толку, дитя, глупышка, она в эту минуту вне себя оттого, что он все еще на горе, почему он не убежал, как она его просила? Они потом встретились бы, она нашла бы его.

— Ты только погляди, Марта, как она стоит и болтает с ним! Ну вот, наконец-то он ее прогнал, давно было пора...

Элена стала спускаться с горы, она уходила все дальше от Даниэля, а он стоял и смотрел ей вслед. Далеко внизу ее дожидался муж, и они вместе пошли домой, в приход. Что, черт возьми, все это могло значить?

Фрекен д'Эспар с решительным видом тоже подымается в гору, она тоже, несмотря на запрет, карабкается все выше и выше. Увидев ее, Даниэль идет ей навстречу.

— Ты все еще здесь! — говорит она. — Почему ты не попытался бежать?

Нет, Даниэль, видимо, понял всю безнадежность этого плана, он только покачал головой, даже не ответив ей. Да и куда он успел бы добраться, прежде чем его схватят? Во всяком случае, недалеко. Может, до какого-нибудь маленького городка, но что ему там делать? Даже если и до Христиании, ему и там делать нечего. Он понял, что рано или поздно ему все равно придется сдаться, быть может, он понял наконец бессмысленность своего поведения: разве можно с помощью ружья защититься от закона? Понятно, что в охватившем его безумии сразу после того, что он совершил, ничего лучшего ему на ум не пришло. Но долго, много дней и ночей, это длиться не может, нет, никак. Пора кончать, он ослабел и чувствует себя побежденным. К тому же лучше сэкономить деньги фрекен д'Эспар и прибавить их к той сумме, которую он уже скопил для выкупа отцовской усадьбы. Это будет большой помощью, когда настанет время; даже если ему не суждено дожить до того дня, его место займет маленький Юлиус.

Он идет с фрекен д'Эспар домой.

— Ты решаешься меня проводить? — спрашивает она.

— Да, — отвечает он уныло.

— Что надо было этой женщине... Элене?

— Она пришла с поручением.

— Просто удивительно. Я все ждала, что ты ее обнимешь.

— Элену? — кричит он. — Да я скорее пушу в нее две пули!

Она принесла письмо от пастора. Гляди, вот оно, читай!

Сердечное короткое письмецо, всего несколько слов. Даниэль должен, мол, спуститься с горы и вести себя разумно, тогда, может, эта история кончится для него не столь ужасно, все в руках Господа. Насилие и угрозы лишь ухудшают его дела. Пастор намерен обратиться к властям и просить за него, и многие так поступят, он убедится: Бог и люди будут к нему милостивы.

— Что ты решил делать?

— Я хочу домой, хочу поесть и поспать, а потом они придут за мной.

— Придут? — прошептала она.

— В три часа... — кивнул он.

Он вернулся домой, тут же вынул пули из ружья, поел и лег спать. Проснувшись, вымылся и надел воскресный костюм. Потом дал Марте кое-какие указания насчет обработки поля и на будущее — как ухаживать за пастбищами, как их косить. Вскоре пришел ленсман и с ним еще какой-то мужчина.

Фрекен д'Эспар совсем потеряла голову, она бессмысленно бродила из кухни в пристройку, из пристройки на кухню, в отчаянии ломала руки и что-то шептала, шептала про себя. Лицо ее посерело. Господи, ведь это она во всем виновата! Даниэль влетел в комнату, поглядел на ребенка, пожал обеим женщинам руку и попрощался вполне дружелюбно и искренне.

И они ушли.

Последние слова Даниэля несколько ободрили фрекен д'Эспар. Уже у двери он обернулся к Марте и сказал:

— Санаторий хочет купить большого быка, но до осени не продавайте его. Учти!

А ведь все могло сложиться совсем неплохо...

Теперь, вы понимаете, фрекен д'Эспар могла ходить в санаторий, сколько ее душе угодно, причем совершенно открыто, но у нее в этом уже не было никакой потребности. Что ей там делать? Снова встречаться, как прежде, с теми, кто там обычно бывал летом и во время каникул, — с адвокатом, директором гимназии, быть может, с фрекен Эллингсен или с молодоженом Бертельсеном и с его женой, бывшей фру Рубен, — о чем ей с ними говорить? Флиртовать с молодыми людьми, с курчавыми норвежскими юнцами, красующимися твердыми ляжками и короткими — чем короче, тем лучше — штанами? Она не кокетка. К тому же все еще впереди — суд, присяжные, — ей есть о чем подумать.

К ней обратились по поводу трупа, трупа господина Флеминга. Его осмотрели, произвели вскрытие, с документами все было в порядке, но что насчет погребения? Отправлять ли труп в Финляндию?

Она уже думала об этом. Голова у фрекен д'Эспар не всегда шла кругом, она могла быть и вполне разумной. Она без всяких разговоров оплатила бы похороны несчастного господина Флеминга, как же иначе, но имеет ли она право в это вмешиваться? Осторожность вынуждает ее от этого утратиться. Если она вызовется их оплатить, естественно воз-

никнет вопрос — откуда у нее на это деньги? Он умер, и что ни делай, теперь уж ничего не изменишь.

— При чем здесь я? — отклонила она просьбу уполномоченного общины.

— Дело в том, что после господина Флеминга не осталось ни геллера. Это странно.

— Но мне-то что до этого? — нервно выкрикнула она. — Я не его мать. Мы были даже не очень близко знакомы.

— Понятно, понятно. Но тогда его придется похоронить на общественные средства.

— Почему? — спросила она. — У него, наверное, осталось немало ценных вещей, этого вполне хватит на жалкие похороны. Насколько я помню, у него было несколько чемоданов. Он носил дорогие костюмы, а в кармане пиджака у него лежало бриллиантовое кольцо, которое стоит, возможно, целое состояние.

— Нет, — объяснил ей уполномоченный, — кольцо оценили, оно ненастоящее и ничего не стоит.

Фрекен д'Эспар:

— Не может быть! — И добавила находчиво: — Вот как, но тогда одежда... Спросите в санатории...

Выходит, ее подозрение подтвердилось: это было уже не то, первое, дорогое кольцо, ему, видимо, пришлось его продать, он вернулся с другим, поддельным. Впрочем, она это заметила еще летом, в их первую встречу: кольцо не сверкало. Ах, бедный господин Флеминг, его тоже низвергнули, поставили на колени, и хотя он и старался держаться прямо, он стоял на коленях. Фрекен д'Эспар еще глубже задумалась... Как бы не лопнула от всех этих мыслей ее головка...

Дни шли своим чередом. Фрекен д'Эспар теперь больше, чем прежде, помогала Марте по дому, освобождая ее, насколько могла, — для нее самой это было как лекарство. Наступило время косьбы. Как-то ранним утром пришел Хельмер и скосил косилкой траву на лугах, а обе женщины сначала разложили ее для просушки, а потом убрали сено. Пока они трудились, маленький Юлиус лежал на лугу. Фрекен д'Эспар охотно ворошила сено — что стало бы с ее головкой, не будь этой работы на воздухе! По правде говоря, за свою жизнь она частенько томилась куда больше, чем теперь, — в ее комнатке в Христиании ей бывало и куда хуже, впрочем, бессмысленное болтание по улицам тоже не приносило радости. После процесса и вынесенного приговора она вновь обрела мужество и доброе расположение духа. Даниэль получил на редкость мягкий и справедливый при-

говор: семь лет. Тут проявились и Божья милость, и людское великодушие, и фрекен д'Эспар, которая прежде плакала от горя из-за обрушившейся на нее беды, плакала теперь от радости, что привалило такое счастье. Конечно, семь лет принудительных работ — это не подарок, но все же это, благодарение Богу, не окончательная гибель, не смерть!

Дни шли за днями, и то, что они не приносили новых бед, можно было считать Божьим благословением. Юлиус рос, его глаза стали зрячими и следили за ней, он смеялся, плакал, пил молоко и спал. Весь этот год был полон страшных событий, она лишилась почвы под ногами, все непрерывно менялось, ее бросало из стороны в сторону, судьба ее в течение этого года не раз поворачивалась к ней разными сторонами. Когда она вспоминала все, что случилось, разные стадии проделанного ею пути путались у нее в памяти, ей казалось, что все события происходили когда-то давным-давно. Но за последнее время она вновь обрела разумный взгляд на жизнь, теперь ее интересовало, как убрать сено до дождя.

Ее не забыли в санатории, нет, в этом большом заведении, где люди отдыхали и лечились, к ней испытывали сочувствие и однажды послали записку. Видимо, ее хотели подбодрить, не дать ей замкнуться в своей заброшенности. Скорее всего, это была идея адвоката Рупрехта. Однако записка была подписана Андерсеном, ее бывшим шефом.

О чем ей с ним говорить? Видел ли он ее с дыркой вместо зуба и со шрамом на подбородке? К тому же у нее теперь натруженные руки, да и вся она огрубела. Но главное, грудь ее стала плоской.

Она не пошла встречаться со своим бывшим шефом.

Но однажды ей прислали счет, счет за последнюю неделю пребывания господина Флеминга в санатории. Да, она получила этот счет, и что ей с ним делать? Имеет ли она право и на этот раз наотрез отказаться платить? Получилось ведь так, что в счете была и ее доля расходов — как-то она пошла с ним обедать. Пила дорогое вино. Она начала внимательно разглядывать счет, так сказать, изучать его, и пришла к выводу, что это позорные цены, чистое надувательство. В ней пробудилась бережливость; побледнев от гнева, она обратилась к Марте.

— Послушай только, сколько они в санатории берут за бутылку вина и один обед: двадцать крон! Это было французское вино, будто я не знаю, сколько стоит французское вино, я ведь оттуда родом! — с возмущением говорит фрекен д'Эспар.

Марта ее поддерживает, она никогда еще ничего подобного не слышала, они, видно, считают, что им все дозволено.

— Нет, я этого не допущу! — восклицает фрекен д'Эспар. — Погляди за Юлиусом, я схожу туда и объяснюсь с ними!

Она приделась и отправилась в санаторий.

Ей повезло, на большой веранде она встретила директора, он очень ей обрадовался, громко ее приветствовал и сказал:

— Вас хотел повидать господин Андерсен, он ведь был прежде вашим шефом, верно? Прошу вас, сюда!

Она его остановила:

— Благодарю вас, но мне нужно поговорить только с вами. Я получила вот этот счет.

Адвокат Руппрехт надевает пенсне и смотрит.

— Так-так, — говорит он как-то неопределенно.

— Вы считаете правильным, что мне посылают счет господина Флеминга?

— Это ошибка, — уверяет адвокат.

— Я готова заплатить за себя, если хотите, — говорит фрекен д'Эспар.

— Ах, это просто невыносимо, — восклицает адвокат, — здесь творят такие глупости! Это ошибка, фрекен д'Эспар.

— Я так и полагала. Вы можете погасить его задолженность за счет вещей, которые остались после него.

— Нет, его вещи — и не будем это обсуждать, — его вещи взяли местные власти. Очень хорошо, что этот счет попал ко мне в руки. Теперь он принадлежит мне! — говорит адвокат и сует его себе в карман. — И как только вы могли хоть на минуту подумать, что наш санаторий способен вам его предъявить!.. Но чтобы закончить эту тему: когда вы вернетесь снова к нам жить, фрекен д'Эспар? Нам вас очень не хватает, и мы больше не будем посылать вам ошибочные счета, я накажу виновных. Ваша комната всегда вас ждет.

От такой сердечности фрекен д'Эспар смягчилась. Впрочем, ее не так просто обмануть, она не сомневалась, что адвокат знал о том, что ей послали счет, удивляться тут не приходилось, но главное — ей удалось сберечь деньги.

— Благодарю вас, — сказала она ему, — но я должна остаться там, где живу.

Адвокат:

— Некоторые ваши друзья еще здесь. Фрекен Эллингсен не приехала, директор Оливер уже отправился домой, но

вот господин Бертельсен здесь со своей женой — вам не повстречались молодожены? Фрекен Эллингсен пишет, что приедет позже, ей не хочется приезжать, пока здесь живут некоторые люди... вы понимаете! Да, еще мы ожидаем композитора Эйде, вы же его знаете, Сельмер Эйде, композитор? Срок его учебы в Париже кончился, и мы рады за наших зимних гостей, — ведь он снова будет с нами. Да, а еще у нас новый инженер, он настоящий спортсмен, и новый доктор, но с ним вы уже знакомы, новые люди, замечательная молодежь. И вы, наверное, обратили внимание на то, что мы строимся и расширяемся? О, мы сделаем все, чтобы «Торахус» стал одним из лучших санаториев у нас в стране! Попробуйте угадать, на какую сумму мы застрахованы от пожара? Никогда не угадаете: на сотни тысяч! Теперь мы направляем все силы на то, чтобы у нас были водопровод и электричество...

Адвокат продолжал болтать и перечислять свои достижения, но при этом он не забыл послать горничную за Андерсеном.

— Прошу вас, позвольте господину Андерсену повидаться с вами, фрекен д'Эспар. Он хотел было пойти к вам на хутор, но я не знал, захотите ли вы его там принять.

Пришел Андерсен. Что ему так срочно понадобилось? Вернуть ее к пишущей машинке?

Толстый господин с большой лысиной, очень бледный и очень жирный. Он приехал, чтобы попить воду «Торахус» и пройти курс лечения, и у него уже появились мешки на лице от похудания. Он очень дружелюбен, но фрекен д'Эспар заметила его разочарование, когда он ее увидел. О да, она уже совсем другая. Ей вдруг до дрожи захотелось немедленно вернуться домой, к ребенку, к маленькому Юлиусу.

Он:

— Я хотел повидать вас, раз уж оказался в этих краях.

Она:

— Очень любезно с вашей стороны.

— Как вы поживаете, фрекен д'Эспар? В конторе у нас появились новые сотрудники. Будете в городе, обязательно заходите к нам.

Слова, одни слова, но все не так, как прежде, когда этот господин склонялся над ней якобы для того, чтобы проверить, что она пишет, а сам как бешеный бросался ее целовать. Нет, теперь ему уже ничего от нее не нужно. Увидев ее, он сразу же отступил. Он даже напустил на себя важность, дал понять, что он ее бывший начальник, но при этом был настроен крайне дружески.

— Мне кажется, что с тех пор, как вы у нас работали, прошло очень много времени. Скажите, а пишущие машинки тогда уже были изобретены?

Фрекен д'Эспар по обязанности посмеялась над его шуткой. Но когда он захотел продолжить свои воспоминания о ее давно прошедшей жизни, в которой она сидела за пишущей машинкой, о той жизни, про которую она и думать забыла, ей стало скучно, и она была даже рада, что Андерсен вскоре встал и принялся прощаться.

— Только не забывайте французский, фрекен д'Эспар! Ваша заместительница куда слабее вас в языке, но у нее есть другие хорошие качества. До свидания, фрекен д'Эспар. Мне было очень приятно вас повидать и узнать, что вы довольны своей жизнью.

Ей не удалось избежать еще одной встречи с адвокатом.

— Ну, господин Андерсен своего добился? Я видел, он в восторге от вашего прихода. Вы знаете, фрекен д'Эспар, что господин Магнус уехал в Христианию? Так вот, он оттуда не вернулся. Прошло уже не меньше месяца! Вы последняя с ним говорили, а здесь о нем спрашивали, какая-то дама, кто бы это мог быть? Я ее не видел, но мне сказали, что она приходила, значит, это что-то важное. И по телефону она тоже звонила. Я, право, не знаю, что нам делать. Как повашему?

— Не представляю себе. Скорее всего, он вернется.

— Вы так думаете? Как было бы хорошо, если бы вы здесь жили, вы нам однажды уже помогли его найти, вы так разумны! Нельзя вас уговорить вернуться? Нам вас так не хватает.

Что адвокат имел в виду своей последней фразой? Ничего. Он рассыпался в любезностях перед фрекен д'Эспар так же, как перед всеми остальными гостями, ничего при этом не имея в виду, ему важно было только одно — собрать в санатории как можно больше народу, чтобы дом был полон, а в данный момент дело с этим обстояло плохо. Нет, у адвоката Руппрехта никаких личных видов на нее не было, он не собирался создавать семейный очаг, он не влюбился, он с равным пылом ждал возвращения юноши Сельмера Эйде и пытался уговорить молодую даму вновь переехать в санаторий, а может, возвращение пианиста занимало его даже больше.

— Выходит, ваши остальные друзья не смогут сегодня с вами повидаться? — спросил он. — Господин Бертельсен и его жена будут на меня за это сердиться, я заранее знаю. Они живут в сто седьмом номере, если все же надумаете к ним заглянуть. Нет, не хотите?

Номер сто седьмой! О этот директор санатория Руп-прехт! Он, оказывается, ко всем номерам комнат прибавил сотню, чтобы придать цифрам на дверях более внушительный вид.

Не прояви бывший шеф Андерсен при встрече с ней так уж явно своего разочарования, можно было бы сказать, что ее визит в санаторий прошел удачно, но ее все же больно кольнуло, что она так заметно сдала. Что же с ней будет через семь лет?! Но она постарается снова стать здоровой и красивой, она на все готова, лишь бы вновь обрести красоту, а когда придет время, вставит себе зуб на штифте.

А во всем остальном ее экскурсия прошла на редкость хорошо. Ее пощадили, никто не позволил себе намекнуть на то, что она живет в доме убийцы, имя господина Флеминга вообще не было упомянуто. Уже из-за одного того, что она сберегла деньги, стоило отправиться в санаторий.

Она идет на хутор, торопится больше, чем когда-либо, опасается, что маленький Юлиус проснулся и ждет ее. Крошечный комочек, и какие у него прелестные ручки... Марта выходит ей навстречу.

— У тебя гость, — шепчет она.

— Гость?

— Мужчина. Он сидит в дровяном сарае и ждет тебя.

— Не представляю себе, кто это. Юлиус проснулся?

— Он просыпался, я дала ему молока, и он снова заснул.

Вот этот человек, — шепчет Марта.

Перед ней стоял самоубийца.

— Это вы, господин Магнус! Мы как раз говорили о вас в санатории. Мне рассказали, что вы уехали и не возвратились...

Самоубийца ничего не ответил.

XVII

Самоубийца выглядел вконец растерянным, казалось, он уже долгое время не имел крыши над головой. На нем был новый костюм, но сильно помятый, неаккуратно надетый, весь в хвойных иглах. Зато ранка на руке окончательно зажала.

— Откуда вы? — спросила фрекен д'Эспар.

— Откуда я? Что мне вам ответить? — сказал самоубийца и опасливо оглянулся. — Здесь нас может кто-нибудь услышать?

— Нет, никто.

— Я был дома. Я поехал туда, чтобы разобраться в своих делах, у меня было объяснение. Извините меня, если я вас мучаю! — сказал он вдруг.

— Вы меня не мучаете. Что с вами, вы чего-то боитесь?

— Да.

— Хотите войти в дом?

— Да, благодарю вас.

Марта предоставила им свою каморку, и они там сели. Он стал спокойней, но не отводил глаз от окна. Сперва он говорил бессвязно, понять что-либо было трудно.

— Сегодняшнюю ночь я провел где-то здесь, в лесу, — сказал он и засмеялся от смущения.

Потом он стал настойчиво втолковывать фрекен д'Эспар, что доктора, — они любят говорить с важным видом: «мы, врачи», — все они, без исключения, шарлатаны, он в этом снова убедился.

— Ах, это правда, фрекен д'Эспар. Вы за последнее время столько пережили, я читал обо всем в газете. Какая доля во всем происходящем нашей вины, а какая — других? Каждый несет свой груз, и все мы ошибаемся, все мы — люди.

Должно быть, она испугалась, что он пустится в одно из своих длинных рассуждений, и поспешно спросила:

— Вы отсутствовали около месяца, верно?

— Месяц, два, сам не знаю. Я собирался попробовать новое средство, но разве такой, как я, способен его применить? Откладывал со дня на день, никак не мог решиться, так оно и осталось неиспользованным. Вы скажете, что само средство тут ни при чем, и будете в известном смысле правы. Но зачем мне средство, если я не в состоянии к нему прибегнуть?

— А что это за средство?

— Камышовая трость. Разве я не говорил?

— Камышовая трость?

— Неужели я вам не рассказывал о камышовой трости?

Я ничего не помню, у меня пропала память. Доктор хвалил это новое лекарство, оно якобы оказывает сильное действие, радикально лечит. Но что делать, если я не тот человек, который способен к нему прибегнуть? Представляете, два месяца бегать вокруг дома и все же не применить его, а в конце концов уехать назад, так ничего и не добившись! С кузнецом все получилось иначе. Я вам рассказывал о кузнеце?

— Нет.

— Да и рассказывать, собственно, тут нечего, одна болтовня доктора. Что там шевелится внизу? Вы видели?

Фрекен д'Эспар бросила взгляд в окно.

— Ничего там нет. Но я только сейчас сообразила: вам дали чего-нибудь поесть? Вы ели?

— Ел? Нет.

Она знала, какой он разборчивый в еде, но все же пошла к Марте и попросила ее приготовить для него хоть что-нибудь, ну, самую обычную пищу, если у нее есть что-то под рукой. Вернувшись, она застала самоубийцу у окна. Он ворчал, как пес.

— Вон там, на опушке леса, куст шевелится, — сказал он.

— Это, наверное, ветер, — ответила барышня. — Чего вы боитесь?

Он не ответил.

Вне сомнения, у этого человека не все в порядке с головой, но ему плохо, и ей это не безразлично. Она не забыла, как однажды он вместе с другим человеком спас ее и небезызвестный пакет с деньгами. К тому же самоубийца не раз поддерживал ее в трудные минуты.

— Если бы вы сказали мне, чего боитесь, быть может, я... конечно, не знаю, но, быть может, мы с Мартой нашли бы какой-нибудь выход.

— Об этом невозможно рассказать, мне необходимо бы спрятаться, не оставаться на виду у всех при свете дня. Вы, наверное, тоже сочтете это ерундой, но не прокралась ли она сюда за вами?

— Кто?

— Я услышал про нее на вокзале. Я приехал вчера, и начальник станции спросил, как меня зовут, и сказал, что она приехала на поезде, спрашивала обо мне и звонила в санаторий. Она приехала на несколько дней раньше меня, все еще здесь и ищет меня.

— А вы не хотите с ней встретиться? — тихо спросила Фрекен д'Эспар.

— Хочу ли я? Хочу! — воскликнул самоубийца. — Но знаете, что она спросит? Готов ли я жить как прежде, в самом ли деле я так унижен, что потерял всякий стыд? Да, именно об этом будет разговор. Хочу ли я с ней встретиться? Фрекен д'Эспар, этой минуты я ждал здесь целых пятнадцать месяцев, все дни и все ночи напролет. Да, но, видите ли, я стал слабым, я столько ждал, что потерял решимость, она слишком долго колебалась.

Молчание.

Фрекен д'Эспар:

— Быть может, вам все же следует с ней поговорить?

— Как-то некрасиво получается, — продолжает самоубийца, — можно ли придумать что-то более грязное и наглое: после пятнадцати месяцев молчания, за которые — ни слова, ни даже рождественской открытки! И вдруг лично приехать, не испугаться ни дневного света, ни солнца, приехать на поезде! Ей, видимо, показалось легче приехать, чем написать. Она решила пойти в санаторий, я не чувствую себя в безопасности даже в своей собственной комнате.

— Не знаю, господин Магнус, но я все же думаю, что вы должны с ней поговорить.

— Никогда! — воскликнул он. — Ах вот как, вы так считаете? Никогда! Сказал, и точка!

Несчастный самоубийца! Наконец случилось то, чего он так долго ждал, а он отступает. Можно ли себе вообразить более дикую ситуацию: он бежит от того, чего так страстно желал, именно это осуществленное наконец желание его преследует, а он бежит от него без оглядки. Почему он не положил всему конец и не уехал в Австралию? Видно, и для такого решения он оказался не тем человеком, он летит на свет, как мотылек. Он жил только одним, это было единственное, что его волновало, и он умел выжать из ее поведения максимальное количество страданий, он видел жизнь лишь сквозь эту щель, а кроме этого вообще ничего не видел, но и это, возможно, было не так уж мало. Если смотреть на предмет через щель, он становится более впечатляющим, четко очерченным и убедительным.

Марта приносит еду. На лице у самоубийцы появляется выражение испуга, будто у него нет времени, чтобы поесть.

— Я вас слишком затрудняю, — говорит он, и вид у него совсем несчастный.

Фрекен д'Эспар:

— О каком кусте вы говорили? Я послежу, пока вы будете есть!

Он указывает на куст, у которого шевелились ветки, но при этом говорит, что надо следить не только за этим кустом, но и за всем лесом, вернее, за его опушкой, там есть тропа для скота. И он тут же принимается за еду. Он быстро, с большим аппетитом, съел несколько вареных яиц, потом ест хлеб с маслом, вафли и выпивает много молока. Нет сомнений, что это его первая еда за долгое время.

Фрекен д'Эспар тем временем ведет наблюдение у окна. Да, теперь она ясно видит: там что-то движется, все верно, потом она видит, что какая-то дама медленно идет к хутору, идет боязливо, слегка раскачиваясь на ходу. На ней шля-

па с пером и широкий плащ, застегнутый на все пуговицы. Положение становится напряженным.

— Спасибо, — говорит самоубийца и встает. — Ничего вкуснее в горах не ел. Подумать только, вафли!

— Сядьте снова туда, где сидели, и закурите трубку, — говорит она.

— У меня нет трубки, мне нечего курить. А вы-то как поживаете, фрекен д'Эспар? Вы в хорошем расположении духа?

— Да, — отвечает она. — В хорошем. Другого не могу сказать.

— Уйдя из санатория, вы выбрали для себя, я думаю, лучшую долю.

— Не знаю! — И, чтобы оттянуть время, добавляет: — В санатории сейчас идет большое строительство.

— Да, но мы там умираем!

Фрекен д'Эспар кивает:

— Было много смертельных случаев, это правда.

— Люди умирали один за другим, я уже счет потерял. Да, смерть хозяйничает как хочет, мы для жизни непригодны, мы малы для тех сапог, в которых нам приходится ходить, и мы все время спотыкаемся.

Марта вдруг открывает дверь и зовет фрекен д'Эспар, а самоубийца тут же занимает ее место у окна. Он заметно успокоился, еда пошла ему на пользу, память стала лучше, он не забывает положить Марте купюру на стол. А потом снова внимательно вглядывается в опушку леса.

Входит фрекен д'Эспар и говорит:

— Да, она пришла сюда.

Самоубийца как бы разом возвращается к реальности и кричит:

— Что?!

— Она перед домом. Марта с ней говорила. Она, видно, подошла сюда сбоку, по дороге из санатория.

Самоубийца глотает слюну и говорит:

— Хорошо, пусть войдет! Пусть войдет, а я... Бог знает что!..

Появляется дама в широком плаще и с большим страусовым пером на шляпе. У нее русые волосы, она молодая и красивая, раскрасневшаяся от ходьбы, с открытым лицом, ее портят только неровные резцы, один более выдвинут вперед, чем другой. Она останавливается в пролете двери, ничего не говорит, но губы двигаются.

На стене висят ходики с гирей и латунной цепочкой. Самоубийца вдруг хватается рукой цепочку и с долгим скрипу-

чим звуком подымает вверх гирю — да, представьте себе, посреди дня, в чужом доме. Потом он оборачивается впол-оборота и видит ее.

— Это ты? — говорит он, но тут же снова отворачивается к часам, словно еще не кончил с ними возиться. — Я вижу, часы неправильно показывают время. — На этом он от них отходит и становится у окна, поглаживая подбородок, словно у него борода. — Почему ты не снимешь плащ? И сядь, пожалуйста, вон табуретка.

— Мне зябко, — отвечает она и садится как есть, в плаще.

Он:

— Она жива — я имею в виду малышку, я спрашиваю, она жива?

— Да, она жива, здорова и уже хорошо говорит. Да, она жива.

— Говорит... В это трудно поверить.

— Говорит... Болтает.

— Как ее зовут?

— Леонора. В твою честь.

— Глупости! Неужели не могла ничего другого придумать? — возмущается он и краснеет.

Она молчит.

— Могла бы что-нибудь другое придумать, говорю я.

— Да, — покорно отвечает она. О, она так безропотна и все же вмиг обводит его вокруг пальца.

От великого смущения он начинает говорить без умолку.

— Леонора, ха-ха, какое-то козье имя! И ты хочешь меня уверить, что она говорит? Сперва ей надо было успеть родиться...

— Она такая прелесть...

— Да-да-да, у меня другое на уме, хватит об этом. Но Леонора!.. Где ты остановилась? — спрашивает он вдруг.

— У лавочника. Я провела там ночь.

— Ты, видно, провела там уже две ночи?

— Да, возможно, и две. Я... да, теперь я точно вспомнила, две ночи.

— Почему ты не поселилась в санатории?

Она, еле слышно:

— Хорошо... спасибо!

— Что за странная идея остановиться у лавочника, в такой дыре? Ты что, спала вместе с девочкой?

— Нет, на диване. Мне постелили на диване.

— Таковую дичь я еще никогда не слышал! Ну и хорошо же ты о себе позаботилась, — говорит он, считая, видимо,

что он выражается весьма язвительно. — Может, ты ничего и не ела?

— Сегодня нет. Но это не важно.

— Да, это не важно! — передразнивает он ее. — Ну а вчера вечером ты ела, если я смею тебя спросить?

— Да.

— Хорошо. Но с тех пор прошло уже не меньше восемнадцати часов. Да, эти часы спешат, но почти целый день быть голодной — что ж, очень разумно! Вставай немедленно, мы пойдем в санаторий, и там тебя накормят. Сейчас как раз обеденное время.

Они выходят из каморки, самоубийца старается вести себя решительно, по-мужски, но на самом деле он вконец растерян.

— Моя жена боится быка, — говорит он Марте. — Он на воле?

— Да, — отвечает Марта, — но он пасется в горах, далеко отсюда.

— А что, фрекен д'Эспар ушла?

— Она в пристройке.

— Передайте ей привет.

Они идут в санаторий, они мало разговаривают дорогой, но все же кое о чем говорят, задают вопросы, получают на них ответы.

— Ты был неделю назад в Христиании? — спрашивает она боязливо.

— Откуда ты знаешь?

— Тебя как будто видели... прислуга.

— Я приезжал в город купить себе этот костюм, если хочешь знать.

— Да.

— Ну и что? — резко спрашивает он.

— Нет, ничего.

— Ты услышала, что я в городе, и, конечно же, побежала меня искать?

— Да.

— Ха-ха-ха! — смеется самоубийца.

— Да, Леонхард, я тебя искала. Целых два дня напролет. В гостиницах спрашивала.

— Ах, прекрати болтать эти глупости! Что я хотел еще сказать?..

Он делает вид, что старается вспомнить, но на самом деле он ничего не забыл, просто хочет болтовней приглушить свою резкость.

Они пришли в санаторий, но никого не увидели, самоубийца сразу сообразил, что те немногие гости, которые здесь еще жили, сидели сейчас за обеденным столом.

Он звонит и просит горничную приготовить комнату для его жены.

В этот момент из столовой выходит адвокат, он всплескивает руками и приветствует их:

— Я услышал звонок, решил посмотреть, кто это. Добро пожаловать, господин Магнус! Вас долго не было. Это ваша супруга, если не ошибаюсь? Добро пожаловать, фру Магнус! Приготовьте сто шестой номер для фру Магнус, — говорит он горничной. Потом, повернувшись к самоубийце, объясняет: — Это этажом ниже вашего номера, но вы тоже переберетесь в сто пятый номер, он двойной. Вы обедали?

— Нет, — говорит самоубийца. — И моя жена очень проголодалась.

— Дорогой друг, пойдемте в столовую, мы только что сели за стол. О, фру Магнус, вы прекрасно выглядите так, как вы есть, к тому же сейчас у нас мало гостей, но мы ожидаем в скором времени большого наплыва. Не желаете снять пальто и шляпу? Нет?

— Нет, моя жена мерзнет, — говорит самоубийца.

— Да, здесь, в горах, уже чувствуется свежий осенний воздух — изумительное лекарство, но надо соответственно одеваться. Сюда, пожалуйста!

Адвокат вводит их в столовую. Его лицо сияет счастьем, он пришел с гостями, их, правда, всего двое, но все же они увеличивают то небольшое общество, что сидит за столом.

После обеда самоубийца распорядился, чтобы сходили к лавочнику за чемоданом его жены. Адвокат при этом присутствовал и сказал:

— Я попросил горничную принести кофе в комнату вашей супруги. Я правильно поступил?

Самоубийца не ответил. Наверное, он предпочел бы не оказываться с ней снова вместе, возможно, он считал, что и так уже сделал больше, чем надо. А когда адвокат спросил, перенести ли его вещи в сто пятый номер, он кратко ответил:

— Нет.

Адвокат посмотрел на него.

— Моя жена должна вернуться домой, она тут же уедет.

— Не стану отрицать, что для меня это разочарование. О, фру Магнус, тем больше мы должны постараться сделать

ваше краткое здесь пребывание приятным. Я, к сожалению, вынужден вернуться в город, в свою контору, но я отдам все распоряжения.

В комнате фру Магнус все занавески были опущены. Самоубийца стремительным шагом подошел к окну и резко их поднял.

— Они, очевидно, думают, что ты не выносишь солнца, — гневно выражал он свое возмущение. — Да, кстати, ты сказала, что мерзнешь. Ты что, больна?

— Нет, мне просто немного холодно, это пустяки.

— Конечно, в шелковых чулках и летних туфельках в горы не ездят.

Он быстро проглотил свой кофе и сказал:

— Ты две ночи валялась на диване, ты, верно, нуждаешься в послеобеденном сне. Наверное, даже не две ночи, а три.

— Не знаю, возможно, и три.

Он покачал головой с выражением полной безнадежности и сказал на прощание:

— Разденься и ложись как следует.

Она закашляла за его спиной, так что ему пришлось обернуться.

— Да нет, это просто так, но не сердись на меня, прости меня в последний раз.

— Все тот же вздор! — ответил он и засопел. — Прости и прости!

— Он уехал, — сказала она.

— Уехал? — Он прекрасно знал, кого она имеет в виду, и сказал язвительно: — Как грустно! Подумать только, уехал!

— Нет, не грустно, это я его прогнала.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся самоубийца.

— Да, я его прогнала, с тех пор прошло много месяцев. Я бы давно тебе это рассказала, но...

— Но ты не удостоила меня этой новостью?

— Я боялась.

— Да неужели в тебе было столько стыда и чести, что ты боялась?

— Да-да, боялась. Я написала тебе сотню писем, но не посылала их...

— О Господи, какая ложь! — воскликнул он. — Я послал тебе открытку к Рождеству, ты даже на нее не ответила!

— Нет, это правда, правда! Тогда я еще была в полной растерянности и не могла думать, с Рождества прошло восемь месяцев. Но и с того дня, как я его выгнала, тоже прошло уже несколько месяцев.

— Куда ты его выгнала?

— Куда? Не знаю, он уехал, с тех пор я его не видела, это было летом. Может быть, он в Америке. Я хотела бы, чтобы он был мертв.

— Ха-ха-ха! — снова расхохотался самоубийца.

— Да, чтобы он лежал мертвый глубоко в земле!

— А почему, собственно? Влюбленный мальчик, юношеская любовь... ну и тому подобные слова!

— Мы ведь собирались пожениться, — сказала она. — Да, мы так договорились. Я хотела попросить тебя о разводе, чтобы нам с ним пожениться. Мы так договорились...

— Я не желаю этого больше слушать! — вдруг прервал ее самоубийца.

— Он меня обманул...

— Я не желаю больше ничего слушать, я же сказал!

— Хорошо, — ответила она и послушно умолкла.

— А теперь ты, может, позволишь мне уйти? — спросил он.

Станным образом его возбуждение улеглось, а ожесточение ушло, новость о том, что кто-то уехал из Христиании, что его там больше нет, явно не произвела на него неприятного впечатления. В дверях он даже обернулся и сказал:

— Советую тебе все же прилечь. Не будь такой упрямой.

Она не была упрямой. Как только он вышел, она стала раскрывать постель.

Самоубийце надо было многое обдумать, и он направился в свою комнату. Здесь все было без изменений, только немного пыльно, в его отсутствие комнату не убирали, его считали чудачком, который не выносит уборки, и горничные уважали его пристрастие к грязи. Он выглянул в окно: один из флигелей расширили в два раза, а кроме того, надстраивали еще один этаж. Плотники со страшным шумом пилили, стучали, забивали гвозди. Издалека, с озер, доносился грохот взрывов. Но все это, впрочем, его не касалось.

Эта комната была в течение пятнадцати месяцев его домом, можно ей показать ее, пусть зайдет и посмотрит, как уютно ему здесь жилось. Он от нее еще не слышал, что причинил ей боль, что все время зло им подыгрывал, ни слова об этом. Что ей, собственно говоря, тут нужно? Попросить прощения, снова в последний раз! Самоубийца засопел, словно он и в самом деле устал от этой сентиментальности, он сделал вид — и перед самим собой тоже, — будто ему это

надоело, но ему наверняка было бы куда более неприятно, если бы она не просила прощения. Неужто ему и впрямь мучительно тяжело выслушивать ее извинения? Да, так казалось, да, несомненно, это так! А сейчас он и вовсе устал, он не в силах снова копаться в этой истории, его клонит ко сну, он тоже плохо спал прошлой ночью, в лесу.

Он проснулся, как ни странно, не от взрывов и не от шума, производимого плотниками, а от едва уловимого звука — он услышал, как во двор въехала коляска и кто-то остановил лошадь.

Он подошел к окну и распахнул его. Поглядев вниз, он увидел, кто приехал: фрекен Эллингсен, она как раз выходила из коляски. Зачем она снова здесь? Его это не касается, но, наверное, она преследует этим путешествием какую-то цель. Люди приезжают и уезжают, спешат то сюда, то туда, что-то им всегда надо улаживать, они заняты своими радостями и горестями. И к чему все это?

Его знобит, он дрожит, уже поздно. В подавленном настроении спускается он вниз по лестнице и останавливается перед комнатой своей жены. Не спит ли она еще? До него доносится плач, и он решительно открывает дверь.

Он изображает удивление:

— Господи, чего это ты?..

— Прости, — говорит она, — я сейчас...

— Что сейчас? Лежи, если тебе хочется, еду тебе принесут сюда. Ты не спала?

— Спала — ах нет... сама не знаю! — Казалось, она ищет ответ, который ему понравится. Наконец она решается: — Спала, конечно, спала, довольно долго. Спать — хорошо. А ты?

— Я? — прошептал он.

— Да, Леонхард, тебе нужен сон, ты измучен, я знаю...

— Не обо мне речь!

— Нет-нет, конечно. Но ты стал серый. Когда я здесь лежала, я об этом думала...

Самоубийца в ярости повторяет:

— Не обо мне речь, слышишь!

— Да.

Ему всегда было противно, когда его жалели, так почему же он сейчас так тронут, что потерял свою твердость? Видимо, он испытал какую-то глупую сладость. Чем объяснить, что она не проявила своего сочувствия раньше? Бог знает почему, скорее всего, просто не решалась. Он извинял ее перед собой: если это просто забывчивость, то ее можно простить. Но с другой стороны, не тряпка же он, чтобы улы-

баться и во всем ей поддакивать. Об этом и речи быть не может.

Ее следующие слова его крайне удивили:

— Я знаю, почему ты не хочешь перебраться в соседнюю комнату.

— Знаешь... почему же?

— Да потому, что не хочешь. Я этого и ждала. Я проиграла.

Он ничего не понимает.

— Ты проиграла? Ты хочешь сказать, ты пропала?

— Ты видишь, как я изменилась, — говорит она.

Тут в голове его как бы вдруг вспыхивает свет, и с ним происходит то, чего не произошло с ней: он краснеет и опускает глаза.

Никто из них больше не сказал ни слова.

Шатаясь, он дошел до окна и поглядел вниз.

— Адвокат, должно быть, решил уехать, — бормочет он, и голос его дрожит. — Вижу, он собирается сесть в коляску, которая привезла фрекен Эллингсен, — она только что приехала. Да, на этот раз он здесь пробыл долго. Доктор тоже там. Гм. Собственно говоря, мне бы следовало поговорить с доктором, от Мосса, от Антона Мосса снова пришло письмо, доктор, как правило, читает эти письма. Что я еще хотел сказать?..

Долгое молчание.

Потом он повернулся и прошел в глубь комнаты.

— Так чего ты от меня хочешь? — спросил он совсем спокойным голосом. — Зачем ты сюда приехала?

— Нет!.. — ответила она и покачала головой. — У меня нет... то есть ты что-то имеешь в виду? Ах да, ты, наверное, захочешь теперь получить развод? Это само собой разумеется...

— Да, это мы можем сделать. Вон адвокат уезжает, я вижу. Подумай об этом. Какой сегодня день?

Оба сморщили лоб, соображая, потом он сказал:

— Ладно, это не имеет значения.

Это и в самом деле не имело значения, ему совсем не нужно это знать, этот вопрос просто вырвался у него, он задал его, только чтобы не молчать. Вот уж никому не пожелаешь оказаться на его месте.

Но и на ее месте, вероятно, тоже.

Он пошел по искоженной дороге к скале. Вот куст можжевельника, вот белое каменное плато, а вот и расселина, все как прежде. Собственно говоря, он не сломлен, ничего неожиданного во всем этом нет, только то, что это наконец

свершилось. И теперь, после катастрофы, она считает, что пришло время для развода. Хорошо, но что будет с ребенком, с маленькой Леонорой? Она уже разговаривает, она такая прелесть, она давно уже научилась ходить, может, даже прыгать, на ножках у нее туфельки, ей нужны платица... Это же что-то совсем чудесное, она, наверное, говорит «мама» и «папа». Гм... Хватит об этом думать! Поэтому-то мы и пожаловали, нам нужен плащ, и мы приезжаем, мы так изменились. Дальше все уже не так красиво, и что же нам делать, где нам спрятать лицо? И маленькая Леонора не говорит «папа», глупости, кто мог ее этому научить? Нечего делать из себя посмешище. Это не очень приятно. Хватит! А тем временем... тем временем...

Вон она идет, это она, идет так ладно, немного раскачиваясь на ходу, и сама такая красивая, большая шляпа, маленькие туфли, перчатки... осторожно у расселины, это неподходящее место для дам — bravo, она легко справляется с этим препятствием, перепрыгивает, какой молодец! Как ему ее встретить? Продолжать сидеть здесь, на самом верху скалы, и глядеть на нее вниз с высокого гребня? Глупости! Надо встать и ждать, пока она сюда доберется, а остальное решит случай. При ближайшем рассмотрении выясняется, что все обстоит не так уж безнадежно плохо: прежде она не приманивала его к себе, наоборот, с большим терпением долго ждала, прежде чем прийти к нему, — от этого все сразу становится не таким уж гнусным, не таким бесчестным. А что касается самой истории, того романа, то не так уж странно, что она ему поддалась, раз ей был обещан брак. Нужно только спокойно разобраться во всех обстоятельствах.

Он крикнул ей:

— Зачем ты лезешь сюда в своих тонких туфлях?

— У меня поручение, — ответила она, чтобы его сразу обезоружить. — Я встретила доктора, он попросил сказать, что тебе пришло письмо.

Она это использовала как предлог: ведь он уже знал, что есть письмо.

— Письмо от Мосса, — сказал он. — Это не смешно.

— Ты сюда обычно ходишь гулять? — спросила она.

— Да, сюда.

— Мне хотелось посмотреть, где ты проводишь время, — сказала она и с интересом огляделась. — Ты сидишь вон на том камне?

— Да, я там сижу.

— Сидишь и смотришь вдаль. Да-да....

Он:

— Так ты, значит, не спала?

— Нет, спала. Но мне стало так одиноко. А в соседней комнате все время громко болтали.

— В сто седьмой? Это номер Бертельсена. Он, как правило, живет в этой комнате. Здесь есть такой господин по фамилии Бертельсен.

— Я подумала, — сказала она, — не отъехать ли мне домой и вернуться сюда с Леонорой?

— Сюда?

— Нет, может, не надо, нет-нет. Но ты ведь не хочешь съездить повидаться с ней, я знаю, не хочешь. Ты так долго был один, я думала, может, будет с ней повеселей.

— Об этом стоит подумать. Не хочешь сесть и немного отдохнуть?

— Да... спасибо.

Одно смирение. И это производит на него впечатление. Его непоколебимость понемногу тает, он становится более гибким и спрашивает:

— Как я понял, ты хочешь приехать сюда с ребенком и здесь остаться?

— Нет, я — нет! Нет, видит Бог, я никогда не стала бы этого требовать!

— Но я же не могу остаться здесь с ней один?

— Но я не о себе думала, ничего подобного у меня и в мыслях не было. Нет!

— Да к тому же здесь и нельзя жить, — сказал он с привычным недовольством. — Здесь всегда не хватает мяса, мы питаемся форелью и консервами, это питание не для ребенка.

— Я не знаю, что нам делать. Тебе решать.

— Я сказал, что нужно все обдумать, — ответил он и встал. — Тут ветрено, для тебя слишком холодно, давай вернемся назад.

— Мне не холодно, на мне плотный плащ.

— Вставай! Поднялся горный ветер, ты этого не понимаешь.

Она встала, прежде чем он кончил говорить, и в дальнейшем тоже была само послушание. Они начали спускаться. У расселины он подал ей руку, пытаясь помочь ей перепрыгнуть. Но по-настоящему помочь можно было, только протянув обе руки, — он словно принял ее в объятия по другую сторону расселины. Это было больше, чем она ожидала, и она чуть не рухнула. У нее подогнулись колени, она опустилась на землю.

— Да, отдохни немного, — сказал он.

— Нет, не в этом дело. Я в отчаянии. Ты так по-дружески настроен, так добр... Если бы только я была такой, как прежде, если бы я приехала к тебе такой, какой была. Но я стала такой уродливой, я так изменилась. И к тому же столько натворила плохого.

Он:

— Глупости! Темнеет, надо скорее спускаться.

Ужин им принесли в комнату. В сто седьмом номере общество все еще не разошлось, и оттуда доносился смех.

Она спросила:

— Мне завтра утром уехать?

— Ты меня спрашиваешь?

— Да, тебе решать.

— Нет, не мне, — ответил он коротко.

— Когда отходит утренний поезд?

— Невероятно рано, тебе пришлось бы встать в четыре утра. Я считаю, это не имеет смысла.

— Да-да... Спасибо!

Они еще немного поговорили, и оба заметно успокоились, он дает ей понять, что даме не очень прилично ехать одной на поезде, вот так. Не то что он ей прямо предложил проводить ее домой, но было ясно, что он этого не исключает. Желая ей спокойной ночи, он вдруг прошептал, глядя на стену:

— Да-да, завтра увидимся.

Схватив его руку, она горячо его поблагодарила. Она вся дрожала и на его вопрос, не зябко ли ей, ответила:

— Зябко.

— Вот результат твоей экскурсии на скалу. Сразу же ложись, тебе надо выспаться.

Она тут же стала расстегивать пуговицы, и не успел он еще выйти из комнаты, как она уже сняла плащ. Несколько удивленный, он остановился.

— Я хочу сделать все так, как ты велел, — поспешила она объяснить, ей явно было холодно, зубы стучали, но она продолжала расстегивать пуговицы, все, все расстегивать...

Он стоял и смотрел на нее. Он был удивлен: она совсем не потолстела, она была такой, как прежде, почему же она боялась снять плащ?

— Правильно, поскорее разденься и ложись, сразу согреешься, — сказал он, чтобы что-то сказать.

А она была послушна и во всем шла ему навстречу, судорожно сдирая с себя одежду и кидая ее в кучу на стул.

Он спросил с крайним изумлением:

— Почему ты весь день проходила в плаще?

— В плаще? Мне было холодно, — ответила она. — Может, это из-за горного воздуха, как ты говоришь. А тебе было бы приятно, если бы я его сняла?

— Да нет, почему, но...

— Да, — сказала она и покачала головой, — я очень изменилась, теперь мне подходит такое дамское пальто. А вообще мне это безразлично.

— Ты изменилась?

— Ах, Господи, ты просто не видишь, но у меня стала плохая кожа и плоская грудь, она висит. — Она поднимает на него свои большие глаза и вдруг спрашивает: — Что ты на это скажешь?

— Я? Ничего.

— Ты смотришь на меня с таким удивлением. Скажи, что ты думаешь.

— Я не вижу, что ты изменилась, — сказал он.

— О, я поняла! — воскликнула она. — Ты подумал, что я стараюсь что-то скрыть плащом.

— Ну да, но это оказалось не так.

— Нет-нет-нет, как ты мог такое подумать! Но на самом деле все обстоит достаточно плохо. Это я виновата, что ты ушел.

— А теперь ложись! — скомандовал он, откинул одеяло и почти силой уложил ее.

Едва он справился с этим, как она резким движением снова села в кровати:

— Да, Леонхард, я влюбилась, я была легкомысленная и глупая, да, такой я была, и я пила тогда вино. Но с тех пор я этого больше не делала. И была все же не такой плохой, как ты думаешь.

— Я ведь только говорю, что тебе надо лечь, — сказал он растерянно, даже жалобно, и снова стал ее укладывать. В нем билась огромная радость, она снова с ним, его собственная жена снова принадлежит ему. Ему захотелось что-то для нее сделать в знак благодарности, и он говорит:

— Я посижу здесь, пока ты не заснешь.

— Правда? — спрашивает она и благодарит его. Она воспринимает это как подарок. — Но тогда тебе придется меня разбудить, чтобы я могла закрыть дверь.

Он думает: да, придется это сделать. Но как глупо ее будить, если она заснет, ей так нужен сон.

— А что, если я закрою дверь снаружи, — предлагает он, — и возьму с собой ключ?

— Хорошо, — соглашается она с благодарностью и хватает его руку, чтобы пожелать доброй ночи.

— Я отопру вовремя, — обещает он...

Когда она уснула, он тихо-тихо вышел из комнаты, запер дверь и взял с собой ключ. Все в том же восторженном состоянии спустился он вниз по лестнице, прошел через веранду и вышел во двор. Он улыбался, в голове все вертелись глупые слова: большая редкость, чтобы такое счастье выпало на этой земле!

Теперь он замечает, что вечер сырой, поднимается туман, в воздухе чувствуется запах осени, звезды тусклые и вместе с тем какие-то горькие, что бы это значило? Оказывается, звезды могут быть и горькими, не всегда они вызывают умильно-сладкие чувства.

В приемной доктора горит свет, можно зайти к нему и узнать, что Мосс пишет в своем письме. Не то чтобы это его сейчас сильно занимало. Письмо Мосса относилось теперь к второстепенным явлениям, но именно в таком приподнятом настроении можно простить своему старому товарищу его язвительный и злобный тон. Пусть будет так!

Мосс сам написал письмо, строчки были прямые, ровные, почерк красивый, стояли все знаки препинания, похоже, он снова обрел зрение. Он сообщал, что полностью вылечился от волчанки и собирается отправиться домой. Он с радостью увидел бы самоубийцу Магнуса в Христиании таким же здоровым, каким он стал сам!

— Он получит эту радость, — сказал самоубийца. — Я обязательно навещу его, когда вернусь домой.

Доктор:

— Вы собираетесь домой?

— Да, завтра.

Доктор никак не намекнул на их прошлую беседу, он пощадил самоубийцу, не упомянул он и о его жене, ничем не дав понять, что кое-что помнит.

— Многое произошло здесь с тех пор, как вы уехали, — сказал он, — большие события, смерть.

Самоубийца ничего не ответил.

— Вы знали участников этой драмы?

— Что произошло с Моссом, — сказал самоубийца, — это ведь радостный случай.

— Не уверен, — задумчиво сказал доктор.

— Не уверены?

— Я считаю, вам не надо навещать его в Христиании.

— Почему?

— Думаю, его там не будет, — ответил доктор.

Самоубийца растерянно:

— Уф... ведь все могло быть так хорошо! Вы снова заставляете меня во всем сомневаться. Почему всегда хорошему должно сопутствовать и что-то плохое!

На этот раз промолчал доктор.

— Почему вы не отвечаете? — спросил самоубийца.

Доктор, с улыбкой:

— Потому что я этого, естественно, не знаю. Вам не кажется, господин Магнус, что «хорошее» и «плохое» понятия относительные?

— Нет! — воскликнул самоубийца. — Это абсолютные понятия, вполне осязаемые вещи.

— Ладно, пусть будет так. Вашему другу Моссу вылечили глаза, это уже много.

— Так это была не волчанка?

— Скорее всего, нет.

Самоубийца встал:

— Мне стало как-то жутко, доктор, я лучше пойду. Именно сегодня вечером я не хочу об этом думать.

Больше они ни о чем не говорили, оживленной беседы не получилось, коньяком с сельтерской его не угощали.

— Спокойной ночи! — сказал самоубийца.

Он побрел к большой веранде. Его поразило, каким тяжелым, прямо-таки зловещим стал воздух. Со скалы тянуло холодом, клубился туман, впрочем, его, наверное, скоро разнесет поднимающийся ветер. В пристройке для прислуги он видит свет, навстречу ему идет человек с зажженным фонарем: его маленький луч пробивается сквозь туман и почти ничего не освещает, кроме самого фонаря. Выглядит это совершенно противоестественно.

Самоубийца подходит и узнает почтальона.

— Вы что-то ищете?

Почтальон:

— Только никому не говорите!

— Что вы потеряли?

— Пятикрановую купюру. Недавно выходил ненадолго и, видать, обронил ее. Подымается ветер, и ее, конечно, сдует. Целых пять крон!

— Зачем вы выходите в такую плохую погоду без шапки и ищете жалкую мелочь! Вот вам пять крон.

— Не может быть?..

— Может. Вы приносили мне много писем и открыток, а я завтра уезжаю домой.

Он доставил радость бедолаге и в приподнятом настроении идет к веранде. Странно, какой холод, какая жуть — даже здесь, во дворе, но нынче вечером он на это не поддается. Вокруг скалы гудит ветер, становится еще холоднее, но светлеет, туман лохмотьями спускается к лесу. Сегодня не должно быть зловещей атмосферы, он этого не хочет. Он упрямо расстегивает куртку и стоит, засунув руки в карманы и наблюдая, как по небу плывут ошметья тумана. Картина забавная и изысканная, долина постепенно очищается, снова видны здания санатория. Что бы все это значило? Буря? Возможно, буря.

В доме везде темно, только в сто седьмом номере горит свет, должно быть, там происходит что-то несусветное, потому что Бертельсен вдруг открывает окно и просит к ним подняться:

— Пожалуйста, выпейте с нами стаканчик!

Самоубийца не отвечает. Хорошенькое дело, этот пьяница стоит у открытого окна и орет что есть мочи! Он ведь, чего доброго, разбудит остальных гостей. Что, если она проснется и не сможет снова заснуть?

Он входит в дом и долго стоит у двери комнаты своей жены, прислушиваясь. Нет, слава Богу, все тихо, о, она, наверное, смертельно устала. «Спокойной ночи», — шепчет он и поднимается по лестнице к себе в комнату. Он тоже устал.

Так кончился этот замечательный день. И все могло бы хорошо обернуться, не вмешайся смерть.

ХVIII

Глупо, что адвокат уехал, он, наверное, смог бы обеспечить порядок.

Бертельсен пребывал в отменном расположении духа, сразу же после обеда он начал пить вино, углядел где-то в углу фрекен Эллингсен и захотел покрасоваться перед ней, вести себя с ней так же, как прежде, даже более любезно, и, провозгласив во всеуслышание тост «За ваше здоровье, фрекен Эллингсен!», стал вовсе за ней ухаживать.

Ей, со своей стороны, негоже вовсе его отвергнуть, при этой неприятной встрече ей надлежало держаться свободно и даже чуть-чуть высокомерно. Фру Бертельсен, прежняя фру Рубен, отнеслась к этому вполне терпимо, во всяком случае, отнюдь не трагически, для этого она была чересчур умна, у нее хорошо работала головка, когда ей

надо было что-то решать. Между ней и Бертельсеном все произошло чересчур быстро, в этом таилась опасность, скорее всего, этот брак не стал самым счастливым событием в ее жизни, но она не пала духом, осталась такой, какой была, в полном порядке сохранив свое личное состояние.

Ох это личное состояние, одному Богу известно, не оно ли было поводом для их ссор.

Помимо фрекен Эллингсен, Бертельсена и его супруги в пирушке участвовала еще одна дама, вдова судьи или что-то в этом роде, в свое время исполнявшая роль секретаря в истории со скатертью. Ее пригласили, чтобы не пустовал четвертый стул, чтобы довести количество гостей до нужного числа, и она это прекрасно понимала. Вначале она стала для пущей важности восхищаться тем, как хорошо выглядит фру Бертельсен, но восхищаться особенно было нечем, и фру Бертельсен произнесла в ответ лишь: «Да?» Фру Бертельсен сама знала, как она выглядит, а именно — весьма средне. Она снова почувствовала вкус к еде, — правда, ела мало и очень осторожно, чтобы не растолстеть, но вполне достаточно, чтобы не болеть. Таким путем красоты не добьешься. Но у фру Бертельсен оставались ее удивительные глаза — их взгляду, глубокому и чарующему, не было равного.

— Да, — сказала вдова, — просто чудо, как вы прекрасно выглядите, фру Бертельсен. Я ведь помню вас, помню, какой вы были в прошлом году, особенно первое время...

Но фру Бертельсен снова повторила:

— Да?

После этого вдова стала вести себя в этом обществе богачей скромно и ненавязчиво, и так и смотрела фру Бертельсен в рот.

А фрекен Эллингсен, напротив, не оказывала фру Бертельсен никаких особых знаков внимания, на это у нее, видимо, были свои причины. Фрекен Эллингсен с трудом справлялась со своими мыслями. Выпив вина, она стала рассказывать о своей книге, сборнике рассказов, который должен выйти к Рождеству. Она взяла этот отпуск, чтобы завершить над ним работу.

Бертельсен уже не раз слышал об этом сборнике, но дамы из вежливости поинтересовались, как он будет называться.

— «Крик в ночи», — ответила фрекен Эллингсен.

— Ах!

Она еще не выбрала себе издателя, но уже знала объем книги и держала в голове все ее содержание.

— Подумать только, что вы способны справиться с такой работой, что вы в состоянии ее совершить! — восхищались дамы.

— Это всех удивляет, — ответила фрекен Эллингенсен. — Но это дело призвания. Сюжеты как бы сами слетаются ко мне, а уж придумывать подробности мне не составляет никакого труда. Хотите, я вам расскажу, в виде примера, что со мной приключилось в поезде, по пути сюда?

— Конечно, — сказали дамы.

— Ваше здоровье, фрекен Эллингенсен, — сказал Бертельсен.

— Так вот, напротив меня сидел человек — он произвел на меня такое впечатление, что теперь я узнаю его в любой толпе, — так вот, этот человек все делал левой рукой.

— Ну? — с интересом произнесли обе дамы.

—левой рукой! — повторила фрекен Эллингенсен.

— Разве это такая уж редкость?

— Вероятно, этот человек, — объяснила она, — что-то сделал, что-то такое, что можно сделать только правой рукой.

Дамы ничего не поняли.

Фрекен Эллингенсен, настойчиво:

— Он симулировал, что он левша.

— Симулировал, что он левша? — переспросила фру Бертельсен. — Ах, вот оно что. Но откуда вы это знаете? Каким образом... я что-то ничего не понимаю...

Фрекен Эллингенсен совсем растерялась, как всегда, когда ей задавали вопросы: ее нельзя было припирять к стенке. И когда фру Бертельсен спросила: «Ну, и что дальше?», фрекен Эллингенсен покачала головой и ответила:

— Дальше — ничего, пока что ничего.

Тут в разговор вступил Бертельсен. Одному Богу известно, не пытался ли он обернуть эту ситуацию в свою пользу, не стремился ли сломить свою жену.

— Не понимаю, — сказал он, — какая вам радость от таких подробных расспросов. У фрекен Эллингенсен потрясающая интуиция, другой такой я еще ни у кого не встречал, она знает, что говорит. За ваше здоровье, прекрасная дама!

— А я считаю, что ее рассказы — просто глупости, — заявила фру Бертельсен. — Уж извините меня, но я говорю то, что думаю!

Обычно такая спокойная, фрекен Эллингенсен вся дрожала, устремив взгляд на пол. Вдруг она подняла свои косо посаженные глаза, в которых мерцали всполохи, с пола на колени фру Бертельсен.

— Бывает, я черпаю кое-какие сведения из телеграмм, — сказала она. — Не стану отрицать, кое-что об этом человеке в вагоне мне было известно. Но больше я сказать ничего не могу, я связана клятвой.

— Ну вот, слышишь! — сказал Бертельсен своей жене. Он встал, зевнул и добавил: — Здесь так накурено, что мы не видим друг друга. Не возражают ли дамы, если я немного открою окно?

Дым и правда стоял густой, он жег глаза судейской вдове, большая висячая лампа над столом и стеариновая свеча в углу у двери едва освещали комнату.

В тот момент, когда Бертельсен открывал окно, он как раз увидел во дворе самоубийцу и позвал его к ним.

В комнате раздался возглас испуга, и фру Бертельсен крикнула:

— Скорей закрой окно! Разве ты не видишь, что лампа погасла!

Он с трудом закрыл окно, пробормотав несколько ругательств в адрес сильного ветра. Комната освещалась теперь одной стеариновой свечой. Вдова хотела было вновь зажечь лампу, но обожгла пальцы о горячее стекло и упорствовать не стала. Они сошлись на том, что им и так хватает света, и продолжали разговор в полутьме. Бертельсен поругал самоубийцу, который не счел нужным даже ответить на приглашение, потом снова принялся клясть ужасный ветер, чуть не вырвавший у него из рук оконную раму, и наконец обрушил свой гнев на стеариновую свечу, которая так слабо светила, что он никак не мог найти своего стакана — словом, сполна выразил досаду по поводу своих неудач и вскоре заснул.

Да, для этого здорового, крепкого человека затянувшаяся попойка всегда кончалась сном. Дамы не обратили на это никакого внимания, они продолжали болтать; казалось, теперь, оставшись одни, они стали куда ближе. Фру Бертельсен всего лучше знала театр и музыку, и, играя одним из своих дорогих колец, она рассказывала забавные истории об одной певице, знаменитой звезде, которая на последнем своем концерте в Христиании не смогла взять ни одной ноты, и получился настоящий скандал.

Вдова весьма немногословно выразила свое удивление по поводу того, что певица вовремя не бросила сцену.

Фру Бертельсен:

— Это печально, но певицы обычно вынуждены до старости мотаться по гастролям. В лучшие свои годы они пением сколачивают целые состояния, но легко транжирят эти деньги, а потом приходит старость, и жить не на что.

— Да, так оно и получается, — из любезности поддержала ее фрекен Эллингсен.

Дамы тихонько беседовали, а Бертельсен все спал. Так прошло часа два, а может, и больше, вдова внимательно следила, не подаст ли фру Бертельсен знак, что пора расходиться, она твердо решила продемонстрировать свое хорошее воспитание и немедленно встать, да, именно так она и собиралась поступить, это был ее долг как по отношению к себе самой, так и к той приятной даме, у которой она была в гостях.

Бертельсен, сидя на стуле, вдруг захрапел громче прежнего, и тогда фру Бертельсен сказала:

— По-моему, уже поздно. Не хочу вас прогонять, милые дамы, но...

Все поднялись.

И тут фру Бертельсен уронила свое кольцо. Она принялась искать его на полу, гости ей помогали. Фрекен Эллингсен принесла свечу, чтобы осветить вокруг фру Бертельсен, но, как ни странно, кольца нигде не было. Тогда она обошла фру Бертельсен и осветила сзади.

— Да вот оно! — воскликнула она, и в то же мгновение фру Бертельсен охватило пламя.

А затем — дикие вопли и огонь, разгорающийся все сильнее и сильнее. Фру Бертельсен мечется в поисках воды. Она бежит в альков, пытаясь сбить пламя ковром, но при этом поджигает портьеры. Куда она ни кинется, всюду начинает полыхать огонь... Вопли и огонь, вопли и огонь.

Наконец Бертельсен просыпается, он еще не вполне трезв и кричит громче остальных, требуя, чтобы они перестали кричать, чтобы замолчали! Когда он вбегает в альков помочь своей жене, огонь от портьеры перекидывается на него, на нем загорается одежда, он отскакивает назад, хочет выпрыгнуть из окна, но при этом воспламеняется занавеска, он возвращается к столу и льет вино на свою пылающую одежду, но это ничуть не помогает. Фрекен Эллингсен наконец-то делает что-то разумное — срывает со стола скатерть, бокалы и бутылки летят на пол, а она оборачивает горящего Бертельсена скатертью. Но скатерть чересчур мала, не покрывает его целиком, к тому же он не стоит на месте, а носится по комнате. И тут фрекен Эллингсен замечает, что на ней тоже горит одежда. Она кидается на пол, начинает кататься по ковру, кричит, вопит, опрокидывает стол. Единственное существо, которое может прийти на помощь, это вдова, но она стоит как вкопан-

ная, ничего не предпринимает, а лишь всхлипывает, стоит словно в параличе и всхлипывает. Вдруг Бертельсен вылезает из-под объятай пламенем столешницы, свалившей его на пол, и с силой откидывает ее подальше от себя в сторону вдовы, столешница отлетает к ее ногам, и пламя перекидывается на вдову...

Теперь уже горят все и всё.

В пристройке для прислуги замечают, что замок что-то уж слишком ярко освещен, а когда слуги выскакивают во двор, то понимают, что случилось несчастье. Тем временем разыгрывается настоящий ураган, ветер такой сильный, что все идут согнувшись и с трудом продвигаясь вперед, криками «пожар» пытаются разбудить тех, кто еще спит. У входа на веранду они останавливаются и ждут, что кто-нибудь откроет дверь изнутри, чтобы выскочить из горящего дома. Однако ждут напрасно, никто не появляется, и тогда швейцар приносит из сарая метлу и выбивает дверь, но людей не видно. Швейцар, инспектор и почтальон бегут по коридору, с криками «пожар» поднимаются по лестнице, но дым заставляет их повернуть назад, и они снова бегом возвращаются на веранду.

С крыши вырываются языки пламени, порывы ветра гонят огонь вверх и вниз, и этот огромный дом, стоящий на столбах, горит как бумага. Что люди могут сделать? Они ставят две стремянки к первым попавшимся окнам и глядят, как бушует пламя. Они беспомощны, они могут лишь кричать. Таскать воду ведрами бессмысленно. На всех этажах окна распахивают полуголые гости, что-то кричат вниз, но из-за бури ничего не слышно, несколько человек в порыве безумия выпрыгивают из окон, их развевающиеся рубашки при этом загораются, и они летят к земле, как метеоры. Служащие санатория взбираются по стремянкам в надежде хоть кого-нибудь вытащить из огня, но все усилия напрасны. Одна дама, высунувшись из окна, передает свои платья обслуге, но сама не решается прыгнуть. Ураган бушует все сильнее, это гибель, уже горят стены, языки пламени лижут и стремянки, люди вынуждены спуститься вниз, осторожно нащупывая каждую перекладину.

— Несите стремянки сюда.

Это принимает команду инженер со своими рабочими, строящими гидроэлектростанцию. Стремянки переносят от окна к окну, с места на место, находятся молодые смельчаки, которые взбираются по стремянкам на самый верх, глядят в комнаты, где бушует огонь и клубится дым, но гостей не видно, огонь и дым пожрали их, их уже нет. А смельчаки

поспешно спускаются вниз, на них тоже горит одежда, и даже стремянки в огне.

Появляется доктор, он в нижнем белье, с непокрытой головой, он так же бессилён, как и все остальные, но, в отличие от них, он не кричит, он молчит. И вот наконец из дверей веранды выбегают несколько гостей, за первыми появляется ещё два-три человека, все раздетые, кое у кого в руках одежда. Они кричат, они горят, но все-таки они выбрались. В последнюю минуту, как бы им вдогонку, из дверей веранды вырывается пламя.

В окне под самой крышей вдруг появляется одетый мужчина. Он глядит вниз и, ни минуты не раздумывая, вылезает в окно и хватается за водосточную трубу. Он мог бы встать на стремянку, но стремянки уже нет. Тогда он заскользил по трубе, стремительно приближаясь к земле. Но на втором этаже путь ему преграждает огонь — похоже, он обречен. Вцепившись руками в трубу, он, видно, решает, не отпустить ли руки, не броситься ли вниз. Вдруг он исчезает из виду, дым и огонь поглощают его, но в следующую секунду он падает во двор. Разбился? Нет, не разбился, но горит, он катается по земле, срывает с себя куртку и тушит ее, бьет шапкой и голыми руками себя по телу, гасит язычки пламени, гасит, гасит...

И вот он встает на ноги. Это самоубийца.

Он спас себя тем, что, отпустив руки, одновременно оттолкнулся ногами от водосточной трубы. Таким образом он очутился на балконе второго этажа, бросился и с него, падение получилось двухступенчатым, от этого произошла амортизация, и он не сломал себе кости. Счастье, чудо — самоубийца, столь дорожающий своей жизнью, отважился спуститься с такой высоты сквозь море огня и тем спасти себя.

Он хочет войти в дом через веранду, но вынужден отступить.

— Я ее запер! — кричит он. — У меня ключ, она не может выйти. Номер сто шесть!

— Номер сто шесть? Эта комната сгорела.

Никто ему не помогает, не может помочь. Нет больше стремянок, нет, впрочем, и стен, к которым можно было их приставить, нет и окон, нет ничего, кроме моря огня. Он орет, без конца повторяя номер, сжимает в обожженных руках ключ и снова пытается ворваться в дом через веранду, но и веранды уже нет, повсюду только бушующее пламя. Где-то на самом верху вдруг мелькает женское лицо,

видны две руки, вздетые к небу, загоревшиеся волосы — и тут же исчезают.

Все исчезает.

От ураганного ветра пожар получил невиданный размах, огонь перекинулся с большого дома на пристройки и амбар, на коровник, все пять построек со всем, что было в них и вокруг, запылали как факелы, только дровяной сарай почему-то не загорелся. Спасти ничего не удалось. Инженер со своей командой продержался некоторое время на крыше одной из пристроек, пытаясь гасить пламя, как только оно вспыхивало, но когда ураганный ветер стал перекидывать с замка на пристройки огромные горящие головешки, им пришлось отступить. Пришли и прихожане, но помочь ничем не могли, одной доброй волей огонь не потушишь. Впрочем, то немногое, что можно было сделать, все же сделали: швейцар вовремя вывел коров из хлева и погнал их в лес. А доктор отправил прихожан назад в селение, чтобы они организовали транспорт для тех немногих из гостей санатория, кто остался жив.

К четырем часам утра ветер постепенно улегся, он свое дело сделал. Стало тихо, пострадавших увезли, и место происшествия оставили сторожить только двух рабочих из команды инженера. Из леса время от времени доносилось жалобное мычание коров.

Пожарище, погруженное в кромешную тьму, клубы дыма...

Самоубийца бродит среди развалин. Он наотрез отказался спуститься с остальными в селение, ходит взад-вперед вдоль обрушившейся фасадной стены, время от времени останавливается и что-то бормочет про себя, смотрит вверх на воображаемую стену, на стену, которой уже нет, и снова принимается ходить взад-вперед, не выпуская из застывшей руки кусочка железа — ключа. Сторожа предпочли бы от него избавиться и уже сделали несколько попыток прогнать его, но безуспешно.

— Что вы здесь ищете? — спрашивают они. — Чего вы ждете?

— Я ничего не жду, — отвечает он. — Я просто хожу, но не жду. Моя жена спала в сто шестом номере.

— Ах, вот как. Ваша жена там была?

— Да. Запертая. Вот ключ.

Сторожа смягчаются и качают головой. Они оставляют в покое бродящего по пепелищу человека, он ничего не украдет, да тут и нечего красть, они садятся и тихо разговаривают: просто удивительно, как это удалось устроить

такой пожар? Обсуждают, сколько можно получить по страховке, предсказывают, что санаторий снова отстроят. До чего досадно получилось: ведь через месяц инженер завершил бы работы, и тогда воды, чтобы тушить пожар, было бы сколько угодно. Но судьба распорядилась иначе.

А самоубийца все бродит по пепелищу.

— Может, вам лучше пойти на хутор? — говорят сторожа, они его жалеют, потому что он совсем потерял. — Там у вас будет хоть крыша над головой.

— Да, — отвечает он.

— Там вам дадут кофе, и вы согреетесь.

— Да.

Но он никуда не идет, он продолжает бродить. Около пяти утра он вдруг собрался уходить. Тем временем уже рассвело, и сторожа видят, что он направляется к деревянному сараю, единственному уцелевшему строению на плато.

Войдя в него, он напрямик направился к стоявшим у стены маленьким санкам и стал деловито отвязывать от них веревку.

Сторожа подошли к нему.

— Что вы здесь делаете? — спросили они.

Ничего не ответив, он продолжал отвязывать веревку.

— Здесь ничего нельзя трогать. Зачем вам веревка?

— Зачем мне веревка?

— Вам надо что-то запаковать?

— Да, — пробормотал он, — я хочу запаковать...

— Что запаковать?

Он не ответил, хотя возиться с веревкой перестал, однако по его виду было ясно, что она ему необходима и он не позволит ее отнять.

А сторожа, видно, решили махнуть на это рукой, они готовы были отдать ему эту веревку, лишь бы от него избавиться.

— Ладно, — говорят они, — можете ее взять.

И самоубийца уходит со своей добычей.

Он минует столбы с белыми стрелками-указателями и с вывешенными сводками погоды — эти жалкие останки санатория «Торахус», сворачивает на знакомую дорогу, ведущую к хутору, — он идет быстро и уверенно, словно впереди четко намеченная цель. У сарайчика с сеном он поворачивает в лес.

Странно, но только теперь он почувствовал острую боль от ожогов, он идет и дует на руки, чтобы унять боль. Зайдя достаточно глубоко в лес, он пытается выбрать подходя-

щее дерево. При этом он все время бормочет про себя: «Сто шесть, сто шесть». За ночь это уже стало привычкой, он повторяет цифру механически, не думая, сжимая в руке ключ.

Найти подходящее дерево оказалось не так легко, он ищет долго и упорно. Его надо найти. То, что он задумал, — единственный выход, это нужно сделать, и он твердо решил сделать это сейчас. Какой смысл откладывать? Разве смерть не стережет его, не лежит за каждым кустом, не стоит за каждым деревом, готовая на него кинуться?

Что-то жмет ему в ботинке, колет при каждом шаге, и в конце концов он садится и снимает ботинок. В носке торчит сосновая игла. Вытащив ее, он снова надевает ботинок и зашнуровывает его, как обычно.

Если подняться выше, то, может, легче будет найти дерево с подходящей веткой? Он уже прошел мимо нескольких деревьев, которые были не так уж плохи, могли бы, наверное, сгодиться. Он поворачивает назад и подымается в гору. Нет, больше он не будет таким разборчивым: вот мертвая сосна, у нее как будто подходящая ветка. Он перекидывает через нее веревку и для проверки повисает на ней всей своей тяжестью. Ветка, естественно, обламывается. Он подымается еще выше, находит другую сосну, повторяет все заново: похоже, цель достигнута — ветка выдерживает. Он даже прилагает усилие, чтобы ее обломить, но ветка не поддается. За чем же дело стало? Напрасно он так старательно и неосторожно гнул ветку своими обожженными руками, они теперь кровоточат, снова невыносимо болят, в них что-то стучит, как при нарыве. «Ну и пусть!» — думает он, перекидывает веревку и закрепляет ее на ветке, делает петлю и все твердит: «Сто шесть, сто шесть».

Пройдет несколько дней, и над сосной начнет гомонить воронье, люди пойдут на шум и найдут его. Ногами он будет почти касаться земли, весь как-то вытянется, шея станет неестественно длинной и тонкой...

Не сделай он этого сейчас, смерть все равно настигнет его сегодня или в любой другой день, смерти не избежать, так зачем же бежать от нее, почему сразу не покончить с жизнью? Он спугивает дрозда, маленькую, невинную, изворотливую птичку, — надо и с ней проститься, и с маленькой Леонорой в городе...

В следующий миг он уже понимает, что не сделает этого. Да, не сделает. Он сидит на траве, дует на руки и плачет. Да поможет нам Бог, мы — жалкие твари, мы — люди. Смерть не предлагает ничего, чем можно дорожить, поэтому он дорожит жизнью. Самоубийца не знает, ради чего ему жить,

он не видит солнца, ничто на земле не в силах его обрадовать... «Сто шесть, сто шесть...» Горят руки, он смертельно устал, он ничтожество, от холода он засыпает.

Но жжение в руках тут же будит его, он встает на ноги. Он боязливо озирается, будто кто-то преследует его по пятам, он не снимает веревки с ветки, идет на хутор.

— Сволочь, — ругает он себя, — сволочь, сволочь...

Обе женщины дома, фрекен д'Эспар уже передела и накормила ребенка, а сейчас стирает во дворе. Увидев самоубийцу, она выпрямляется и с удивлением смотрит на него: он не здороваётся, костюм изорван чуть ли не в клочья, руки кровоточат...

— Господи, что же это!..

На своем маленьком отдаленном хуторе они ничего не знают о ночном происшествии в санатории, вечером они легли спать и не слышали ураганного ветра, спокойно проспали до рассвета, потом встали и принялись за свою каждодневную работу. Жизнь учит фрекен д'Эспар, и на свой лад она прилежная ученица, она человек.

Самоубийца бормочет какие-то бессвязные слова, они звучат странно, отчужденно:

— Огонь... все сгорело дотла... и сто шестой номер тоже, она была заперта и не могла выйти... вот он, ключ...

— Сгорел санаторий? Марта, слышишь, сегодня ночью сгорел санаторий!

Марта выходит из кухни, на ней нет лица.

— А люди? — спрашивает она.

— Люди, — повторяет самоубийца, — люди сгорели. Она спала в сто шестом номере.

— Мне показалось утром, что пахнет дымом, — говорит Марта. — Разве я не сказала? — спросила она у фрекен д'Эспар.

— Ты вошла со двора в дом и сказала мне об этом.

— Ну да...

Женщины почему-то продолжают говорить про запах дыма, словно это имеет какое-то значение, и хотя самоубийца не слушает, а занят только собой, их слова все же доходят до него и постепенно придают его мыслям иное направление. То, о чем они говорят, это людская болтовня, обе они стоят обеими ногами на земле, они живут сегодняшним днем, фрекен д'Эспар не забывает подкидывать в лохань белье, чтобы не прерывать стирки. Она занята простыми земными делами.

Они с Мартой прикладывают к его ранам тряпочки, кормят его. Его одолевает сон, он спит несколько минут сидя, а перед тем как уйти, спрашивает:

— Бык во дворе?

— Он на горе, — отвечает фрекен д'Эспар. — Далеко отсюда. Вы пойдете сейчас на вокзал?

— Не знаю, — отвечает он. — На вокзал?

— Ну да, вы ведь поедете домой?

— Да, возможно, — говорит он и качает головой. — Я не знаю.

— Так будет лучше всего, поверьте...

— Зачем? Что мне делать дома? Пожар все уничтожил, она мертва, она сгорела. Вы забыли? Вчера она пришла ко мне на скалу, вскарабкалась ко мне на такую высоту... С тех пор прошло очень мало времени, всего несколько часов. Мы поговорили и пошли домой. А вечером еще поговорили, раньше я ее не понимал, она сказала мне что-то, я сейчас не помню ее слов, но все разъяснилось, и я так радовался. Да благословит ее Бог, вы слышите? — простонал он.

— Да, бедный вы мой!

— Я сидел у нее в комнате, пока она не заснула, я так радовался. А потом я ушел. И вот теперь ее нет, это невозможно себе представить, я не могу этого понять, слышите!

Фрекен д'Эспар говорит осторожно:

— Разве у вас нет маленькой девочки?

— Да, Леонора. Да.

— Вы ведь о ней не забудете? Конечно, нет! Может, ее поставят на подоконник, она будет стоять, будет смотреть на улицу и вдруг увидит вас — как замечательно! Господи, не думайте, я прекрасно понимаю, как вам тяжело, но вам нельзя приходить в отчаяние, — ободряет она его. — Каждый из нас несет свой груз, как вы любите говорить. Что касается меня, то мне предстоит ждать долгие годы.

— Да?

— Да, долгие годы. Целых семь лет.

Уже совсем рассвело, на смену ночной буре шел погожий день. На хуторе тихо, ни один кустик не колыхнется, только куры бегают по двору и что-то клюют, да в нескольких шагах от дома чуть слышно журчит ручей.

— Какая же я скотина! — вдруг выкрикивает самоубийца и умолкает.

Она бросает на него испуганный взгляд. Вид у него такой, будто он открыл для себя какую-то непреложную ис-

тину, он даже побледнел от своих слов, так точно они выразили его мысль.

Чтобы успокоить его, фрекен д'Эспар говорит тихо и разумно:

— Я уверена, вы сейчас пойдете на вокзал, господин Магнус. Нет, вам нет нужды так пугливо оглядываться, бык сегодня, как и вчера, на горе, на горной пастьбе, как у нас здесь говорят.

— Всего вам хорошего! — бросает самоубийца и уходит.

— Если вы пойдете лесом, то еще успеете на утренний поезд! — кричит она ему вдогонку.

Он идет лесом, доходит до дерева, на котором болтается веревка, проходит мимо, идет, идет дальше и исчезает.

Фрекен д'Эспар следит за ним глазами, пока он не скрывается из виду, а потом снова принимается за стирку — так усердно она за все хватается, что в радости, что в горе, она занята земными делами. Как у нас здесь говорят...

Круг замкнулся

РОМАН

Перевод
С. Фридлянд

RINGEN SLUTTET

1936

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Когда люди идут на мол встречать каботажный пароход, это не приносит им ровно никакой прибыли, как, впрочем, и убытка, получается то на то, если, конечно, не считать сбитых подметок. Словом, вреда от этого нет, да и пользы не больше. Какие-нибудь особые впечатления, зрелище для богов, другая благодать? Нет и нет. Несколько человек и ящиков — на борт, несколько человек и ящиков — на берег. Никто не произносит ни слова, ни штурману у релинга, ни экспедитору на причале говорить незачем, они смотрят каждый в свои бумаги и молча кивают.

А больше ничего и нет.

И люди каждый Божий день знают, зачем они туда идут и что увидят, но идут все равно.

И совсем-совсем ничего больше?

Ну, может, конечно, случиться, что слепого шарманщика проведут по мосткам, чем привлекут внимание детей, либо что на берег сойдет в полном боевом снаряжении какой-нибудь спортсмен при лыжах и рюкзаке, хотя на дворе май и Пасха давно миновала.

А больше и впрямь ничего.

В порту царит оживление. Помимо детей разного возраста сюда явились почтенные горожане и отцы города, купцы и рыбаки, несколько таможенников, которые слоняются без толку, чтобы убить время, фотограф Смит с дочерью и женой и много прочего народу. В порядке исключения показался на люди и капитан Бродерсен, тот, что раньше водил барк «Лина», но потом бросил это дело и стал смотрителем маяка на внешнем рейде. Он останавливается и беседует с таможенником Робертсеном, которого называет штур-

маном, после чего спускается в свою лодку и выгребает к маяку.

И в молодых девушках недостатка здесь нет: Ловиса Роландсен — рослая, заневестившаяся девица, из семьи ремесленников, малость угловатая и костлявая, но голубоглазая и вообще отличная партия. Ловиса любит прогуливаться с Лоллой, лицом, правда, Лолла не вышла, зато вышла статью и бюстом, а вид у нее такой, будто она готова вот-вот заржать. Поскольку на берег сошел лихой спортсмен, она два раза сбилась с ноги и уставилась на него. Ушлый фармацевт говорит про Лоллу, что она перетренирована.

Но определяли картину дети в разноцветных платьях — синих, и красных, и желтых, и черных, и серых, числом до двадцати, красивые дети, по большей части — девочки, некоторые уже подростки, уже влюблены и гуляют с большими мальчиками. Особым поклонением была окружена дочь аптекаря: она сидела на ящике и устраивала прием. Звали ее Ольга, и все остальные под нее подлаживались. Пробился к ней и сын смотрителя маяка, но ему ничего не перепало. Неотесанный сопляк, еще даже неконфирмованный, конопатый, вдобавок голос у него ломается, только настроенные испортил, так о нем сказала Ольга. Она его недолюбливала. Почему, спрашивается, он не уехал на маяк вместе с отцом? Во-он там гребет.

Абель промолчал.

Впрочем, Абель не всякий раз терялся. Он уже привык препираться с Ольгой о разных разностях с тех самых пор, когда оба они были много меньше, чем сейчас. Она однажды расхвасталась, что ее отец может бросить камнем в со року и попасть. «Зато мой отец знает карточные фокусы», — отвечал на это Абель.

В общем, у них за плечами много всяких совместных за-тей, и детские годы они прожили вполне разнообразно. Они на равных таскали морковь с грядок в загородной усадьбе Фредриксена, после чего отнюдь не спешили к Фредриксену с повинной. И еще они сообща утопили кота. Это был здоровенный котище, который разодрал грудь Ольгиной кошке, вернее, не кошке, а тоже коту. Конечно же, ради такого случая участники поклялись друг другу хранить молчание, и, конечно же, совершили они его под покровом ночи, потому что кот был из знатных, это был таможенный кот. Они ничего не боялись: тяжеленный камень в мешок — кота туда же, затянуть сверху — и бултых в глубокую воду. Потом они подгребли к мосткам, каждый работал своим вес-

лом и работали они на равных, только у Абеля потом кровили руки.

За такое дело он, казалось бы, заслужил более продолжительную благодарность Ольги, но несколько дней спустя он сам все испортил. Ольга забралась на крышу сарая, а Абель не только не помог ей слезть, но еще стоял внизу, заглядывал ей под юбки и смеялся. Это так ее разозлило, что она без оглядки спрыгнула вниз, прямо на него, и оба покапались в крапиву, на кучу щебня и ободрались до крови.

После чего они долго враждовали.

Но время идет, все стирается из памяти, оба подросли и возмужали. Они вместе ходят в кино, видят там разбойников, и скачки, и дрессированных собак, и катаются вместе с другими на карусели внизу, на складской площади. Аптекарева дочка стала одеваться наряднее, чем остальные девочки, наряднее даже, чем Ловиса Роландсен и чем Лолла, то есть взрослые барышни. А вот Абель мало переменился. Из себя он не очень видный, но друзья его ценят, потому что он всегда готов прийти на выручку и умеет найти выход из любого положения. Один раз летом, когда они вместе с другим мальчиком собирали чайчьи яйца, оба чуть не погибли, но к тому времени Абель уже научился плавать и сумел спасти как себя, так и своего напарника. Руки у него были на редкость маленькие, но крепкие, жилистые и проворные, как у воришки.

Его меньше уважали, чем Хельмера, который был в ученье у кузнеца, и уж давно меньше, чем Рибера Карлсена, который ходил в гимназию, чтобы после этого кем-то стать. Впрочем, эти субчики и годами были постарше. Но ведь и против Тенгвальда и Алекса, своих ровесников, он тоже не тянул, отчего бы это? С детских лет у них и манеры были лучше, и башмаки светлей, им все время подбрасывали деньги на карманные расходы дядюшки да тетушки, а школьные бутерброды у них порой были выложены кружками банана. Нет и нет, у Абеля ничего столь изысканного и в заводе не было, — простой мальчик с маяка, где его отец по ночам караулил лампу, а днем отсыпался и вел жизнь бедняка. Вот как обстояло дело.

И все-таки, захоти того смотритель маяка Бродерсен, он мог бы жить малость получше. Только он не хотел. Из скуposti.

Четырнадцать лет назад Бродерсен женился по второму разу. От первого брака у него детей не было, от второго родился сын Абель. Много лет подряд он небезвыгодно водил барк «Лина», и люди считали его человеком весьма со-

стоятельным. Может, так оно и было, но жизнь его не являла ни богатства, ни блеска, и сына своего Абея он содержал в полном убожестве.

Впрочем, Абель не знал никакой другой жизни, и вполне освоился с этой. Маяк посреди шхер представлялся ему не менее великолепным, чем дом посреди города, да вдобавок у него водились всякие диковины, о которых обычный городской житель и помыслить не может. Ну что такого у них есть, если сравнить с ним? Он выхвалялся своим жилищем перед дружками, это, мол, единственное жилище, которое он признает, он ни с кем из них не поменялся бы, плевать ему на все их дома. У аптекаря дом, ничего не скажешь, и с балконом, и с эркером, но и на него он тоже плевать хотел.

— И все-то ты врешь про свой маяк, — сказала Ольга.

— Приезжай, посмотри сама, — ответил Абель.

И так долго он об этом говорил, что в один прекрасный день, прихватив с собой девочек поменьше, Ольга поехала с ним на маяк. А Тенгвальда она взяла как личность сверх обычного чтимую среди ровесников.

Нельзя сказать, что визит не удался, пейзаж в шхерах был для них непривычный и по виду, и своими размерами, с потаенными уголками среди расселин. Оживляли его забавные декоративные кустики, высаженные на симпатичных клочках земли.

Еще здесь был остов старого катера, приспособленный под хлев, и великое множество чаек, которые прилетали сюда каждую весну и откладывали яйца, и стоял здесь немолчный гул моря — все сплошь незнакомые и удивительные для детей вещи.

— Да, — признала Ольга и ее маленькие спутницы, — здесь не так, как у нас.

Но все-таки они были не настолько потрясены, чтобы прикусить язык.

— А зачем эта дыра? Неужели тут колодец? А если чайка пролетит над ним и обронит... ну, я хочу сказать...

— Ха-ха-ха!..

— И дорожек тут нет ни единой, все скалы да скалы, нет, Абель, ты уж извини...

— Вы еще внутрь не заходили, — сказал Абель.

Они вошли и взбежали на башню. Сплошное разочарование. Смотритель все им растолковал про лампу и про вращающийся козырек, но зажигать ее время пока не настало, и не довелось им увидеть ослепительный свет над морем. Здоровенная лампа, и больше ничего, верно, подумали они про себя.

— Вы еще в комнату не заглядывали, — сказал Абель.

Спустились они и в комнату. Там было великое множество диковин, которые смотритель за бесценок понавез из дальних стран, немного всякой мелочи от дикарей из Австралии, кораблик в бутылке, пустые кокосовые орехи. Абель повторил те объяснения, которые слышал от своего отца, но для детей это было неинтересно.

— Нам надо перебраться на берег засветло, — сказал Тенгвальд.

Девочки под конец сунули нос даже на кухню, заглянули во все горшки, но одна дверь оказалась заперта: мать у Абеля не всегда была трезва.

Престранное жилье, этот маяк в шхерах; и отец, тощий и прижимистый до скупости, и мать, которая пила и спивалась от грудной болезни и одиночества. А лет-то ей было всего сорок.

Когда подошли рождественские каникулы, все стало совсем плохо, вернулись домой те, кого остальное время здесь не было, и Абель обратился в ничто — как и раньше. С этим он как-то освоился, но был еще недостаточно взрослым и разумным, чтобы отойти в сторонку. Напротив, он всем навязывался, а его отваживали. Правда, ему купили наконец новую шапку, но у других и вовсе были шляпы, а у Тенгвальда вдобавок новые башмаки.

Но худо-бедно зима прошла. И за это время Абель как-то сблизился с Лили. Она была чуть моложе, но крупная и приглядная для своего возраста, и вдобавок такая славная, что всегда охотно его слушала, а поскольку жила она по другую сторону бухты и дорога до школы была у нее близкая, Абель порой перевозил ее на своей лодке.

— Какой ты молодец, что перевозишь меня, — говорила она.

— А как же иначе, — отвечал он.

На весенние каникулы все опять стало плохо, сперва на Пасху, потом на Троицу. Конечно, он мог бы в эти дни отсидеться дома на маяке и не подставлять себя под удары, но и тут у него не хватило разума, а причал, когда приходил почтовый пароход, манил к себе. Девочки его не признавали. «Ясное дело, опять этот Абель притащился», — говорили они, завидев его. «Он только и знает, что талдычить про свой маяк», — говорила Ольга. А когда он подсаживался к ним и начинал ковырять палочкой в песке, она говорила: «Ты совсем нас запыллил».

Вот Лили была совсем не такая и вообще приятная девочка, ее он вполне мог бы держаться. А Ольга просто ведьма, но в эти годы другой для него не существовало. Он мог даже до того дойти, что начинал поносить свой маяк и презрительно толковать про лампу, про чаек и кроликов. Она же отвечала насмешками: «Ну не говорила ли я вам, что он опять заведет про свой маяк!»

И куда он ни направлял взгляд, перед ним оказывалась стена.

Как-то вечером Абель подкараулил Ольгу: он кое-что для нее припас, золотой браслет, который украл в церкви — у Христа. Старая, незамужняя дочь пастора в знак признательности за что-то повесила дорогое украшение на фигуру Христа, всю весну оно так и провисело на Христовом запястье; раз место было священное и дар красивый да и благочестивый к тому же, никто не осмелился его забрать.

Но Ольга не рискнула принять браслет из Абелевых рук и поблагодарить. Конечно же она его примерила, и глаза у нее засияли, и сердечко застучало, и всякое такое, но потом она вернула подношение и сказала:

— Как это ты додумался?

Абель промолчал.

— Я не хочу его брать, — сказала она, — повесь обратно.

Абель молчал. Он был бледный и огорченный.

— Дай-ка еще раз глянуть... Господи... и мне как раз в пору, но ты не подумай... Ты когда его взял?

— На Троицу, — сказал он.

— Никогда не слышала ничего подобного, ты просто залез и снял его?

Неохотно, с запинкой, он признался, что дал запереть себя в церкви на первый день Троицы, ночью украл браслет, а на другой день во время богослужения выскользнул из церкви. Ну и чертов парень, прямо безбожник какой!

До чрезвычайности взволнованная, она спросила:

— Так ты был ночью в церкви? И не боялся?

Какое-то мгновение губы у него дрожали, но потом он взмахнул кулаком, словно что-то отогнал от себя.

— Ты там ничего не видел?

Абель молчал.

Тогда Ольга завершила:

— Все равно ты ненормальный. Ты знаешь, как его повесить обратно?

— Нет, — признался он уныло и опять готов был заплакать.

— Надо раздобыть церковный ключ, — сказала она. — Сумеешь?

Он ответил:

— Думаю, что да. Он у пономаря висит.

Они вместе заглаживали проступок, вместе исправляли грех. Ему удалось украсть со стены церковный ключ так же ловко, как в свое время браслет с Христова запястья. А куда он водворял браслет на прежнее место, Ольга ходила по церкви и выглядывала во все окна — не идет ли кто.

Но своим безумным поступком он вовсе не расположил Ольгу к себе, напротив даже, порой она злобно грозила и намекала, что знает про него кое-что и может подвести его под наказание. Словом, ведьма и ведьма, он даже стал ее побаиваться.

День за днем он отвозил Лили домой, чтобы хоть с кем-то быть вместе. У ее дома было всего два окна, дом-четырёхстенки, самый маленький во всем городке, отец Лили работал на лесопильне и большим домом не обзавелся. Один раз Абель вошел вслед за ней и внес два хлеба, которые она купила в городе. Внутри все выглядело небогато, чем-то пахло, непонятно чем, часы стояли, одна кровать была не застелена. На маленьком столике у окна вперемешку лежала еда и одежда, а на подоконнике — несколько отварных картофелин в мундире.

Лили вроде как смутилась.

— Ты не присядешь? — для пробы спросила она и смахнула пыль со стула. — Мама, какой у нас сегодня беспорядок!

— Да, это верно, — подтвердила и мать. — Но я только что вошла и не успела прибрать. У меня сегодня стирка.

— Мама стирает на некоторых парней с лесопильни, — пояснила Лили.

— Без этого тоже не обойдешься, — сказал Абель взрослым тоном.

Да, в эти недобрые дни он утешался обществом Лили, потому что больше у него никого не было. А если она и живет в скудости, так это даже и лучше! Значит, она не из важных. Лили была добрая и спокойная, и даже когда он потом уже, летом, как-то раз поцеловал ее, она не стала убегать, а только ненадолго закрыла глаза ладонью. Он и сам устыдился своего поступка, так что, шлепнув ее, с криком «осалил, осалил!», бросился прочь.

А время шло, и проходило лето, и зима, и целый год. Ольга как-то ненароком сломала козырек его новой шапки, и когда он, обнаружив несчастье, криво усмехнулся, сказала:

— Так тебе и надо! — Но сказав, сразу пожалела об этом. Козырек теперь свисал двумя половинками в обе стороны и имел довольно жалкий вид.

Он спустился вниз, вычерпал воду из лодки и поплыл домой. День спустя он снова пришел в школу как ни в чем не бывало, а шапку начал носить задом наперед. Но козырек все равно свисал, и это ему очень не шло.

Ольга отозвала его в сторону и сказала:

— Можешь за это ударить меня, если хочешь.

Абель ответил присказкой, которую подцепил где-то в порту:

— Где я ударю, там дыра остается, — и мужественно отошел от нее.

— Тьфу! — крикнула она вслед. — Козырек у тебя все равно был картонный.

— Заткнись!

— Просто лакированный картон.

— Зато твой отец торгует мазью от вшей...

А вот Лили, та нашла выход:

— Можно прикупить к шапке новый козырек у Гулликсена. Мой отец однажды так и сделал.

— А сколько с него взяли?

— Вот уж не знаю. Да я могу и зашить козырек.

— Спасибо за заботу.

Конфирмовали его тем же летом, что и Ольгу. Они занимались в школе у причетника, и Ольга не все знала, а потому краснела и отмалчивалась, когда ее спрашивали. Один раз он спас ее, сбросив с парты все свои вещи и переключив гнев причетника на себя. Но она так и не узнала, что он сделал все это ради нее. Ну конечно, Ольга была ведьмой, но у него становилось муторно на душе, когда он видел, как Ольга попадает впросак из-за Понтоппидана, хотя она знала куда больше, чем старый причетник, про всякие житейские обстоятельства. Вообще она на глазах превращалась в даму, начала душиться, завела визитные карточки, которые раздавала направо и налево. После конфирмации Ольга собиралась уехать с матерью.

— Я тоже уеду, — сказал Абель.

— Ты? А ты-то куда?

— В море, — ответил он.

Это была правда, он и впрямь должен был уйти в море. Другого выхода не оставалось, после того как отец счел,

что ему не по карману и дальше держать сына дома. Но тем самым отец только пошел навстречу желаниям сына.

— Значит, в море уйдешь, — сказала мать Абеля. — В четырнадцать лет. — И она покачала головой.

— Пятнадцатый, — поправил сын.

— Я и сам начинал как раз в его годы, — сказал отец. — И народ вокруг тебя будет отборный. В мое время такого не было.

На прощанье Абель получил от отца золотой совет: не прятать деньги в карманы брюк, как это делают другие моряки, а класть их в кожаный бумажник. Вот, возьми его с собой. Через него уже прошел не один шиллинг.

Абель спустился с верхотуры и открыл дверь на кухню. Одновременно сверху закричал отец:

— Не вздумай только пить ее зелье!

— Не вздумаяю, — отвечал Абель.

Мать сидела с тупым видом и держала на коленях пару серых варезек.

Лицо у нее пошло красными пятнами. Время от времени она поворачивала вафельницу в печке, на тарелке уже лежало несколько готовых вафель.

— Зачем он это кричал? — спросила она. — Я вовсе не думала тебе подносить.

— Ясно, — сказал он.

— Да и не готово оно для питья, — продолжала мать и, приподняв какую-то трубу, заглянула под какую-то крышку.

— Счастливо оставаться, — сказал Абель и протянул руку.

— Постой, ты вафель не хочешь?

— Да ни к чему. Отец отвезет меня на судно, там меня и покормят.

— А ведь я для тебя их напекла, — огорченно сказала она, — может, тогда хоть варезки возьмешь?

Абель помешкал, но потом все-таки сказал «возьму».

— Я по ночам их вязала.

— Но ведь сейчас лето.

— Я, правда, спустила несколько петель, но потом их подняла.

— Спасибо за варезки, они мне очень пригодятся.

Отец тоже сошел вниз и начал подгонять его:

— Нам пора, нам пора.

На том прощанье и закончилось. Мать не поднялась, чтобы поглядеть ему вслед. Она лишь пробормотала непослушным языком «счастливо тебе», однако с места не встала.

Но не в этот, первый, а во второй раз он вернулся домой, совершенно изменившись внутренне и внешне, и остался таким на всю жизнь.

Впрочем, он и в первый раз вернулся не совсем таким, каким уезжал, старше на четыре года, выше ростом, опытнее, тише в повадках, да и лицом получше — веснушки все пропали. Он начал курить трубку, раскачивать плечами на ходу, а порой с губ у него срывалось какое-нибудь незнакомое словцо. Да, он повидал бури и штормы, пережил кораблекрушение, ломал ребро, участвовал в драках по дальним портовым городам — все, как и положено. При этом он почти не привирал, и потому ровесники с превеликим интересом слушали его рассказы.

За эти четыре года Абель не все время пробыл в море, один раз он сбежал с корабля в Америке, трудился на суше, в ремесленных мастерских немного приучил свои руки к различным работам по дереву и по металлу. Посещал вечернюю школу, колледж, ходил в море, приторговывал, научился водить машину, боксировать и многому другому. Ненадолго попадал он и в руки полиции, например, когда угнал без спроса чужую шляпку и укатил на ней с девушкой. Лихой парень и такой молодой вдобавок.

В его манере рассказывать чувствовалось сильное влияние американского сленга и вдобавок — бульварной прессы, а также полицейской газеты, все это было внове для городка, и поэтому Абелю не стоило труда завоевать слушателей.

— В жизни ничего подобного не слышал! — мог воскликнуть кто-нибудь из парней. — А как же оно все кончилось?

— Он просто заплатил. Пулю в зеркало, да Лоуренсу это раз плюнуть.

Парни, разочарованно:

— А его не арестовали?

— Арестовать Лоуренса? Да он полиции и без того осточертел!

— Такой он был лихой парень?

— Одно время он пытался переплюнуть меня по части мелких краж в больших торговых домах и тому подобное, это когда нам была нужна новая одежда. Только ему не везло, и он бросил это дело. Но когда я снова встретил его осенью, нужда успела его всему выучить, и он просто стал неузнаваем. Теперь он заделался настоящим вором, таскал

одежду, чтобы продавать ее на судах, и даже не брезговал чистить карманы. Но у этого Лоуренса было доброе сердце, и под пьяную лавочку он плакал и раздавал все наворованное. Удивительный парень, и с лица вдобавок хорош.

Молчание.

— А что с него взяли за зеркало, раз оно было такое большое?

— Ты хочешь узнать, торговался ли он с ними? Да ничего подобного. Он просто начал раздавать бумажки налево и направо, а одну сунул официанту. И мы ушли в другое место.

Мимо проходили девушки, тут главное, какие именно, но когда показалась Ольга, Абель галантно вскочил со скамейки и снял шапку. Она за это время стала на четыре года старше, но он сразу узнал ее, потому и встал. И снова не сказать, чтоб он был вознагражден за свою учтивость. Она — дочь аптекаря, первая красавица в городке и помолвлена с Рибером Карлсеном, который все эти годы прилежно, как муравей, читал книги и стал теологом.

Словом, ничего он не получил. Первый раз она даже отпрянула, верно заподозрив, что его изысканная вежливость говорит о скрытой злости, потом остановилась и спросила:

— Это, никак, ты, Абель?

— Само собой, я.

— Вот ты и вернулся.

— Ненадолго.

Она кивнула и продолжала свой путь. Ее жених не проронил ни слова.

И в другой раз, когда он встал, чтобы поздороваться, ему досталось еще меньше, она на него вообще не взглянула. Ну что ж, быть по сему: он тотчас сел и снова заговорил как ни в чем не бывало.

— Да, уж этот Лоуренс, в нем прямо черт сидел.

— И вы ни разу не попались? — спросили слушатели.

— О да, как-то раз в одном погребке. «Там кегельбан, и вообще местечко хорошее, — сказал мне Лоуренс, — но только на прошлой неделе там застрелили человека. Давай туда сходим».

Я сразу распалился от желания поразвлечься, но я не хотел потерять место в своей мастерской, а потому нацепил на лацкан значок трезвенника.

Там оказалось три человека, они играли в кегли, они согласились принять нас в игру. Лично я присел в уголке, вро-

де как сам по себе, а вот Лоуренс составил им компанию, начал выпивать с ними и лезть в дружбу. Все перепились. Лоуренс мог допить до полной одури. Вдруг прогремел выстрел, и один человек упал на пол. «За что они его пристрелили, — подумал я про себя, — и кто это сделал?» Они его повернули, он был весь залит кровью и вроде как мертвый, и два его дружка подняли страшный шум. А Лоуренс уже никуда не годился. «Не шумите», — сказал он несколько раз, а сам просто сидел на стуле в дымину пьяный. Те двое сунулись ко мне в угол с криком, что это я стрелял. Они показывали мне свои полицейские значки, которые давали им полное право обыскать меня, и они нашли револьвер у меня в заднем кармане. Я не признавал свою вину и показал им свой значок и еще закричал, чтоб Лоуренс пришел мне на помощь. «Отвяжитесь от него», — сказал Лоуренс, не вставая со стула. «Платить будешь?» — спросили те двое. «Нет, — сказал я, — за что я должен платить?»

Тут они меня подняли со стула и хотели увести.

«А сколько платить-то, коли уж на то пошло?» — спросил я. Потому что не хотел быть замешанным и потерять место в мастерской.

«Да сколько же нам с него взять?» — это они между собой так говорили. «А у меня ничего нет», — сказал им я. «Да, но ведь не может он здесь так валяться, надо его унести», — говорят они. «Вот это уж не моя печаль», — говорю я. «Неужели ты даже пять долларов пожалеешь на похороны?» Я задумался, конечное дело, меня бы любой суд оправдал, но ведь сколько времени на это уйдет.

Но вы только послушайте, что было дальше! Парень при кегельбане успел тем временем выбраться через заднюю дверь и вызвать полицию. И не успели два фараона возникнуть с заднего входа, покойник вскочил и исчез вместе со своими дружками через парадную дверь. Их словно ветром сдуло, и быстрее всех мчался сам покойник.

Для полиции остались только мы с Лоуренсом.

Молчание.

— А что было дальше? — спросили парни.

— А дальше ничего не было. «Ну, Лоуренс, ты, видать, снова на свободе и снова упражняешься?» — спросили полицейские, они его узнали. Но когда мы им все рассказали, они начали смеяться и объяснили нам, что это у троицы старый трюк. Их уже сажали, но они снова взялись за свое.

«А у меня они отобрали револьвер», — сказал я.

«Чур на новенького», — ответили полицейские.

Но Абель отнюдь не целый день проводил на причале, рассказывая свои небылицы, он мог вести себя и вполне серьезно. Так он на собственные деньги купил моторку, загрузил ее и повез на маяк лесопильные отходы. Это заняло у него несколько дней, потому что его моторка за раз много не поднимала.

У лесопильни он снова встретил Лили. Ей исполнилось шестнадцать лет, она была худенькая и нежная, она исправно училась счету и письму и теперь занимала небольшую должность в конторе при лесопильне. Они поболтали о всякой всячине, любовью тут и не пахло, они припомнили кое-что из школьных дней, а кое-что до того ужалось в размерах, что и вспоминать не стоило.

— Ты много где побывал с тех пор, как ушел из дому, — сказала она.

— Объездил всю землю, — сказал он.

— Подумать только, всю землю! Я слышала, ты и в Америке был.

— Был.

— А я все сижу в конторе, не велика радость.

— Не говори так, — сказал он. — На свете есть немало людей, которые с удовольствием заняли бы твое место.

— Ты так думаешь? Правда, я могу и повышение получить, если буду хорошо работать.

— Ты будешь хорошо работать, Лили.

— Ты так думаешь?

— Помню, ты всегда хорошо работала.

Тут Лили, вероятно, захотела ответить любезностью на любезность и сказала:

— Я слышала, ты перегружаешь лесом свою моторку. Не надо так делать.

— Угу.

— До маяка-то не ближний свет.

Лодка годилась на многое. «В мое время мы ходили на веслах», — говорил его отец, не одобрявший мотор. Но с моторкой все же получалось лучше, а расходы — только на горючее. Он заплывал на ней далеко в море, рыбачил, ездил по делам в город, а когда умерла его мать, он на моторке отвез гроб на кладбище. Отец его был человек несговорчивый, он упрямо пошел на собственной лодке и, конечно же, остался далеко позади.

Над могилой оба пели псалмы вместе с другими, были одеты в черное и имели вполне серьезный вид. Но на обрат-

ном пути мотор у Абеля заглох. С чего бы это? Да вот заглох — и все тут. Абель начал ковыряться в моторе, опыта у него хватало, и он быстро нашел неисправность, но устранить ее на воде не мог. И поскольку он забыл прихватить с собой весла, пришлось ему беспомощно лечь в дрейф. Отец догнал его и прошел мимо. «Эй», — крикнул Абель. Отец невозмутимо греб. Абель поискал глазами, кого бы еще кликнуть на подмогу, но никого вокруг не было.

Неужто старый шкипер и мореход не понял, что происходит? Он продолжал грести. «Эй, отец!» — наконец крикнул Абель и замахал руками. Старик поначалу огляделся по сторонам, но после нового оклика с чудовищной медлительностью и неохотой подгреб к терпящему бедствие сыну.

Абель, вполне малодушно:

— Я вот весла забыл взять...

— Весла? — переспросил отец с неприязнью.

— У меня мотор забарахлил...

— Так-так. Что-то я стал бестолковый. На кой тебе нужны весла?

Абель промолчал.

— Что у тебя, говоришь, с мотором?

— Барахлит он, слышишь. Но я его исправлю в два счета, только бы до берега добраться.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что мотор у тебя прямо на воде лопнул?

Абель молчал. Он привязал свою лодку к отцовской и сказал:

— Пусти меня на весла.

— Сядь! — скомандовал отец и потащил моторку на буксире.

Абель встал и хотел перехватить весла.

— Сядь! — скомандовал капитан Бродерсен резким голосом, продолжая тащить моторку за собой.

Ни один из них не проронил по дороге ни слова. Отец здорово умотался, но злость у него прошла, и он сказал чуть сконфуженно:

— Вот видишь, Абель, какая дребедень — эти моторы.

Когда старый смотритель овдовел, ему понадобилась женская помощь, он через газету объявил, что ищет домоправительницу, и заполучил Лоллу. Это ж надо! Лолла всем взяла, сноровиста в хозяйстве, привыкла управляться с курами и свиньями, не замужем; стала на четыре года старше, и, стало быть, ей теперь двадцать четыре, она здоровая и

даже из себя ничего. Тенгвальд от нее бы не отказался, он теперь выучился на кузнеца и работал кузнечным подмастерьем, они вполне могли бы пожениться и отлично бы зажили, но немного спустя Тенгвальд вроде пошел на попятный. С чего вдруг? Может, не осмелился? Он был тихий, робкий паренек, не Бог весть какой даровитый, но верный и надежный. Едва ли ему было легко расстаться с Лоллой, но у нее были такие подвижные ноздри, и они ходили ходуном, когда она взглядывала на него. Он оправдывался тем, что ему надо заботиться о матери. «Да-да», — отвечала на это Лолла без особой тревоги. И что такое был для нее кузнец Тенгвальд?! Однако, когда немного спустя тот же самый Тенгвальд начал ходить с Ловисой Роландсен, а под конец и вовсе женился на ней, Лолла пробудилась для колких высказываний и насмешек: мол, они прямо созданы друг для друга, он не слишком будет ей докучать в постели, а ей не придется шить детские платья. Откуда, спрашивается, Лолле это знать?

Потом она снова была некоторое время почти помолвлена с фармацевтом, тем самым, который когда-то утверждал, будто Лолла перетренирована. Но на сей раз получилось так, что сама Лолла дала задний ход и не рискнула. Фармацевт заметно прихрамывал, а вдобавок слишком активно прикладывался к напиткам, представленным в аптеке, и с ним просто нельзя было показаться на люди — он все время ее толкал; у самой же Лоллы никаких телесных изъянов не было.

И тут она с откровенным вызовом поступила в услужение к старому капитану Бродерсену на маяк.

Уж верно, она знала, зачем ей это понадобилось, но когда Абель в своей моторке отвозил ее на маяк, она, прощаясь с родителями, не пролила ни слезинки. «Я ведь не за тридевять земель уезжаю, всего только на маяк».

На маяке она вела себя достойно во всех отношениях, сэкономила каждый грош, чтобы тем верней подольститься к старику Бродерсену, а по отношению к Абелю была исполнена понимания и вообще держалась как мать. Просто на диво хорошо держалась. Ведь смешно же было подзревать, что она готова выйти за человека, который со рока годами ее старше? И разве ему не предстояло вскоре уйти на пенсию и, возможно, прожить остаток своих дней в маленькой избушке на берегу? Паренек Абель — он еще ребенок, этого она и в мыслях не держала, этого она вроде бы остерегалась. Ясное дело, им доводилось разговаривать, обсуждать всякие повседневные дела и вопросы, но о

большем он ее не просил, а она, может, больше и не позволила бы.

— Трудно приходится вам, морякам, — говорила она. — Все время кругом одни мужчины. Могу себе представить... Днем еще куда ни шло, но вот ночью...

— Да, — сказал Абель.

— Конечно, вы свое наверстаете, когда сойдете на сушу, но это ведь не выход.

— Да, — сказал Абель.

Лолла поднялась, поставила ногу на стул и начала подтягивать чулок. И уж так она к нему по-матерински относилась, что спокойно пренебрегала его пылкими взглядами. Потом она повторила тот же маневр вечером, при свете, и тогда Абель положил руку на ее бедро.

— Это что значит? — с улыбкой спросила она.

— Ничего.

А старик тем временем сидел в башне, и его вдруг одолела тревога. Куда это годится, что он торчал у себя на верхо-туре и показывал карточные фокусы для собственного развлечения, а молодежь тем временем Бог знает чем занималась внизу. Надо самому поглядеть.

— Нечего тебе с ним заигрывать, — сказал он.

— С кем с ним? С мальчиком, что ли? — спросила она.

— Да, нечего тебе с ним заигрывать. Пусть уезжает.

— По мне хоть сейчас. Он, правда, обещал выучить меня водить моторку.

— Лолла, ты только не пойми меня превратно, я тебе в дедушки гожусь, но только с ним ты больше не заигрывай. Эти парни уж такие сумасброды...

Лолла улыбнулась:

— Ну, коли так, вы еще тоже в самой поре для заигрывания, как и положено здесь на маяке.

Он окинул ее взглядом с ног до головы: не потешается ли она над ним?

— Ни тебя, ни твоих родителей на свете не было, когда я уже был женатый человек, — сказал он покровительственным тоном.

— Представить себе трудно, — промолвила Лолла. — Но все равно, я отлично помню, как вы возвращались домой на своем большом барке — как же его звали-то?

— «Лина». Да, славная была посудина.

— Я стояла и глядела, как «Лина» входит в гавань, а потом на веслах шла к вам и поднималась на борт. Вы этого, пожалуй, и не помните.

— Ну, у меня там много перебивало народу. Но что-то я смутно припоминаю...

— Я тогда, конечно, была сопливая девчонка, а мне вы казались таким интересным мужчиной...

Черт подери!

— Хотите — верьте, хотите — нет, но мы, девчонки, рано начинаем разбираться в таких вещах.

— Вы только подумайте!

— Выходит, я некоторым образом ваша старая поклонница.

— Ха-ха-ха! — засмеялся старый шкипер, снисходя к неразумной молодости.

И впрямь через некоторое время после того, как Абель уехал и все снова пошло своим чередом, старый Бродерсен словно бы о чем-то призадумался. Хорошо иметь рядом молодую женщину, короче, он подровнял свою седую бороду и начесал на лысину седые прядки. Часто он зазывал Лоллу на башню, показывал ей там карточные фокусы, еще радовало его, что так мало уходит теперь кофе и масла. Старательная девушка, ничего не скажешь. Выучившись управлять с моторкой, Лолла теперь нередко уходила в город, причем изводила уйму горючего; с другой стороны, и это было хорошо: она уходила на моторке и, когда он собирался днем вздремнуть, в доме стояла тишина. Как ни говори, очень удачно, что он заполучил ее к себе в домоправительницы.

Ну, ухаживания особого, конечно, не получалось. Он слишком одряхлел. Какое-то время он куражился, выпускал толстую цепочку поверх жилета и носил сапоги с лакированными отворотами, отчего больше походил на капитана, чем на смотрителя маяка, но надолго его не хватило, он и впрямь слишком одряхлел. Когда стаял снег, и кусты на холме налились соком, и весна проникла в души людей, со старым Бродерсеном все произошло как раз наоборот; он почувствовал себя еще более старым и высохшим, чем обычно. Верно, он перенес на ногах небольшой грипп, и отварную рыбу ему подавали теперь не так часто, как при Абеле, словом, все было далеко не так здорово, как раньше. Лолла тоже не слишком пеклась теперь о том, чтобы развлечь его и вернуть ему молодость, как делала это осенью, она уже выслушала все его рассказы, переглядела все его фокусы, — и хватит с нее. А уж горючего она изводила просто ужас сколько. Пришлось ей об этом сказать.

— Ты так часто едешь в город, Лолла. Я не к тому, что ты запускаешь работу по дому, но керосина сколько уходит...

— Да, — согласилась Лолла. — А что мне прикажете делать? Сидеть на маяке со стариком и пальцем не шевельнуть...

Он не мог возмутиться и выгнать Лоллу. Правда была горькой, но пришлось проглотить. Он снова пытался развлечь ее, он от всей души этого хотел.

— Пойдем в горницу, Лолла, здесь много диковинных вещей из разных стран.

Он был трогательно смущен, когда начал показывать свои безделушки, объяснять, откуда он их привез, когда это было и сколько они стоили. Это был по большей части ничемный хлам, собранный в первые матросские дни, — луки и стрелы, раковины, маленькая оловянная фигурка Будды, оклеенная ракушками шкатулка, большая картина, нарисованная в Неаполе, с изображением барка «Лина». Он преподнес ей шелковый платочек из Китая, который красиво сложил и только потом протянул Лолле.

— Зачем он мне? — спросила та.

— Это шелк. Я тебе дарю.

— Спасибо. Я смогу его повязывать на шею.

— Сможешь, сможешь, он из Китая. Уж и не помню, сколько я за него заплатил, но все равно возьми.

Впрочем, и собрание редкостей скоро иссякло, а больше ему уже решительно нечем было ее развлечь. Ясно, что она слишком молода для него, для его дома, а молодость нынче куда как взыскательна. Но расстаться с ней после такой кратковременной службы и предстать в глазах людей человеком, от которого уходят, он тоже не мог. Как-никак, он достопочтенный капитан и смотритель маяка Бродерсен, у него две сберегательные книжки и хорошая репутация.

От Абеля пришло письмо, он писал, что в Сиднее уволился с корабля и поступил в мореходную школу. И впрямь старательный парень, он хочет чего-то достичь в жизни, отец испытывал законную гордость и, наведываясь в городок, рассказывал, что его сын поступил в мореходную школу. «Да, Абель далеко пойдет, — отвечали люди. — Он еще станет гордостью нашего города, других здесь нет и не предвидится», — говорили они.

Но и в Сиднее Абель не далеко пошел. Очередное письмо от него поступило уже из Новой Зеландии, из Веллинг-

тона, где он начал учиться на механика. Выбор был не из самых плохих, и отец снова начал возлагать на сына большие надежды. Дело в том, что кисть руки у Абея была устроена престранным образом — его мягкие пальцы свободно отгибались назад. Он изготовил медный ларец с двойным дном и вовсе без замочной скважины, открывался же ларец благодаря какой-то хитрой уловке. Между первым и вторым дном Абель заложил свинцовый шарик, и если несколько раз качнуть ларец из стороны в сторону, шарик закатывался в нужную ямку, приподнимал балансир и крышка отскакивала. Дьявольская выдумка. Старый Бродерсен слушал в свое время, как сын объясняет устройство ларца, но давным-давно позабыл об этом, теперь же он достал его и продемонстрировал Лолле как последнюю и самую редкостную достопримечательность.

В остальном же он больше не желал стелиться перед Лоллой, он просто хотел до конца сохранить хорошую мину. Она год провела на маяке, теперь ее держать не надо. Мало того, что она транжирила его кровные сбережения на горючее для лодки, она не всякий раз возвращалась к ночи на маяк. Его не так уж и тревожило, как она себя ведет, ему все равно через год уходить на пенсию и перебираться в город, но все-таки он предпочел бы, чтобы из уважения к нему она позаботилась получить от него хорошую рекомендацию. Не бывать дома по ночам — ну куда это годится?! Он слышал в городке всякие пересуды о ней: мол, дома у родителей она говорит, что ей опять надо ночевать на маяке, а ему — что проведет ночь дома.

Как-то утром он спустился к лодке, вычерпал из нее воду, а затем поковырял в моторе то ли гвоздем, то ли еще чем, и когда Лолла днем пришла, по обыкновению собираясь в город, мотор не пожелал заводиться. А капитан как на грех спал и помочь не мог, но Лоллу даже и это не остановило, она села в простую лодку и пошла на веслах — и до городка все-таки добралась. Лихая женщина эта Лолла, впрочем, человек она была не совсем нормальный и очень легко вспыхивала. У них с фармацевтом вроде опять все наладилось, люди видели, как поздними вечерами она через заднюю дверь шмыгает в аптеку, когда фармацевт дежурит. Ну куда это годится?!

Капитану Бродерсену было бы и наплевать, но на его репутацию бросало тень то обстоятельство, что именно за этот год у него в доме она так распустилась. Пришлось ему испытать и горькое унижение, когда однажды он встретил на улице хромого и пьяного фармацевта и у того из нагруд-

ного кармана свешивался шелковый китайский платочек, тот самый, что он купил в 1887 году за свои кровные.

Много труда стоили ему предотъездные сборы, но тут Лолла снова взялась за ум и хорошо ему помогала. Они собирали, укладывали вещи, и дел у них было полно, так что на разговоры почти не оставалось времени. Полюбопытствовав и услышав от него, где именно он снял себе комнату в мансарде, она одобрительно кивнула, что, мол, место там хорошее.

— Ну как, мы все собрали? — спросила она. Он считал, что все. Для тех вещей и предметов, которым не сыскалось места в новом жилье, он снял сарай, а всю живность с маяка распродал. Остались после него только декоративные кусты, посаженные матерью Абеля. Сажала их она десять лет назад, еще до того как заболеть, теперь же она умерла. Ну а кусты остались. Бродерсен покачал головой. Что с этим делать? Уж конечно, он не получит возмещения от нового смотрителя.

И тут они с Лоллой расстались, сказав друг другу на прощание: «Спасибо за компанию».

III

Жизнь в городе сложилась удачнее, чем он мог предполагать. Он написал Абелю, что снял себе комнату в мансарде и обставил ее собственной мебелью — кровать, стол и несколько стульев, точь-в-точь как выглядела его спальня на маяке. Он ничего не готовит, ест всухомятку, а обедает на стороне. «Главное, уложиться в пенсию», — писал он сыну.

Его повседневная жизнь протекала без особых событий, но зато и без трудностей. По утрам — прогулка до рыбацкого причала, когда там пристают лодки с макрелью. На кладбище ему надо было приглядывать за могилами обеих жен, как того требует обычай. После обеда — хорошенько выспаться. Порой он встречал в городе какого-нибудь знакомого, отставного шкипера, который так же слонялся без дела, как и он сам. Шкиперов этих было изрядное количество — Кьербу, к примеру, и Крум, и еще Тенгвальд, и Рибер Карлсен, отец богослова. Если встречался именно Кьербу, это, пожалуй, было лучше всего, Кьербу уже столько годов пробыл на этом свете, что почти ничего не смыслил и разговор с ним совершенно не утомлял.

Вместе они прогуливались до маленького парка и по дороге беседовали. Устав, присаживались на скамейку. Хоро-

шо, когда можно отдохнуть, сразу после разговора нет ничего лучше, чем немножко отдохнуть. Все они были так полны одиночеством и старостью, так дряхлы, что уже почти начали умирать. Кьербу — тому и вовсе перевалило за семьдесят пять.

Тем для разговора особых не было, кроме общих знакомых по морской жизни, старых капитанов, отошедших от дел: вот один из них, например, лишился своей собаки, к которой был очень привязан, а другому пришлось продать свою долю в пароходе, чтобы как-то прожить. Другой — это был Рибер Карлсен, ну тот, что послал своего сына изучать теологию. Через какие-то трудности им всем пришлось пройти. И вообще-то Норем только для форсу гулял по городу с собакой. Ведь не родился же он с собакой, а был обыкновенный, простой человек, вот как ты да я.

— А чем болела его собака?

— Она была слишком старая.

— Значит, он завел себе новую?

— Вот уж не могу сказать. Когда я говорил с ним последний раз, он еще раздумывал.

Какая-то женщина натянула веревку между деревьями в парке и развешивала на ней белье. Права такого у нее не было; и они перешли на эту тему. Дамские панталоны висят средь бела дня, являя миру нескромный разрез. Оба сделали вид, будто не смотрят в ту сторону, а про себя задавались вопросом, что это за женщина, которая позволяет себе так осквернять парк. Ничего не скажешь, белье у нее красивое и белое, но они смотрят мимо панталон, на наволочку, висящую рядом, словно у нее Бог весть какой необычный фасон, с четырьмя углами.

Потом все-таки не выдерживают.

— Хоть бы панталон этих здесь не было, — сказал Кьербу.

— А я на них и не гляжу, — ответил Бродерсен.

— Как же не глядеть-то, когда они висят?

— Да, ты у нас всегда был мастак по этой части.

— Мастак не мастак, а не свел, как ты, в могилу двух жен. Ха-ха-ха!

— Твоя правда, зато сколько ты детей настрогал, полдюжины или целую дюжину, свинья ты эдакая!

Все сплошь дружеские подковырки. Они выхваляются друг перед другом, делают вид, будто еще куда-то годятся.

— Кстати, вспомним про другое, — говорит Кьербу, — ты читал про шторм в Атлантике?

— Нет.

— Где ж тебе, ты ведь у нас ударился в религию. Ты небось читаешь только «Благуя весть».

— Я и ее не читаю, у меня нет денег выписывать газеты.

— А на что ты бережешь деньги?

— На место последнего успокоения на кладбище.

Поразмыслив над его ответом некоторое время, приятель говорит:

— Ты еще можешь долго прожить.

Молчание.

Собака проходит мимо, обнюхивает дерево и поливает его. Пусть, конечно, поливает, но как раз под деревом растет кустик одуванчиков с роскошными цветами, и шмель направляет свой полет прочь от одуванчика. Собака завершила свои дела, трусит дальше, принюхивается, находит очередное дерево...

— Разное болтают, — говорит Кьербу, — у тебя нет денег на газету, а банки набиты твоими деньгами.

Бродерсен с досадой:

— Ну и скотина же ты.

После чего оба выдыхаются, на большее у них не хватает ни ума, ни познаний. Если день теплый, они начинают, сморившись, клевать носом.

Ни с того ни с сего, чтобы скрыть, что он спал, Кьербу говорит:

— А у тебя есть чем промочить горло, если я ненароком загляну когда-нибудь к тебе?

— У меня, промочить? Да я каждый день благодарю Бога, если найду чего пожевать.

— Я просто так спросил.

— Я только что поставил новые подметки на башмаки, и мне это влетело в четыре кроны.

— Да, деньги текут как вода. Вот я тоже на прошлой неделе смазывал свою лодку.

— А у меня и лодки-то больше нет, — говорит Бродерсен.

— Ну да, ты все свои лодки обратил в деньги.

Бродерсен пропускает его слова мимо ушей и говорит:

— Мне бы пора волосы подрезать, но дело терпит. Ты ведь знаешь, сколько они за это сдерут.

Утомясь, они снова погружаются в дремоту.

Вечереет, ветерок пробегает по деревьям, и листья ясеня издают шелковистый шорох. Безграничное одиночество, только порой вспорхнет какая-нибудь пичуга.

Через несколько минут оба просыпаются, и, уж конечно, никто из них ни спал. Они слегка посвежели после отдыха и могут возобновить разговор. Начинает Кьербу:

— Ума не приложу, зачем Норему собака.

— Верно, — поддакивает Бродерсен.

— А ты помнишь того, в Бревике, который загнал свою лодку и на эти деньги купил себе попугая, чтоб сидел у него на плече?

Бродерсен только головой покачал на такую дурость.

— Мне теперь кажется, что всего лучше иметь как можно меньше такого, о чем надо заботиться.

— Я слышал, ты продал моторку таможеннику Робертсену?

— Моторка-то была не моя, я отправил деньги Абелю.

— А зачем Робертсену моторка?

— Да, зачем ему моторка? У него и так есть две лодки.

— Он когда-то ходил у тебя в штурманах.

— Помню.

— А потом подался в таможенники.

— Думаешь, я не знаю. Да я его каждый день вижу. Но чтобы три лодки...

Но из Кьербу уже выветрилась вся живость, он втягивает голову в плечи, он зябнет.

— Мы так и будем здесь сидеть? — спрашивает он.

— Нет, — отвечает Бродерсен и начинает медленно приподниматься.

Его приятель наконец тоже встает и зевает.

— Я бы не прочь сейчас очутиться дома, — вздыхает он. — Дорога неблизкая.

Бродерсен, который пятью годами моложе:

— Для меня это не расстояние.

— Я ж тебя не прошу, чтоб ты меня нес на руках.

Так они препираются по дороге домой и тем немножко подбадривают друг друга.

— Сдается мне, ты заходишь в кильватер.

— Где ж мне тягаться с таким молодым парнем.

— Просто ты бережешь новые подметки.

Они ковыляют, они движутся. Дорога и впрямь неблизкая...

* * *

Немного спустя Абель написал, что вернулся в Сидней, а школу механиков в Веллингтоне он бросил, учиться слишком долго, а будущее ненадежное, да к тому же все три не-

дели в Веллингтоне стояла прескверная погода. Здесь, в Сиднее, он записался было в мореходную школу, но учителя его отставили и сказали, что ему все равно не потянуть. Ему и впрямь это было нелегко, когда и язык чужой, и денег на жизнь так мало. Теперь он подрядился идти в Квебек. В Канаде его знают с прошлого раза, уж там-то он как-нибудь устроится.

Странный он тип, этот Абель, мотается по всему свету и нигде не осядет.

А как насчет того, чтобы хоть чем-нибудь стать? В Квебеке он, кажется, осел надолго, и даже прислал оттуда несколько писем. Он работает вроде как механиком или кузнецом при новом форте, который еще не достроен. Миновало два года с тех пор, как Абель последний раз уехал из дома.

Теперь старый Бродерсен далеко не так охотно толковал о своем сыне, разве если спрашивали напрямую, отвечал, что спасибо, что, мол, Абель хорошо устроился механиком в крепости и зарабатывает отлично. Но когда этот перекаати-поле написал отцу очередное письмо, где сообщал, что покинул Квебек и устроился в лесу на лесопильне, отец только головой покачал, усомнившись, станет ли его сын когда-нибудь человеком. Впрочем, одного у Абеля не отнять: он всякий раз выкручивался сам и ни разу не попросил помощи из дому, вдобавок он вроде бы не жаловался на свою переменчивую судьбу и всегда был доволен.

Шли дни, и старый Бродерсен немножко сдал, но все так же влачил свои праздные дни, дома — скудно и всухомятку, а обед — в трактире. Оно бы и ничего, но мало для настоящего мужчины, да и глядеть, как швартуются у причала катера с макрелью, тоже круглый год нельзя, вдобавок во всем городке не осталось ни единой улочки, что была бы ему незнакома. Конечно, он ходил вечерами на свой наблюдательный пункт, проверял, горит ли лампа на маяке, мигает ли как положено, мало ли какая возникнет в нем нужда. Но для настоящего мужчины этого мало.

Постоянные отношения он поддерживал только с Робертсенами. Сам Робертсен когда-то служил у него штурманом, но моряк он был не ахти, без всяких шансов в будущем самолично стать капитаном, а потому и подался на таможеню, где его повысили в чине, так что он даже процветал со своим твердым жалованьем. Жили при нем две дочери-подростка, а ему с женой перевалило за сорок.

Уютный дом, куда приятно зайти, здесь для старого Бродерсена сразу смахивали пыль со стула, здесь можно было задаром набить трубку, вдобавок его всегда величали здесь капитаном, как уж повелось с моряцких дней Робертсена.

— А теперь присоединяйтесь, капитан, — говорила жена Робертсена, — похлебайте с нами горохового супа.

Бродерсен отнюдь не возражал: он таким манером экономил крону на обед. Да вдобавок суп был не простой, а из костей копченого мяса, с чабрецом и луком, и полно гороху. А на закуску — трубочка.

Обычно семейство спрашивало про Абея. И жена и дочери проявляли к Абею неизменный интерес, словно у них была при этом какая-то задняя мысль. Но Бродерсен, вместо того чтобы ответить, переводил разговор на другие темы:

— Говорят, в Атлантике был страшный шторм.

— Да, ужасный, — говорил и Робертсен, — хорошо, нас там с вами не было.

— А что, мы, может, и справились бы.

— Не сомневаюсь. Уж я-то достаточно вас знаю.

— Одного не пойму, — говорит Бродерсен, — чего они нынче поднимают столько шума из-за каждого шторма? Кричат и суетятся и рассылают телеграммы по всему свету. Вам ведь тоже доводилось угодить под холодный ветер, штурман?

Робертсен покачивает головой. Они напоминают друг другу про тот случай и про этот.

Подают кофе.

— Благодарствую, — говорит Бродерсен, — но я пришел не затем, чтобы съесть целый обед.

Жена спрашивает про Абея:

— Он домой не собирается?

— Да нет! — только и отвечает Бродерсен, помотав головой. — А как вам моторка, штурман?

— Вполне. Летит как вихрь. Я ее выкрасил.

— Стало быть, вы довольны?

— Абсолютно. — Робертсен помешан на лодках и не в силах остановиться, когда о них заходит разговор. У каждого свой конек — у кого лодки, у кого почтовые марки.

— Толковый парень этот Абель, — говорит он. — В ней восемнадцать футов длины, а мотор на три лошадиных силы...

Робертсен еще не договорил до конца, но жена перебивает его:

— Капитан, вы мне так и не ответили про Абея. Он вам не пишет?

— Как не писать, по письму из каждой страны на карте. Но вот штурман Робертсен и я, мы знаем, чего хотим, и твердо этого держимся.

Робертсен:

— Абель, его сын... Как подумаю, что две лошадиных силы — это слишком мало, а четыре слишком много при таких размерах, но Абель это знал...

— Да будет тебе, — перебивает жена. — Он из каждой страны вам пишет? Значит, он много разъезжает?

Бродерсен, коротко:

— Да.

На сей раз Робертсен укрощен и вступает:

— Да, он приглядывается, тут ничего не скажешь. Последний раз он был в крепости, уж можете мне поверить, что только достойных людей допускают ко всяким секретам.

— Да, напоследок в крепости, но это было еще в прошлом году. А потом на лесопилке.

— Ох уж этот Абель. Все-то он хочет перепробовать.

— А теперь он переехал в Штаты.

Жена:

— Вы недавно получили письмо?

— Да. В общем-то, недавно.

— Но ведь у него все в порядке?

— Какое в порядке, — рывкает Бродерсен, — когда он женился.

— Женился? — хором ахают жена и обе дочери.

— Вот удивительно, — говорит Робертсен.

Семейство приходит в себя и продолжает расспросы:

— Значит, у него теперь, наверно, куча денег? А как она выглядит? Он, конечно, выслал вам фото?

Бродерсен отвечает коротко и желчно, как бы подытоживая:

— Он никогда не присылает ничего и никаких объяснений тоже. Кроме того, что ему надоело мотаться по свету и потому он женился на девушке из южных штатов.

В комнате воцаряется тишина. Тут уж Робертсену надо спасать положение, а потому он продолжает:

— Вот увидите, он подстрелил золотую птичку.

Старый Бродерсен начисто исключает эту возможность, если бы так, он бы послал чек старому отцу. Неужели это такое уж чрезмерное требование? Но даже будь у нее миллион, все равно ему бы надо сперва чем-нибудь стать, а не жениться очертя голову. Вы только поглядите на молодого Рибера Карлсена — совсем высоко поднялся, уже стоял в

нашей церкви при полном облачении и читал проповедь. Абель ничего не доводит до конца, все меняет и меняет. Интересно, чем он займется, когда приедет сюда со своей мадам? Не машинист, не моряк, корабля ему не получить...

Робертсен осовел, он сидит и зевает:

— Ничего, он еще молодой.

Бродерсен благодарит и хочет уйти.

Мимо окна проезжает целая процессия — ландо, запряженное парой лошадей, — свадебный кортеж. Это что ж такое? Дамы бросаются к окну и восклицают, перебивая друг друга:

— Это Ольга, она сегодня обвенчалась! Ты только погляди, она нарочно поехала обратно другой дорогой, мимо нас, чтоб весь город мог полюбоваться.

Бродерсен, словно издалека:

— Ольга?

— Аптекарева Ольга! Она такая своенравная, на нее управы нет с тех пор, как умерла ее мать. Ты только подумай, сначала она обручилась с Рибером Карлсеном, который стал пастором, потом она с ним порвала, когда его направили в Финмарк. Нет, туда Ольга ехать не пожелала! Потом она обручилась с молодым Клеменсом, сыном нотариуса, но он звезд с неба не хватает...

Старый Бродерсен трюхает к дому. Он возмущен Абелем, но его утешает, что он сберег крону на обед. По пути он заходит к своему бакалейщику за провизией и спичками, но его разморило от горохового супа и тянет домой вздремнуть после сытной еды.

— А в городе у нас свадьба, — говорит старый бакалейщик.

— Ну да, ну да, и флаги подняты, и карета запряжена парой, ну прямо как в южных штатах. А помнишь, как у нас с тобой было, Вестман? Мы откладывали свадьбу, пока чего-то не достигли в жизни.

— Да, в этом смысле... да, пожалуй, мы можем сказать про себя...

— А нынешние что делают? Очертя голову, женятся в двадцать четыре года, не выучив никакого ремесла, никакой науки, чтоб с нее жить...

— Ну, молодой Клеменс, он сидит юристом в отцовской конторе...

— ...И, уж конечно, на девушке без гроша в кармане.

— Не знаю, о ком ты говоришь, — коротко отвечает бакалейщик. — Аптекарь — человек состоятельный...

— Да кто говорит про аптекаря? Я говорю про Абея, моего сына. Взял и женился. Ни разума, ни стыда! Ты еще не знаешь Кентукки, она, может, и вовсе негритянка...

IV

А больше от Абея писем не было.

Старый Бродерсен жил себе в мансарде и не слишком бедствовал, видит Бог, не слишком. День да ночь — сутки прочь. Ничего не скажешь, осень — тяжелая пора, и он невольно вспоминал молодые годы, когда и осень, и темнота, и холод были приятной забавой. Сейчас — совсем не то, но без доктора и без лекарств он как-то до сих пор обходился. Люди говорили, что он хорошо выглядит. Про себя он считал, что в сердце у него есть какой-то изъян. Кое-что об этом говорилось и в его книге «Лечебник для моряков».

Потом к нему начала захаживать Лолла. Вообще-то странно, но она захаживала, и это отнюдь не было ему неприятно. После маяка она на другое место не поступала, жила с родителями, и ничего худого про нее теперь не говорили. Мужа у нее не было и детей тоже, хотя и фармацевта при ней не было. Отошло в прошлое. Конец. Зато с ее домом дела обстояли не очень хорошо — его пришлось продать, и семейство перебралось в домик на берегу. Судьба. А тут еще среди всего этого разора всплыла неприглядная история насчет ее отца и служанки. В общем, все было из рук вон плохо.

Итак, однажды под вечер Лолла заявила в мансарду. Бродерсен только что завершил свой послеобеденный отдых и потому был довольный и умиротворенный.

— Батюшки, никак, это ты, Лолла? — таким вопросом встретил он ее.

— Вроде больше некому, — отвечала она и была, как обычно, живая и расторопная. Оглядевшись по сторонам, она сказала: — Так я и думала, мне бы давно сюда прийти, постирать и прибраться.

Бродерсен отвечал, что есть у него женщина, которая иногда приходит, делает постирушку и наводит порядок, но Лолла только фыркнула:

— Ничего себе порядок! Взгляните только сюда! И туда! И на потолок!

Затем, сбросив с себя верхнюю одежду, она слетала за водой, отыскала все, что ей может понадобиться для уборки, и приступила к делу.

За прошедшее время она несколько осунулась и похудела, как ему показалось, но от работы снова похорошела и раскраснелась и все время подбадривала его своей болтовней. На редкость работающая особа, эта Лолла, куда симпатичнее, чем раньше, да и ноздри у нее уже не такие легкомысленные. Она залезла на стул и намывала стены под самым карнизом, он же сидел и глядел, как она шурует, а особенно разглядывать ее ноги ему и в голову не пришло.

Управившись с уборкой, Лолла сказала:

— Ну, разве я не заслужила чашечку кофе и какое ни то угощение?

— Верно, — ответил он, — но у меня навряд ли есть что-нибудь подходящее. Посмотри в ящике.

Она сама сварила кофе, отыскала кой-что из сухих припасов, и они явно пришлись ей по вкусу. Она ела как голодная.

Через несколько дней она пришла снова. На угощение опять ушло кофе и кое-что из съестного, но само ее присутствие его радовало, и он нарочно купил побольше на ее долю, чтоб она была довольна, и в последующие недели он не раз повторял: «Как славно, что ты ко мне заглядываешь». Поэтому она через небольшие промежутки времени приходила снова и снова, и ей всякий раз были рады.

Конечно, она не могла постоянно стирать гардины или прибираться, но она могла привести в порядок постель, а один раз даже пришила ему пуговицу и кое-что подлатала, — она была на все руки, эта Лолла. И еще она просила его показать ей карточные фокусы, хотя пальцы у него теперь плохо гнулись. В знак благодарности он велел ей написать вместо него письмо Абелью, сам он уже не мог удерживать перо такими пальцами.

— Напиши, что уже год, как родной отец ничего о нем не слышал. Скажи, что родной отец послал ему два письма и ни на одно не получил ответа. А в конце можешь добавить, что сама пожелаешь. Тебе известно, что он женился?

— Да, я слышала.

— Хорошенькое дельце.

Но время шло, Абель не ответил и на Лоллино письмо, впрочем, и обратно письмо не вернулось, значит, он не умер.

Больше Абель вообще не писал.

Бродерсен по большей части сидел дома и мало кого видел из людей. Кьербу был неплох для компании, про Крума и Норема тоже худого не скажешь, но жизни они с собой не несли, напротив, были старые и придурковатые. К Робертсенам он тоже больше не ходил, семейство выкинуло из голо-

вы своего дорогого капитана, — поди догадайся, почему. А если ему и доводилось встретить на пристани самого таможенника, тот кроме как о лодках ни о чем говорить не мог.

Лолла же начала приходить реже. Она теперь поступила в услужение к новобрачной, к Ольге и Ольгиному мужу, Клеменсу-младшему. Не сказать чтобы парочке очень нужна была помощница по хозяйству, но так уж полагалось. Сам Клеменс остался в отцовской конторе, но одновременно открыл по соседству адвокатскую практику, на случай, если ему поручат вести какое-нибудь дело. Для новичка это непросто, тем более что Клеменс был слишком хорош собой, а потому и не пользовался уважением.

Чета Клеменсов навевдалась иногда в винный погребок и вообще не избегала городских развлечений. Ольга в роли молодой жены была очень мила, она рассыпала улыбки всему свету и держала мужа под руку.

Нельзя же было надеяться, что капитан Бродерсен так никогда и не узнает про некую бумагу в Частном банке с его, Бродерсена, подписью. Нельзя же было надеяться, что эта история не выплывет когда-нибудь на свет Божий — или все-таки можно?

Во всяком случае, для начала к нему в мансарду поздним дождливым вечером заявила Лолла; Бродерсен уже лег и собирался заснуть, но тут как раз пришла она. Была она мокрая и озябшая и попросила разрешения снять с себя одежду, но теплей ей от этого не стало. На полу вокруг нее натекла лужа.

— Господи, — сказал Бродерсен, — ты с чего это такая мокрая?

— У меня свободный вечер, — ответила Лолла.

— Ты ходила по улице?

— Ходила и думала.

Он пожалел ее и предложил ей развести огонь в печке.

— Да, — сказала она, — вот...

Но после этих слов она подошла к постели, пощупала ее и увидела, как там тепло.

— Дозвольте мне прилечь сюда ненадолго, — попросила она, — полежать рядышком с вами.

— Сюда? — вырвалось у него. И он привстал, как бы желая уступить ей место.

— Да нет, с самого краешку. Пока я не согреюсь. — С этими словами она сбросила почти всю одежду и чуть не нагишом юркнула в постель.

Заговорили они лишь спустя некоторое время.

— Где это ты так замерзла?

— На улице. Я ходила и думала.

— Думала?

— Но я скоро разогреюсь. Здесь так тепло.

— Придвинься ко мне. В кровати места много.

— Да, спасибо, — ответила она и прижалась к нему и робко положила руку на его живот под одеялом.

Он подоткнул под нее одеяло и сам устроился рядом. Чудеса да и только. С ним такого не было, может, с полсотни лет. Но все так хорошо и так скромно, а в супружеской постели, перенесенной с маяка, места хватает для двоих.

— Думала? — переспросил он, не совсем ее понимая.

— Да, думала. Больше я теперь ничего сказать не могу.

Они помолчали.

— Но твоё платье лежит на прежнем месте и все такое же мокрое.

— Не беда. Когда я разогреюсь, я его надену, и оно прямо высохнет на теле.

Вот теперь он узнавал прежнюю, энергичную Лоллу. Она никогда не теряется.

— Ну, я согрелась, так что если вы думаете...

— Придвинься поближе, Лолла, и согрейся как следует.

Я тебя не съем.

Мало-помалу соприкоснулись их груди, ноги, соприкоснулись и не отпрянули.

А потом они начали восхвалять друг друга за совершившееся.

— Вот уж не думала, не гадала, что вы такой удалец.

— Это ты меня раззадорила. Ты такая неистовая.

— Только бы мне не влипнуть.

— Влипнуть? Пустяки! — Он вдруг стал рыцарственным и преисполнился мужского достоинства. — А если что и случится, ты всегда можешь положиться на меня. Помни это.

— Да.

— Я за себя отвечаю, как мужчина.

— Да Боже ты мой, вы и есть самый настоящий мужчина!

— Как вспомню про Кьербу, не могу удержаться от смеха, — сказал он. — Ты ведь его знаешь?

— Да.

— Капитан Кьербу. Только он уже до того старей и вообще совсем сдал. Он давеча хотел далеко сплюнуть, но зубов-то у него нет. И ничего из этого не вышло — вся слюна попала ему на башмаки.

— Ха-ха-ха! — рассмеялась Лолла.

— Просто горе дожить до такой дряхлости. Только не думай, что Крум много лучше. Ты ведь знаешь Крума? И Норема тоже? А сейчас я встану и разведу огонь в печи для твоего мокрого платья, — сказал он и приподнялся, желая выглядеть молодым как никогда.

— Нет и нет! Я сейчас сама встану и уйду.

— А тебе тепло?

— Да, — она многозначительно улыбнулась, — мне очень тепло.

Оставшись один, Бродерсен долгое время лежал и казался себе чужим и ненастоящим. Неправда все это, и сам он — не он. Потом он забылся тяжелым сном.

Больше она не приходила.

Спустя четыре дня он вышел поискать ее. Нет нигде. Спрашивать о ней у молодого Клеменса он не рискнул, но он слонялся неподалеку от его дома на случай, если она выйдет за покупками. Добрел он и до ее дома — жалкой маленькой халупы на берегу, но и там Лоллы не оказалось. Он встревожился. Спустя еще неделю он постучал в дверь Клеменсовой кухни. Там он застал жену Клеменса. У старого Бродерсена даже побежала струйка слюны изо рта, до того он растерялся.

— Лолла? Нет, Лоллы здесь нет. Передать ей что-нибудь?

— Спасибо, ничего. Совершенно ничего. Совсем ничего.

— Ну, нет так нет.

— Вам, может, покажется странно...

— О нет, капитан, что ж тут странного, — приветливо говорит молодая женщина. — Лолла работала у вас на маяке.

— Да-да-да, конечно, на маяке. Мы знаем друг друга. Но вообще-то я так. — Лишь у дверей он договорил: — Тут кое-что от ее матери. Пустяки.

Но куда подевалась Лолла? Кто ж так себя ведет? Теперь Бродерсен до того по ней изнывал и томился — просто самая злая карикатура на старость. Где пропадает Лолла? Он снова начал украшать себя — часовая цепочка, сапоги с отворотами, он даже разорился на стрижку, а по ночам его донимали греховные сны. Писем от Абея все не было и не было. Бродерсен был один-одинешенек на белом свете.

Таможенник Робертсен пришел к нему с пожеланием и с просьбой, чтобы капитан поручился за него под банковскую ссуду.

— Я? — сказал Бродерсен. — Нет.

— Это совсем маленький заем, каких-то шестнадцать сотен, они нужны, чтобы сделать пристройку к дому.

— Нет и нет, и говорить незачем.

Потому что дочери у Робертсена, можно сказать, почти что взрослые, им нужна комната побольше, а то и по комнате для каждой, как теперь принято.

Бродерсен в ответ лишь отрицательно мотал головой.

Робертсен:

— Не пойму, чем я плох, человек с твердой службой, три лодки, дом и сад.

— Не старайтесь зря, штурман, я этого не сделаю. Просить меня! Вот уж чего я никогда не делал.

— Так-таки никогда? — спрашивает Робертсен.

— Никогда.

— А я кое-что слышал, будто раньше вы так делали, капитан.

— Я? Когда это?

— Ставили свою подпись.

— Нет, штурман. И хватит об этом.

Потом навалилась другая неприятность. Новый смотритель маяка заявил, что ни гроша не заплатит за декоративный кустарник, который остался расти на холме. Бродерсен запросил совсем немного и надеялся получить хоть маленькое возмещение, но ничего у него не вышло. Пусть, мол, забирает кусты, если хочет...

И Лоллы нет, чтобы все это с ней обговорить. Он был один-одинешенек на всем белом свете.

V

А тут пришла Лолла.

У нее просто не осталось другого выхода, это собственный отец загнал ее в угол прежде, чем задать деру. Перед тем как покинуть дом и город, он оставил долгу на тысячу крон и фальшивую расписку в Частном банке.

Лоллу словно ударило, когда мать рассказала ей об этом несчастье, но она была сильная и бесстрашная, она тотчас поступила в услужение к молодым Клеменсам. Работы почти никакой, но и жалования тоже никакого, чтобы рассчитываться с банком, словом, у нее были все основания в свободный вечер ходить и «думать». Думала она, думала и придумала, что надо заставить Бродерсена выручить фальши-

вую расписку. Тогда она пошла к нему и у него осталась. Вот как было в первый раз.

Потом она надумала, что не надо спешить к нему второй раз, — пусть ждет, пусть томится. Но, повстречав таможенника Робертсена, она поняла, что ей грозит опасность. Робертсен сказал: «Я был у твоего старого зрителя, просил, чтобы он поручился за меня, но он не хочет». Лолла удивилась: «Разве ты когда-нибудь слышал, чтобы он хоть за кого-то поручился?» — «Да, — ответил Робертсен и посмотрел на нее со значением. — Я кое-что такое слышал, раз уж ты спрашиваешь». И, почувствовав опасность, Лолла второй раз пошла к Бродерсену.

Но это было не вечером, а самым что ни на есть ясным утром. Так по-разному вела она себя в два своих прихода.

Она была не совсем уверена в себе и робко на него поглядывала, не проведет ли он, часом, что-нибудь. Вроде нет. Он просто извелся без нее. Он сказал:

— Благослови тебя Бог, где ты так долго пропадала?

— Я? — переспросила она, мгновенно исполнившись тревоги и отчаяния: ах, ах, она просто в ужасе, ее жизнь, можно сказать, висит на волоске.

— Господи, в чем дело?

Она попалась, как и предполагала.

— Как так попалась? С чего это вдруг? Ерунда какая!

Ведь надо же, чтобы такая беда приключилась именно с ней. Она, можно сказать, уже умерла, она уже одной ногой стоит в могиле.

— Да спокойней ты. Иди сюда и сядь ко мне на колени.

— Но, — продолжала она, — никто в этом не виноват, кроме меня самой. А все потому, что я так замерзла в тот вечер.

Бродерсен совершенно поглощен своими мыслями, он хочет, чтобы она сняла одежду и осталась с ним.

— Никто не виноват, кроме меня самой. — И она качает головой. — Но вы вроде бы обещали мне помочь?

— Да. Да-да.

— И поддержать меня? Потому что время подпирает.

— Это неправда. Пустые страхи, потом сама увидишь.

— К сожалению... уж мне-то лучше знать.

Молчание.

— Немножко денег — это же для вас пустяки, капитан. А для меня... когда вся моя жизнь...

— Да, конечно, да-да, давай спокойно все обсудим и пораздумаем.

Она наседала:

— Очень хорошо с вашей стороны, что вы обещали мне помочь.

— Лолла! Но почему ты не приходила? Знаешь, сколько времени прошло с тех пор, как ты была здесь? Могла бы и зайти.

— Я не смела.

— Но раз уж ты пришла, раздевайся и устраивайся поудобнее.

— Мне позарез нужна тысяча крон.

— Сколько? — шепотом переспросил он.

Они не смогли уговориться. Он настаивал на отсрочке: надо подождать, посмотреть, так оно все или не так.

— Снимай платье и устраивайся поудобнее!

Она спросила, как он только может думать про такое, и не пожелала к нему приблизиться.

Ни сейчас, ни вообще больше никогда.

— Да и некогда мне оставаться, — сказала она. — Мне на рынок пора.

— Ну тогда приходи вечером.

— Нет, — сказала она и покачала головой.

— Нет?

— А чего ради приходите? Когда вы не желаете помочь мне, как обещали.

— Ну почему ж не желаю. Но тысяча крон...

— Вы ведь не знаете, сколько надо.

— Сколько стоит платье? — спросил он.

— Я ведь не на платье прошу.

— Но сколько все-таки стоит платье? Я подумывал насчет красивого платья для тебя. Ну, скажем, пятьдесят крон?

Лолла находчиво опустила ему на колени и сказала:

— Ну, довольно шуток. Платье, и шляпка, и туфли, и перчатки, словом, самое малое — двести пятьдесят крон.

— Ну так уж и двести пятьдесят, — только и сказал он, а сам был до того занят тем, чтобы удержать ее у себя на коленях, что даже и не слышал собственных слов.

— И если вы дадите мне денег на такое платье...

— Да уж, видно, придется. Вечером будешь?

— Буду.

Он хотел сопровождать ее, дойти вместе с ней до банка и взять там деньги, но она не пожелала. Пусть он напишет бумажку, ну, чек, одним словом, и даст ей.

Вот как много сумела достичь Лолла.

А потом она снова от него скрылась. И вечером не пришла, и платье себе не купила. Она отнесла в банк его чек в уплату долга и тем выгадала несколько месяцев отсрочки. Вот, пожалуйста, чек от самого должника.

Ей нелегко было уклоняться от встречи с ним в последующие дни, это требовало больших ухищрений и труда. Она начала ходить за покупками на дальний рынок, а на улице она глядела во все глаза и видела зорче, чем все остальные.

В дальнейшем Лолла снова «подумала», а подумав, усомнилась в правильности своего поведения. Точно ли она вела себя разумно? Она еще много должна, да вдобавок на ее попечении осталась мать. К тому же существовал риск, что в любой день история с фальшивой распиской может выйти на свет. И вот однажды, подстроив так, чтобы встретиться на улице Бродерсена, она уже знала, как ей поступить.

Какое-то мгновение казалось, будто он хочет свернуть в сторону, избежать встречи как человек обиженный и оскорбленный, но она помахала ему и остановила.

Зорко оглядевшись по сторонам, она сказала ему вполголоса:

— Я все время так тревожилась, вы знаете из-за чего. Я рыдала день и ночь, вы ведь знаете, довольно самой малости, и беда случится.

— Да.

— Но теперь опасность наверняка миновала.

Внимательно оглядевшись по сторонам, она тихим голосом произнесла:

— Здесь я больше ничего не могу сказать, но я приду к вам вечером, если вы пожелаете.

Он сперва пробормотал, что она уже много чего сулила и обещала, но скоро сдался. И хотя вообще-то он держал путь на кладбище, к могилам обеих жен, тотчас повернул домой, чтобы навести там порядок.

Вечером она пришла.

И была она ласковая и красивая и отважная.

— Я не надела новое платье, — заявила она, — я на это не решилась.

— Пустяки, — сказал он.

— А теперь слушайте: я думаю, что все в порядке.

— Вот видишь! Так я и знал!

И полагая, что теперь им уже ничто не помешает, начал возиться с ее пуговицами.

Она воспротивилась.

— Но я так долго тебя ждал. Один раз, единственный раз — и потом ты исчезла.

— Да... но, правда ваша, неужели вы не можете забыть тот единственный раз?

Оказалось, что не может.

— Значит, все, что мы тогда делали, для вас незабываемо?

Он в ответ только кивнул, что, мол, да, незабываемо.

— Тогда я думаю, — начала она и надолго умолкла, позволив ему тем временем расстегнуть две пуговицы у себя на блузке. — Тогда я думаю... не желаете ли вы иметь меня здесь все время?

— Как это — все время? Нет-нет.

— Чтоб я вообще от вас больше не уходила?

Он пробормотал, что его достатка не хватит, чтобы ее прокормить, пустяшная пенсия, нет, он ее не понимает.

— Ну а если мы поженимся?

У Бродерсена даже челюсть отвисла. Немного спустя он недоверчиво переспросил:

— Ты это всерьез?

Потом они помолчали, и каждый думал про свое. Еще он пробормотал, что слишком стар для нее, что на свете много молодых парней и что она вовсе не всерьез.

— Да, — ответствовала она, водрузившись к нему на колени, — все так, но ведь вы некоторым образом моя старая любовь, помните?

Тут и он невольно улыбнулся.

— Прямо с детских лет, понимаете? А такое не забывается.

Их обвенчали со всей возможной скоростью, ни он, ни она не хотели затягивать дело, обвенчали в приходской церкви с органом и хором. Старый Бродерсен твердо стоял на ногах, пастор величал его капитаном и толковал о юной деве, что припадает к тебе. Могли, конечно, возникнуть некоторые сложности, но оба сочли за благо действовать по правилу «да не зайдет солнце во гнев вашем». Пятеро друзей-капитанов присутствовали при церемонии, слушали и задремывали, слушали и снова задремывали. Итак, Бродерсен женился в третий раз. На Лолле было нарядное платье, башмаки, и шляпка, и перчатки — она своего добилась.

Они продолжали жить в мансарде. Лолла была особа толковая, их было всего двое, места на двоих хватало хоть в комнате, хоть в кровати. Если найти жилье попросторнее, придется взять к себе мать Лоллы, но по множеству причин было лучше, чтобы она все-таки жила в своей хижине на берегу.

Они написали Абелью о том, какое «изменение произошло в их жизни», это письмо тоже не вернулось, но и ответа они не получили. Престранный тип этот Абель.

И брак их оказался престранный, что, впрочем, можно было предвидеть. Лолла и думать не желала про своего мужа, да и он особо ее не домогался, так было лишь в начале, стариковская страсть, взрыв. Теперь, если ему изредка казалось, что он чего-то от нее хочет, она попросту отмахивалась: «Да брось ты!»

— Как ты смеешь так отвечать собственному мужу? — возмущался он.

— Ты ведь все равно ничего не можешь.

— Я не могу? Ты, помнится, первый раз говорила, что я могу?

— Ах, дорогой, ты и тогда ничего не мог.

Оскорбленное молчание.

Потом он рассердился и взревновал:

— Значит, есть кто-нибудь, кто, по-твоему, может, раз я не могу?

На это она и вовсе не ответила.

Он, еще более сердито:

— Тогда уж откровенность за откровенность: мой шелковый платочек из Китая однажды торчал из кармана у совершенно чужого человека.

— Подумаешь! — презрительно фыркнула она.

— Учти, что я сам видел.

— Подумаешь! — еще раз фыркнула она. — Тоже мне нашелся!

— Уж коли так, могла бы вернуть его мне.

— Верну, верну!

— Да нет, я вовсе не требую, — надулся он. И поскольку она молчала, продолжал: — Это как же? Сперва ты дала платочек ему, а теперь пойдешь забирать? Очень хорошо! Иди-иди, лучше всего вечером, а то и ночью, когда у него дежурство.

— Ну ладно, перестань об этом, сделай милость. Ты ведь помнишь, что ты моя первая любовь.

— Молчи, Лолла, я имею полное право говорить об этом.

— Конечно, имеешь, но да не зайдет солнце во гнев у вас.

Солнце и впрямь не зашло в их гнев. Лолла как-то исхитрялась всякий раз уладить дело. Но в сердце у старого Бродерсена засела заноза, он заметно сдавал и вообще больше ничего не стоил. Он снова отыскивал старых дружков. У них было заведено относиться к нему с почтением, как к

человеку о двух сберегательных книжках. Но и дружки за это время переменились, одни завидовали, другие злорадствовали.

«Что это ты вдруг ни с того ни с сего оженился? — спрашивали они. — Как ты управляешься ночью? Не слишком ли она молода для тебя?» Хуже всех был Кьербу, хотя самый старый из них и вдобавок совсем беззубый.

— Я тоже подумал о переменах в жизни, — говорил Кьербу, — но тогда мне понадобился бы заодно и домашний священник. А тебе он, часом, не нужен?

— Да ничуть, — отвечал Бродерсен, вставая с места.

— Куда же ты? Давай посидим, поболтаем.

— Да нет, я уж лучше пойду.

— Что-то ты заважничал с тех пор, как женился.

— Ничего я не заважничал, — затравленно отвечал Бродерсен, — просто у меня нет больше сил слушать твои глупости.

Он пошел на кладбище к двум своим могилкам. Не то чтобы он вспомнил своих покойниц, но все равно он прополет травку и сметет увядшие листья. На это уйдет какое-то время, да и со стороны красиво выглядит. Впрочем, это занятие ему не помогло, досада не проходила, и тогда он обратился к Армии спасения. Впрочем, это был не худший выход, он стал религиозным, что влечет за собой мир и добрые дела, он сжег старую колоду карт, с помощью которой показывал фокусы, он втайне прочитывал застольную молитву и отказался от многого на этой грешной земле. Просто удивительно, до чего он сдал за последнее время.

Абель же так и не отвечал.

Тогда он сказал Лолле:

— Мне бы надо перевести Абелью деньги за его моторку.

— Надо, — сказала она.

— Ты не переведешь?

Лолла и тут оказалась на высоте.

Деньги переведет банк по первому требованию. А сколько надо перевести? Пусть только даст ей записочку для банка, чек, другими словами.

— Но не забудь получить у них квитанцию.

— А как же.

Дело было сделано. Хорошо избавиться от денег, которые грех оставлять себе.

Может, следовало бы рассчитаться и с семейством Робертсенов за все разы, когда его потчевали там гороховым

супом и другой едой, за все разы, когда он задаром набивал трубку у штурмана. Но когда штурман пришел и потребовал от него поручительства, это другое дело, это грабеж среди бела дня, тут он ни за что не подпишет.

Вообще-то оказалось не так уж и плохо иметь при себе жену. Всего лучше, если вдуматься, что она уберегает его от низких соблазнов и, напротив, не начинает подтягивать чулки, когда он глядит на нее. Лолла содержала квартиру в чистоте, пол чистый, зола вынесена, кровать застелена. Раньше ему приходилось самолично заботиться о еде и прочих жизненных потребностях, теперь эта обязанность отпала, не говоря уже о том, насколько дешевле обедать дома. И для каждой трапезы на столе была тарелка с ножом и вилкой где положено, а раньше приходилось по очереди доставать все из ящика. Иногда Лолла и впрямь была очень мила, подстригала ему волосы и бороду, чем избавляла от расходов на парикмахера. В общем, много всяких любезностей, особенно если учесть, что она, может, была не так уж и неправа, когда говорила, что он никуда не годится. Спорить трудно. Но он с каждым днем усыхал, вот и сердце работало плохо, и по осени, когда он подцепил инфлюэнцу, в нем все меньше и меньше оставалось от капитана Бродерсена. Как-то днем он вообще не встал с постели.

— Напиши Абелю, — сказал он.

Она написала Абелю.

— Я ведь переслал ему деньги за моторку?

— Все в порядке, — ответила Лолла.

— А квитанция где?

Она достала бумажку и показала ее капитану. Но была это самая обычная квитанция, свидетельствующая об уплате денег: числа такого-то получена такая-то сумма — вот что стояло на бумажке, да только сумма поступила в зачет по фальшивой расписке.

Он кивнул, что вот, мол, деньги уплачены Абелю, и все по справедливости.

— Доктора не позвать? — спросила Лолла.

Он замаялся:

— Мы ведь знаем, что со мной, это просто небольшой грипп. Не стоит беспокоить доктора. Почитай лучше в «Лечебнике для моряков» про порок сердца.

Читать она не стала, а, накинув пальто, сказала:

— Я вернусь через несколько минут.

И, подоткнув вокруг него одеяло, ушла.

Вернулась она с доктором. Инфлюэнца. Рецепт. Наставления.

Когда доктор ушел, она снова подоткнула вокруг него одеяло и сбегала в аптеку за лекарством.

— Не говори про шелковый платочек, — крикнул он ей вдогонку с постели.

— А я вовсе не в ту аптеку, — отвечала она.

И снова он был недоволен ею, когда она вернулась из аптеки. Вполне бы можно почитать лечебник и не тратить деньги на доктора. Она дала ему капли и таблетки, разогрела воду и приложила к его ногам две горячие бутылки, и под конец он разогрелся и почувствовал усталость. Подремал несколько минут, но за бутылки поблагодарил и сказал, что теперь ему лучше.

— Почитай про пороки сердца.

Она прочитала про пороки клапанов, и про стенки сердца, которые все утончаются, и про паралич сердца, а он слушал и находил у себя все признаки.

— Для этого мы в плавании применяли камфару и этиловый эфир. Ты принесла какую-то дрянь против гриппа, а в плавании мы лечили грипп грогом.

Лолла осталась дежурить возле больного, а сама читала дальше в лечебнике. Он сперва разговаривал, но дыхания ему не хватало, и он надолго умолк.

— Ты знаешь шестую молитву? — спросил он. — Остальные я и сам все знаю.

Лолла растерялась:

— Ты про шестую заповедь?

— Да нет же. Про шестую молитву. Про «отпусти нам грехи наши», или как оно там называется...

Она заметила, что он все путает, и прочла ему пятую заповедь. Он несколько раз повторил за ней и добавил:

— Мы на борту и «Отче наш» читали, это часто помогало. А ты, верно, это не признаешь?

— Уж и не знаю, — отвечала она с некоторым смущением.

Начало светать.

— Вышла бы ты ненадолго в коридор, — попросил он.

Лолла вышла в коридор и постояла там. Она слушала, как он возится в постели, что-то бормочет, вроде бы молится. Потом он умолк. Она долго стояла в коридоре, не знала, как ей быть, зябла, но не хотела его беспокоить.

Когда она наконец осмелилась заглянуть в комнату, он почти стоял на голове, хотел, должно быть, стать на колени, но рухнул вперед.

Абеля телеграммой известили о смерти отца, но приехать он не спешил. Прошел один месяц, прошел и другой, и когда он удосужился ответить на официальные извещения о смерти отца и о вводе в наследство, то написал, что ему хорошо там, где он есть, а желания ехать домой он не испытывает.

Что-то с ним было неладно, с этим Абелем, поскольку он сообщил также, что нет у него ни денег на дорогу, ни одежды приличной.

Ни денег, ни одежды — и это пишет сын богатого человека.

Послали ему денег, но Абель все равно не приехал. Ответил, что хочет подождать до весны. Там, где он сейчас живет, хорошо и тепло, и жизнь, которую он ведет, ему вполне по вкусу. Он ездит на осле, он посадил малость сладкого картофеля, он ловит рыбу в Ridge Streamlet¹, и потрошит эту рыбу, и вытирает нож о штаны, и варит рыбу, и ест ее со сладким картофелем, а больше ровным счетом ничего не делает. Это так хорошо, и больше ему ничего не нужно, с тех пор, как у него не стало жены, писал Абель. Но по весне он, может, и приедет, если сообразит, как.

Ему снова выслали денег.

В середине мая Абель приехал. А жены у него не стало.

Почти та же самая жизнь у причалов, что и восемь лет назад, когда приставал каботажный пароход. Встречаются взрослые и дети, люди и бочки — на берег, люди и бочки — на борт, и вот уже звучит третий звонок.

Абель сошел по мосткам в модном коричневом пальто и с чемоданом. Какое-то время он неуверенно разглядывал собравшихся, может, и признал многих, но ни с кем не поздоровался и не стал поднимать шума по поводу своего возвращения. Он был гладко выбрит, выглядел, впрочем, каким-то неухоженным, галстук съехал набок, да и рубашка не блистала чистотой.

Один из грузчиков окликнул его:

— Никак, это Абель?

— Да, — ответил Абель, — раньше я возвращался домой на маяк, но это все осталось позади.

¹ Горный ручей (англ.).

Он медленно побрел в город, остановился, разглядывая новую клумбу и новые фигуры у фонтана, помешкал перед «Приютом моряка», потом вошел.

Так он вернулся домой вторично, очень изменившись за это время. Не сказать, что крайне изменился, не сказать, что до неузнаваемости, но достаточно, чтобы отличаться от себя прежнего и отличаться от других.

Он занес себя в книгу постояльцев: Абель Бродерсен, гражданин Норвегии, последнее место жительства Грин-Ридж в Кентукки. Графу «род занятий» он заполнять не стал.

Каморка с железной кроватью, умывальником, столом и стулом, реклама отеля на стене, мухи на окне, у печки не хватает вьюшки — обычная каморка для моряка. Узнав, что он сын капитана Бродерсена, о котором в последнее время было много разговоров, ему хотели предоставить комнату побольше. Нет. Комнату с двух окон с видом на причал, вход в гавань и маяк. Нет. Словом, милые люди, явно хотели ему сделать как получше, но он отнесся к этому вполне равнодушно. Поужинав вместе с другими постояльцами, он прошел к себе и лег. Нет и нет, по нему ничего нельзя было заметить.

В дни, следовавшие за его приездом, он побывал в нескольких конторах и доложил. Таможенник Робертсен заглянул к нему, держался как отец родной, надавал кучу разных советов, рассказал, что купил его моторку. Моторка в надежных руках, выкрашена, на ходу, в моторе пришлось кое-что перебрать, но и не диво, за столько-то лет. «Ты бы заглянул к нам, Абель, когда придет охота, ты, верно, не забыл, где мы живем».

И Лолла пришла. До сих пор в черном и куда сдержанней, чем в девические годы. Она не стала напоминать Абелью, что теперь они породнились, и «а ты не забыл еще то, а ты не забыл еще это», ничего подобного, она сидела на стуле и рассказывала ему про отца: удивительный человек и пристойная смерть, в полном сознании до последней минуты. Абель напрямик и с улыбкой спросил ее, как это она надумала выйти за его отца, хотя по возрасту он вполне годился ей в дедушки. Да, согласилась Лолла и откровенно призналась, что ничего больше не сумела придумать, слишком плохи у них были дела, а в банке лежала бумага с именем капитана Бродерсена, хотя сам капитан Бродерсен никогда при жизни ее не писал, и подпись была подделана, и за это могли взять большой штраф. Так что другого выхода у нее просто не оставалось...

Но все это не слишком интересовало Абея, он сказал с улыбкой:

— Да, но ты, выходит, моя мачеха! В жизни не слышал ничего забавнее!

Тут они перевели разговор в другую плоскость, и то, что она хотела сообщить, носило характер более легкий.

— Твоему отцу я была нужна, чтобы вести у него хозяйство, и я подстригала ему волосы, и готовила моряцкую еду, и стирала, и штопала. Он был совсем один, и при нем никого, это в его-то возрасте. Он ко мне хорошо относился и считал меня очень работающей, нам было хорошо вдвоем, уж поверь слову.

Лолла была сама на себя не похожа, она никогда так много не говорила, она была какая-то беспокойная и все говорила, словно боясь замолчать.

Абель:

— Лолла! Да я ничего против тебя не имею.

Она залилась краской, после чего так же быстро побледнела.

— Ну, — сказала она, — для этого у тебя есть все основания. Я влезла в твою жизнь и в твое наследство тоже. Но с твоей стороны очень мило, что ты ничего против меня не имеешь, я этому очень рада и еще докажу тебе — мне много не надо, только что ты позволишь. Пусть они поделят, но все равно ты получишь от меня все, что пожелаешь!

Совсем не похоже на Лоллу — вдруг такая импульсивность.

— Ну и ладно, — сказал он. — Ольга-то, я слышал, замуж вышла?

Лоллу словно в грудь толкнуло, и лишь после некоторого молчания она собралась ответить:

— Ольга? Так она уже давно замужем. Я одно время у них работала. Я не стала говорить ей «ты», как у нас раньше было заведено, мне вроде не положено, но она сама меня попросила говорить ей «ты». Очень милые люди, что он, что она. А детей у них нет. Она давала мне читать книги, очень она милая.

— Да и вышла-то вовсе не за того, как я слышала?

— Ей не захотелось переезжать в Финмарк, и тогда Рибер Карлсен уехал один. А она впопыхах вышла за молодого Клеменса — нет, не потому вышла, что положение заставило, ничего подобного, а скорей потому, что ей хотелось закончить всю эту историю, уж и не знаю. Они часто заходят в винный погребок.

— Интересно бы поглядеть на них.

— Да, так и сидят там в погребке. Не пьют, не затем и приходят, но делать ей нечего, вот она и томится. А иногда они даже танцуют. Там играют пять негров.

Абель:

— Если ты не прочь, давай туда ходим.

Она, растерянно:

— Мне вроде бы сейчас и не пристало.

— Н-да. Ты и впрямь слишком молодая мачеха, — засмеялся он. — Может, ты и права, люди начнут судачить.

И снова она покраснела. Раньше-то Лоллу ничто не ставило бы покраснеть.

— Вообще у меня и денег нет туда ходить, — сказал он.

Тут она засмеялась:

— Ну, этому горю легко подсобить. Снять деньги со счета — всего и делов.

— А ты не могла бы мне одолжить немножко?

Она дала ему все, что у нее было при себе, и повторила, что он сам должен получить деньги в банке. А где его багаж? И где одежда? Услышав, что никакого багажа при нем нет, она всплеснула руками. Он пытался оправдать себя тем, что в местах, где он проживал, люди обходятся почти без платья, потому что все они сплошь бедные. Да, но здесь без платья нельзя, и она по-матерински посоветовала ему не мешкая сходить к портному.

Возле дверей она оглянулась, как привыкла делать у его отца, и сказала:

— Как я погляжу, у тебя здесь тоже не мешало бы навести чистоту.

* * *

Вечером он заглянул в винный погребок в таком же виде, как и приехал, занял столик у дверей и выпил то ли одну кружку, то ли две. Негры играли, а люди танцевали на длинной площадке, словом, здесь как и повсюду. Ольга с мужем сидела в сторонке, и он не увидел ее до тех пор, пока они, танцуя, не прошли мимо его столика. «Добрый день, Абель!» — сказала Ольга. Он встал, поклонился, а пара тем временем протанцевала дальше.

Он поторопился уплатить и вышел. А выходя, улыбнулся про себя. И чего было уходить!

Целыми днями он слонялся по городку; обзаведясь наличностью и новым платьем, он мог спокойнее, чем прежде, ходить куда пожелает и не опасаться при этом, что кто-

нибудь недоуменно поглядит ему вслед. Он словно бы вырос в собственных глазах и проснулся к новой жизни.

Частенько заглядывал он на лесопильню. Устарелые механизмы двигает вода, но так-то в полном порядке. И все равно себя не оправдывает: слишком много народу и слишком низкая speed¹. В лесопильном деле он еще с Канады неплохо разбирался и с интересом констатировал, что и в стародавние времена у людей хватало ума, чтобы придумывать всякие машины. Но уж больно громоздкие. Здесь он снова повстречал Лили. Она успела выйти за Алекса, но продолжала сидеть в конторе и даже дослужилась до места кассирши. У них с Алексом родилась дочка. Абель к ним наведалься. Они жили тесно, но опрятно, имели при доме небольшой участок, и, хотя Алекс был простым рабочим на лесопильне, парочка недурно управлялась и с домом, и с ребенком, и с огородом.

Удивительно — но в Абеле еще со школьных времен жила привязанность к Лили, она была все такая же милая и мягкосердечная, даже имя у нее было нежное, под стать родному климату. Лили.

Зато побывать у Робертсенов он даже не подумал. Люди гостеприимные, спору нет, но занудные и слегка настырные. Трезвонят направо и налево, как они привечали Абелева отца, прямо дня не проходило, чтобы он не заглянул к ним на огонек. Вообще-то они были не прочь узнать, какие планы у Абеля, не намерен ли он наконец осесть дома, на ком он женат. Нет ли у него с собой ее карточки? Они надавали ему уйму добрых советов. Куда это годится, что Лолла вклинилась между ним и его отцом и примазалась к наследству? Что он намерен предпринять? Всего лучше обратиться к адвокату, но только не к молодому Клеменсу, молодой Клеменс никуда не годится. Когда Абель ушел, Робертсен увязался за ним и завел речь про некую бумагу в Частном банке: по ней получал деньги Лоллин папаша, но старый капитан Бродерсен в жизни ее не подписывал, это просто фальшивка...

— Да, Лолла мне про это рассказывала, — заметил Абель.

— Как? Рассказывала, что ее отец подделал подпись?

— Да, о чем-то в этом духе.

— В голове не укладывается! — вскричал Робертсен.

— Так все уже улажено.

— Улажено, улажено, да потому только, что она за него вышла. Значит, Лолла про это рассказывала? Во всяком слу-

¹ Скорость (англ.).

чае, ты видишь теперь, какие люди навязались тебе в родню...

— Я вижу, ты строишься?— спросил Абель, чтобы переменить тему.

— Только не думай, что я спятил, это все для девочек. Они уже большие. Правда, у нас получится большой и красивый дом? Но стоит это недешево, мне нужна ссуда. Твой отец как раз хотел за меня поручиться, но умер.

Нет и нет, ходить к Робертсенам он больше не желал. Четверо малоприятных людей под одной крышей, глупость, самомнение, сплетни. И дочери ничего не стоят. Когда он рассказал, что его жена из Кентукки происходила от родителей-французов, они вскричали:

— Подумать только, значит, она умела по-французски!

И они приволокли чернила и ручку, и каждая — свой альбом для стихов, куда надо было написать что-нибудь и подписаться.

Но и за пределами городка хватало таких мест, куда можно сходить и поваляться, скрывшись от чужих глаз. И не потому, что его одолевала лень, а потому что, обитая в Кентукки, он пристрастился к беззаботной жизни, как пьяница — к вину. Он безжалостно обходился со своей новой одеждой за городом, на компостных кучах, в садоводствах, либо в каменоломне среди белесой каменной пыли, но нимало о том не печалился. Словом, никаких благородных замашек, человек безразличный, порой небритый, свои маленькие руки с мягкими пальцами, которые можно было отогнуть далеко назад, воровские пальцы, он совсем не берег, он даже отирал их о штаны. Лолла по-матерински заботливо советовала ему справиться себе еще костюм, еще два и стать как все люди. Что-нибудь светло-серое вполне сойдется для лета, а на рукав можно надеть черную повязку. «Послушайся меня, Абель».

— А Тенгвальд как поживает? — спросил он.

— Тенгвальд? — улыбнулась Лолла. — Ну, со мной он порвал, и правильно сделал. Но он женился на Ловисе Роландсен, и они вполне подошли друг к другу. У них не то семь, не то восемь детей, которые гоняют по улицам.

— Значит, они плохо живут?

— Да нет, хорошо. Он работает подмастерьем у кузнеца, а когда его отец, престарелый Крум, отдал Богу душу, ему хоть что-нибудь да перепало. Но восемь детей — это, конечно...

— Мне бы надо побывать у него в кузне, — сказал Абель, — но я такой по-дурацки расфуфыренный, что мне и показываться там неохота. Ты пойдешь со мной к портному?

Они пошли к портному и выбрали подходящую ткань. Забавно для Абеля иметь выбор — коричневая двойка, серая двойка.

— Подкладку шелковую, — распорядилась Лолла, — как у молодого Клеменса. И весенний плащ. А теперь пойдём и купим шляпу.

Они пошли и купили шляпу, даже две шляпы, одну серую, другую коричневую. Сорочки, командовала она, галстук, носки. А как насчет ботинок? И как насчет карманных часов? Между прочим, я видела, что у тебя на столе лежит револьвер, он тебе зачем понадобился?

Потом ему выдали на руки две сберегательных книжки, не куча денег, но суммы приличные, в каждом банке примерно одинаковые.

— Пусть каждый возьмет по книжке, — сказал он.

Но этого не хотела она.

— Пусть каждый возьмет по книжке.

— Да, но у меня есть ежемесячная пенсия. Они так решили.

— Молчи. Да, зачем револьвер, спрашиваешь? Я его просто так прихватил. Там, откуда я приехал, мы ходили в рубашке, штанах и с револьвером. Ты себе даже и не представляешь, насколько это естественнее, чем куча платьев. Ты бы поглядела на Лоуренса, как он однажды нагишом поехал в Мексику, а вернулся разодетый и упился до чертиков и все раздарил. Вот как оно было. А теперь давай купим что-нибудь и на твою книжку.

— Нет, — вскричала Лолла прямо посреди улицы.

— Давай, давай, — сказал он, и глаза у него потемнели, — у равнодушного и безразличного Абея вдруг потемнели глаза.

— Ну разве что туфли, — сказала она. — На каждый день. Нарядные мне подарил твой отец.

VII

Как-то утром он заглянул к Ольге. Здесь не было парадного входа с цветными стеклами и олеандрами в больших кадках, но зато была фарфоровая табличка с надписью «Адвокат Клеменс» и с указанием приемных часов. Дверь открыла служанка.

— К госпоже, — сказал он и вошел.

Первое, что он разглядел: она не сидит и не читает и не вскидывает на него мечтательные глаза, она коротко ост-

рижена, при сигарете, в комбинезоне и с красными ногтями. Мы, знаете ли, такие современные и такие безмозглые, и у нас такая тощая шея, а груди и вовсе нет.

— Это ты, Абель? А мой муж еще в конторе у помощника судьи...

Абель, покрасневшись, словно девушка:

— Я просто думал... ты поздоровалась со мной в погребке.

«Визит, значит», — вероятно, подумала фру Ольга.

— Тогда прошу садиться! Да, я тебя сразу узнала. Ты, конечно, очень изменился, но все-таки похож на себя. А теперь ты, значит, вернулся домой. Ты здесь и останешься?

— Вот уж не знаю.

— Здесь многое изменилось с тех пор, как ты уехал. Тебя сколько не было?

— Да лет, примерно, с восемь.

Но теперь он больше не заботился о том, чтобы чинно сидеть и развлекать даму разговором, робость его оставила, и он спросил:

— А ты, Ольга... ты, значит, вышла замуж?

— И что? — спросила она.

— Как-то трудно себе представить.

Она быстро пришла в себя и улыбнулась, она все-таки была дамой.

— Само собой, я вышла замуж. Мы все выходим замуж. Да и ты женился, как я слышала.

— Да. Под конец.

— Мне что ж, было сидеть и дожидаться тебя? — с улыбкой спросила Ольга.

— Нет. У меня не было никаких шансов.

— Не было.

— Я не решился что-нибудь сказать, когда был дома в последний раз.

— Да это и не имело смысла, — осторожно промолвила она.

— Иметь не имело, — сказал он, — но пользу принести могло.

Молчание.

— Забавный ты тип, Абель. Не переменить ли нам тему?

— Пожалуй, что и переменить. Вот только тему другую подыскать трудно. Прошло двенадцать лет с тех пор, как мы были молоды и болтали друг с другом.

— Да, ты и в самом деле странный. Мир не рухнул бы, если бы мы вообще никогда больше не увиделись.

Молчание.

— Я ведь, собственно, пришел... — И он порылся сперва в одном кармане, потом в другом. — Да, вот он! Я пришел, чтобы вручить тебе одну вещицу. Будь так добра, взгляни.

— Что? Это еще зачем? Нет...

— Да совсем маленькая вещичка, — уговаривал он.

— Браслет? Где ты только его отыскал?

Абель бледно улыбнулся.

— Я ведь однажды выманил у тебя браслет. Ты разве забыла?

— Ах, это... Детские забавы. Нет, я не могу его взять. — И она протянула браслет Абелью.

— Не можешь?

— Нет. Тебе, конечно, спасибо, но ты должен понять... такая дорогая вещь... к тому же ты и сам видишь, что у меня часы с браслетом.

Он снова аккуратно завернул футляр в бумагу и сунул его в карман. Потом встал и поклонился.

— Ты на меня не обижайся, очень тебя прошу. А назад ты его не можешь отнести, как по-твоему?

— Нет.

— Ты, наверно, привез его оттуда?

— Из Кентукки? Нет-нет, у меня тогда и одежды-то не было.

— Да, просто один Бог знает, какой ты чудак. — Она протянула ему руку. — Приятно было повидаться. Жаль только, что мужа моего дома не оказалось, вы ведь с ним знакомы.

«Я повешу его на Иисуса, — думал он по дороге домой. — До Троицы осталось всего ничего, вот я его и повешу на другую руку».

И снова ему стал безразличен и браслет, и сам он, и все, что ни встречалось ему на пути.

Таким вот безразличным тоном он рассказал Лолле, что хотел подарить Ольге браслет, потому что с детства задолжал ей, но раз она взять браслет отказалась, он даст его другой.

Хотел ли он испытать Лоллу? Нет, таким расчетливым он никогда не был. И Лолла, со своей стороны, ничем не показала, что не прочь бы заполучить этот браслет. Она даже не попросила разрешения взглянуть на него. Напротив, ее больше всего пугало, что Абель опять наделал глупостей.

— Они очень благородные люди, — сказала Лолла, — оба, он и она, и не бедные тоже. У ее отца есть доля в нескольких пароходах, говорят, что и лесопильня вся почти

ему принадлежит. Да вдобавок все акции, которыми он участвует в «Воробье», каботажном пароходе.

«Ну, от лесопильни вряд ли много проку», — подумал про себя Абель. Вслух же он сказал:

— Они успевают распилить один ствол, а должны бы за то же время распилить десять.

«Это ж надо, до чего Абель смекалистый», — подумала про себя Лолла, вслух же она сказала:

— Да, в этом ты знаешь толк. Помнится, ты писал из Канады с лесопильни.

— Я тогда был такой старательный, предприимчивый. Но это уже давно прошло.

— Ты и сейчас можешь быть предприимчивым, если только захочешь.

— Нет. Я предоставил другим быть предприимчивыми. Пусть их!

Молчание. Лолле было как-то не по себе. «Какой бес опять в него вселился?» — думала она.

— Что ж с тобой дальше-то будет? — спросила она матерински участливо.

«Она меня поблагодарила, — мысленно говорил он себе. — Да она и взяла бы его, не будь у нее часов».

— Они также богатые, — вслух ответила Лолла на его мысли. — У ее отца и аптека есть. Лишь бы ты ничем ее не обидел, Абель.

— Наверяд ли. Я двенадцать лет думал о том, как наконец это сделаю.

Лолла стала совсем другая с тех пор, как у нее завелись деньги, совсем другой человек. Красивая, в черном платье, и ноздри не так раздуваются, одним словом, почтенная вдова. Но поглядел бы ты, Абель, на нее, когда она ночью гоняла на твоей моторке в город. Теперь она отказалась от комнаты в мансарде и жила со своей матерью на берегу, это было пристойнее да и дешевле — и вообще единственно возможное решение, поскольку все люди из лучшего общества поступили бы на ее месте точно так же. Чертова баба эта Лолла, а побывав в услужении у Клеменсов, она пристрастилась к чтению и прочитала много книг.

Абелю она сказала:

— Тебе надо побывать на кладбище. Я не знаю, где лежит твоя мать, но на могиле у отца стоит крест.

— Проводи меня, — сказал он.

— Почему ты сам не писал и не отвечал на его письма?

— Не спрашивай лучше. Я был занят Анджелой.

— Ты доставил бы ему большую радость.

— Нет, Лолла, ни о чем радостном, как он это себе представляет, я написать не мог. И довольно об этом. А вот на могилку к нему я схожу.

— Ну, это не одно и то же.

— Не одно, — согласился он.

Она сумела разговорить его и продолжала расспросы:

— Тебе было с ней так плохо?

— С Анджелой? Нет, мне было с ней хорошо. Она была со мной очень ласкова. Просто я шел на дно, и она тоже, мы оба так и жили на дне, и другие люди вокруг. Все люди без остановки шли на дно, у одних только и было из еды бутылка молока или кукурузный початок, другие ходили и стучали зубами от холода, никому не было дела ни до нее, ни до меня. Спустя полгода, а может, и целый год, пришло письмо. Принес его негр, который не умел читать, но я отложил письмо в сторону. Ты, верно, думаешь, как это плохо, когда мало еды и мало одежды, но ты не права, дело не в этом. Мы блаженствовали друг с другом, как дикие звери. Мы спали вместе, опускаясь на дно. А проснувшись, мы ничего не говорили, мы просто вставали и шли, когда один вставал и шел, другой шел следом. У нас обоих была одна дорога, и мы шли по ней друг за другом. Порой я радовал ее курицей от фермера. Фермер был жадный и караулил свое добро. Один раз он в меня выстрелил, и с тех пор я не решался к нему ходить. Но и это было не страшно, в речке оставалось довольно рыбы, а по осени всюду были плоды. И еще я высадил мерку сладкого картофеля.

Лолла, подавленная:

— Неужели ты не мог спастись бегством? Хорошо ли это жить словно дикий зверь?

— Хорошо.

— В Канаде ты был такой предприимчивый и работающий.

— Да, но это уже давно прошло.

— Ты не думаешь, что предприимчивым быть хорошо?

— Бывают работающие и предприимчивые люди, — ответил он, — вот там у нас был фермер. Маленькая, жалкая ферма, сорок акров, но он был предприимчивый, он хотел чего-то достичь в жизни и занять восемьдесят акров. Как-то раз с его ручья донесся крик, мы с Анджелой пошли туда. Оказалось, что это фермер со своим негром. Он хотел убить негра лопатой, потому что тот бездельничал. Но раз мы пришли, у негра появились свидетели, что это необходимая оборона, и умереть пришлось фермеру.

— Какой ужас!

— Так стоит ли быть предприимчивым и лезть наверх? А вот мы с Анджелой не мечтали о восьмидесяти акрах, нам и так было хорошо.

— Ее звали Анджела?

— Да, красиво. Звучит как молитва. Она была католичка.

— И потом умерла? Она, верно, ждала ребенка?

— Это тоже. Но умерла она не от этого.

Лолла изо всех сил старалась держать себя по-матерински. Но изредка у нее все же вспыхивали глаза и раздувались ноздри. Пить и при этом не сорваться с тормозов она не могла. Но он этого не знал и пришел к ней однажды с бутылкой вина. Кончилось все по-дурацки: она стала какая-то приставучая, хотела поцеловать ему руку, да вдобавок распустила волосы. Мать сидела тут же и что-то бормотала про свое житье-бытье, муж-де у нее сейчас на Азорских островах. Абель поспешил уйти и никогда больше не потчевал Лоллу вином.

На первый день Троицы он сидел в церкви и слушал богослужение. Много знакомых лиц, псалмы, орган, пономарь в черном, пастор в белом. Он сидел на хорах поближе к органу, чтобы быть поближе к лестнице на башню и к ведущей туда двери. Дверь была глухая и заперта только на крючок.

Когда пастор сошел с кафедры и вступил орган, он использовал этот оглушительный миг, чтобы приоткрыть дверь, юркнуть внутрь и захлопнуть ее за собой. Заявись кто-нибудь в эту минуту и спроси, зачем он сюда залез, у него был наготове ответ, что он-де не выносит гром органа. Все выдумки.

Но никто не заявился. Он посидел на ступеньках, затем полез наверх. Настоящая лестница кончалась через один пролет, и дальше вела узкая железная. А когда и узкая кончилась, дальше пошло смешение бревен, и балок, и подпорок, и распорок, во все стороны, сверху и снизу, одна поверх другой. Какое-то хаотическое сооружение из бревен, словно лев выстроил себе здесь гнездо, львиное гнездо. Посреди этого столпотворения — подмости для звонаря, чтоб он стоял здесь, когда надо звонить, а над подмостями сами колокола. Два колокола. Тот, что побольше, здоровенный как бочка, а вместо языка настоящая палица, над колоколами — сплетение балок и стропил во весь объем колокольни, где на самом верху они терялись в темноте.

Тишина. Он не слышит ничего, кроме свиста сквозь слуховые оконца, а так остается лишь спасать шляпу от ласточек. Он садится на перекладину. Пыли здесь навалом, но его это не смущает. Единственная задача — дождаться, когда церковь опустеет.

Неожиданно шумовая лавина захлестывает башню: ударили колокола. Он вскакивает, чтобы спасти свои уши, спасти самое жизнь, глядит вниз в лестничный проем и хочет бежать, но теряет равновесие и потому остается сидеть на куче камней и глины. Он снова затыкает пальцами уши, но слышимость остается прежней, колокола бьют и бьют, вся колокольня содрогается. Немного спустя он привыкает к шуму, он сидит и уделяет происходящему меньше внимания, хотя — ничего не скажешь — поистине дьявольский шум издают святые колокола.

Когда они наконец останавливаются и смолкают, он совсем оглох и ощущает себя словно на дне пропасти. Странное состояние, смешно, он что-то говорит вслух, но слышит только собственным ртом, он улыбается, и ему чудится, будто он слышит также собственную улыбку. Но он во все не умер, об этом и речи нет. Он встает и начинает соображать.

Мало-помалу к нему возвращается слух, и он начинает путь вниз. Уже на широкой лестнице он замедляет шаг и прислушивается, ничего подозрительного, но все равно нужна крайняя осторожность, люди не сразу расходятся, они любят постоять на церковном дворе и покалякать, и не должны при этом увидеть его сквозь окна колокольни. Ну и безумная блажь пришла ему в голову, но ведь идти к Ольге было не многим умней, ничуть не лучше, чем то, что он затеял сегодня, — он не желает больше ждать, как какой-то воришка, он побывал на колокольне, но видит Бог — он не похитил колокола.

Он толкает дверь, но дверь не поддается. Что такое? Он толкает посильней. Ничего. Видно, у кого-нибудь руки чесались, и он, проходя мимо, накинул крючок. Абель может без труда разнести эту тонкую глухую дверь, ему приходилось иметь дело и не с такими дверями, но он боится, что его услышат, вдовы и матери имеют привычку задерживаться на кладбище, ухаживая за своими могилами.

Он изучает дверь, видит крючок в зазоре между дверью и притолокой, но у него нет при себе ножа, нет даже щепочки, достаточно тонкой, чтобы просунуть ее в щель и приподнять крючок. Вероятно, что-нибудь можно бы найти на колокольне, в львином гнезде, возможно, она оставила там

шпильку для волос или перышко, львица-то, ха-ха-ха, но потом он просто высаживает дверь. Она падает на пол с излишним шумом, и он опять вынужден прислушиваться. Нет, ничего. Прежде чем уйти, он все аккуратно приводит в порядок, ставит дверь на место и накидывает крючок.

Церковь пуста. Иисус стоит все на той же консольной полочке, но браслета у него нет. Вот пусть и получит новый. Абель залезает наверх, красиво прилаживает браслет, оглядывает свою работу и слезает вниз. Все сделано так скоро, что ему почти не верится, и уже снизу он вторично оглядывает свою работу.

Он присмотрел себе нужное окно, чтобы через него покинуть церковь. Из немногих окон, которые легко открыть, это выходило на самую уединенную часть церковного двора — на кладбище. Но там на белой скамеечке как раз сидела пожилая дама, глядя на церковь.

Он знает эту даму, она сидит над свежей могилой, она вдова престарелого шкипера Крума, который наконец-то отдал Богу душу. Абелью приходится ждать.

Он еще раз окидывает взглядом фигуру Христа, и его осеняет: у Христа две руки, но ведь у Ольги тоже две, она могла бы носить часы на одной руке, браслет — на другой, или сразу часы и браслет на одной. Она словно до сих пор считает его ребенком и не считает взрослым мужчиной.

А вдова все сидит.

Он вспоминает, как все было двенадцать лет назад, когда ему не пришлось лезть через окно. «Бедный я был мальчик, такой маленький и так боялся привидений всю ночь. Благослови меня Бог, в ту пору я еще не выучился входить и выходить через окна».

Вдова сидит. Эта упорная старуха сидит и печалится о муже, с которым при жизни так плохо и так своевольно общалась. Не иначе где-нибудь неподалеку сидит другая женщина и видит, как горюет вдова, не то бы ее здесь давно не было. Она — мать Тенгвальда, кузнечного подмастерья Тенгвальда, который кое-чего достиг в жизни, и стал подмастерьем, и заимел восемь детей. Бедный и Тенгвальд, он носил в школу бутерброды с кружками дорогих бананов и мог выхваляться перед простым мальчиком с маяка.

Бедные мы все.

Вдова наконец ушла.

Он открывает окно, пядь за пядью, чтобы предательское стекло не блеснуло на солнце. Спустившись на землю, он и здесь приводит все за собой в порядок и закрывает окно.

В «Приюте моряка» прошел слух о том, что завтра в церкви будет читать проповедь Рибер Карлсен. Он приехал из Финмарка, он так отличился на своем поприще, что теперь его посылают в Германию стипендиатом, а по дороге туда он решил прочесть проповедь в родном городе. Об этом писали газеты, говорили Абелю, вы случайно не читали? Не читал.

Город был горд своим Рибером Карлсеном и поставил себе целью заявиться на проповедь в полном составе. Его школа и его университет стоили отцу последней доли в последнем пароходе, но теперь, когда Рибер стал для города светочем и надеждой, все это уже не имело никакого значения. В нем были заложены великие дарования, теперь он работал над фундаментальным трудом об искуплении. Неужели Абель и об этом не читал? Нет, не читал.

Но хватало и таких, которые прочли. И церковь была полна, хотя шел уже второй день праздника, рассказывала Лолла. И приходский священник облачился в белые одежды, но сам Рибер Карлсен был в обычном черном скюртуке, потому что праздничного одеяния при нем не оказалось.

— И скажу я тебе, уж это была проповедь так проповедь! — воскликнула Лолла. — Наверяд ли у кого-нибудь из прихожан глаза остались сухими.

— Я его хорошо помню, — сказал Абель.

Лолла:

— Должно быть, Ольге, я хочу сказать, молодой фру Клеменс, странно казалось вот так сидеть и глядеть и слушать его.

— А Ольга тоже была в церкви?

— Оба были, и она, и ее муж. Я это и подразумеваю, когда говорю, что ей казалось странно его слушать. Его, который теперь так всюду прославился и за которого она вполне могла выйти замуж.

Рибер Карлсен лишь ненадолго задержался в родном городе, но стало известно, что на третий день праздника он нанес Ольге христианский визит, и они имели вполне дружескую беседу. Конечно же дружескую, и по Риберу Карлсену нельзя было сказать, будто он обижен тем, что Ольга с ним порвала. Он рассказывал ей про Финмарк, и что там очень даже неплохо жить, и что там растут цветы, и живут милые люди и величественная природа. Конечно, когда настает полярная ночь... но на этот случай у людей образованных есть книги, у него же была научная работа.

— Об избавлении, — сказала Ольга. — Я про это читала.

— Об искуплении, да, — отвечал он так учтиво и снисходительно, что она даже не очень и смутилась, только покраснела немножко. Впрочем, он помог ей преодолеть остатки смущения, сказав: — Это исследование, за которое я надеюсь получить докторскую степень, если, конечно, справлюсь. Но оно потребует усиленных занятий.

— О Боже, — воскликнула Ольга.

Так и прошла встреча, и Ольга даже не стала скрывать, что назвала искупление избавлением, она сама всем об этом и рассказала.

Трудней было понять, откуда стали известны некоторые другие обстоятельства. Так, например, Лолла прослышала, что Лили, ну та, что сидит в конторе и замужем за Алексом, опять ждет ребенка, хотя с последних ее родов уже прошло пять лет. Мало того, она вдобавок прослышала, что Абель нередко бывал с этой Лили, когда позволяли время и обстоятельства. Ну и что? Неправдоподобно. Но Лолла сама слышала, и вообще стыд и позор, и одному Богу известно, правда ли это...

Абель действительно частенько бывал на лесопильне, и может быть, главным образом из-за Лили. Но как-то раз его остановил на улице аптекарь и завел с ним речь. Сам аптекарь, почти единственный владелец лесопильни, вышел из своей машины и даже приподнял шляпу.

Он прослышал, что Абель сведущ в лесопильном деле, вдобавок он знал, как, впрочем, и все остальные, что Абель получил в наследство изрядную сумму. Так вот, не мог бы Абель малость подсобить ему по лесопильной части? Дела идут не совсем ладно, с каждым годом все меньше дохода, видно, производство поставлено не так, как надо.

— Давайте присядем, — сказал аптекарь и опустился на бревно.

— Беда в том, — продолжал он свою речь, — что я не специалист в этом деле, но они навязали мне бóльшую часть акций, и я по доброте душевной их взял, чтобы не оставить без куска хлеба такое количество рабочих. Мы, те, у кого есть хоть какой-то достаток, обязаны помогать людям. Вы не могли бы, Бродерсен, отжалеть некоторую сумму, чтобы снова пустить все в ход? Заказов у нас выше головы, мы скупаем бревна, скупаем лес на корню, у нас есть кредит и вообще все есть, мы разделяваем, мы продаем, мы все время в делах, но почему-то настоящей отдачи нет.

Абель нашел, что со стороны аптекаря очень славно не требовать прямого ответа на его прямые вопросы, он сам топил их в словах, вероятно, боясь услышать однозначный отказ. Абель не хотел связываться с этим допотопным предприятием, но аптекарь дал ему возможность уклониться от ответа.

— У вас красивый автомобиль. Хорошей марки.

— Вам она знакома?

— Да.

— Очень дорогая, — сказал аптекарь, — но чтобы вернуться к тому, о чем мы уже говорили... Вы могли бы стать управляющим, что вы на это скажете? Мы могли бы сделать выгодную покупку в Пистлейе, но денег у нас не хватает. Мы еще с прошлого сезона им задолжали, так что этот лес они нам в кредит не продадут — чтобы уж сказать вам все, как есть. Если бы вы, Бродерсен, вошли в долю и кое-что усовершенствовали, мы бы вновь завоевали доверие. Для нас всех было бы очень скверно, если бы... ну да, если бы дело окончилось неудачей. Да к тому же рабочие, которые живут с лесопильни и не имеют других средств к существованию. Вы, Бродерсен, были в Канаде, вы специалист, как я слышал...

— Ну, там было все другое, — отвечал Абель.

— Конечно, по-другому, не тот размах, электричество. Я в этом мало что смыслю.

Старый аптекарь был человек чести. Он всегда действовал с чрезмерным размахом и хотел играть роль благодетеля, только средства ему того не позволяли. А так ничего плохого о нем не скажешь, он действительно был человеком чести.

Абель сказал:

— Я наведуясь туда и посмотрю, как там и что, если хотите.

— Спасибо, — ответил аптекарь.

Но это «наведуясь» вызвало скрытое сопротивление со стороны руководителя работ и десятников, которых назначило правление. Абель провел там три недели, и ему все это надоело, впрочем, работа ему вообще легко надоела. И однако же три недели, проведенные им на лесопильне, оказались не совсем чтобы бесполезными. Благодаря ссылке на Абеля и рискованным намекам на то, что этот богатей и редкостный специалист намерен войти в долю, правлению удалось выбить кредит на покупку леса в Пистлейе. А дальше дело могло благополучно идти все лето.

— Ты почему ушел с лесопильни? — спросила Лолла.

— А ты знаешь, что шкипер Кьербу до сих пор жив? — спросил Абель, уводя разговор в сторону.

— Ну жив, жив, а почему ты спрашиваешь?

— Просто пришло в голову. Потому что Крум умер.

Лолла была в черном, но теперь добавила к черному немножко белого и носила белые перчатки с черным. Выглядела она превосходно, осанистая, выражается изысканно и не подтягивает на людях чулки. Удивительные перемены произошли с Лоллой. Она больше не стала никуда устраиваться, чего нет, того нет, но она стряпала и стирала, и латала, и работала не покладая рук в своем домике у моря, и развела цветы на окнах, и сделала очень уютное жилье. Мать не могла на нее нарадоваться.

Лолла спросила:

— Но почему ты все-таки ушел с лесопильни?

Абель ответил:

— Интересно все-таки, как они там поживают в Кентукки.

Он бесцельно слонялся по городу, ничего не предпринимая, его новый костюм часто выглядел нечищенным, но его ничуть это не смущало, да и вообще его ничто не смущало. В «Приюте моряка» его полюбили; он сам со всем управлялся и не вызывал звонком горничную, если та обойдет стороной его комнату. Он не хаял ни скверный кофе, ни снятое молоко, был вежлив и за все благодарил.

Он зашел в погребок, поздоровался с неграми, занял столик в углу и получил свою кружку пива.

— Про вас одна дама спрашивала, — сказал ему кельнер.

Абель, с улыбкой:

— Дама, которая спрашивает про меня, навряд ли важная персона.

— Если б вы знали, кто это был, вы бы так не говорили, — отвечал кельнер.

Он посидел немного, потом вдруг заспешил, расплатился и вышел. У дверей он столкнулся с ними обоими — с ней и с ее мужем.

Абель поздоровался и хотел пройти мимо, но тут она сказала:

— Батюшки, да это же Абель, и почти умытый.

У него потемнели глаза, и он ответил:

— Не смейся над человеком, которого ты не знаешь. А вдруг это окажусь я.

— Господи помилуй, ты ведь не рассердился?

— На это я не способен.

— Вы знакомы? — спросила она мужа. — Нет, дорогой Абель, это была просто шутка. Пошли, посидим немного вместе! — Она потащила его за рукав, и они сели и поздоровались с некоторыми из гостей.

— Мы пропустили дома по стаканчику портвейна, — сказала она Абелью, — а потом перебрались сюда. Я рада тебя видеть, я про тебя спрашивала, ты ведь не такой, как все остальные. И ты на меня не сердишься? Я просто пошутила.

— Вы что будете пить? — спросил Клеменс.

— Вино, — сказала Ольга, — немного, одну бутылку на троих.

— Да, мы знакомы с детских лет, — любезно сказал Клеменс. — Правда, я был на несколько лет старше.

— Я хорошо помню, как вы приезжали домой на каникулы, — сказал Абель.

— Ты, верно, догадываешься, что мы про тебя вспоминали, — сказала Ольга не без доли презрения.

— С чего бы это вам меня вспоминать? Я был студентом и приезжал домой.

— Да у тебя была шапка с кисточкой, вот ты и выбился в люди. С нами все обстояло иначе. Вот и Рибер Карлсен выбился в люди, а теперь проповедует в церкви. Послушай, — вдруг сказала она, прямо адресуясь к Абелью, — ты случайно не видел, что у Христа в церкви появился новый браслет?

Молчание.

— Ты не отвечаешь, но это чистая правда. Прежний браслет сняли или просто украли, а теперь у него новый. Чудо. Случись это в Лурде, люди сказали бы, что он разрешился от бремени браслетом.

— Ха-ха-ха, — засмеялся Клеменс, — очень остроумно.

— В нашем семействе есть только один остроумный человек, и это ты. Твое здоровье, Абель!

Вот это да, должно быть, подумал про себя Абель и организовал дело так, чтобы и муж Ольги пил с ними.

Она не стала лучше, чем была раньше, подумал он, но она настоящая ведьма и вообще великолепна. А ее мужу нужен крепкий хребет.

Она вообще не замечала мужа. Сейчас для нее существовал только Абель.

— Потанцуем, Абель?

— Я не умею.

— Не умеешь? Не выучился?

Клеменс решил, что надо как-то смягчить слова жены:

— Зато он выучился многому другому.

— Спасибо за напоминание! Играют хороший вальс. Смотри, сколько народу вышло на площадку. А они вдобавок и поют, Господи, какие у этих африканцев нежные голоса!

— Тебе хочется танцевать? — спросил Клеменс.

— Нет, спасибо, я просто хотела загладить свою вину перед Абелем.

— Нет-нет, тебе нечего заглаживать.

— Я помню, у тебя были когда-то такие мягкие руки.

Абель, спрятав руки под стол, сказал:

— Сейчас я не рискну их показывать. Я после обеда поработал в садоводстве.

— Там, значит, ты и перепачкал свой костюм?

— Наверно, там. А у меня, выходит, грязный костюм? Схожу тогда к портье, чтоб меня почистили щеткой.

— Сиди. И забудь об этом. Ты надумал заняться садоводством?

— Пока не знаю. Почему заняться? Я просто помогал.

— Да, но ведь ты, наверно, хочешь начать какое-нибудь дело?

— Я подумывал о мореходной школе.

— Так это же прекрасно, — сказала она. — Большой корабль, капитан и владелец. Но и тебе надо малость поторапливаться, на это уйдет много времени.

— Я уже был в такой школе, в Австралии. Наверно, мне не так уж много и осталось.

— И я поплыву вместе с тобой, — сказала она, — куда мы с тобой поплывем? Я хочу спросить, сам-то ты куда собираешься?

— Пока не знаю. Наверно, куда-нибудь в Америку. Я там был женат.

— Тут ходили слухи, что она — негритянка.

— Нет, — отвечал он. — А хоть бы и так, какая разница.

— Да. Я просто думала...

Клеменс:

— Они красиво играют.

— Да, они из Кентукки, — сказал Абель, — мои земляки. По вечерам мы сидели и слушали, как там и сям поют негры.

Ольга:

— А у тебя была всего одна жена?

— Но Ольга! — вскричал Клеменс и с улыбкой покачал головой.

Она и сама засмеялась:

— Разве нельзя спросить? Абель и я — мы хорошо знаем друг друга, в начальной школе мы даже изображали влюбленную парочку. Ты еще помнишь, Абель?

— У тебя хорошая память.

— А разве неправда? Разве у тебя не было серьезных намерений по отношению ко мне?

Вся эта болтовня заставила Клеменса рассмеяться, может быть, лишь затем, чтобы подольститься к ней. Абель начал его жалеть, она совсем втоптала его в грязь, а разве оба они когда-то не были счастливы? Разве настали плохие дни? Клеменс был среднего роста, с пробором, помадой и ароматом в волосах, у него были узкие руки, обручальное кольцо, часовая цепочка, он улыбался, обнажая зубы — пока все свои, приятный и доброжелательный человек без особых примет. Женат на Ольге. Детей у них нет.

Абель хотел втянуть его в разговор и сказал:

— Насчет ваших приездов домой на каникулы — вы, верно, много занимались, у вас был такой бледный и усталый вид.

— Ну конечно, зубрить приходилось, особенно перед экзаменами. Разве мы были бледные?

— Мне вспоминается лицо Рибера Карлсена...

— Ну, Рибер Карлсен, он занимался день и ночь, чтоб дозаниматься до профессора, а нам, остальным, просто не хотелось быть хуже других.

— Так ведь и ты сдал хорошо, — сказала Ольга с неожиданным дружелюбием.

— Да, — сказал он, — но по чистой случайности. Мне пришлось отвечать как раз на тот вопрос, где я что-то знал.

— Я в этом не разбираюсь, — сказал Абель, — но вопросов есть много, неужели вам каждый раз просто везло?

— Абель еще не знает, какой ты у нас скромный, — сказала Ольга.

— Скромный? — не согласился Клеменс. — Нет, у обычных студентов в голове была только одна мысль: спихнуть экзамен, а потом заполучить ту девушку, в которую влюблен.

Ольга вдруг кивнула проходящему мимо господину и пошла к нему. Но они не остановились, чтобы поговорить, а сразу пустились в пляс.

Клеменс, с улыбкой:

— Этого она слышать не желает.

— Почему?

— Ну... потому что тогда я был влюблен вовсе не в нее.

— А Ольга об этом знает?

— Я ей сам рассказал.

— Неужели Ольгу и впрямь занимает эта старая история? — спросил Абель.

— Скорее нет. Да, скорее не занимает. Ольга сознает свое превосходство. Когда мы поженились, она взяла упомянутую особу к нам в услужение.

«Как?» — хотел вскрикнуть Абель, но вовремя спохватился и задумался, нахмутив лоб. Оба помолчали.

Музыка стихла. Раздались аплодисменты — и джаз заиграл снова.

— Подпевайте! — крикнула Ольга в сторону эстрады.

— Чего только не бывает в этом возрасте, — продолжал Клеменс. — Что-нибудь кажется таким далеким, таким невозможным и одновременно таким возможным, просто нельзя пройти мимо.

— Ну, со временем мы выучиваемся проходить мимо, — заметил Абель.

— Пожалуй. Не отведать ли нам винца?

Они выпили и снова замолчали.

— Нет, мы не можем пройти мимо, кроме как подавив это в себе.

Абель, задумчиво:

— Да, первая любовь — это такое дело...

— У вас тоже есть опыт по этой части?

— Небольшой.

— Это и впрямь такое дело, — сказал Клеменс, — я, верно, от вина разболтался. Но если бы та девушка сейчас вошла в дверь, мне и сегодня это бы не было безразлично. Сейчас и сегодня.

— Но Бог ты мой! — воскликнул Абель. — Как же вы терпели, чтоб она была у вас служанкой?

— Просто терпел, как и всегда. С тех самых пор, когда я был еще молоденьким студентом и приезжал домой на каникулы. Ни словом, ни взглядом я себя не выдал.

— Это ж надо, какое образцовое поведение! — воскликнул Абель.

— Да, у нас дома всегда требовалось образцовое поведение. Отец и мать и две моих сестренки, которые тогда еще были совсем маленькие, мы прямо так и родились на свет с образцовым поведением.

— А вы не могли просто-напросто взять и обручиться с этой девушкой?

— Я — и обручиться! Даже речи быть не могло! Просто признаться в любви и то показалось бы чудовишно.

— Значит, было какое-то серьезное препятствие?

— Да. Не тот уровень. Классом ниже. О ней ходила молва, что она совсем неуправляемая, слишком бурный темперамент. Но в моих глазах это ничего не значило! Напротив,

это, может, и было самое привлекательное для меня в том возрасте.

— А самой девушке так и не пришло в голову, что вы к ней питаете нежные чувства?

— Никогда. Скажи я ей об этом сегодня, она была бы вне себя от удивления.

Абель, улыбаясь, покачал головой:

— Такие тайны всегда рано или поздно просачиваются наружу.

— Никогда! Совершенно исключено. Спросите лучше, как моя жена это терпела.

— Она, выходит, знала?

— Она знала все. Я думаю, именно поэтому она и пригласила ее работать у нас.

— И на нее это никак не влияло?

Клеменс, чуть смущенно:

— Возможно. Слегка. В эти месяцы она была со мной ласковей, чем обычно. Она постоянно требовала, чтобы я вел ее под руку. Ох, это вино! Я, верно, наскучил вам.

— Совершенно наоборот, — заверил его Абель.

— Но разве это не доказывает превосходство моей жены, превосходство Ольги, что она взяла ее в наш дом?

Абель, поразмыслив:

— Не могу сказать. Коль скоро она знала, что ваше образцовое поведение, ваше неестественно образцовое поведение не дает вам предпринять какие бы то ни было...

— Да-да, ваша правда. И чтобы завершить тему — если первая влюбленность оборачивается помолвкой и свадьбой, это редко приводит к добру. Стало быть, и скрывать уже нечего. А вот и Ольга! Вы уж извините, что получился такой дурацкий разговор. Для меня это отнюдь не вопрос жизни и смерти.

Ольга вернулась, кавалер подвел ее к столику, поклонился и ушел.

— Я ему давно задолжала этот танец, — пояснила Ольга. — А еще рюмочки вина для меня не осталось? Ты его, наверно, знал, Абель. Это сын купца Гулликсена, мы у него берем товар.

— Да, я его знаю. Его зовут Вильям.

— Очень предприимчивые люди и большая торговля. Но на новый фонтан они дали всего сто крон, а я знаю такого отца, который выложил тысячу. Но от этого они не становятся менее почтенными людьми. Ты видел эту маленькую фигурку, Абель? Видел, откуда у нее течет вода? Господи, как я разболталась! А все из-за вина.

— Ты прямо сияешь, — сказал Абель.

— Посияй и ты хоть немножко.

Клеменс, с улыбкой:

— Ты не даешь ему такой возможности.

— А вы слышали, как я крикнула неграм, чтоб они пели, и они запели?

— Попробовали бы они не послушаться.

— Вот уж и не знаю, Абель. Они не обязаны меня слушаться. Вот они снова поют! Да-да, и еще под саксофон! Они хорошо там выглядят, вся их чернота среди меди, черное и золотое. Но когда ты давеча сказал насчет того, чтобы выйти за них...

— Ты их вблизи видела? — спросил Абель. — У них все бархатное, глаза, голос, кожа — бархат.

— Да, но выходить за них! А еще говорят, от них плохо пахнет. Но когда ты станешь капитаном, мы все равно поедем к твоим неграм. Спасибо тебе за сегодняшний вечер! — закончила она и поднялась с места. — Нам пора домой к нашим малюткам. Ты расплатился? — спросила она у мужа.

— Нет. — Он опустил руку в карман.

— Не беспокойтесь, — сказал Абель, — я еще немного посижу.

IX

Проходили месяцы.

Он все слонялся и слонялся и находил спокойные места, где можно побыть одному. Поскольку такие блуждания без всякого дела производят скверное впечатление, он купил себе рюкзак, чтобы, по меньшей мере, иметь хоть какую-то ношу. День за днем, неделю за неделей он бродил, и не работал, и не пытался кем-нибудь стать, нет и нет. Садоводство было вполне приятное место, а в рюкзаке он обычно нес немножко провизии разного вида и подкармливал тамошних учеников, они всегда хотели есть и были благодарны за еду.

Чувствовал он себя не слишком хорошо. Непривычное состояние — ходишь и бездельничаешь и при этом не опускаешься на дно. Опустись он, все выглядело бы совсем по-другому. Но не имело смысла сидеть и втягивать голову в плечи и делать вид, будто ты мерзнешь и плохо себя чувствуешь, когда на тебе такая справная одежда. Лолла вполне бы сгодилась, чтобы рука об руку с ней брести дальше по

жизни, но, во-первых, она была его мачехой, а во-вторых, заделалась дамой. Впрочем, когда-то она была действительно сумасбродной, чтобы не щадить себя. О Лили, кассирше и владелице сада, всерьез даже и речи быть не может. Эта годилась лишь для того, чтобы стать на время его возлюбленной.

Все кругом только и твердили, что ему надо кем-то стать. А почему надо? Потому, что все кем-то стали, но при этом не сделались лучше других. Просто очень нелепо разгуливать эдаким джентльменом-лоботрясом с черным флером на рукаве, при всех пуговицах, и с целыми швами и без единой прорехи.

С крыши упала черепица и чуть не убила одного из великих людей города, Фредриксена, того самого, у которого было и загородное имение, и моторная лодка, обшитая красным деревом. Абель сразу направился к Фредриксенам и спросил, не может ли он быть хоть чем-то полезен. Жена с удивлением поблагодарила его за участие, но она не знает... не совсем поняла...

Он, Абель, может, например, привести с собой несколько пареньков из такого-то и такого-то садоводства, пусть выполнят траву в саду, покуда господин Фредриксен прикован к постели...

Жена продолжала не понимать, для этого у них есть специальный человек, садовник. Она еще раз поблагодарила за заботу, но все-таки...

Чего ради он вообще навязывается и лезет не в свои дела? Сорняки в саду — и без того на дворе октябрь, ночные заморозки, у фру Фредриксен есть все основания удивляться. Вот и Ольга удивилась, когда он пришел и хотел что-то ей предложить, предложить небольшой презент. Как ни суди, а не получалось у него быть предприимчивым. Точно так же он проработал три недели в магазине, торгующем книгами и бумагой, не испытывая к делу ни малейшего интереса. Точно так же он заявился и в кузню к Тенгвальду, но работы и там не получил. Ты ведь не станешь отбирать кусок хлеба у них, которые уже здесь работают, сказал тогда, помнится, Тенгвальд.

Ну конечно же, он хотел стать кем-нибудь, это просто блажь, что он не хочет. Он уже сам наскучил своим ложным положением — бродяга и джентльмен в одном лице. С мореходной школой он на этот сезон опоздал, но он человек терпеливый, может и подождать. Случалось время от времени то одно, то другое, чем можно отвлечься. Пришел таможенник Робертсен и без обиняков попросил о займе,

Абель тоже так же без обиняков отказал. Уж этот таможенник, с его суетливой деятельностью, с его женой и дочерьми, — нет и нет! Зато вот матери Лили, которая стирала на рабочих с лесопильни, он помог наладить продажу вафель на карусельной площади. Иногда он сам закупал у нее всю корзину вафель, а потом раздавал их...

Как-то сосед по «Приюту моряка» прибежал и сообщил, что попал в беду один пильщик. Парень просто не смог дольше стоять там и глядеть, как никто не в силах помочь.

Абель поспешил к лесопильне. Там уже собралась целая толпа. Один из десятников стоял со свернутым канатом в руках, но не знал, как его употребить; известили аптекаря, тот примчался на своем автомобиле, выскочил, начал издавать вопли и заламывать руки. Пилу остановили, но водопад страшно грохотал, а управляющий и конторщики стояли вокруг, драли глотку и подавали ценные советы. Суматоха царила страшная. Лили была там же, она причитала, перебегала с места на место и волокла при этом за руку свою дочь. Свой огромный живот она прикрыла шалью. Это Алекс, ее муж, мог погибнуть на глазах у всех.

А все натворили большие стволы из Пистлейи — их надумали без всякой подстраховки пропустить через шлюз, но какое-то бревно встало торчком, упершись в дно перед самой пилой, другие бревна зацепились за первое, получилась «запань», как это здесь называют, и мгновенно взгромоздилась гора выше самого водопада.

Алекс дошел со своим багром до низу этой горы, ему даже удалось высвободить несколько бревен, но тут он, должно быть, заметил, что с каждым высвобожденным бревном растет опасность для него самого: он стоял на конце нижнего бревна, а над ним нависала целая гора бревен. Алекс был не глупее других, он понимал, что лишь тяжесть его тела удерживает на месте это, последнее бревно и не дает обрушиться всей горе. Он застыл неподвижно, ища глазами спасения. Лицо у него побледнело. Он осторожно поднял руку в знак того, что не может шевельнуться.

Абель охватил все взглядом, прикинул, измерил глазами. Видно, в его засыпающем мозгу сверкнула искорка жизни, воспоминание о работе, о былом рвении и храбрости там, в Канаде.

Десятник при своем канате заодно с управляющим как раз принял решение вытянуть Алекса на канате. Вытянуть на канате.

Абель стоял и слушал: как же вытянуть на канате, когда самим поднимальщикам не на чем стоять?

Тогда пусть они станут на вершину горы, четыре человека, рванут одновременно как по стартовому выстрелу и тотчас отпрыгнут назад, на твердую почву.

Очень прекрасно. Но через три секунды после того, как Алекс будет поднят с бревна, на котором он стоит, гора придет в движение, а через пять она увлечет за собой и самого Алекса и спасателей.

Тогда как же вытаскивать?

— По воде, — сказал Абель.

Это, разумеется, очень мило, они и сами так думали, но сможет ли Алекс плыть, раз он стоит на бревне.

— Плыть он сможет, я его хорошо знаю. И будь дело только в том, чтобы спрыгнуть в воду, он бы уже давно спрыгнул, но он понимает, что гора догонит его, прежде чем он успеет в первый раз взмахнуть руками.

Мужчины пожимают плечами. Они давно невзлюбили Абеля, с тех самых пор, как он наводил порядок на лесопильне. И они ехидно спрашивают, уж не собирается ли он вывозить Алекса на лодке.

Народу все прибывает, многие побросали семью, дела, контору. Здесь и Ольга. Ее бьет нервная дрожь, и она крепко стискивает руку своего мужа. Фотограф Смит скачет вокруг и делает снимки для газеты. Аптекарь возникает то тут, то там и ломает руки. Они ничего не делают, они ждут, пока Алекса задавит. Аптекарь подходит вплотную к десятнику и говорит:

— Он стоит там внизу и ждет! Вы ведь хотели попытаться вытянуть его?

Десятник вскидывает голову.

— Этот тип утверждает, что вытянуть его нельзя.

— Кто? Вы, Бродерсен? Тогда придумайте что-нибудь.

Абель:

— Если б никто не совался...

Управляющий и десятник, презрительно:

— Мы и слова не скажем.

Должно быть, в Абеле все-таки вспыхнула искорка живой жизни, он отбирает у десятника канатную бухту, торопливо спускается к воде, скидывает куртку, набрасывает петлю себе на шею и прыгает в воду.

Плыть недалеко, от силы метров пятьдесят, течение небольшое, но вода глубокая и чистая. Те, кто остался на берегу, видят, что он по пути прихватывает одно из плову-

щих бревен, словно и ему нужно бревно, чтоб было на чем стоять, а для чего — непонятно.

То, что происходит дальше, можно наблюдать с берега во всех подробностях. Мало-помалу и с величайшей осторожностью он помогает Алексу сдвинуться с места и соскользнуть в воду, так сказать, пядь за пядью. При этом Абель ухитряется сохранить прежнее давление на бревно Алекса, точно так же, пядь за пядью, водружая на него свое бревно. Ювелирная работа — и с риском для жизни. То, что малейшая неточность в расчете давления означала бы смерть для обоих, выяснилось несколько минут спустя, когда гора обрушилась.

Оба были спасены. Но поскольку бревна осклизли от воды, нельзя было надеяться, что запань так и сохранит неподвижность. Лишь когда Абелью и Алексу с невероятной тщательностью удалось связать бревна, они с величайшей осторожностью поплыли прочь.

Крики «ура!» на берегу.

Они успели проплыть примерно полпути до берега, когда гора со страшным грохотом обрушилась. Не понадобилось никаких усилий. Чтобы нарушить равновесие, хватило одного движения: Абель, который плыл, зажав в зубах конец каната, глянул назад и мотнул головой.

Фотограф Смит запечатлел и эту картину.

Время уже было позднее, но Абель решил предпринять еще одну попытку хоть кем-то стать, и потому он пошел к руководителю мореходной школы. «Чего я там не видел», — думалось ему по дороге, но все-таки он пошел.

Вернулся он крайне угрюмый. Он-то полагал, что на основе австралийской школы ему достаточно будет ограничиться, так сказать, норвежским довеском. Отлично. Но после беглого испытания, нескольких вопросов он и сам увидел, что либо забыл выученное в Австралии, либо вообще никогда этого не учил. Помотав головой, он удалился восвояси. Отказываться от своего замысла он не захотел, а начинать все по новой — тем более. Просто здесь, в родном городе, он никак не мог снова поступать в школу, такой старый, и большой, и рослый, как он есть. И он надумал уехать.

Он твердо решил, теперь дело пошло всерьез.

Тут выяснилось, что уехать он собирался в чем был. Но Лолла заставила его взять с собой хотя бы смену одежды. Это он, в общем-то, мог сделать, а потому и поддался на уговоры. Покуда она занималась укладкой вещей, он пристал к ней с расспросами:

— Ты знаешь молодого Клеменса?

— Да, — удивилась Лолла, — я ведь служила у них.

— Он адвокат.

— Разумеется. К чему ты клонишь?

— А к тому, что ты могла бы уговорить молодого Клеменса уладить дело с фальшивым обязательством и выкупить его у банка.

— Да, но...

— А ты, видите ли, не придумала ничего умней, как выйти за моего отца.

— Ах, так! Думаешь, я не просила Клеменса? Просила. Но он не захотел.

— Это почему же? — спросил Абель. — Уж как-нибудь у него хватило бы денег на первую выплату.

— Верно, хватило бы. Но он сказал, что не желает иметь ничего общего с этой историей.

— Прямо так и сказал? Разве вы с ним не были добрыми друзьями?

— Ну, что друзьями — этого не скажешь. Но служить у них было приятно. Особенно из-за Ольги. Он всегда был очень мил и приветлив, он тоже, но Ольга прямо была какая-то особенная по отношению ко мне, хотя я и была у них в услужении. А все эти книги, которые она давала мне читать! Один раз Клеменс отобрал у меня книгу, которую она мне дала, она, мол, не для меня, она грязная.

— Ты к ним и сейчас еще заходишь?

— Нет. Один раз я пришла и села на кухне, и фру сказала мне «добрый день», но она думала, что я пришла к их новой служанке, а я вовсе не к ней пришла. Вот с тех пор я там больше не бывала.

Молчание.

— Нет, Абель, — снова заговорила она, не переставая укладывать его вещи, — у меня и впрямь не было другого выхода.

— Все равно плохо, что ты это сделала.

— Почему плохо?

— Потому что ты себя замарала.

— Я могла и хуже себя замарать. А тут я как вошла, так и вышла.

— Замуж! Да за кого — за моего отца! Ему сколько годов-то было — сто?

— Ты теперь из-за этого настроился против меня?

— Нет, не теперь. Хотя знаешь, Лолла, ты и для меня самого была бы неплоха, чтобы заполнить тебя и вместе уйти на дно.

Лолла призадумалась.

— Я не поняла, о чем ты. Я была бы неплоха и для тебя?

— Да, чтобы вместе уйти на дно.

Она продолжала укладывать сорочки и носки.

— А теперь уже поздно? — спросила она.

— Ты и сама должна понять.

— Да, — сказала она.

Молчание.

Он заговорил о другом: о том, что ему надо было послать деньги в Америку, но он так и не послал, так как до отъезда у него не нашлось времени.

Но Лолла не желала уходить от первой темы, она повторила, что вышла из этой истории точно такой же, как и вошла, без изменений, примерно в этом духе...

Абель:

— Я про деньги, которые должен был отправить давным-давно, но так и не отправил.

— Мне кажется, ты мне не веришь. Но примерно в этом духе...

— Да-да-да, Лолла. Мне непременно надо было отправить эти деньги.

Наконец-то Лолла прислушалась к тому, что он говорит.

— А что это за деньги?

— Для одного человека по имени Лоуренс.

— Ты ему должен?

— Нет. Так. Он сидит в тюрьме, вот и надо бы ему что-нибудь послать.

Лолла, подумав:

— Меня это, конечно, не касается, но на твоём месте я бы не рисковала своими деньгами. Их нелегко будет получить обратно.

— Нелегко.

— Ты три недели проработал в книжном магазине, и тебе от них ничего не следует. Но ведь и за три недели на лесопильне ты ничего не получил?

Абель, с улыбкой:

— Я бы ни зре от них не взял, даже если б они мне предложили. Они банкроты.

— И когда ты живешь в «Приюте моряка», ты ведь тоже платишь за каждый день.

— Да, Лолла, но я все равно не мог бы ничего взять на лесопильне. Денег у них нет, склады пусты, у них вообще ничего нет.

— Я просто думала, — сказала Лолла, — что для тебя было бы дешевле жить у моей матери...

— Где? — разинул рот Абель.

— Ну да, на берегу. Там четыре комнаты, а нас всего двое. Абель замотал головой и коротко отрезал:

— Нет.

Лолла:

— Может, ты и прав, я просто так предложила. Люди начали бы судачить. Чемодан у тебя облезлый, как я погляжу.

— Знаю. Зато рюкзак у меня есть новый. Может, мне его взять?

— Рубашки в рюкзак?! Хотя с таким чемоданом и впрямь стыдно ездить.

— Господи, до чего ж ты у нас благородная. Тебя не молодой Клеменс этому выучил?

— Он меня вообще ничему не учил. Я просто когда чистила вещи, обратила внимание, что пиджак у него на шелковой подкладке.

— А когда он раздевался, ты случайно не обратила внимания, какое на нем белье?

— Я и так это знаю. Недаром я его стирала. И его белье, и его жены. У нее белье самое тонкое и нарядное, и мне не велено было его тереть и выкручивать, только прополоскать в корыте и все.

— Ну а у него?

— У него тоже очень тонкое. Но должна тебе сказать, то, что ты купил для себя, по меньшей мере, такое же тонкое.

— Значит, и оно хорошее.

— Только одно: твой чемодан. Впору сходить и купить новый.

— Перестань об этом и кончай складывать. И вот это не забудь.

— Да зачем он тебе нужен?

— Сунь его в какой-нибудь носок.

— Ума не приложу, зачем тебе в мореходной школе нужен револьвер.

И он уехал. Теперь дело пошло всерьез. Он был совершенно уверен, что в этом году на занятия опоздал, но все равно уехал. Потому как дело пошло всерьез.

Он пропадал всю зиму, а к маю снова объявился. Писать он никому не писал и вообще не подавал никаких признаков жизни, но Лолла на правах мачехи заставила его банк

сообщить, регулярно ли ему переводятся деньги, которых хватило бы и на жизнь и сверх того.

Тем не менее он вернулся худой и усталый, и у него был вид человека, давно не евшего досыта. Посмотрел бы его отец, в каких обносах он вернулся назад, увидел бы, что уже и тонкого белья на нем нет. Он-де сдал его в стирку и уехал, не получив обратно.

Конечно же поездка принесла ему очередное разочарование, но ничего удивительного тут не было, время года он выбрал неудачное и слишком поздно приехал. Теперь он занял прежнюю комнату в «Приюте моряка» и начал коротать свои дни, как и прежде, ни о чем не тужа.

Лолле он объяснил все как есть: он-де сразу пошел к директору большой мореходной школы, ни дня не упуская, изложил свое дело и получил ответ. Да, директор держался очень приветливо: «Я понимаю, вы человек, который хочет кем-то стать, ну что ж, давайте послушаем». Он задал несколько вопросов по общим проблемам мореходства.

— Для меня это были детские игрушки, — продолжал Абель. — Но тут он начал меня спрашивать про то, что я выучил из книг. Так я же читал английские книги. «Не беда, отвечайте по-английски», — сказал директор и держался очень приветливо. Я рассказал ему все, что вычитал из книг, а это было, видит Бог, немного. Да и как могло быть много после двух коротких испытаний в Сиднее! Он меня понял. «Жаль, что вы так мало об этом знаете, — сказал он, — а что, если вам взять репетитора?» — «Охотно», — ответил я.

Но то, что я, как выяснилось с самого начала, ничего не знаю, меня очень огорчило, и я прямо об этом сказал. Он со мной согласился и вообще проявил полное понимание. «Подумайте все-таки о моем предложении насчет частных уроков. У вас будет хороший учитель, это я могу вам твердо обещать».

Ну почему я не сумел усвоить достаточно теории из книг, чтобы сразу начать у этого директора? Просто беда. Он желал мне добра и сердечно пожал мне руку, когда я уходил. Но раз все так глупо вышло, я вернулся к себе на квартиру, лег и все время думал об этом. Там еще был молодой паренек, он приехал издалека, мы потолковали с ним о всякой всячине, и я понял, что для меня просто невозможно нагнать его, потому что я был на восемь лет его старше и был женат и все такое прочее. И пока я лежал там, я решил бросить эту затею. Просто позор, как оно все со мной вышло.

После Рождества и Нового года я начал смотреть на дело с другой стороны, что ж это за собачья жизнь — так себя изводить, в Кентукки гораздо лучше. Тут я мог бы написать

письмо Лоуренсу и послать ему деньжонок и подбодрить нас обоих, но ничего я этого не сделал. Я был донельзя мрачный и одинокий, и когда паренек, мой сосед, пришел с известием, что директор приглашает меня для беседы, я поначалу даже идти не хотел. Но паренек вычистил мой костюм и пошел вместе со мной и ждал за дверью.

Директор сообщил мне, что теперь я могу приступать.

Удивительные мне попадались люди, вот хотя бы он, флотский командир и директор морской школы, для меня он значил больше, чем отец, и я наобещал все, о чем он меня просил. Он дал мне список книг, чтоб я купил их, и мы с этим пареньком на обратном пути купили книги, словом, я приготовился, как надо, так что с моей стороны никаких препятствий не было.

Но вышло нескладно. Я так и не обратился к репетитору, а начал сам читать книги, но без особого толку. В апреле репетитор пришел без вызова и спросил, как будет дальше. Я сказал, что на все согласен. «Тогда давайте сразу и начнем». Человек он был основательный, мы начали с начала, и я за несколько часов много выучил, меня очень взбодрило, что я понимаю его объяснения, и когда он дал мне еще задание на дом и сказал, что придет завтра, я только обрадовался.

Теперь он приходил каждый день, и я немало выучил. Но с каждым днем мне становилось все трудней, и я снова припомнил золотые денечки в Кентукки, и насколько там было лучше, если сравнить с теперешним. Учитель об этом и слышать не желал, он стал строгим и велел к следующему дню выучить задание лучше. Прикажи это директор, я бы, может, и послушался, но ради учителя я надрываться не хотел и на следующий день оказался еще ленивее. «Так дело не пойдет», — сказал он. «Не пойдет», — сказал я. «Оставим, что ли?» — спросил он. «Не думаю, что когда-нибудь смогу это выучить», — сказал я. «Ладно», — сказал он и ушел.

От меня к тому времени остались кожа да кости. Нечего было и надеяться, что я в моем возрасте с этим справлюсь. Пока он только начинал, я еще помнил название кой-каких инструментов, а всего лучше я знал компас, за которым стоял столько раз, когда вел корабль. Но навигация — жуткая штука, в моем-то возрасте. Есть навигация земная и есть небесная, чтоб ты знала, и обе — совершенно непонятные загадки, а ты должен их решить. Считаешь, считаешь, пока в глазах не потемнеет. Ты не понимаешь в этом ничего ровным счетом, но все равно должен высчитать. На то тебе даны

компас, и хронометр, и прочие инструменты. Но не успел ты кончить подсчеты, как выясняется, что и сами инструменты ненадежные, и ты должен — Боже спаси и помилуй — вычислять вдобавок отклонения компаса и хронометра — просто выдержать невозможно.

Лолла сидела и терпеливо слушала.

Абель встряхнулся и словно бы лязгнул зубами.

— А в городе как дела? — спросил он.

Она понимает, что он старался, что он сделал все для него возможное, но все равно она очень подавлена и спрашивает:

— Ты ведь потом снова начнешь?

— Нет, — отвечает он.

Молчание.

— Кем же ты хочешь стать, Абель?

— Кем я хочу стать? А кем становятся те, кто не становится никем?

— Да, но что ты намерен делать?

Он отвечает не сразу.

— Лолла, а ты не могла бы полить герани в читальном зале? Наверяд ли их кто поливал, когда меня не было.

Х

Значит, как идут дела в городе? Да никак они не идут.

Пила остановлена. Лесоторговое общество «Пистлейя» потребовало свои деньги назад — но не получило. Банки помочь не пожелали. Несколько месяцев заведение еще висело на волоске, потом объявило банкротство. Разорилось.

Хуже всего пришлось рабочим. Они жили с лесопильни, часто сын приходил на смену отцу, многие были женаты, имели жен и детей, у некоторых был собственный дом, другие снимали жилье. Алекс, женатый на Лили, формально имел дом и сад при нем, но задолжал под него слишком много, а тут еще Лили родила второго ребенка, тоже девочку, маленького ангелочка, но в семействе только прибавился лишний рот.

Короче, плохо пришлось всем, кто был связан с лесопильней, и управляющему, и десятникам, всем, вплоть до самых маленьких малышей, которые бегали время от времени с каким-нибудь поручением и получали за это двадцать пять зре. Но всего хуже было аптекарю. Страшно даже представить, что ему предстояло вынести. И несчастные лесопильные акции, и все банковские займы, за которые он поручил-

ся своим именем, — это была не шуточка, из-за них в эту прорву ухнули вполне надежные акции каботажного судна «Воробей», так что из всего добра у аптекаря осталась только аптека и машина. Но самое скверное, что и его, и правление обвинили в финансовой нечистоплотности.

Дело в том, что управляющий сам-второй заявился в лесоторговое общество «Пистлейя» и сообщил, что некий денежный мешок и великий специалист по имени Абель Бродерсен вошел в дело и отныне у них все пойдет по-другому. Позднее всплыло на свет, что этот самый Бродерсен не имел даже твердого места на лесопильне, он просто недели три походил туда и поглядел, что и как. Но именно благодаря этому ложному утверждению и состоялась большая сделка с лесом. А теперь управляющий утверждал, будто делал все с ведома правления. Словом, пренеприятная история.

Аптекаря обвинили в деловой нечистоплотности. С виду он нимало не пострадал, у него остался автомобиль, и он разъезжал на нем по всей округе. Но каждому было ясно, что он более не матадор и не богачей, просто жалость брала глядеть, как он пыжится.

А что прикажете делать всему персоналу лесопильни? Да ничего. У другого аптекаря ведь не было своей лесопильни, чтобы рабочие могли перейти туда, они все еще жили с последней полочки, а потом они будут жить до тех пор, покуда могущественный купец Гулликсен не откажет им в кредите.

Но когда в яслях пусто, лошади начинают лягаться. Во многих домах поднялось недовольство, в доме управляющего — тоже. Они с женой полюбили друг друга в 1912 году, но с тех пор утекло много воды, жена четырежды становилась матерью, и волосы у нее, как, впрочем, и кожа, утратили окраску. У него волосы тоже поседели и поредели, но те, что остались, были волнистые, его по-прежнему величали инженером, и на прогулку он выходил с тросточкой, заломив шляпу на затылок. Они оставались вместе ради детей и ради приличия, но радости у них не было. То и дело между ними вспыхивали ожесточенные стычки из-за чрезмерных расходов по хозяйству, из-за уймы сигарет, выкуриваемых мужем, из-за шляпок жены, которых у нее было в три раза больше, чем у мужа. В последнее время жена даже находила, что у него отвратительно задранный нос, да вдобавок он начал обзаводиться брюшком. По несколько раз на дню она затевала перебранку с ним, а за столом не произносила ни слова, но перед сном каждый через открытую дверь громко желал другому покойной ночи. Потому что они держались вместе.

В домах у рабочих за столом слышалась брань и громкие удары кулаком по столу, но лишь изредка — дикая пляска и передвигаемые наверх стулья. Одному, что был десятником на сушильне, приходилось, видит Бог, не хуже, чем другим, но он вышел из себя потому, что кто-то куда-то задевал его картузик. Он перерыл все вверх дном, и когда под конец нашел его в детской колыбельке, где его конечно же намочили, у него были все основания громко заорать, но он сдержался. Лицо у него стало неузнаваемо глупым, так мучительно он сдерживался. И при этом глядел на жену.

А жена была простая девушка из городка, может, даже чересчур простая, кое-чем занималась, когда за деньги, а когда и даром, смотря по настроению. Но всего крепче она держалась за того, кто стал ее мужем, и в начале они ничего друг против друга не имели, совершенно ничего. Они даже по обоюдному согласию стали немного религиозными. Но когда пила встала и недельная зарплата не поступила домой, многое разлетелось на куски, с ней стало невозможно поладить, а она то же самое думала о нем. Вот он собрался поохотиться на чистиков, ему обещали место в лодке, они скинулись на бутылку и еще на кое-что впридачу. Но жене, которую никогда с собой не брали, очень не нравилась вся эта охота со складчинной бутылкой.

Он спросил, как бы желая уточнить информацию:

— Мой картузик намок?

— Сам видишь.

— Ты нарочно подложила его под малыша, чтобы я не мог его надеть.

— Ха-ха-ха, конечно, нет.

Стоило ли смеяться в такую минуту? Он вдруг напялил мокрый картуз на голову жене и придавил сверху.

— Ха-ха-ха, — сказал и он.

Она ни капельки не испугалась, она прыгнула на него и начала царапаться. Поступать так тоже не следовало, а уж тем более чертыхаться, как начала она, при ее-то набожности. Потом она смазала его шапкой по лицу и завопила дурным голосом. Дальше, как говорится, некуда.

Он пошел в угол, где стояло его ружье, по виду собираясь всего лишь взять ружье в руки и осмотреть. Но он молчал, и это было самое ужасное. Нет на свете ничего длиннее и тоньше оружейного ствола, так что внутри у нее даже что-то булькнуло.

— Господи! — пролепетала она.

Вот это уже был другой тон, и он понял, что для нее это беда. Тут она увидела, как он направляет дуло в свою сто-

рону, чтобы свести счеты с земной жизнью. Но это могло получиться, только если она поможет ему нажать курок, а нажимать она не хотела, никак не хотела, напротив, она подскочила к нему и отшвырнула ружье.

— Ты чего это надумал! — закричала она. — Да выкручу я твой картуз и высушу над плитой за одну минуту.

Что он должен был отвечать? Ничего. Но ружье он оставил в сторону и ждал, когда она управится.

Во всех семейных домах разыгрывались баталии, не было больше ни субботней выплаты, ни вообще никаких доходов. До сих пор муж и жена вполне ладили друг с другом и с детьми, прилично одевались, имели пальто и плащ, часы и обручальное кольцо. А тут все исчезло, и в умах воцарилось смятение. Они бранились, они кричали друг на друга из-за любой чепухи, причем, именно когда им следовало быть особенно ласковыми и нежными, они ковырялись в прошлом и находили друг у друга столько грехов, что впору выметать метлой. Ну а дети, разумеется, слушали.

Вот и у Алекса в доме дела обстояли скверно. Немного спустя после того, как Алекс потерял работу, он как-то вечером напился и начал бранить Лили за ее распутство. Он долго терпел, но больше он молчать не станет. С тех пор, как некий тип, не сумевший сдать экзамен на капитана, вернулся в город, Лили опять словно взбесилась и бежит за ним, как распутная девка, и все, кто их ни встретит, чуть не сплевывают при виде Лили, — какая, мол, липучая баба. Интересно, будет этому когда-нибудь положен конец или нет?

Лили ни в чем не признавалась и ничего не отрицала, она просто заметила, что не понимает, о чем он. Хотя вполне могла бы понять, не так уж и трудно. Она была отнюдь не Божье чадо, скорее уж не знающая удержу бесовка. Нежная Лили пробудилась после многих лет добропорядочного супружества, лишь теперь пробудилась для эротических усад. Все, что до этого, было терпеливым исполнением долга — тупой долг и покорность, зато теперь она просто не знала удержу. Она предавалась любви часто и чудесно и отнюдь не скрывала, что с ума сходит по этому занятию.

Самое любопытное, что никто о том не догадывался. В домах, где бывают люди, их не встречали, никто никогда не застукал их в лесу, а пробраться в церковь они не могли. Оставалась единственная возможность: каботажное судно «Воробей», уж не там ли? Этот маленький белый корабль, который швартовался в порту каждый второй вечер после

двухдневного перехода, вполне мог оказаться тем райским садом, где они могли укрыться. Но бывали ли они там на самом деле? Немало людей поглядывало на «Воробья», сам Алекс, и Лолла, и дочери таможенника Робертсена, и многие другие, кто хотел отравить им удовольствие, но ни разу никто их там не обнаружил.

Алекс зашел еще дальше, он начал выражаться по-книжному ради самоутверждения.

— Ты, значит, не понимаешь, о чем я веду речь? Я веду речь о некоторых субъектах, так и не сдавших экзамен на капитана, теперь поняла? Может, теперь ты соизволишь меня понять?

Алекс пьян.

Лили улыбается и делает гримаску.

— Кроме того, я веду речь о младенце, — говорит он и указывает на младшенькую. — Сперва его не было, понимаешь, паскуда, не было, и все тут. А потом младенчик спустился с неба и сразу стал ангелом в твоих глазах — поняла? Но я ли ниспослал тебе этого ангела?

Судя по всему, Алексу очень важно получить ответ именно на этот вопрос, но Лили все так же улыбается. Он выкрикивает свои слова прямо ей в лицо, но Лили улыбается. Впрочем, не таков был Алекс, чтобы ждать, покуда она на улыбается досыта, он встал. Да, он встал.

Но закусившая удила особа не отступает, она может улыбаться целые сутки. Пришлось ему снова сесть.

На все происходящее Лили смотрела сверху вниз и не думала отвечать. Она умышленно воздержалась от слов, и свое действие это возымело. Ведь именно она оплатила все, что у них вообще было оплачено, дом и сад, именно она занимала высокий пост, была кассиршей, а муж простым рабочим и ворочал стволы деревьев. Так неужели же она не может себе позволить улыбаться в ответ на несвязные речи и полумертвые глаза пьяного мужа? Уж верно, может.

Вторично он с места не поднимался, он кивал и говорил, что, да-да, она еще увидит! Больше он ничего не скажет, но она еще увидит. И она, и некоторые другие.

Когда он заснул на стуле, она взяла младшенькую на руки, старшую — за руку. Детей она забросила к матери, вафельнице, а сама пошла дальше. Наступил вечер, и ей предстояло свидание.

На складской площадке был укромный уголок, куда так просто не проберешься, но она задрала юбки и перешагнула через все препятствия. В дальнем углу стоял сарайчик, с

косой крышей, когда-то его арендовал старый капитан Бродерсен для своих ненужных вещей с маяка, так и стоял этот сарайчик, со всякими диковинами из заморских стран, с кроватями, стульями, и столами, и всем прочим. Туда Лили вошла, там и осталась. А с каботажного судна «Воробей» не снимали наблюдение даже ночью.

Абель несколько не был виноват в том, что происходило, он вообще предпочел бы оказаться в другом месте, впрочем, никакой трагедии и не случилось, лишь несколько дурацких взрывков, да несколько лишних слов.

Он встретил Ольгу и ее мужа на улице и не нашел в них ничего особенного, оба были такие как всегда, разве что Ольга немного беспокойней обычного. Для ее отца настали дурные дни, он скатился до заурядного уровня, но Ольга не стала от этого тихой и немногословной. Разговоры, разговоры, ни на чем не задерживаясь, остроты, светская болтовня, лоскутное рукоделье.

— А вот и Абель! Я тебя целый год не видела! Теперь я хочу повнимательней тебя разглядеть.

— Лучше не надо, — ответил Абель, — я не стал красивее, чем был.

— Ты стал хуже. Почему ты все время стараешься испортить свою репутацию?

— Но Ольга! — улыбнулся ее муж.

Она взяла Абеля под руку и пошла с ним.

— Я слышала, ты так и не был в школе?

— Нет.

— Значит, капитаном ты не станешь?

— Похоже, что ни капитаном, ни кем другим. Я слишком глуп.

— Плохо, что ты не станешь капитаном. Значит, я так и не смогу с тобой уехать.

— Нет, тебе придется подыскать что-нибудь другое.

— А что другое? Теперь у меня нет карманных денег, отцу они самому нужны, его совсем обобрали.

— Ну, Ольга, в былые времена ты всегда умела что-нибудь придумать.

Молчание.

— Это что за пара идет перед нами? — спросила она у мужа.

— По-моему, таможенник Робертсен с женой.

— Разумеется, ты должен кем-то стать, какой вздор. Все хотят кем-то стать.

— То-то и оно: все, кроме меня. Я не хочу. Мне недостает силы воли.

— А почему, собственно, все обязаны кем-то стать? — осторожно спросил Клеменс.

Ольга шутливо ответила:

— Потому что у людей есть внутренний стимул, как сказал Рибер Карлсен в своей проповеди.

Клеменс:

— Да, сказано недурно. Больше всего это относится к желанию человека подняться в социальном плане.

— Нет, вы мне только скажите, почему эта пара идет с той же скоростью, что и мы, — нетерпеливо перебила Ольга.

Мужчины улыбнулись, и Клеменс ответил:

— Они идут по общественной дороге.

— Нет, они обернулись и увидели нас. И приладили свою скорость к нашей.

— Мы можем их обогнать.

— Нет, — сказала она, — тогда они подумают, что мы их видим. Они наверняка смотрят на меня теперь сверху вниз.

— Что-о?

— Да, я заметила это по поведению людей подобного рода. Они дают мне понять, что, раз отец потерял состояние, мы больше ничего не стоим.

Абель попытался отговорить ее, но попытки ни к чему хорошему не привели.

— Он в прошлом году достроил свой дом, теперь дом у него вдвое больше прежнего.

— Это и называется социальный подъем, — насмешливо сказала Ольга. — И к тому же дурость. Ну зачем ему такой большой дом?

Они приблизились к стоянке, и Абель сказал:

— Мы могли бы проехать мимо них на машине.

— Да! — радостно воскликнула Ольга. — Спасибо, Абель.

Они сели в машину.

Клеменс с усмешкой спросил:

— А куда мы поедем?

— Проедем мимо, — ответил Абель, тоже усмехнувшись.

— Далеко, — потребовала Ольга. — К усадьбе Фредриксенов. Мимо Фредриксенов. Пусть Фредриксены увидят, что мы катаемся. Но мы зайдем поздороваться.

— Это зачем? — спросил Клеменс.

Они рванули с места, проехали мимо парочки Робертсенов, которые больше для них не существовали, и выехали

на берег. Перед виллой Фредриксенов велели шоферу ехать медленнее под тем предлогом, что там лежит больной человек. Она же расселась во все сиденье и демонстрировала себя. Нет, никого не видно.

— Тогда поехали в Валгаллу! — скомандовала она.

— Почему в Валгаллу? — спросил Абель.

— Там купальни. Ты разве не знал?

— Их построили уже после меня.

Купающихся там не было, время года было позднее, но ресторан был открыт. Шоферу велели подождать, они вошли в огромное пустое помещение, выбрали себе уголок и заказали кофе и бутербродов.

— Мы проголодались, — сказала она.

— Ты говоришь от общего имени, — подхватил ее муж.

Ольга:

— Мне очень досадно, что мы не смогли увидеть фру Фредриксен, я бы с ней поздоровалась. Они такие замечательные люди. Ты еще помнишь, Абель, мы забрались к ним в огород и таскали там морковь. Господи, да это было уже целый век назад. Замечательные люди, лучших я просто не знаю. И он тоже, не консул, не генеральный представитель и тому подобный вздор, а просто Фредриксен. Ты только представь себе, в прошлом году упала черепица с крыши и страшно его ударила, он до сих пор так и не оправился, но его жена все время твердит, что ему лучше, она такая терпеливая. А он, хоть и больной, скупил у моего отца все акции «Воробья».

— Да, — сказал Клеменс, — он давно за ними охотился.

— Верно. А знаешь почему? Не из жадности и не для того, чтобы на них заработать. Да будет тебе известно, Абель, что у него есть брат, паршивая овца, Ульрик Фредриксен. Он капитан «Воробья». Ты, может, его знаешь?

— Нет.

— Капитана с «Воробья»?

— В мое время не было ни Ульрика, ни каботажных судов.

— Да, но он каждую вторую ночь стоит здесь у причала. Ты не бывал на нем?

— Нет.

— А кое-кто утверждает, будто видел тебя там. Да еще с дамой... Но наш добрый Ульрик так осатанел, так бесчинствует на борту, что брат хотел бы спровадить его подальше, на сушу, он даже приобрел для него славный участок с домом. Но Ульрик не желает уходить. Вот зачем Фредриксен скупил все акции, таким манером он может просто ссадить брата с корабля.

— А где этот Ульрик был раньше?

— Они говорят, что он приехал из Африки. Паршивая овца. Он до сих пор еще водит корабль, но для людей и для товаров это небезопасно. Фредриксен, во всяком случае, опасается.

— Ему нужен толковый капитан, — сказал Клеменс.

Подали кофе и закуску.

— Благослови тебя Бог, Абель, что ты привез нас. Ты сейчас никто, ты не хочешь кем-нибудь стать, но ты так много можешь. В прошлом году или в этом ты спас человека. Мы стояли и глядели, для нас, на берегу, это выглядело вполне безопасным, но когда все закричали «ура!», я заплакала.

— Да, это верно, — подтвердил Клеменс, — она залила слезами мое пальто и кричала «ура!».

— Но мне ты так ничего и не сказал. Ты хотел дать банкет в честь Абели и первым внес себя в подписной лист.

— Ты преувеличиваешь, — с досадой сказал Клеменс.

— Но тебя, Абель, нигде нельзя было найти.

— Я об этом ничего не знал, — сказал Абель.

— Глупости, ты просто спрятался. Мы искали тебя три дня, а потом как-то остыли. Вот тут некоторые и сказали, будто видели тебя на борту корабля. Так ты не был там с дамой?

— Уверяю тебя.

— Ладно. Я очень страдаю от собственной болтовни. Вы оба сидите и помалкиваете, вот я и болтаю за троих. Я вообще не собиралась тебя обидеть, Абель, — сказала она и накрыла своей рукой его руку, — прости меня. Я теперь сама на себя злюсь за то, что раньше злилась на Робертсена и его жену. Неужели они не имеют права спокойно ходить по улице передо мной?

Все трое рассмеялись.

— Нет, я слишком много болтаю. Я как раз хотела тебе сказать, что твои негры уехали. Нет, я все-таки слишком много болтаю.

Клеменс:

— Они уехали еще в прошлом году.

— Да, но разве я не имею права сказать про них в этом? Я просто вспомнила, как уютно было в погребке.

— Может, мы и сейчас возьмем вина? — спросил Абель и уже хотел позвонить.

— Нет-нет, — запротестовала Ольга, — нет-нет, здесь нет теплоты, только дневной свет и белый потолок. И музыки тоже нет. И мы не пьяницы. А главное, теперь уже все не так.

— Разве?

— Теперь все не так.

Абель, шутливо:

— Что же так изменилось для тебя в худшую сторону?

— Мои деньги на булавки. Другими словами, мы с мужем теперь не очень ладим между собой.

Молчание. Ясное и холодное молчание. Стужа.

Клеменс побледнел и сказал:

— Да, Ольга, ты и впрямь слишком много болтаешь.

— Ну, в данном случае вовсе не слишком.

— Вопрос в том, желательно ли господину Бродерсену все это выслушивать.

— Мы с Абелем старые друзья.

— Да, я тоже нахожу, что здесь неуютно, — сказал Абель и встал, — может, отыщем какой-нибудь винный погребок, пусть даже без негров?

Они вышли и поехали обратно. В полном согласии. Перед домом Фредриксенов Ольга помахала платочком, на втором этаже распахнулось окно, и две руки долго махали в ответ.

— Эту фру Фредриксен, — сказала Ольга. — Она такая милая.

Они остановились возле Бельвю.

Клеменс сказал:

— Прошу меня извинить и благодарю от своего имени.

— А вы с нами не пойдете? — спросил Абель.

— Это значит, что мы можем идти и без тебя? — спросила Ольга.

Клеменс повернулся к Абелю и сказал:

— Мне надо полистать дело, которое мне поручено.

— Тебе поручили дело? — спросила Ольга.

— Большое спасибо за приятное времяпрепровождение, — сказал Клеменс, попрощался и ушел.

Оставшиеся поглядели друг на друга. Между ними произошел следующий безмолвный разговор:

«— Значит, и тебе нельзя идти?

— Ну да. Ты ведь не думаешь, что мы все-таки можем войти?

— Не думаю».

Она подала ему руку, поблагодарила за прогулку и заспешила вслед за мужем.

Абель предложил подвезти ее, но она шла и не останавливалась.

«Да, ясли пусты», — верно, подумал он и вошел.

Венгерская капелла. Именно сейчас немного музыки. По очереди Шуман, Бетховен, Шуберт, избранные мелодии. Тишина для Бога и для людей в зале.

Лолла сидит за столом со своей матерью. Он поздоровался, но сестра рядом не захотел, потому что, если они пьют вино, Лолла потом станет нудная и прилипчивая.

Но Лолла поднялась, и тогда он просто был вынужден пойти ей навстречу. Чертова баба, понимает ведь, что хорошо выглядит в черном платье с белой отделкой и в черных перчатках.

— А я тебя искала, — сказала она.

— Тебе чего-нибудь от меня надо?

— Мы пьем шоколад, не хочешь чашечку?

Они сели, но от предложенной чашки шоколада Абель, поблагодарив, отказался, потому что совсем недавно пил кофе с бутербродами.

— Ты где был? Ты скверно выглядишь.

— Вот и Ольга это сказала.

— Ты с ней был?

— С ней и с ее мужем. Мы были в Валгалле.

— Жалко, что я не встретила тебя перед тем, как ты туда собрался. У меня бы ты хорошо выглядел.

Лоллина мать сидела тихо и безучастно и в разговор не вмешивалась. Жаль ее, душа болит за нее, седая голова с тусклыми глазами, готовыми улыбнуться на приветное слово. Когда-то и она была молода.

Абель сказал:

— Вы сегодня тоже выбрались на танцы.

Старушка улыбнулась и покачала головой на его шутку.

— Это все Лолла, она меня сюда вытащила.

— А почему бы и не вытащить? Как ваши кактусы, уже отцвели?

— Да, но они все равно красивые. У нас по два на каждом окошке, а большой посреди стола.

«А в Кентукки они растут под открытым небом», — сказал Абель для себя.

— Так зачем я был тебе нужен, Лолла?

— Ты за Робертсена поручался? — спросила она.

— Что? Нет.

— В банке мне вчера так сказали, и я испугалась.

— Ты и банк! Подумай, Лолла!

— Они спросили, здесь ли ты, не уехал ли, не собираешься ли уехать. Нет, не думаю. А то, мол, у них бумага от таможенника Робертсена с твоей подписью. Очень сомнительный документ, так они говорят.

Молчание.

— Что ты на это скажешь?

— Я ничего не подписывал.

— Что нам делать, Абель? Выходит, он сам расписался вместо тебя?

— Не иначе, — равнодушно сказал Абель.

Но Лолла поднялась по социальной лестнице, она заделалась леди и пеклась о своей репутации, а тут могла выплыть на свет история с фальшивкой ее отца. Робертсен ее щадить не станет, он и сам еще быстрее поднимается по той же лестнице.

— Что же нам делать?

— Я пойду и призову Робертсена к ответу, — сказал Абель. — Он живет недалеко отсюда.

Лолла, умоляюще:

— Но, Абель, дорогой Абель, не дай этой истории выплыть на свет.

— Ладно. Сиди здесь и жди меня.

Музыка смолкла; когда он уходил, заиграл джаз. А за дверью он нос к носу столкнулся с таможенником Робертсеном.

— Я видел, как ты вошел сюда, и дождался тебя, — сказал Робертсен.

— А я как раз иду в полицию, чтобы заявить на тебя, — ответил Абель.

Так они с места в карьер перешли к делу.

Робертсен нагло, без стыда и без разума:

— Само собой, ты подписал, теперь не отопрешься. Ты как раз сидел у меня и подписал. Ты только погляди на альбом девочек и на вексель. Всюду одинаковая подпись. И, если угодно, даже чернила одинаковые.

Говоря это, Робертсен смотрел прямо в лицо Абелью.

Во время разговора они начали двигаться маленькими шажками, пока не отыскивали скамейку.

Абель спросил:

— А ты не боишься, что тебя посадят?

— Хо-хо, — отвечал Робертсен, — пусть только попробуют.

— Через час ты заговоришь по-другому.

— Ты, верно, хочешь меня запугать, но бояться пусть другие.

И Робертсен развил свою мысль: он сегодня гулял по улице с женой и видел Абелья в благородной компании. Проявил ли он при этом признаки страха? No much!¹

¹ Ничуть! (англ.)

Так они сидели и разговаривали, и каждый оставался при своем мнении. Абель обозвал Робертсена на редкость подлым человечешкой, но Робертсен сделал вид, будто его это не касается.

Абель, вырвавшись из своего привычного равнодушия, еще обозвал его ворюгой, разбойником, пронырой и скотиной, помоги мне Бог.

Тут Робертсен разгорячился и сказал, что это его оскорбляет.

— Собака, — завершил Абель свою речь.

— Замолчи, я не позволю так с собой разговаривать.

Спроси кого хочешь, и они тебе ответят, кто я такой.

— А с места тебя попрут, — сказал Абель.

— No much. Ты забыл фальшивку, которую выкупала Лолла.

— А тебе с этого какой прок?

— Эта история выйдет наружу.

— А тебе все-таки какой прок с этого?

— Такой, что и вы тоже не богобоязненные молельщики.

— Как ты думаешь, что скажут твои домашние, когда за тобой придет полиция?

— Они не посмеют меня тронуть, — сказал Робертсен.

Абель встал и пошел.

Робертсен посидел еще немного, потом вскочил и побежал следом.

— Ты куда?

— Собака ты.

— Не ходи туда, Абель. Моя жена меня дожидается.

Абель все шел.

Жена сделала вид, будто для нее это нечаянная встреча, и предложила ему пройтись вместе с ними.

Робертсен, все так же невозмутимо:

— Он думает, что может запугать меня, но только пусть не надеется.

Жена, несколько забеспокоившись:

— А по-другому уладить дело нельзя?

— Я любого из них загоню в угол, — сказал Робертсен, выхваляясь перед женой.

— Уведи домой своего ненормального мужа, — сказал Абель, — его скоро арестуют.

Жена сникла и зарыдала:

— Но, Абель, ты ведь не захочешь принести нам несчастья? Девочки сидят дома и спустили шторы и не смеют взглянуть на улицу.

Робертсен, упрямо:

— Не стой и не реви посреди улицы, слышишь? Я лицо общественное, и меня все знают.

— Ты же не причинишь нам такое зло, Абель, у тебя же не каменное сердце!

— Я вас проучу.

— Я ведь все время говорила, что это добром не кончится, — причитала жена, свирепо глядя на своего мужа.

— А не ты ли уговорила меня строиться?

— Я? — вскричала она. — Это ведь ты сказал, что тебя скоро повысят в чине и тебе нужен дом побольше!

— Это ж надо так брехать! Когда именно ты сказала эти слова!

Абель шел и шел. Женщина вцепилась в его рукав:

— Не ходи, Абель, тебе ведь ничего не стоит выкупить в банке это поручительство.

— Что? — разинул рот Абель. — Да я с вами вообще больше знаться не хочу.

Но женщина сказала, что они продадут лодки и еще много чего и вернут ему деньги, муж тоже подошел и согласился с тем, что ему не следовало затевать стройку, но жена и дети не давали ему покоя...

— Не верь ему, — сказала жена.

Абель слушал вполуха, он снова погрузился в привычное равнодушие ко всему на свете. Чего ради ему беспокоиться из-за этих, в сущности, посторонних людей? Какой ему в том прок? Он сам видел теперь единственный выход в том, чтобы сходить в банк, выложить деньги и тем закрыть это дело вообще.

— Ступайте домой, — сказал он, — я это как-нибудь улажу.

Они начали его благодарить, они протянули руку, даже Робертсен — и тот подал ему руку.

Когда истрадавшаяся Лолла спросила его, чем кончилось дело, Абель ответил:

— Ну конечно же, я разобрался с Робертсеном.

— Вот и слава Богу! Но скажи, Абель, на это можно положиться?

— Ничего не всплывет. Все уничтожено.

Радость скользнула по лицу женщины.

Лолла, видимо, смекнула, как обстоят дела, она опустила глаза и сказала:

— Ах, как жаль, что я снова не могу чем-то стать для тебя.

— Ты о чем? — резко спросил он.

Она, уклончиво:

— Я просто так сказала. Ты так много для меня сделал.

XI

Тучи спустились для всех и каждого.

Предстояли месяцы с холодом и снегом, и люди не знали, к чему приложить руки. Что будет дальше? Они ходили и подбадривали себя на совершение разных великих дел, но не делали вообще ничего. Единственным, кто и впрямь что-то предпринимал, был Алекс, тот, что женат на Лили. В феврале он покинул обитель нужды и отправился на поиски работы.

Было морозное раннее утро. Он взял узелок с едой, которую Лили приготовила ему на дорогу, Лили и провожала его. Особых разговоров они не вели, судьба их преследовала. Алекс не был каким-нибудь забуддыгой, но раз уж судьба принудила его странствовать по свету, он должен был, по меньшей мере, уйти в гнев. Лили и так, и эдак пыталась смягчить его, но нет: «Я ж тебе сказал, что ты у меня еще увидишь!»

— Алекс! Ведь не я же виновата, что у тебя нет работы.

В последнюю минуту перед разлукой он не хотел напоминать ей различные ее прегрешения, но зато шагал как заведенный и при этом делал такие большие шаги, что она едва за ним поспевала.

— Ты от меня уходишь?

— Я тебя разве просил идти со мной и задерживать меня?

— Нет-нет, — ответила она и хотела отстать от него.

Тем временем они вошли в лес. Он снял куртку, расстелил ее на снегу и сказал:

— Садись.

Она не поняла и спросила:

— Ты что это выдумал?

Он достал из корзинки узелок и поделил провизию.

— На — бери и ешь.

— Я? С чего это вдруг?

— Тебе нужнее.

Она ела, чтобы ему не перечить, ела и плакала. За последнее время отношения между ними наладились, Алекс был вполне хорош, просто удивительно, чем он для нее стал, он тоже кое на что годился, она начала испытывать радость и с мужем тоже. И вот он уезжает.

— А тебе не кажется, что мы могли бы вернуться домой? — спросила она испытующе.

Он не ответил.

— Не кажется? Тогда мы, во всяком случае, будем вместе.

— Лучше помалкивай. Мне что, без тебя забот не хватает?

Странно, как грубо он с ней разговаривает, когда они, может быть, расстаются навсегда.

— Писать? Ты думаешь, в такой глухомани есть почта?

Лили, с ужасом:

— Господи, Алекс, куда ты собрался?

— Не знаю, на все четыре стороны.

Новые слезы, новое волнение. В остальном же они не уговаривались хранить верность, не забывать друг друга, и вообще, лучше умереть, чем... нет и нет, ни единой фразы с упоминанием вечности.

— Ты сидишь и мерзнешь, — сказала она.

— Ешь, — сказал он.

— Нет, спасибо, больше не хочу. — И она поспешно упаковала его корзинку.

Больше ничего и не было, она встала, отряхнула снег с подола юбки и сказала:

— Мне пора домой, не то девочки проснутся.

Когда они отошли друг от друга на порядочное расстояние, она крикнула:

— Не пропадай надолго.

Но человек, который был управляющим на лесопильне, не может вот так же, взяв корзинку с провизией, уйти из дому, чтобы искать себе работу. Он тщетно подбирал место по объявлениям в столичных газетах, либо бродил по городу, он, как-никак, был инженер, при тросточке и шляпе набекрень, хотя, конечно, прежним уважением уже не пользовался. Раньше все было по-другому.

Он начал ходить на пристань и предпринимать выезды на «Воробье». Он даже зачастил туда, но разве он из-за этого что-нибудь упускал? Ровным счетом ничего. Капитан Ульрик и он неплохо ладили, они были рангом повыше других и могли разговаривать на равных. За билет инженер не платил, потому что уже выложил столько денег раньше, в те годы, когда ездил по делам лесопильни, вот теперь ему и пригодилось, что некогда он был богат и знатен. Правда, он делал вид, будто ездит с определенной целью, что где-то

расположена лесная делянка, привлекающая его интерес. Он сходил с корабля и там дожидался, покуда «Воробей», уже день спустя, по пути домой снова не возьмет на борт. Получалась как бы загородная прогулка, но самостоятельная, без семьи. К прогулке добавлялось и то обстоятельство, что капитан потчевал его едой и питьем. И щедро.

Вообще-то Ульрик Фредриксен был землевладельцем, он выращивал кукурузу в Африке, располагал, однако, достаточными знаниями, чтобы провести «Воробья» по заливам и фьордам. На корабле, впрочем, не было ни единого человека, который не знал бы здешний фарватер. Поэтому сейчас они пытались силой выжить его с корабля, но у капитана Ульрика были благожелатели, которые за него держались, может быть, главным образом ради того, чтобы досадить хозяину именина, его всемогущему брату, которого никто не любил. Во всяком случае, Ульрика было невозможно скovyрнуть с места. Спору нет, для семьи он был паршивой овцой, но его любили пассажиры, вдобавок он хорошо выглядел, хотя успел поседеть, а на лбу имел синий рубец. Семейство же норовило спровадить его к крестьянам, с таким же успехом они могли пытаться уложить его в постель. Будь там, по меньшей мере, страусиная ферма, но ради картошки и овса — нет, спасибо. Вот страусиная ферма — дело другое, большие, нехристианские, похожие на верблюдов птицы — это вам не куры и не мыши, нечего и сравнивать.

В дверь постучали, и вошел штурман. Он доложил, что Ананий заболел.

Капитан:

— Ананий? А кто это такой?

— Один из команды. Он заболел.

— Объялся, наверно.

— Он говорит, что у него болит живот.

— То-то и оно. Глянь-ка, — продолжал капитан и достал небольшую бутылку с какой-то надписью. — Дайте ему хорошенько глотнуть и отправьте его в постель.

Так капитан Ульрик решал мелкие проблемы.

К тому же он был не прочь поговорить о женщинах и о других веселых материях, не скрывая, что был некогда обручен или близок к тому, чтобы обручиться, и это был единственный раз, когда ему и впрямь хотелось жениться, — завершал он свой рассказ.

Инженер спросил, из-за чего сорвалось дело.

Из-за него, капитана, как ни печально, но из-за него.

Поначалу она ему не отказывала, но он был так глуп, что ничего с ней не сделал, о чем горюет и по сей день. Да

разве у такого идиота могло выйти по-другому? Потому что на следующий раз она сказала ему «нет».

— А ведь она уже почти была у меня в руках, — сокрушался стареющий бонвиван. — Мне следовало сделать то, чего я не сделал.

— Так, может, и сейчас еще не поздно? — спрашивает инженер, желая польстить ему.

— Сейчас? С тех пор минуло уже двадцать лет, да вдобавок это произошло в Натале. Об этом и думать нечего!

Однако добрейший Ульрик Фредриксен заметно оживился от старых воспоминаний, и, черт побери, он не совсем утратил надежду.

— Главное, сгонять бы мне к ней еще разок, может, она сейчас вовсе и не замужем.

— А она была замужем?

— Да, но это ничего не значило. Там другие нравы. Началось с того, что я заскочил в один отель, чтобы укрыться от дождя, а она как раз собиралась выйти. Молодая дама, она играла у них в оркестре, англичанка, очень красивая, она мне с первого взгляда понравилась. Ее пугала непогода. Я взял в гардеробе первый попавшийся зонтик и сказал: «Это будет ваш». — «Мой?» — улыбнулась она и взглянула на меня. Я оставил в залог фунт стерлингов на стойке и проводил ее к машине. «Большое вам спасибо», — сказала она. «Это я должен вас благодарить», — ответил я и полез в машину следом за ней. «I never saw your equal!»¹ — сказала она с удивлением. Поначалу она держалась с некоторой опаской, да еще боялась за свою скрипку, когда я придвинулся к ней поближе, но потом мы разговорились, и пока доехали, мы о многом успели переговорить, и она не сказала «нет», когда я заявил, что она непременно должна принадлежать мне. Я все это честно ей сказал, и никогда в жизни я еще не был так влюблен. Своего рода озарение, как они это называют. У нее разгорелись щеки, она беспокойно ерзала на своем сиденье, и стоило мне только погладить ей руку, ее словно пронизывал ток, она вся с головы до ног была преисполнена желанием. Но таких на свете много, и это нередко встречается. Она не хотела пускать меня к себе, но тут и я сказал то же самое: «I never saw your equal, и я хочу на вас жениться». — «Я замужем», — отвечала она. «Какая разница?» — спросил я. «Никакой», — сказала она. И на лестнице она снова повторила, что никакой разницы. Запомните эти слова. И мы пришли в дом, полный отворачи-

¹ Никогда не встречала подобных вам (англ.).

тельных зверей и птиц и невообразимой вони. Свирепая собака встретила нас у дверей, птицы орала в клетках, три дикобраза, черепаха разгуливали по полу, а на диване сидела мартышка. Вы только представьте себе, змеи там, помнится, тоже были. Меня так сбили с панталыку все эти твари, что я только о них и мог говорить, а не о ней. И тогда в ней все погасло. Чтоб они сдохли, эти звери! Ясно же, что она бросила бы мужа, но когда я снова завел об этом речь, она сказала «нет». А ведь что мне надо было сделать? Мне просто надо было согнать мартышку с дивана.

— Ха-ха-ха! — заливается инженер.

— Да, вот как оно было в те дни. Разве сегодня жизнь такая же бурная и стремительная? Разве вам доводилось где-нибудь по соседству наблюдать настоящую драку из-за девушки? Господи Боже мой, да пуля однажды пробила такую дырку у меня во лбу, потом, правда, все зажило само по себе. Вот брата моего стукнуло по голове какой-то черепицей, и он уже больше года лежит больной. А я вот заработал этот шрам, он и не стал бы синим, но в рану попала грязь, а денег на доктора у меня не было. Теперь-то уже все равно, буфетчица говорит, какая важность, синий он или не синий.

— И в самом деле, какая важность.

— Не сказать, что мне так уж интересно мнение буфетчицы, пусть она не воображает. У нее вечно какие-то нездоровые идеи. Я ей говорю: давай заведем детей. Так нет, она не хочет. Ну что это за бабы такие, которые не хотят иметь детей? Кто ж тогда после нас останется? — спрашиваю я вас. Тьфу, скоро на земле не останется здоровых людей. И вообще, у этой буфетчицы такие нелепые мысли, что мне, того и гляди, скоро будет наплевать на нее. Пусть заведет себе вместо меня колченого фармацевта. Вы, случайно, не знаете, у него деревянная нога или нет?

— Не знаю.

— По мне, пусть спит с деревянной ногой! Тьфу!

Приходит кто-то из команды и докладывает, что на палубе скандалят два пассажира.

— Пришли их сюда, — приказывает капитан.

У него свой метод: для того, чтобы установить спокойствие, надо хорошенько выбрать обоих скандалистов, поднести им по рюмочке и сделать друзьями. Многие используют этот своеобразный метод капитана Ульрика и даже уговариваются о хорошей потасовке, с ножами — исключительно ради последующего примирения.

Драчунами оказались колесник из города и крестьянин, оба немолодые люди, и вообще глядеть не на что.

Капитан водрузил фуражку на голову и воздвигся перед ними в кителе с золотыми шнурками и блестящими пуговицами. Он с достоинством изрек:

— А ну, поклон капитану, вы, кенгуру поганые!

Два хитреца поклонились, пряча улыбку.

— Ну, в чем дело?

— Он мне два раза подсунул плохие колеса, — отвечал крестьянин.

— Ничего не плохие, — сказал колесник.

— Нет, плохие! — выносит свой вердикт капитан Ульрик. — А то я ваши колеса не знаю! Их надо долго замачивать в воде, чтоб она набухла, иначе из них спицы вываливаются. Вы меня слышите? Спицы вываливаются! Насколько я могу судить, эти колеса в воде не лежали. У него на участке никакой воды нет, вы только взгляните: у него не сыскалось даже нескольких капель воды, чтобы ополоснуть рожу. Свинья да и только. Но подойдем к делу с другой стороны: какого черта колесник, у которого мастерская в городе, какого черта ему надо у меня на палубе, в моем фарватере?

— Я езжу и собираю заказы, — сказал колесник.

— На такие-то колеса! — ехидничает капитан. — Слышать больше об этом не желаю. Ни стыда, ни совести нет у людей! Нате, выпейте!

Оба выпили по рюмке, потом и еще по одной, двинулись к дверям, поблагодарили и сделали вид, будто готовы уйти.

— Стоп! — скомандовал капитан. — Я вам что, велел уходить? Мы еще далеко не закончили. Прийти на мой корабль и сцепиться из-за каких-то деревяшек, из-за колес для тачки, может, даже для детской коляски, — мне за вас стыдно. А почему у тебя кровь?

— Он ударил меня ножом.

— Ну тогда вы, верно, дрались из-за прелестных девушек и своих подружек? Ничего себе причина для смертоубийства и кровопролития на моем корабле, говорю я вам. Я не потерплю драк, вы мне так весь корабль разнесете, я вас высажу где-нибудь в шхерах. Короче, пейте и подайте друг другу руки. Готово!

Но инженера не слишком взбодрила эта мизансцена, он приближался к городу и к дому и знал, что его там ожидает: жена возьмет детей и выйдет на пристань встречать его и будет делать вид, будто он ездил по делам, покупал лес для лесопильни, а теперь вот вернулся к своей семье. Они будут стоять и махать еще издали, и жена сможет лишний раз до-

казать, как они с мужем едины. Но, едва переступив порог своего дома, она не скажет ему больше ни слова.

Капитан вышел на палубу. Инженер взял свой внушительный портфель и вышел следом. Взгляд на пристань. Протяжный вздох.

— Меня прямо трясет, — говорит он.

Капитан:

— Ну, не прав ли я, когда говорю: на свете больше не осталось здоровых людей.

Инженер помахал рукой в сторону пристани, но вид у него был такой, будто он скрежещет зубами. Как скверно: он слегка захмелел после капитанского коньяка, а в карманах у него пусто. Между тем на палубе проводят сбор неизвестно на что: сколько-то дает капитан, крестьянин и колесник, добродушно настроенные после выпивки, тоже дают свою долю, а вот он, инженер, должен притворяться, будто в упор ничего не видит: он ищет у себя в портфеле какой-то очень важный документ, уж не потерял ли он его? Капитан замечает это и приходит ему на помощь:

— Вы что-нибудь потеряли?

— Нет, слава Богу, вот оно! — говорит инженер. — А вам большое спасибо за все! — И он протягивает капитану руку. У него мертвые синие глаза, он слегка пьян и очень несчастен. Он с легкостью давал в былые времена — теперь нет. — Огромное вам спасибо!

— Знаете, что я подумал? — говорит капитан. — Пусть ваша жена с детишками тоже поднимется на борт, а буфетчица накроет стол для нас для всех.

Пришла на пристань и Лолла, теперь она делает это каждый вечер. Она стоит и с интересом наблюдает, как белый корабль пристает к берегу и швартуется. На ней пальто с меховым воротником, теперь она дама, ей и в голову не придет стоять в толпе вместе с другими, нет, она стоит поодаль и одна. О, Лолла знает, как себя вести. Поздоровается кто-нибудь, она ответит, но первой ни с кем не здоровается. Дам таможенника Робертсена она вообще не видит.

Покинув пристань, она держит путь мимо «Приюта моряка» или где-нибудь поблизости, чтобы встретить Абея. Она более или менее представляет себе, где он находится, и у нее всегда есть что с ним обсудить. Один Бог знает, сколько зим он протаскал свой серо-коричневый ульстер из Америки, и если вдуматься, с каждым днем он одет все хуже и хуже, сейчас дело идет к весне, и когда кончится холодный

март, наступит апрель, а за ним и май. Абелю надо своевременно обновить гардероб, он уже давным-давно этого не делал. У Лоллы есть свои планы, Абель должен представиться в дирекции и произвести там хорошее впечатление.

— Ах, как славно, что я тебя встретила!

— Тебе чего-нибудь надо?

— Нет, я ходила на пристань, а теперь возвращаюсь этим путем.

— Ты мой револьвер не брала? — спрашивает он.

— Я? Нет.

— Он исчез.

— Неужели ты думаешь, что я могла войти в твою комнату и взять револьвер?

— Нет. Но он исчез.

— У тебя ведь даже чемодана приличного с замком нет, — говорит Лолла.

Они проходят мимо портного, и Лолла указывает на светлые весенние ткани в витрине. Абель только головой мотает на эту роскошь и говорит:

— В Кентукки у нас только и было то платье, в котором мы ходим.

— Ты больше любишь серый цвет или коричневый?

— Не знаю.

— А то, если ты любишь серый, я могла бы прямо зайти к портному и заказать.

Абель, с облегчением:

— Да-да, зайди.

— У него остались твои размеры, тебе надо будет только сходить на примерку.

— Ладно. И скажу тебе, что я в жизни не видел такой красивой серой ткани. Но дело не в этом. Алекс уехал.

— Я знаю.

— Бросил семью и дом.

— Но ведь семья-то не твоя, — коротко отвечает Лолла.

— Они в долгу за этот дом, и теперь он поступит в продажу.

— Так дом ведь тоже не твой.

— Конечно, не мой, ты права. И не знаю, как ты к этому отнесешься, но я был вынужден внести деньги за этот дом.

— Что-о-о?

— Ну а как я еще мог поступить? Дома у них нет, жить им не на что. Алекс куда-то скрылся и денег не шлет.

Лолла:

— Не пойму, при чем здесь все-таки ты?

— Ни при чем.

— Они превратили тебя в дойную корову.

Абель промолчал.

— Ты хоть получил документы, что это твой дом?

— Да, — сказал Абель.

— Покажи.

— Можешь и сама понять, что я себя обезопасил. За кого ты меня принимаешь?

— А ну, покажи, у тебя документ при себе?

— Мне надо только сходить и забрать его. Он уже оформлен.

— Я слышала, что подобные документы надо официально засвидетельствовать в суде. Кстати, кто его оформлял?

— Да, кто ж это был? Но бумаги, разумеется, в полном порядке.

— Ты ведь должен знать, кто составлял документ.

— Конечно. Это был Клеменс, молодой Клеменс, уф! — вот уж не думал, что ты такая дотошная.

— Молодой Клеменс, — повторила Лолла. — Ну, этот не много значит.

— Не много? Он ведь сын помощника судьи — и вообще.

— Да, приличная фамилия и приличный человек. Но тем не менее.

— Он говорил, ему поручили вести большое дело.

Лолла, нимало не тронутая:

— Он просто хочет уговорить «Пистлейю» взять свой иск обратно. Я что-то не слышала, чтоб он вел еще какой-нибудь процесс.

Абель, обрадовавшись случаю:

— Ты как будто недолюбливаешь Клеменса?

— Недолюбливаю? Я у них служила, они добрые люди для тех, кто у них служит. «Лолла, будь так любезна», — всегда говорила фру. А с ним я вообще никаких дел не имела. Напротив, я однажды попросила его мне в чем-то помочь, так он отказался.

— И за это ты зла на него?

— Да нет, зла я не держу. Хотя мне кажется, что он мог бы узнавать меня на улице. Жена всегда мне кивает, а он никогда. А я ведь у них служила. Так вот, Абель, пока ты ходишь за документами, я схожу к портному.

Но Абель решительно не мог понять, как ему посвятить молодого Клеменса в свое дело. Раз он не дает деньги под залог недвижимости и не вкладывает их в дом с участком. Это не его дело. И Лили первая удивится такой затее, да и

Алексу придется вынырнуть из своего укрытия и приехать, чтобы подписать документ.

Словом, все было так сложно, что он решил вообще не ходить к молодому Клеменсу.

ХИ

Хотя он справил себе новое платье и разнаряженный ходил по городу, это ровным счетом ни к чему не привело. Лолла, видно, просчиталась, его так и не пригласили в дирекцию производить впечатление. Разумеется, Абель выглядел очень хорошо, но чего ради было ему хорошо выглядеть? Он был вовсе не из тех, кто бережет свою одежду, лето проходило, и светло-серый цвет не везде оставался светло-серым, и даже просто серым он был не везде. А тут настала осень, и ему понадобилось новое платье, и он снова перелез в свое серо-коричневое пальто из Америки. Сойдет и так. Как идет все. Только порой наперекосяк.

Лолла начала тревожиться судьбой его текущего счета, там неопровержимо складывалась напряженная ситуация. Не сказать, что Абель полностью прожился, да и сам он не проявлял ни малейшего беспокойства, но у Лоллы возникали всякие мысли. Вот, например, он год за годом снимает комнату в «Приюте моряка», это ежедневные расходы, а он ведь мог бы жить гораздо дешевле у нее в доме. Потом, что это за идея такая — спасти дом для Алекса и Лили.

— Ну, как дела, Абель? Хорошо?

— Да, хорошо.

— Но тебе приходится платить за комнату, а зарабатывать ты ничего не зарабатываешь.

— Не зарабатываю.

— Как же дальше-то будет?

Абель:

— Если меня что и огорчает, так это костюмы, на которые ты подбила меня осенью и весной. Для меня они слишком дороги.

— Ну, это ты не серьезно. Одеваться должны все.

— В Кентукки мы не получали счетов от портного.

— Ты был бы вполне красивый мужчина, если бы хоть немного больше следил за собой, — сказала Лолла и покраснела. — У тебя глаза теплые.

Абель сморщился и сказал, что последний раз в жизни заказывает себе такую роскошную одежду. Да еще кто-то сыграл с ним недобрую шутку и стащил у него револьвер.

Он, конечно, может завести себе другой, но это и будет другой, а из того револьвера была убита Анджела. Тут он вспомнил, что ему следовало бы послать денег Лоуренсу, тому, что сидит там, в Америке.

— Ты разве еще не послал?

— Нет, послал.

— А сколько там было?

— Не знаю, ему надо было послать много.

— Ты послал, — вскричала Лолла, — я вспомнила, ты послал!

— Я послал?

— Ну да, я еще была с тобой.

— Хорошо, но этого мало. Ты уговорила меня послать меньше, чем нужно. Сама подумай: он сидит в тюрьме, ему нужен новый адвокат, ему нужны свидетели, все стоит денег. Он ничего не добьется с пустыми карманами.

— Только не уезжай и не превращай себя в посмешище.

Молчание. Абель сидел, стиснув руки. Потом в нем словно вспыхнула искорка жизни. Он сказал:

— Весной я кое-что предприму.

Лолла, на мгновение опешив от радости:

— Да? Ты серьезно? Благослови тебя Бог, сделай так, Абель, предприми хоть что-нибудь. Ничего радостнее я давно не слышала.

Благие намерения, благословенные намерения. Весна пришла, и лето пришло, но все оставалось по-старому. Абель, как и прежде, жил в «Приюте», а время уходило. В городке тоже все оставалось тихим и неизменным, разве что несколько человек родилось, а несколько умерло. И водопад оставался прежним, а лесопильня стояла, каботажный пароход совершал свои рейсы, тридцать туристов посетили город, иногда причаливал барк и грузил швырок для Вест-Ланда. «Воробей» ходил по заведенному маршруту, капитана Ульрика так и не удалось спровадить — словом, все по-старому. Только в Абеле больше не вспыхивали искры жизни.

— Лолла, как по-твоему: после моего отца остались всякие диковины и вообще старый хлам. На кой они нужны?

— Ты зачем это говоришь?

— Они лежат в сарае, а мы могли бы превратить их в деньги.

— Пожалуй, что и могли бы, — сказала она задумчиво.

— Половину получишь ты.

Лолла, сердито:

— Не желаю я никакой половины.

— Молчи лучше. А ведь, правда, все там лежит без толку, а мы могли бы превратить это в деньги. И ты получила бы половину.

— Сказала уже, что не желаю никакой половины.

— Молчи.

Лолла, со злыми слезами:

— Я не желаю иметь ни половину, ни целое, вообще ничего, понял? Я каждый месяц получаю пенсию, и мне хватает. А вдобавок еще одно, о чем я раньше не хотела тебе говорить: когда твой отец продал твою моторку, он попросил меня отправить тебе деньги за нее, но я этого так и не сделала. Я тогда выплачивала банковский заем, и деньги были нужны мне самой.

— Ты на меня сердишься? Лолла, ты на меня сердишься? Ну зачем ты? Мы должны быть ко всему равнодушны и безразличны, так и время пройдет.

— Да, так проходят дни и годы. А мы ничего не предпринимаем. И так проходит вся жизнь.

Абель кивнул:

— Было время, я собирался что-то предпринять, только сразу у меня ничего не получилось. Но если что-то не получается сразу, оно вполне может получиться на другой год.

— А почему не теперь?

— Вот уж не знаю. Потому что на дворе конец лета. А я всегда представлял себе это именно весной. Не в один год, так в другой.

Лолла в отчаянии закричала:

— Абель, ты погибнешь!

Абель, с улыбкой:

— Не горячись так, Лолла!

И вот настала осень с холодным ветром и облаками пыли. Ольга вышла ему навстречу из-за угла. Она была покрыта пылью и выглядела усталой.

— Добрый день, Абель! Давай присядем.

— Ты устала? Может, тебе лучше поехать домой?

— Нет, давай найдем скамейку.

— Здесь так пыльно.

— Ты что, не решаешься со мной говорить? — спросила она. — Мы не так уж и часто разговариваем, я думаю, года два прошло. Ну, как поживаешь, Абель? Ты хорошо выглядишь. А вот я в полном отчаянии. Я далеко ходила

и сейчас возвращаюсь домой. Правда, у меня ужасный вид?

— Да нет, если ты немного сотрешь пудру и прочую раскраску.

— Ты помнишь, как однажды хотел мне подарить браслет?

— Который ты не захотела взять.

— Золотой браслет. И теперь я хочу его взять.

— Теперь?

— Да. Мне нужен браслет, чтобы хоть как-то украсить мою жизнь.

— Хорошо, я его достану, — сказал Абель.

— Правда, достанешь? Ах, Абель, какой ты милый! Ведь если вникнуть, это мой браслет, вот я хочу попросить, чтобы ты сходил туда и забрал его.

Абель кивает:

— Конечно, если он никуда не делся.

— Нет. Я много раз бывала в церкви за последний год и смотрела. Так ты понял, Абель, что теперь я охотно приняла бы его в подарок?

— Да, по той или иной причине.

— По вполне определенной причине.

Абель ничего не имел против такого дела, и когда он направился к церкви, ноги сами несли его. Месяц был на ущербе, казалось, будто он лежа на спине плывет к облакам. Ни птички, ни одной живой души на церковной горке, лишь из прорезей колокольни время от времени доносится посвист. Хороший вечер. Если бы кто-нибудь попался ему навстречу в воротах и спросил, куда это он держит путь, Абель ответил бы с хитрецей: «Эх, знал бы ты, куда!»

Он хорошо ориентируется здесь, он подходит к окну и пытается заглянуть сквозь него — на месте ли браслет. Но с такого расстояния и при таком слабом свете углядеть его невозможно. Он окидывает взглядом кладбище. Крумова вдовица не сидит здесь больше и не горюет, как в прошлый раз, она и сама умерла. Сейчас здесь никто не сидит, осень, холодный ветер, самый подходящий вечер.

Он начинает сверлить, инструментов у него при себе немного, сверло да тонкая стальная пластинка, чтобы поддевать оконную скобу. Все сделано быстро, недаром у него такие искусные руки, и, уж верно, ему доводилось иметь дело с окнами более сложными. Потом он подтягивается на руках и боком проскальзывает внутрь. Всего лишь несколько движений бедрами, детская игра. Да и вся затея не более чем игра, до смешного легко влезть и снять браслет и вы-

лезти обратно, настолько легко, что Ольга вполне могла бы это сделать сама.

Вылезши из окна, он увидел во дворе какую-то фигуру и сразу понял, кто это. Она одета как и сегодня днем и так же беспокойна.

Оба молчат, покуда он не становится на землю обеими ногами, потом начинают шепотом:

— Нашел?

— Да.

Она берет его под руку и выходит с ним за ограду.

— Пожалуйста, — говорит он.

— Господи, до чего ж тяжелый! — восклицает она. — Я готова поцеловать тебя за это, если ты, конечно, хочешь.

— Нет, слишком уж легко это далось. Ты и сама могла бы справиться.

— Мы забыли закрыть окно.

— Лучше пусть стоит открытым с накинутаю скобой. Тогда оно не будет хлопать.

— Ну, значит, все в порядке, — сказала она. — Спасибо, Абель.

Абель:

— А зачем ты приходила?

— Мне тебя стало жалко. Мне не хотелось, чтобы ты был совсем один. Да еще из-за меня.

— Не понял...

— Ну, если бы кто-нибудь прошел мимо...

Они молча спустились с церковной горки и расстались перед Ольгиной дверью.

Но день спустя она пришла в «Приют моряка» и прямоком проследовала в его комнату. Этот визит поверг Абеля в смятение, и он растерянно предложил ей свой единственный стул.

— Ты мне можешь дать займы две тысячи крон? — спросила она.

Абель даже рот разинул:

— Что? Да-да, с удовольствием.

— Дашь? — выкрикнула она и шлепнулась на стул.

Она была очень возбуждена, но на сей раз не нарядилась и потому хорошо выглядела. На запястье у нее был браслет, она им позвякивала и вообще выставляла напоказ. Откуда такое беспокойство? Она встала и снова села, без всякой нужды протянула ему руку, она смеялась и вздыхала. Нервы. Истерия. Речь у нее тоже была сбивчивая.

— Мне очень стыдно. Понимаешь, я уже давно это знала, а у него денег не было. Виновата во всем я, стало быть,

мне искать выход. Я пошла к Фредриксену. Нет. Это было вчера. Нет, сказал он. Сходила к Фредриксену и ушла. Нет, потому что он скупил долю моего отца в «Воробье» и теперь у него ничего нет. Конечно, это враки, но у него ничего больше нет. А вчера я встретила тебя и подумала про кой-какие кольца и про браслет, но этого, к сожалению, мало. А виновата во всем я. Мне до того стыдно, один Бог знает, как мне стыдно. Вот я пришла, я рискнула попросить тебя...

Абель:

— А чего вы боитесь?

— Ревизии. Касса у него при конторе. Но во всем виновата я, он ни разу не сказал мне «нет». Я стала бедная, отец стал бедный, и мы брали деньги из кассы. В тот раз недостатку удалось покрыть. Не самым красивым образом, я просто заложила кое-что у одного знакомого, но этого я не очень стыжусь, по-настоящему я начала стыдиться только сейчас...

— Успокойся, Ольга! Когда должна быть ревизия?

— Сейчас. В любую минуту. Фредриксен не захотел, он лежал в постели, он больной. Я никогда ничего подобного не слышала, ему скоро умирать, а он все равно не соглашается. Я его просила, просила, — нет. В тот раз удалось покрыть, но мы опять взяли деньги из кассы. Вот я и подумала про кольца и браслет и тому подобное, но, как мне сказали, это на много не потянет. Они поглядели, поглядели и ничего не захотели дать под них. Вообще-то я не собираюсь их продавать, сказала я, не в том дело. Но дело, конечно же, в том.

— Тебе сколько нужно на все про все? Только успокойся.

— Он говорит, что две тысячи.

— А стоит ли из-за двух тысяч так заводитьсь?

— Неужели не стоит? О, Абель, Бог тебя благослови!

— Подождешь здесь или пойдешь со мной?

— Пойду с тобой. Нет, подожду здесь. Ты надолго? Ну, конечно, я подожду здесь. Чтоб не мешать. Я пока прилягу, — сказала она, бросив взгляд на кровать. — Пока прилягу. Можно, я прилягу? — Она сняла также и пальто.

— Как ты разволновалась!

— Понимаешь, он мог бы этого и не пережить, и вся вина осталась бы на мне. Я к нему очень хорошо отношусь, я его люблю и хочу ему помочь, чем только смогу, но закладывать себя я больше не хотела бы. Он сам не говорит, что во всем виновата я, но виновата, конечно, я. Постоянно. Он слишком порядочный, чтобы сделать что-нибудь неправед-

ное, он слишком хороший человек, без единого пятнышка. Помощник судьи, его отец, умер бы, мать сошла бы в могилу, сестры, у них вся семья такая. Сам-то он ничего не говорит, сидит у себя в конторе и работает сегодня, как вчера, хотя над ним навис приговор, — и ни слова. По сути дела, совесть у него чиста, во всем виновата я. С самого начала и все время. Я слишком дорого ему стоила, я покупала все, что ни увижу, все, на что я указывала пальцем, мне предоставляли, денег не считали, последние моды в одежде, винный погребок, три месяца — верховая лошадь... Извини, Абель, я немножко прилягу. Вот, так хорошо. Ты смеешься?

— Да, но я не скажу тебе, почему.

— Надо мной?

— Да, немножко, ты уж извини. Ты воображаешь, будто тебя поставили на колени, а при этом не забываешь изображать из себя великую разорительницу. Ты говоришь: последняя мода, погребок, лошадь. Да все твои побрякушки не стоят двух тысяч.

— Ты прав, Абель. Не щади меня.

— Нет. Все дело в том, что ты сама себя заводишь. И все преувеличиваешь. Ты говоришь, что он этого не переживает — еще как переживает! Но отчаяние твое вполне искренне, тебе кажется, что это не шутка, твой муж попал в беду, ты его любишь. Вот если бы ты могла относиться ко всему не так серьезно. Например, как я.

Абель надел шляпу и кивнул.

— Ты уже идешь?

Она вскакивает с постели и восклицает:

— Я тоже хочу быть с тобой. Я тебя одного не пущу. Не то они подумают, что это опять на дом для Лили, или как ее там зовут. Пусть все видят, что это для меня. Ах, до чего я дошла...

— Успокойся, Ольга! Хочешь, я тебя уложу и укрою?

— Да, спасибо, укрой меня моим пальто.

Пока он ходил, она уснула. Сон был не очень спокойный и не очень продолжительный, но тем не менее вполне для нее полезный. Она проснулась, сразу обрела ясность мыслей и соскочила с постели.

— Ты там был? Ты их взял? Бог тебя благослови. Это заем, Абель, у меня еще будут деньги, думается мне, что когда-нибудь у меня будет много денег. Все к тому идет. Но зато я спихну эту ревизию и не буду ни во что замешана. Бедняжка, он сидит и страдает. Который час? Мне надо заставить его в конторе, а дорога неблизкая.

— Может, отвезти тебя?

— Нет-нет, ничего больше для меня не делай.

Она набрасывает пальто, шляпку, она уже готова.

— Я не бледная? У тебя зеркала нет?

— Вот, маленькое. Впрочем, ты красивее, чем всегда. Без краски просто здорово.

— Спасибо тебе, Абель.

Она подает ему руку и уходит.

Он замечает, что, на его взгляд, шляпка у нее сидит задом наперед, и кричит ей об этом вслед.

— Да, — отвечает она, — но это я нарочно. Они все привыкли справлять такие же шляпки, как у меня, и вообще обезьянничают — вот я и хочу поглядеть, станут ли они, как я, носить шляпки задом наперед.

Раз касса спасена — значит, спасена жизнь и честь. Один Бог знает, как она объяснила ему происхождение денег, возможно, что ее отец оказался богаче, чем все предполагали, возможно, что их выручила очередная фамильная драгоценность. После того как она подсунула одно из этих объяснений, он как человек чрезмерно деликатный не счел для себя возможным докапываться до истины, а как человек в нужде — отвергать ее помощь.

Неожиданное спасение так хорошо подействовало на молодого Клеменса, что он взял себя в руки и наконец-то довел до конца процесс с лесоторговым обществом «Пистлейя».

1. Не было и не могло быть доказано, что за ложными сведениями, благодаря которым и совершилась покупка леса, стояла дирекция лесопильни. Управляющий хоть и всеми уважаемый человек, но, лишившись места, он страдает легко объяснимой депрессией и в этом состоянии мнил, наверно, уменьшить свою долю ответственности, свалив вину на дирекцию.

2. Поскольку почти единственный держатель лесопильных акций разорен дотла, возможный приговор не достигнет иной цели, кроме как подвергнет незаслуженному унижению достойного человека.

Лесоторговое общество «Пистлейя», правда, поворчало насчет выводов молодого Клеменса, но от своих претензий отказалось. Не то процесс растянулся бы на долгие годы.

По тем либо иным причинам Абель вдруг начал поспешно распродавать мебель и диковины из сарая. Он был крайне занят несколько дней подряд, вызвал старьевщика по-

глядеть на это добро и оценить. Сделка была почти завершена, но не состоялась по вине Абеля, который потребовал, чтобы ему заплатили наличными. Старьевщик удивленно на него воззрился:

— Да что значат жалкие кроны и эре для такого человека, как Абель Бродерсен?

— Вы думаете, я богатый, — сказал Абель, — а я вовсе не богатый.

Проходили недели и месяцы, больше он к этому делу не возвращался, привычное равнодушие снова им овладело. Ему уже несколько раз напоминали, чтобы он уплатил за комнату, но его это совершенно не волновало. Вообще они старались его щадить, потому что он прожил у них много лет и к тому же был известный богач Абель Бродерсен, но под конец они все-таки переслали ему счет через его мачеху, через Лоллу.

— Да! — сказал Абель. — Прямо сегодня же.

Он разыскал другого старьевщика, отвел его в сарай и предложил оценить. Но на сей раз Абель изъял многое из добра, которого не хотел лишиться: кровать, диван, стулья, стол и несколько картинок с изображением плывущих кораблей. Чтобы не стать совсем уж беспомощным, объяснил он старьевщику.

— Тогда почти ничего и не останется, — сказал тот.

— Да, почти, — согласился Абель.

— А страусиные яйца, раковины и отравленные стрелы мне потом не сбыть. Здесь не осталось больше старых шкиперов, которые этим интересуются.

— Может, возьмете несколько ношенных костюмов, они у меня в комнате?

— Вот это уже лучше, на костюмы есть спрос. Но давайте хорошенько рассмотрим, что у нас тут есть. Все эти мелочи мы даже не станем вносить в список, накинем за них несколько крон, и дело с концом.

Абель показал ему шкатулку без замка и ключа, тонкая работа по меди, и секретный механизм на дне — вместо замка.

— Да, — сказал старьевщик, — фру Клеменс, может, и купила бы это в былые дни, Ольга Клеменс. Она заходила ко мне, выискивала всякие диковины, вышивку жемчугом и тому подобное, но теперь у нее, пожалуй, нет денег на покупки.

Завершив дела в сарае, они направились к «Приюту моряка» — два комплекта ношеного платья оказались вполне добротным товаром — и определили цену, старьевщик предложил круглую сумму с рассрочкой на три месяца.

Опять та же история: Абель не мог ждать и снова объяснил, что он вовсе не богат.

— Тогда вы можете получить деньги в банке по моему чеку, — сказал старьевщик, но Абель снова погрузился в равнодушие и сказал:

— Сходите сами.

Старьевщик сходил, вернулся с деньгами, забрал костюмы и наконец ушел.

Абель облегченно вздохнул. Сколько хлопот из-за неплаченного счета, ради посторонних людей, так сказать. Ему-то какая в том корысть? Когда он спустился в контору и выложил перед ними «круглую сумму», они вытаращили на него глаза. Это такая малость!

— Остальное завтра, — сказал Абель.

Но не пришел ни завтра, ни на другой неделе.

И у «Приюта» не осталось иного выхода, кроме как снова обратиться к мачехе, к Лолле.

— Что с твоим счетом в банке? — спросила она.

Абель улыбнулся:

— Сколько у тебя забот! Я завтра заплачу.

Дело обстояло так, что Абель выкупил дом для Лили, для той, что замужем за Алексом, но Лили начала занимать деньги под дом и проедать его по частям. А что ей оставалось делать? Муж уехал и не подавал признаков жизни, а ее мать, вафельщица, не могла прокормить их всех.

Банк шел навстречу Лили, под конец она получила под свой дом весьма изрядную сумму, тогда Абель пришел к ней и попросил ее подбросить ему хоть что-нибудь из этого займа. Будучи опытной кассиршей, Лили подумала, что все идет совсем не так, как надо, но Абель знай себе улыбался. Теперь он уплатил за квартиру, на какое-то время у них снова были деньги, дело шло к весне со светлыми ночами, они блаженствовали в теплом доме и жилось им очень даже неплохо. По вечерам они укладывали детей в спальне, а сами в полном мире и согласии располагались на большой постели.

Однажды под утро они проснулись от того, что кто-то шнырял вокруг дома. Лили вскочила с постели и выглянула.

— Это Алекс! — шепнула она, отворотясь от окна.

Абель начал натягивать на себя кой-какую одежду, но не успел, дверь распахнулась, и Алекс ворвался с криком:

— А ну, выходи!

Абель вышел как был, с ботинками в руках.

Было уже вполне светло, какое-то мгновение они стояли глядя друг на друга. Алекс был непривычно груб, совсем

даже на него не похоже. Он не много говорил, но слова были громкие и полные угроз.

— Ну, теперь я тебя застрелю! — сказал он.

Абель стоял нагнувшись и надевал башмаки.

— Ты что, не слышишь, что я тебя застрелю?

— Дурак ты, — пробормотал Абель.

Раздался выстрел.

Абель выпрямился и сказал:

— Ты что же это стреляешь в меня из моего револьвера?

Алекс еще раз выстрелил, и на сей раз более удачно.

Абель простонал:

— У-у, гад!

Лили возникла в дверях и спросила, обращаясь к обоим:

— Вы стреляете? Кто из вас стрелял?

— Он, — ответил Абель, — из моего револьвера. Это он украл мой револьвер, про который я говорил. Хорош гусь!

— А ну, прочь отсюда! — приказал Алекс.

— Ты даже не вспоминаешь, что он когда-то спас тебе жизнь.

Алекс вскочил и снова заорал:

— Если ты не уйдешь, я тебя застрелю!

Ни один из них не обращал внимания на рану, но когда оказалось, что у Абеля сильное кровотечение, Лили забежала в дом и принесла какое-то подобие бинта. Она плохо справлялась со своей задачей, потому что не переносила вида крови.

— Да нет, выше раны, черт подери! И затяни потуже! Потуже! Господи, опять развязалось!

Лили в отчаянии кликнула мужа:

— Неужели ты не можешь сам затянуть?

— Нет, — ответил Алекс.

Абель:

— Я плохо управляюсь левой рукой, не то я сам наложил бы повязку.

— Значит, ты не можешь нам помочь? — причитала Лили.

— Нет! — отвечал Алекс, однако положил револьвер и подошел поближе.

— А ну, убирайся! — скомандовал Абель. Он зажал конец бинта между зубами, и ему удалось справиться без чужой помощи. Готово. Он поднял револьвер с пола и оглядел его. — Ну конечно, мой. Ну, ворюга, и гад же ты!

— Забери свою одежду, — говорит Лили.

— Вот это верно, — кричит Алекс вслед ему. — Забери свое дерьмо отсюда, бабник чертов.

— А он, между прочим, спас тебе жизнь, — вставляет Лили.

Они продолжают говорить и после того, как Абель ушел. Алекс вполне трезв и выражается не слишком изысканно. Поначалу он вообще отказался войти в комнату.

— После него? — кричал он. — Нет уж, извини, этого я делать не стану.

Потом, все-таки войдя, он ходил и вынюхивал, не осталось ли чего после Абея.

— Это что такое? — вдруг спросил он. — Это случайно не его подштанники?

— Нет, это мои, — отвечала Лили, не моргнув глазом.

— Ты что, начала носить мужские подштанники?

Лили:

— Всякое пришлось носить, пока тебя не было. У меня не на все хватало денег.

Он содрал с себя куртку и на какое-то время застыл с курткой в руках, размышляя над ее ответом. Интересно, разве мужские подштанники дешевле? Потом, не придя ни к какому выводу, вместо того спросил:

— Ты и в самом деле его принимала?

Лили не ответила.

— Принимала? — спрашиваю я тебя.

Лили:

— Тебя ведь не было.

Алекс допытывается, задает вопросы, он хочет знать больше, он желает подробностей. Лили отвечает через раз.

— Как часто он здесь бывал?

— Нет-нет, совсем не часто. Можно сказать, только сегодня. Этот раз.

Он вдруг распахивает дверь спальни, заглядывает туда и, отпрянув:

— Сколько их, я тебя спрашиваю?

Лили молчит.

— Сдается мне, их теперь трое.

— Ты ведь все не приходил, Алекс.

Он садится. Сидеть ему, судя по всему, приятно.

— Сдается мне, я видел троих, — говорит он.

— Ты ведь ни разу не показывался дома, — говорит Лили.

— А ты можешь мне объяснить, почему их там трое?

Лили:

— А разве Ловиса Роландсен не рождает детей? Теперь их у нее девять. Думаешь, ее муж — им отец?

— Почему б ему и не быть отцом?

— Тенгвальду-то? — восклицает она. — Да он и воробышку не мог бы стать отцом.

Алекс размышляет над услышанным:

— Зато твой-то дружок совсем другого сорта, как я погляжу.

— Ах, Алекс, не говори так и не поминай больше его имя. Для меня просто нет другого мужчины, кроме тебя.

Сказанное явно смягчает Алекса, но все равно он должен опровергать это как пустую болтовню, вранье, обман.

— Больно меня это интересует.

— Я уж так плакала, так тосковала по тебе, что чуть с ума не сошла.

— Черта с два ты тосковала! А кстати, не думай, что мне чего-то не хватало, — говорит он, надуваясь важностью. — Довольно нашлось таких, что были бы рады меня заполнить.

— Я и не сомневаюсь, — поддакивает Лили.

— Но я в упор не вижу замужних женщин и вообще семейных, не так, как этот твой поганый бабник.

— Ты очень даже прав! Я и сама не представляю, как я могла на такое решиться. Потому что он для меня пустое место.

— Ты ему разве не говорила, что ты замужем?

— Говорила. И что я люблю только своего мужа. — Лили была сама покорность, она подлаживалась к нему и начала снимать с себя кой-какую одежду из той, что успела накинуть.

— Ты, верно, устал, Алекс? Может, приляжешь?

— С тобой не лягу.

— Что ты, что ты! Я это и не имела в виду. Я буду тихонечко сидеть рядом, чтобы не разбудить тебя.

— Я вот что думаю: не уйти ли мне снова после того, как я высплюсь? Уйти снова, куда глаза глядят, — сказал он и начал раздеваться.

Лили всхлипнула, но Алекс был суров и неумолим даже после того, как лег.

— Ты не замерзла? — спросил он.

— Нет.

— Нечего сидеть здесь и мерзнуть, говорят тебе! —скомандовал он и подвинулся, освобождая место для нее.

ХШ

Абель был ранен в руку и не желал показываться на улице с повязкой. Была у него и другая рана, от первой пули, но она заросла сама собой. Он бродил среди обитателей и прислуги и затевал разговоры. Они многое могли расска-

зять ему такого, чего он не знал. Как раз теперь распространился один невероятный слух, просто волосы встают дыбом, и надо было расспросить Лоллу, слышала ли она об этом. Да, Лолла слышала. Лолла слышала все, грех пожаловаться. Но сам по себе слух оказался постыдной сплетней. Молодой Клеменс и его жена, которые так обожали друг друга и всегда держались вместе — куда идет один, туда обязательно идет другой, нет, Абель, не верь ни единому слову.

— Разве они никогда не ссорились?

— Нет, никогда. Люди богатые и благородные. И пусть даже они теперь не такие богатые, они все равно благородные, а жена просто самый очаровательный человек из всех, кого я знаю. Да и все семейство помощника судьи — как они могут пойти на такой скандал?

— Намекают на молодого Гулликсена.

— Вздор какой. Эти Гулликсены... нет, ни за что не поверю. А то я не знаю Вильяма Гулликсена. Он когда-то бегал и за мной тоже.

— Очень, говорят, богатые люди.

— Вот разве что. Вообще-то этот Вильям — славный парень и всегда одет по последней моде. Раньше он ничего не стоил, сейчас малость распрявился. Но все равно... не знаю, не знаю. Они люди необразованные. Один раз он хотел напоить меня.

— Хотел напоить? — равнодушно переспросил Абель.

— И пытался поцеловать.

Молчание.

Лолла искоса на него взглянула:

— За мной не только он бегал. Но тому, кто нужен мне, не нужна я. Так оно все и идет.

Абель:

— Как ты думаешь, кто из них хочет разводиться, он или она?

Лолла, возвращаясь откуда-то издалека:

— Разводиться? Никто, ни он, ни она.

— Все дело в богатстве... Самые богатые люди в городе, как я слышал.

— Ну, положим, у Фредриксена имение побогаче будет. — У Лоллы вдруг мелькает мысль: — А ты знаешь, почему Фредриксен никак не прогонит с «Воробья» своего пропойцу-брата?

— Почему же? Тебя это очень волнует?

— Еще как волнует! Такой прекрасный корабль в руках Ульрика и его буфетчицы.

— У тебя есть акции «Воробья»?

— Откуда у меня акции. Но получилась бы стоящая операция. «Воробей» из года в год дает шесть процентов, как я слышала. Больше, чем дает банк.

Абель, зевнув:

— Надоело ходить с завязанной рукой.

— А что там у тебя?

— Да так, болячка.

Какое-то время он опасался, что из-за браслета может подняться шум. Газеты поместили заметочку под названием «Кража в церкви», и в «Приюте моряка» шли оживленные разговоры: «Это ж надо, какие злодеи! Как их гром не разразил!»

Абель хотел попросить Ольгу хоть какое-то время по возможности не выставлять браслет напоказ, но ее нигде не было видно. Ну и ладно, в случае чего, сама разберется, — уж если она умеет заставить людей носить шляпки задом наперед. А ему мешаться незачем.

Больше его беспокоило, что в «Приюте моряка» ему начали каждую неделю выставлять счет. Странное поведение, похоже, они ему больше не доверяют. Он с улыбочкой уплатил по первому счету, с такой же улыбочкой по второму, улыбался и при виде третьего, но мог лишь пообещать расплатиться завтра или примерно завтра. Прождав еще неделю, ему отказали. Это ж надо, как они себя ведут.

Но, с другой стороны, оно и к лучшему. Эти регулярные напоминания просто невыносимы. Он уложил свои вещишки, рука к тому времени успела зажить, так что он вполне мог их унести, а других сокровищ на этой земле он не собрал.

Тут как раз заявила маленькая Регина с записочкой от своей матери: мол, не может ли Абель им помочь, потому как у них больше ничего нет.

Он ответил на словах, что хорошо, и написал записочку, что разумеется, что в течение дня. «Вечером ты найдешь меня в сарае».

Но, оказывается, маленькой Регине этого было недостаточно.

Она уже стала большая девочка и последнее время ходила у причалов, а также по комнатам «Приюта», продавая морякам религиозные брошюры. Абель однажды купил у нее «Благую весть», теперь она разносила «Безмолвного уте-

шителя», целую стопку. Она получала процент с проданного.

Абель купил и «Безмолвного утешителя» и положил его в сторону.

— Ты повесь его на стену, — сказала она.

Но у него не было ни гвоздя, ни молотка, и вообще ничего такого.

Она покрутила головой по сторонам и сказала, что «Утешитель» может висеть и на булавке, — «но булавка у меня всего одна, да и ту я обещала постояльцу из восьмого номера, если, конечно, уговорю его купить».

Занятная была эта Регина, лицо приятное, но почти беззубая.

— Он что, ничего не захотел у тебя взять?

— Еще уговорю. А ты зайди к нему, если я закричу.

— С чего это ты закричишь?

— Он хочет посадить меня к себе на колени.

Абель задумался:

— Тогда, пожалуй, тебе не стоит к нему ходить.

— Ничего, я еще заставлю его купить.

Странная девочка. Никак не желает упустить сделку. Он предложил дать ей крону вместо жильца из восьмого номера, но это ее не устраивало.

Ее не было совсем недолго, потом она сунула голову в дверь и прошептала, что заставила его купить.

С тех пор, как старьевщик вывез вещи, в сарае не стало хуже, теперь больше похоже на жилую комнату, думал Абель. Хорошо бы со временем прикупить печку.

Вот отсюда его никогда не выставят. Сарай принадлежал железной дороге и стоял заброшенный десять лет, двадцать лет подряд. Старый Бродерсен платил за него, потому что был аккуратный и честный, но Абель никакой платы не вносил, да с него и не требовали.

Покамест он брал провизию у купца Гулликсена, в таких случаях молодой Гулликсен никогда не говорил «нет». А для себя Абелью было так мало нужно, он привык к лишениям.

Когда Лили заявила вечером, она была совершенно не расположена к нежностям и тому подобное. Ничего похожего. Она завела речь об Алексе, тот все очень хорошо принял и теперь вполне спокоен, после того, как она обещала никуда без него не ходить. Да и ни к чему это, Алекс мужчина хоть куда, ей больше ничего не надо. А дело вот в чем: ты можешь нам помочь?

— Конечно, — ответил он, указывая на свои припасы. — Бери, сколько можешь унести.

— Да, но я... — пролепетала Лили.

— Да-да, сколько сможешь. А я как-нибудь обойдусь.

— Не о том речь. Деньги у тебя есть?

Абель, с улыбкой:

— Деньги? Нет.

Лили потеряла дар речи.

— Ну, может, несколько крон я наскребу. — И он порылся в карманах.

Лили:

— Да что такое несколько крон?! Банк желает получить проценты и очередную выплату. Я несколько раз занимала понемногу, а последний раз сделала большой заем.

Оба помолчали. Потом Абель сказал:

— Пусть банк подождет. У меня, во всяком случае, денег нет, я расплатился в «Приюте».

В Лили проснулась привыкшая к подсчету кассирша:

— А не ты ли занимал у меня деньги из моего займа?

Абель, ошарашенно:

— Да, но...

— И ты не можешь мне вернуть даже эти деньги?

Абель призадумался.

— Сейчас не могу. Сегодня вечером не могу.

— А когда же?

— Потом. У меня есть другие расходы.

Уходя, она все-таки прихватила почти всю провизию, но он на это не обратил внимания. У него теперь был дом, где можно жить, так сказать, собственный дом, то, что люди называют меблированная квартира. По углам валялись различные предметы, которые не соблазнили старьевщика: он нашел нож, застрявший в ножнах, сплошная ржавчина, но вполне можно отчистить; будильник, который он тоже, пожалуй, сумеет починить; кастрюли с проеденными ржавчиной дырами в днище; отслужившая свой век керосинка; негодный жестяной светильник; старые гвозди в коробке; начатое матерью вязанье — все сплошь никуда не годные предметы, что моль и ржа истребляют, вид их не взволновал его, хотя он помнил многое с детских лет на маяке. Все это натаскал его отец и не мог выкинуть, мать же была больна и не прибиралась.

Но Абелья ничуть не смущала перспектива жить в пыли среди худых горшков, он был наделен благословенной нетребовательностью, ему даже не надо было закрывать двери, чтобы чувствовать себя вполне спокойно. Он пребывал

в отменном расположении духа и наслаждался своим примитивным благоденствием. Доски пола кое-где ходили ходуном, да и не везде они сохранились, эти доски, но он ничего не предпринимал, чтобы кое-что подремонтировать, или чтобы до блеска протереть окно, или чтобы водрузить на стол светильник и придать своему жилью пристойный вид. У него было большое окно с шестью стеклами, одного стекла не хватало, но это его ничуть не тревожило. Прямо перед окном проходила насыпь железной дороги и, пожелай он увидеть небо, ему пришлось бы пригнуться. С трех сторон его окружали сараи, с четвертой — насыпь. Оно и хорошо, когда тебя так зажали со всех сторон, ограничив твое пространство, он не слышал вечный петуший крик газет и людей, не испытывал любопытства, не заглядывал через плечо к читающим.

Как тогда могли городские новости проникнуть в его захолустье? А вот так. Порой он прогуливался по улицам, иногда, присев на скамейку у рыбацкого причала, заводил разговоры с людьми, со спокойными, тихими обитателями городка, почтальоном или таможенником. Он сидел, калякал о том о сем и покуривал свою трубочку.

Молодой Клеменс проходит мимо, возвращаясь из своей конторы. Вообще-то они здороваются, но чаще Абель опускает глаза и ничего не говорит.

Но Клеменс сам к нему подходит:

— Нет-нет, не вставайте, просто я так давно вас не видел. Как вы поживаете, хорошо?

— Да, — отвечает Абель, — сносно.

Клеменс держит в руках свой черный портфель, словно он намерен, придя домой, работать дальше. На висках у него отросли более длинные волосы, чем он носит обычно, и выглядывает он поэтому старше.

— А вы как? — спрашивает Абель.

— Спасибо, ничего, день на день не приходится.

— А у Ольги все хорошо?

— У нее несколько разгулялись нервы, но виновато, должно быть, время года, я слышал, многие на это жалуются. Извините, что побеспокоил. Передать Ольге привет?

Он приподнимает шляпу и уходит. Чистый костюм, на брюках складка, вполне достойный мужчина. Только волосы над ушами, и вид несколько подавленный. Может, у него неприятности? Во всяком случае, он из тех, кто несет свое бремя и при этом не пыхтит от усталости прямо в лицо другим.

- Говорят, он разводится с женой, — шепчет почтальон.
- Говорят, что это пустая болтовня, — отвечает Абель.
- Ну нет. И затеяла все его жена.
- Может, еще передумает?
- Она не привыкла жить на одно адвокатское жалова-

нье.

- На свете куда как много людей, у которых и того нет.
- Много-то много, но... Они сегодня уехали на «Воробье».
- Кто уехал?
- Я в шесть часов разносил почту. Сперва пришел Гулликсен и поднялся на борт, потом пришла она. Прокатиться, должно быть, решили.

Абель больше не желал слушать сплетен. Он сказал:

— Чего ж тут такого — прокатиться на «Воробье»? Утром отвалить, вернуться на другой день вечером. — Он зевнул и встал со скамейки.

— Вы что днем делаете? — спросил почтальон.

— Ничего. Я только привел в порядок испорченную керосинку.

— Вы сами готовите?

— Теперь буду сам.

— А вы больше не живете в «Приюте моряка»?

— Нет, я живу в сарае, у складов.

Почтальон:

— Прошу прощения. Я спрашиваю только на тот случай, если придут письма для вас.

— Никаких писем для меня не придет.

Он прихватил с мостков пикшу, а в лавке купил бутыль керосина. Само собой, пикшу он может сварить, а если захочет, то и зажарить. Для него пустяковое дело починить керосинку и запаять дырки в кастрюле. Когда в испанских водах кок свалился за борт, он варил и пек для всей команды. Никаких проблем.

Он сам себе сотворил золотые денечки. Роскошно пожив несколько дней на рыбе или там телячьей печенке, можно на долгое время погрузиться в спячку, у него есть кровать с постельным бельем и софа, словом, есть куда прилечь. А весной он непременно высадит на насыпи перед окном ведро картошки. Он и в Кентукки тоже сажал картошку.

За зиму к нему много раз заявлялась Лили и требовала денег. Но денег у него не было, должники ничего ему не платили, пришлось и впрямь продать кой-какие мелочи, чтобы хватало на пропитание. Купец Гулликсен тоже спрашивал

про деньги и закрыл ему кредит. Поганый таможенник Робертсен тоже не продавал свои лодки, чтобы заплатить ему, как было уговорено. К некоторым должникам Абель из чувства приличия не смел обращаться. Как же он мог при таких обстоятельствах еще больше тратить на Лили? Лили хныкала: Алекс сидит без работы, банк требует свое, так что у них не осталось другого выхода, кроме как попрошайничать у ее матери, у вафельщицы.

Они сидели и толковали о том о сем без обычной охоты, а про всякие нежности и тому подобное даже речи не заходило. Лили рыдала. Чтобы хоть как-то ее утешить, он протянул руки и хотел привлечь ее к себе, но тут она вдруг расвирипела и во все горло закричала:

— Нет! Не смей меня трогать!

После этого она не показывалась целый месяц, а наконец заявившись, выложила перед ним без долгих разговоров письмо из банка.

Он прочел письмо и сказал:

— Да, это скверно.

— Скверно? Ты вообще понимаешь, насколько это скверно? Они продадут дом.

— Сядь, Лили, сядь и успокойся.

— Сесть? Ты хочешь сказать, на твою софу. Чтобы ты ко мне пристроился?

Абель даже рот разинул от изумления.

— Я тебя насквозь вижу, но никогда, понимаешь, больше никогда в жизни!

После этого она села на софу.

Абель, с улыбкой:

— Просто удивительно, как это Алекс ухитрился тебя покорить.

— Да, вот ухитрился, — ответила она, — но у нас разговор о другом.

Но сколько они ни говорили, снова и снова получалось, что у одной беда, а другой не может помочь.

— Сядь, — сказала она возбужденно. — Ты все ходишь и все соображаешь, как бы пристроиться ко мне, а я этого не желаю. Раньше, когда ты выкупил дом, приносил одежду и еду, было другое дело, я выглядела бы просто дрянью, откажись и я что-то для тебя сделать. Не забывай к тому же, что Алекс меня тогда покинул. Да ты, никак, смеешься?

— Ничего я не смеюсь.

— Нет, ты смеялся. Не спорю, мы начали еще до того,

как уехал Алекс, но прикажешь мне и теперь за это отвечать?

С громкими рыданиями она бросилась на диван.

Полное смятение, смятенные речи, бесстыжие, но искренние.

— Я был бы рад тебе помочь, — сказал он.

Она тут же вскочила.

— Не можешь, значит? Как это подло! Ты сидел и дожидался, пока я вернусь из банка, и потом занял у меня. А сейчас дом продают. Ты разве не видишь, в каком я теперь состоянии?

— Тут уж я ни при чем, — сказал он.

— Ни при чем, а толку что?

Абель промолчал.

— А ты не можешь выкупить дом?

— Второй раз? Не могу, — сказал он и взглянул на нее.

Он нарочно так сказал, чтобы она хоть немножко одумалась.

Но Лили ничуть не одумалась. Она сказала:

— Это очень гадко. После всего, что между нами было...

— Я не могу, слышишь, Лили! Столько тысяч! У меня нет денег...

Когда она ушла, Абель взял столик у окна, взвалил его на плечи и понес к старьевщику, потом сделал еще одну ходку с постельным бельем и провернул в результате большую сделку — пятнадцать крон. В конце концов на исходе зимы ему не нужны ни одеяло, ни перина, а вдобавок у него есть неизменный серо-коричневый ульстер из Америки. А стол в комнате нужен ему не больше, чем скатерть на столе.

По дороге домой он подыскал себе среди складов подходящий ящик вместо стола, ему даже пришло в голову, что когда-нибудь этот ящик можно покрасить. У него возникали время от времени такие царственные мысли: вставить в окно недостающие стекла, купить печку...

Он взял деньги и спрятал их.

— Ты только погляди, — сказал он, словно разговаривая с рассыльным, — ты только погляди, с такими деньгами уже можно пойти к Лили.

Но поскольку рассыльного при нем не было, он отправился сам.

Дома был Алекс. Он лежал на полу, в рубашке, босой и играл с обоими малышами. При виде Абея он сел на стул, не выказывая ни малейшего неудовольствия, ну просто ни малейшего, он был исполнен невероятного дружелюбия.

— Ну, как дела? — спросил он.

Абель огляделся по сторонам. В этой комнате тоже не хватало многого из мебелировки, даже часы со стены исчезли. А по светлому пятну на обоях можно было угадать, где некогда стоял расписанный розами угловой шкафчик.

— Где Регина? — спросил Абель, чтобы не спрашивать про Лили.

— Если не торгует брошюрками, значит, у бабушки, — отвечал Алекс, — она часто ходит к бабушке. Ты хотел поговорить с ней?

— Нет. Просто у меня кое-что для нее есть.

Алекс казался отупевшим, отупевшим от многолетней безработицы и неудач. Он никогда ничем не выделялся, разве что был красивей других, длинные ресницы, изогнутые губы. В свое время он вполне мог заполучить дочку капитана Норума, но Лили выиграла состязание.

— Ты этих двух узнаешь? — спросил он.

Абель поглядел на малышей и сказал:

— Они выросли.

— Странные детишки, почти никогда не плачут.

— Да?

— Похныкают, и все. Регина, та и плачет и ревет. А эти два другой породы.

Абель сказал:

— Они мои.

— Твои? Нет.

— Мои.

— Твои, говоришь? Быть того не может.

Абель хотел отдать деньги, прежде чем вернется Лили. Какой смысл торчать здесь?

— Если ты пришел с тем, чтобы их забрать, у тебя ничего не выйдет.

— Передай это Регине или Лили, кому захочешь.

— Положи вон туда. Видишь ли, я успел их полюбить. Они еще сами стоять не умели, а уже приходили ко мне и стояли у меня между коленями. «А ну, держитесь крепче!» — говорил им я. «Крепче!» — повторяли они и держались за мои коленки, а потом глядели на меня: попрошу ли я еще что? «Плжните на мои штаны!» — говорил я в шутку. Они плевали и смеялись. Потому что больше всего на свете они любят разводить грязь. Я слышал, что дети все такие.

— Здесь несколько шиллингов, — сказал Абель, — больше у меня нет.

Алекс держался за свое:

— А ты знаешь, что младшенький у нас мальчик?

— Да, я слышал.

— Мать считает, что я его люблю больше остальных, но это чепуха. Я разницы не делаю. Вот только Регина — она уже слишком большая и взрослая.

Лолла утром и вечером пробовала его отловить, но до сих пор ему удавалось избегать встреч. Знала она, что он обитает в одном из сараев, но сараев здесь было много, у каждого купца свой. Он был зачем-то ей нужен, и она там и сям оставляла для него весточку с просьбой зайти к ней в ее домик на берегу. Абель не шел. Почтальон как-то раз, отыскав его убежище, доставил ему письмо. Абель отложил письмо в сторону. К его сараю не вела ни обычная дорога, ни хоть тропинка, путь кое-где был перекрыт досками, через которые надо перешагивать, кое-где проволокой, под которой надо перелезть: сам Абель предпочитал ходить вдоль путей и потом скатываться вниз по насыпи, хотя это строжайшим образом запрещалось. Требовалась большая ловкость, чтобы разыскать его обиталище, но Лолла сумела это сделать однажды утром, когда он как раз собрался уйти.

— Я хотела поглядеть, как ты тут, — сказала она, — мне непонятно, где ты полгода, а то и год пропадаешь. Я тебе что-нибудь сделала?

Чтобы умиротворить ее, он напустил на себя шутливый вид и сказал:

— Могу сообщить тебе новость, которую я от кого-то слышал: Ульрик-то Фредриксен уходит с «Воробья».

— Я знаю.

— Теперь ты успокоилась?

Но Лолла была не расположена шутить.

— У меня для тебя другая новость. Твой дом продают.

— Как-как?

— Дом, который ты купил для этой Лили.

— Ах, вот что, — сказал Абель.

— В газете объявлено о торгах. А ты, выходит, ничего об этом не знал?

Абель:

— Они не могут его продать.

— Могут. За три не выплаченных банковских ссуды.

Абель молчал.

— Выходит, другие проели твой дом?

Абель:

— Строго говоря... это было так давно... да нет, другие его конечно же не проели.

— Ну, положим, я была в банке. И ссуды под этот дом брал не ты.

— Не я? Впрочем, с какой стати я стал бы брать ссуды?

— Вот именно. Теперь вопрос стоит так: долговое обязательство у тебя в порядке?

— Ну еще бы, — сказал Абель, — в полном порядке.

— А оно при тебе?

— Лолла, это все так давно было. Не знаю. Ты слишком дотошная. Но я сейчас о другом: ты можешь догадаться, почему. Ульрик Фредриксен ушел с места?

Лолла лишь взглянула на него, но ничего не ответила.

Долгое молчание.

Лолла явно приняла для себя какое-то решение, не то чтобы она энергично кивнула несколько раз, но она стиснула губы. Потом огляделась по сторонам: комната теперь была почти пуста, кровать голая, керосинка, кастрюли, на ящике под окном — рыбий остов. Она углядела и свое собственное письмо и взяла его.

— Ты что же, так здесь и останешься? — спросила она.

— Нет.

— А может, останешься?

— Совсем ненадолго. На несколько дней. Так, для забавы. Я как раз думал кое-что предпринять. Я здесь сижу и кую планы, словно кузнец, чтобы кем-то стать.

— Да ну?

— Весной, говорил я. Ты разве забыла, как я сказал: весной.

— Сказал. Два года назад.

На лбу у Абеля возникла глубокая складка.

— Я правильно понял, что ты от меня чего-то хочешь?

— Нет, я пойду, — сказала она и встала. Но ей не хотелось снова обижать этого горемыку, этот обломок человека из кентуккской юдоли скорби, она желала ему добра, слишком даже желала. — Ты не мог бы перейти в наш дом и жить у нас? — спросила она.

— Дорогая Лолла, — отвечал он, — тебе не понять, что мне по нраву. Сейчас я хочу остаться здесь. Я собираюсь здесь покрасить и навести красоту.

Раз ничего другого не остается, Лолла меняет тему.

— Ты спрашиваешь, почему Ульрик Фредриксен отказался от места. Да потому, что его буфетчица надумала уйти. Теперь она желает жить на суше. И, значит, Ульрик тоже желает жить на суше. Он за три месяца предупредил об уходе.

Абель слушал вполуха.

— Это единственное, что могло заставить его уйти с корабля. Он кончает первого июня. Скажу по правде, меня радует, что он уходит. Но мне непонятно, что он такого нашел в этой буфетчице. Он просто не может без нее жить.

— Кто не может? — спросил Абель.

— Кто?.. Ладно, я, пожалуй, пойду.

Лолле предстояло много дел. Сперва она сходила к портному и заказала два костюма по старой мерке — один костюм темно-синий, и чтоб с двубортным пиджаком, а пуговицы для него она подберет сама.

Дождавшись трех, она пошла к молодому Клеменсу, в его контору на дому.

XIV

Ну конечно же, Лолла знала все городские новости. Например, она прослышала, что Ольга перебралась в аптеку, в родительский дом, но не поверила слухам. «Порядочные люди так не поступают, — рассуждала Лолла, — и уж если фру Ольга так поступила, значит, тому должны быть свои причины, но причин как раз и нет. Разве что с молодым Клеменсом невозможно жить, но ведь это не так...»

Ей хотелось выглядеть образованной, и вежливой, и деликатной, а не приходить в его контору, как прежде, когда она была служанкой и убиралась у них. Она хорошенько продумала все, что должна сказать.

Поздоровавшись, она с улыбкой промолвила:

— Вы мне, правда, уже отказали однажды, не захотели помочь, но... — Тут она умолкла.

— Присядьте, пожалуйста, — сказал он и поправил стул, хотя стул и без того стоял как следует.

Она села и продолжила свою речь:

— Впрочем, сегодня я пришла за другим.

Он распрямился. Вдруг она принесла какое-нибудь известие от его жены? Они с Лоллой, помнится, дружили. Вполне может быть.

— Я пришла от Абеля Бродерсена, — сказала она.

— Ах, от Абеля Бродерсена, так-так. В прошлый раз, Лолла, — вы уж извините, что я говорю: Лолла, — в прошлый раз для этого имелись свои причины.

— Да, имелись. Дело было не очень красивое.

— Вы так думаете? — Он встал, подал ей руку и сказал: —

Вот вам моя рука в знак того, что дело вовсе таким не было. — Тут он снова сел, был почему-то весь красный и глядел в пол. — Так что там с Абелем Бродерсеном?

Так, мол, и так: как обстоят дела с закладной Абеля на дом у лесопильни? С долговым обязательством? С гарантиями?

Клеменс ничего не понял, наморщил лоб, порывлся в документах на букву «Б» — нет, никаких следов Бродерсена.

— Этого я и боялась, — сказала она.

— Он, наверное, ошибся, перепутал меня с другим адвокатом.

— Да, он ошибся.

— Неладно что-то с этим Бродерсеном, — сказал Клеменс, немного помолчав. — Он не такой, как мы все. Мне порой кажется, что в некотором смысле он враг самому себе.

— Я его вообще не понимаю, — сказала Лолла.

— Я тоже. Я да и другие его ровесники слишком заурядны, чтобы его понять.

— Как вы думаете, может, он болен? Он, помнится, рассказывал, что в Америке у него когда-то был солнечный удар. Может, это с ним после удара? Может, это какая-нибудь болезнь?

— Какая? Нет, рассудок у него в полном порядке. Вообще-то мне трудно судить, я разговаривал с ним всего несколько раз. Он был очень любезен, с ним вообще приятно общаться. Ольга его хорошо знает, спросите у нее, они с детских лет дружат. Ольги, правда, здесь сейчас нет, но уж где-нибудь вы ее отыщете.

— Он не желает кем-нибудь становиться, — сказала Лолла.

— Верно. Но разве это так уж необходимо? Разве сам он от этого страдает?

— Не знаю. Но это для него унизительно.

— Он это сознает?

— Не думаю.

— Вот видите! Мы, другие, стали тем малым, чем стали, именно потому, что мы слишком заурядны. Он же обитель пограничной страны, которая нам неведома.

Лолла покраснела и сказала:

— Меня утешает то, что вы говорите. Я сблизилась с ним. Мы некоторым образом... я хочу сказать...

— Я знаю, — сказал Клеменс, когда она запнулась.

— ...что неестественно, когда молодой человек никем не хочет стать, ничего не хочет предпринять.

— Неестественно, исходя из нашего взгляда на вещи. А может, он просто испытал какой-то надлом, который при-

вел к утрате воли, вернее, к утрате энергии, потому что, если верить моему впечатлению, определенная воля у него есть. Он знает, чего хочет.

— Он был когда-то женат, в Америке. Может, поэтому?

— Не знаю. Вполне возможно, но в таких вещах я плохо разбираюсь, я ведь юрист.

— Может, она увлекает его за собой на дно?

— На дно? — удивился Клеменс. — А они там были на дне?

— Да. Если верить его рассказам. Они жили как последний сброд.

— И долго?

— Этого я не знаю. Несколько лет. Это была ужасная жизнь. А потом ее застрелили.

— Они ссорились?

— Нет, по его словам, он ее обожал. Он до сих пор бережет этот револьвер и так красиво говорит о ней. Ничего нельзя понять.

— Ничего, — сказал и Клеменс, — мне кажется, в последнее время он меня избегает, а почему — я не знаю. Он пьет?

— Нет, даже и пить не пьет, — отвечала Лолла. — Он просто какой-то отупелый и ни о чем не желает думать. Он теперь обитает в каком-то сарае на складской площадке.

— Он вынужден там жить?

— Совсем нет. Но он так хочет.

— Тогда, может, он просто желает выглядеть необычным?

— Ах, если бы так! Но он не из тех, кто желает производить впечатление. Вы уж извините, что я отняла у вас столько времени, но он так меня беспокоит.

— Посидите минуточку, Лолла, у меня есть вопрос. Я хотел спросить, не согласитесь ли вы прийти сюда и остаться?

Полная тишина.

— Хозяйничать у меня, — продолжал он.

— Вести дом? — наконец спросила она.

— Да, вести дом. Я ведь сказал, что Ольги нет дома — она такая нервная, а сейчас весна, она хочет немного пожить у своих, при аптеке. И я в растерянности. Мне нужен кто-нибудь.

— Не могу, — ответила Лолла.

— Я подумал о вас, — продолжал он, — вы здесь все знаете и могли бы устроиться, как вам угодно.

Лолла покачала головой:

— У меня сейчас другие планы.

— Ну, раз так, извините меня, — сказал он.

— Я не могу, — сказала Лолла, поднявшись с места.

Он тоже поднялся.

— Зря, наверно, я спросил вас прямо в лоб.

— Нет-нет, не говорите этого! Я никогда не забуду, как мне у вас было хорошо. А книги, которые я могла брать... и вообще все... все...

— Почему бы вам и теперь не взять несколько книг?

Лолла:

— А разве можно?

— Вам — и нельзя? Зайдите в комнату, вы ведь знаете, где что лежит. Самые последние поступления — на прикроватной тумбочке.

Лолла вошла и оставалась там долго, до чертиков долго. Заглянув туда, он увидел, что она стоит перед зеркалом и поправляет прическу. Она набрала целую кучу книг, вернулась и выложила их перед ним: что он ей порекомендует?

— Не хотите ли присесть? — спросил он. — А я поищу бумагу, чтобы завернуть книги.

Когда они заворачивали книги, руки их соприкоснулись, и ему это, судя по всему, не было неприятно. Он даже нарочно искал прикосновения к ее большим, страстным рукам.

Наконец она управилась, встала, стояла в нерешительности — и не уходила.

— Можно, я задам вам один вопрос?

— Какой угодно!

— Я так беспокоюсь за этого парня, как вы думаете, для него нельзя отыскать приличное место?

— Ну... смотря по обстоятельствам. Вы о каком месте говорите?

— Я даже не смею сказать: капитаном на «Воробье».

Молчание. Клеменс долго думал.

— Давайте сядем, Лолла. Я слышал, что Ульрик Фредриксен оставил свое место, но это еще не решение вопроса. Абель Бродерсен много ходил в море, как он мне рассказывал, но и это еще не все.

— Нет, не все. Он не штурман, он так и не смог выучиться, по его словам.

— Ну, Ульрик Фредриксен тоже не штурман. Так что с этой стороны... Впрочем, у него есть брат, брат и предоставил ему место. Вот что решало дело. Вопрос стоит так: а у Бродерсена ничего такого нет?

— Ему принадлежит часть акций «Воробья».

Клеменс подался вперед:

— Правда? Разве не Фредриксену из имения?

— Абель скупил акции Фредриксена.

— Хо-хо-хо! — сказал Клеменс. — Это замечательно. Во всяком случае, это имеет большое значение. Фредриксен, возможно, не откажется лично поддержать его?

— Да, он мне обещал, вернее сказать — Абелью.

— Ну, тогда дело почти решено.

— Решено, что он получит это место. А вот сможет ли он его удержать — это вопрос.

— Уж наверно сможет. Во всяком случае, при нем должен быть особенно толковый штурман. А сам-то он что думает?

— Он вообще ничего об этом не знает.

Клеменс, потрясенный:

— Как же он тогда мог скупить акции?

— Ну... через посредника, — ответила она.

Дальше Клеменс расспрашивать не захотел. Он подумал-подумал и сказал:

— Может, и в самом деле лучше, чтобы он узнал обо всем сразу. Как взрыв бомбы...

Лолла:

— Вот и я так думаю. Это моя единственная надежда.

— Что его потрясет шок и пробудит к жизни. Вы молодец, Лолла. Вы хорошо все придумали.

— Тогда не будете ли вы так любезны замолвить за него словечко...

— Я? — удивился он. — Это ничего не даст. Я никто.

У дверей он подал ей руку на прощанье, хотя нужды в том не было.

— Я приду потом, вернуть книги, — сказала она.

— Когда вам угодно. Поменяете и возьмете другие.

Она ушла, погруженная в размышления. Как-то странно себя ведет Клеменс, не диво, что Ольга его бросила. Три раза он предлагал ей сесть, будто ему приятно ее видеть. Тонкий и обходительный человек, просил прощения, когда предлагал ей место в его доме. Нет, не было у Ольги никаких причин уходить от него.

Но сейчас надо было думать о другом. До известного, большого дня следовало уладить великое множество дел. И она уже многое уладила, она разработала план, она держалась за него годы и месяцы. Она перетолковала с Вестманом и еще несколькими членами правления, побывала наконец у портного, — да, она многое сделала и была собой довольна.

Но главным козырем оказались акции «Воробья», вот это козырь так козырь! Она понимала, что ей надо зару-

читься контрольным пакетом, поскольку без него она ничего не сможет сделать. Случай и здесь пришел ей на помощь: Фредриксен-землевладелец с готовностью согласился, не откладывая в долгий ящик, продать ей свои акции, чтобы отрезать своему брату возможные пути к отступлению. «Я вам прямо скажу, — так сказал он ей, — я человек больной и вынужден их продать». Но торговался он тем не менее как черт.

— Понимаете, Абель должен иметь большинство акций, теперь взгляните, на какие средства он покупает, — сказала ему Лолла и выложила перед ними банковскую книжку Абеля.

Фредриксен заглянул и сказал:

— Нет, так у нас с вами дело не пойдет. Это получится ниже номинала, нет, так не пойдет.

Он был совсем больной, и руки у него заохлодели как у покойника, но по-прежнему жадный и в полном рассудке.

Фру Фредриксен сидела на стуле у постели больного и морщила лоб.

— Сколько же акций вы продадите под этот счет? — напрямик спросила Лолла.

Фредриксен подсчитывал, закрыв глаза. Он достал из-под подушки связку ключей, дал ее жене и сказал:

— Они лежат справа! Господи, у меня совсем нет сил, голова прямо раскалывается. А ведь я был такой здоровый! Кто бы мог себе представить?

Когда акции были подсчитаны, он пересчитал их еще раз с закрытыми глазами, чтобы не сбиться со счета и не обмануть ее.

— Вот, пожалуйста, — сказал он, — эти семь я себе оставлю, остальные достанутся вам. Даром, можно считать.

— Значит, все-таки выше номинала?

— Все равно это почти задаром. Надо совсем рехнуться, чтобы продавать по номиналу, когда пароход приносит шесть процентов, а может дойти и до восьми.

Лолла:

— А сколько вы сами заплатили аптекарю?

— Кому-кому? — спросил Фредриксен. — Ну, аптекарь — это другое дело, аптекарю пришлось их продать.

Лолла не рискнула заходить дальше, она взяла свои акции и ушла. Жена Фредриксена закрыла за ней дверь.

Да, жена сидела, нахмутив лоб, да, она незаметно покачивала головой, но не проронила ни слова. Жена хозяина славилась своим добрым сердцем. Она не раз демонстрировала, что не одобряет поведение мужа, и будь ее воля, она

бы вообще уступила эти акции почти задаром, вот какая это была женщина. Но она не проронила ни слова, она только дала госте понять, насколько отличаются ее взгляды от взглядов человека, за которым она замужем. Лолла ждала хоть нескольких слов, шепотом, когда они вдвоем оказались в коридоре, и она услышала их, эти слова: «Он до того жаден, и моей воли тут нет, видит Бог, нет!» Спасая благодаря этим словам свою репутацию, женщина, вероятно, ждала благодарности, но Лолла просто ушла. Муж представлялся ей далеко не столь страшным, как жена.

Лолла поспешила в банк, где получила небольшую сумму под акции, и вернулась в имение.

— Вот, пожалуйста, — сказала она.

— Пожалуйста, — сказал и Фредриксен. — Вот эти шесть — а одну я оставлю, чтобы не потерять право голоса, но контрольный пакет будет у вас...

Сделано быстро и с виду все верно и справедливо, но если вдуматься — грабеж среди бела дня. Фредриксен и здесь сумел извлечь выгоду — лежа в постели, заработал несколько тысяч, но зато пообещал дать Абелю хорошую рекомендацию — он слышал о нем, этот парень однажды спас человека от смерти, да и отца его он знал.

Фру Фредриксен на сей раз не показалась.

Теперь Лолла двигалась домой, держа под мышкой стопку книг, вспоминала все эти обстоятельства и улыбалась. Она почти забыла про страховку на дом, который Абель однажды выкупил, и вообще эта история с домом не стоила того, чтобы о ней думать, деньги все равно пропали. Ох уж этот Абель, себе враг, для других загадка. Ее удручало, когда она видела, как беспечно он губит свою жизнь. Причем он не жаловался, напротив, улыбался, но эта улыбка рвала сердце. Ее предложение обрести дом и кров в хижине на берегу неизменно встречало отказ, денег, чтобы уехать, у него теперь не будет, а после покупки акций — вообще никаких не будет. Но Абель не рассуждает в кронах и эре, он не по этой части. Вот он и торчит в своей халупе среди складов.

Но она возвысит его так, что лучше и не надо, она, Лолла, поможет ему обрести ранг и положение.

Как истолковать такое обилие доброты и заботы по отношению к пасынку? Это понимала одна только Лолла.

Любой другой на ее месте давно махнул бы рукой на этого человека, устав воевать с ним. А Лолла не уставала. Безымянный — в жалкой халупе, ничтожество, пустое место — ей должно быть неловко, что она и вообще-то замечает его. Да, должно. Но какова бы ни была тому скрытая

причина — в глазах людей она вполне могла оправдаться: она старается не для него, а для себя, неужто непонятно? Когда Абель станет капитаном, она возглавит ресторан «Воробья». Ничего лучше и не придумаешь... Нет, она не пойдет в домоправительницы к молодому Клеменсу, у нее другие планы, она мечтает стать буфетчицей на «Воробье». Стать госпожой над обслугой, стать дамой в своем салоне, чтобы выше капитана никого над ней не было, стать чем-то, многие ей могут и позавидовать, ведь, строго говоря, она не настоящая родственница капитана, но все-таки она в свойстве с ним, она его мачеха, мать, у нее довольно неуязвимая позиция. Ловиса Роландсен, та, что замужем за Тенгвальдом, была бы куда как рада оказаться на ее месте. А уж в доме у таможенника Робертсена просто искры посыплются от зависти. Ну и пусть сыплются.

Что бы Лолла ни скрывала в глубинах своей души, но все силы, которые она истратила на этого Абеля, тратились не ради него, а ради нее самой. Это она искала работу и заработок. Ясно как Божий день, неопровержимая истина.

Вполне возможно, что краткое пребывание в роли жены и дальнейшая судьба как неправдоподобно молодой вдовы смущало самое Лоллу. Все вместе взятое, разумеется, комично, есть над чем посмеяться. В глазах людей она хоть и была обвенчана, но не побывала замужем, позже ее воспринимали как служанку, которая получает пенсию после смерти старика. Любое из этих обстоятельств не оправдывало ее благородные манеры и меховой воротник на пальто. Но этому суждено измениться.

* * *

Вернувшись домой, она застала письмо от Ольги, тот же заход, но с другого боку, фру Ольга просила ее взять на себя хозяйство у ее мужа. Письмо писалось второпях, множество восклицательных знаков и тире, но не без тревоги о муже: он остался совсем один — жаль его, и грустно об этом думать. Сама она больше там быть не может, с этим все кончено — «но ты, Лолла, ты все там знаешь, и Бог тебя благослови, если ты это сделаешь! Сам он меня об этом не просил — но мне его очень жалко, и раз я уехала, у него теперь никого нет. Только не забудь про олеандр в средней комнате — а в остальном ты знаешь, как у нас все. Преданная тебе Ольга».

Лолла, осердясь из-за молодого Клеменса:

— Ну, слышали ли что-нибудь подобное — уехать от такого благородного, такого милого мужа!

Она бы выкрикнула это все ей прямо в лицо, доведись им встретиться на улице, пусть даже Ольга когда-то была ее хозяйкой...

Она недолго поговорила с матерью о том о сем и снова ушла из дому. У нее много дел, она не в меру суетлива, она идет в город и покупает там мужское белье. Хотя до первого июня еще много времени, она покупает уже сейчас, чтобы вышить на нем красивую монограмму и все пронумеровать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

XV

А время между тем шло, и Абель все больше обращался в ничто. Он не посадил картошку, как собирался, потому что вдруг надумал сходить на железную дорогу и попросить там разрешения вскопать насыпь, а ему, конечно, запретили. Тем самым он был вполне свободен и избавил себя от лишней работы, а вины при этом на нем не было. Дела обстояли совсем плохо, но у него была крыша над головой, да и не стоило труда при удаче стащить рыбину. Случалось, его видели за этим занятием: «Ты что мою рыбу таскаешь, скотина?» — «На, бери свою рыбу!» — «Да нет, оставь себе».

Или подобным же образом у мясника на окраине: «Можно взять эту маленькую печенку кошке?» — «А у тебя разве есть кошка?» — «И кошка есть, и собака». — «А где же ты живешь?» — «Где склады». — «А разве там есть дома?» — «Я живу в одном из сараев». — «Странный ты тип, ну бери, бери свою печенку».

Жизнь его становилась все более нереальной, внутренней правды в ней больше не осталось. Он, верно, не выдержал бы, не будь такая жизнь привычной для него с кентуккских времен, а так дни виделись ему на редкость добрыми и приятными. Зимой, когда ночи были благодатно темными, он предпринимал длительные прогулки по округе и находил в погребах морковь и картошку, сейчас ночи стали светлые, и это мешало ему добывать пропитание. Но жизнь шла своим чередом, на землю пришла весна, а за ней лето, в лесу теперь роились парочки, и Абелью именно сейчас на

редкость повезло: он обнаружил как раз перед своим сараем, на рельсах незапертый товарный вагон. Был вечер, и была тишина, никакого движения. Он наскоро обшарил вагон, и ему было легко и в охотку скатиться по насыпи с ящиком консервов. Причем все рядом — никаких транспортных издержек. Вернувшись к себе в халупу, он прочел на ящике: лосось норвежский. Просто дьявольское везение, что может сравниться с лососем? А может, в вагоне есть также и мясные консервы? На фабриках много чего делают, сосиски, как он слышал, окорок. Теперь Абель отбросил лень, голова у него работает, он уже снова у вагона, влезает наверх и читает надписи на ящиках: лосось, лосось. В вагоне полно и других вещей, так что Абелю приходится кое-что сдвигать в сторону, деревянный товар, стулья, кожи, меха, надгробные камни из мастерской. Наконец он находит ящик с сосисками и подталкивает один из них к двери.

Но тут какой-то человек с окладистой рыжей бородой заглядывает в дверь вагона.

— Караулишь, значит? — говорит ему Абель.

— Чего-чего? Ты это о чем?

— А разве не ты здесь сторожем?

— Я не далеко уходил, как видишь, — говорит ему человек и злорадно скалится.

— Выходит, ты видел и того, кто уволок ящик?

— А был такой, кто уволок ящик?

— Он побежал к садоводству, — говорит Абель, указывая в ту сторону.

Человек смотрит в том направлении.

— Я ведь недолго... черт подери... я на минуточку отлучился к причалу. А с чем был ящик?

— Ну как по-твоему? Может, с могильными плитами?

— Так-так, а ты-то сам чего делаешь в вагоне? — с подозрением спрашивает человек.

— Могу сказать: он в меня метнул нож, вполне мог убить. Вот я и ищу этот нож.

Человек поднимается в вагон, и они начинают искать вдвоем.

Абель тем временем достает свой нож из футляра и говорит:

— Да вот же он!

— Поддай сюда! — командует человек. — Его надо отнести в полицию.

— Отнеси-отнеси! Этот гад меня чуть не убил!

— Я все думаю, какой ящик он уволок?

— Чего тут долго думать! Достань накладную и сверь. Оба вылезают из вагона.

Человек:

— Но ведь накладных у меня много — по одной от каждого магазина. Эдак придется весь вагон перерывать.

— И начальник станции тогда все узнает.

— Ну и что? Думаешь, я боюсь начальника?

— Ты ушел с дежурства.

— Я ходил на мол... черт побери... я и пробыл там совсем недолго, ну от силы — час. Мне надо было переговорить по одному делу.

Абель делает вид, что хочет уйти.

— Слушай, — говорит человек и возвращает ему нож, — не стану я докладывать.

— Как?

— Не стану, только шум зря поднимется. Не стану, и все тут. Ты ведь никому не скажешь?

— Я? Да ни в жизнь.

* * *

Но не всякий раз получалось так легко, порой ему приходилось выслушивать грубые слова и терпеть унижения, которые любого другого заставили бы бросить это дело.

Он, случалось, бегал на станцию, когда приходили и уходили поезда, и отыскивал там вафельщицу. В дни своего процветания он оснастил эту даму тележкой, корзиной и первоначальным капиталом, теперь он дерзко подходил к ней и без спросу брал несколько вафель под тем предлогом, что желает узнать их качество. Поначалу женщина с улыбкой покорялась судьбе, но когда это начало повторяться, она заговорила:

— Эй-эй, не забери у меня всю корзину.

Ему, в общем-то, было наплевать, что старушка сердится, но при ней была маленькая Регина, помогавшая бабушке, и она удивленно таращила на него глаза и словно бы не узнавала его с тех времен, когда он купил у нее «Безмолвного утешителя».

Хоть и опустил — но не в нужде, точнее — лишь редко в настоящей нужде. Ему жилось не так уж и плохо, он был пустой и равнодушный к жизни. Дух его тоже не угас, требовалось немало поломать голову, чтобы не пойти ко дну, требовалась немалая доля изобретательности, чтобы при-

думывать всякие трюки, а когда он занимался своим ремеслом, которое не терпит дневного света, следовало глядеть в оба. Порой удавалось, порой нет, когда как, счастье переменчиво.

Но некоторым было еще хуже, чем ему.

Однажды к нему заявился Алекс — уж верно, Лили показала ему дорожку. Он был чисто выбритый и вполне опрятный.

— Мы пропадаем, — сказал Алекс, — у нас скоро отберут дом.

— Иди-ка сюда, — сказал ему Абель, — ты, верно, проголодался.

— Ишь ты, что у него есть, — сказал Алекс, набрасываясь на угощение. Потом он огляделся по сторонам. Сарай был пустехонек, и все же Алекс сказал: — Лили считает, что мы вполне могли бы перебраться к тебе.

— Сюда?

— Кровать у нас есть своя, и стол, и стулья, так что об этом можешь не беспокоиться. Вот печки я тут не вижу, я думал, у тебя есть печка, тогда мы могли бы продать нашу. Все-таки несколько шиллингов. Но печки у тебя нет.

Абель молчал.

— Места нам тут всем хватит, — продолжал Алекс, — а дыру в окне мы заткнем. Нас и всего-то, можно сказать, четверо, потому что Регина почти все время у бабушки, словом, все можно устроить, ну а уж печку мы, так и быть, прихватим свою и приладим ее.

Абель:

— Замолчи! Сколько можно болтать! Вздор какой! Продадут дом, продадут дом!

— А по-твоему как?

— Ничего они не продадут. Сейчас ни у одного рабочего нет денег на покупку.

Алекс призадумался, потом сказал:

— Лично мне на все наплевать, но ведь есть еще Лили. И дети. Я опять бы мог уйти — бродить по белу свету, но ничего не выходит, понимаешь, у Лили опять будет ребенок. Видишь, как все сошлось одно к одному. А что ты скажешь про Ловису Роландсен — у той и вовсе девять. Как это люди не могут держать себя в узде?

— Молчи лучше, молчи и ешь!

— Не могу больше. А хлеба у тебя нет?

— Нет.

Алекс вытер жирные пальцы о штаны и достал из-под рубашки лист бумаги.

— Мне очень хочется показать тебе одну рекомендацию. Наверяд ли у кого есть лучше.

Абель прочел и спросил:

— А на кой она тебе нужна?

— Вот и инженер так же спросил. «Зачем тебе рекомендация? — спросил. — У меня, — говорит, — таких рекомендаций полно, но места мне под них все равно не дают». — «Ничего, — отвечаю, — вреда от этого не будет». И заставил его тоже написать мне рекомендацию.

— Очень даже хорошо, — сказал Абель, зевая.

Алекс хохотнул себе под нос:

— Уж, верно, он не дал бы мне такую рекомендацию, если бы все знал.

— Почему?

— Вот этого я сказать не могу. Скажу только, что жена у него — на большой палец. Мать четырех детей, но все такая же лихая. Ты, может, не поверишь, но пока он писал рекомендацию, она и так мне подмигивала, и этак, прямо как в молодые годы.

— А ты знал ее раньше?

— И раньше знал, и позже.

— Значит, дети у нее твои?

— Она говорит, что не все.

Абель:

— Ты расхвастался, потому что сам такой красивый и неотразимый. А для Лили ты, выходит, не годился?

— Это я-то не годился? — переспросил Алекс. — Очень даже годился, только меня как-то к ней не тянуло, покуда она сидела в конторе и была вся синяя и тощая.

— Господи, да перестань болтать, я уже устал тебя слушать.

— Остатки я, пожалуй, заберу для детей, — сказал Алекс и сунул банку себе за пазуху.

Вечером нагрянула Лили. Она была спокойней, чем прошлый раз, и даже слегка улыбалась.

— У тебя вроде лосось есть?

Абель приподнял незакрепленную половицу и достал изпод нее банку.

— Ишь ты, целая банка! А мне так захотелось лосося, уж так захотелось, ты даже представить себе не можешь. непременно куплю себе банку, когда у меня будут деньги.

Абель:

— Не может быть и речи, чтоб вы сюда переехали.

— Как не может? Мы возьмем сюда мебель и печку.

— Вы с Алексом ровным счетом ничего не понимаете. Никто не разрешит топить здесь печку.

— Ах, так. — Лили немного помолчала. — А кроме лосося у тебя ничего нет?

— Нет. Может, польешь его сиропом?

— Ха-ха-ха! — закатилась Лили. — Но если по-серьезному, места здесь вполне хватит, и у тебя есть керосинка, чтобы стряпать.

Абель, устало:

— Делайте, что хотите.

— Нашу кровать можно поставить сюда. Только надо повесить занавеску.

— Делайте, что хотите.

— Тебе вовсе незачем уезжать отсюда из-за нас.

— Угу.

— Незачем, если я отгорожусь занавеской. Но про тебя я даже слышать не желаю, и не надейся.

— Не буду.

— Потому что я не желаю.

Болтовня и всякий вздор. Абель встал с кровати, на которой сидел, и потянулся.

Она взглянула на него и промолвила:

— Ты совсем не бреешься. Ты разве не видел, какой Алекс бритый и ухоженный?

— Да, у тебя очень красивый муж. А теперь ступай, Лили. Не то пойдут разговоры, что ты так поздно от меня уходишь.

— Верно, но мне тебя так жалко, ты живешь в этом сарае совсем один.

— Нет, ко мне иногда заходит кошка.

— Совсем один, ночью и днем, — продолжала она. — И лежишь на голом матрасе? У тебя когда-то было такое красивое белье...

Она встала, пощупала матрац, чтобы проверить, мягкий ли он, пружинит ли, после чего обернулась и обняла его:

— Мне тебя так жалко, так жалко, один-одинешенек и день и ночь.

Шаги за стеной.

— Алекс! — воскликнула она. — И чего это он? Знает ведь, что я без него ни шагу.

Море стало теплое, и солнце пригревает. Абель стирает в ручье свою рубашку, выполаскивает и вешает на куст для просушки. Потом заходит в воду.

Больше ему ничего и не надо, он поворачивает обратно, вполне довольный собой и с твердым намерением часто по-

вторять этот подвиг, непременно повторять. Мир живет своей жизнью, трава растет, люди смеются, Абель ходит, здоров нос. Он ничуть не старше Алекса, который хоть и красивый, но дурак, а Лили была такая странная, когда обняла его. Впрочем, все это уже былем поросло.

Лили права, он давно не брился. Он долго выщипывал себе бороду ржавыми щипцами, но эта работа на сто лет.

Он находит парикмахера неподалеку от садоводства и говорит:

— Вы свободны? Вы не могли бы убрать мою бороду?

— С удовольствием.

— Да, но так и так и вот так. А за работу можете получить этот нож.

— Что ты за тип?

— Моряк.

— На суше, черт возьми. Ну, садись.

Они продолжают болтать и во время бритья. Абелью приходится открыть, чей он сын.

— А, значит, зрителя Бродерсена, помню, помню, я читал в газете, когда он умер. Почтенный и работающий человек. А из тебя ничего не вышло?

— Нет.

— Тебя эта мысль не тревожит?

— А ваш отец кто был? — спрашивает Абель.

— Мой? Учитель и пономарь в нашем приходе. Много лет подряд он еще был приходским старшиной. Меня с ним сравнивать нельзя. Никак.

— Мы все так говорим. Сын редко может сравниться со своим отцом, это почти всегда приходится слышать. И все гордятся своими отцами. Верно, и вашему сыну придется выслушать те же слова, что он, мол, не идет ни в какое сравнение со своим отцом.

— Нет, я и в самом деле не Бог вещь кто, — говорит парикмахер, — и очень надеюсь, что три моих сына достигнут большего. Я, правда, на свою судьбу не жалею, чего нет, того нет. Я выучился своему ремеслу, у меня собственное дело, и я никому ничего не должен.

Абель кивает:

— Это мог бы сказать и мой отец.

— А что ж другое мы все можем сказать? Наша судьба предопределена.

Абель:

— Мой отец не мог бы прожить ни дня так, как я живу из года в год. На это он не годился. Годился он на то, чтобы быть уважаемым человеком, а вот я как раз на это и не го-

жусь. Еще он годился на то, чтобы встать поперек дороги каждому, кто способен занимать его место на земле и быть при этом не хуже, чем он, а может, и лучше.

Возможно, парикмахер перестал его понимать, но тем не менее он сказал:

— А ты, видать, мастер разговаривать. Будто ты совсем не тот, кто ты есть.

— Не есть, а буду, — говорит Абель, — буду совсем другим. Я так решил. Я просто дожидался подходящего времени года, чтобы что-то предпринять.

— Ну вот, — говорит парикмахер и кланяется в знак того, что работа закончена.

— Возьмете нож?

— Нет-нет. А где ты живешь, где обитаешь?

— В городе. У складов. А обитаю в сарае.

Парикмахер качает головой.

— Не думайте, что там так уж плохо. Сейчас лето.

— Я о другом думаю — вообще странно как-то, жизнь может любого из нас поставить на колени. На вот, возьми бритву, может, она тебе пригодится. Здесь уже скопилось много бритв, которыми я больше не пользуюсь у себя в заведении. Присядь на минуту, я ее направлю для тебя.

Они продолжают беседу.

— У вас тут два стула, они вам нужны?

— Ага. Особенно по субботам, когда люди наводят глянец к воскресенью. И вообще перед праздниками. Тогда у меня здесь такая толчея, мой старшенький намыливает клиентов, а я стригу их и брею.

— Будь у вас недруг, вы бы запросто могли его убить, пока он тут сидит.

— На самом деле так не бывает. Будь у меня недруг, он бы пошел к другому парикмахеру.

— А дам вы тоже стрижете?

— Редко. Дамы чаще ходят к дамскому мастеру.

Простой, здоровый ход мыслей, ясные ответы. Повседневная жизнь, ни тебе роковой судьбы, ни особых событий. Семейство живет этажом выше, иногда там наверху что-то роняют на пол, раздается сильный грохот, но это никого не смущает. Когда подходит обед, вниз спускается сын, чтобы сменить отца; даже если зайвится клиент, паренек вполне может побрить крестьянина или рыбака, но если зайвится важный господин с тростью и перчатками, паренек колокольчиком вызовет отца. Словом, все идет как дай Бог всякому.

Абель берет бритву.

— Это такой пустяк для меня, — говорит парикмахер, — даже не стоит благодарности.

— А вот для меня это бритва, которая попала ко мне благодаря счастливому случаю, — отвечает Абель, умышленно преувеличивая роль подарка. — Буду придерживать рукой карман, чтобы не потерять ее по дороге.

Несколько дней спустя ему доводится помочь Ольге и аптекарю — у них лопнула шина. Машина заехала одним колесом на тротуар, аптекарь стоит и смотрит. Мимо проходят люди, но он никого не просит о помощи.

— Абель! — кричит Ольга.

— А, это вы, Бродерсен. А я вот неудачно заехал — прямо на тротуар.

— Ну, это беда небольшая.

Абель садится на место шофера и пробует осадить машину назад. Ольга сидит рядом, раскрашенная и разнаряженная, свежая и красивая.

— Выйди на минутку, — говорит Абель, — мне надо залезть в ящик с инструментами.

— Ладно. Я могла бы и сразу выйти, но не могу терпеть, когда все на меня пялятся.

— Вид у тебя для этого самый подходящий.

— Абель! — в недоумении восклицает она. — С каких пор ты у нас стал такой галантный!

Он поднимает машину домкратом, меняет колесо, а аптекарь стоит рядом и рассуждает:

— Какое счастье, что вы проходили мимо. Я слишком много проездил, вот покрышка и лопнула, а уж от этого я заехал на тротуар. Еще слава Богу, что никого не задавил. Тысячу раз спасибо за помощь. Это так мило с вашей стороны.

Ольга же вполголоса ведет с ним свой разговор:

— Только подумай: всякий раз, когда я попадаю в беду, ты тут как тут.

— Не так уж ты часто попадаешь в беду.

— Тебя так приятно о чем-нибудь просить. Мне бы вообще надо поговорить с тобой, но это очень непросто. Мой муж сейчас живет один, как ты знаешь.

— Да! Я об этом кое-что слышал.

— Да, один. Ты не мог бы уговорить Лоллу ходить к нему?

— Вот уж не скажу.

— Она такая проворная, и все у нас знает. Тогда ему было бы не так грустно, что меня нет. Его очень жалко.

- Я могу ей сказать.
— Спасибо. На мое письмо она ответила отказом, но, может, ты ее уговоришь.
Абель мотает головой.
— Хотя я ее почти не вижу.
Ольга:
— Как я посмотрю, на тебе рабочая одежда. Ты чем сейчас занимаешься?
— Ничем, но я жду подходящего времени, чтобы кое-чем заняться.
— Очень правильно, займись. Ты, конечно, не очень прилежный, но ты так много умеешь. А какой ты сегодня красивый — и выбритый, хоть и в рабочей одежде.
Она сняла перчатку и взяла Абелья за руку, руку, измазанную маслом и песком.
— Я давно тебя не видела, ты хорошо выглядишь...
Подходит аптекарь и благодарит еще раз.
— Не хотите поехать с нами?
— Нет, спасибо.
— Я высажу вас, где вы захотите. Тоже нет? Тогда поехали, Ольга.
— До свидания, Абель.
А про две тысячи — ни слова.

XVI

К нему пришел мальчик с пакетом — большая такая картонка, хорошо обвязанная и с четко выписанным адресом.

Абель не испытывал любопытства и потому не стал резать шнур, а занялся развязыванием. При этом он нашел ярлычок — ах так, от портного. Значит, Лолла опять проявила инициативу.

Он заново вывязал все узлы и отложил картонку в сторону.

Затем прибыла коробка из обувного магазина и, наконец, большой пакет от Фольмера Хенриксена, АО «Мужская конфекция».

Так дальше продолжаться не может. Он все хорошенько для себя обдумал и решил бежать. Но в дверях столкнулся с Лоллой.

Что все это означает, и вообще, не рехнулась ли она?

— Отойди от двери и дай мне спокойно войти и сесть! — сказала Лолла, принимая командование на себя. Она и с собой принесла здоровенный пакет.

Потребовалось время, чтобы все ему объяснить, и поскольку Абель выказал недоверие, ей многое пришлось объяснять по второму разу.

— Я тебе не верю, — сказал он, но глаза у него засверкали.

Он переоделся, а она сидела тут же, так что порой он останавливался и говорил, что все, что с него хватит.

— Поскорей, Абель, — торопила она, — ты должен пойти со мной, они хотят тебя увидеть.

Он улыбался и твердил, что все это глупости.

— Ты что, хочешь сказать, что мне позволят вести корабль без экзамена и без диплома?

— А ты не веришь?

— Нет. Хотя я ходил какое-то время в море.

— Ульрик Фредриксен тоже обошелся без экзамена. При чем он даже и в море не ходил.

— Странно получается! — сказал Абель и задумался. — А пароход, говоришь, занесен в списки Ллойда?

— Не знаю. Он ходит вдоль побережья с молочными бидонами. Ну, одевайся же наконец. Я вот сижу и удивляюсь, до чего ты чистый.

— Так я ж купаюсь каждый день и почти круглый год. Ты разве не знала?

— Нет, — ответила она с улыбкой, — такого впечатления у меня не было.

— Хочешь полакомиться хорошим лососем?

Но Лолла недавно поела, а кроме того, думала лишь об одном: поскорей привести его в должный вид.

— А ты знаешь, что Ольга разошлась со своим мужем?

— Знаю. Просто ведьма, а не баба. Такой замечательный человек.

— Она хочет, чтобы ты вела у него хозяйство.

— Ты-то откуда это знаешь?

— Она сама мне сказала, вчера, когда я ее встретил. Она просила меня переговорить с тобой.

— Не буду я вести у него хозяйство.

— Ты что-то против него имеешь?

— Нет, я против него никогда ничего не имела. Он всегда вел себя по отношению ко мне очень достойно и мило. Но теперь я на это место не пойду, пусть Ольга не надеется. Не понимаю, чего она пристает, когда я ясно сказала ей «нет». Похоже, у нее есть какая-то задняя мысль.

— Ну, какая же у нее может быть мысль?

— Чего не знаю, того не знаю. Я и с ним об этом разговаривала. Я сказала «нет» им обоим. Но он принял это очень

мило, он трижды предложил мне сесть, покуда я с ним разговаривала, потом дал мне с собой книги. Если я против одного из них что-нибудь имею, то уж никак не против него. Ольга ведет себя не сказать чтобы прилично. Это ж надо додуматься — уйти от такого замечательного мужа!

Снова они заговорили о деле, о том, которое ему предстоит. Абель все еще ничему не верил, потому что не мог себе представить, как она все это провернула. И хотя она все уже объяснила, ей приятно было повторять объяснение снова и снова: и что она делала в имении у Фредриксенов, и как она под самыми невинными предложениями побывала у всех членов правления и перетолковала о том и сем.

Абель слушал ее вполуха, ее огорчает, что он больше не проявляет интереса, и поэтому она вдруг заявляет:

— Но я делала все это не только ради тебя, так что можешь не смущаться. Я больше хлопотала ради себя самой.

— Да?

— Потому что, когда ты станешь капитаном на «Воробье», я надеюсь тоже получить вознаграждение.

— Какое же? — спрашивает он.

— Чтоб господин капитан отдал под мое начало ресторацию на борту.

— С величайшим удовольствием! — вырвалось у него. Потом он засмеялся и покачал головой, удивляясь тому, что может кого-то нанимать.

— Мы разболтались как малые дети, — говорит он.

— Поторапливайся, Абель, мы должны быть там к одиннадцати.

— А я им зачем нужен?

— Они хотят поглядеть на тебя, поговорить с тобой, тут нет ничего удивительного. Ну, теперь ты понял, почему я не хочу вести хозяйство у молодого Клеменса?

Он обратил внимание, что белье его помечено вышитыми инициалами, и спросил, кто сделал такую искусную вышивку.

— Я, — сказала она.

Он сокрушенно покачал головой.

Но когда дело дошло до роскошных брюк, в него словно черт вселился, и он заметил:

— Вот куда будет удобно прятать револьвер.

Ее обидел этот безответственный тон, и она сказала:

— Ты всегда думаешь только о себе.

— Прости меня, Лолла, — воскликнул он, — дело в том, что я не очень верю.

Он поспешно завершил свой туалет и стал элегантный, слишком элегантный, постыдно элегантный. Уже когда они

вышли, он сделал на шляпе вмятину, чтобы она приобрела более заливчатый вид.

Лолла проводила его до конторы и осталась ждать за дверью. Не забыла ли она чего-нибудь? Ей следовало бы дать ему кой-какие наставления, не то вдруг он и здесь проявит обычную незаинтересованность и равнодушие. Он просто предъявит этим людям свое лицо — лицо, конечно, вполне хорошее, да и сам он неплох, но просто лицо и просто человек...

Он долго оставался внутри, — интересно, что они там обсуждают, — она успела несколько раз дойти до конца квартала и вернуться, поглядеть во все витрины и даже поговорить с девочкой, которая продавала религиозные брошюры. Лолла купила «Зеркало веры».

— Ты откуда?

— С лесопильни.

— Как звать твоего отца?

— Алекс.

— Так-так, а мать, значит, Лили?

— Да.

Лолла поджала губы и решила вернуть «Зеркало веры».

— Но вы же заплатили за него?

Лолла отошла на несколько шагов, обернулась и сказала:

— Ну, ладно, давай.

Пока еще не было никаких оснований задирать нос, Абель задерживался, возможно, всплыло что-то серьезное, чем они там занимаются, в этой конторе? А вдруг Господь вмешается и перечеркнет ее грандиозные замыслы? Она заглянула в «Зеркало веры» и не нашла там ни единого ободряющего слова. Тяжкое испытание! Она начала ходить вокруг квартала и повстречала в боковой улочке дочерей таможенника Робертсена, — прикажете ей глядеть в ту сторону, где прохаживаются эти существа? Только не задирать нос, девочки не виноваты, что отец у них негодяй. «Добрый день», — обронила она и прошмыгнула мимо.

А вдруг Абель вышел, нигде ее не увидел и ушел своей дорогой? Этого еще только не хватало. Она прибавила шагу. Приличия ради она не посмела бежать, зато шла большими шагами.

А вот и он.

— Ну, Абель, что они сказали?

Он был сам словно отягощен тем удивительным, что с ним приключилось, и, покачав головой, ответил:

— Да... получается так, что я и в самом деле мог бы попробовать...

Лолла облегченно вздохнула:

— Слава Богу! Ну, теперь ты веришь?

— Нет. Почти нет.

— А что они еще могли сделать, когда у тебя бóльшая часть акций?

Абель:

— Ну, положим, они у тебя, а не у меня.

— Не будем спорить. Итак, что они сказали?

— Очень милые люди. Задавали мне разные вопросы, где я плавал, на каких судах, под каким флагом. Многие из стариков знали еще моего отца, это тоже сыграло свою роль, добросовестный человек, сказали они. А которые помоложе, вспомнили, что я спас однажды рабочего с лесопильни. А главное, у меня очень активная мачеха, сказали они, и, по-моему, это сыграло не последнюю роль.

— Я? — спросила Лолла, багрово покраснев. — Чепуха какая!

— Они спросили, знаю ли я курс «Воробья». «Наизусть — с самого детства на маяке, — отвечал я, — а позднее, когда вырос, ходил этим курсом на своей маленькой моторке. Так что тут я не ошибусь». Да и вообще, на борту нет ни единого человека, который не знал бы фарватер, сказали они, и ко мне приставят толкового штурмана.

— Хорошо-хорошо, не будем здесь торчать, ты контракт получил?

— Да. Предупреждение об уходе за три месяца и жалованье.

— Какое?

— Разумеется, большое. Я толком не расслышал, но в контракте, наверно, все сказано.

Оба начали читать, и Абель воскликнул:

— Подумать только, они проставили жалованье. Давненько я уже не работал за жалованье, для меня это как-то даже странно.

— Первого июня, — сказала она.

— Но они велели мне сегодня же вечером доложиться штурману. Ты его знаешь?

— Видела.

— Вообще странно звучит: капитан — и доложиться штурману.

— Простая оговорка, — сказала Лолла, — ну а теперь, Абель, пошли к портному!

Они пошли к портному. Форма была готова к примерке, портной распарывал наметку, черкал мелом и накалывал снова. Лолла принесла пуговицы с якорем.

— Первого июня? Будет готова, — сказал портной.

Они пошли примерять фуражку, заплатили и сразу унесли с собой в картонке. Дело было сделано. Они присели на скамейку.

— Нет, они вовсе не оговорились, они прямо сказали, чтоб я доложил штурману.

— Может, тебе надо взять судовые книги и счета?

— И вообще я должен с ним советоваться, если что. Он все время ходит на «Воробье» и на редкость исправный работник. Но человек уже немолодой.

— Лет пятьдесят, мне кажется. Борода седая.

— А капитана Фредриксена они не поминали?

— Он сейчас, надо думать, не просыхает.

Они посидели молча, погруженные каждый в свои мысли, потом в Абеле словно вспыхнула искра радости, и он сказал с великим удивлением:

— Да, выходит, я и в самом деле могу приступить.

Она улыбнулась и прижалась к нему. Он схватил ее руку, он благодарил, но не осмелился на более значительные жесты, потому что она очень уж к нему прижалась. Он охладил ее пыл вопросом:

— А что это у тебя за брошюрка?

— Купила, пока тебя дожидалась. «Зеркало веры». Какая-то маленькая, наглая девчонка торговала брошюрками на улице. Ну а теперь мне пора. У меня длинный список продуктов, которые надо своевременно доставить на борт. Гляди, Абель, это твои деньги.

Он оттолкнул ее руку.

— Какие такие деньги?

— За моторку, которую продал твой отец. Теперь я наконец могу уладить дело.

Деньги он взял, но сказал при этом, что их слишком много, тут какая-то ошибка.

На прощанье она еще добавила:

— Только не ходи в свой сарай в новом костюме, у нас для тебя приготовлена чистая постель.

— Спасибо, но за мной остался должок в «Приюте моряка», так что пойду-ка я лучше туда.

Вечером она загодя явилась на причал, еще до того, как в гавань вошел «Воробей». Но Абель заставил себя ждать. Она видела, как сошел на берег капитан Ульрик с пакетом под мышкой, — он съезжал. Немного спустя явилась буфетчица и тоже сошла на берег, за ней шли механики и команда,

тоже с пакетами — то ли белье, то ли еще чего. На борту все стихло, пассажиры, молочные бидоны и несколько корзин с редиской доставлены по назначению, огонь под котлом погашен. Только штурман ходил по палубе и курил.

И тут пришел Абель. Большой, и спокойный, и нарядный в своей одежде, и даже — в порядке исключения — с видом вполне бодрым.

— И ты здесь? — спросил он, словно бы недовольный.

— Мне казалось, что я должна заодно доложить.

Они поднялись на борт, поздоровались и объяснили, кто они такие. Все быстро — дело нехитрое.

— Извините, штурман, что я заставил вас ждать. Я встретил по дороге капитана Фредриксена, и он задержал меня долгим разговором.

— Я вовсе не ждал, — ответил штурман, — я здесь живу и здесь ночую.

Две девушки-официантки навели красоту и хотели сойти на берег.

— Новая буфетчица, — представил штурман и пропустил Лоллу вперед. Все быстро и просто.

У штурмана была седая окладистая борода и немало морщин, с виду серьезный, несколько потертый, но вполне любезный, на рукавах — по две полоски. Он показал Абелью судно сверху донизу: салон, крытый красным бархатом, буфетная с чайниками и мисками и сервировочными досками на всех стенах, каюты в зеленых тонах — словом, все обычное для каботажных пароходов, все содержится в порядке, горшки с цветами там и сям, в буфете — мельхиор, свет электрический.

Они сели в каюте у штурмана, словно с первой минуты могли считать себя добрыми знакомыми. Абель обратил внимание, что отрывному календарю лет семь или восемь, и дата на нем старая, зимняя. В остальном же небольшая каюта была красивая и опрятная, несколько книг на полочке, дверная ручка начищена, на стене висит кое-что из парتيкулярной одежды.

Оба рассказывали друг другу про свою морскую жизнь, штурман — крайне сдержанно, Абель — открыто и просто.

— Уж и не знаю, что вы подумаете о человеке, который занимает это место, не сдав экзамен.

— Ничего, сойдет и так.

— Меня и самого удивляет, что мне позволили начать. Единственное — я знаю фарватер.

— А здесь больше ничего и не надо.

— Я буду во всем полагаться на вас.

Штурман:

— У нас в команде не хватает одного человека. Мы три раза ходили с недокомплектом.

— Почему же?

— Ну, мы хотели придержать место для Анания, у которого открылась язва желудка. Но теперь его положили в больницу, так что он уже не вернется.

— У меня есть человек на примете, — сказал Абель.

Штурман кивнул.

— Хороший человек. Пусть ходит с нами. Когда он вам нужен?

— Да хоть сейчас. Капитан Фредриксен сделает еще две ходки, потом его смените вы.

— Стоит ли ходить с недокомплектом, когда «Воробей» приносит шесть процентов?

— Это кто сказал? — спросил штурман.

— Я слышал. А что, разве не правда?

Штурман промолчал.

Немногословный и неприветливый тип. Абель спросил:

— Вы откуда родом, штурман? Вы ведь нездешний.

— Нездешний.

Абель помолчал, но ничего больше не услышал.

— Извините, что я спросил, но меня крайне удивляет, что не вы водите этот корабль.

После паузы штурман ответил:

— Об этом пусть у вас голова не болит.

«Знай свое место», — верно, подумал про себя Абель, вслух же он сказал, уже поднимаясь:

— Ну, на сегодня мы вроде все обговорили.

Штурман проводил его к выходу и по дороге сказал:

— Может, стоило бы отдать одну ставку, потому что работы на всех здесь не хватает. Но ребята будут возражать. Так что если у вас есть человек на примете...

— Да, у меня есть человек, — ответил Абель.

На корабле все шло блестяще, да иначе и быть не могло. Хорошо обученная команда, деятельный штурман, капитан в новой форменке с золотыми пуговицами и тремя золотыми шнурами на каждом рукаве. Бесподобно. Абель мог сказать рулевому: «Так держать» — и затем покинуть капитанский мостик, чтобы совершить обход пассажиров и показать себя капитаном на своем корабле. А через пять минут он

снова поднимался на мостик, чтобы не дать кораблю уткнуться носом в картофельные поля.

Весь маршрут пролегал мимо маяка и вдоль берега. Штурманом Абель так и не стал, чего нет, того нет, земная и небесная навигация оказались для него слишком трудным предметом, но ему вполне хватало знаний, чтобы быть капитаном на «Воробье». Здесь не требовалось ни компаса, ни напоминаний, каждый знал, что ему надлежит делать, и каждый делал это до полнейшего удовлетворения.

Во времена, когда правил капитан Ульрик, могла порой произойти какая-нибудь ошибка, не без того. Ульрик был человек с чуждыми методами и далеко не всегда придерживался инструкций. К примеру, как-то раз, уже отойдя от причала, он зашвырнул на берег пустой молочный бидон. Сперва он просто давал гудки, но люди на хуторе, видно, проспали урочное время, и никто оттуда не появился. Тогда наш добрый Ульрик собственноручно схватил пустой бидон и запустил его в прибрежные камни, так что звон поднялся. На палубе раздался смех и аплодисменты, но когда они уже шли обратно, к ним заявился крестьянин с бидоном и начал демонстрировать ужасные вмятины и требовать новый бидон. «Новый бидон тебе?» — спросил капитан. «Дайте мне новый бидон», — настаивал крестьянин. А на борту как раз оказался мешок муки, который команда забыла куда-то доставить, и значит, по мнению капитана, мешок был бесхозный. «Возьми себе этот мешок!» — сказал капитан. «Вы, верно, шутите?» — не поверил крестьянин. «Ничего я не шучу, а ну, ребятки, спустите этот мешок на берег», — приказал он команде.

Вот таким образом добрый капитан Ульрик улаживал конфликты и правил на корабле. Но теперь эти времена кончились, во всем царил порядок, ничего не оставалось не сделанным, все лежало на своем месте, даже ни одного ведра не там, где следует. Крестьянские бидоны стояли стройными рядами в большом холодильном отсеке, на льду, а если лед слегка подтаивал, лужу тотчас вытирали шваброй. Воплощенный порядок. Вся медь надраена до блеска.

Команде жилось как в раю — работы мало, отдыха много, а на ночь им разрешалось сойти с парохода к своим любимым. Было их два человека, но двоих недостаточно, чтобы сесть за карты, потому что вовлечь в игру штурмана им никогда не удавалось, а у кухонного юнги не оказывалось свободного времени именно тогда, когда он был им нужен. Теперь же они обрели третьего партнера, Алекса, которого взял на работу сам капитан.

Почему бы и не взять третьего матроса, когда на этом молоковозе есть капитан и штурман, да и в машинном отделении тоже три человека. Можете быть уверены, здесь не экономят на ставках! Корабль приносит шесть процентов, это всем известно, а шесть процентов — это вдвое больше, чем выплачивает в наше время любой банк. Разве «Воробей» только и знает, что развозить бидоны? Ничуть не бывало. Он перевозит из города и в город на редкость много пассажиров. Среди них бывают ремесленники и коммивояжеры с конкретными делами по крестьянским дворам, отчасти же это люди, которые просто решили денек отдохнуть от трудов праведных, ну и, наконец, безумные парочки, которые отыскивают подходящий для разговоров лесок. «Воробей» годился на все, у него был и первый, и второй, и третий класс, причем билеты первого класса были красного цвета, есть на что посмотреть. По воскресеньям, когда «Воробей» не ходил по обычному маршруту, случалось, что какой-нибудь городской ферейн арендовал его под увеселительную прогулку с флагами, граммофоном, и от этих случайных доходов набегала изрядная сумма. А как насчет почты, разве «Воробей» не зарабатывал и на ней? Ну конечно же, «Воробей» развозил почту, доставлял почтовые открытки по всему побережью и получал дивиденды также и за это. Словом, деньги текли рекой.

И наконец, как обстоят дела с рестораном и с буфетчицей, с Лоллой, иными словами? «Спасибо за заботу, — высокомерно отвечала Лолла, когда ее о том спрашивали, — все в порядке», — говорила она. Те, кто спрашивал, не знали Лоллу. Ясно было одно — что она заняла новую жизненную позицию, но привнесла в нее свой здравый ум и свою активность. Можно было бы только удивляться, если бы Лолла не делала недурные дела, а стол ее был до того хорош, что затмевал рестораны многих городских отелей.

Товар она брала у Вестмана. Конечно, к ней поступали и рекламные проспекты от купца Гулликсена, но спасибо, не надо. Позднее она получила от него маленькую цидульку, подписанную молодым Гулликсом: они, мол, поставляли все необходимое прежней буфетчице и надеются, что Лолла также окажет им честь. Но спасибо, не надо. Этот Гулликсен, этот Вильям, который открыто путешествовал с женой молодого Клеменса, достойнейшего человека...

Нет и нет, Лолла брала товар у Вестмана, вполне добропорядочного купца, у которого она закупала продукты еще будучи женой старого Бродерсена. Вестман всем взял, пусть не богач, но человек солидный, да вдобавок держатель не-

скольких акций «Воробья». Он был одним из членов правления, у которого Лолла хлопотала за Абея, и теперь она была в глазах Вестмана такая буфетчица, которая могла дать всем остальным сто очков вперед.

Старый купец всегда самолично ее обслуживал, он давал ей советы, он соблюдал ее интересы: да, у меня есть и портер, и икра, вот взгляните! Но говоря по совести, они для вас недостаточно настоящие. Они норвежские.

— Ну тогда закажите настоящие. Капитан, мой пасынок, в этом отношении весьма щепетилен.

Она возникала на палубе как настоящая дама, мало-помалу она продвигалась вперед, делала успехи, одевалась красиво и элегантно. Один Бог знает, откуда она всего этого понабралась, может, из книг, которые читала. Она свято блюла достоинство капитана и всячески его защищала. «Капитан Бродерсен, — говорила она, — сам капитан», — говорила она. «Капитан звонит, а вы ни с места?!» — могла она сказать какой-нибудь из официанток. «Бегу, бегу», — отвечала та и действительно бежала. А вернувшись, говорила: «Капитан просто просил вынести из его каюты цветочный горшок, который вдруг там оказался!» Или в другой раз: «Капитан велел поблагодарить за пирожное, но сказал, что пирожных он не ест».

Ну и наконец, как обстоят дела у штурмана? Будто о нем хоть кто-нибудь хоть что-нибудь знает. Зовут его Грегерсен, у него самые хорошие аттестации, он даже сдал экзамен на капитана, водил на своем веку корабли, побывал в больших морях. Но аттестации сплошь старые, и он, судя по всему, много лет нигде не работал, прежде чем получить место на «Воробье». Это Фредриксен из имения пробил его кандидатуру.

«Сам я его не знаю, — сказал тогда Фредриксен, — но я слышал о нем от очень надежного человека. Для нас это просто находка».

«Но у него такие старые рекомендации, — возражали остальные. — Что он делал последние семь лет?»

«Насколько я могу понять, он занимался чем-то другим».

«Он ведь был капитаном, с чего это вдруг он хочет пойти штурманом?»

«Чего не знаю, того не знаю. Возможно, из-за безработицы. Временной безработицы».

Они пошептались между собой по этому поводу. «Если Фредриксен хочет видеть своего брата капитаном, рядом непременно должен быть настоящий моряк. История необычная и вообще какая-то подозрительная, черт его разбери».

Однако потом никто из них не пожалел, что это место досталось Греггерсену. Было в нем что-то мистическое, но это ничему не мешало. И вовсе он не оказался человеком без роду без племени, напротив, откуда-то просочилось, что он из хорошей семьи и имеет богатую родню. Но все равно в нем было что-то мистическое, например, из года в год он работал за штурманское жалованье и оставался вполне всем доволен. Может, за этим что-то скрывалось, может, он что-то натворил, никто ничего не знал. Но Фредриксен-помещик уладил дело ко всеобщему удовольствию. «Благодарю за доверие», — сказал тогда Греггерсен.

И капитан Ульрик Фредриксен много лет ходил с ним в плавание, и ничего такого, чтобы из ряду вон, не случилось, но штурману не раз приходилось покрывать оплошности своего капитана. От этой обязанности его теперь избавили, Бродерсен и сам был моряк, ошибок не допускал, он свистел в свисток, звонил в машинное отделение, а когда на переходе задувал свежак и поднималась волна, он просто ставил фок. И никаких ошибок.

Разговорить штурмана ему было непросто. Впрочем, и сам капитан Бродерсен не отличался словоохотливостью, но язык у него во рту все-таки имелся, и при случае он мог вести разговор. А штурман упорно хранил молчание. Делал свою работу, занимался чем-нибудь, курил — и молчал. Из-за чего он отмалчивался? Чтобы проявить любезность, капитан мог сказать: «Хороший ветер! Норд-ост». Штурман что-то бурчал в ответ, не спорил, но и не развивал тему. Неужели он не мог сказать: «Ветер как по заказу»?

Его молчаливость была невыносима. Поэтому с людьми общался капитан. У него просто не оставалось другого выхода. Под начало ему было отдано не Бог весть какое великое дело, молочная развозка, но для него она не была мала, как раз по его способностям. Он прикидывал в уме возможность мелких улучшений, малость разбирался в машине или, верней сказать, лучше всего в ней и разбирался. Здесь, на «Воробье», был старый и неуклюжий агрегат, чтобы повышать давление в котле, а он еще помнил маленькие изящные машинки в Америке и в Австралии и рассказывал о них механику. Он предложил исправить вентиль, который был насажен косо, а потому все время зачерпывал масло. «Так было еще до меня», — отвечал механик, но оставить без внимания слова капитана, который знает толк в машинах, он тоже не мог и взялся за ремонт.

И все шло отлично.

Но тут настало такое время.

Чего, собственно, понадобилось Лили на борту? Мало разве, что они взяли сюда Алекса, ее мужа?

Нет, она, видите ли, пришла и спросила, где Абель. Официантки знали Лили и знали ее репутацию, они были не прочь покалякать с ней, они выкроили время для увлекательной беседы о всякой всячине подозрительного пошиба.

Но тут подоспела буфетчица, удивилась и спросила:

— В чем дело?

— Я просто спросила, где Абель, — отвечала Лили приветливо и безмятежно.

— Абель? Вы имеете в виду капитана?

— Да, я имею в виду капитана.

— Он наверняка у себя в каюте. Передать ему что-нибудь?

— Передать?.. Нет, спасибо. Мой муж тоже плавает на этом судне, но что-то я его не вижу. Это Алекс.

— Поищите в кубрике, там вы и найдете вашего Алекса.

Тут Лили перестала безмятежно улыбаться, ее никак не устраивал тон буфетчицы. В конце концов, она не простая матросская жена, нет, она была в свое время кассиршей и сидела в конторе и вела большие счета. На какое-то время она, конечно, опустила, ее дому грозила опасность, но теперь все позади, ее муж получает жалованье, покупает для семьи еду и одежду. При чем тут какая-то буфетчица?

— Я хотела попросить у Абея разрешения на бесплатный проезд, — сказала она, — тем более что и муж мой здесь служит.

Буфетчица:

— Об этом вы можете попросить и штурмана.

«Вот это да», — верно, подумала Лили, проходя вперед. Буфетчица ничего ей не предложила, не стала ее потчевать ни едой, ни питьем, ни печенья, ни чашечки кофе. Ну и пусть. В конце концов, буфетчица — это не кто иной, как Лолла, которая хоть и была обвенчана, но замужем так и не была, хи-хи!

Она отыскала Алекса и выразила свое недовольство.

Алекс постарался уладить дело:

— Беда в том, что ты назвала его «Абель». Этого буфетчица терпеть не станет. Особенно от тебя.

Лили подумала: «Плевать мне на то, что она станет и чего не станет».

Потом она увидела Абеля на капитанском мостике. Поднявшись к нему она не посмела, потому что там висела табличка с надписью: «Вход воспрещен», а она еще со своих дней на лесопильне сохранила почтение к такого рода табличкам. Но она глядела на него и кивала, она даже махнула ему рукой, впрочем, он сделал вид, что ничего не замечает.

— Нет, это просто невозможно! — сказала Лили, готовясь пустить слезу.

Но не прошло и получаса, как Абель сам спустился вниз, сказав перед этим рулевому: «Так держать!»

Затем он приступил к обходу пассажиров, поговорил с одним, поговорил с другим, дошел до Лили, остановился и спросил:

— Покататься надумали?

Лили ответила «да», но ничего больше не сказала, злость успела остыть. Ноги ее больше здесь не будет, этого они от нее не дождутся!

Но Абель был точно тот же, что и раньше, просто куда пригляднее в золотых пуговицах и шнурах. Он спросил:

— Ты Алекса видела?

— Да.

— Скажи, пусть он тебе все покажет.

После чего он проследовал дальше и заговорил с другими. Несколько минут спустя она снова увидела его на капитанском мостике.

— Сейчас капитанская вахта, — объяснил ей Алекс, — у него ни на что больше нет времени.

Лили, разочарованно:

— Какое мне дело, какая сейчас вахта.

Нет, вышло совсем не так, как ей мечталось — с кофе и пирожными и рюмочкой.

Ноги ее здесь не будет, спасибо за такое угощение.

Но приходом Лили дело не ограничилось, несколько дней спустя на судно заявила ее мать, вафельщица. Где это такое слыхано?! Притюхала со своей тележкой, взяла корзину и поднялась с ней на борт. Затем, остановясь у релинга, принялась громко выкрикивать указания Регине, чтобы та не забыла встречать поезда. Смотри, Регина, не зевай!

— А вот вафли! — закричала она пассажирам. — Кто желает вафли?

Пожелали многие. Кофе им принесли на палубу, они расцелись и устроили себе завтрак с вафлями.

Так и шло, пока не объявилась буфетчица.

— Это что такое? — спросила она.

— Это вафли, — отвечала вафельщица, — восемь эре за штуку, а четыре штуки — за двадцать пять. Не желаете вафель?

— Нет, — ответила буфетчица и ушла.

Эта торговля наносила ущерб сбыту в ресторане, но с ущербом она, так и быть, примирилась. Недаром она была леди и мачеха капитана.

Зато когда штурман захотел проверить билет, дела у вафельщицы пошли несколько хуже.

— Какой билет? — переспросила она.

— Обыкновенный. Вы куда едете?

— Я просто вафли продаю, — ответила она, — и отродясь не брала билет для того, чтобы продавать вафли.

— Вы докуда едете? — спросил штурман, готовясь выписать ей билет.

— Докуда я еду? Пока не распродам все вафли.

Штурман все стоял и не уходил.

— А где же Алекс? — спросила она. — Он женат на моей дочери Лили. Сходите-ка за Алексом.

— Значит, билет брать не будете? — спросил штурман.

— Нет, — отвечала она, — вы и сами можете понять, что не имеет смысла продавать вафли, если еще платить за билет. А где же Абель? — вдруг спросила она. — Он сколько раз ел мои вафли и говорил, что товар у меня хороший.

В общем, женщина отбилась. Но тут Алексу стало неловко. Он проходил на этом корабле с середины лета, изучил обычаи, например, что семейству на корабле делать нечего, был послушен и учтив, словом, хороший моряк, ни буфетчицу не сердил, ни капитана не называл «Абель».

— Ну и что? — шумела женщина. — Его, может, не Абель зовут? Да я знала его, когда он был еще совсем мальчиком, и возил Лили на своей лодке из школы, и не раз лакомился моими вафлями. Так что замолчи! Но если по-другому нельзя, ноги моей больше на этом пароходе не будет.

Вот уж тут Алекс ничего не имел против.

Разные люди бывали на борту, побывал и фармацевт, неутомимый ухажер. Он появился в обществе дамы, но в чем-то они, вероятно, не сошлись, мадам отыскала красавчика Алекса, стояла и калякала с ним под солнечным тентом. Фармацевт же метался по палубе из конца в конец, являя миру свой беспокойный дух.

Был здесь и неизменный слепой шарманщик. Маленький и незаметный, сидел он в темном уголке подле своей шарманки, моргая незрячими глазами, перебирая пальцами, улыбался, когда кто-нибудь с ним заговаривал. Теперь он вдобавок делал вид, будто еще и хромает.

— Поиграй, — сказали ему.

Он покачал головой:

— Сейчас все стало по-другому. Капитан Фредриксен всякий раз, когда я приходил, просил меня что-нибудь сыграть, он подносил мне стаканчик, а буфетчица давала мне поесть. Случалось, что капитан Фредриксен сам ходил с моей шапкой по кругу.

— Слушай, а где ты повредил ногу?

— Уж такая беда! Просто и не знаю, как быть. Это целый месяц у меня.

— Язва, что ли?

— Черная язва. Мертвое мясо, говорят.

— В жизни не слышал. Тебе надо постараться, чтобы ее чем-нибудь поскорей вылечили.

Шарманщика знают многие, и многие слышали его истории раньше. Однажды он вдобавок ко всему был глухой и как есть ничего не слышал, пока кто-то не сказал шепотом, что надо бы вытащить у него бумажник.

Но когда человек слепой и ничего не видит, это и впрямь плохо. Родился он зрячим, но потом начал терять зрение и не мог выполнять никакой работы. Электричеством ему выжгли пленку на каждом глазу, но с тех пор он, по его словам, вообще перестал видеть, стал слепым. Он, конечно, мог бы чем-то заняться, но ничего не видел. Несчастный человек. Люди его явно жалели и купили ему шарманку. Теперь оба они постарели, и сам он, и шарманка, но он по-прежнему странствует, обычно его кормят и предоставляют ему бесплатный проезд, в одном месте ему подбрасывают пару башмаков, в другом — шляпу, чтоб было куда собирать шиллинги, в общем, он как-то выкручивается, теперь его уже не так жалко, он никогда не ночует под открытым небом. Если приглядеться, можно увидеть, что он недурно обделывает свои делишки и обеспечивает себя, разъезжая повсюду со своей шарманкой и своими болячками. Вдобавок люди очень свободно держат себя в его присутствии, потому что он всего лишь слепой шарманщик, и он умеет использовать свое преимущество, узнавая многое и про многих. Словом, фигура, личность. Многие подозревают, что у него туго набитый кошелек. «Тебя сегодня как зовут?» — могут спросить у него в насмешку, потому что, по слухам,

он называет себя по-разному и порой выступает как внебрачный сын известной актрисы.

Один раз несколько шельмецов пытались ткнуть его ножом в лицо, чтобы проверить, но он словно чертик отскочил в сторону с пронзительным криком. «Ха-ха! — рассмеялись они. — Да ты вовсе не слепой, жулик ты эдакий». — «Нет-нет, я слепой, но могу различить то, что блестит». — «Но ведь нож вовсе не блестит», — сказали они. «Ну, теперь вы сами видите, что я слепой», — ответил он.

Можно было встретить на борту и инженера, того, что когда-то служил управляющим на лесопильне. Он заметно сдал за последнее время, но как и прежде возит с собой портфель и держится с достоинством. Только нет больше капитана Фредриксена, никто его больше не потчует, никто не подносит стаканчик. Он ездит от одной остановки к другой, подсаживается то туда, то сюда, чтобы уберечься от сквозняка, мерзнет и все синее и синее. Однажды, когда Алекс проходил мимо, он спросил его:

— Ну, получил ты место благодаря моей рекомендации?

— Да, — любезно отвечал Алекс.

— Приятно слышать.

У него не было денег, чтобы перекусить в салоне, но тут как раз подвернулась вафельщица. Четыре штуки за двадцать пять эре! Когда она хотела протянуть ему вафли, он, как человек интеллигентный, ее остановил: «Нет-нет, дайте я сам выберу». Он также не стал есть вафли на виду у всех, юркнул в темный уголок, возле шарманщика, который, как известно, ничего не видел. Вафли и впрямь были хороши, на масле и посыпаны сахарной пудрой, жаль только, что четыре, а не дважды четыре.

По счастью, он успел доесть их до того, как к нему подсел фармацевт.

— Ну и холод! — вздохнул фармацевт, усаживаясь на ящик.

— Холод? — переспросил инженер. — А разве у вас нет ничего для согрева?

— Здесь нет. Лучше наведайтесь ко мне вечером в аптеку. Дорогу вы знаете.

— Да, вечером... до вечера еще далеко. — Инженер замолчал, возможно, он осоловел после вафель.

— Непохоже, что и тот в углу тоже зябнет, во всяком случае, одна нога определенно нет.

Жизнь преподавала инженеру небольшой урок, неудачи указали ему его истинное место. Поэтому он учтиво спросил слепца:

— Что у тебя с ногой?

— Мертвое мясо. Я различаю, кто со мной говорит. Это у вас была лесопильня?

— Да.

— Слышно по образованности.

Фармацевт, с улыбкой:

— Тогда тебе, верно, не угадать, кто я такой.

— Аптекарю и лесопильне сильно не повезло, — сказал слепой.

— Нам всем сильно не повезло, — сказал инженер.

— И с семьей ему тоже не повезло. С Ольгой. Она всегда держалась очень приветливо, меньше кроны ни разу мне не давала. Теперь всему конец.

Фармацевт ответил:

— Нет, теперь уж не конец, можешь мне поверить, она снова на коне. — И, обратясь к инженеру: — Надеюсь, вы слышали про Вильяма Гулликсена?

— Нет, ничего не слышал.

— Что он не платил налогов. И теперь его...

— Да что вы говорите? Откуда вы знаете?

— Ну, ничего удивительного тут нет, — продолжал фармацевт. — Не ему одному приходится туго. Но даму это совсем не устраивало, сдается мне.

— Она до сих пор живет дома, в аптеке.

— Да, их брак должен зарегистрировать нотариус.

— Когда?

— Когда? Понимаете, ей кажется, что она жалеет своего бедного мужа. Недотепа. Сидит у себя в конторе, делать ему нечего, но он точно отсиживает положенное время. И живет только на свое жалованье.

Инженер:

— Лично мне его благодарить не за что. Он устроил мировую с «Пистлейей», спихнув вину на меня.

— Для Ольги он, во всяком случае, ничего не значит.

— Ну да, главную вину он спихнул на меня. Хотя должен признать, что сделал он это не слишком грубо. Он нашел для меня смягчающие обстоятельства.

— Он порядочный человек, в этом можно не сомневаться.

— Взять хотя бы то, что он пришел ко мне и показал свои записи.

— Неужели показал?

— И так меня ободрил. Другой бы адвокат и не подумал это сделать.

Слепой все время сидел тихо, как мышь, и внимательно слушал.

Но фармацевт был по натуре человек непоседливый, вдобавок ему, возможно, надоел скучный разговор, который они вели с инженером. Он вдруг поднялся с места. Был ли он ловким хитрецом, который завидел добычу? Он издали углядел Лоллу, здешнюю буфетчицу, прямоком направился к ней, остановился, поболтал короткой ножкой и поздоровался.

Лолла в упор поглядела на него и не признала.

— Здесь набралось много людей, которые хотят ехать бесплатно, как с ними быть?

Капитан задумался:

— Это вам самому решать. Вот шарманщик, который наверняка привык ездить даром.

— Дальше: как быть с инженером? Он тоже не брал билет.

— Да, пожалуй, не брал. Поступайте, как хотите. Наверно, ему ехать недалеко.

— Есть и другие. Приходят, спрашивают Абея.

— Значит, это из моих старых знакомых. Может, мне платить за них, если не возражаете?

— За женщину, которая торгует вафлями?

— Я у этой женщины съел немало вафель, за нее я с удовольствием заплачу. Если вы не возражаете.

— При чем тут я? Дело в принципе.

— Ну-ну, конечно, в принципе. Поступайте по своему разумению, штурман.

И тогда штурман по своему разумению подошел к инженеру и предложил ему приобрести билет.

— Как? Нет, вы же знаете, что я привык ездить бесплатно?

— Сейчас все по-другому. Новый капитан.

— Да, — сказал инженер и начал рыться в карманах, — у меня нет, я не взял с собой...

— А вы далеко едете?

Инженер бросил взгляд на берег:

— Так мне же как раз выходить на первой остановке. Я там намерен купить лесную делянку.

— Ну что ж, на сей раз так и оставим, — сказал штурман.

— Может быть, войдем и посидим? — спросил фармацевт свою даму. — У нас ведь есть каюта.

— Ты замерз?

— Да, здесь прохладно.

— Алекс! Здесь прохладно?

Алекс ухмыльнулся и не по-товарищески промолчал.

Фармацевт, ревнуя и стуча зубами, уходит в каюту. В каюте у него тепло, он обнаруживает на умывальном столике старый журнал, листает его, отбрасывает и звонит.

— Полбутылки портвейна и две рюмки! — говорит он пришедшей на звонок девушке.

К его великому удивлению с подносом приходит сама буфетчица. Она приходит с улыбкой, она очень приветлива, во всяком случае, не выказывает смущения, она держится с достоинством, и улыбка ее скоро исчезает.

— Вы со мной поздоровались на палубе, — начинает она.

— Да, но...

— И, вероятно, заметили, что я вам не ответила.

— Ну... Разве вы не ответили? Даже и движением глаз?

— Нет. Вы и в городе со мной здороваетесь. Останавливаетесь и церемонно кланяетесь, пока я не пройду мимо. А я никогда не отвечаю.

— А с чего вдруг подобная невежливость?

— Думаю, вы и сами прекрасно понимаете. С того, чтобы вы перестали из мести здороваться со мной.

— И мне надлежит выполнить ваше требование?

— Да уж придется. Я хочу попросить вас вести себя согласно моей просьбе.

— Трудновато будет. Послушай, Лолла, довольно глупой болтовни, лучше выпей. — Он разливает вино по рюмкам.

Она мотает головой:

— Видите ли, прошло уже так много лет, а кроме того, между нами и впрямь ничего не было. Мы какое-то время были помолвлены, но между нами ничего не было. Не здоровайтесь лучше со мной, это многие видят и истолковывают на свой лад. Мы уже давно во всем рассчитались, сделайте одолжение, будьте так любезны. Вы ведь знаете, что между нами ничего не было?

— Знаю. Но разве это моя вина?

— Нет, вы даже сердились, что я ни на что не согласилась.

— Правильно. Тогда зачем вы снова все перетряхиваете?

— Я просто хотела завести флирт, как вы говорили, просто пококотничать...

— Верно, черт побери! — восклицает фармацевт. — Но зачем тогда вы ко мне приходили?

— Я приходила к вам, потому что мы были обручены. Мы сразу же обручились, помните, и после этого я к вам сразу пришла. Мне непременно хотелось с кем-нибудь обручиться, вы бы предпочли этого не делать, но я так хотела, потому что, когда Тенгвальд порвал со мной, я оказалась старой девой. Это очень плохо, я служила на маяке и оказалась старой девой, вот почему я так поступала и сидела у вас в дежурной комнате и пила вино.

— Господи, Лолла, какая же ты стала чопорная! Ты, может, даже и не помнишь, что я тебя поцеловал?

— Да, мы были помолвлены, тут много чего могло случиться. Но теперь я прошу вас простить меня за то, что я пришла, и больше не держать на меня зла.

— Ерунда какая-то! — вскричал фармацевт. — Неужели ты не можешь присесть и выпить стаканчик вина, как в былые дни?

— Нет, спасибо, я пойду. Я хотела только попросить вас больше меня не узнавать.

— Уф! — шумно вздыхает он и, схватив свою рюмку, залпом ее выпивает. — Мне это было очень нужно. Короче, ты хочешь порвать окончательно? Просто жуть берет, какой репутацией я пользуюсь здесь в городе, и ты теперь не хочешь признавать, что между нами что-то было.

— Я ведь по сути так немного у вас прошу.

— Месть, что ли? Ну и глупо! Никакая не месть. Хотя при желании я мог бы причинить тебе кое-какие неприятности.

— Это меня и мучает. Когда вы со мной раскланиваетесь, я ведь не всегда бываю одна.

— Вот черт побери! — И он смеется.

Оба ненадолго смолкают. Взявшись за дверную ручку, она уже хочет уйти.

— Да-да, уж как-нибудь я это вытерплю.

— Подожди немножко! Гм-гм. Раз это так много для вас значит, фру Бродерсен, будем считать, что мы незнакомы.

— Что?

— И не будем здороваться.

— Это... это очень любезно с вашей стороны. Очень любезно, право же.

Он уклоняется от благодарности, напускает на себя высокомерный вид, он сделал ей ценный подарок, но не собирается попрекать ее.

— Я мог бы, конечно, возразить кое-что против того, как вы изображаете наши отношения. Вы смещаете даты и подтасовываете факты, чтобы представить себя невинной овечкой.

— Да, я приходила к вам ночью, — соглашается она.

— И шли на веслах от самого маяка, лишь бы попасть ко мне.

— Да.

— Разве это не могло внушить мне мысль, что вы чего-то от меня хотите?

Она молчит.

— Но вы, оказывается, ничего не хотели. И когда пришло время, вы положили всему конец. А ведь тогда и я не пал до такой степени в глазах людей, как, возможно, пал сейчас. Все это было, как вы правильно изволили выразиться, много лет назад. И тогда я был вовсе не таков, чтобы отшвырнуть меня без долгих разговоров.

— Не таков, — соглашается она, хотя и подозревает, что он набивает себе цену с одной целью: добиться от нее еще больше униженной благодарности. Она боится чрезмерно задолжать ему, чтобы он не стал ее кредитором, который в любой момент может потребовать выплаты долга.

Он:

— Я питал тягу к разгульному образу жизни, и ваше общество меня от нее не исцелило.

— Нет-нет, выслушайте меня, — Господи помилуй... Я просто счастлива, что вы больше не будете меня узнавать и со мной здороваться.

— Не могу сказать, что я так уж счастлив.

— Вам это тоже пойдет на пользу. Вы себе даже не представляете, какой урон причиняете самому себе, когда здороваетесь со мной.

Он, оскорбленно:

— Ну, это уж моя забота.

— Но ваш вид... вы ведь стоите на одной ноге. Люди над вами смеются.

Жесткие складки ложатся на его лицо. Он бледнеет и хочет ответить. Но тут дверь распахивается, и на пороге возникает его дама.

— Ну, доложу я вам! — восклицает дама.

Протиснувшись мимо, буфетчица исчезает.

— Что же ты доложишь? — спрашивает он.

— Я случайно не помешала? Вино и две рюмки!

— А разве мы не вдвоем?

— Вино уже разлито по рюмкам — и вообще!..

— Ну да, пока ты придешь... Ты что, черт подери, не видишь, что пил я один?

— Знай я об этом, я бы и вовсе не пришла!

— Перестань молоть ерунду! Садись и пей!

— Нет уж, спасибо! Думаешь, я не знаю, что она бывшая твоя любовница? Ей, видно, опять приспичило, этой кобыле, и она подстерегла момент, когда меня нет рядом.

— Хватит!

— Как тебе не стыдно? Приглашаешь на прогулку меня, а сам так себя ведешь!

Он, вероятно, решил заткнуть ей рот одним-единственным вопросом:

— Ты, никак, с Алексом не поладила?

Но его замысел потерпел неудачу.

— Кобыла долговязая! Она была обвенчана, но так и не побывала замужем. А тебя она вполне устраивала! Тьфу! Да будь я такая долговязая, я бы вообще удавилась!

— Ну, расту в тебе тоже хватает, моя дорогая! Вот твоя рюмка. Садись-ка лучше и давай...

— Нет! — взвизгнула она и ухватилась за ручку двери. — Я ухожу! Я хочу уйти!

Пришлось удерживать ее силой, усаживать и целовать. Впрочем, особого труда это не представляло: она была маленькая, кругленькая и не такая уж неразумная, под конец она даже сама ему помогала.

Они допили вино и почувствовали себя совсем недурно, разве что фармацевт был погружен в раздумья и к тому же какой-то сонный. Впрочем, он скоро оправился, так что навряд ли его раздумья были такими уж тяжелыми. А вялым он, пожалуй, стал от вина.

— Я вовсе не о ней думаю, — сказал он, может быть, затем, чтобы возбудить подозрения в своей даме.

Но даму это нисколько не занимало, она проявляла полное равнодушие. Она опустила на второй диванчик, легла и хорошенько оправала свои юбки.

Поскольку эти его слова не возымели действия, он завел разговор о мухах:

— Тут с потолка упала муха, и, похоже, разбилась до смерти. Станный народ эти полудохлые мухи на кораблях. Они могут отдыхать в любой позе. Моя, к примеру, лежит на спине и даже не пробует шелохнуться.

— Ты видишь мух? — спросила дама.

— Да, вижу. Думаю, это та самая, которую я прихлопнул, когда вошел, но не совсем попал. Да-да, я вижу мух.

И фармацевт, этот старый гусар, снова начал изображать личность глубокомысленную и мечтательную, чтобы предпринять новый заход. Плевать он хотел на эту муху, он более чем хладнокровен, и вообще голова у него занята другим. Выглядит он не так чтобы плохо, нос, правда, великоват, мохнатые русые брови и четырехугольный подбородок, но зато у него красивые голубые глаза и изящно очерченный рот. У него на редкость густые волосы, и расчесывает он их только пальцами. Смущает его лишь то, что у него порой вываливается челюсть и ее приходится заталкивать на место языком.

«Ваше здоровье!» Он допивает остатки из маленькой бутылочки и спрашивает, не хочет ли она еще выпить. Нет? Когда он протягивает руку, чтобы запереть дверь, она вскакивает и снова ее открывает. Он запирает снова, она снова открывает.

— Да, — говорит он, — ты права, она и впрямь вымахала выше, чем надо. Но одного у нее не отнимешь: она хорошо сложена.

— Разве? Впрочем, тебе лучше знать. Значит, вот ты о ком все время думаешь.

— Да нет же! — И он изображает нежность и верность до смерти и все такое прочее. — Ты ведь знаешь, что кроме тебя у меня никого в жизни нет. Будь лапочкой! — И он запирает дверь.

Но она снова ее открывает.

Покидая пароход вместе со своей дамой, он имеет вид бледный и решительный. Встав на одну ножку перед буфетчицей, он еще раз приветствует ее.

Не один фармацевт с дамой предпринял небольшую прогулку на «Воробье», другие делают то же самое. Отличный корабль, тихие, удобные каюты. Осенью не сыщется более надежного приюта для вина и любви.

А еще люди ездят по своим делам. Пришла Ловиса Роландсен, пожелавшая навестить родственников в соседнем городке. При себе она имела пятерых из своих детей и мужа, кузнеца Тенгвальда. Но присутствие Тенгвальда не произвело на буфетчицу ни малейшего впечатления, на нее-то, которую он когда-то отверг, ну, как есть, ни малейшего. Взгляд буфетчицы лишь задержался на кузнеце и его выводке, после чего она равнодушно ушла своей дорогой.

После Рождества заявила мать буфетчицы и тоже провела на борту несколько дней. Капитан по-дружески с ней разговаривал за столом, она сидела по правую руку от него, и он предоставлял ей право первой брать себе кушанье. Может, именно потому, что он все время держал Лоллу на расстоянии, ему захотелось теперь высказать ее матери как можно больше уважения и приязни. К тому же она и сама по себе была очень симпатичным и заслуживающим уважения человеком.

Он спросил ее про мужа.

— Спасибо, ему живется хорошо, он живет в городе, который называется Понта-Дельгада. Вы там не бывали?

— Нет, я никогда не бывал на Азорах.

— Там все само растет, даже кофе и сахар и все остальное. Наверно, там очень хорошо.

— А домой он не собирается?

— Ну почему же, он пишет, что очень скоро. Но вообще ему хорошо, он учит португальский язык и уже не отличается от тамошних. Работает он в гавани.

— А как вы сами, вам хорошо в этом домике на берегу?

— Да, спасибо, — отвечает она.

Она так признательна и добросердечна, и отошла от всего, и уже не помнит про выходки своего мужа, и не думает о дурном.

Когда-то она тоже была молода, но теперь отупела.

XVIII

Буфетчица принялась доказывать капитану, что ему нужна новая форма. Самая мрачная часть зимы уже осталась позади, так что лучше не терять времени — скоро Пасха, когда всем понадобятся обновки.

Капитан снисходительно усмехнулся. Его теперешняя форма достаточно хороша для молоковоза.

Да, но ему нужно иметь еще одну, на смену, так сказать, парадную.

— Нет.

До чего она пристающая, эта Лолла, со своими выдумками. На какие шиши ему справлять себе новую форму, когда он, во-первых, должен помогать Алексу выплачивать ссуду за дом, а во-вторых, каждый месяц немножко откладывать для себя.

Вообще-то Алексу не так уж позарез нужна была его помощь, он и сам получал жалованье, и поигрывал в карты, и

вообще процветал. «Нет, не надо, — каждый раз говорил он капитану, — у меня неплохое жалованье, я плачу себе да плачу».

«Ну, у тебя много детей, а если я буду помогать, ты заплатишь быстрее».

«А куда торопиться-то?» — спрашивал Алекс.

Капитан:

«У меня есть свои соображения».

Но коль скоро он начал помогать Алексу каждый месяц и перестать не захотел, ему в результате почти ничего не удавалось отложить для себя. Ну что тут делать? А ему было очень нужно поднакопить денег, определенную сумму. Он уже свыше десяти месяцев проходил на «Воробье», почти триста дней и ночей он прожил здесь, а что толку? Уж не было ли это... нет, ведь это не было впустую растраченным временем?!

Когда первый раз ему пришла мысль, что здесь он не на своем месте, он как настоящий мужчина поспешил отогнать ее. Что скажет правление, что скажет Лолла, если он будет давать волю подобным мыслям? А дорогие обновки, которые он себе справил, и, уж коль на то пошло, все это утомительное рвение, вся учтивость, которую он демонстрировал девять месяцев подряд? И думать нечего.

Позднее ему уже не стоило таких трудов согласиться, что, став без долгих размышлений капитаном на «Воробье», он допустил большую ошибку. Чего он здесь не видел? Накатывала ли на него волна бурной радости, когда он думал об этой жизни на борту, об обильном питании, о неразговорчивом и малосимпатичном штурмане, о молочных бидонах, об однообразном и неизменном маршруте «Воробья»? Видит Бог, ему было нелегко. Поначалу все выглядело иначе — так всегда бывает поначалу; начиналась утренняя вахта, он запрыгивал в свою одежду, спустя три минуты был уже на палубе, бросал острый взгляд на небо и на компас, словно ему предстоял переход до Бискайи, трижды сигналил в машинное отделение и прокладывал курс — так держать! Он весь отдавался своим обязанностям, беседовал с пассажирами, отправлял на берег пустые бидоны и принимал на борт полные, совершал двухдневный переход, возвращался и причаливал к пристани. Его познаний на все это хватало с избытком.

Но можно ли было ожидать, что так будет всегда? Он уже без прежней поспешности облачался в свою форму, не смотрел пронзительным взглядом на небо и на компас, настроения не было. По дороге тоже ничего не случилось: ни-

каких кораблекрушений, и людей, которые из волн взывают о помощи, разве что приходилось остерегаться лодок, которые равнодушно шли перед самым его носом, благо это всего лишь молоковоз.

Да, а как же быть с прорехой на рукаве куртки? Он как раз оказался на дороге, когда подцепленную краном связку железных ободьев перегружали на берег. Штурман явно видел, что произошло, и засмеялся себе под нос, потому что опустил глаза. Капитана это ни вот столечко не занимало, для него это был сущий пустяк, но зато несколько дней подряд ему приходилось выкручиваться и прятать прореху от Лоллы. Он не хотел зависеть от нее, уж лучше попросить одну из официанток зашить рукав. Как будто это был выход — да ничего подобного, одна официантка проболтается другой, а другая напрямик отправится к буфетнице. Он показал прореху Алексу, видно, кое-что придумав.

— Лили не смогла бы ее зашить? — спросил он.

— А портной на что? — ответил Алекс.

— Ну, портной, портной только шьет мне новую форменку.

Но Алекс, красавец и супруг, явно не разделял капитанскую точку зрения. Алекс вообще стал какой-то странный, он не желал, чтобы Абель приходил к ним домой и чтобы Лили приходила на корабль. Огромные перемены всего за несколько месяцев. Получив стол, и полное обеспечение, и жалованье, и одежду, он восстал из привычного убожества и стал полноценным мужчиной, он был занесен в профсоюзные списки и очень высоко себя ставил. «Незачем тебе приходиться на корабль и показываться там, — сказал он Лили, — нам это ни к чему». И Лили, которая тем временам успела нагулять мяса, обзавестись новыми платьями и туфлями с пряжкой и вырезом, была совершенно согласна с мужем. «Да чего ж я там не видала, на корабле, — отвечала она, — когда ты каждую вторую ночь бываешь дома...»

И все же, когда Абель возник на пороге ее комнаты в полном обмундировании и попросил зашить ему рукав, у Лили даже дух захватило, и она залилась жарким румянцем. Все это было для нее как-то непривычно, пришел Абель, он теперь капитан, куртка у него с золотыми пуговицами и золотым шнуром.

— Если только я смогу, — сказала она.

Абель сидел в рубашке и, разумеется, болтал с ней, пока да она шила.

— А они подросли, — сказал Абель про двух младшеньких.

Дети завладели его фуражкой, разглядывали ее и по очереди примеряли. Третий, самый маленький, спал. Абель спросил, девочка это или мальчик. Да, тоже девочка. Лили никак не могла понять, почему у нее рождаются сплошь девочки. Хотя один мальчик у нее есть, и у отца только и свету в окошке, что этот мальчик.

— Да, отличный парень, — согласился Абель, — как ты думаешь, похож он на меня?

Из всего этого вполне могло бы кое-что получиться, но тут как на грех пришел Алекс. Алекс и раньше следовал по пятам за своим капитаном. Он, правда, заулыбался и напустил на себя приветливый вид, но любезным и гостеприимным он себя не показал, и навряд ли он держался с должным почтением. Поскольку дети продолжали играть с фуражкой, мать сделала им замечание.

На это Алекс:

— А чего он сам не заберет свою шапку?

Немного погодя Алекс тоже снял куртку. И непочтительный он, и вдобавок совершенно неотесанный. Закинув руки, он зевнул во весь рот, что выглядело уж совсем противно, и наконец рухнул на постель так, что кровать под ним закрипела.

Лили под конец даже стыдно стало за мужа, она несколько раз бросила на него выразительный взгляд, в остальном же не отрывала глаз от шитья. Сам же Абель не обращал никакого внимания на своего матроса. Должно быть, в Абеле ожили воспоминания, должно быть, он испорченный человек, раз ловит ухом знакомый скрип кровати, но и не только это. Он, например, видит из окна лестницу справа, так вот, возле этой самой лестницы ему нанесли некогда две раны, теперь-то они зажили, но когда-то это были две настоящие раны, да вдобавок из его же собственного, у него украденного револьвера. Это было всего неприятней, ведь револьвер — предмет священный. Просто удивительно, как годы накладывают на все свою печать, и событие постепенно уходит из памяти. Впрочем, время оказалось немилосердно к ним ко всем, хотя лично у него есть сарай на складской площади, где можно жить, они тогда еще пожелали перебраться к нему, но он этого не захотел, хотя и угощал их лососем, краденым лососем. У них было много общих дел, и ни один не желал уступить другому. И вот здесь мы видим всех сразу, Лили, Алекса, детей, ситуация снова стала интимной и семейной. На борту он капи-

тан и хозяин, а здесь все равно как член семьи. И вдруг он спрашивает Алекса:

— Как ты все-таки исхитрился тогда утащить мой револьвер?

Алекс подумал, поморгал:

— Потому что у меня не было ножа.

— Ножа? А на кой тебе нож? Для такого дурня вообще опасно иметь при себе нож и револьвер, это может привести к убийству.

Лили, сильно обеспокоенная:

— Это было так давно...

— Да, но я-то целый год все искал, где мой револьвер.

— Это он, конечно, сглупил, — призналась Лили.

Алексу, судя по всему, втемяшилось в голову, что ему следует изобразить полное равнодушие, для этой цели он подозвал малышей — тех двух малышей, которых он лишь с известным преувеличением мог назвать своими детьми.

— Плюйте! — скомандовал он.

— В шапку? — спросили они, сияя от радости.

— Алекс! — не удержалась Лили.

— Ну чего орешь? — спросил он. — Неужели ты могла допустить, что я такой неотесанный? — И он толкнул шапку по столу.

Абель не принимал участия в происходящем, не задавал вопросов, не обращал внимания. Здесь пёрла такая непроходимая тупость, — да и шапка, к примеру, скатилась бы с другого конца стола, не подхвати он ее, но не сердиться же ему на собственного матроса. Просто удивительно, как Алекс изменился, как успех ударил ему в голову. Правда, они с Лили молодцы, что за столь короткое время снова встали на ноги. И часы снова на месте, и расписанный розами шкаф, стулья, стол, два цветочных горшка...

— А где Регина? — спросил он.

Лили ответила:

— Регина у нас уже большая, она поступила в услужение.

— И незачем было, — пробурчал Алекс.

Лили:

— Она у молодого Клеменса.

— Кто, Регина? А она что-нибудь умеет?

— Ну, она хорошо подучилась, немного здесь, немного там, всего больше у бабушки. Она умеет печь вафли, и вообще.

Алекс, презрительно:

— Эка хитрость — сварить барину кусок печенки с картошкой.

— Да, Регина очень старательная, — сказал Абель, — она как-то продала мне «Божьи заповеди». Вообще-то вы все народ работающий. Я вижу, как здорово вы встали на ноги.

Лили, с неожиданной теплотой:

— Спасибо тебе, Абель, за твою добрую помощь!

— Пустяки! Я ведь еще должен выплатить то, что, по твоим расчетам, тебе задолжал. Ты не помнишь, сколько?

Лили опускает голову и ничего не отвечает.

Зато вступает Алекс, он как раз наострил уши:

— Выходит, он у тебя брал деньги? Ну, тогда это другое дело. Значит, это ты помогала ему, покуда я был в отлучке.

— Замолчи, Алекс! — говорит она.

— Вот оно что! А я все ломаю голову, как это ты одна успела до моего возвращения съесть целый дом.

Лили, уже в крик:

— Да замолчи же ты наконец.

Абель продолжает:

— Потому и надо выплатить все закладные по дому. Алекс вот сидит и думает, что это не к спеху, но он просто не знает, как обстоят дела. Еще неизвестно, сколько я прохожу на «Воробье».

— Что?! — восклицает Лили. — Ты хочешь бросить?

Абель не ответил. Не хотел избавить Алекса от испуга. Но Алекс, все такой же беззаботный и неколебимый, сидел на кровати и отнюдь не затрепетал от этих слов.

Лили снова:

— Ты хочешь все бросить?

— Пока не знаю.

И тут вступает Алекс:

— Хоть ты и бросишь, я все равно могу остаться. Я зачислен в профсоюз, и все такое прочее.

Куртка готова, и Абель надевает ее.

— Как новая! — говорит он. — Ни стежка не видно. Вот, Лили... за твои труды...

— Ты ничего не возьмешь, — командует Алекс, исполненный все той же неколебимости.

Но ровно через день Алекс снова предстал почтительным и любезным. Здесь был не его дом, и его жены здесь тоже не было. Может, он за ночь пораскинул мозгами, а может, и обсудил с Лили кой-какие вопросы.

— Доброе утро! — сказал он и снял шапку.

— Доброе утро, — отвечал капитан, — поди в игровой салон и приберись там как следует.

— Слушаюсь!

— Окна тоже протри.

— Слушаюсь.

— Лампочка на потолке перегорела, замени ее.

— Слушаюсь.

Уж такое преувеличенное почтение, что капитану даже и сказать нечего.

Абель кой-кого ждал, весь корабль тоже ждал, буфетчица и обе девушки выбили и вычистили каждую подушку в салоне и в каюте номер два, в большой двойной каюте. Уж тут-то не было никаких мух, а, напротив, цветущая бегония в горшке, на умывальнике — два непочатых куска мыла.

Они заявили в семь часов. Капитан их не встречал лично, потому что нес вахту, но он низко поклонился и тотчас позвонил в машинное отделение. Встречала их буфетчица и, против обыкновения, приветствовала пассажиров.

— Добро пожаловать, фру! — сказала она.

— Ольга, — ответила фру.

— Да, Ольга, добро пожаловать.

Буфетчица проводила чету вновь прибывших до каюты номер один, распахнула дверь и отступила. Пассажиры оставались там ровно столько времени, сколько нужно, чтобы избавиться от ручной клади, после чего совершили обход молоковоза.

Их брак был теперь оформлен, их регистрировал нотариус, но уже много недель назад. И, значит, это было не свадебное путешествие, а лишь короткий вояж в соседний город, поскольку ни на что больше Гулликсен не сумел выкроить время. Супруги были шикарно одеты, в меха, а дама почти что и не накрашена.

Когда капитан спустился с мостика и начал свой привычный обход пассажиров, он вполне обычно и естественно поговорил с Ольгой и ее новым мужем.

Гулликсен казался слегка высокомерным и развязным, возможно, он припомнил, как некогда отказал в кредите этому самому капитану Бродерсену, а потому и не хотел проявить смущение по этому поводу, даже напротив. Абель, верно, и сам полагал, что такие вещи нельзя вменять в вину торговцу, он был точно так же любезен и обходителен по отношению к Гулликсену, как и к другим пассажирам.

Вот с Ольгой — это другое дело. Когда он приветствовал ее, она тоже сняла перчатку и очень сердечно пожалала

его руку. Они завели совсем приятельский разговор и тряс-ли друг друга за руку и улыбались. Он во все время разго-вора стоял с непокрытой головой.

— Господи, как ты сияешь, — сказал он.

— Я и в самом деле сияю, — призналась она, — так весе-ло совершить эту поездку на корабле, где ты капитан и на-конец кем-то стал. Вот видишь, Абель, я всегда это говори-ла, даже когда другие утверждали совсем обратное, а ты сам — пуще всех. Понимаешь, я тебя хорошо знаю, я знаю, какой ты молодец, если только захочешь...

Она слишком уж превозносила Абея. Гулликсен поки-нул их и двинулся дальше. Может, она при виде Абея ис-пытала некоторое смущение: последний раз, когда они вме-сте сидели в ресторане, она именовалась фру Клеменс и при ней был ее муж, теперь при ней был новый муж, но нельзя было подавать и вида, а для этого следовало утопить сму-щение в разговорах.

— Ну, Абель, как ты поживаешь? Тебе, может, покажет-ся странно, но ты должен знать, как я радуюсь, что ты нако-нец занял свое истинное место. Между прочим, я купила твой медный ларчик у старьевщика.

— Вот как!

— Удивительный ларчик, без замка, такой таинственный. И ни одна живая душа никогда не узнает от меня его секрет. Так что если ты надумаешь мне писать, твои письма будут надежно спрятаны, ха-ха-ха!

— Мне пора обратно на мостик, — сказал Абель.

— Хорошо, увидимся позже.

Затем она направилась к буфетчице. Может, она и перед ней испытывала некоторое смущение, ведь буфетчица слу-жила в ее прежнем доме, стирала, и стирала, и вытира-ла пыль, а теперь стала главной кормилицей на пассажир-ском пароходе. Перемена изрядная. Но это не помешало обе-им чисто по-женски сразу отбросить всяческое смущение, они не избегали острых вопросов, напротив, они к ним стре-мились.

Ольга:

— Да, Лолла, раз ты собиралась работать здесь, мне по-нятно, почему ты не могла вести хозяйство у Клеменса.

— У него кто-нибудь есть?

— Я не очень прислушиваюсь к разговорам, но сдается мне, кто-то говорил, что у него служит девочка, молодень-кая девочка.

— Для него это нехорошо.

— Не знаю, право. Зовут ее Регина, она дочь одного из ваших матросов. Недавно она была подтверждена, и для своего возраста довольно шустрая. Но я не слушаю разговоров и не задаю вопросов. Ты же понимаешь, Лолла, я не могу теперь об этом заботиться. У меня своих дел хватает.

— Да.

— У меня теперь другие заботы. А с этой девочкой он хорошо ладит, она верующая и состояла раньше в Армии спасения. Иногда он даже нарочно открывает дверь в коридор, чтобы слышать, как она у себя на кухне поет под гитару. Он считает, что у нее хороший голос. Вот так они и живут. Но, как уже было сказано, я решительно не помню, кто мне все это докладывал, может, даже по телефону, я лично никаких разговоров об этом не слышу и ни о чем не спрашиваю. Да и Гулликсену это навряд ли понравилось бы. Нам всем пришлось много пережить. Нелегкое было время.

— А как воспринял все это помощник судьи?

— Ужасно. Его жена сразу слегла, обе дочери примчались домой, сам он подал в отставку. Написал письмо и отправил...

Лолла перебивает:

— А как же тогда... я хочу сказать, как дела у молодого Клеменса?

— Все могло кончиться очень плохо. Но его сестры перехватили письмо, помощник судьи взял просьбу об отставке назад. Это хорошо. Но через какой ужас мне пришлось пройти, ужас без конца и края. Чести — ни на грош, полное бессердечие, нет даже обычного человеческого разума, его сестры вообще распространяли слух, будто я лишилась рассудка. Не понимаю, я ведь не единственная, кто прошел этот путь...

— Извини, Ольга, итак, ты получила то, что хотела. А как он справляется?

— Как? Ты имеешь в виду: на одно только жалованье? Не знаю, я уже говорила. Мы и оба под конец навряд ли имели многим больше. А теперь я тебе расскажу нечто удивительное. Он с прежних времен что-то задолжал Гулликсену, иными словами — с моих времен. Это я все наблюдала и набирала в долг, и Гулликсен не пожелал скостить этот долг. Я его просила, но он не пожелал. Более того, он высрал требование на имя Клеменса. Меня это ужасно огорчило, потому что Клеменс, вероятно, и не подозревал об этом долге. Но он начал его выплачивать. Понемножку, очень понемножку, задолженность все еще есть. Один раз мне довелось видеть, как он выплачивал долг, мель-

ком, я сразу спряталась. Господи, он стоял у прилавка и вносил несколько крон в счет долга.

Ольга разразилась подавленными рыданиями и бросилась ничком на диван. Спина у нее ходила ходуном, она прикусила зубами подушку, чтобы успокоиться. Лолла погладила ее. Так продолжалось какое-то время, и вот уже Ольга, уткнувшись лицом в диван, продолжает рассказ:

— Представь себе, он стоит, сняв шляпу, волосы чуть отросли, под мышкой у него портфель. Потом он достает своими красивыми руками несколько крон и выкладывает их на прилавок и просит вычесть их из суммы долга. Ни в чем не повинный, понимаешь, смотреть на это невозможно. Приказчик за прилавком держится вполне вежливо, он благодарит и что-то вычеркивает. Но тут Гулликсену надоели эти жалкие кроны, — говорит Ольга и приподнимается на своем ложе, — он переправил Клеменсу стопку счетов, чтобы тот мог взыскать по ним: вот и будут деньги, вы ведь адвокат, вот и давайте по-серьезному, наложите арест на имущество. Скажи, Лолла, ты можешь себе представить, как Клеменс накладывает арест на чье-то имущество? И, конечно же, он ничего не сделал. Но, надо думать, перетолковал с этой девочкой, с Региной. Я, конечно, ничего не знаю и не ведаю, но он с ней перетолковал, и Регина поглядела-поглядела на эти счета, взяла их и куда-то ушла. Невероятно — но Регина очень ухватистая и вообще чудо, она начала ходить по улицам, и в порту, и по домам и продавать там божественные брошюры, еще она торговала вафлями от своей бабушки, она настоящий предприниматель, и от нее не так легко отделаться. Словом, приходит она назад и приносит деньги, довольно много денег, люди ее знают и платят, одни — все, другие — часть, Регина выписывает им квитанции. Удивительная девочка — и неумолимая. Гулликсен в полном восторге. «Если вы и дальше будете так лихо управляться с делами, — сказал он Клеменсу, — вы будете получать с меня не только проценты, но и плату за повестки в суд и судебные слушания и все такое прочее, даже если вы сами не выпишете ни одной повестки». Ну, правда здорово? Гулликсен сам мне все объяснил, но для меня это чересчур сложно. Он сказал, что предпочитает делать именно так, чем идти официальным путем и вдобавок навлекать на себя дурную славу. В принципе судебные издержки обязан выплачивать должник, но Гулликсен умеет считать, он сказал, что со временем ему становится выгоднее платить самому. Почему так? Да потому, что он сразу получает деньги наличными, а если

рассылать повестки и проводить судебные разбирательства и добиваться мировой, ждать денег придется до бесконечности. О, торговля и предпринимательство — это великая наука, Лолла, еще он объяснил мне, почему выгоднее получить деньги сразу, а не дожидаться их. Деньги дорогие, говорит он. Я этого не понимаю, он ведь человек богатый. Но как бы то ни было, Клеменсу очень повезло, что у него есть такая помощница, которая выколачивает долги, и Гулликсен вручил ему новые счета, целую уйму счетов.

Лолла, с отсутствующим видом:

— Клеменс был так любезен, что дал мне почитать книги, я захожу иногда к нему, возвращаю их и беру новые. Он всякий раз немножко со мной разговаривает, разумеется, только про книги и про разные судьбы в этих книгах.

— Как у него там все выглядит? — спросила Ольга.

— Точно как было при вас... при нем, я хочу сказать. Так же чисто и нарядно в гостиной, олеандр все такой же зеленый и красивый. Так что можешь ни о чем не тревожиться.

— Я — и тревожиться? Да меня это совершенно не волнует, мне какое до этого дело? Мой дом совсем в другом месте, ты уж извини, Лолла...

— Я и не думала...

— Дорогая, меня бы отнюдь не удивило, если бы ты и подумала. Я ведь когда-то там жила, там ложилась и там вставала. Но теперь все не так. Последнее, что я слышала, — уж и не помню, от кого, — что теперь он ведет два больших процесса по поручению Фредриксена из имения. Собственно говоря, это фру Фредриксен его пригласила, чтобы сделать все как следует. А надо тебе сказать, что процессы — сильная сторона Клеменса, это тебе не добиваться уплаты по счетам. Речь идет о завещании, с которым не все в порядке. Фру, верно, кажется, что ее обманывают, что ей мало отписали, уж и не знаю. А второй процесс связан с тем, что у капитана Ульрика вроде бы есть жена в Африке. Это ж надо! Но Клеменс получит хороший гонорар, если успешно проведет оба этих дела.

Молчание. Дамы прислушиваются к шагам в коридоре.

— А, вот ты где! — говорит Гулликсен.

Он, вероятно, слегка раздосадован — или должен быть раздосадован из-за Лоллы, той самой Лоллы, которую он когда-то хотел напоить и поцеловать и тому подобное. Но теперь он сама уверенность, он и думать не думает про всякие старые истории, он холоден и исполнен высокомерия.

— Я тебя искал, Ольга.

— А я нигде тебя не видела и поэтому зашла сюда, — отвечает Ольга, — я тут как раз сижу и рассказываю своей старой товарке, что нам с тобой хорошо вдвоем и что мы никогда с тобой не разлучаемся и что ты пытаешься вбить в мои куриные мозги твою торговую премудрость.

— Да, это действительно тема для разговора. Кстати, фру Бродерсен, я уже довольно давно позволил себе адресовать вам письмо. Вы, может быть, его не получили?

— Я его получила.

— Вы не хотели бы закупать провизию у нас? Прежняя буфетчица все у нас покупала. И мы отлично ладили.

— А я всю жизнь покупала у Вестмана, при нем и осталась.

— Я просто так спросил.

Молчание.

Ольга, желая переменить тему:

— Стало быть, сидим мы тут и болтаем. И прежде всего о том, как это мило с твоей стороны взять меня с собой, хотя у тебя так мало времени. Я радуюсь, словно дитя, и, знаешь, Лолла, по правде говоря, я проголодалась.

— У меня все готово, — сказала Лолла и вышла.

— Как это готово? Откуда ей знать, чего ты хочешь? — спросил он.

— Просто маленький второй завтрак. Она ведь раньше у меня служила.

— Ах да, верно! — воскликнул он не без раздражения. Ну куда не уйти от того, что было раньше.

«Воробей» к сроку пришел в соседний город. У Гулликсена были там свои дела, и он сразу сошел на берег, жена его тоже надела шубку, но поскольку муж все равно ушел, переменяла намерение и осталась на борту. И очень долго просидела с капитаном в рубке.

— Перед тобой мне нечего изображать, Абель, — сказала она, — я вступила на борт твоего корабля с новым мужем.

— Желаю счастья! — сказал он.

— Само собой — желаю счастья. Ты только подумай, я получила письмо от Рибера Карлсена, и он тоже пишет: «Желаю счастья!» Он уже второй раз желает мне счастья.

— А, это тот, что читает проповеди в церкви. Я, помнится, слышал чего-то такое про искупление.

— Абель, не говори так. Рибер Карлсен действительно широко известный и действительно большой человек. Меня

чрезвычайно обрадовало его письмо, он такой доброжелательный и такой серьезный, у меня возникло такое чувство, будто я получила поддержку или будто я теперь не совсем одинока. Но, как я понимаю, он тревожится за мое вечное блаженство и тому подобное.

— Это ты-то одинокая! Ты, которая может опереться на столъ могущественного и богатого человека, как Гулликсен?

— Я не уверена, что ты говоришь именно о том. Но чтобы без обиняков: я не могла жить без денег на булавки. Вот почему я так поступила. Ради денег я многое могу вытерпеть.

Абель задумался над ее словами, потом сказал:

— Тебе требуются деньги на булавки для многих нужд.

— Вот именно! — вскричала она и подхватила тему: — Вот теперь ты умница! Именно это я всегда говорила: мне нужны деньги для многих нужд. Я не могу оставаться без средств. Но мужчины разве это понимают?

— Нет, не понимают! Нам не нужен красный лак для ногтей и черная тушь для ресниц.

— Вот-вот! А ты предпочел бы видеть меня с косою во всю спину, и это теперь, когда все женщины ходят стриженные.

— Дай мне как следует насмотреться. Ты сегодня так мало накрашена — просто чудо, — сказал он, зажигая верхний свет.

— Да, и очень может быть, что я преследовала при этом какие-то свои цели, поскольку собиралась побывать на твоём корабле.

— Ну-ну! Навряд ли это предназначалось штурману либо мне.

— Послушай, Абель, может, тебе тоже надо жениться?

— Да, вообще-то пора бы обзавестись человеком, который возьмет на себя дойку, уход за курами и штопанье дыр в моем хозяйстве.

— Нет, я серьезно.

— Я ведь был женат.

— Но бестолково. Нет, Абель, тебе полагалось бы жениться на мне.

— Верно. Но у тебя я не имел никаких шансов.

— Не имел.

— А кроме того, даже получи я тебя, я бы потом снова тебя потерял.

— Да, если бы ты не сумел меня удержать.

— Удержать тебя — чем же? Тебя не удержишь. Ты ведь все равно что электрический свет. Это свет, который создан только для глаз, для зрения. Может, в нем и есть немного тепла, но не столько, сколько в печке.

— Ну конечно, не как в печке, но все-таки. Я уж и то пытаюсь на свой лад сделать так, чтоб меня удержали, — тихо добавила она. — Ты обратил внимание, что, когда мы раньше были вместе, я хочу сказать — вместе с Клеменсом, я никогда не называла его по имени.

— В ресторане? Да, я помню.

— Ни единого разу. Я ему просто говорила «ты» и могла обходиться без имени. Я приберегала имя для моего нового мужа, их зовут одинаково, обоих — Вильямами. Тогда он, правда, еще не был моим мужем, но я приберегала это имя для него. Мне казалось, что я должна это сделать, хотя бы это.

Абель вдруг сильно покраснел, но хотел скрыть это под маской равнодушия.

— Должен сказать, что с твоей стороны это было очень благородно.

Ольга, вспыхивая:

— Ах, Абель, как мило, что ты так говоришь. Нет на свете другого человека, который сумел бы оценить это по достоинству.

— Да-да, очень благородно. Но — если мне дозволено будет сказать — это не... — я хочу сказать, в этом действительно есть нежность, но нет другого, это — не печное тепло.

Ольга, вздыхая:

— Я и ради другого немало потрудилась...

Молчание.

Он видит на ее запястье браслет, он узнает его. На Ольгиной руке мало колец и тому подобного, она равнодушна к украшениям. И вдруг ему делается жаль ее, ведь это та самая Ольга, в которую он когда-то был так влюблен, которую так боготворил, единственная на всю школу, на весь город, на весь мир. Он кладет свою руку поверх Ольгиной.

— Ты чего?

— Ничего. — И он отдергивает свою руку.

— Нет, что это было, Абель?

— Ничего, я просто на какое-то мгновение упустил из виду, что должен забыть.

— Ах, ты про наше детство! Ты такой непохожий на обычного Абея, ты краснеешь, ты делаешься красивый, ты даже говоришь по-другому. Совсем непохожий.

Она перегибается через стол и соскребает пятнышко с отворота его куртки, затем, посплюнув палец, стирает следы пятна.

Да, нежность в ней есть.

Абель:

— Секундой раньше я уже готов был сказать: «Бедная Ольга». Это вполне соответствовало моим мыслям. Но хорошо, что я этого не сказал.

Она молчит.

— Потому что тебя незачем жалеть. Так ведь? Ты получила то, чего хотела.

— Ну конечно, получила. Нам превосходно живется друг с другом, и не думай, пожалуйста, ничего иного. Он такой на диво энергичный и умный, отец его совсем недавно прекратил мешаться в дела, а уж по отношению ко мне он просто безупречен. Нет-нет, никто не может сказать, что я сделала плохой выбор. Уж не подумал ли ты, что я во всем раскаиваюсь? Но ведь мы знакомы с ним целую вечность, еще когда я была замужем за другим, словом, я прекрасно знала, что делаю. И у тебя нет оснований говорить «бедная Ольга».

— Тпру! — сказал он, словно осаживая норовистую лошадь.

Ольга:

— Расскажи мне лучше про то, как блестяще тебе живется.

— Я? Это почему же? Мне живется вовсе не блестяще.

— Да ну?

— Но я поступаю так же, как и ты, я мирюсь.

— Ведь у тебя прекрасная должность, ты наконец кем-то стал — мне кажется, это так прекрасно, что ты поднялся в жизни. Раньше я тебя жалела. Не сердись, пожалуйста, но я просила Гулликсена взять тебя в лавку.

Абель, смеясь:

— Надеюсь, все-таки не просила.

— Нет, просила. Ты на меня сердишься?

— Ну и что он ответил?

— Вот уж не помню. Во всяком случае, ничего у нас не вышло.

— Я в ту пору был ему немного должен.

— Да.

— Ты говоришь: да. Ты об этом знала?

— Я хочу сказать, что уж наверно был должен, был ему немного должен. Сам он ничего мне об этом не говорил.

— Значит, вот что ты сделала, Ольга, ты попросила у него места для меня.

— Согласись, что тогда на тебя просто жалость брала смотреть.

— Тогда мне было очень хорошо. Куда лучше, чем теперь.

— Ну и глупо. Скоро ты, должно быть, перейдешь на большой корабль, и вот тут-то я поеду с тобой путешествовать. К твоим неграм, понимаешь? Ты, верно, и думать забыл, что в свое время я хотела бежать с тобой.

Буфетчица приходит и докладывает, что стол для ужина накрыт.

— Да, спасибо. Но нельзя ли немножко погодить, муж мой еще не вернулся из города...

— Он вернулся.

— О! — восклицает Ольга и бросается прочь.

Днем позже, на обратном пути Ольга все время не отходила от мужа. Казалось, будто он не желает, чтобы она проводила время с кем-нибудь другим. Но перед тем как сойти на берег, пока Гулликсен вел расчеты с буфетчицей, она улучила возможность, чтобы сказать Абелю «до свидания» с глазу на глаз. Ей было так радостно снова повидать его именно теперь, когда он пошел в гору. Она желает ему всего самого доброго. Она часто о нем думает.

Они стояли близко друг к другу и говорили вполголоса.

Вдруг она спросила:

— На тебе и вчера был тот же самый воротничок?

— Как ты догадалась?

— На нем есть пятнышко, возможно, от угольной пыли. Но меня это не смущает. Главное, что ты теперь капитан. Да-да, а теперь мне пора сойти на берег. До свидания, Абель! Благословенная получилась прогулка с тобой и Лоллой, прекрасная погода, на море полный штиль, и белые чайки сопровождали нас туда и обратно. Ночью я спала как убитая. Это все морской воздух! Я охотно повторила бы прогулку...

Слова, и обрывки мыслей, и рассуждения — фру Гулликсен явно не торопилась сойти на берег.

— А на моем воротничке и завтра будет то же самое пятнышко, — сказал Абель, — меня это не смущает.

— Ольга, ты скоро? — воззвал Гулликсен.

— Иду.

А про две тысячи — ни слова.

Штурману кажется, будто у него во рту какая-то гадость — опухоль или что-нибудь другое, но говорить ему еще трудней, чем обычно. Он и без того скуп на слова, и когда Абелю хочется поговорить, он идет к машинистам, идет в кубрик. Там, правда, он не слишком-то нужен, но капитан — он и есть капитан.

Говорят они о том, что завтра, в Пальмовое воскресенье «Воробей» целиком зафрахтован под групповую прогулку и что все будет очень шикарно — с флагами, и песнями, и музыкой. Три ферейна скинулись, чтобы зафрахтовать весь пароход, ремесленники, мелкие торговцы и чиновники, словом, не кто попало, а все достойные люди, горожане примерно с четырьмя тысячами крон годового дохода, чуть меньше четырех либо чуть больше.

Буфетчицу и двух ее девушек ждет множество хлопот, предполагается, что все каюты будут заняты. Таможенник Робертсен наведалься загодя, чтобы застолбить каюту номер один для себя и своего семейства, но из этого ничего не выйдет, сказала буфетчица с досадой. Тот самый таможенник Робертсен, аферист и жулик, который собирался обвинить ее и ее отца в подделке долговых бумаг, тот, из-за которого Абелю пришлось выплатить банку уйму денег. Он может получить номер семь, где не работает звонок и не запирается дверь. Да и этот номер еще под вопросом, сказала разгневанная буфетчица. Но когда настало утро и все три ферейна хлынули на палубу с флагами и граммофонами, первая каюта все еще не была занята. Робертсен сунул туда нос, увидел, что там пусто, и направился к буфетчице.

— Почему это я не могу получить номер первый?

— Потому что он занят.

— Там ни души. А какую каюту предоставят мне?

Буфетчица заглянула в список.

— Седьмую.

Ожесточенный таможенник, позеленев от злости, наведалься в номер седьмой и вернулся.

— В эту собачью конуру вы собираетесь запихнуть меня с тремя дамами?

— Это номер седьмой.

— И звонок не действует.

— К следующему Пальмовому воскресенью мы его обязательно починим.

Таможенник словно пощечину схлопотал.

— Я не возьму седьмую.

Буфетчица спокойно вычеркнула его из списка.

Просто мука мученическая с этим поганым таможенником. Теперь у буфетчицы оставались не заняты целых две каюты, и перед ней стояла задача добиться, чтоб их заняли. Но не все выступали с таким размахом, как этот таможенник, большинство вообще не желало тратиться на каюту. На кой им сдалась каюта? Спать они не собираются, а если замерзнут, можно спуститься в салон.

Седьмую каюту она спихнула молодой парочке, которая, возможно, хотела пошептаться без свидетелей. Но двухкомнатная под номером первым, которую она даже не могла никому предложить вслух, все еще висела у нее на шее. Да и кому такую предложишь? Тут все больше публика среднего достатка, на средний и то не тянет, все вроде таможенника Робертсена с женой и дочерьми, даже из вестмановской Торговли колониальными товарами, чтобы достойно почтить своего поставщика, — и то никого.

Оставался один выход — просто запереть каюту. Так она и поступила.

На борту же все было как обычно при таких оказиях, игры, песни и немного танцев. На палубе между ледником и лебедкой с самого начала шла бойкая продажа кофе, хлопали пробки от бутылок с лимонадом, и молодые дамы визжали, когда пробки попадали в них. Словом, настроение всюду царило отличное.

Сегодня на «Воробье» не было бидонов с молоком, капитан же совершил свой обычный капитанский обход и за всем приглядывал. С некоторыми из пассажиров он немного поболтал, другим кивнул, а кое с кем пошутил. Потом он встретил знакомого, с которым задержался на несколько минут: это был парикмахер, работающий возле садоводства, он еще когда-то даром побрил Абеля, да вдобавок подарил ему бритву. Уже давно Абель еще раз побывал в маленькой цирюльне и заплатил за работу, но пришел он туда в цивильном платье и ничего не стал рассказывать насчет того, что вот, мол, он теперь водит пароход: лишь сегодня парикмахер узрел его в форменном одеянии и в полном блеске. Это походило на чудо.

— Опомниться не могу! — сказал парикмахер.

— А вы здесь один?

— Нет, с женой и тремя парнями, вон они стоят.

Абель раскланялся с ними, милые люди, добрые лица, друзья. Затем он поднялся на мостик.

«Я должен что-то сделать, угостить их обедом», — подумал он и позвонил из рубки. Его словно захлестнула волна доброты, сердечная дрожь, глупость.

Буфетчица вошла и спросила, не нужно ли чего. Да, у него будет приказ. Впрочем, получилось так, что приказ он отдал скорее как просьбу, потому что буфетчица могла повести себя чрезвычайно сдержанно и даже просто воспротивиться. Беспремерная наглость со стороны простой буфетчицы, неслыханная, а ведь он даже не состоит с ней в родстве.

— Так вот, их всего пятеро, муж, жена и трое мальчишек.

— Начинается! — это буфетчица.

— Это как «начинается»? Нет-нет, я просто так.

Он не сознавал, до чего хорошо иметь буфетчицу, которая тебя придерживает, капитан не так уж и редко отдавал приказ угостить обедом чужих людей, что правда, то правда, и жалованье у него тоже не ахти какое. Из них двоих она была более предприимчивой.

— Оба стола сейчас заняты, — ответила она.

— Он мне когда-то спас жизнь.

— Что-то ты запямятовал. Месяц назад твою жизнь спасло совершенно другое семейство.

Капитан зашел с другой стороны:

— Я ведь заплачу.

— Ну и сделаешь глупость.

— Вот они стоят, — и он указал в окно.

Буфетчица, даже и не взглянув:

— Во всяком случае, им придется подождать, а там посмотрим.

Капитан, подумав:

— Мне бы очень хотелось, чтобы им не пришлось ждать.

— Другим тоже приходится.

— Да, но чтоб это семейство сидело и смотрело, как подают другим, — будто они всех хуже, а ведь они даже лучше, чем другие.

— Да что ж это за люди такие? — спросила она, глянув наконец в окно.

— Он в серой шляпе с черной лентой. И белый галстук. Он парикмахер, достойный и порядочный человек.

— А жена где?

— Тут же стоит. Возле лебедки.

— Шляпка на ней, однако, престранная.

Капитан, оскорбленным тоном:

— Она имеет право носить такую шляпку, какую захочет. Я никогда таких не встречал — неслыханно богатые люди.

— Вот как? А ты их откуда знаешь?

— Это долгая история. В другой раз расскажу.

— Во всяком случае, им придется подождать.

— Ну, Лолла, ну пусть они тогда едят у меня.

— В капитанской каюте? — возопила буфетчица.

— Ну и что?

— Понимаю, тебе это безразлично, но так нельзя. Тебе вообще все безразлично, ты целый год ходишь в одной форме, пачкаешь ее сажей и маслом, но нимало о том не тревожишься. Ну-ка, ну-ка, что я вижу: у тебя был порван рукав?

— Нет, — отрезал он.

— А кто ж это его зашил?

— И подать им к обеду пива.

— Ты опять про свое.

— И подать им к обеду пива.

Чтобы положить конец этому разговору, буфетчица сказала:

— В капитанской каюте я стол не накрою. Уж лучше пусть они тогда обедают в двойной.

Он подхватил:

— Замечательно! Поди и скажи это им, вон он, вон он, видишь, с белым галстуком. И еще кофе, не забудь про кофе после обеда. И будь с ними любезна. И пиво.

Буфетчица была совершенно права, когда удерживала его за руку, и как еще права. Не ему ли именно сейчас требуются деньги, определенная сумма? Он невольно осознал эту горькую истину.

В свободное от вахты время он наведился к таможеннику Робертсену. Тот сидел со своими чадами и домочадцами в салоне и насмехался над буфетчицей из-за почтенного семейства, которому она предоставила двойную каюту: должно быть, шибко благородные люди — даже пальто не носят в такую холодищу.

Абель снял шляпу и сел. Девицам это пришлось по вкусу, они стали призывать его сесть поудобней, на софу, но он отказался. И сразу обратился к Робертсену:

— Я выложил за тебя деньги в банке, верно?

— За меня?

— Ну да, чтобы выкупить поддельное обязательство.

Робертсен с изумлением воззрился на жену и детей.

— Знать ничего не знаю.

— И я хотел бы получить обратно свои деньги.

— Извини, но ты с кем-то меня путаешь.

— Фру Робертсен, а не обещал ли он продать для этого свои лодки и вернуть мне деньги?

Фру Робертсен:

— Нет-нет, меня, пожалуйста, не впутывайте в это дело. Пусть этим займется мой муж.

— Прямо жуть берет, какие вы теперь стали важные, что Лолла, что ты, — сказал Робертсен. — Я являюсь на борту собственной персоной с тремя дамами, и мне тут же предлагают занять собачью конуру под номером семь. Такое не вдруг забудешь.

— Лучше бы ты не забыл вернуть мне деньги.

— Про какие это деньги ты толкуешь? Уж не те ли, что ушли на погашение фальшивой бумаги, которую Лолла когда-то принесла в банк?

— Ни на какое погашение ничего не уходило, а Лолла в жизни не подавала в банк фальшивых бумаг, напротив, она выкупила фальшивку, которую предъявил туда ее отец.

— Это все едино. И чтоб я еще был тебе должен, хотя именно ты внес деньги, чтобы выручить ее фальшивку, — не надейся. Ха-ха-ха!

— Смотри, как бы и тебе не угодить за решетку.

— Ха-ха! Кто ж это на меня заявит?

— Я.

— Дорогой Абель, тебе придется это доказать. Им недостаточно, что ты оспоришь свою подпись.

— Вот это мы посмотрим. А до тех пор живи собака собакой, каков ты и есть.

— Ты еще меня будешь оскорблять!

— Неужели нельзя договориться по-человечески? — робко полубопытствовала жена Робертсена.

— А вообще можешь мне сказать спасибо за то, что тебе досталось место капитана, — продолжал Робертсен, — потому что, захоти я его получить, я бы получил тотчас же, я, который вдобавок штурман и могу принести наилучшие рекомендации из таможни. Да вот. Так что благодари Бога, что я не перебежал тебе дорогу.

Жена еще раз попыталась внести умиротворение, мол, все это так ужасно и не лучше ли кончить дело миром...

— Не вздумай его поддерживать, вот что я тебе скажу! — крикнул Робертсен жене. — Я нахожусь на службе у государства и могу за себя постоять. Так что не волнуйся. Я лицо официальное.

— Я просто думала...

— Молчать, кому говорят! Где б, спрашивается, был твой отец все те годы, когда тебя не было, не будь для него открыт мой дом?

— Это чистая правда! — подтвердила жена.

Робертсен, закусив удила:

— Сиди, тебе говорят, и не поддакивай ему! Я тебе, Абель, прямо скажу: твой отец бывал у нас каждый день, и катался как сыр в масле, и получал на обед гороховый суп, как тот, что мы получаем в плаванье, а потом регулярно пил у нас кофе и набивал трубку моим табаком. Я это не считаю, я просто рассказываю, как все было...

— Сегодня вечером я на тебя заявлю, — сказал Абель.

Дальше «Воробей» не пойдет — он встанет вот у этого причала и простоит два часа. Причал находится в бухте, тут большой город с купечеством, телеграфом, адвокатом и доктором. Большинство участников пикника сошли на берег и с флагом и пением народных песен направились к памятному камню вблизи церкви, где таможенник Робертсен намеревался произнести речь.

Дело происходило, когда начал таять лед и стояла ужасная апрельская распутица, так что процессия всю дорогу прыгала и пела, пела и прыгала.

Возле памятного камня уже собралось много других фрейнов с флагами, хотя заложен он был в честь мало кому известной личности, а именно — в честь полковника шведской войны. Но с другой стороны, нельзя и утверждать, что повод для праздника и пикника совсем уж ничтожный, нет, именно сегодня полковнику исполнилось сто пятьдесят лет, или что-то вроде того.

У камня уже стоял человек и произносил речь, отнимая время у собравшихся, но речь его не зажигала сердца. Таможенник Робертсен переступал с ноги на ногу и поглядывал на часы: его пароход отваливает в точно установленное время, он протиснулся вперед и при первой же возможности взял слово: «Почтенное собрание!..»), но и его речь не зажгла сердца.

Солнце хоть и сияло, но уже начало садиться. Все скучали и мерзли. Какой-то человек вышел из лесу и привлек к себе внимание. Он вел корову на веревке. «Тпру!» — сказал он корове до неприличия громко и остановился. Под мышкой у него был зонт — это при солнце-то, на голове шапка с козырьком, ни воротничка, ни галстука на нем не

было, но при всем при том белая накрахмаленная манишка. А корова была укрыта лошадиной попоной, чтоб не мерзла.

«Тпру!» — сказал он еще раз так же громко, словно желая быть узанным. Однако нужды в том не было, его и так знали почти все, а многие подошли и поздоровались. Это оказался Ульрик Фредриксен, капитан Ульрик, бывший капитан «Воробья».

— Прогуляться вышел?

— Прогуляться вышел, да-да. Я из дому, я живу там, позади, у меня хутор. А что у вас за праздник? Я слышал, здесь отмечают какой-то праздник.

— Нет, мы просто приехали на прогулку.

— На «Воробье», конечно? Можно мне с вами вернуться?

— Что-нибудь сообразим. Чтоб сам капитан да не смог.

Нельзя было исключить, что они слегка над нам потешаются. Он производил несколько странное впечатление, без галстука, но в накрахмаленной манишке, а под мышкой — зонг. Фуражка прежняя, капитанская, только с нее спороты золотые шнуры и пуговицы.

— Не знаю только, как мне быть с коровой, — сказал он.

— Тебе, может, нужно сводить ее к быку? — спросили его с подковыркой.

— Нет, я хочу ее продать. Я прослышал, что сюда придет много народа, вот и надумал прийти — авось, ее кто-нибудь купит.

— А чем она больна, корова-то?

— А кто сказал, что она больна? Нет, просто мой брат дал мне небольшой хутор с коровами и лошадьми, но сам-то он болен и не понимает, что я ему говорю. А говорить с его мадам и вовсе без толку, она против меня настроена. А что мне делать с хутором, если они не дают мне денег? Вот и приходится продавать корову.

Капитан Ульрик попал в сложные обстоятельства, его бравада и лихость словно приуявили. Но это его не портило и не принижало, напротив даже, он стал искренней и выглядел как бы просветленным. Его открытые ответы на все вопросы делали его крайне симпатичным, людям сразу захотелось помочь ему. Мясник Матисен стоял возле памятного камня и слушал речь, его привели посмотреть корову.

Он спросил, сколько корове лет.

— Три года на твердых кормах.

Почему же он надумал продавать такую молодую скотину?

— У меня дома говорят, что она дает молоко только из трех сосков, по одному — на каждый кормовой год, а как пройдет четвертый год, у нее раздойтся и четвертый сосок.

Тут уж все захохотали.

— А я в этом ничего не смыслю, — сказал он и застыдился.

Жалко Ульрика, дома его явно держат за дурака. Матиссен купил корову, извлек толстый бумажник и расплатился.

Ульрик поблагодарил, у него стал довольный вид, просветленный вид, и он великодушно отказался забрать попопу. Мясник отыскал человека, чтоб тот проселком отвел корову в город.

Когда таможенник Робертсен завершил свою речь, и отзвучало, как и положено, троекратное «ура!», он выстроил своих людей для обратного марша. Они снова запели. А капитан Ульрик поднялся на борт как человек при деньгах.

Он отыскал штурмана и расселся у него в каюте.

— Все тот же год! — воскликнул он и указал на отрывной календарь.

Штурман промолчал.

— Когда другой повесите, я спрашиваю?

— Когда придет время.

— Ну и глупо. — Он позвонил и заказал вина. Подали также две рюмки, но штурман пить не стал. Ну и глупо, да. — Как вы с ним ладите?

— Так и ладим.

— А как?

— Как с вами ладил. Нам друг с другом делить нечего.

— Ну и отлично! — насмеялся капитан Ульрик. Он уже опрокинул несколько рюмок и стал больше походить на себя прежнего. — Получается все равно как среди зверей и немых. Мне здесь было неуютно, и я сошел на берег. Как вспомню, что из месяца в месяц, из года в год вы ходили по палубе, не произнося ни слова, — и календарь ваш застыл на одной дате, — как будто вам кто-то запретил передвинуться на десять лет вперед, — как это все понимать?

— У меня во рту какая-то гадость, так что я не могу обсуждать с вами эту тему.

— Теперь-то мне на это наплевать, но раньше я сколько раз задавал себе вопрос: уж не означает ли это лишение гражданских прав на десять лет? Имелись у меня основания так думать?

Штурман не ответил.

— Во всяком случае, это было как-то неприятно, и я не захотел здесь дольше оставаться.

— Просто ваша буфетчица ушла.

— Буфетчица? Какое мне дело до этой буфетчицы-конфетчицы! Да никакого. К тому же она сбежала на сушу с фармацевтом. Вам это известно?

Штурман не ответил.

— Известно, я вас спрашиваю?

— Совсем недавно он был у нас на «Воробье» с совершенно другой дамой.

— Вы серьезно?! — с явным интересом воскликнул капитан Ульрик.

Штурман взглянул на часы, болтовня гостя его, кажется, ничуть не занимала.

— Загляните ко мне в рот, вы ничего не видите? — спросил штурман и разинул рот.

— Чего тут видеть? Премемерзкая пасть. Впрочем, я вполне допускаю, что и моя выглядит не лучше.

— Загляните глубже в глотку, — попросил штурман.

— Да там все коричневое и синее.

— И болит.

Ульрик:

— Загляните теперь в мою глотку, похожа она на вашу или нет. Думаю, что непохожа.

Штурман заглянул и сказал кратко:

— Нет. Не могу понять, что там у меня в горле. Может, я съел что-нибудь ядовитое? Иногда меня там словно иглой прокалывает.

— Надо бы вам посоветоваться.

— Скоро я совсем не смогу глотать. И по совести говоря, мне и есть-то не хочется.

— Да, всем нам приходится несладко. Она написала мне и опять позвала меня, так, мол, и так, она тоскует и тому подобное. Значит, говорите, фармацевт был здесь с другой дамой?

— Недели две-три назад.

— Значит, бросил ее. Готов поручиться спасением души, что это он ее бросил. А вы как полагаете?

— Ну хорошо, ну бросил, и что с того?

— Я знаю, вы такой хитрый, что никогда ничего не понимаете. Но тогда мне незачем распродавать своих коров, чтобы добраться к ней, зря я это сделал. Мне надо было спокойно сидеть дома. Она бы сама пришла.

— Вполне возможно, — сказал штурман и взглянул на часы.

— Тогда получается, что сегодня вечером я ее не увижу. Я заночую тогда на судне, а завтра с утра пораньше сяду в лодку и поплыву домой. Вы не думаете, что так будет лучше всего?

— Кто-то посоветовал мне лечить горло лимонным соком.

— Или коньяком, — сказал Ульрик. — Для горла нет ничего лучше, чем коньяк. Я бы пускал его в ход при каждом удобном случае. Но коньяк так безбожно дорог, давно его не пробовал.

— А что вы делаете у себя на хуторе?

— Делаете? Засунуть такого человека, как я, на хутор! Баста, я ухожу.

— А потом что?

— Что потом? Если мадам в имении не перестанет меня злить, я ей тогда покажу...

Штурман еще раз взглянул на часы и вышел.

Каждый из них говорил о своем. Сговаривались ли они, чтобы отвести беду? Нет, они не сговаривались, но обоим было плохо, они сердились, они были недовольны и собой, и другими. Как же это получается? Ничего и не получается, просто жить очень плохо. Они не выходили из себя, они не бранились, они бессильно и покорно заглядывали друг другу в горло.

Уже на подходе к причалу капитан Ульрик заплатил за вино, прикупил еще бутылку и в обнимку с ней сошел на берег. Ночевать он не вернулся. Мы меняем свои намерения. И всем нам приходится несладко.

А вот капитан Абель проявил необычную для него решимость: как человек, презирающий смерть, пошел он в полицейский участок и сделал заявление на таможенника Робертсена. Такая у него была нужда в деньгах.

XX

Волнение, не пробившееся пока на поверхность.

В среду перед Пасхой на молоковозе отправился в плавание молодой Клеменс. Уж верно, какая-нибудь причина заставила его это сделать, впрочем, он и не скрывал, чего хочет: он хотел кое-чего узнать об Африке, о Натале и полагал, что капитан Бродерсен просветит его на этот счет, но Абель никогда не ходил в те края, он побывал только в Америке и в Австралии.

— Тогда прошу прощения, капитан.

Он сел в уголок рядом с мясником Матисеном, который тоже был пассажиром и собирался отконвоировать домой корову, сбежавшую от него этой ночью. Они долго сидели рядышком. Клеменс выглядел ухоженным и элегантным — волосы подстрижены, перчатки, новые галоши.

Мимо прошла Лолла. Клеменс встал и раскланялся. Они были давно знакомы и обменялись несколькими словами.

— Вот, Лолла, я первый раз еду с вами.

— Добро пожаловать.

— У меня было дело к капитану, вот почему я и пришел.

Лолла ушла, а он объяснил мяснику, чтоб не возникло никаких недоразумений:

— Я назвал здешнюю буфетчицу Лоллой, она была у нас — я хочу сказать дома — в нашей семье. Мы старые знакомые.

Прошло несколько часов, но они все так же сидели в своем уютном уголке, полагая, что от добра добра не ищут. Отрадно сидеть здесь, курить и ничего не делать. Они могли видеть все, что происходит на остановках, но больше всего они просто глядели на чаек и на окружающий ландшафт и говорили помаленьку о том о сем. Погода была ненастная, над морем бушевала снежная круговерть.

Капитан сменился с вахты, после чего тоже к ним присоединился. Зашла речь о беглой корове.

— Ну и шутку она со мной сыграла, — сказал мясник. — Дело к Пасхе, мне нужно мясо, ее собирались вчера забить, а она возьми и сбеги.

— И пробежала всю дорогу от города до дома?

— Да, вы не поверите, но мне уже звонили оттуда, что она вернулась к себе домой. Купил я ее у капитана Ульрика в воскресенье. Отличная, молодая коровка, но он решил ее продать, она, мол, доится только в три соска. Оказалось, это все выдумки, мы у себя ее подоили, она прекрасно доится во все четыре, просто над ним кто-то подшутил, потому как сам он ничего в этом не смыслит. Ну вот, поставили мы ее в хлев, задали ей корму, мучной болтушки и тому подобное, причем сразу же, вчера, когда она стояла и отдыхала после перехода. И представьте себе, той же ночью она отвязалась, высадила дверь и убежала домой.

— Невероятно!

— Мне уже доводилось слышать о подобных случаях. У животных есть такое чувство направления, что, даже когда их привозишь морем, они могут вернуться домой по про-

селочной дороге. И пусть даже дома их не потчуют ни мукой, ни мелясзой, как у меня, они все равно рвутся домой.

— Это любовь к родному дому, — говорит Клеменс.

— Уж и не знаю, что это, но они стремятся туда, где были детьми.

Капитан:

— И вы все равно хотите ее забить?

— Да нет, — ответил Матисен, словно бы застыдившись, — я передумал, пусть останется у меня на племя, уж больно она красивая.

— Вот и хорошо.

— Это жена меня уговорила. И еще, капитан, нельзя ли попросить вас на обратном пути завтра взять и корову, тогда ей не придется в третий раз проделывать этот долгий путь своим ходом.

— Что-нибудь сообразим, — отвечал капитан.

— Я уже говорил со штурманом, но он считает, что у вас нет места.

— Да есть у нас место.

Мясник Матисен сошел на берег и отправился за своей коровой.

Капитан:

— Занятную он рассказал историю.

Клеменс, немного подумав:

— Он, как и многие другие до него, сделал очень верное наблюдение: животные любят родной дом и хотят быть дома. Даже у диких зверей и то есть свой участок, свои уголья, свой дом. Порой им в другом месте даже лучше, но они все равно стремятся туда, где родились. По весне лосось и форель идут на нерест в озера, откуда они родом. Перелетные птицы высиживают птенцов там, где родились сами. Я помню удивительный тому пример еще по отцовскому дому: поскольку все скворешники были заняты, чета скворцов поселилась на жалкой дощечке, прикрепленной к стене. Один раз доска вместе с гнездом рухнула на землю, ее бережно водрузили на прежнее место, и скворцы тотчас туда вернулись.

— У них, может, другого места не было.

— Полно мест, они могли устроить себе превосходное гнездо под любой из тысяч кровельных черепиц. Но самое интересное, что и через год скворцы вернулись на ту же доску, и так каждый год, хотя дом у них был прескверный. Потом доску сняли, заблаговременно, сразу после Рождества, и прикрепили на то же самое место новый скворечник. А

доску — в порядке эксперимента — перенесли на другую стену. Но представьте себе, скворцы отыскали ее и снова на ней обосновались, а новый скворечник так и провисел все лето пустой.

— И что ж это была за доска такая?

— Маленькая и узкая дощечка вместо пола, а стены и крыша из клеенки. Жалкий скворечник, его придумал и сделал маленький мальчик. Но для скворцов он стал родным домом.

— Кажется, это то, что называют инстинктом?

— Да, любовь к дому, голос крови. Я не знаю всех тайн, с этим связанных, но это прекрасно. Среди всего неясного и непонятного, в котором мы, люди, влачим нашу жизнь, здесь она обретает и волю, и смысл. Жизнь сама и породила любовь к родному дому, ее не выдумали.

Капитан помолчал-помолчал, потом вдруг спросил без всякой видимой связи:

— А что вы скажете о человеке, который только о том и мечтает — прямо как больной, — чтобы навсегда покинуть свою родину?

— Вы сказали: навсегда?

— Сказал: навсегда.

— В этом я не разбираюсь, — отвечал Клеменс. — Но что, если — как вы сами сказали — это у него просто болезненная идея? Что, если ему просто недостает естественности и душевного здоровья?

— У него здесь нет никаких корней.

— Никаких? Уж какие-нибудь наверняка есть. Язык, к примеру, родной язык, он понимает все, что ему говорят, и может сам сказать все, что пожелает. И то, что он долго не был дома, а теперь вернулся, и встреча с родиной трогает его до слез. И то, что он чувствует свою близость с земляками, которых встречает на чужбине, пусть он впервые их видит, но все равно знает, вернее, узнает по той растроганности, которую испытывает при встрече с ними. Я сам, правда, никогда не путешествовал, но я читал об этом у других. Но вы-то ведь путешествовали?

Капитан:

— Я ничего об этом не знаю.

Разумеется, Клеменс говорил так не без умысла:

— А если он лежит при смерти в чужой больнице, он, несомненно, мечтает очутиться на родине, чтобы там и умереть. А если его посетят мысли о Боге, на чужбине это будет другой Бог, совсем не тот; Бог, который дома, преисполнен доброты, и уже одно это заменяет больному лекар-

ство, ибо это — душа. «Господи!» — воскликнет он, а не «Mon dieu!».

Капитан:

— Я про себя говорил.

— Понимаю. Но здесь у вас есть корни, капитан, тончайшие корни. Хотя очень может быть, что при тех либо иных обстоятельствах часть из них оборвалась.

Капитан вздрогнул:

— Вот поглядите, здесь идет снег, а в Кентукки сияет теплое солнце. — И тут, словно рассердясь на самого себя за чрезмерную откровенность, он встал и сказал: — Вы, кажется, хотели узнать что-то про Наталь? Вас наверняка сможет просветить штурман. Он на мостике.

И капитан ушел.

Да, у Клеменса есть на пароходе свое дело, и он должен показать, что не забыл об этом.

Он подождал до обеда, а за обеденным столом штурман оказался его соседом. Но ему не удалось получить от него исчерпывающих сведений. У штурмана было мрачное настроение и болело горло, глотать было для него мукой, он каждый раз вздрагивал, словно глотал через силу.

— Извините, штурман, вы бывали в Натале?

— Я много где бывал. А какой именно это Наталь?

— Ну, Наталь, который в Южной Африке. Разве есть и другие?

— Как минимум два. Большой город в Бразилии и страна в Африке.

— А город Наталь в Африке?

— Город Наталь в Африке называют Порт-Наталь. И кстати, его больше так не называют, теперь это Дурбан.

Клеменс, извиняющимся тоном:

— К сожалению, я забыл эту школьную премудрость.

— А что вы хотели узнать про Порт-Наталь?

— У меня там процесс, и мне надо бы узнать кое-что о тамошних обстоятельствах. Как мне, например, добираться туда в случае надобности?

— Только пароходом, единственная возможность.

— И долго?

— Да.

Клеменс понял, что штурману больно, и умолк.

Но тут штурман дал волю мучительной досаде, владевшей его мыслями. Он был человек больной, истерзанный болью, все за столом видели, что он вздрагивает при глотании, будто во рту полыхает огонь. Он обратил лицо к Клеменсу и спросил:

— А как насчет бразильского Наталья?

Клеменс воззрился на него.

— Правда, там я не бывал.

Клеменс промолчал и доел свою порцию. Он ничего не желал знать про Наталь в Бразилии, может, он вообще ни про какой Наталь не желал знать. Его привел на корабль дурацкий повод.

После обеда он остался сидеть в салоне. Нашел там газеты, какой-то журнал, но меньше читал, чем наблюдал за буфетчицей, которая сновала туда и обратно, покуда девушки убирали со стола. Буфетчица же без всякой просьбы с его стороны принесла ему пирожное и кофе.

— Можете здесь курить, — сказала она, — мы потом проветрим.

Она была очень внимательна к нему. С одной стороны, фру Бродерсен, но с другой — все-таки Лолла.

Он сам заговорил с ней:

— Я еще раз прошу извинить меня за то, что тогда просил вас хозяйничать у меня.

— Нет-нет, не извиняйтесь...

— Это было очень глупо с моей стороны. Я это понимаю теперь, когда вижу вас здесь.

— Вы, говорят, взяли теперь довольно шустрюю девочку? — Лолла покраснела, сама это почувствовала и добавила: — Уж и не помню, кто мне это сказал.

— Вероятно, фру Гулликсен, — ответил он спокойно и сдержанно.

Лолла промолчала.

— Да, Регина и впрямь очень проворная. Она еще совсем молоденькая, но вполне зрелая и работающая. Трудно предсказать, сколько она у меня еще пробудет.

— Долго, я думаю. Такое соблазнительное место.

— Боюсь, она скоро обручится. И я опять останусь без помощницы. Лолла, а почему вы не сядете? Вы же у себя дома, — с улыбкой завершил он.

Лолла села.

— Я видела, как вы говорите с капитаном, я была бы рада узнать, какое впечатление он на вас произвел.

Клеменс в свою очередь тоже задал вопрос:

— Как это все получилось? Не было ли для него большим потрясением, когда он стал капитаном?

— Не знаю. Возможно, в первый момент. Но надолго его не хватило, он теперь уже не испытывает никакого восторга. Я никак не могу заставить его дорожить своим местом и

прилагать старания. Он ходит все в той же форме, в какой начинал, и не желает заказать новую.

Судя по всему, мысли Клеменса занимал отнюдь не капитан Бродерсен, поэтому он сказал:

— Да, он странный человек. А как вы, вам здесь нравится?

— Да, я уже прижилась.

— Что вы сейчас читаете? Я получил много новых книг.

— Я теперь уже не так много читаю.

— Вот и я тоже. На мне сейчас два сложных процесса. Я из-за этого и пришел сюда, надеялся получить кой-какие сведения об Африке.

— Да, штурман очень нехорошо вам отвечал. Но он нездоров, его донимает боль в горле.

— Я понял, — сказал Клеменс. — А вы можете приходить и брать у меня книги. — Он взял ее за руку, это была большая, страстная рука, и он сделал вид, будто хочет поглядеть на ее часы: — А ремешок не режет? Нет? Не пережимает соуды? Здесь ведь как раз бьется пульс.

Ничего больше он делать не стал, выпустил ее руку, но и это уже было нечто.

Лолла, однако, вернулась к теме «Абель».

— У вас не возникло впечатление, что это его первая и последняя форма на борту корабля?

— Нет, почему же? Лично мне он ничего об этом не говорил.

— Просто я замечаю, что он стал какой-то беспокойный. Его тянет куда-то прочь, снова тянет отсюда.

— Потомки викингов стремятся в путь, — отвечал Клеменс, надеясь этим и отделаться.

Но она продолжала:

— Я очень за него тревожусь. Он мог бы служить здесь, иметь свое место в жизни, и кусок хлеба и тому подобное.

Клеменс утешил ее:

— Видно, он просто не из тех людей. Не принимайте этого так близко к сердцу, одному Богу известно, как что повернется, может, он со своим «стремлением в путь» счастливее, чем мы, те, кто остается. Все еще наладится, вот увидите, все наладится, как для него, так и для нас, остальных.

Но поскольку она и дальше ни о чем другом говорить не желала, он покинул ее и вернулся на палубу. Кислая погода, снежные вихри, палуба, мокрая от талого снега, одно слово — не самый удачный день, чтобы заявиться на борт «Воробья» с каким-то делом. Однако, если учесть все обстоятельства, день никоим образом нельзя признать неудачным.

И не потому, что штурман подошел к нему и, можно сказать, принес извинения за свою резкость во время обеда — это, пожалуй, ничего не значило.

Но Клеменс испытывал небольшое удовлетворение при мысли, что и он не последний человек здесь, на судне, что люди относятся к нему уважительно, с почтением. Когда он проходил мимо кого-нибудь, ему охотно давали дорогу, когда он говорил что-то насчет погоды, ему с готовностью отвечали, а это не так уж и мало для человека, который много лет был всего лишь доверенным лицом у своего отца и не Бог весть каким адвокатом, да от которого вдобавок сбежала жена. Он снова уселся в уютный уголок, где сидел утром, и сразу заметил, что многие пассажиры были бы не прочь сесть где-нибудь поблизости, но не решались. Ах, до чего же приятно быть чем-то другим, нежели просто ничем.

А тут еще и Лолла принесла его галоши, посоветовала надеть их; погода холодная, на палубе сыро — она даже нагнулась, чтобы помочь ему.

— Ах нет, дорогая Лолла, никоим образом, что это вы вздумали!

Но забирая у нее галоши, он еще раз подержался за ее руку, а это уже опять было нечто.

Замечательный выдался денек на борту «Воробья». Нет, с извинением штурмана все обстояло не так просто. Этот человек вовсе не просил прощения, нет, он пришел чтобы как-то объясниться: еда была такая горячая, он прямо сгорал заживо, оттого и был сердит.

— Да, все ладно, — сказал Клеменс. — Почему вы носите на шею такую толстую повязку?

— Не знаю, поможет ли это, но у меня в горле какая-то гадость, и я пробую все средства подряд.

— Дифтерит?

— Не знаю.

— Дайте-ка я взгляну, — приветливо сказал Клеменс и встал.

— Там ничего не увидишь.

— Да я и не врач, — сказал Клеменс и снова сел.

— Врач! — желчно хмыкнул штурман. — Будто врачи хоть что-нибудь понимают. Не стану даже рассказывать вам, что они нашли у меня в горле. — И он подозвал Алекса: — Возьми швабру и подотри эту мокреть.

Они прибыли в порт и отшвартовались, молочные бидоны и прочие товары отправились на берег. Теперь все были свободны. Абель был свободен, Клеменс подошел к

киоску и купил газеты, Абель был не охотник до газет, он завел разговор с машинистами. Наступил вечер. Клеменс лежал в парадной каюте номер один.

Ночью Лолла дважды коротко постучала в дверь капитанской каюты и быстро вошла туда. Горел верхний свет, тикал будильник, было примерно два часа ночи.

— Ты не звонил?

Абель, не поворачиваясь:

— Нет.

— Странно, а дощечка с твоим номером откинулась.

— Иди, ложись, — сказал он.

— Да, конечно, лягу. Тебе ничего не нужно?

— Нет, спасибо.

— Ты извини, что я не совсем одета.

— Ступай, Лолла, ложись.

Он не повернулся, он не взглянул на нее, она уже не первый раз навевалась к нему таким манером. Это же надо так заботиться о «Воробье» и его людях, чтобы расхаживать по ночам и проверять, все ли в порядке.

На обратном пути с ними ехала корова. И впрямь юная красавица. Она чуть побаивалась, но не сопротивляясь поднялась по мосткам, и не было на палубе ни одного человека, который держался бы лучше, с большим достоинством. «Куда мы ее устроим? Сюда? Или, может, сюда?» — «Или, может, отведем ей каюту?» — спрашивал один шутник. Корове воздавались всяческие почести, ее похлопывали и поглаживали, а девушки-официантки принесли ей всякие лакомства. «Как ее зовут?» — «Клара, как я слышал, — отвечал мясник Матисен. — Ну, не говорил ли я, что она — человек».

Клару поставили в тихий уголок, где возле нее все время кто-нибудь сидел и разговаривал с ней. Когда корабль, обогнув маяк, вошел в тихую заводь, Клору отвязали и предоставили ей невозбранно гулять по палубе. Стоя у релинга, она разглядывала приближающийся берег. Большие, кроткие глаза вбирали впечатления.

Клара сошла на берег, а на палубу тотчас вихрем ворвался другой человек — то был таможенник Робертсен. Он кого-то поискал наверху и внизу, заглянул в салон. Там чем-то занималась буфетчица.

— Где Абель?

— Абель?

— Где Абель, я спрашиваю?

Буфетчица не ответила и продолжала заниматься своим делом.

— Дура! — прошипел Робертсен и помчался дальше.

Абеля он, разумеется, застал в капитанской каюте, Абель был у себя. Робертсен и сам мог бы о том догадаться, но слишком уж он разгорячился. Он бушевал, он трясся, он кричал, что Абель еще пожалеет, еще раскается! Неслыханная наглость — насрать полицию на человека, который никогда ничего дурного не сделал. Но дайте срок, они еще вволю насмеются, на Лоллу он уже заявил и заявит на всю их семейку, отец-то у нее прижил ребенка со служанкой, до того как задать деру. Абелю придется взять свое заявление обратно! Это же просто неслыханно — допрашивать официальное лицо, государственного чиновника!

Клеменс не хотел сходить на берег, не попытавшись еще раз соблазнить Лоллу новыми книжками — пусть она все-таки наведается к нему и возьмет все, что ни захочет. Лолла учтиво поблагодарила и извинилась тем, что на корабле у нее почти не остается времени для чтения. А что, если капитан когда-нибудь в порядке исключения надумает прочесть книгу? Но он не читает книг, он читает только календарь, он внимательно его изучает. Она, Лолла, просто его не понимает. Интересно, какое впечатление сложилось у Клеменса о капитане?

Да, конечно, отвечал Клеменс, а книги она может брать, когда захочет, если ненароком будет проходить мимо...

XXI

В Страстную пятницу «Воробей» рейсов не делает. Страстная пятница — большой праздник, вот он и не делает, нет и нет. Но как же так получается: рядом отшвартовался другой каботажный пароходик, он и по праздникам ходит, и по другим дням, без исключения. Это вам не молоковоз, который по праздникам стоит на приколе.

От беспокойства и незанятости Абель поглядывает на пароходик — он не прочь бы там очутиться. Одна только мысль об этом вызывает в душе вспышку, и радость распускается словно цветок. Он кричит штурману пароходика, который сидит возле машины и курит трубочку: «Уже звонили?» Штурман, может, и отвечает, но не так, чтобы его можно было слышать. Абель торопливыми шагами

устремляется к нему и спрашивает, будто это Бог весть как важно: звонок давали?

— Первый, — отвечает штурман и тут же дает второй. Вспышка в Абеле гаснет. Какое ему дело, давали звонок или нет, он все равно не может поехать — у него нет денег. Раздается третий звонок.

— Я просто так, — говорит он, — тут одно письмо...

Благоприятная возможность безнадежно упущена. Точно так же ему предстоит упустить и следующую. На первый день Пасхи он тоже не смог уйти, а на второй уже снова возил молоко. И не оставалось никакой надежды вырваться с корабля до Троицы. А до нее еще целых семь недель.

За это время к нему много раз заявлялась полиция с расследованием. Робертсен стоит на своем: что это собственноручная подпись Абеля, и жена его, и дочери видели, как он проставил свое имя сперва в альбомах для стихов, а потом — под долговым обязательством. Те же буквы, то же перо, те же чернила — пожалуйста, можете отправлять на экспертизу, говорит Робертсен. А полиция говорила так:

— Если подпись Абеля действительно подделана, чего ж он тогда пошел в банк и выкупил поддельное обязательство? Очень странно.

Они столько времени его терзали, что он впал в прежнее равнодушие и плюнул на все. В довершение несчастья об этом проведала Лолла и крайне разволновалась. Как он мог собственными руками разворошить старую историю, которую сам же в свое время похоронил? Неприятное для него выдалось время.

Он стоял на своем мостике, по времени между началом лета и Троицей, вел «Воробья», ненавидел его и презирал. Он испытывал глубокое разочарование, он был истерзан необходимостью соблюдать какие-то нормы поведения и проявлять внимание к тому, что его решительно не привлекало. Но что же тогда его привлекает? Жить как Бог на душу положит и плыть по течению? Вот на лесопильне в Канаде он мог работать, но это было много лет назад. В родном городе он сумел однажды спасти человека по имени Алекс, но и это было много лет назад, просто случай, вспышка — и опять ничего.

Жизнь на корабле тоже ни к чему его не побуждает, ну ни капельки. Идиотизм повседневного бытия, единожды утвержденный, остается без перемен, его лишь слегка разнообразят молочные бидоны, которые надо поднять на

борт, и бидоны, которые надо снести на землю. Ну как это выдержать? Безопасность самого парохода — продуманная надежность в любом закутке, любом углу тяготила его — фарфоровая дощечка над каждой дверью, чтобы не ошибиться, кнопки, чтобы их нажимать, и подушки, куда ни глянь — всюду подушки. Не в том дело, что он жаждал опасностей и смерти, для этого он был слишком равнодушным, но перемена доставила бы ему какую ни то радость. На больших парусниках есть, по крайней мере, такелаж, по нему можно лазить вверх и вниз, а здесь — настоящие лестницы с коврами и медными перилами, и никакого тебе такелажа.

Но разве он не занимает сейчас именно тот пост, который ему по плечу? Разве он какой-нибудь предводитель с саблей наголо, из тех, что очертя голову бросаются на штурм: за мной, ребята! Нет и нет! Однако при всей своей незначительности он не лишен характера. А это уже нечто. Он наделен божественным равнодушием ко всему происходящему. И это тоже нечто. Он способен многое терпеть, способен выносить лишения. Он не пытается спрятаться за чью-то спину в поисках защиты, он исполнен великодушной терпимости, и вовсе не думает, будто обладает чем-нибудь, что нуждается в защите.

Его слабая предприимчивость и более чем средняя интеллигентность — единственное, что он взял на вооружение, позднее это становится для него единственным оружием, но зато оружием надежным и совершенным и означает для него суверенность. Такая вот суверенность.

Погода и ветер оставляют его равнодушным. Небольшие перемены, кой-какие неполадки в машине — тоже. Не говоря уже о событиях другого рода: когда в него, например, стреляли. Когда Алекс какое-то время тому назад стрелял в него, он как раз стоял и завязывал шнурки на ботинках — и довязал до конца. Он и сегодня поступил бы точно так же — завязывал бы, пока не завяжет.

Если бы он, по крайней мере, скрылся куда-нибудь вместе с пароходом, чтобы его пришлось искать. А он вместо того делает совсем другое: разъезжает с молочными бидонами по крестьянским хуторам и возвращается домой под вечер.

В рубке висела карта с маршрутом «Воробья». Безотрадный маршрут, прямой как железнодорожная линия, он и пролег точно так же — откровенно и нагло, не испытывая стыда. Абель стоял на мостике и видел, что нет ни малейшей надежды совершить ошибку, весь маршрут шел

вдоль берега, но не на санках, нет, он обречен шлепать по воде. А когда он подходит к берегу, люди что говорят? Это что, пароход пришел? Нет, это просто «Воробей».

Неделя за неделей — на капитанском мостике. На подходе — Троица, ну и что с того? Он не мог прихватить кассу и сбежать, потому что кассы у него не было, он только вел счет. Он мог бы продать кое-что из одежды старьевщику, но получит-то он за нее всего ничего. А этот подлец Робертсен и лодки не продает, и долги не платит.

Сегодня он прибежал на мостик в последнюю минуту, времени, чтобы толком одеться, у него не было, а потому на нем нет воротничка, а есть только куртка поверх рубашки. Все равно. Конец мая, на дворе теплынь.

Пассажиров нет, никто не уезжает из дому перед самой Троицей, только слепому шарманщику помогают взойти по трапу вместе с шарманкой. Сегодня он не хромотает, нет у него и язв на ноге, но он все так же слеп и, по обыкновению, движется ощупью. Руки у него до смешного маленькие, кожа нежная, потому что этот лентяй никогда в жизни не работал. Он бывает очень доволен, когда люди разглядывают его маленькие руки и приходят к выводу, что он благородного происхождения.

Лолла поднимается к капитану с недостающими деталями туалета, чтобы он надел их в рубке. Она уже не первый раз приносит ему одежду, так щепетильна она во всем, что его касается, он должен быть в полном параде еще до первой остановки. У каждого свой бзик, вот Лолла, та, например, леди.

— Помочь тебе повязать галстук?

— Нет, спасибо.

Она уже не раз это ему предлагала и неизменно получала отказ, ему не хочется, чтобы ее грудь прикасалась к его груди, чтобы ее дыхание задевало его лицо. Впору криком кричать. Вообще-то дыхание у нее приятное, слишком даже приятное.

— А вот тебе чистый носовой платок.

— Спасибо.

Лолле не остается ничего другого, кроме как уйти.

Она не посмела снова завести речь про Робертсена, хотя история эта неотступно ее терзает, более того, она даже напевает, спускаясь по трапу, словно ей все безразлично, она просто оказала капитану обычную любезность. Капитан

благодарил ее и со своей стороны тоже был любезен, ему тоже не оставалось ничего другого.

Часы подошли к концу, долгие часы утренней вахты, капитана сменяют, и он идет к себе в каюту. Одновременно поднимается со своего места слепой шарманщик и следует за ним. Он двигается вовсе не ощупью, он зоркий, как сокол, он следует за ним и очень спешит. Он без стука открывает дверь капитанской каюты и заходит. Потом закрывает за собой дверь. Но чтобы казаться совершенно слепым, он спрашивает:

— Это вы — Бродерсен, капитан на «Воробье»?

— Чего-чего? — разевает рот Абель.

Шарманщик протягивает ему письмо, произносит два слова, объясняя от кого это письмо, письмо от фру Ольги Гулликсен, и тотчас ныряет в дверь. Прочь, скорей, чтоб никто его здесь не увидел.

А, от Ольги, деньги и письмо: «Извини, что всего половина денег, напрасно я до свадьбы не попросила у него две тысячи — а так он уже заполучил меня и не дает. Так что надейся на будущее и счастливой тебе Троицы, дорогой Абель, кончаю, спешу».

Да-да-да, ну конечно же, Ольга — это единственный благословенный человек на земле, она вознесла его на гребне высокой волны, и он пребывает на этой высоте. Трудно удержаться и не рассказать об этом кому-нибудь, но не сошел же он с ума, он человек хитрый, он прячет письмо и деньги у себя под сорочкой. Он улыбается и остаток рейса проделывает словно во сне.

Вечером на конечной станции он отыскивает Лоллу и приветливо с ней разговаривает. Лолла побледнела от тяжелых мыслей, Робертсен ее осрамил и погубит. Да не погубит, сказал Абель, Робертсен ничего ей сделать не может. И вдруг он спрашивает, словно свалившись с другой планеты:

— Лолла, ты случайно не помнишь, мы Лоуренсу в тот раз деньги посылали?

— А других забот у тебя нет?

— Мне как-то странно, что он не вышел на свободу и не написал мне.

— Да посылали ему деньги.

— Спасибо, Лолла. Ты всегда так четко улаживаешь все дела. Кстати, ты помнишь, тут рассказывали про корову? Она была так привязана к своему дому, что ночью сбежала домой, ей хотелось быть там, откуда она родом. Как ее звали, ту корову?

— Клара.

— И еще говорили, что во все здоровые и чистые существа заложено стремление жить там, где они были детьми. Да. Вот я и не пойму, что это с Лоуренсом.

Лолла закрывает лицо руками, такое отчаяние и растерянность вызывает у нее Абель. А он улыбается, его явно что-то радует, и еще ему жаль, что она так убивается из-за него, ему от души жаль ее, и он хочет ее утешить и успокоить.

— Извини, что я заговорил про Лоуренса. Он ирландец, но восемнадцати лет приехал в Мексику и с тех пор не был на родине. Он оборвал свои ирландские корни.

— Боже мой, ну о чем ты думаешь! — Лолла всхлипывает, потом начинает плакать.

— Понимаешь, он был сыном арендатора и собирался справлять свадьбу. А она возьми да и выйди за другого арендаторского сына.

Лолла начинает прислушиваться.

— А почему она так поступила?

— У нее было наготове оправдание, что, мол, она должна выйти за другого.

— А-а, — говорит Лолла растерянно.

— И тогда Лоуренс покинул Ирландию и больше туда не возвращался. Куда же, спрашивается, делась его любовь к родине?

— Н-да, — говорит Лолла.

— Я хочу кое-что рассказать тебе про Лоуренса.

— Да-да, — покорно соглашается Лолла. Она уже заметила, что Абель находится где-то на другой планете, но сама она так измучена тревогой, лучше что угодно, чем сидеть и размышлять. — Он объяснился с девушкой перед тем как уехать?

— Да, но она сумела оправдаться, так что он больше не хотел ее судить. Он мне сам это рассказал. «Иди себе с Богом», — сказал он ей. «Иди и ты с Богом, — сказала она ему, — и поцелуй меня на прощанье». Но он не захотел ее целовать, она к тому времени уже очень изменилась, и лицо у нее стало некрасивое. «Ну хоть раз поцелуй!» — сказала она, а он ее целовать не хотел. Он только сказал ей снова: «Иди себе с Богом», — и ушел от нее. Она ему потом писала, но он не ответил на ее письмо.

Лолла:

— А как он выглядит, этот Лоуренс?

— Отлично, можешь мне поверить. Мы встретились в молодости и держались вместе, даже будучи в разлуке, а

когда мы снова встречались после всех писем, которые написали друг другу, мы снова держались вместе. Поначалу он был не такой шустрый, как я, когда надо было освоить какое-нибудь новое дело, но зато именно он спасал нас обоих от полиции, потому что видом был лучше.

— А вас что, искала полиция?

— Нет, разве что изредка. Понимаешь, чтобы тобой заинтересовалась полиция, многого не надо. Когда мы были на воле, у нас не было ни крыши над головой, ни пропитания, ни денег, нам доводилось, конечно, скovyрнуть порой какой-нибудь замок либо высадить окно, а забравшись внутрь, мы могли открыть и другие замки, чтобы найти что ни то для поддержания жизни. «Это строжайшим образом запрещено», — говорила нам полиция. Но тут Лоуренсу просто не было равных, он рвал рубашку на груди и показывал, как мы отощали. «Вы только поглядите!» — кричал он, хотя мы, может, вовсе и не были такие тощие.

Лолла до того заслушалась, что даже позволила себе улыбку.

— Забавная жизнь! — сказала она.

— Он был достойный парень и добрый католик, ходил к исповеди, и все его уважали. В Мексике он даже ввязался в какую-то революцию, но бросил это дело, а в Канаде стал полицейским. По-прежнему видный и блестящий, как звезда, но к тому времени он начал сильно поддавать. Я встретился с ним в Канаде и частенько вырывал рюмку у него из рук и выливал на землю, а он не спорил. Он три года проработал в полиции, потому что был вполне еще расторопный, а потом — стоп. Когда мы вместе с ним приехали в Штаты, настроение у него было вполне бодрое, на дворе весна, он нашел работу на кладбище — обкладывать могилы дерном. А я нашел работу в небольшой мастерской и набивал пружинные матрацы. Работа, конечно, была не самая подходящая ни для него, ни для меня, хотя Лоуренс с молодых лет привык ковыряться в земле и отлично обкладывал могилы дерном.

Проработав какое-то время и поднакопив деньжонок, мы купили на каждого по шерстяному пледу и пошли бродить по штатам. Ко времени пахоты мы устроились работать на большую ферму, а в полевых работах Лоуренс тоже знал толк, он хорошо работал и стал вторым человеком после хозяина, а нас там всего было десятеро. Когда сев закончился, мы побрели дальше и дошли до Кентукки. Деньги у нас водились, мы отлично прожили лето, а осенью снова подрадились работать на ферму и накопили денег на зиму.

Все складывалось как нельзя лучше, а с тех пор, как мы ушли из Канады, прошел год.

Но Лоуренс начал пить по-черному. Сперва я оправдывал его тем, что мы осели в негритянском поселке, а когда ничего кроме негров кругом не видишь, так и не захочешь, а запьешь. Мы к неграм хорошо относились, и поют они хорошо, и так далее, но чтобы с утра до вечера на трезвую голову хорошо относиться к неграм! У некоторых были совсем белые волосы и бороды, а лицо черное, ну, совсем не такие, как мы, то ли они из-под земли вылезли, то ли с Луны свалились — так нам казалось, и еще они никогда не смеялись, у них рот не так устроен, чтобы смеяться. У Лоуренса одно время жила в хижине девушка-негритянка, она стелила постель и готовила еду, не выпуская изо рта сигарету, а что пепел всюду падает, ей и горя мало. Мне бы и наплевать на все, но Лоуренсу она надоела, он оттаскал ее за волосы, а когда она убежала, остался один. Он не мог сам о себе позаботиться, ему бы надо уйти, а он не ушел и опускался все ниже и ниже. Он тосковал и пил, тосковал еще больше и пил еще больше, так взрослый человек своей судьбой не распоряжается. И некому исповедаться, говорил он, надо все зажимать в себе.

Весной мы бросили негров, и пришли в город к белым, и подыскивали себе работу, и думали, что теперь все будет хорошо, но Лоуренс уже слишком пристрастился к вину. Там-то он и получил письмо от нее из Ирландии. Он говорил мне, что ни разу не ответил ни на одно ее письмо, но я думаю, он говорил так для важности, потому что, бывало, куда мы ни придем, ее письмо уже нас дожидается. Стало быть, она знала, где он есть. В письме она писала, что муж ее бросил. «Плохо-то как», — сказал, помнится, я. Лоуренс не принял эту новость близко к сердцу, она для него и впрямь ничего больше не значила, а досаду вызывало лишь одно: это он ее потерял, это другому она досталась.

Но, конечно, с его стороны была большая глупость так много пить, мы с ним об этом много говорили, он согласился со мной, что ему пора завязывать, и дал мне в том руку. Теперь он захотел снова вернуться в Мексику, сходил к исповеди и уехал туда. Не было его ровно год, а вернулся он как знатный господин — сапоги с отворотами, бархатный воротник на куртке. Он был очень крепкий и красивый и не буянил больше так, но конечно же вытворял всякое непотребство, когда на него накатывало, потому что вернулся он при больших деньгах, как бы они ему ни достались. Впрочем, все мы люди, все человеки. Я все это время проработал

в том же городке, в мастерской, мы чинили автомобили и другие машины, я боялся потерять место, а потому не так уж часто проводил с ним время.

Лолла слушает, слушает внимательно, она даже говорит:

— Он и вообще-то был для тебя неподходящая компания.

Абель:

— Вот как? Тогда ты просто не знаешь Лоуренса. Это была компания самого высокого разбора, какую ты только можешь себе представить. Он мог быть и серьезным и богобоязненным. Просто не возмь в толк, как ты могла такое сказать.

— Я это поняла из твоих рассказов.

— Ладно, могу привести тебе пример. Пошли мы с ним как-то вечером в дансинг, сидели там и ужинали с двумя дамами, которых он знал. А за соседним столиком ужинала парочка, которая выводила нас из себя, мужчина слишком много говорил, и кельнер все никак не мог ему угодить, и каждую минуту он повторял свое имя: «Не забывайте, что меня зовут Клонфиль!» Верно, он из французской Канады, подумали мы. Впрочем, все кончилось бы вполне благополучно, не будь у этого мужика такой зычный голос, что он даже заглушал музыку. Словом, мы с первой минуты могли на него разозлиться, но мы терпели. Но когда тебе пять раз подряд скажут «Меня зовут Клонфиль!», всякое терпение лопнет, вдобавок этот мужчина все поглядывал на наш столик и выпендривался, потому что наши дамы были красивее. Кельнер принес им заказанную еду, хорошую еду, но ему она не понравилась: «Заберите эту гадость, меня зовут Клонфиль!» — «Господи, что он прицепился к своему имени?» — сказали наши дамы. А Лоуренс, тот ничего не говорил, он низко склонил голову над тарелкой и ел, ел, пока не доел все. А мужчина за соседним столиком не унимался, он стукнул кулаком по столу, посылая вызов всему залу. Вышибала держался поодаль, он не хотел его выгонять, потому что тот пил дорогое шампанское. Но все, конечно, понимали, что Лоуренс не терпит, когда какой-то человек пялится на его дам, он бы и меньший грех не потерпел.

И вот когда этот человек наконец решил поесть и взял в руки нож и вилку, Лоуренс встал и подошел к нему. Схватил его за шиворот, прижал носом к столу и говорит: «Прочти сперва застольную молитву!»

Лолла всплеснула руками:

— В жизни такого не слышала!..

— Теперь ты видишь, какой он был порядочный человек. «Помолись», — говорит!

— И тот человек помолился?

— Ну, не сразу. Сперва он поднял лицо, а когда увидел, с кем имеет дело, рухнул лицом в столешницу, в знак того, что сдается. Когда Лоуренс его отпустил, он встал, а Лоуренс называл его Пат. «Ну, Пат, опять взялся за старое? Never mind¹, но все равно прочти сперва застольную молитву!» Тот человек сел, улыбнулся как дурак и прочел молитву. «Спокойной ночи», — сказал Лоуренс и отошел.

Лолла опять:

— В жизни такого не слышала!.. А кто такой был этот Пат?

— Кто? Да никто, наверно. Вчера выпустили, ночью взял кассу, вечером гуляет, а утром сядет по новой. Вполне возможно, Лоуренс только и сказал: «Один знакомый с моих полицейских времен». Но ты послушай, Лолла, что за человек был Лоуренс. Подходит он к Пату и говорит: «А теперь возьми меня за шиворот и прижми к столу, как я тебя прижимал». Пат успел протрезветь и не захотел, но когда услышал, что Лоуренс больше не служит в полиции, что его отставили, согласился. «Вот это благородно с твоей стороны», — сказал он и крепко прижал Лоуренса лицом к столу. А потом они подали друг другу руки.

Лолла покачала головой:

— Я такую жизнь не понимаю.

— Ну конечно, это не похоже на здешнюю жизнь. В тот вечер я впервые увидел Анджелу.

— Кого-кого?.. Ах да, ее...

— Она сидела за нашим столиком, милая и доверчивая, из них двоих — самая красивая, красивее всех в этом зале. Я таких никогда не встречал. Лоуренс был с ней раньше знаком, но провожать ее пошел я. Она легла, а я сидел на краю ее постели и за всю ночь не посмел ни о чем ее попросить, такая она была красивая. Так шло время, и я подарил ей шелковое платье, чтоб было что надеть, когда мы выходили с ней гулять. И в благодарность она захотела кем-то стать для меня. Вот как у нас все сложилось. Но мы слишком много времени проводили вместе, и я совсем запустил свою работу в мастерской, и это было очень плохо для нас обоих. Анджела думала, что это пустяки, и когда мы поженились, она с готовностью последовала за мной в

¹ Это пустяки (англ.).

тот негритянский поселок, где мы когда-то жили с Лоуренсом и где меня знали. Там можно было жить почти задаром, я ловил рыбу, посадил сладкий картофель, а по ночам бродил вокруг и всякий раз что-нибудь находил. Нам было очень хорошо...

— Да, похоже на то по твоему рассказу.

— По моему рассказу? — Румянец заливаает щеки Абея, и он восклицает: — Я опять хочу съездить туда!

Лолла:

— Чего-чего ты хочешь?

— Это была шутка, неужели ты не понимаешь шуток? Но перед тем, как умереть, я хотел бы... там есть одна могила...

День спустя на обратном пути на борту остались только матросы из команды, даже слепой шарманщик и тот сошел на берег. Праздничный вечер, Троица и погода отменная. Лолла решила вечером дойти до своего домика, провести мать и побыть у нее до второго дня Троицы. А где проведут Троицу капитан со штурманом, нечего и спрашивать, конечно же останутся на корабле. И еще останется одна из девушек, чтобы им готовить.

Часы проходили.

— Это кто там поет? — с удивлением спросила буфетчица.

Девушка сбегала посмотреть и доложила:

— Капитан.

— Капитан? — недоверчиво переспросила буфетчица. — Странно, странно...

Они причаливают. Тот каботажный пароходик еще в пути.

Но Абель проявляет непривычную суетливость, он как раз надумал сменить капитанскую форму на партикулярное платье. Чуть приоткрыв дверь, он спрашивает, ушла ли буфетчица, и девушка отвечает «да». Но когда Абель выходит на палубу в своем элегантном сером костюме и до того нарядный, что почти и узнать-то нельзя, буфетчица тут как тут.

— Ты хочешь сойти?

Абель ухитряется изобразить улыбку и полнейшее дружелюбие.

— А разве у нас не Троица? Я решил принарядиться и немного проводить тебя, если ты, конечно, позволишь. Кстати, мне надо кой-чего купить, пока не закрылись лавки.

Почти у города он слышит, как свистнул каботажный пароход.

— Мне сюда, — говорит он, — до свиданья, Лолла.

На беду он угодил в маленькую лавочку, которая торгует кой-какой снедью, мылом, свечами, яйцами, апельсинами, — что тут подумает Лолла? Пришлось ему извиниться перед хозяйкой, сказать, что он ошибся, и уйти. Воровато озираясь, он выходит из лавки и видит, что Лолла стоит на прежнем месте и наблюдает за ним. Он юркает в соседнюю лавку, это крестьянская торговля, здесь продают всякую всячину, от игрушек до упряжи и сапог, и когда он покидает эту лавку, Лолла уже идет прочь, но оглядывается и смотрит, смотрит. А он не может больше ждать и припускает бегом, не заботясь о том, следует за ним Лолла или нет.

Каботажный пароходик дает уже второй звонок, а немного погодя — третий.

Абель врывается на борт «Воробья», хватая револьвер, что спрятан в кармане тонких брюк, и мчится прочь. Слишком поздно, каботажный уже отвалил, он описывает привычную дугу, чтобы потом развернуться, на лодке его вполне еще можно догнать. На лодке... но ведь у Абеля в распоряжении есть одна, две, три лодки, рядом привязанные к причалу, это лодки Робертсена, он бросается к первой, отвязывает ее и берется за весла. Кругом бурунчиками вскипает вода, и он успевает догнать пароходик как раз на повороте.

— Брось конец! — кричит он, отталкивает лодку ногой и вскарабкивается на борт.

Вот он уже стоит на палубе и глядит назад. На пристани — ни души, там остался только высокий силуэт Лоллы.

XXII

Полиция его задержать не могла, он ведь не сбежал с кассой, он просто ушел. Возможно, он собирался вернуться с поддороги, потому что вся его одежда осталась в каюте, возможно, он просто надумал прокатиться в честь Троицы, а завтра воротится.

Лолла предупредила Вестмана и других членов правления, она не скрывала от них, что Абель, по ее мнению, уехал насовсем. Спрашивается, что теперь делать? Не говоря уже о том, что Лолла служила на «Воробье» буфетчицей, она вдобавок владела большинством акций, словом, ей было отнюдь не безразлично, чем все кончится. Так что пусть правление действует.

Они прождали весь первый день Троицы. Абель не дал о себе знать телеграммой и вообще не объявился. На второй день «Воробью» предстояло выйти в обычный рейс, а капитана у него не было. Конечно, можно было снова пригласить Ульрика, но единожды избавившись от него, они не очень-то жаждали получить его обратно, уж слишком он буянил. Оставалось попросить штурмана Грегерсена, пока суд да дело, вести пароход, а Лоллу — исполнять обязанности буфетчицы.

Штурман Грегерсен был в плохом настроении и с ходу начал отбрыкиваться: у него болит горло, приходится полоскать его коньяком.

— Да, — отвечали они, — но за лето горло болеть перестанет.

— Будем надеяться, — сказал Грегерсен угрюмо и злобно из-за того, что посторонние люди позволяют себе рассуждать о его горле.

— На том и порешим, — сказали они.

Нет и нет. Грегерсен желал сперва все хорошенько обдумать.

Но «Воробей» должен выйти завтра в семь часов?!

Грегерсен, досадуя на их настырность:

— Ладно, так и быть, соглашусь, но ненадолго, учтите. Вы спорите с больным человеком, а у меня слишком болит горло, чтобы заводить долгие разговоры. Но так уж и быть, раз сказал, значит, возьмусь. А кто будет меня подменять?

Кто-нибудь из команды, думалось им, старший.

— Выбирайте сами.

Дело наладилось, все наладилось. Грегерсен за капитана, а подменял его Алекс. Он проработал меньше других, но проходил на «Воробье» уже тринадцать месяцев и знал все, что знают другие. Вдобавок он был вежлив и хорош собой, и его можно было приспособить на продажу билетов. Черт подери, если не Алекс, то кто же?

Но потом все затянулось. Надолго затянулось. Прошла одна неделя, другая — и никаких перемен. Так могло продолжаться лишь в одном случае: если Грегерсен сдастся и будет отправлять капитанские обязанности. Все зависело от Грегерсена. И случилось небывалое: за лето у Грегерсена наступило значительное улучшение, то ли от морского воздуха, то ли от коньячных полосканий. Словом, он не отказался заменять капитана, а буфетчица и Алекс тоже ни от чего не отказались.

Но ситуация не во всем была благополучной: Грегерсен не думал тратить на капитанскую форму, он даже не

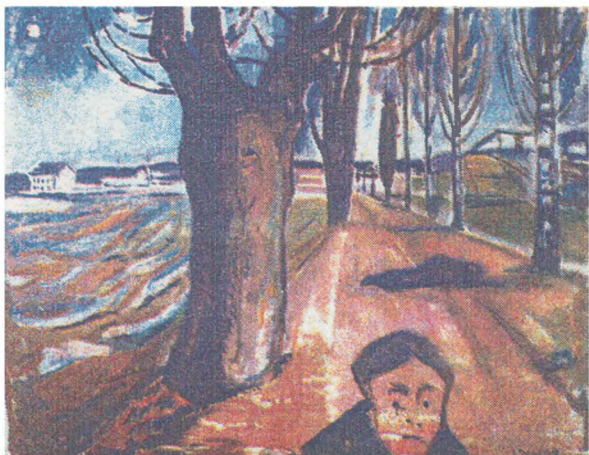
пустил третий золотой шнур по своей штурманской куртке, а потому и у штурмана по имени Алекс не было ни малейших шансов обзавестись хоть одним шнуром. Алексу же не нравилось продавать билеты пассажирам в обычной одежде, несговорчивые порой вообще не желали отдавать деньги человеку без единой нашивки. А ко всему еще одна, новая и довольно сложная проблема: до сих пор Алекс столовался вместе с командой, но теперь он получил повышение и мог рассчитывать на место штурмана в салоне. Как человек вежливый, он ничего не требовал, но попросил официанток замолвить за него словечко. Буфетчица сказала «нет». Отказ дошел до Алекса, когда он уже три месяца проходил в штурманах, и это был жестокий удар. Он напомнил, что женат не на ком-нибудь, а на Лили, на даме, которая в свое время даже была кассиршей на лесопильне. Тогда тем более нет, сказала как отрезала буфетчица, тоже мне, Лили, нашел чем хвастаться. Ближе к Рождеству Алекс начал прикидывать, не стоит ли ему обратиться с жалобой в профсоюз.

Словом, все у него шло наперекосяк и во всем не везло! Грегерсен не перебирался в капитанскую каюту, Алекс соответственно не мог перебраться в штурманскую. Ну и наконец игра в карты. Мог ли он, заделавшись штурманом, по-прежнему играть в карты с командой? Чтобы бывалые матросы Леонарт и Северин насмеялись над ним, предлагали ему определить высоту солнца.

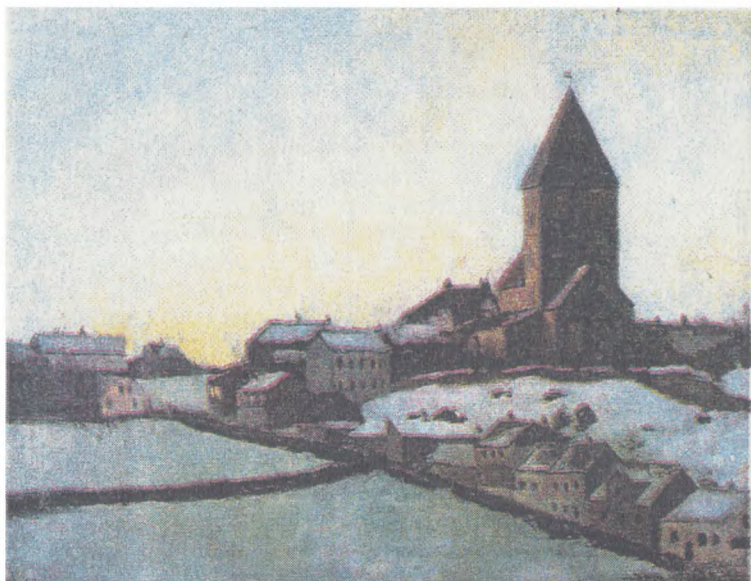
Однако хуже всех пришлось буфетчице фру Бродерсен. Прежде она была матерью капитана, ну пусть не матерью, а мачехой, была леди, а теперь она стала просто буфетчицей, и не более того. Она была дама начитанная, образованная, с хорошими манерами, рослая и представительная, элегантно одетая, гордая, держалась с достоинством и не общалась с каждым-всяким, а теперь все грозило стать подружкою. В дни больших развлекательных выездов находились даже пассажиры, которые считали вполне возможным, чтобы она сама подавала кому кофе, кому полбутылки вина, они-де уже давно заказали. Она выслушивала их наглые требования, не говоря ни слова в ответ. Коль скоро она не желает общаться с каждым-всяким и без толку болтать языком, ей остается только молчать. Перестав быть членом семьи самого капитана, она вообще утратила прежнее положение. Она страдала. И Грегерсен, и Алекс только выиграли — их и в чине повысили, им и жалованье прибавили. А чего достигла она? Дождавшись конца лета, она пошла к молодому Клеменсу.

Лихорадка. 1894 г.

Убийца в аллее. 1919 г.

Церковь. 1880 г.

Крик. 1893 г.

Зимний пейзаж. 1880 г.

**Мадонна на кладбище.
1896 г.**

Смерть у руля. 1893 г.

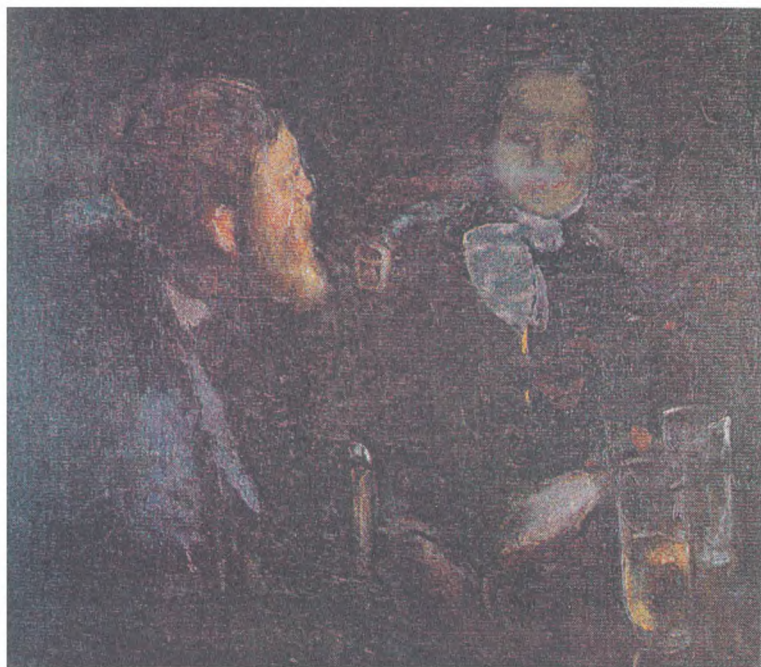
Девушка, растапливающая печь.
1883 г.

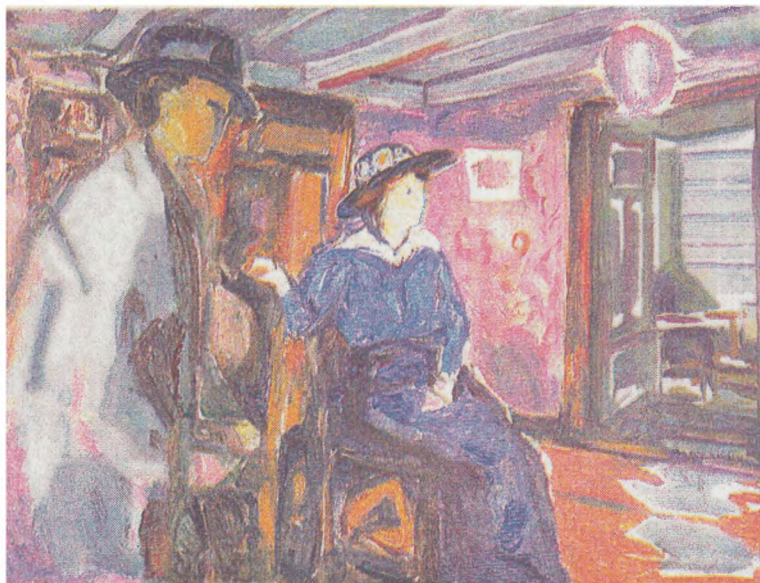
В больнице. 1882 г.

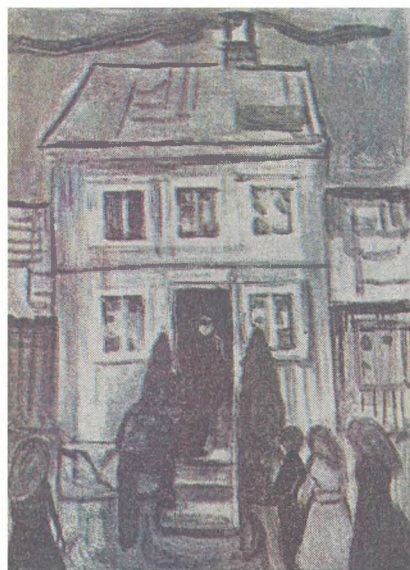
Каба́ре. 1886-1889 гг.

Наедине. 1885 г.

Мужчина и женщина. 1912-1915 гг.

Вынос гроба. 1898-1901 гг.

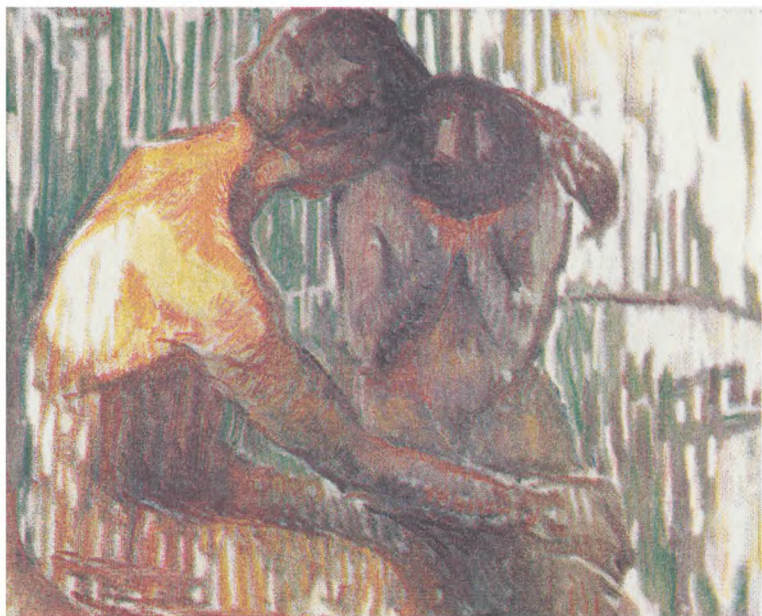
Комната больного. 1886-1889 гг.

Наследство. 1897-1899 гг.

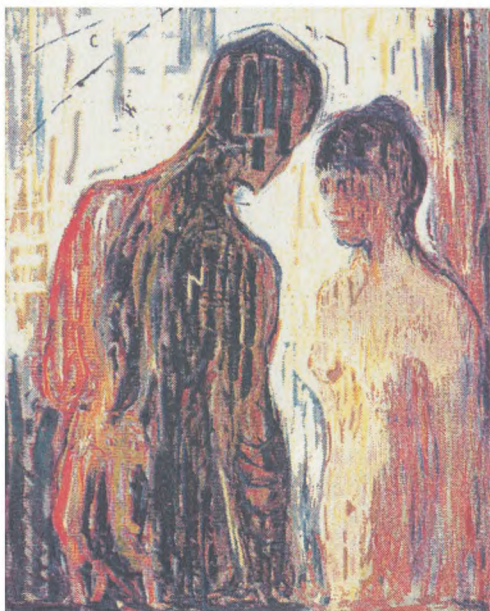
Меланхолия. 1899 г.

Утешение. 1907 г.

Меланхолия. 1895 г.

Амур и Психея. 1907 г.

**Сцена из семейной жизни.
1898-1900 гг.**

Зимняя ночь. 1900-1901 гг.

Прощание. 1889 г.

Вынос гроба. 1904-1905 гг.

Зимний пейзаж в Крагерё. 1910 г.

Она вполне могла обратиться к Ольге и спросить совета у нее, но пошла она к молодому Клеменсу.

Он выглядел таким же, как и прежде, учтивым и обходительным, хотя, возможно, чуть более счастливым, чем в прошлый раз. Он продемонстрировал ей все книги, которые дожидались ее, а их набралось очень много, он не торопился расставлять их по местам, к прежним книгам, пока она их не просмотрит.

За такую трогательную заботу она могла лишь учтиво поблагодарить и принять заинтересованный вид. Но пришла-то она с другой целью, и пусть он извинит ее за то, что она отнимает у него время. Так вот, нельзя ли немного посвятить его в ее личные дела?

Ну конечно же, о чем речь! Она сегодня и впрямь выглядит удрученной.

Лолла улыбнулась:

— Зато вы как раз наоборот.

Ну что о нем говорить... У него дела идут неплохо, ему поручили вести несколько больших дел, одно из них он только что выиграл, между прочим благодаря полубовному соглашению. Так что он на жизнь не жалуется. А как она?

— Капитан Абель... он уехал.

Об этом Клеменс уже слышал. Удивительная личность.

— Сбежал, — сказала она. — Других слов я просто не подберу.

А ей, в общем-то, надоели и работа, и сам корабль, как же ей теперь быть?

Клеменс правильно ее понял, он ни на секунду не подумал, что она намерена поступить к нему в услужение. Или — или все-таки подумал? Представьте себе, на какое-то короткое, удивительное мгновенье эта мысль промелькнула у него в сердце. Он растерялся.

— Да, мы все можем задать себе вопрос — как нам теперь быть, — сказал он и потом еще добавил: — Милая Лолла.

Но ей-то как быть?

Молчание.

Между прочим, она, пожалуй, не откажется от рюмочки вина, раз уж пришла к нему?

Лолла, залившись румянцем:

— Вы... вы, верно, шутите?

Но ведь она же приносила ему кофе и пирожные на пароходе, и с ее стороны это было так любезно, он до сих пор не забыл. И раз уж она пришла, он сходит за бутылкой.

С этими словами Клеменс встал.

— Ну зачем же вы сами?

— Пустяки.

Но Лолла поднялась и пошла за ним следом. Она еще с прежних времен не забыла, где у них стоит вино. Можно, она ему поможет?..

Они принялись за дело, на пару отыскивали полбутылки портвейна, и Лолла внесла ее на подносе. Они кивнули друг другу и выпили.

Да, пояснил он, ему теперь приходится самому кое-что делать по хозяйству. Регина-то ушла.

— Вот как.

А потом она и вовсе обручилась. Правда, теперь к нему ходит Регинина бабушка, вафельщица. Она приходит каждый день к завтраку. Обедает он где-нибудь в кафе, а на ужин он сам себе берет что-нибудь из кладовой.

Лолла только головой покачала.

Ничего страшного, нужды он не терпит. Да они и не об этом собирались говорить. Уж не намерена ли она уйти с «Воробья»?

Да, она и об этом подумывает.

— Так-так, — сказал он и смолк. Он прекрасно понимал, что она пришла не за советом, а просто, чтобы поговорить с живым человеком. И такое ли уж это безумие — уйти с «Воробья»?

— Такое ли уж безумие? — повторила она. Да, у нее есть место на корабле, и занятие, и заработок, и будущее. Но ей стало теперь там как-то неуютно.

Уж не думает ли она о каком-нибудь другом месте?

Думать-то думает, как бы это получше сказать, не наглость ли это с ее стороны, что она думает о собственной лавке?

Клеменс, снова упав с облаков на землю:

— Лавка... да-да, конечно... небольшая лавка...

— Пусть даже мелочная торговля...

— Да-да, это и впрямь выход.

— Мелочная лавочка, кое-что в витрине, ну и на полках.

А чего ради так ужиматься? Она — держатель акций «Воробья».

Лолла объяснила, что акции принадлежат вовсе не ей, но что она, вероятно, сможет получить под них какую-то толику денег на свои надобности.

Ну разумеется, сможет.

То, что он счел этот план вполне разумным, ее несколько приободрило, и тогда она задала еще один вопрос: не

может ли господин Клеменс помочь ей на первых порах, когда надо будет оформлять патент на торговлю, контракт на аренду помещения и тому подобное.

— С большим удовольствием.

Она встала.

— Ну а теперь отберите себе несколько книжек, — сказал он, вынося большой лист оберточной бумаги.

Она бы погодила брать книги. Потому что если ей придется переезжать...

Да-да, она, конечно, права. А он сглупил.

Он выпил с ней, они пропустили еще по рюмочке, и потом он проводил ее до дверей. Поскольку она не выказала намерения подать ему руку на прощанье, он сам взял ее за руку и сказал:

— Поскорей приходите снова! Да, и вот еще, тут у нас ведь растет олеандр, с которым вы в былые времена много возились. Раз уж вы здесь, не хотите взглянуть на него?

Она вошла в гостиную, поглядела на цветок, пощупала, не сухая ли в нем земля, и снова направилась к дверям. А он снова взял ее за руку.

Потом она пошла к Вестману и переговорила с ним. Для верности она не отказалась от места, но обронила, что устала ходить на «Воробье». Поэтому она хочет поднатыска старшую официантку, чтобы в случае чего та могла ее заменить.

Она снова стала очень деятельной и активной, поглядывала на лавчонки, которые казались ей подходящими, прикидывала и смекала. Вином она торговать не хочет, но вот сигаретами, выпечкой, фруктами наряду с молоком и сливками, яйцами, консервами и мясными деликатесами. Всего важнее подобрать престижный район и изысканную клиентуру, высший класс. Она повстречала таможенника Робертсена, но теперь она его больше не боялась, да и он ее не укусил, он, напротив, поздоровался с ней, а все потому, что Абель уехал и расследование приостановили. Еще она встретила Ловису Роландсен, ту, что замужем за кузнецом Тенгвальдом, а при Ловисе — четверых из ее бесчисленных чад. Дети стрекотали и прыгали вокруг матери, и почему знать, может, именно эти благословенные чада и делали жизнь приемлемой для Ловисы Роландсен.

Молодой Клеменс очень хорошо ее понял, так сказать, разогнал тучи, на борт она вернулась в лучшем настроении, чем его покидала. Штурман сидел у машинного телеграфа и ку-

рил. Жаль его, он даже не кивнул ей, думал, верно, о чем-то своем и затуманенным взглядом наблюдал воробьев на палубе. Он высох и пожелтел.

— Я вот что подумала, нельзя ли приготовить для вас что-нибудь, что вам будет не больно есть.

Штурман, недовольно:

— С чего это вдруг?

— Ну, может, вам будет не так больно.

— Как оно идет, так пусть и идет.

— Вам, к счастью, чуть полегчало, но я просто подумала, не можем ли мы сделать для вас что-нибудь особенное.

Ее приветливый тон подействовал на него, вдруг очень даже подействовал, он поднялся на ноги и наклонил голову, пытаясь скрыть краску на своем желтом лице.

— Я вам вот что скажу, фру Бродерсен, не имеет смысла. Но все равно большое спасибо.

— Но если вы что-нибудь надумаете, скажите.

— Главное, чтоб не теплое.

— Хорошо. Мы это учтем.

— А вообще ни к чему все это, — сказал он, — летом мне стало лучше, сейчас мне хуже.

— Боже мой, неужели никак нельзя помочь? А врачи что говорят?

Штурман с презрением:

— Они уже год назад хотели засунуть меня в больницу. Один за другим все говорили, чтоб я лег. А я не лег.

— Не легли?!

— Не лег. Так-то вообще я здоров, у меня просто горло болит. Что-то подцепил. А они говорят — немедленно ложись в больницу. Дело, говорят, срочное. Еще в прошлом году. А я вот до сих пор бегаю.

— А вы что-нибудь делаете?

— Я много курю. И еще полощу горло коньяком. Прямо стыдно показывать, но вот, взгляните, я все время ношу с собой бутылочку — прямо как пьяница.

— А от него не жжет?

— Как огнем. Очень жжет.

— Но, по-вашему, это помогает?

— Не знаю. Просто я начал так лечиться. Ну конечно, не помогает. Но ляг я в больницу, тоже бы не полегчало. Они уже в прошлом году сказали, что я пришел слишком поздно. Надо бы мне прийти раньше, когда еще не болело. Так чего ж ради ложиться, если все равно слишком поздно. Они сказали, что это рак, — вдруг выкрикнул он.

— Вы женаты? Мы ведь ничего про вас не знаем.

Штурман не ответил.

— Очень вас жалко, — сказала она в завершение разговора.

Он вдруг стал резким и неприветливым, как всегда:

— Почему это меня жалко? Другим гораздо хуже, чем мне.

Лолла ничего больше не добавила. Когда она ушла, штурман снова принялся разглядывать воробьев. Плохо дело, верно, подумала она. Он все время стоял, наклонив голову, может, не хотел дышать на нее коньяком. Это был крепкий человек с сильной волей, и ожесточение его было законченным и совершенным.

В нем ровно столько злости, сколько в нем болезни, — толковала между собой команда. У них опять было к нему дело, и для этой цели они решили заявиться в полном составе. Северин, как старший из них, будет держать речь. Но Алекс, произведенный тем временем в офицеры, с ними не пошел. И осталось их только двое, Северин и Леонарт — вот и вся депутация.

Но момент для переговоров они выбрали самый что ни на есть неудачный. Штурман досадовал на себя, что так разоткровенничался с буфетчицей, что она подбила его на такие признания, заставила его столько ей выдать — пропади оно пропадом, это настырное участие! Он подбежал к релингу и яростно сплюнул за борт, достал из кармана фляжку и прополоскал горло, после чего сделал вид, будто сплевывает, и снова подсел к машинному телеграфу. Пропади оно пропадом, это настырное участие...

— Вам чего? — спросил он.

— Да вот, — ответил Северин, — мы о том же, что и в прошлый раз.

Штурман встал, но тотчас снова сел, и выходит, что как бы и не вставал.

— Ну так чего, я спрашиваю?

— Чего? Ну... с тех пор как Алекса взяли на капитанский мостик, нас снова осталось только двое, вот он, Леонарт и я. Нам не хватает на борту одного человека.

— Я ж вам сказал, поговорите в дирекции.

— Уже говорили, штурман.

— Капитан.

— Так точно, капитан, уже говорили, капитан.

Он слышит издевку в повторении слова «капитан», но спрашивает дальше:

— И что сказала дирекция?

— Они сказали, что хотят услышать лично от капитана, нужен нам еще один человек или нет.

Штурман встает и больше не садится.

— Северин, нам н е н у ж е н еще один человек.

— Ах так, — говорит Северин, — значит, вы, штурман, не желаете замолвить за нас словечко?

Нет, капитан не желает.

— Вот и все, что мы хотели узнать у штурмана.

Депутация удаляется, бормоча себе под нос, что они все уйдут, что его не выпустят в море, что никто ему не позволит выходить в плавание с двумя матросами вместо трех...

XXIII

Молодой Клеменс завел моду сидеть на скамейке у причала и наблюдать за «Воробьем». Вот и нынче сидит.

Но это уже не начало. Началось же с того, что два дня назад он набрался храбрости и напрямик направился на судно, к буфетчице. Ее очень раздосадовало, что она так нескладно одета, что на ней белый фартук от подбородка до туфель, поскольку она наводила порядок, чистила и драила, перед тем как выйти в море.

И тут откуда ни возьмись молодой Клеменс. Он производил странное и непривычное впечатление, словно малость играл, он был молод, он играл с огнем. «Прекрасная дама!» — сказал он. А ведь не был пьян — подумать только, молодой Клеменс — и вдруг пьян. Но с другой стороны, он говорит: «Прекрасная дама».

Он поразмыслил насчет молочного магазина, но едва ли это для нее подходящее дело. А всего бы ей лучше выйти за него замуж.

Вот что он сказал.

Должно быть, ему и в самом деле надо было сразу все выложить, не то он бы вовек не осмелился.

У нее язык отнялся от изумления.

Он же помогал себе тем, что все время смотрел в пол и продолжал говорить, не умолкая.

Это ему она должна была достаться, она и никто другой. Он двадцать лет о ней мечтал, любил ее, сходил с ума по ней. Вот он пришел и говорил это в первый раз, и даже представить себе не мог, как исказилось при этих словах его лицо. А на нее он и вовсе не смел взглянуть.

— Вы сейчас из дому? — спросила Лолла.

— Да-да, из дому. Но не сбивайте же меня. Так вот... ах да, вы имеете в виду, не заходил ли я куда-нибудь еще. Ни капельки, если желаете, я дыхну. И не сбивайте меня, пока я вам не высказал все.

И он повторил уже сказанное еще несколько раз и кое-что к этому добавил, он долго говорил, он удерживал ее. На ее лице сменилось много выражений, она стала бледная и с интересом слушала каждое слово. А потом обещала подумать о сказанном.

Было это два дня назад.

Теперь она сделала рейс с молоковозом и вернулась. Молодой Клеменс сидит на своей скамейке. Он видит ее силуэт в проеме двери к салону. Она не подала ему знак, но зато принарядилась для встречи, а это тоже знак. Он стремглав бросается на корабль и находит ее в двойной каюте, двери перед ним распахнуты. Они сталкиваются прямо в дверях.

Итак, она много думала, все думала и думала и под конец решила, что это не так уж и нелепо. Но все равно это загадочно и удивительно.

— Что скажет Ольга? — шепчет она.

Через это препятствие он перешагивает без труда. У Ольги свой путь, у него свой.

А его семья, его сестры?

Ну и что? Он женится, а не они. Он и это препятствие перешагивает с такой же легкостью. Он не говорит ей о том, что уже один раз прошел в глазах семьи через скандал, что он развелся и потому семейство должно бы свыкнуться, а вместо того подыскивает совсем другой ответ, более красивый:

— Лучше не будем уклоняться от темы, я должен был жениться на вас, Лолла, и больше ни на ком, двадцать лет я мечтал жениться на вас, даже больше чем двадцать, я уже и сам не знаю, как долго. Я приезжал домой на каникулы, когда все это началось, я полюбил вас, я не ел, я не спал, я любил вас. По мне вы ничего не замечали, но так оно и было, я ни о чем не думал, но так оно и было. Вы помните, ведь когда вы были у нас, у Ольги и у меня, вы тоже ни о чем не догадались, я вел себя не так, чтобы привлечь вас, напротив, я скорей оттолкнул вас, не согласившись помочь вам с этим заемным письмом в банке. А я продолжал жить и чахнуть без вас, дни и месяцы жить без вас в своем собственном доме. И вот теперь я пришел к вам и говорю, что вы должны выйти за меня, а не за кого-нибудь другого, чтобы я наконец получил вас.

Видно было, что она внимательно его слушает, она сидела с полуоткрытым ртом, и ноздри у нее раздувались. Как в молодые годы. Порой у нее мелькали неподходящие к случаю мысли, вспомнился Абель, он был тут совсем ни при чем, а вот вспомнился же.

— А что скажет Абель?

— Абель? — переспросил он и порылся в своей памяти. — Но, дорогая, он ведь твой пасынок.

— Конечно. Это я просто так.

— Не сбивай меня, Лолла, и ничего не откладывай. Я так долго тебя ждал. Абель, говоришь? Ах да, это ты про акции... да пусть они считаются его акции, хоть все. А делать под них заем тебе теперь совсем не обязательно. Мне снова поручили вести два больших процесса. Правда, мой отец отошел от дел и теперь я больше не поверенный, но мне поручили два больших процесса. Первые два прошли так успешно, что мне поручили еще два. Не думай об акциях, Лолла, не думай вообще ни о чем. Я сказал тебе, что ты для меня все на свете, и никогда еще я не произносил столь правдивых слов.

Еще одна проблема:

— Я ведь вдова.

Он снова порылся в памяти:

— Ах да... Вдова некоторым образом.

— Да, некоторым образом. Так-то я девица не хуже любой другой, но вот это...

— Ну да, ты же была обвенчана. Это все знают. В известном смысле я тоже вдовец.

Но проблемы тем не менее были, и не только у Лоллы. Лолла и Ольга, у которых даже имена были почти одинаковые и которые были, можно сказать, водой не разольешь с первых классов начальной школы, — вдруг проявили при встрече явные признаки досады. С чего им, спрашивается, было досадовать? Ну, Лолла, допустим, потому, что другая получила его раньше, а Ольга, выходит, потому, что другая получила его теперь?

Встретились они на улице, и тут именно Лолла казалась смущенной и робкой, будто сделала что-то дурное.

— Лолла! Верить ли мне своим ушам!? Ты, оказывается, вышла за него?

— Получается так, — ответила та с бледной улыбкой.

— Ну и что он говорит по этому поводу?

Лолла, глядя на нее во все глаза:

— Как понимать твой вопрос?

— Ах, прошу прощения! Но ты учла... он ведь человек не простой, он сдержанный и благородный, а теперь на него сваливается один процесс за другим, и тебе будет не так уж просто вести его дом и быть его женой. Впрочем, ты такая работающая, с этим ты справишься. И не давай ему повода в чем-нибудь упрекнуть тебя, он этого не переносит. Тогда он замыкается в себе и как бы уходит.

Лолла тоже хочет уйти.

— Ты, никак, с корзиной? Ты идешь за покупками? У тебя разве нет служанки?

— А зачем мне служанка?

— Ты права. Но что до меня, я привыкла, что при каждой даме должна быть служанка. У меня их две.

Лолла, побледнев от собственной дерзости:

— Ну еще бы, у тебя же столуются все приказчики.

— А, ты и это знаешь? Мой муж этого хочет, потому что для персонала так дешевле. Мой муж вообще делает для других много добра. Впрочем, он может себе это позволить, он очень богат. Но вот что я еще вспомнила: не заставляй его дожидаться завтрака, чтобы он не опоздал к себе в контору. Он в этих вопросах очень пунктуален.

— Так ведь всего десять.

— Ну, я просто потому, что желаю вам обоим добра и чтобы ты ненароком не проспала. А еще он любит, чтоб у него ботинки были начищены, но раз у тебя нет служанки...

— У него все равно будут чистые ботинки. А ты, Ольга, забудь тревоги и перестань тревожиться за моего мужа и за меня. Тем более если ты из-за тревоги не спишь по ночам...

— Признай все-таки, что сперва его заполучила я, что я была за ним замужем и знаю его вдоль и поперек.

— Хорошо, я передам ему привет от тебя, — говорит Лолла.

— Что-что? Ах да, передай. И еще скажи, что я дала тебе несколько ценных советов насчет того, как за ним ухаживать, что я желаю вам всяческого счастья. Что я сама очень счастлива и желаю всем другим такого же счастья. Муж мой совсем недавно предложил мне совершить долгое и безумно дорогое путешествие по морю или пожить в Висбадене, но я отказалась. Я хочу быть дома, с ним, и не покидать его. Ты извини, что я так тебя задержала. Подумать только, ты вышла за него. Трудно поверить.

— Ты ведь сама хотела, чтоб я пошла к нему.

— Ну разумеется. Детей заводить будете?

— Ольга, Ольга!

— Мне думается, ему это не нужно. Я не хотела приучать его к детям, а он сам никогда об этом не говорил. Он такой сдержанный и благородный, он, по сути, куколка, а не человек. Жалко, ты не знакома с Гулликсеном. Его, между прочим, тоже зовут Вильям. Вот это человек, который может за себя постоять. А уж в делах он такой активный и проворный, он зарабатывает кучу денег, я получаю от него все, что хочу.

— Разве его не оштрафовали за неуплату налогов?

Ольга, слегка притормозив:

— Ты и это знаешь? Впрочем, ты все знаешь. Да, они его слегка общипали, но для такого богатого человека это сущий пустяк. Постыдно, однако, как у людей все на слуху и как некоторые просто не могут жить без сплетен. Извини, Лолла, я говорю не про тебя и надеюсь, ты не поймешь меня превратно. Так что я еще хотела сказать, погоди, погоди, ах да: Абель-то куда делся?

— Сбежал.

— Я спрашиваю потому, что мне очень грустно, что он сбежал. Он был такой милый и добрый, я с ним могла говорить обо всем на свете. Ну, он, разумеется, само собой, тоже был в меня влюблен, но об этом мы не задумывались, лишь порой я глядела на него такими глазами. Удивительный человек, но мужчина он был настоящий, куча детей, как я слышала, такой экземпляр, жаль его, он водил корабль, но теперь снова пустил все по ветру, впрочем, представь себе, мне это отчасти в нем нравится. Он ни о чем не печется на этой земле, он просто бросает все и уходит. И в этом он не знает страха и не похож на других. Но этого ты, Лолла, понять не можешь, этого от тебя и ждать нечего. Это мне следовало быть с ним на борту корабля, от тебя тут и ждать нечего. Не почему-либо, я и сама теперь мало на что гожусь, но все же...

— А держишь себя так, будто годишься, — сказала Лолла.

— Вот ты и обиделась. Ну и дура, раз ты обижаешься на такую чепуху. Если бы, к примеру, в тебя кто-нибудь влюбился, я бы к этому отнеслась вполне спокойно.

— Вот именно, что спокойно. Прощай.

И они расстались. Обе, сжав губы, обе ожесточенные. Любовь и вражда бушевали в них, и ни одна не чувствовала себя хорошо после этой встречи, и обе страдали. А добропорядочный супруг сидел у себя в конторе, работал и ни о чем не догадывался.

Лолла прошла к Вестману и накупила полную корзину всякой всячины. Выйдя из магазина, она увидела, что перед ним стоит Ольга. Ольга плакала, нимало не тревожась, что люди ее видят, просто стояла и плакала.

— Я пошла за тобой, я этого не вынесу, сделай и мне что-нибудь злое. Не говори, ничего не говори, это было подло с моей стороны. Я совсем потеряла голову, я стала куда хуже, чем была, ты еще помнишь, Лолла? Ну, пожалуйста, сделай мне что-нибудь плохое. Не то ты подумаешь, что меня кто-нибудь испортил дома, а меня вовсе никто не портил, я очень счастлива в семейной жизни, и мне очень хорошо. Пожалуйста, помоги ему это понять. Чтобы он не думал, что я натворила глупостей и в чем-то раскаиваюсь. Дурак он, если так думает. А тебе я желаю всяческого счастья, и забудь все, что я наговорила. Ерунда, говоришь? Нет, к сожалению, не ерунда, просто ты очень добрая. До свидания! Дай мне руку.

И тут она ушла, она шла быстро, наклонясь вперед и не поднимая глаз. Остановилась перед большой зеркальной витриной, достала носовой платок и привела себя в порядок, распрямила спину и проследовала дальше, улыбаясь по дороге всем, кто с ней поздоровается.

Лолла отправилась домой. Она сделала крюк, чтобы снова не натолкнуться на фармацевта, как это было вчера. Он любил, опершись на одну ногу, выставиться перед ней и ядовито ее поприветствовать. Такова была его маленькая месть за собственное уродство, за то, что он не такой, как все. Тоже ведь человек, пусть ведет себя как захочет.

Она бесшумно отперла дверь, чтобы не потревожить работающего в конторе мужа, и уж конечно, она не пела, не свистела и не грохотала конфорками.

Непривычно для тебя, Лолла, быть здесь хозяйкой и владеть всем этим добром. Богатства тут и в помине не было, так, средний уровень, заурядный дом, и вот сюда-то она попала. Здесь ей было знакомо все с тех пор, как она была здесь в услужении, но чашки и рюмки частью разбиты, частью исчезли, керамический сервиз неполный, два стула на кухне поломаны, — но ведь все это заменимо. Постели, одеяла, половики — как прежде, малость поизносились, но Лолла мастерица на все руки. Гардины она подштопала, даже не снимая с окон. Словом, на все руки.

Прошло несколько недель.

Она знала, что команда «Воробья» попросила расчет и что с определенного дня и часа судну запрещен выход в море.

— Ну и что? — спросил Клеменс.

А то, что ее это интересует, вернее, не ее, а Абеля.

— Дорогая Лолла, нас двое на свете, и прошу тебя не думать ни о ком другом.

Ясней он не мог выразить свою любовь. Он не отрывался от работы, чтобы взглянуть на нее, но она постоянно жила в его мыслях. Так ему казалось, что она ничего не покупает для себя, неужели ей ничего не нужно?

— Нет, спасибо. А что мне может быть нужно?

Ну, не хочет ли она взять сюда свою матушку?

— Нет, спасибо, матери лучше остаться в домике на берегу вместе с кошкой и кактусами.

У Лоллы не было запросов, она хотела показать ему разницу между хорошей женой и... и другой. Но хотя ей приходилось появляться на улице с корзиной для покупок, а дома исполнять функции служанки, всей своей повадкой она доказывала, что стала знатной дамой. И чтоб никто не подумал о ней иначе. Вот она, к примеру, с удовольствием завела бы канарейку, но боялась, что это удовольствие для низших классов. А можно ли ей ходить в церковь? Только если он этого хочет и пойдет вместе с ней. Танцевать? С удовольствием. Но умеет ли она танцевать? Как другие, так и она. Выучиваются все, кто в школе, кто вприглядку.

Однажды вечером они угодили в винный погребок. Этого захотел он, у него возникла такая идея — любезность по отношению к Лолле. Получалось ведь так, что она ежедневно ходила по городу, то на рынок, то к Вестману, и вечно одна, а он сидел дома и вроде бы не имел ко всему никакого касательства. Он должен был это понять. К тому же он, вероятно, хотел показать людям, что женат на этой даме, этой статной даме. Она же со своей стороны была очень ему признательна, что он взял ее с собой. Они даже потанцевали, и никто не выворачивал шею и не шушукался. И хотя люди до недавних пор считали его весьма посредственным адвокатом, ему все равно причиталось их уважение, поскольку он был человек красивый и образованный.

— Давненько я здесь не бывал, — сказал он, обводя глазами зал.

— А я здесь вообще никогда не бывала.

— Тебе нравится?

— Я очень рада.

— Твое здоровье, Лолла.

Праздник для обоих, завлекательная музыка, много света, цветы на столиках, вино.

— Тут и Гулликсен с Ольгой, — сказал он, поклонившись, — удивительное совпадение.

Лолла, задумчиво:

— Они видели, как мы сюда вошли.

— Ты думаешь? Чего ради им ходить за нами. Нет, не может быть.

Лолла позволила себя успокоить, она глядела, как все танцуют, пригубила вино, радовалась. Счастливым выдался вечер. Они долго пробыли в ресторане.

У стола, где сидели Гулликсены, Ольгу обступили три господина. Ольга наслаждалась, сияла, говорила без умолку. Они пили шампанское. Почему бы и нет? А вот мне, Лолле, о чем говорить? Клеменс, мой муж, молчит. Лолла охотно взяла бы гвоздику из вазочки и воткнула ему в петлицу. Но не посмела.

— Какую красивую мелодию они играют, — сказала Лолла.

— А я сижу и думаю про себя то же самое, — ответил он. Впрочем, он сказал бы так, даже если бы мелодия вовсе ему не понравилась. Очень он был учтивый.

Она:

— К сожалению, сама я играть не умею.

Он:

— Вот и я нет. Не всем же играть.

— Но ты ведь любил слушать Регину.

— Кто это тебе сказал? Уж не фру ли Гулликсен? Просто я считал, что у Регины приятный голос. Но и твой ничуть не хуже.

Очень он был учтивый.

Разговор зашел о прочитанных книгах, и тема эта была ему очень даже по вкусу, он сам любил говорить о книгах, и тут Лолла вполне могла высказать какую-нибудь неожиданную мысль, то ли где-то услышанную, то ли вызревшую в ее разумной голове. Она не пыталась подняться над уровнем обычного разговора, высказать бессмертные мысли, всего лишь чистосердечные, злые, быстрые и глупые слова, к которым располагало настроение. Пока Ольга не крикнула со своего места:

— Твое здоровье, Лолла!

Они выпили, но потом Лолла сказала:

— И зачем ей это понадобилось?

— Она очень импульсивная, — объяснил Клеменс.

— Но мы и без того видели, что они пьют шампанское.

— Думаешь, только ради этого?

— Ну да, они хотят доказать, что ему все нипочем, даже если у него неприятности с налогами.

Клеменс какое-то время смотрел на нее, потом улыбнулся.

— Может быть, ты и права.

Она украдкой положила свою руку на руку мужа. Это всякий раз наполняло его сладким ощущением. У него даже губы увлажнились. Не пора ли домой? Оба решили, что дольше сидеть незачем. Уже расплатившись, он напомнил, что ей бы тоже надо выпить за здоровье Ольги.

— Думаешь, надо?

— Уверен.

Вечер удался на славу, и она благодарила его за доставленную радость, была нежна, прижималась к нему и по дороге домой мечтала о любви.

Они прошли мимо фонтана, куртины, поросшей розами и другими кустами. Тут Лолла вдруг воскликнула:

— Нет, ты только погляди!

Шмель улегся на покой в чашечке красного георгина, где уже лежал другой шмель. Они спали, зарывшись в лепестки. Какую постель они себе подобрали! И какая дивная ночь!

Клеменс тоже остановился. Зрелище было как раз для него. Он шепотом, чтобы не разбудить спящую парочку, говорил ей об этом чуде. «Зря я это сказала, — верно, подумала про себя Лолла, — зря я это сказала».

— Ты не находишь, что уже холодно? — сказала она и взяла его под руку.

— Да, конечно, извини.

Они поспешили домой и торопливо сбросили одежды. Никто не проронил ни слова.

XXIV

У Лоллы были акции «Воробья», вернее сказать, у Абеля. И поэтому ей было отнюдь не безразлично, как обстоит с ними дело, она вложила в них изрядную сумму Абелевых денег и не желала, чтобы эта сумма уменьшилась.

Вот она и отправилась на судно узнать, как и что. Дело было вечером в субботу, все разошлись по домам, она надеялась кой-кого расспросить, но ничего из этого не вышло.

Штурман Грегерсен стоял, прислонясь спиной к машинному телеграфу и сосал пустую трубку.

— Добрый день, капитан.

Он сколько мог развернул к ней свое одутловатое лицо, но не ответил.

— Я не хотела вам мешать, я просто хотела узнать, как вы поживаете.

— Лучше не спрашивайте, — ответил он.

Она увидела, что он глубоко удручен, невыносимо печальная тень самого себя, и потому не дерзнула безо всякого предложить ему баночку меда, которую принесла с собой. Она прошла к официанткам. Они наводили красоту, собираясь сойти на берег. Девушки ожидали, что на судно наложат арест, когда команда с него уйдет. А что на этот счет думает штурман, сказать трудно, он очень болен, ничего не ест, ни с кем не разговаривает.

До штурмана задним числом дошло, что он был нелюбезен. И когда Лолла вернулась, он на очередной ее вопрос вежливо ответил жалким тоном, что все терпимо, даже неплохо.

— Я тут вам кое-что принесла.

Он тотчас ощетинился:

— Мне? Это с чего же?

— Просто немножко меда для вашего горла.

— Ничего не нужно.

— А вы попробуйте, сделайте одолжение.

— Теперь это уже не только горло. Теперь у меня болит во многих местах.

— Но... но тогда и в самом деле надо что-то делать.

— Они говорят, у меня рак.

— Да-да. Давайте сядем и поговорим об этом.

— Я не могу сидеть, — сказал штурман.

— Как это?

— Я не могу ни сидеть, ни лежать, я могу только стоять — пока не упаду.

— А полоскание коньяком больше не помогает?

— Нет. Я давно уже перестал полоскать. Я только пьянел — и больше ничего.

— Выслушайте меня, штурман. Вам нужно немедля сойти на берег.

— Да, — ответил он.

— Вот и хорошо, я рада, что вы согласны...

Штурман тотчас поторопился взять свои слова обратнo.

— Я и согласен и не согласен. — После чего штурман заговорил о «Воробье»: он предвидел, что Абель Бродерсен рано или поздно уйдет, и надеялся, что сам поведет «Воробья», пусть даже через полгода.

Она, в изумлении:

— Как через полгода? Вы ведь и сейчас за капитана?

— Через полгода, — повторил штурман, — и Фредриксен это знает.

— Ну тем более вам надо поправиться.

Штурман продолжал:

— И я бы скупил ваши акции.

— Да.

— У меня есть родственники, они бы мне помогли.

— Конечно, конечно, все очень, очень хорошо.

— А тут у меня начались боли в горле, стало быть, игра проиграна.

— Погодите, я сбегая, приведу дрожки для вас.

— Вы? — запротестовал он. — Я и сам могу привести дрожки. Но только не знаю, хочу ли я этого.

Когда она вернулась с дрожками, штурман стоял на прежнем месте. Руку он засунул в скобу на стене машины и висел на руке. Он был совершенно беспомощен и предоставил энергичной даме управляться самой. Она зашла в его каюту за его партикулярной курткой и за шапкой, потом заставила его переодеться и спросила, нет ли у него каких пожеланий. Штурман ничего не ответил.

Догадавшись, что ему больно ходить, она хотела взять его под руку, но он сердито замотал головой.

— Я и сам мог бы сходить за экипажем, — сказал он.

И они поехали. Он стоял на коленях, сидеть он не мог. Вот так штурман Грегерсен покинул борт «Воробья», чтобы никогда больше не вернуться.

И опять создалось то же положение, что и несколько месяцев назад: «Воробей» остался без капитана. Снова зашла речь о капитане Ульрике, но на кой им этот вечный капитан Ульрик и на кой им вообще капитан? Если «Воробью» запретят выход в море, так ведь и времени осталось всего ничего, а господа в дирекции единогласно с ним решили покончить. В конце концов, «Воробей» это всего лишь ничтожный молоковоз, с его обязанностями вполне управится моторная лодка. На том и порешили.

Но вышло не по их решению: команда «Воробья» надумала сама управлять им.

— Это как же так?

— Да вот так, как я говорю, — ответил Северин, после чего изложил свои соображения. На кой им капитан? Их на борту трое бывалых моряков, ходивших по большим морям, они знают свое ремесло, они знают каждую шхеру, Алекса вдобавок выучили продавать билеты, и все трое — уважаемые члены своего профсоюза, ими так долго управляли, теперь они могут управлять сами.

Господа в дирекции призадумались. На этом каботажном суденышке, что ходило между двумя городками, недоставало не только одного матроса, чтобы было с кем перекинуться в картишки в свободное от вахты время, но недоставало также штурмана и капитана. Чем это может кончиться? Впрочем, господам из директората осточертела вся эта история, и, дабы избежать лишнего шума, они уступили. Лишь Вестман, торговец колониальными товарами, кричал, что так нельзя! Но Вестман не имел права голоса.

Как же пошли дела дальше? Да превосходно. Поутру в понедельник — было ровно семь часов — «Воробей», как и положено, отвалил от пристани, и никто бы не заметил никакой разницы. Северин, как старший из них, был у них за шефа, и Господь невредимо провел их в этот первый рейс, и во второй, и во все последующие.

Год шел на убыль, отшумела ярмарка. «Воробей» совершал свои рейсы, а команда получала на руки еще и капитанское жалованье, делила его и на том наживалась. Про запрет теперь и речи не было. Миновало осеннее равноденствие, погода ухудшилась, ветер, дождь, дорога мимо маяка, но «Воробей» знай себе ходил, и про запрет никто больше не думал.

Но тут как раз оно и случилось. Кто стоит, пусть сам позаботится, как бы ему не упасть, верно, подумал про себя Господь Бог и допустил, чтобы кое-что случилось. А виной всему был Алекс, этот тщеславный павлин.

Алекс с каждым днем делался все более нарядный, и начищенный, и выбритый. Он расхаживал при белом воротничке, он выпустил золотую цепь поверх жилета, на остановках, когда люди на него глядели, он любил ошиваться в рубке, где лежали карты и прочие бумаги, и напускал на себя такой вид, будто он куда важней, чем двое остальных. Долго это не могло продолжаться, это злило остальных. Ну ладно, Алекс и впрямь был красивый парень и не вредный, но своим поведением он вызывал гнев и зависть. При-

шла на пароход жена инженера, жена прежнего управляющего на лесопильне — короче, она пришла, а Алекс, этот проныра, ее очень даже хорошо знал, и позволил ей поехать бесплатно, и уединился с ней в ее каюте, и ничего не боялся. Остальные двое тоже под каким-то предлогом наведались к ней и спросили, все ли в порядке и не дует ли из иллюминатора, но им это не помогло, где уж там. И снова это вызвало гнев и зависть.

А потом разразилась катастрофа из-за форменной фуражки.

С тех пор, как штурман Грегерсен умер в больнице, прошло немало времени, прежде чем на корабль пришла его родня за оставшимися вещами. Среди вещей была форменная куртка и форменная фуражка, и Алекс долго, ну до того долго поглядывал на эти сокровища, что в один прекрасный день взял фуражку и заявился в ней на люди, хотя погода была неподходящая.

— Это еще что за фокусы?! — в один голос вскричали Северин и Леонарт.

Алекс отвечал, что, когда он продает билеты, без фуражки ему не обойтись.

Напарники просто слов не находили, чтобы выразить свое возмущение, они готовы были оплевать его, высморкаться и вытереть пальцы об его одежду, но Алексу как раз надо было стоять вахту, и он спасся от них на капитанский мостик.

Он прекрасно понимал, что шикарно выглядит в форменной фуражке и прочем убранстве. И будь он хоть чуточку умней, он бы почтительно склонил голову и скрылся бы с глаз подальше вместе со своей фуражкой, покуда не уляжется гнев напарников. Но Алекс не был умен. Напротив, он пыжился и поглядывал на себя в оконное стекло, да еще вздумал надеть фуражку набекрень. Это ж надо: набекрень! Совсем парень спятил! Северин и Леонарт усмотрели в этом пустое бахвальство и желание выглядеть как какой-нибудь буржуа. А сам-то даже и не матрос, — говорили они друг другу, какой-то работяга с лесопильни, бывший плотовщик. Сейчас мы ему покажем.

Они поднялись к нему на мостик и выложили свои соображения. Алекс упорствовал в своей дурости и не желал признавать никаких резонов. Северин сказал, что если уж кто из них и имеет право носить форменную фуражку, то это он, Северин; он самый старший здесь на борту и поставлен шефом надо всем.

— А ты билеты выдавать не умеешь, — сказал Алекс.

— Сам-то ты что умеешь, подсобник с обанкротившейся лесопильни, а мы оба, хоть Леонарт, хоть я — настоящие моряки, мы ходили по большим морям, крыса ты сухопутная.

— Зато я пролетарий, — бахвалился Алекс.

Так они ни к чему и не пришли. Алекс уперся ногами в мостик, а фуражка у него так все и была набекрень.

Он и к следующей остановке по-прежнему стоял на капитанском мостике, предоставив другим таскать молочные бидоны. Внизу на пристани скопилось много людей, и Алекс выставлялся перед ними, достал носовой платок, протер фуражку изнутри и снова надел ее набекрень. Молоденькая девушка стояла на пристани и во все глаза глядела на него, красавчик Алекс натурально не мог удержаться и кивнул ей, счастливица кивнула в ответ и назвала его капитаном:

— Добрый день, капитан.

Северин все это слышал.

Они отчалили и пошли дальше. Фарватер возле маяка стал беспокойный, волны бурлили вокруг подводных шхер, и «Воробья» здорово покачивало. Северин вторично поднялся на капитанский мостик с разводным ключом в руках. Вид у него был мрачный.

— Я слышал, ты у нас капитаном заделался, — сказал он, протягивая руку за фуражкой.

Но без всякого успеха.

Он сделал еще один выпад.

— Не тронь фуражку, — завопил Алекс, но тут уж Северин рассвирепел окончательно и пустил в ход разводной ключ. Алекс залился кровью. Они стонали, они обзывали друг друга самыми нехорошими словами, они пихались и размахивали руками. Алекс повел глазами по сторонам, он был не прочь схватить какой-нибудь напильник, но ничего, даже перышка под рукой не оказалось. Тут он вдруг выпустил рулевое колесо, рванулся вперед и ударил Северина головой под дых. В ту же секунду корабль дал сильный крен, мостик ушел у него из-под ног, он упал и увлек Северина за собой. Счастье еще, что они не перелетели через борт. Но об этом они даже и не тревожились, у них были другие заботы: кататься по мостику и лупить друг друга.

А «Воробей» шел сам по себе. Да и то сказать, воробышек ты мой, в тебе нет болезненной мечтательности, ты сумел не потерять головы, ты идешь по своему маршруту, который отложился в твоей памяти. Я вполне полагаюсь

на тебя, ты и сам можешь найти дорогу домой. Но море-то беспокойное, и руль застыл неподвижно, и никто не мог бы подвинуть молоковоз на чудесные свершения, поэтому молоковоз передумал и начал показывать норов. Те двое все дрались, поднимались на колени, снова падали, сбитые с ног, теперь Алекс вооружился напильником и всю его использовал, оба заливались кровью, но не замечали того, они лишились зубов, они поочередно издавали стоны и вопли.

Наконец-то Леонарт, стоявший внизу на палубе, заметил, что «Воробей» совершает какие-то дикие прыжки, потом вдруг бросается в сторону, что на него совсем непохоже. Он взбежал по трапу, хотел поглядеть. «Черт подери!» — только и сказал он, а больше ничего не сказал.

«Воробей» тем временем пустился во все тяжкие — и если он не сидел на корме, то уж, верно, всем корпусом летел по воздуху. Последняя из подводных шхер лежала всего в нескольких саженях от носа корабля, похоже было, что корабль и сам ее углядел, а углядев, не одобрил, не пожелал считаться с ней и решил пойти на таран. Леонарт чуть с ума не сошел. Он прекрасно знал, что шхера должна быть по левому борту, между тем она вдруг оказалась справа. Когда он наконец схватился за колесо, пытаясь выправить курс, было уже слишком поздно, он только усугубил катастрофу. «Воробей» ударил в шхеру, а шхера, та не позволила себя протаранить, о нет, она оказала сопротивление, и очень серьезное сопротивление, она приняла «Воробья» на свой хребет и опрокинула его.

Взрыв и дым, гром и молния, и Судный день, и вопль к небесам.

Да-да-да-да, вот как бывает, когда команда надумает самолично вести пароход.

Удалось ли хоть кому-нибудь спастись? Да всем до единого. Из городка их увидели и выслали на подмогу весь спасательный флот.

Но это еще не вся история. Пошли допросы, полиция, эксперты, члены дирекции выехали к месту кораблекрушения, поехал с ними и фотограф Смит, чтобы сделать снимки, на молодого Клеменса навалилась куча дел — чтобы по возможности смягчить приговор для матросов и для директора, страховая же компания вообще отказалась платить. Старый, проржавевший «Воробей» был обречен. Он лежал, расколотый на две части.

В городе царило ужасное волнение и беспокойство, и никто даже палец о палец не ударил, чтобы спасти то, что

еще можно спасти. Всему причиной была капитанская фуражка, но фуражку так никогда и не нашли. Очевидцы утверждали, что это была фуражка с козырьком и кокардой, шнурами и по одной пуговице с каждого боку, причем из вызолоченной меди.

Непогода довершила гибель «Воробья» и всего, что в нем было, салон стоял теперь кверху тормашками, рубка и ледник вообще исчезли. В каюте у штурмана волной унесло все, что там ни было, лишь старый календарь, прибитый к стене, остался на прежнем месте. Через полгода ему исполнилось бы десять лет.

Спустя несколько дней после крушения остатки корабля ушли на дно.

И настала беда с акциями. Они ушли на дно вместе с «Воробьем». Для таких, как Вестман, потеря была не велика, он и держал-то всего несколько штук, или как Фредриксен, с его единственной акцией. Но контрольный пакет был на руках у Лоллы — вернее, у Абелия, а не у Лоллы.

Она хотела вчинить иск директорату, но молодой Клеменс, ее муж, ее остановил. Он со своей стороны был очень зол на дирекцию, он сам говорил, что это преступная шайка, и когда его красивый рот изрекал такие слова, это было все равно, как если бы кто-то чертыхался и изрыгал страшные ругательства. И однако же он не советовал Лолле, своей жене, вчинять иск. Не иначе, он ревнует к Абелию и радуется, что тот понес убытки, верно, думала про себя Лолла. Но ничего подобного, просто у Клеменса были хорошие манеры плюс обостренное чувство справедливости. Ведь в директорат, говорил он, входят вполне достойные жители города, они хотят помочь сельским округам сбывать молоко. Они построили молокозавод и пустили по маршруту пароход, большой прибыли они с этого не имели, но поддерживали дело на плаву и приносили пользу окрестным поселкам. Вот почему они разрешили «Воробью» ходить без капитана. И тем самым сняли запрет. И не только это, команда тоже на этом заработала, они получали капитанское жалованье и делили его между собой. Долгое время у них все хорошо получалось, но потом произошло несчастье, их судили. В конце своей речи Клеменс спросил, не считает ли она, что они достаточно наказаны приговором. И вообще-то говоря, что собиралась Лолла делать с этими акциями?

Совет был ей не по сердцу, но она подчинилась. Впрочем, когда она думала о том, что некогда располагала из-

рядной суммой в банке, а теперь ее лишилась, ей и себя не было жалко. Но и добрые отцы города у нее тоже не вызвали жалости.

У них вдобавок хватило наглости предложить ей акции моторной лодки, которой теперь предстояло развезти молоко. Они даже переслали ей подписной лист, ни стыда, ни совести у людей нет. Когда она показала мужу этот бессовестный лист, в ней снова вспыхнул гнев, и ей страх как захотелось уговорить мужа начать дело. Нет, Лолла, этого мы делать не станем.

Это ж надо, какое благородство! Она ушла исполненная горечи. Он пошел следом, страдая, что не может выполнить ее волю. Он был почти пристыжен, все равно как утром после их первой ночи. Вот и тогда он чувствовал себя точно так же. Хотя казалось бы, он больше привык состоять в браке, чем она, именно он выглядел поутру, когда они взглянули друг на друга, более сконфуженным. Ну и благородное воспитание, подумала она тогда, ну и образованность! Вот и теперь у него точно такое же смущенное выражение. Вы только взгляните, он стоит потупив глаза и пытается отнестись к этому легко и даже подшучивает.

— Ты ведь такая милая, Лолла, как же ты можешь быть такой мстительной?

Но у нее были свои резоны, и вдобавок она была очень деятельная.

У нее когда-то был счет в банке, то есть, правильной сказать, не у нее, но все равно был. По ряду соображений, она купила выгодные акции — почему бы ей было и не купить их?

— Ты очень смекалистая, — сказал он, — но на сей раз тебе не повезло. Акции, кстати, были не так уж и хороши, как о них говорили. Два и три десятых процента. Аптекарь сдавал мне их когда-то на хранение, так что я в курсе. Но они могли бы сослужить хорошую службу человеку, который по той либо иной причине сбился с прямого пути. А с помощью акций мог бы на него вернуться...

— Абель, — сказала Лолла.

— Нет-нет, я думаю про Грегерсена, про штурмана Фредриксен, тот, что в имени, хранил какую-то тайну.

— Какую тайну?

Клеменс:

— Давай лучше не будем тревожить мертвых.

«Ну и воспитание», — вероятно, подумала она. Вслух же сказала:

— Не надо мне было покупать акции.

— Не надо. Ты явно больше разбираешься в икре, чем в биржевой игре.

Она пропустила игру слов мимо ушей:

— Будь я с ними на борту, я бы отказалась выйти в море без капитана.

— Да, Лолла, но лично я очень рад, что ты не была с ними на борту. Я очень рад, что ты на земле и что ты мне досталась.

Устоять против этих слов было невозможно, он не из тех, кто повторяет эти слова каждые пять минут. Но ответить было необходимо, что она и сделала:

— Не все радуются этому так же, как ты.

— Ты хочешь сказать... но ведь я и не хожу больше к старикам.

И это была чистая правда, ее грызла мысль, что она не может зайти и выразить почтение своим богоданным родителям, она как была, так и осталась вне семьи своего мужа. Но если отвлечься от семьи, у нее и без них хватало недоброжелателей, пусть даже она не причисляла к ним Ольгу. Городок был явно настроен против нее. Потому как она не была для него достаточно благородна.

Словом, брак с благородным человеком сулил не одни только радости.

Но пришла весна, и многое стало по-другому.

XXV

В мае вернулся Абель. Абель вернулся? Быть того не может, совсем парень спятил. Ни один человек его не ждал, ни одна вещь не лежала, дожидаясь его, и что ему здесь необходимо?

Он сошел на берег с каботажного парохода без всякого багажа, только под мышкой какой-то рулон, завернутый в газетную бумагу. Платье у него совсем обносилось, лицо небритое, в общем — не важный барин. Вот почему один из зевак на пристани смело заговорил с ним и удивленно воскликнул: «Кого я вижу! Ты, оказывается, еще не помер!»

Но выглядел Абель вполне здоровым, загорелым и голову держал высоко.

Он походил-походил по городу и опять вселился в «Приют моряка». Поскольку багажа он при себе не имел, у него попросили деньги вперед. «Потом, — ответил он, — мне сперва надо уладить кой-какие дела». Досадно, что с этим

человеком всегда возникают при оплате какие-то сложности, если бы не это, лучшего постояльца и желать нельзя. Они поверили ему до поры до времени.

Вот и передышка для него, время, которое он ни на что не употребил.

Как и много лет назад, когда из-за огнестрельной раны ему приходилось носить руку на перевязи, он потолкался среди прислуги и таким путем узнал массу новостей. Прошел целый год с его отъезда, и за это время случилось многое.

Итак, его корабль покоится на дне морском, а дирекция пошла под суд.

Это его не слишком занимало.

А как поживает Ольга, она же фру Гулликсен?

Этого они не знали, хотя, конечно, она очень богатая и процветает. Изредка они встречаются ее на улице. Вот про Лоллу им больше известно. Известно все, и они могут подробно изложить весь роман.

Когда прошла неделя, а он так и не заплатил за комнату, ему отказали и выставили на улицу. Но судя по всему, это ничуть его не задело, он принял все как должное.

И пошел к своему сарайчику. Сарайчик стоял как прежде, нетронутый, покрытый пылью, как прежде, словом, пристанище. Кровать была на прежнем месте, и матрац, слегка обглоданный мышами, а так-то в полном порядке. Миновало два года с тех пор, как он жил здесь, но воздух не казался затхлым, потому что в изобилии поступал через выбитое окно.

Конечно, в его отсутствие здесь бывали люди, не без того, но взять было нечего, и они ушли своим путем. Керосинка тоже стояла здесь посреди прочей железной утвари, и ульстер был на месте, серо-коричневый, не знающий сносу, вот только вешалка оборвалась, и тяжелое пальто упало со стены и лежало в углу, будто куча тряпья. Что и уберегло его от воровских рук.

Он был дома. Он сразу начал пришивать вешалку, чтобы повесить ульстер. А больше здесь делать было нечего, и он вышел. Сидел на солнышке, часами слонялся по городу, ни перед кем не испытывая стыда, встречал много знакомых, но проходил мимо них так же невозможно, как и они мимо него.

На базаре он увидел Лоллу, та покупала у крестьянки вилок капусты. Он напрямик направился к ней, протянул руку и сказал:

— Поздравляю, Лолла.

Она отступила назад и воззрилась на него.

— Мне, верно, надлежало сказать сперва «добрый день», но я говорю сперва «поздравляю». Это было отлично, это было именно то, что надо, ты молодец, Лолла.

— Ты... ты снова вернулся?

— Да. Уже несколько дней. Мне там больше нечего было делать, вот я и вернулся. А ты цветешь, как я вижу.

Щеки Лоллы вспыхнули румянцем, потому, может, что ее так разнесло.

— А ты, — ответила она, — как у тебя дела?

— У меня лучше не становится.

Лолла расплатилась с торговкой и предложила присесть. Абель хотел понести за нее корзинку, но Лолла отказалась.

Лишь когда они сели, Лолла внимательно его оглядела.

— Многое изменилось за этот год, — сказала она, — очень большие перемены у нас у всех. А у тебя все хорошо?

— Да, у меня все хорошо.

— Ты уехал. Представь, я это уже почти забыла. Ты сбежал.

— Да, я осточертел себе самому. Но всего удивительней то, что сделала ты.

— А ты слышал?

— Все как есть. И порадовался за тебя. Ты это вполне заслужила.

— Грустно только, что далеко не все хорошо.

— Да нет, все прекрасно.

— Я кое-что должна тебе сказать.

— Я уже затаил дыхание.

— К сожалению, тут нечего шутить. Речь пойдет об акциях.

— Да, я слышал, что тебе не повезло. И что ты потеряла все свои акции.

— Нет, это ты их потерял.

— Я? — недовольно переспросил он. — Впрочем, стоят ли акции того, чтобы о них говорить? Зато ты получила превосходного мужа, удачно вышла замуж, теперь у тебя есть дом, и положение в обществе, и вся прочая благодать. Так что не печалься об акциях.

— Ты не изменился, как я вижу, — сказала она и покачала головой. — Хотя меня утешает, что ты так легко это принял. Но теперь ты должен сам вчинить иск дирекции и воспользоваться своим правом на акции.

— Ну! — воскликнул он и зажал уши. — У меня отродясь не было ни одной акции, чему я очень рад, акции толь-

ко на то и годятся, чтобы их терять. Послушай, а как поживает Ольга?

— Ольга... ну она... она...

— Ты почему замаялась?

— Я ничего про нее не знаю. А ты где живешь? — вдруг спросила она.

— Живу? В «Приюте моряка», разумеется. На первых порах.

— Я потому спрашиваю, что нашла в капитанской каюте все твои вещи и перенесла их в свой домик.

— Там была какая-то одежда? — спросил он. — Да-да, теперь припоминаю. «В твой домик на берегу», — говоришь?

— Я их переправлю в «Приют».

— Как-как? И речи быть не может. Я их сам заберу. Отличные костюмы, припоминаю, первого сорта. Если их надеть, мне Гулликсен, пожалуй, опять предоставит кредит.

Лолла покачала головой, пришла в отчаяние, окончательно сдалась.

— Ты, верно, и не помнишь больше, что когда-то был капитаном на «Воробье»?

— Ну как же не помнить?! Твоя стряпня, немой штурман...

— Не умри он от рака, он бы скупил акции. Тогда они не пропали бы.

— Подумать только!

— Вот ты все шутишь. А почему ты сбежал?

— Не будь такой сердитой, Лолла!

— Я просто спрашиваю, почему ты сбежал?

— Ты этого не поймешь. А что, если я сбежал, чтобы поглядеть на одну могилу? А что, если затем, чтобы увидеть, как большие кактусы растут под открытым небом? Мы с Анджелой часто ходили смотреть на них, они занятнее, чем все прочие уродцы, потому что для них естественно быть уродцами. Мы с Анджелой тоже были такими, вот почему мы так часто ходили смотреть на кактусы. А вдобавок я хотел отыскать Лоуренса, друга, который когда-то у меня был. Не знаю, помнишь ли ты, как я тебе про него рассказывал.

— Ты его нашел?

— Да. Но они лишили его жизни.

— Ох!

— Да, взяли и убили его. Я приехал слишком поздно.

— Какой ужас! — И Лолла вздрогнула.

— Ужас, — повторил Абель, — но вообще-то они делают все очень аккуратно, сажают человека на стул и заставляют умереть.

— И его больше нет?
— Для меня осталось письмо, но я его не прочел.
— Не прочел?
— Да что в нем могло быть такого, в этом письме, чего я не знал бы заранее?
— Может, весточка для той, что в Ирландии?
— А ты про нее помнишь? Дико, что я его не прочел.
— Письмо у тебя с собой?
— Нет, я там его так и оставил.
— Ой, — сказала Лолла горестно, — ты весь какой-то странный, насквозь странный. Ну почему ты вернулся, раз уж ты уехал?

— Ты вправе так говорить. Твой муж когда-то рассказывал мне про корову и про скворцов, которые предпочитают быть там, откуда они родом, может, и со мной то же самое. Должен сказать тебе, что у тебя необыкновенный муж, Лолла.

— Да, он необыкновенный.

— Я однажды долго с ним разговаривал. Он многое понимает.

— Да, — сказала Лолла и поднялась, — теперь мне пора.

— Помочь тебе донести корзину?

— Нет, спасибо.

— Я на днях схожу в твой домик, возьму свою одежду, — сказал он.

После этого он снова сел на скамейку и глядел, как она уходит, как грузно движется по улице. По обыкновению красиво одета, фигура грузная, но по-прежнему статная. В былые дни она непременно попросила бы проводить ее. Хорошо, что она замужем, не будет теперь наведываться в его сарай.

Взяв свою нарядную одежду, он часть ее с помощью старьевщика обратил в деньги, а себе оставил коричневый костюм и сразу стал элегантен, стал важным господин и направился в сторону лесопильни, к Алексу и Лили.

Оба оказались дома, сидели за столом и обедали со своими четырьмя детишками. Детишек теперь было четверо.

Все стулья были заняты, но Лили, красная как рак, вскочила с младенцем на руках.

— Не вставай, не вставай! — воскликнул Абель и сел на край постели.

— Вот ты и вернулся, Абель, — изрек Алекс, — ничего себе тип, бросил всех и подложил нам такую свинью.

Абель отвечал, что уже наслышан об этом.

— Штурман угодил в больницу, там и умер, ну а мне пришлось вести корабль. Я и вел, лучше не надо, но в последний рейс такая выдалась буря.

— Я про все слышал.

Лили:

— А у тебя все в порядке, Абель?

— Жаловаться не могу. Но вам и впрямь недурно живется, среди недели на столе мясо, как я вижу.

— Телячья печенка, — сказала Лили. — Ты много поездил по белу свету, с тех пор как последний раз был здесь?

— Всего только наведалься в Америку.

— Ах, кто бы мог составить тебе компанию! — вскрикнула Лили.

— А сюда тебя зачем принесло?

— И сам не знаю.

Лили уточнила:

— Мы получаем пособие, только и всего.

Алекс, запальчиво:

— Ты до сего дня хоть раз сидела голодная?

— Уж ты-то что-нибудь да найдешь. Вот у других дело обстоит хуже.

Алекс, еще запальчивей:

— Ты до сего дня хоть раз сидела голодная?

— Вот с тобой, Абель, все иначе, ты по-настоящему никогда не уходишь на дно. Я помню еще, когда нам было совсем невмоготу, ты угощал нас лососем. Подумать только, по мне, так вкуснее лосося ничего на свете нет. Целую банку дал нам.

Они продолжали трапезу, но внезапно Алекс вскочил и придвинул Абелью свой стул:

— Нечего тебе рассиживаться на кровати.

Оба в недоумении уставились на него. Как прикажете Лили, бывшей конторщице, воспринять подобное поведение?!

— Алекс! — вскричала она.

— Чего Алекс, Алекс, — огрызнулся тот. — Я хочу сказать, чтоб ты пересел на стул, если вообще надумал у меня рассиживаться.

Абель пересел на стул.

— Я, между прочим, не собирался рассиживаться у тебя, я просто заглянул к вам. А малыши-то подросли.

— Правда? — спросила Лили. — Слава Богу, они все здоровенькие, старшенький прямо как медвежонок, а младший — тоже мальчик.

Абель дал каждому из детей по кроне. Младший тотчас сунул ее в рот.

— Смотри, чтоб он ее не проглотил! — воскликнул Алекс.

Дети подошли и по очереди подали Абелью руку — благодарили.

Волнение охватило Абеля, когда он держал в своей руке эти маленькие ручонки.

— Да, а где Регина? — спросил он.

Лили ответила:

— Регина живет у себя, она вышла замуж, у нее уже есть ребенок, а муж ходит машинистом на каботажных рейсах. Да, Регина хорошо устроилась в жизни, вот уж у кого есть голова на плечах.

— А с нами она и знаться не желает, — сказал Алекс.

— Еще чего захотел, — сказала его жена. — Знаться с нашим убожеством?

Алекс заметно сбавил тон, он не стал в третий раз спрашивать, сидела ли она голодная.

— Я ведь почему спрашиваю, чем ты намерен заняться, это в смысле — не сможешь ли ты тогда взять меня к себе? Ну, что ты мне ответишь?

— Я подумаю, — сказал Абель.

— Подумай, подумай, — встряла Лили, — и сделай.

Алекс:

— Я ведь был хороший матрос, не хуже других.

— Да.

— Все делал, что ты мне велел. А когда ты уехал, а я стал штурманом и продавал билеты и все такое прочее, я и с этим справлялся и все держал в голове.

— А куда делись твои передние зубы? — спросил Абель.

Лили:

— Ты когда-нибудь видел такое?

— Это случилось на борту, в последний рейс, Северин выбил мне зубы разводным ключом. А что, очень заметно?

— Не очень, — с улыбкой ответила Лили, — это тебя даже красит.

Абель попрощался и ушел.

Уже перевалило за полдень. Он и сам бы не прочь съесть кусок печенки, но никто ему не предложил, поэтому он заглянул по дороге в лавочку, купил каравай, несколько копченых селедок и пошел домой.

Под вечер, когда уже смеркалось, в дверь заглянул какой-то молодой человек, удивился, испугался даже и не пошел дальше.

— Здесь кто-то есть, — сказал он.

— Да.

— Здесь никогда никого не было.

— Я вернулся несколько дней назад, а вообще-то я всегда живу здесь. А тебе чего надо?

— Мне? Ничего.

— Все, что здесь есть, принадлежит мне, — сказал Абель, — кровать тоже моя, я оставил ее, когда уехал. А этот ящик у меня вместо стола.

— Да-да, — сказал паренек и ушел.

«Небось разочарован», — подумал Абель и поглядел ему вслед. Как выяснилось, паренек приходил не один, рядом, когда он уходил, мелькнуло светлое платье.

«Придется мне навесить замок, — подумал он, — не то они и меня самого унесут из дома».

На другой вечер, когда, засидевшись на солнышке, он пришел домой позже обычного, навстречу ему из сарая вышла парочка, девица и уже немолодой мужчина с сединой в бороде. Абель только было хотел спросить, чем это они у него занимались, но понял, что такой вопрос мог прозвучать двусмысленно, и потому промолчал, а вместо того ухватился за ульстер, который нес мужчина, и сказал:

— Это мой.

Мужчина, не выпуская ульстера из рук:

— Не больше твой, чем мой.

Потом он все-таки, хоть и неохотно, отдал ульстер и добавил:

— Можешь взять себе. Тоже мне франт нашелся.

Девица на ходу пробормотала:

— Говорила я вам: не берите, это чужое.

Абель нагнал парочку и остановил девицу.

— А что это у вас под накидкой, барышня? Нет-нет, так у нас дело не пойдет.

— Не смей приставать к даме! — пригрозил мужчина.

— Что за дурацкие шуточки — уносить мое исподнее!

— Эй ты, кому говорят: не задирай даме юбку, — взревел мужчина.

— Вы только поглядите! И рубашки, и кальсоны, да вы их даже надеть не сможете!

Девица начала причитать:

— Я же все время говорила, что это нельзя брать, что это чужое.

— Тогда зачем брали? Ведь это все мужские вещи.

Вмешался кавалер девицы, полез к Абелью. Тогда Абель крепко взял его за плечо и отвел к проволочной ограде. А

вернувшись, не застал девицу: она сбежала по железнодорожной насыпи.

«Неприменно надо навесить замок», — подумал Абель.

Подумал, но ничего не сделал, хотя это было в высшей степени необходимо.

Утром он долго тянул время, потом вышел, сходил на базар, купил пучок морковки и лишь потом начал бояться за свое добро. Первое, что он полез проверять, вернувшись домой, был его револьвер.

Где взять замок, Абель знал, замок лежал в старой укладке с маяка, которую его отец набил всякими железками. Замок был неисправный, но починить его можно было в два счета. Руками он умел делать решительно все, даже при самом скудном инструменте. Мог пустить в ход неисправную машину, мог паять и сваривать. Вот и к ульстеру он вместо вешалки пришил не какую-нибудь там тесьму или шнурок, а медную цепочку, которой хватит на всю жизнь. Поскольку ключа в укладке не нашлось, он выпилил себе что-то похожее из никеля, чтобы было чем отпирать и запира́ть замок. Судя по всему, он не в первый раз изготовил отмычку.

XXVI

Мы, все остальные, стали тем малым, чем мы стали, лишь потому, что мы такие обыкновенные. Он же пришел из приграничной страны, о которой мы ничего не знаем.

Из молодого Клеменса

Встреча Абеля с Ольгой.

Под конец ему удалось выяснить, у кого она предпочитает бывать: в других купеческих семьях, в чиновничьих семьях, у людей этого дня и этой жизни, где и она могла предстать богатой, и современной, и возвышенной.

А зачем она ему понадобилась? Низачем, просто увидеть, ведь это же Ольга.

Он приоделся как только мог, думая о ней, он выстирал и накрахмалил свои воротнички, пожелтевшие с капитанских времен, встречу он умышленно обставил на простецкий лад, он замахал и крикнул:

— Ну, наконец-то!

Это ее слегка покорило, он ей был не муж и не брат.

— Добрый день, Абель, — сказала она. — Ты так здороваешься, будто мы с тобой только вчера виделись.

— Извини, я это нарочно. Я так придумал.

— Да, странный ты человек.

— Я хотел, чтоб не получилось слишком торжественно, чтоб мы не начали обмениваться рукопожатиями, и «а вот и ты, Абель», и «почему это ты уехал?», и «почему это ты вернулся?», и «я просто не нахожу слов».

Она кивнула:

— Это тебя тяготит, я понимаю.

— Да, тяготит, я не могу все объяснить. А перед тобой я бы и вовсе спасовал, даже надумай я солгать.

— А ты хорошо выглядишь. Почему ты крикнул «наконец-то!»?

— Я искал тебя целых девять дней. С того дня, как вернулся.

— Мы не можем так и стоять здесь. Не пойти ли нам домой?

— Да, спасибо.

— Я не то имела в виду... Ты где живешь?

— Нигде.

— Значит, мы не можем пойти к тебе и поболтать?

— Мы можем зайти в какой-нибудь погребок.

— Не смею, — сказала она, — я хочу сказать, что мне никто не запрещает, но все-таки... а ты и самом деле нигде не живешь?

— Нет, просто в сарае, у складов.

— А, я помню этот сарай. Один раз я даже залезла на крышу, а ты стоял внизу, и я спрыгнула прямо на тебя. А в этот сарай ты меня отвести не можешь?

— Такой сарай не для тебя. Я бы на руках тебя туда отнес, но этот сарай не для тебя.

— Ну, тогда проводи меня домой. Я хочу сказать, до моих дверей.

— Да, спасибо.

По дороге она искоса поглядела на него.

— Ты хорошо выглядишь, постранствовав по белу свету. Про Лоллу слышал?

— Да, в общих чертах.

— Но это не имеет никакого смысла. Мне-то, конечно, наплевать, но смысла это все равно не имеет. А вдобавок она уже ходит с животом. У меня вот детей нет.

Он промолчал.

— Я сказала, что у меня детей нет.

— Да-да, то есть нет-нет, у тебя нет детей. С одной стороны, это хорошо, с другой — плохо.

— Вот именно, — сказала она, — прошлый раз я не хотела детей, теперь хочу, а он не может, смешно, когда человек этого не может, постыдно.

— По-моему, не хотеть — это так же плохо.

— Да, но теперь я хочу. Я не уверена, что буду обожать ребенка, но почему бы и не попробовать? Ты можешь войти в мое положение?

— У тебя, наверно, для таких дел и времени-то нет.

— У меня нет времени? Чушь какая!

— У тебя другие интересы, — сказал он, — тебе надо краситься, и мазаться, и завиваться, и глотать таблетки, и менять платья, и спать в качалке, и курить сигареты.

— У тебя сигареты нет?

— Нет, только трубка.

— Все, что ты говоришь, правда, но время бы у меня все равно нашлось. Просто ужасно, какой ты безжалостный по отношению ко мне. Прямо леший! А у тебя у самого все в порядке? А ты никогда не бываешь растерян? Ты перечисляешь все, что во мне есть плохого, но ведь есть во мне и хорошее, правда-правда. Я бываю теплая и нежная, но это ты в расчет не принимаешь.

— Принимаю, принимаю, — сказал он, — я еще помню единственный день, тридцать лет назад.

Она остановилась и поглядела на него:

— Ты это про что?

— С самого детства помню, — сказал он и тотчас увел разговор в сторону: — До чего же весна запоздала, дождя так и не было. А вот скамейка, не хочешь сесть?

Кругом была тишина, лишь мелкие пичужки щебетали среди ветвей, прохладно, в парке у них за спиной — полу-распустившиеся кусты сирени, поздняя весна.

Немного спустя после того, как они сели, пришла молодая парочка и заняла скамейку по другую сторону дорожки.

— Зачем им понадобилась именно эта скамейка? — спросила Ольга.

— Да оставь ты их!

— Чего я еще хотела сказать? Ты так никем и не стал?

— Начинается!

— Я не хочу входить в подробности, но, Абель, у тебя был пароход, и место, и все, что надо, пока в тебя дьявол не вселился.

— Наверно, — улыбнулся Абель.

— За тобой опасно быть замужем. В один прекрасный день от тебя останется пресловутое мокрое место и больше ничего — ха-ха-ха!

— Ну так за мной никто и не замужем.

— А ты разве был женат?

— И даже обвенчан.

— Об этом мы говорить не будем. А ведь я хотела однажды уехать куда-нибудь с тобой, об этом ты не думал?

— Нет, — отвечал он, — у меня не было никаких шансов.

— Потому что ты сам разрушил все свои шансы.

— Так никем и не став, да-да, верно. Я уж вижу, к чему ты клонишь. Но я вовсе не так растерян, как ты, я не ломаю голову, я спокоен, я ничто, я стерт с лица земли, у меня нет имени.

— Просто удивительно, как ты на разные лады повторяешь одно и то же. Но если выразить ту же мысль короче, то у тебя просто нет стимула. Вот в чем дело.

— Все верно, я не придерживаюсь установленных правил, меня вполне устраивает одна-единственная трапеза за целый день, а потом я закусываю солнечным светом. И зачем обязательно кем-то становиться? Все кем-нибудь становятся, не делаясь от этого счастливее. Они затрачивают столько сил, чтобы подняться наверх, а потом им надо хлопотать о награде. И тут покой оставляет их, а нервы сдают, они пьют, чтобы развеселиться, но им становится все хуже, им постоянно приходится ходить на цыпочках, и я, живущий в сарае, от души им сочувствую.

— Вот уж не ожидала от тебя подобного красноречия.

Абель, с улыбкой:

— У меня было много лет, чтобы хорошенько продумать свою речь.

— Хуже всего, что это вызывает у тебя улыбку. Ты ведь не можешь не признать, что твой путь от капитанства на «Воробье» до теперешнего сарая — это все-таки падение.

— Да, в твоих глазах это выглядит именно так.

— Когда ты стал таким?

— Таким? Ты хочешь спросить, когда я начал созревать для этого? Тому уже много лет. Это началось еще в детстве. У меня не было совсем никаких шансов, тогда это и началось. Вот я и оказался без корней — и в чужой стране, это и ускорило мое созревание. После чего я женился на Андже-ле, и это, слава Богу, меня освободило. Словом, мне хорошо. Давай лучше поговорим о тебе.

— Обо мне? Нет, я этого не выдержу. Почему эта парочка напротив не желает убраться восвояси?

— Да оставь ты их.

— Они, разумеется, прекрасно знают, кто я такая, да и ты нарядно одет, могли бы проявить уважение.

Абель улыбнулся:

— Может, уйдем?

— Нет, это не мы должны уходить. Да, так о чем мы говорили? Ты сказал: созреть. Единственная трапеза за целый день. Господи, спаси и помилуй. Нет никакого сомнения в том, что тебе несладко живется, и если ты все-таки желаешь так жить, то лишь потому, что у тебя ни на что нет воли.

— А что, если это дар?

Она опешила:

— Дар? Ты так наловчился красиво говорить, я просто никогда ничего подобного не слышала. Дар? Может, ты и прав, и впору бы на все махнуть рукой, если бы не погибал именно ты.

— Удивительно слышать это от тебя, Ольга, — сказал он, — но когда я сижу и греюсь на солнышке, мне никакой еды и не надо. Я в тропиках наблюдал, как там люди живут одним днем — что добудут, то и съедят, живут, можно сказать, ничем и еще солнечным светом. И так живут миллионы. Там ни про кого нельзя сказать, что он многого достиг, там не думают про деньги и хлеб насущный, жилье, жизнь их проста, а украшением ей служат цветы. Глядеть на них отрадно для глаз, такая благодать для глаз. Мы уплывали на острова и располагались там, в карманах у нас не было ничего, что нужно им, они ничего не желали покупать у нас, но они и не попрошайничали. Мы заходили в глубь острова, там они танцевали и смеялись, они были приветливы и давали нам фрукты, они были красивые, смуглые и почти нагие. Мы провели там две ночи...

— Не два дня? Ты ведешь счет ночами.

— Днем мы там тоже были.

— Ну да, ну да, — сказала она нетерпеливо, — послушай, Абель, ты сказал, что выискивал меня девять дней. А я ждала тебя целый год. Ты, пожалуйста, ничего не воображай — но ты единственный, с кем я могу разговаривать. С тобой я могу разговаривать о чем угодно. Отец наш Небесный! — вдруг воскликнула она. — Если б мне удалось заставить тебя понять собственную пользу. Ты, верно, сидишь без гроша в кармане.

— Нет, кое-что у меня есть.

— Я все еще должна тебе тысячу крон. Это очень печально.

— Не думай об этом.

— А тебе никогда не удастся чего-нибудь скопить?

— Никогда, — ответил он.

— Значит, у тебя ничего нет на потом. Ты ведь получил наследство, ты мог бы стать среди нас большим человеком, если бы сумел удержать его. И тогда мы смогли бы уехать вместе.

— Мой отец, тот и в самом деле копил. Я сразу промотал свою долю. Лолла, та была разумнее, она вложила свои деньги в акции и акции эти потеряла. Теперь мы оба одинаково бедны. Нет и нет, я не коплю.

— Ну, с акциями — это чистая случайность. Ты вообще не печешься о том, чтобы хоть что-то иметь, чем-то обладать. А вот я не могу себе представить, как бы это я жила, ничего не имея, я не создана для бедности. Я хочу иметь возможность, пожелав ту либо иную вещь, тотчас ее получить.

— А вот я так ничего не желаю.

— Все потому, что тебе не для кого копить.

— А тебе есть для кого?

— Нет. Не надо язвить. Итак, тебе не для кого копить, ты человек одинокий, и это тебя испортило. Я все-таки немножко откладываю... хотя, нет, ничего я не откладываю, я, напротив, вся в долгах. Господи, с тобой невозможно разговаривать... Для всех людей вполне естественно немножко откладывать, а не проматывать все, что ни есть.

— Да, это так. Все мы только и стремимся выжать из этой жизни все, что только можно, урвать побольше — а потом умереть.

— Господи, жуть-то какая!

— Но, дорогая Ольга, к чему собирать сокровища в сундуках? Неужто ты не знаешь, к чему это приводит? Дети либо внуки снова все разстранжирят, разбазарят направо и налево. После чего их дети снова начнут собирать. Ну не глупо ли? Словом, я не вижу причин укорять себя за то, что ничего не коплю.

— У тебя просто нет стимула, — кивнула Ольга.

— А теперь расскажи хоть немножко про себя.

— Ты какой-то ненормальный, вот и все.

Абель, с досадой:

— Те, у кого есть стимул, тоже недалеко уходят. Они просто сколотят небольшой капиталец, малость задерут нос и вызовут небольшую зависть, вот и все. Моим ровесникам живется ничуть не лучше, чем мне. Я бы с ними не поменялся. Вот на «Воробье» ходил человек, у которого был стимул. Он был как дьявол, он исступленно рвался наверх, был

штурманом, стал капитаном, хотел стать хозяином парохода...

— Это который умер?

— Да, и потом он умер.

Молчание.

— А сама ты, Ольга, со своим стимулом — вон у тебя на виске появилась синяя жилка.

— Какая еще жилка?

— Обыкновенная, красивая, милая, синяя...

— Почему ты так говоришь? Ты ведь меня не любишь.

— А вот и люблю, — ответил он и тут же переменял тему: — Ты, верно, замерзла, пока сидела.

— Да, но пусть сперва уйдет та парочка.

— Пошли, — сказал он и без долгих разговоров поднял ее со скамьи.

Она с готовностью повиновалась.

— Но уступить этой парочке! — сказала она. — Что они могут подумать! — И немного спустя: — Мне, в общем-то, понравилось, что ты поднял меня и пошел со мной, меня словно жаром обдало. А куда ты идешь?

— Хочу проводить тебя домой.

— А я не хочу домой, — сказала она, — мы с тобой еще не наговорились. Я пойду к тебе в сарай.

— Нет, туда ты не пойдешь.

— Ну, мы ведь не можем разговаривать посреди улицы. Никто ведь не может. Я хочу пойти с тобой, я хочу увидеть что-то другое вместо обычного жилья со столом и со стульями. — Она взяла его под руку и даже стиснула ее.

Абель:

— А если мы кого-нибудь встретим?

Она и здесь знала выход:

— Уж ты сумеешь избежать опасности. Ты все умеешь.

Короткие слова — как приказ. Она прильнула к нему, он в отчаянии продолжал путь, отыскивая закоулки и обходные пути к железнодорожной линии, а оттуда — вниз по насыпи, к сараю.

— Жду не дождусь, — сказала она, покуда он открывал дверь своей отмычкой. — Постой, постой, это же никакая не халупа. Это те самые ужасы, которые ты расписывал? Есть свет, есть воздух, даже кровать и та есть. Ну, знаешь!.. — Она расхваливала его сарай, чтобы выглядеть любезной и оправдать свой приход. — Ну, у кого такой дом, тот вовсе не лежит на дне. Здесь очень-очень мило. Вот так, а теперь я еду.

Для нее он накрыл стул ульстером, словно ковром, а сам сел на кровать. Его беспокоило, что они сидят здесь вдвоем, что они вели себя очень неосторожно, и вопрос еще, как они незаметно выйдут отсюда.

— Дорогая Ольга, почему ты так хотела прийти сюда?

Ольга:

— Мы не можем объяснить все свои поступки, как и ты не можешь объяснить, почему ты сбежал и почему вернулся обратно. Мне хотелось поговорить с тобой, с тобой очень хорошо разговаривать. Видишь ли, Абель, — вдруг добавила она, — получилось совсем не так, как я думала, когда второй раз выходила замуж.

Молчание.

— Не получилось того, чего ожидал каждый из нас. Что ты на это скажешь?

Абель покачал головой.

— Я не бегаю в отчаянии по городу, я и сюда пришла не потому, что с горя решила пофлиртовать с тобой. Просто я растерянна и хочу поговорить с тобой. Как ты думаешь, почему я могу так долго не возвращаться домой? Потому что его это устраивает. Да-да, я вношу смятение в его жизнь, говорит он, я создаю в доме нервную обстановку, говорит он. Какой-то смысл в его словах есть, он наверняка прав, и от этого я такая несчастная. Прикажете мне повеситься из-за этого? И не подумаю, я выпущу когти. Вот какой ведьмой я стала. Ты лучше на Лоллу погляди: берет и безо всякого выходит за моего первого мужа. Ну не странно ли, она ведь была служанкой у нас, убиралась и стирала.

— Ты ведь сама хотела, чтобы она к нему пошла.

— Ну, я думала... раз я сама оттуда уехала. Но вот что они возьмут и с места в карьер поженятся, нет и нет. А сейчас она уже ждет ребенка. Ну да, теперь они женаты, могут уезжать и возвращаться и поступать друг с другом как захотят. А у меня детей нет. Ребенок мне, может, и помог бы, но он не хочет. Как же мне быть?

Абель подумал:

— А может, тебе стоит усыновить ребенка?

— Одного из твоих?

— Ольга!

— Извини. Нет, чужой ребенок тут не поможет. Мне нужно самой стать матерью.

— Но этой возможности у тебя нет.

— Молчи, я сама знаю. Но я хотела поговорить с тобой, потому что ты так много можешь. Надо было мне выйти за тебя. Нам с тобой надо было пожениться, если судить по

тому, что я о тебе слышала. И ты должен был взять меня в морское путешествие.

— Ах да, путешествие.

— Нет, не говори так. Теперь уже слишком поздно, я останусь там, где я есть, но тогда... если бы ты пришел и без разговоров увел меня за собой... потому что это тебе я была предназначена. Рибер Карлсен снова мне написал, вот человек, который поднимается вверх, он еще станет епископом. Я ему все рассказала про нас с тобой, и он так красиво мне написал, что раз я замужем, мне надо забыть про тебя. Ха-ха-ха! Уж и не знаю, но его письма мне совсем не помогают. Тебе не надоело слушать?

— Нет, Ольга.

Нет и нет, ему она не может надоест. Но она говорила так, будто за всем этим прячется любовь, а он не заглатывал наживку, чего нет, того нет, напротив, у него возникли подозрения: может, она хочет заманить его, а потом уйти? Что он знал о ней? Праздная и неудовлетворенная дама, пылкая, нежная, истеричная. Он, конечно, может проглотить наживку — и получит отпор, потерпит поражение. Но вообще, конечно, жаль, что она, что Ольга...

— Я еще помню, — сказал он, — как ты кружилась по городу, словно музыка вальса.

Она вздрогнула.

— Неужели прошло так много времени? И впрямь, протекли годы. Они и наложили на нас свою печать, но нам еще хватает воздуха для дыхания. Значит, ты помнишь, когда я выглядела как вальс? Это было давно, все уже умерло.

— Я просто хотел сказать, что ты была совсем другая, не такая подавленная.

— Да, я очень подавленна. А каково приходится другим? А тебе как? У тебя разве все в порядке?

— Нет, не совсем.

— Расскажи мне об этом и научи меня хоть чему-нибудь, — сказала она и схватила его за руку. — Ах, какие у тебя руки, прямо бархат, пальцы можно отогнуть далеко назад, но все равно они очень сильные. Убери ее! — вдруг воскликнула она и оттолкнула его руку. — Почему ты оказался такой глупый и женился? Она хоть красивая была? Ты привязался к ней? Почему ты не сбежал?

— Стоп, стоп!

— Да-да. Неужели ты не мог убежать?

— А я не хотел. Мне было хорошо. Нам было хорошо вместе.

— Одна трапеза за целый день!

— Нет, гораздо больше, порой даже с излишком. По-всякому бывало, когда как. Когда я ловил рыбу в streamlet, мы нужды не знали. Еще мы находили маис и кольраби то здесь, то там у фермеров и варили кукурузную кашу, а потом нарезали ее пластинами, они были у нас вместо хлеба. Я стал частью этой жизни и не мог себе представить, что бывает какая-то другая.

— Но ты говоришь, что в конце все получилось плохо? Вот и выходит, что у тебя все было не лучше, чем у меня.

— Это из-за Лоуренса, у меня был друг по имени Лоуренс. Он знал ее раньше, чем я, и когда он вернулся из своей поездки в Мексику и прослышал, что она со мной и что мы поженились, отыскал ее. Все вышло из-за него. Ее застрелили.

— А ты где был, когда он ее отыскал? Как вообще все вышло?

— Я позже пришел.

И вдруг Ольга воскликнула:

— Ясно, ты застал их. И убил ее.

— Я?..

Поглядев ему в лицо, она испугалась и пошла на попятный:

— Нет, я вовсе не хочу сказать... нет, конечно, нет...

— Это он ее убил.

Молчание.

— Ну конечно же, он. Но ведь и ты, наверно, с ним что-нибудь сделал?

— Да, вернее, нет, я упустил момент. Все были в замешательстве, она лежала на земле, мертвая. Я и забылся, а потом уже было поздно стрелять также и в него.

Также и в него. Он заметил свою обмолвку, и губы у него растянулись в хищном оскале, так что стали видны все зубы. Теперь это был зверь.

— А потом ты его встречал? — спросила она, чтобы скрыть свою догадку.

— Нет, к сожалению, он так и не вышел из тюрьмы. Мы, некоторые из нас, пытались его оттуда выволочь, я даже послал ему отсюда немного денег, но, судя по всему, недостаточно, словом, он так оттуда и не вышел. Все эти годы, все эти дни я таскал с собой револьвер, я дожидался его, он мог появиться где угодно, и я хотел, чтоб у него был шанс, когда он выйдет, тут уж без стрельбы не обошлось бы. Но теперь револьвер мне уже ни к чему. Хочешь взглянуть на него? — спросил он и торопливо поднялся с постели.

— Нет! — закричала она вдогонку. — Нет, не смей!

Револьвер лежал в парадных носках, так сказать, в тепле и холе. Он и сейчас подышал на него и погладил.

— А почему он тебе больше ни к чему?

— Лоуренса уже нет в живых. Они лишили его жизни за много лет до того, как я туда приехал в прошлом году.

— Поделом ему, — сказала Ольга.

— Уж и не знаю, — ответил он. — Лоуренс был такой неслыханно практичный. А потом он пришел и разрушил что-то мое. Я не могу не думать об этом. Это ведь было двойное убийство: он лишил жизни мою жену и ребенка. А если присчитать и его, получится целых три жизни.

— Да, три жизни!

— Уж и не знаю, зачем я снова достал револьвер. Хочешь взять его?

— Нет, Боже избави! А теперь все-таки выведи меня отсюда. Уже смеркается.

XXVII

Вообще же к нему в сарай никто не приходил, если не считать Лили, которая навевывалась, и очень часто, и, проведя у него определенное время, снова уходила.

Лили была особа надежная, единожды начав, она уже так и продолжала. Алекс, ее муж, снова отупел и ее не удовлетворял, а Лили отнюдь не отупела, она была шустрая, проворная и безумная. После времени, проведенного подле Лоллы, Абель узнавал все городские новости от Лили.

Малую толику новостей он узнавал и сам на рыбацком причале или на рынке, где покупал морковку либо немного картофеля для своего хозяйства. Какая-то женщина рассказала ему, к примеру, что стреляли в таможенника Робертсена. Вместе с двумя другими таможенниками они преследовали каких-то контрабандистов, а те отстреливались и опасно ранили Робертсена. Словом, куда ни глянь, сплошь безумства и несчастья, вот и газета только об этом и пишет. Шульц, что в садоводстве, провалился через одну из своих стеклянных крыш и весь изранился.

Тут Абеля осенила одна мысль, и он немедля приступил к действиям, а именно — прямо с базара пошел в таможду, где и переговорил с шефом. Разговор имел большое значение. Дело в том, что в отсутствие Робертсена оставшийся персонал соответственно передвинулся наверх и освободи-

лось место в самом низу. Вот Абель и решил замолвить словечко за Алекса, в чем и заключалась его мысль.

— Да-да, — отвечал ему шеф, — тут уже кто-то побывал по этому делу. Кстати, а вы случайно не подавали на Робертсена в суд?

Абель:

— Я отказался от своего иска.

— Это почему же?

Абель объяснил ему, как все было. Один Бог знает, какая это морока для постороннего человека, но у директора хватило терпения выслушать рассказ Абеля до конца.

— Я ведь должен кое-что знать о своем персонале, поэтому мне очень интересно все, что вы рассказываете. Я припоминаю и другие черточки нашего добряка Робертсена, но большого прока в этом нет, он ведь состоит в полувоенной организации. Кстати, вы не могли бы в случае надобности представить ваше объяснение в письменном виде?

— Вполне.

— Впрочем, надобности может и не быть. По слухам, Робертсен ранен опасно. А человек, о котором вы говорите, пусть придет к десяти.

— Спасибо.

Вечером в сарай заявила Лили. Она знала еще больше городских новостей. Оказывается, молодую девушку сегодня ночью ограбили в городском лесу. Вообще-то у нее было при себе всего десять крон, но не ужасно ли, такая жестокость! Таможенника Робертсена подстрелили, он лежит в больнице и так плох, что врачи даже и не берутся извлекать из него пулю, а старший врач не надеется на благополучный исход. Еще кражи со взломом, ограбления, дорожные происшествия...

— Твой Алекс дома?

— Наверно. А почему ты спрашиваешь?

— Пусть завтра к десяти придет в таможенное управление.

Лили, в изумлении:

— Ему дадут место?

— Возможно. У них не хватает одного человека. Но начинать ему придется с самого низу.

— Благослови тебя Бог, Абель.

* * *

Ольги он больше не встречал, а тем временем пришел июнь, и она, вероятно, переехала на дачу. У них был загородный домик, у них была машина и подъездная дорога.

Лолла, та встречала ее в обществе зубного врача, не то Фольмера, не то Вольмера.

Лолла дохаживала последние дни своей беременности, она заметно потускнела, она теперь ни о чем не спрашивала, а ему не надо было подыскивать ответ. Не ему ли приходилось некогда отчитываться перед ней за любой пустяк, за дом, например, который он выкупил для Лили. Есть о чем говорить, всего-то невзрачный домишко возле лесопилни, но все равно: а гарантия у тебя есть, Абель, а ты отдал ее засвидетельствовать, Абель? Вот и весной, когда он вернулся домой, она тоже проявила какую-никакую, а заботу, пришлось рассказывать и ей, что он ездил в Кентукки поглядеть на кактусы, которые запомнил с прежней поры. Тогда почему же он вернулся? Ах, Лолла, если бы ты только знала, почему!

Но теперь ничего подобного и в помине нет, теперь у Лоллы другие заботы. Она изрядно подурнела, ничего не скажешь, но в то же время налилась красотой внутреннего умиротворения. Правда, двери родителей Клеменса так и остались для нее закрыты, но чтобы сбить Лоллу с ног, потребны средства посильнее, да вдобавок у нее теперь есть канарейка. Как так?.. Просто Клеменс в один прекрасный день купил для нее птичку. И если после этого кто-нибудь говорил, что птичка — это, мол, для простых людей, в ответ он слышал: «Ну нет, пусть будет, раз моему мужу нравится!»

Корабль Лоллы вошел в надежную гавань.

А вот Ольге такая гавань была, судя по всему, вообще не суждена. Она не позволяла носить себя по воле волн, ведь она была Ольга, ничего худого о ней не скажешь, но только появились в ней какое-то беспокойство и эксцентричность. Она уже не следила так тщательно за своим бельем, говорили в магазине дамского белья, а почему, спрашивается, не следила? Неужели она ценила себя теперь дешевле, чем прежде? Нет, об этом и речи быть не может. Она была своевольна в своем переменчивом вкусе и вполне могла теперь купить самое дешевое платье. Ее соблазняли дорогими: «Пусть фру только глянет!», а она отвечала: «Нет, я хочу вот это. Пришлите мне на дом».

Теперь она могла покупать товары, выложенные на прилавке для всеобщего обозрения. А вот в другой раз ей подавай чистый шелк.

Так она коротает время до пяти часов. Сегодня суббота, но она не желает ехать с мужем на дачу, ей-де надо примерить платье, которое вот-вот должны принести. Муж не воз-

ражает. Адье! Зубной врач сидит в машине и ждет, зубной врач частенько ездит с ними на дачу.

Она слоняется по городу, одиноко слоняется по городу, чего она не видела у себя дома? Пустой дом, где есть и стол, и стулья, а еще старый Гулликсен, основатель прежней лавки с крестьянским товаром. Большую часть дня он проводит в рубашке, без пиджака и в домашних туфлях. Порой поболтать со стариком приходит Аренц, присяжный поверенный, но Аренц и сам очень стар, и говорят они только о прежних временах, о конъюнктуре и лавке в нижнем этаже. Ольга во всем этом не понимает ни слова.

Она покидает пустой дом, доходит до железнодорожной линии, потом спускается вниз по насыпи к сараю. Белый день на дворе, светит послеполуденное солнце, а она идет к сараю. Заперто, сарай заперт. Она снова поднимается по насыпи все при том же ярком солнце, она полна досады и вызова, она нимало не озабочена тем, чтобы скрыть от города и от всего белого света, где она разгуливает. Она садится на скамейку в маленьком парке и сидит там до семи часов. Тогда она снова решительно направляется к железнодорожной линии, к насыпи, к сараю. Сарай заперт. Сарай заперт.

Абель — он во многих местах сразу, он ведь не может безвыходно сидеть дома. Ему надо подкупить себе какой ни то еды, надо лизнуть солнышко, чтобы жить дальше, и вдобавок он непременно должен раздобыть сегодня бутылку керосина для керосинки, не то ему будет не на чем варить. У него не так как у некоторых, нет ни стола накрытого, ни кухарки, ни домоправительницы, поэтому он и не может постоянно быть дома. И прежде всего — не может он быть дома для Ольги. Он сидит внутри, он понимает, что это она, у нее совсем другая походка, чем у Лили, но дверей он не отпирает. Получается довольно гротескная ситуация: он — и не открывает Ольге! Ты только послушай, говорит он, словно у него есть собеседник, она сидела на этом стуле и болтала о любви, она вольготно развалилась на стуле, она брала его за руку. Если считать это предложением, предложение было грандиозное. И не воспользоваться! «На это способен только я», — говорит он и смеется.

А наавтра воскресенье, и Ольга идет в церковь, потому что знакома с семьей пастора. Муж не сопровождает ее, он еще не вернулся из их загородного дома.

Народу там у них изрядно, даже три машины, но в это воскресное утро все чинно и благородно, гости, наверное, отсыпаятся. Ну, не так уж чтобы все, некоторые углубились в лес, шепчутся и хихикают, а когда из отеля приезжает машина с яствами для честной компании, шоферу приходится нажимать на клаксон, чтобы вызвать и уведомить Вильямса Гулликсена, ведь хозяин-то он.

Гулликсен весьма недурен собой, он рослый, у него темные глаза, вот только нос у него здорово кривой. Сбоку этот изъян не виден, но он есть, и Гулликсен так с ним и живет. В остальном же он личность вполне заурядная, хитрый и пронырливый торговец, любитель бриджа, всегда элегантно одетый. Ему по душе эта суета и оживление, сегодня вечером ему надо по делам съездить в Осло, на три дня. Во время таких поездок ему удается недурно погулять, поэтому ездит он туда один, а Ольгу брал с собой только раз.

Трапеза завершилась, и Гулликсен поехал в город. День был теплый, дантист дремал на заднем сиденье. Гулликсен заботливо отнесся к спящему, высадил того перед домом, затем поехал дальше.

Ольги не было. Верно, задержалась в пасторском семействе, как уже не раз бывало. Ему это по душе, он начал укладывать два своих чемодана, смокинг, лакированные ботинки, но не успел кончить до прихода Ольги.

— Доброе утро! — вскричал он, и держал себя приветливо, и пытался острить, потому что прокутил целые сутки.

— Доброе утро! Ты уезжаешь?

— А ты разве не знала? Я вроде говорил тебе.

— Ах, как нехорошо, что меня не было дома, — я помогла бы тебе укладываться.

— Нет, спасибо, тут особенно и укладывать нечего.

Ольга:

— У пастора мне сказали, что раненый таможенник Робертсен умер сегодня утром.

— Вот как, — отвечает он, продолжая размышлять о том, что еще надо уложить в чемодан.

— Пастор провел у него ночь. И поэтому был совсем сонный, когда читал проповедь.

Гулликсен улыбнулся с отсутствующим видом, думая о своем.

— А еще мне рассказывали, что у Фредриксена из имения опять случилось кровоизлияние в мозг.

Это заинтересовало Гулликсена больше.

— Я уже и счет потерял, сколько у него их было, этих кровоизлияний.

— Говорят, пастор сказал, что это последнее.

Гулликсен, бросив взгляд на часы:

— Ты не слышала, пароход еще не гудел? Боюсь, мне надо спешить.

Ольга вышла и кликнула кого-то из кухни, чтобы снести вниз чемоданы.

— Ну, до свидания! — сказал он, не взяв ее, однако, за руку. — Я на три дня.

— Да-да, — отвечала она, — счастливого пути.

Гулликсен крикнул в дверь «До свидания!» отцу и сбежал вниз по лестнице. Вот и все их прощание. Да и то сказать, он уезжал ненадолго.

Ольга прошла к себе и начала торопливо что-то писать. С улицы доносилась музыка, это играл слепой шарманщик, по обыкновению окруженный толпой детей. Она слышала, как отъезжает Гулликсен, в сторону пассажирской пристани. Она писала, царапая пером бумагу, дописала и спустилась с письмом вниз.

Для начала она остановила шарманщика и сунула ему пять крон.

— Ты не мог бы отнести это письмо?

Еще не договорив, она увидела старого Гулликсена, который в неизменной своей рубашке лежал грудью на подоконнике и наблюдал за ней.

— Отнесешь это Лолле, госпоже Клеменс, — сказала она громко. — Тут рецепт, который я ей обещала.

Слепец кивнул, сказал, что отнесет, после чего вывернул ручку от шарманки и ушел. Он не первый раз ходил с поручением от Ольги. Нырнув в укромный закоулок, он надел очки и посмотрел на конверт. Бедный слепой старичок надел очки, хотя и был слеп! Он призадумался, пораскинул мозгами, после чего пошел к железнодорожной линии, а оттуда вниз по насыпи, к известному сараю.

Заперто.

Он снова поднялся на насыпь и какое-то время бродил по ней, его все знали, и потому он мог бродить где ни пожелает. Наконец какой-то человек прошел мимо и вниз — к сараю. Он пошел следом и постучал в дверь. Когда ему открыли, спросил: «Это вы, Абель Бродерсен? А то ведь я ничего не вижу», — после чего вручил письмо и ушел.

Абель предполагал, что в этом толстом письме лежит тысяча крон, но там лежала всего лишь фотография да несколько слов, нацарапанных наспех: «Я одна и должна на-

конец повидать тебя. Позднее, вечером, я попробую тебя отыскать, потому что мне непременно надо тебя видеть! А вложенное — это фотография из тех времен, когда я словно вальс кружилась по городу, конечно, если она тебе нужна, а если нет, тоже не беда. Умоляю тебя быть дома, когда я приду, не то мне будет так пусто возвращаться обратно».

Он был выбрит, он искупался в море, рубашка была еще сырая, и следовало бы переменить ее, ведь это все-таки не кто-нибудь, это Ольга. Потом он сел и принялся разглядывать фотографию. Она была сделана уже много лет назад, между его первым и вторым возвращением домой. Ольга была моложе и красивее, в полном расцвете, очень удачный снимок, похоже, она сидела и с кем-то разговаривала. Но почему она послала снимок отдельно, еще до своего прихода? Чтобы пробудить в нем любовь?

Какое-то время он стоял на коленях и глядел в окно поверх насыпи, и когда она появилась, выскочил ей навстречу, схватил и торопливо повлек за собой, похитил ее и увлек в свое жилище.

Она была совсем не накрашена, с теплой кожей, с коричневыми веснушками, милыми и крохотными. Она тотчас обвила руками его шею, поцеловала, промахнулась, отыскала его губы.

— Еще, еще! — просила она.

Он почувствовал, что у нее подгибаются колени, хотел сесть рядом.

— Еще! — требовала она. — Положи меня на постель и целуй еще!

На другой день она пришла снова и повторилось вчерашнее, и она была безудержная и счастливая. Он же теперь не был застигнут врасплох, как вчера, сегодня он и сам был на высоте.

А потом она долго сидела у него и говорила на свой обычный, несвязный лад, обрывками:

— Подумать только, это были мы с тобой! — удивительно — знал бы он — он вчера уехал в Осло — его не будет три дня — хорошо, что слепой тебя нашел, но он всегда все находит. Слушай, Абель, ты рассердишься, если я что-то скажу?

— Нет-нет-нет.

— Я все-таки лучше погожу до ухода, не то ты рассердишься. Ты только подумай, Абель, мы с тобой! Теперь Ри-

бер Карлсен, ну, тот, который скоро станет епископом, может больше не писать мне свои письма, мне они больше не нужны. Я так рада, я так всему рада.

Наконец ему тоже удалось вставить несколько слов:

— Ты божественно бесстрашна, Ольга. Но будь ты бедна и отвергнута и несчастна, смогла бы ты отправиться со мной по белу свету?

— Нет, — ответила Ольга и покачала головой. — Нет, я вовсе не такая бесстрашная. Разве ты не заметил, что я дорожу уважением людей? Что я себя весьма ценю?

— Верно, но как ты будешь объясняться с ним в тот день, когда он заметит, что ты натворила?

— Это мы как-нибудь уладим. Это не твоя забота.

— Странно, — сказал он.

Ольга:

— Не сердись на меня, Абель, но я не хочу уезжать вместе с тобой и вести бродячую жизнь. Чего не хочу, того не хочу. Ты только увлечешь меня на дно.

Абель, с улыбкой:

— А я и не собирался. Ты все понимаешь слишком буквально. Я просто хотел узнать, как ты намерена уладить свои дела дома, уладить с ним.

— Ну, не дурак же он. Он не захочет выставить сам себя на посмешище.

— Ах, вот как!

— Но тебя я не назову. И вообще никого не назову.

— И это все, чего он требует? Я в таком случае сделал бы больше.

— Ну да, ты пустил бы в ход револьвер, — сказала Ольга и встала.

— Очень может быть.

— Как в тот раз, когда ты убил ее.

— Что-о-о?

— Ну конечно, ведь убил ее ты. Я этим и руководствовалась.

Абель изумился:

— Ты этим руководствовалась?

— Три жизни, — сказала она, — несмотря ни на что, ты не слабак, ты убиваешь.

— Послушай, Ольга, — сказал он, — я стрелял не в нее. И не промахнись я, было бы всего две жизни, его и моя.

— Как же получилось, что обвинили его?

— Он сам взял на себя вину.

Ольга, подумав:

— А зачем ты ему позволил? Значит, ты трус.

— У меня с Лоуренсом были старые счеты. Он был хорош собой и мог сделать против меня все, что ни захочет. А тогда это было уже в четвертый раз. Но об этом мы больше не будем, — сказал он и тоже встал.

— В моих глазах это ничего не меняет, — ответила она, — хоть ты и промахнулся, но ты стрелял. Я дважды, — сказала она, и глаза ее засверкали, — дважды была близка с убийцей. Это чего-нибудь да стоит.

Он побледнел, нижняя губа у него задрожала, он стал несчастный и жалкий:

— Значит, только поэтому?..

— Пожалуйста, не сердись на меня, это было так увлекательно. Я ведь понимаю, что я ведьма.

— Ну конечно, ты гналась за сенсацией.

— Так я и знала, что ты сердишься, и уже жалею, что сказала тебе это.

— Прежде чем ты уйдешь: а разве для тебя не было бы точно такой же сенсацией, переспи ты с епископом?

— Нет, Абель, — сказала она огорченно, — несмотря ни на что, для меня было важно именно с тобой. Ну а остальное лишь возбудило меня, не буду спорить. Три жизни, подумала я, и все это сделал Абель. Все эти дни я думала лишь об этом, и мысли меня возбуждали. Но при всех обстоятельствах это мог быть только ты. Ну, поцелуй меня на прощанье.

Он почувствовал себя униженным, он захотел возвыситься вновь и потому спросил:

— А еще раз не хочешь — прямо сейчас?

— Сейчас? — переспросила она.

— Да, ради меня самого, не ради сенсации.

— Уже темнеет, как я погляжу. Право же, это было и ради тебя, ты сам знаешь. Ах, ты даже не хочешь поцеловать меня на прощанье? Ты все портишь. Не надо меня провожать, я хочу побыть одна.

XXVIII

А время знай себе идет, и очень даже бойко. Нет, это не чья-то видимая глазу рука подталкивает его, но оно знай себе идет, такого еще никогда не было, не успели оглянуться, как на дворе уже осень.

Осень имеет и свои дурные стороны, на редкость холодно, мало солнца, а порой мало еды. Да и сами времена заметно испортились. Еще никогда рыбаки не тряслись так

над каждой рыбешкой, а мясники — над каждым куском печенки. Впрочем, одно преимущество у Абеля все-таки есть, ему не приходится добывать дрова, потому что для дров у него нет печки. Печки у него нет. И стекло в окне тоже.

Он скатился к простейшему образу жизни и проявил даже известную гениальность на этом пути, ибо пришел к убеждению, что не так уж и плохо малость померзнуть или проходить день с пустым желудком. Стоит поглядеть на других, на Фредриксена из имения: дрянь человек, если судить по жадности и лихоимству, а при всем при том взял да и умер. Абель видел траурную процессию, лес цилиндров, море автомобилей. Аптекарь примчался на всех парах, когда процессия уже остановилась. Ежели мы господин аптекарь, нам не пристало ездить шагом.

Хорошо было остаться дома, одному, вне общества. Ольга скрылась из глаз, Лолла исчезла, одна только Лили была при нем. Одиночество сделало Абеля скупым на слова, пока он не начал вести разговоры с собой самим. Тоже выходило неплохо и укрепляло в нем чувство, будто рядом кто-то есть. Как ты думаешь, не стоит ли приподнять половицу: может, там завалилась хоть одна банка лосося с прошлого года? Говоришь, не завалилась? Пусто в доме, никудышное хозяйство, тьфу! И заодно: надо бы заткнуть подушкой дыру в окне, возьмем хотя бы синюю, шелковую... Жизнь была не так плоха, как полагают многие, просто они сами делали ее сложной и запутанной. Ну вот сел он, к примеру, на скамеечку возле водопада, а кто-то сидел перед ним на этой скамейке и ел бананы и бросил под нее пакетик из-под бананов. Поднял он пакетик, а в пакетике полно кожуры, но даже на кожуре что-нибудь да остается от самого банана, и, стало быть, ею нельзя пренебрегать.

Или вот спускается он в подвальную лавочку и говорит: «Я просто хотел вам сказать, что к вам под дверь прошмыгнула мышь». — «Мышь?» — кричит мадам, подбирая юбки. «Да вот она!» — говорит он. Мадам ее не видит, но все же, открыв дверь, зовет кошку. Абель же, откланявшись, уходит. С собой он прихватывает палку колбасы — в уплату за сообщение о мыши.

И потом ему снова повезло, когда он решил справиться в садоводстве насчет работы. Да, Шульц провалился сквозь стеклянную крышу и поранился стеклом, Абель неделю его подменял, и тут у него под рукой было все, что потребно

для жизни. Вот только одежда его очень при этом пострадала.

Так проста бывает порой жизнь.

А Алекс, тот процветает. У него самые радужные перспективы, у него постоянное место, он даже может в случае повышения снова рассчитывать на форменную фуражку. Жалованье покамест невелико, но уже можно обходиться без пособия, к тому же он вставил два передних зуба и опять ходит в красавцах.

Вообще-то Алекс был человек довольно пакостный и товарищ никудышный. Исправен на службе, даже не лишен обаяния и глуп, когда дела шли плохо. Но стоило ему хоть самую малость подняться, как он тотчас задирает нос. Абелью тоже довелось испытать на себе его подлость.

Дело было так: когда Абель хотел поесть чего-нибудь горячего, он готовил на керосинке, но одной бутылки на всю осень хватить не может, а сейчас, как на грех, дела у него обстояли совсем плохо. Вот он и взял кусок телячьей печенки и пошел к Лили, чтоб та ее для него зажарила. Лили была обходительна и мила по обыкновению, она сказала:

— У меня есть для тебя кое-что получше.

И поставила на огонь сковороду, чтобы поджарить для него бифштекс, ей-же-ей, самый настоящий бифштекс из говядины! Но в ожидании бифштекса они, конечно, дали себе волю. Худого ничего не случилось; когда Алекс неожиданно появился домой, Лили колдовала над сковородкой, Абель же глядел в окно, так что ничего худого не произошло, но подозрения остались.

— С чего это ты так ворвался! — спросила Лили.

— Где дети? — спросил Алекс, чтобы не молчать. — А ты опять у меня, — обратился он к Абелью. — Когда это наконец кончится?

Лили возилась со сковородкой, она только обронила:

— Как тебе не стыдно, Алекс?

— А пахнет-то как вкусно! — продолжал Алекс. — У вас тут, не иначе, праздник ожидается? — Он подошел к плите, взгляделся повнимательней. — Да это, никак, бифштекс?

— Бифштекс, — отвечала Лили, — почему бы и нет, когда человек может себе позволить.

— С какой стати я должен кормить всех попрошаек, которые ко мне приходят?

Лили словно с облаков упала:

— Да ты что?! Абель принес свой бифштекс и попросил, чтобы я его поджарила.

Это поразило Алекса, он мог только пробормотать:

— А жару-то сколько уйдет.

Но Абель только испортил положение, он сказал, что пусть тогда Алекс возьмет себе его бифштекс.

— А ты, Лили, дай мне взамен что-нибудь другое. У тебя случайно не найдется кусочка печенки?

Ну, об этом Лили и слышать не хотела, для этого она была слишком добра. Когда бифштекс был готов, она сняла его со сковороды, подождала, когда он остынет, положила на тарелку, обернула тарелку бумагой и сказала:

— Вот, пожалуйста, а тарелку вернешь в другой раз.

Алекс вмешался:

— По мне, так лучше, чтобы ты сюда больше носа не показывал, вечно от тебя только шум и неудовольствие.

Лили:

— Ладно, Абель, я к тебе сама приду за тарелкой.

Для Алекса это было еще хуже, но у Лили сделался слишком решительный вид, а с молодой телочкой вперегонки не побегаешь. Алекс и промолчал. Он только вышел следом, когда Абель уходил, и пригрозил застрелить его, если он к ним еще раз сунется.

— Ты ведь знаешь, что нам на таможене дают оружие?

Вот каков был Алекс.

Да по сравнению с ним даже Робертсен был вполне достойный человек, честный, можно сказать, до мозга костей.

Месяц ноябрь известен своим промозглым холодом, это недобрый месяц, никогда еще с Абелем не происходило в ноябре ничего хорошего. А тут вдруг пастор остановил его посреди улицы и поздоровался.

— Это вы Абель Бродерсен? Вот и отлично, я вас искал. Я не хочу утруждать вас, приглашая к себе в приемную, если позволите, я вам прямо тут задам один вопрос: вы получили деньги, которые некогда внесли в банк за таможенника Робертсена? Нет? Этого я и опасался. Проданы три лодки и другое имущество исключительно с целью вернуть вам деньги, а меня просили проследить, чтоб это было сделано. Какая там сумма?

Абель подумал и покачал растерянно головой:

— Не знаю.

— Ну, ничего, — ответил пастор, — зато банк знает. Извините, что я вас задержал. Какой у вас адрес?

— А может, переслать их в банк? — спросил Алекс. — Их можно оставить в банке.

— Отлично. — Пастор откланялся и ушел.

Ну и ноябрь выдался! Не так уж и мало там должно быть денег, шестнадцать сотен, помнится, а может, не шестнадцать, а шесть? Во всяком случае, для него это целое состояние, это богатство. Он вернулся домой в отличном настроении, последнее время ему приходилось очень туго, всего больше донимал холод. Сколько ни ешь, от холода это не спасает, когда нет солнца. Значит, он получит свои деньги обратно? Неожиданный случай, почти чудо. И если уж договаривать до конца, я ведь злился на Робертсена, и заявил на него в полицию, и обзывал его собакой, но я ошибался, выходит, в глубине души он был честный человек. Да и пастор тоже удивительный, прямо так и сказал: «Вернуть вам деньги!»

На другой день Абель с волнением прогуливался мимо банка, заходить не стал, но показался перед ним, стоял, читал объявления, разглядывал образцы иноземных банкнот в витрине. На объявлении, написанном от руки, он прочел, что господина Абея Бродерсена просят зайти в банк. Он зашел, поставил где надо свое имя и вышел, заметно растолстев от бумажек. Так проста жизнь.

Теперь от человека, не стремящегося наверх, вполне можно было ожидать, что он изорвет деньги на мелкие кусочки, разбросает их по улице и растопчет ногами. Но Абель так не поступил. Видно, жизненный опыт сделал его умней. У него было много мелких долгов, надо было расплатиться в «Приюте моряка», им он задолжал так мало, что можно рассчитаться одной крупной бумажкой. Еще надо сходить к Лили, упатить ей за бифштекс и вообще, понемногу наберется и в каждой лавчонке, сплошь мелкие долги.

По дороге в «Приют» он неожиданно увидел Ольгу, та прогуливалась с какой-то дамой, обе — в мехах. Он поздоровался, другая дама ответила, а Ольга нет. Поглядела, но не ответила, она больше не знала его.

Странно. Уж кивнуть-то она могла бы. Что ни говори, а в его глазах она разрушила свой прекрасный образ, образ-воспоминание, который он проносил в душе тридцать лет. Вполне могла бы кивнуть. Неужели это Ольга?

Теперь видишь, сказал он самому себе, что ты был слишком неказисто одет. Она окинула тебя взглядом, но не поздоровалась, она знает себе цену. Ну, на одежду у тебя деньги есть, более чем достаточно у тебя денег, хотя расход бу-

дет большой. Да и помимо расхода надо еще освоиться с новой одеждой, даже пуговицы и те никогда не пришьют на то же место, где они были на старом костюме, у каждого мастера своя пуговичная система. А как насчет карманов и подкладки? Беда, да и только. Ни одного прочного костюма теперь не купишь. Эта рабочая неделя в садоводстве будет стоить мне уйму денег.

Он сходил к портному и красиво оделся для зимы, наведаясь к Лили, в «Приют», в лавочки. Но вечером он спросил себя самого: какая же разница между вчера и сегодня? Что у меня появилось такое, чего не было раньше? Кой-какая одежда? Ночью он укрылся своим ульстером, а стекла в окне как не было, так и не было.

Люди уделяли ему теперь больше внимания, изумлялись, встретив его, здоровались. Они с недоверчивым видом разглядывали его костюм, перед ними был важный человек, светский человек. Кузнец Тенгвальд здоровался, почтальон — то же самое. Фотограф Смит остановил его и спросил почтительно, не желает ли он иметь хороший снимок. Абель пожелал и пришел в фотографию. Это совсем даже и не плохо, он ни разу не фотографировался после своего первого выхода в море — ты, верно, уже забыл те дни, когда то и дело фотографировался, а потом раздаривал снимки девушкам в портовых городах, и девушки были так признательны и целовали снимок и собирались приобрести для него рамочку — а потом забывали на столе в портерной.

Фотограф Смит сказал:

— Извините, что я осмеливаюсь вам об этом сказать, но у вас что-то на шляпе. Не пойму, что.

Абель поглядел:

— Вы про пятна? Не знаю, может, это фруктовый сок? Я недавно проработал несколько дней в садоводстве.

— Если фруктовый сок, его не выведешь, — сказал фотограф Смит и наиллюбезнейшим образом посоветовал ему купить новую шляпу.

Ну конечно, обзаведясь новым костюмом, надо было справиться и новую шляпу, но ведь всего не упомнишь.

— Я куплю шляпу и перчатки, — сказал он.

Словом, он навел на себя лоск на случай очередной встречи с Ольгой, но Ольга ему не встречалась. Он часто бродил по улицам, искал ее, но все напрасно.

Зато он встретил жену таможенника Робертсена. Она была хоть и в трауре, но со свежей завивкой и густо напудрена.

— Какая неожиданная встреча! — сказала она, обводя взглядом новый костюм Абеля. Она лучше других знала, откуда взялись деньги на новый костюм, это были ее деньги, чего она и не стала скрывать. — Мне пришлось выложить немалые деньги в моем-то вдовьем положении, но раз уж он на смертном одре, с пулей в голове, высказал такое пожелание, я не стала возражать. Только зря он посвятил в это пастора, тот сразу начал совать свой нос в наши дела. А того, кто стрелял, удалось найти, и его посадят на много-много лет, стало быть, ему это даром не пройдет. А ты, Абель, не хочешь к нам заглянуть? Раз теперь тебе по карману такой дорогой костюм, сходил бы ты как-нибудь вечером погулять с моими девочками, на хороший концерт или еще куда-нибудь, раз у них такое горе. Твой отец, пока был здоров и на ногах, не пропускал дня, чтоб не заглянуть к нам. Ну, передать от тебя привет девочкам?

Словом, все люди поголовно сошли с ума.

Самое неприятное для человека при деньгах то, что он обречен на бездеятельность. Ему незачем ломать голову над вопросом, где раздобыть еду на завтра, одежды у него вдоволь, есть и крыша над головой, и кровать. Абель не привык к роскоши и привыкать не собирался. Он сидел на своем дурацком богатстве, становился все тупее. На что только у него теперь есть время, на что только у него теперь нет времени. Само собой, он как-то его коротал, да-да, он заделался самым настоящим праздношатаем, но вообще-то его разбирала тоска. Может, стоит наведаться на пристань, почему бы и нет?

Там, где прежде было причальное место «Воробья», качивалось на волнах моторное суденышко, которое доставляло молоко на два молочных завода. Большое, нескладное чудище, вроде старинных галеасов, рабочая колымага без красного дерева и меди, смазанная и просмоленная, а не полированная и выкрашенная.

Абель поднялся на борт и поздоровался со своей прежней командой с «Воробья», Северином и Леонартом. Большая честь для нас, капитан, сказали они. Разве можно сравнить это чудище с «Воробьем»? У него даже имени нет, у него есть только номер, корыто на морской волне, срам, да и только. Они божились, что, будь Абель у них капитаном, дело никогда не повернулось бы так скверно, таково их искреннее мнение. Чтob какой-то плотовщик напялил на себя капитанскую фуражку и встал за штурвал! Впрочем, дирекция за это ответила, так ей и надо.

— Не так он вроде и плох, — сказал Абель.

— Плох? Господи! У него же даже носа нет, у него только брюхо.

— Ах, капитан, вот купили бы вы новое судно, мы бы тотчас перешли под вашу команду. Можете на нас положиться.

Абель ответил, что на судно у него нет денег, но, оглядев его с головы до ног, они сказали:

— Что-то не похоже, капитан!

На обратном пути после этой идиотской прогулки на пристань он снова наткнулся на Ольгу. Но еще до этого он встретил старую знакомицу, по имени Регина, с детской колясочкой.

Регина залилась румянцем, залилась невинным румянцем, и в глазах у нее вспыхнула радость, она стала такая взрослая и красивая, она возила по городу свою дочь, та была уже не маленькая, уже могла сидеть в коляске. Проворный человечек Регина, она на своем веку торговала вафлями и «Безмолвным утешителем», а теперь стала счастливой женой и матерью в расцвете сил.

Они долго толковали о том о сем, причем он говорил с ней отеческим тоном, потому что был вдвое ее старше. Она рассказала, что у нее очень хороший муж, он служит машинистом на каботажном судне. Лишь с превеликой неохотой она призналась, что он вообще-то не первый машинист, а второй, в том, что он даже и не машинист, а кочегар, она и вовсе признаваться не стала. Абель замечает, что на жалованье мужа они, верно, не без труда сводят концы с концами. Она, в свою очередь, с гордостью сообщает, что он ходит аж на «Короле Роальде», самом большом и красивом пароходе на этой линии. Она уже несколько раз составляла ему компанию, пока не завела ребенка.

— Но когда ты вырастешь большая, мы снова поедem с папой, Сельма! — сказала она. Малышка уже, наверно, слышала эти слова много раз, она поняла и задрала кверху ручки.

— Да-да, вот такая большая! — улыбнулась мать.

Абель достал из кармана бумажку и сказал:

— Это на куклу.

— Спасибо, у нее уже есть кукла, отец купил.

— Тогда на вторую.

— Но этого слишком много. Поблагодари дядю, Сельма.

Девочка протянула ему руку. Он не мог спокойно пожимать детские ручонки, он сразу размяк от умиления. Детские ручонки такие нежные!

Он попрощался и ушел в совсем другой мир.

Ольга сидит в своем авто, сильно накрашенная, за рулем — дантист, машина стоит перед цветочной лавкой, они чего-то ждут, дверца распахнута.

Абель здороваётся, через мгновение она кивает в ответ. Кивает два раза подряд и улыбается.

«Это костюм, — думает он. — Не ты сам, а твой костюм».

Ольга его останавливает:

— Добрый день, Абель! А я к Лолле собралась. Лолла-то — у нее мальчик, здорово, правда? Я сразу подумала про цветы, дай, думаю, отвезу ей цветы. А ты не собираешься к Лолле?

— Потом, — ответил он.

Когда вынесли букет, он даже и не ждал, что она оторвет для него хоть один-единственный цветочек, хотя, видит Бог, у него для этой цели имеется новая петлица в костюме. Нет, о нем она не думает, она даже не пригласила его в машину, она блюла дистанцию. Ни особого пожатия руки, ни тайного взгляда, ничего, совершенно ничего ради него, все только ради сенсации, сенсации и еще раз сенсации.

XXIX

А зима выдалась суровой, у него уходило очень много еды, чтобы хоть как-то согреться. Деньги таяли, Абелю нужны были башмаки, башмаки на каждый день, и Лили тоже были нужны. Хозяин из Абеля был никудышный, и опыт ничему его не научил, он раздавал деньги направо и налево, он подкинул и Лили от щедрот своих.

— Понимаешь, Абель, маленькие, они теперь уже, слава Богу, большие, им нужна одежда, и мне, Абель, тоже нужно, чтобы было в чем выйти в воскресенье. Вот этот свитер он мне отдал совсем недавно, потому что не мог больше надевать его на работу, он и неплох, свитер-то, для тепла, но ведь пальто с серым меховым воротником, каким обзавелась Ловиса Роландсен, это же совсем другое дело.

— Хорошо, Лили, давай купим и тебе такое же пальто.

Но это была последняя покупка, на которую у него хватило денег.

Четыре самых суровых зимних месяца он прожил очень скверно, время от времени добывая какую-нибудь еду, то подзаработав где-нибудь, если позовут, то воруя по ночам какую-нибудь мелочь. Выглядел он в своем костюме по-прежнему хорошо и мог показываться где угодно. Он не жаловался, другие жили немножко лучше, правда, средств у них больше, но зато у него есть дар терпеть лишения.

Да, он прав, у него есть дар терпеть лишения.

Взять, например, Лоллу. Разве не выпали и на ее долю тяжкие испытания, с тех пор как она вышла замуж за благородного? Взять хотя бы то, что ей нет доступа в родительский дом Клеменса. Родители — это еще куда ни шло, но ведь и сам Клеменс нигде с ней не бывает, как бывал со своей женой Ольгой. Конечно, Лолла здорово раздобрела и ждет ребенка, и вообще, но ведь это не только ее ребенок, верно? А она остается прежней Лоллой, такой же деятельной и полной живого тепла. Когда таможенник Робертсен был ранен и потом умер, она радовалась, как может радоваться здоровый и активный человек, но муж, видя это, только головой качал. Слыханное ли это дело — быть таким благородным?

Стоило им выйти вдвоем, как фармацевт выскакивал на дорогу и раскланивался, помахивая короткой ногой.

— Что это все значит, хотел бы я знать? — спросил наконец Клеменс. — Почему он всякий раз доводит это до такой крайности? Ты его знаешь?

— Знала, — ответила Лолла.

— Значит, ты его знала. Но я предпочел бы, чтобы он перестал кривляться. Мне уже третий или четвертый раз приходится это наблюдать.

— Я и сама просила его прекратить, но он не послушался.

— Ах, вот как, — сказал Клеменс. И не бросился вперед, и не пустил в ход против бедолаги свою пальмовую тросточку, он просто безмерно страдал из-за того, что у жены его в прошлом были такие знакомые. Клеменс замкнулся в свою скорлупу и остался самим собой.

Словом, Лолле было худо. Ах, насколько же лучше жилось ей, когда она брала книги у своего будущего мужа, а потом рассуждала с ним о князе Мышкине и Жане Вальжане. Теперь он запросто может обратить взгляд на свою жену, на Ольгу! Отчаяние, слезы, Ольга и лицом много красивее, и разговор у нее занятнее, и накрашена она, и наделена тем, что зовется шик, вот разве для чего другого она не годится, для другого она не очень, по ней видно, у нее даже грудей

нет, плоская, как доска, ха-ха, а один раз она и вовсе надела шляпку задом наперед, только чтобы хоть как-то отличаться...

Потом все стало по-другому, дитя родилось на свет, и это был мальчик, не мальчик, а чудо, и волосиков у него было много, потом они, конечно, выпадут, но вместо них вырастут новые, и еще он так крепко хватался за все пальчиками, как дай Бог двухлетнему, и голос имел громкий, и все время требовал грудь.

На первых порах мать его не сказать, чтобы так уж обожала. Она твердо настроилась на то, что будет девочка, и перебрала для нее в уме множество имен. О таком имени, как Розамунда, и речи быть не могло, а это было единственное, которое бы ее устроило, но отец был категорически против. А раз родился мальчик, ей все равно, пусть хоть Ола назовут.

Поначалу, впервые увидев мальчика, Клеменс не проявил большой отваги и не выказал себя храбрецом. Он покраснел, смутился и не посмел взять его на руки. Мать, та оказалась побойчей, она предложила:

— Подержи его.

— Потом, потом, — ответил он и направился к дверям. — У меня как раз очень серьезное дело.

«Потом», — сказал он!

Вообще-то это была чистая правда, Клеменс был поглощен очень серьезным процессом: лесопильне по-прежнему принадлежал водопад — а теперь предстояло продать его новой фабрике. И продавать поручили Клеменсу. Речь шла об очень значительной сумме. Аптекарю предстояло вновь разбогатеть.

Три недели спустя сделка была завершена. Об этом было написано в газетах, а еще было написано, что Клеменс проявил себя с наилучшей стороны.

За это время он нередко отрывался от работы, глядел на мальчика, а потом украдкой выходил из комнаты. Когда живое чудо поднимало крик, Клеменс ужасно возмущался, тотчас призывал мать и служанку и выговаривал им:

— Куда это вы все от него ушли?

— Как мы его назовем? — спрашивала мать.

— Откуда мне знать? Я вот подумываю насчет Ганнибала.

— Грандиозно!

— Почему «грандиозно»? — обижался он. — По-моему, это имя вполне ему подходит. Вдобавок мне известны люди, которых зовут «Александр».

Приятная тема для обсуждения. Клеменс снова вылез из своей скорлупы и начал во всем принимать участие. Удивительно, до чего все изменилось, не в одном только Вифлееме родилось на свет дитя.

— Опять он у вас кричит!

— Не волнуйся так, это не он, это канарейка!

Она улыбается. Ох уж эта Лолла, всем взяла, так и на свет родилась, женщина и вся прелесть ее. Он хочет вручить ей что-то, о чем совершенно забыл, никогда такого не видел, кольцо, обручальное кольцо, совсем из головы вылетело. Как-то, вернувшись домой, он приносит его в коробочке. Только вот незадача, ха-ха! На Лоллин палец его можно пропихнуть только до конца первого сустава, дальше оно не лезет.

Но подарок, который ее радует больше всего, — это приглашение ей и ее мужу к новому помощнику судьи. Старуха так и сядет! Но старуха так и не села. Лолла ее недооценила. Бывший помощник судьи и его супруга нерушимо блюли принадлежность к высшему классу: узнав, что туда же званы Вильям Клеменс с супругой, они прислали отказ, сославшись на инфлюэнцу. Они свято блюли сословную идею.

* * *

Так и все остальные — блюли каждый свое и тем были заняты. Абелью же было нечего блюсти, но и он тем не менее жил. Лили часто приходила к нему и, проведя у него какое-то время, уходила, не замечая его нищеты. Она тоже была занята своим: подумай, не могла бы я снова получить место кассирши на новой фабрике. Замолви за меня словечко, ладно? «Да-да», — отвечал Абель. И еще она знала, о чем пишет «Газета»: помнишь книготорговца, у которого ты когда-то служил? Он обанкротился, Клеменсу поручено провести ликвидацию. Просто удивительно, как все получается: ты еще помнишь его дочь по школе? Ее звали Элеонора, и на конфирмацию ей подарили жемчужные сережки, а потом она вышла замуж за банкира в Осло, а банкир что-то натворил, его посадили, а потом он уехал в Южную Америку, да там и сгинул. А теперь вот и отец обанкротился. Вот и выходит, что ничуть не лучше стать в жизни чем-то другим, чем стали мы. Я-то ни с кем бы не стала меняться, лишь бы мне заполнить это место.

У Абеля сложилось впечатление, что кто-то в городе думает о нем, неизвестно кто, но не из тех, с кем он знается. Не

Лолла, это точно, Лолла теперь проявляет к нему полнейшее безразличие, она ему больше не мачеха, она теперь фру Клеменс. Но вернувшись однажды вечером домой, он увидел на ручке двери пару толстых новых носков, из тех, что продаются в деревенской лавке. Идиотская затея, носки ему пока не нужны, а когда понадобятся, у него есть пара разноцветных, с шелковой полоской, в них еще завернут револьвер. Другим вечером на том же месте висел пакет с бельем, которое ему тоже без надобности. Что за непонятная назойливость?

Он попытался выбить из Лили признание, что это она вешает на его дверь все это добро, но Лили всячески открещивалась и казалась невинной, как дитя в материнском чреве.

— Возьми, если тебе нужно, — сказал он.

— А ты их случаем не нашел где-нибудь?

— Нет, они висели у меня на дверях.

— Знаешь, они так вынюхивают, откуда что у кого взялось, если я возьму эти вещи, я, значит, укрывательница. Я боюсь их брать.

— Ну, как хочешь.

— Ты только не сердись.

Потом она рассказала, что умер слепой шарманщик. Хорошая смерть, в больнице. А под рубашкой у него, прямо на голом теле, нашли двенадцать тысяч крон. Это ж надо! А теперь эти большие деньги положено разделить между родственниками, которых он отроду не видал и про которых даже не знал. Так написала «Газета».

Удивительные парадоксы жизни.

Впрочем, после смерти шарманщика на дверях у Абея не появлялось больше никаких пакетов.

И все же не подлежало сомнению, что кто-то в городе о нем думает. Случалось, что на улице к нему подходили дамы и просили сделать им такую же медную шкатулку, как у Ольги Гулликсен. Иногда его просили жены купцов, им-де позарез нужна шкатулка без ключа и без замка, он может сдать ее в лавку Гулликсена и там получить деньги.

— Да-да, — отвечал на это Абель.

Верно, эти дамы стакнулись между собой, чтобы обеспечить ему хоть какие-то доходы. Вот курицы, им приспичило творить добро, а он отдувайся. Они даже и не понимали, до чего они противные, а ему впору нос зажимать. Они все достигли того возраста, когда уже ничего не стоят как женщины, и потому ударились в религию, благотворительность и политику, они хором кудахчут, но уже не несутся,

пробуют кукарекать, но не выучились. Курицы, мокрые курицы среди нормальных людей, что им еще остается делать? Заниматься религией, благотворительностью и политикой. Ему, во всяком случае, их лучше избегать.

Одна из пасторских дочек пожелала узнать, когда она может получить готовую шкатулку. Через недельку-другую? Или через месяц?

— Да, — сказал Абель.

Уж тогда больше смысла имело предложение, которое он получил от Клеменса.

— Я слышал, — начал Клеменс с привычной учтивостью, — что вы однажды были так любезны предложить госпоже Фредриксен помощь в саду. Нельзя ли сейчас пригласить вас для этой цели?

— Да, спасибо.

— А вы не могли бы привести с собой людей и вырубить несколько деревьев?

— Да, могу.

— Госпожа Фредриксен будет очень рада. Может, вы скоро и приступите к делу?

— Завтра.

Он отправился домой, решив обратить в деньги пару носков и кое-что из белья. Чтобы на вырученные деньги разжиться провиантом.

— Где вы это взяли? — спросил старьевщик.

— Все висело у меня на дверях, когда я вернулся домой.

— Я не рискну это купить, — сказал старьевщик.

Абель:

— Но мне это не нужно, я тогда просто все у вас оставлю.

— Нет уж, заберите лучше с собой.

Впрочем, провиант ему и не понадобился. Из кухни госпожи Фредриксен ему часто присылали еду, кофе с пирожными и тому подобное, не говоря уже о том, что сама госпожа не раз приходила поболтать с ним и была весьма оживленна. Оказывается, здесь надо было пересадить два каштана, они закрывали вид на море. Госпожа сперва отыскивала, куда бы ей сесть, после чего часами развлекала его рассказами о своем муже, о капитане Ульрике и о себе самой.

Лет ей было под пятьдесят, она была сильно накрашена, а брови до того выщипаны, что оставалась только тоненькая ниточка. Она расточала безудержные похвалы своему мужу, неслыханно предприимчивый коммерсант и чистая душа, но она у него вторая жена и потому много моложе. А

его брата Ульрика она даже и вспоминать не хочет, тем не менее она вспоминала его очень часто и рассказывала о нем всякие истории.

Абель работал все время, которое оставалось от разговоров с фру Фредриксен. Он выкопал глубокую канаву вокруг деревьев, обвел их проволоочной петлей, чтобы они не опрокинулись от ветра, и залил все водой, чтобы земля и корни смерзлись в цельный ком, который будет нетрудно перенести. Фру спрашивала, не надо ли ему помочь. Нет, спасибо. Она и сама, судя по всему, была довольна, что он здесь один и ей можно говорить без церемоний.

— Представьте себе, мне вовсе не так легко жилось, он ведь несколько лет был прикован к постели, а я много его моложе, но выйти никуда не могла. Меня заставляли играть для него, все играть да играть, пока не обзавелись граммофоном, а заводить граммофон мог и он сам, без меня, вплоть до этой весны, когда у него случилось последнее кровоизлияние. А сами-то вы, разъезжая по всему свету, ничем серьезным не болели?

— Нет. У меня только один раз был солнечный удар.

— Это больно?

— Нет, просто я после этого какое-то время был не в себе.

— Вы только подумайте, вот я никогда ничем не болела. Ведь это великое благо — быть здоровой и крепкой. Я себя так чувствую, будто я еще девочка.

Она очень заботливо относилась к Абелью, хотела подарить ему мужнее охотничье ружье, с которым тот ходил на лосей. Нет, спасибо. «Почему же?» — спросила она. Он не признался, что ружье ему никогда не сбыть, а вместо того сказал, что у него уже есть револьвер.

Она то и дело посылала за ним, когда в доме надо было поднять или передвинуть что-нибудь тяжелое. Еще у нее была машина, только водить ее некому, раньше, до своей болезни, машину водил сам Фредриксен, а после его смерти машина так и стояла на приколе. Абель посмотрел ее, почистил мотор, смазал, сделал пробную езду, после чего отвез фру в город. Ну и само собой, он никак не мог довести до конца пересадку каштанов, потому что его то и дело вызывали по всяким пустякам и он сразу прибывал на вызов.

Она предложила ему ночевать в имении, она сказала:

— А то вам придется далеко ходить утром и вечером.

— Не беда, — отвечал он, — иногда меня подвозит грузовик.

— Я вполне могла бы довозить вас на машине до города.

— Нет-нет, я и сам дойду.

— Зачем же, когда у нас есть машина? — И, не дожидаясь ответа, пошла приводить себя в порядок.

Они поехали в город. Магазины частью были уже закрыты, частью закрывались.

Фру Фредриксен с улыбкой:

— Но я ведь не могу сама себя отвезти домой. Как же нам теперь быть?

— Если фру угодно, я отвезу ее обратно.

— Да, спасибо.

На базарной площади они разворачиваются и едут назад.

— Теперь уж вам придется заночевать здесь, — говорит фру. — Час очень поздний.

Но он не хочет.

— Ничего, спасибо, я и так дойду.

— Горничные уже приготовили для вас комнату.

Абель снова благодарит и говорит:

— Мне ведь надо завтра привести людей, чтобы пересадить деревья.

— Подумаешь, деревья... но раз вы не хотите...

Утром Абель привел с собой еще двоих. Он соорудил нечто вроде плота, который катился на бревнах, а с подручных только и требовалось, чтоб они поддерживали деревья вертикально и не повредили ветвей.

Плот с деревьями тащила машина.

После обеда оба каштана были водворены на новое место и землю заровняли. Теперь им следовало отправиться к Клеменсу за платой. Но Абеля пригласили на второй этаж к мадам полюбоваться дивным видом из окна. Белым маяком и далеко внизу — пароходами и моторкой, которая возвращалась домой, развезя молоко.

— Значит, вы уже управились? — спросила фру Фредриксен.

— Да.

— Я бы хотела... здесь еще наверняка осталась уйма дел. А у меня даже и шофера нет, он не желал держать шофера, не желал, чтобы я ездила с кем-нибудь, кроме него.

Молчание.

— Я бы с удовольствием предприняла путешествие на машине. А вы бы ее вели.

— Я уезжаю, — сказал Абель.

— Прямо сейчас? Сперва мы бы могли все-таки поездить. Подумайте об этом.

— Ладно.

— Вы согласны? Ну хорошо, мне надо только позвонить Клеменсу, и я готова...

XXX

К нему опять пришли деньги и пришло благополучие, но и на сей раз он не сумел их удержать. Через несколько недель он снова оказался на мели.

Однажды он подкараулил вафельщицу, но та держала ухо остро и не поддавалась на его уловку, что он, мол, желает попробовать ее товар. Вообще же она процветала, потому что была не простая вафельщица, а с выдумкой и торговала не только на пристани, но и на станции.

Предпринял он и несколько набегов на товарные склады, где обнаруживал отличные вещи, которые вполне можно сбить с рук, от железных труб до носильного платья, но кому их здесь сбудешь? Вот будь это в Кентукки!

Наведаться на молоковозку, на которой ходили Северин и Леонарт, не имело ни малейшего смысла, у них на борту ресторана не было. «Какого черта!» — воскликнули бы они, не понимая своего капитана. Он еще раз попытал счастья у вафельщицы — безрезультатно. Разумеется, у него было множество других возможностей, и однажды среди бела дня он начал рисовать веснушки у себя на лице, рисовать, не скупясь, прямо целые поляны веснушек. Получалось очень здорово, словно он прошел курс ношения веснушек. Но имел он виды не на банк и не на какую-нибудь контору, а на продовольственную лавку. Он старательно подготовился к походу, даже надел ульстер, в котором до того ни разу не появлялся на улице, и вышел в путь. Времени было одиннадцать, не больше, но уже хорошо, темно.

Сперва он сверлил дыру в окне, но тут в доме залаяла собака. Абель не обратил на собаку ни малейшего внимания и спокойно продолжал сверлить. В лавке вспыхнул свет.

Когда свет ударил ему в глаза, у него не осталось иного выхода, кроме как постучать. Человек открыл дверь и спросил, какого черта?.. Абель хотел войти, в надежде ухватить что-нибудь с прилавка, но человек его не пропустил. Какого черта?..

Да вот, он пришел забрать часы.

— Какие такие часы?

В квартире. Ему поручено.

— Это ошибка. Ступайте себе своей дорогой.

— Комнатные часы, их надо посмотреть.

— Убирайтесь отсюда, немедленно!

— Нет, вы только послушайте меня и не горячитесь. Плохо, конечно, что я пришел так поздно, но такой был уговор. Я днем работаю у мастера, а по ночам чиню часы, чтобы малость подзаработать.

Человек перестал горячиться, но у него нет часов, которые нуждаются в починке, и ни за каким часовщиком он не посылал.

Неудача, это ж надо какая неудача! Лоуренс наверняка бы посмеялся над его дурацкой затеей, на худой конец он бы рванул рубашку на груди и сказал: «Вы только погляди-те, как я от голода высох!» И наверняка добился бы своего, не разрисовывая лицо веснушками.

Конечно, даже и сейчас им были использованы еще не все возможности. Так, к примеру, вполне можно продать бесценные носки, в которые был завернут револьвер, можно продать и револьвер, коль на то пошло, найдись в городе хоть один старьевщик, который не побоится. Ему очень недоставало Лоуренса, недоставало Кентукки, Грин-Риджа, ручья.

Вполне можно бы посидеть на рыбацьем причале, покалякать с почтальоном или еще с кем-нибудь, но от этого сытей не станешь. Чтобы не истязать себя, он бы даже выпил стаканчик, если поднесут, но на пустой желудок он плохо переносил выпивку. То же и с табаком — много курить он не мог, а когда они вдобавок заметили, как он плотно набивает трубку, чтобы хватило на два раза, их разобрала досада и больше они ему вообще ничего не предлагали. Он достал собственную табакерку, раскрыл ее, но тотчас хлопнул, потому что в ней ничего не было. Хотя нет, в ней лежала сложенная желтая бумажка, желтая рекламная бумажка, которую он подобрал где-то среди складов и которая напоминала десятикрановую бумажку. «Ну, — сказали они, — раз у тебя есть десять крон, ты можешь и сам купить себе табаку».

Шел март, самое тяжелое время. Еще никогда ему не приходилось хуже, от постоянного недоедания лицо у него стало каким-то незначительным, а сам он — совсем незаметным среди людей. Впрочем, какие-то возможности у него сохранились до сих пор. Например, парикмахер, что жил у садоводства.

По дороге к садоводству его обогнала машина аптекаря. Это Ольга ехала со своим отцом, который вновь заделался лихим матадором. Когда Абель добрался до садоводства, Ольга с отцом стояли возле машины и разговаривали. Абель поклонился и прошел мимо. Странная личность эта Ольга. Она не ответила на приветствие. Отец ответил, и весьма учтиво, но Ольга его теперь знать не знала.

Но разве не было у них тех двух вечеров? Почему же надо их забывать? Сперва один вечер, потом другой, получается два — и оба забыты! У него только и осталось от нее что фотография. Конечно, он мог тогда и отказаться, но теперь уж ничего назад не воротишь, да, надо бы ему держать себя тогда как ангел на небеси и отказаться. А теперь вот она ждет ребенка. Стоит возле машины и ждет ребенка. В этом не было ничего бессмысленного и ничего случайного, все хорошо продумано: она, правда, не знала, поможет ей это или нет, но решила попробовать. И никакой неясности это тоже за собой не влекло: либо она выгораживает Абеля, либо от него отрекается, одно из двух, во всяком случае, она его не выдаст, она не выдаст никого. Но с какого-то определенного дня уже не случается больше, чтобы зубной врач, по имени не то Фольмер, не то Вольмер, ездил на гулликсеновском авто в гулликсеновский загородный дом. Если отвлечься от этой детали, Вильям Гулликсен воспринял все как настоящий мужчина и как хозяин положения: когда пошли разные намеки, подковырки и поздравления, он даже — хоть и со скрежетом зубным — проявил известную гордость. «А как же иначе?» Да и что тут прикажете отвечать? Не выставлять же себя на посмешище.

Все в порядке, Абель стерт из памяти.

Он заходит к парикмахеру — и вот здесь получается радостное свидание! Но Абель спешит, может, отец и дочь до сих пор стоят возле своей машины, тогда он уже бритый пройдет мимо и еще раз поздоровается.

— Вы можете наскоро привести меня в божеский вид? — спрашивает он. — Только денег у меня нет.

— Не говорите мне про деньги! — восклицает парикмахер. — Неужели я забыл Пальмовое воскресенье на вашем корабле, и как вы угощали меня и мое семейство, и роскошную каюту, и вообще все вместе взятое — это была для нас такая удивительная, такая прекрасная поездка, мы часто о ней вспоминаем. Покуда я жив, капитан, я буду вас брить бесплатно.

— Обмахните меня слегка щеточкой, вот так, спасибо, до свиданья.

Но когда он вышел, машины на прежнем месте уже не было.

А теперь он уже не мог вернуться к парикмахеру и попросить у него хоть какой-то еды. Вот и опять неудача, но его это не слишком огорчило, подумаешь, еще одна неудача.

Приличия ради он даже улыбнулся.

* * *

Апрель и май — все уже гораздо лучше. На полях еще, правда, ничего не вызрело, но холода миновали, снова светит теплое солнце, а солнце — это наполовину еда.

Удивительно, как ему взбрела в голову такая блажь, но однажды на свалке за складами он нашел мясную кость, мосол какой-то свиньи, которая вполне могла согдиться. Он взял ее домой, раздробил, но не затем, чтобы из нее что-то высосать, а чтобы смазать дверные петли костным жиром — на случай, если она придет. Она уже бывала здесь раньше и при этом несколько раз повторила: «Это тебе я была предназначена, это мы должны были достаться друг другу».

Но она не пришла.

А пришла Лили. Наперекор мужу и всему прочему взяла и пришла. Принесла вафли, которые выпросила у матери, и от всей души потчевала Абелья. Она долго у него оставалась, вечер был теплый, она сняла пальто с серым меховым воротником, еще что-то сняла с себя и еще что-то сняла с себя, уж очень выдался теплый вечер.

Она была даже ласковей обычного, но, перед тем как уйти, обронила, что «двум малышам, ну, ты знаешь, каким» скоро понадобится велосипед.

— Да, — сказал Абель.

На другой день поутру пришел мальчик-рассыльный и принес дюжину фотографий от Смита.

— Положи, — сказал Абель.

— Я принес счет.

— Я сам приду и заплачу.

Черт побери, чего это они все к нему повадились. Совершенно незнакомые люди так и ломались в его дом, словно это для них он смазывал дверные петли. Вот в Кентукки он бы чужих людей и на порог не пустил...

Потом к нему пришел Клеменс — сам Клеменс пожаловал в его халупу. Причем он был смущен даже больше, чем Абель, и многократно извинялся:

— Я пришел... мне очень неловко... но я пришел, чтобы вернуть вам большой долг, господин Бродерсен. Я искал вас в имении у госпожи Фредриксен, а вообще-то у меня здесь, — он сует руку в карман — в бумажник, — здесь тысяча крон, которые я вам должен, которые Ольга брала для меня...

— Ну, это не к спеху, — сказал Абель.

— Мне очень, очень стыдно, мне уже давно следовало, пожалуйста, вот деньги, и прошу вас меня извинить.

— Да что вы, уверяю вас...

— Отлично. Вы очень любезны. Вообще-то она брала две, но одну тысячу, как я слышал, вам уже вернули.

— Да.

— Мне очень стыдно. Впрочем, у меня к вам и еще одно дело: фру Фредриксен звонила много раз, но я не мог вас найти. Ей очень хочется, чтобы вы приехали к ней в имение, она, помнится, говорила с вами об автомобильной прогулке...

— Я собираюсь уезжать, — сказал Абель.

— Ну а до отъезда? Мне кажется, фру Фредриксен в своем горе придает большое значение этой прогулке. Словом, если бы вы могли съездить в имение и поговорить с ней на эту тему...

— Я подумаю.

— Вот и спасибо. Фру будет очень рада. А Лолле передать от вас привет?

— Да, конечно!

— Она стала матерью.

— Поздравляю и желаю счастья.

— У нас мальчик. Это великое дело.

Он и еще раз видел Ольгу, когда шел в полицейский участок. Он поздоровался и прошел мимо. Она его больше не знала.

Так вот, они в полиции хотели бы побеседовать с ним — вот, пожалуйста, садитесь. Вы знали когда-то некоего ирландца по имени Лоуренс? Ах так, вы жили вместе с ним в Кентукки? Он умер в тюрьме. Но теперь ирландские родственники надумали добиться его реабилитации — они получили от него письмо, где он утверждает, что невиновен. Вот власти в Кентукки и попросили нас побеседовать об этом с вами, и, коль скоро вы что-нибудь знаете, дать нам объяснение. Ничего серьезного там нет, просто объяснение, которое в случае чего могло бы утешить ирландскую род-

ню. Из Кентукки сообщают, что Лоуренс оставил письмо и для вас и что это письмо было обнаружено уже после того, как вы оттуда уехали.

— Да, я оставил его, когда уезжал, — сказал Абель.

— Говорят еще, что письмо, адресованное вам, подтверждает письмо, адресованное родственникам.

— Не могу вам сказать, я его не читал.

— Значит, вы не получили его до отъезда? Так вот, по поводу объяснения. Предстоит множество хлопот и для вас, и для нас, но ничего не поделаешь, мы обязаны.

Абель:

— Я сам туда собираюсь.

— Вы поедете туда? В Кентукки? Прямо сейчас?

— Да, поеду.

— Господи, да лучше и быть ничего не может. Какое удачное совпадение! Значит, мы можем просто сообщить им, что вы едете туда и дадите все объяснения на месте?

— Можете.

— Значит, вы уезжаете, так-так. Наверно, вам надо за чем-нибудь там приглядеть, у вас там есть имущество или что-нибудь такое? Большое спасибо за вашу любезность. А когда вы едете?

— Сегодня ночью.

— Это ж надо! Ну, счастливого пути.

После него в сарае осталась пара толстых шерстяных носков и кое-что из белья. Керосинка стояла на месте, кровать стояла на месте, все остальное, немногое, чем он владел, он забрал с собой. На адрес Лили он послал детский велосипед, а у фотографа Смита побывал лично и расплатился за фотографии.

КОММЕНТАРИИ

В пятый том Собрания сочинений Гамсуна вошли произведения заключительного этапа художественного творчества писателя, романы «Последняя глава» (1923) и «Круг замкнулся» (1936).

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

Замысел романа «Последняя глава» возник у Гамсуна в результате тяжелых раздумий о бренности и скоротечности жизни, вызванных не в последнюю очередь смертью его матери в январе 1919 года. Один из лучших среди романов писателя, он в наибольшей степени пронизан настроениями безнадежности и отчаяния. В нем Гамсун обращается к экзистенциальным проблемам бытия, как это уже было в начале 1890-х годов в романах «Мистерии» и «Пан». В образе самоубийцы Магнуса Гамсун создает тип человека, одержимого, подобно Нагелю («Мистерии»), мыслями о самоубийстве. Однако в отличие от Нагеля или даже Глана («Пан»), способных свести счеты с жизнью, самоубийца Магнус вовсе не отличается их целеустремленностью. На новом творческом этапе Гамсун словно иронизирует над своим былым увлечением романтическими героями. Внезапное исчезновение, а затем неожиданное появление в «Торахусе» самоубийцы Магнуса выглядит комичным.

В тематическом плане новый роман Гамсуна более всего напоминает «Волшебную гору» Томаса Манна. Большая часть событий в романе происходит в горном санатории. Его пациенты живут в нереальном, придуманном ими мире, спасаясь от неприятностей и невзгод действительной жизни. Их существование непрочное, обманчиво, фальшиво. Они занимаются интригами, сплетнями, флиртуют и выдают себя не за тех, кем являются на самом деле. Нарисованная таким образом картина выходит за рамки конкретно-бытового жизнеподобия и приобретает характер метафоры, иносказания, символа. В ней легко угадываются черты вызываю-

щей отвращение Гамсуна современной цивилизации. Однако писатель не ограничивается констатацией и анализом уродливых сторон действительности. Трагикомическому существованию обитателей «Торахуса» он, как это уже было в «Плодах земли», противопоставляет идеал естественной и здоровой сельской жизни, созидательный крестьянский труд.

Роман был издан в Норвегии 27 октября 1923 года и по достоинству оценен читателями. Менее чем через год он был переведен на русский язык и появился на свет сразу в трех издательствах — в ГИЗе, «Мосполиграфе» и «Петрограде». А. М. Горький в письме Гамсуну от 16 марта — 18 апреля 1927 года назвал «Последнюю главу», «Плоды земли» и «Женщин у колодца» «гениальными книгами», а их автора «величайшим художником», равного которому «сейчас нет ни в одной стране мира».

Стр. 8. *Тор* — один из главных богов скандинавской мифологии, бог грома, бури и плодородия. Обладал каменным молотом, который всегда попадал в цель и возвращался обратно. Выступал защитником людей от злых великанов.

Стр. 9. *Конфирмация* — у католиков и протестантов обряд приема в церковную общину подростков, достигших определенного возраста.

Стр. 12. *Ленсман* — государственный чиновник, представитель полицейской и податной власти в сельской местности.

Стр. 13. *Христиания* — старое название столицы Норвегии Осло.

Стр. 24. *Сибелиус Ян* (1865—1957) — финский композитор, глава национальной музыкальной школы. Гамсун познакомился с Сибелиусом в 1894 г. в Париже, и долгие годы их связывали дружеские узы.

Стр. 51. *Готский альманах* (Almanach de Gotha) — справочник, издававшийся в г. Гота в Германии с 1763 по 1944 г., в котором сообщались сведения о происхождении и родственных связях лиц, имевших высокий социальный статус, а также о конституционном устройстве, экономике и финансах разных стран.

Стр. 65. *Консул* — здесь: высокое должностное лицо, член городского магистрата.

Стр. 108. *Фукидид* (ок. 460—400 до н.э.) — древнегреческий историк, автор «Истории» в восьми книгах. Этот труд, посвященный истории Пелопоннесской войны (до 411 г. до н.э.), считается вершиной античной историографии.

Стр. 169. *Ходить с трещоткой и кричать: «Нечист! Нечист!»* — библейская аллюзия. Согласно ветхозаветному преданию, прокаженным было запрещено входить в поселения и приближаться к людям. «У прокаженного, на котором эта язва, должна быть ра-

зодрана одежда, и голова его должна быть не покрыта, и до уст он должен быть закрыт и кричать: Нечист! Нечист!» (Третья книга Моисеева. Левит, 13, 45).

Стр. 213. ...носит кольцо с масонским знаком. — Масонство (от фр. franc maçon — вольный каменщик) — религиозно-этическое движение, ставившее своей целью нравственное самосовершенствование личности. Возникло в начале XVIII в. в Великобритании и распространилось во многих странах. Название, организация (объединение в ложи) и традиции заимствованы от средневековых цехов (братств) строителей-каменщиков, отчасти от средневековых рыцарских и мистических орденов. Имело свою символику. В скандинавских странах было введено в 1745 г., однако широкого распространения не получило.

Стр. 218. *Вы словно Библию читаете... «с востока и запада».* — Очевидно, имеется в виду: «Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном» (Евангелие от Матфея, 8, 11).

Стр. 278. ...сказал Наполеон, встретившись с Гете. — «Император делает мне знак приблизиться. Я останавливаюсь в пристойном отдалении. Внимательно оглядев меня, он говорит: «Vous êtes un homme (Вы человек)», — описывает Гете в «Автобиографических мелочах. Беседе с Наполеоном» начало аудиенции, данной Наполеоном писателю 3 октября 1808 г. в Эрфуртском дворце веймарского герцога Карла-Августа.

КРУГ ЗАМКНУЛСЯ

Роман «Круг замкнулся» — последнее художественное произведение писателя, ставшее своеобразным подведением итогов почти пятидесятилетнего творческого пути. Основное место событий в нем — небольшой городок в Южной Норвегии, неподалеку от Осло, а главный герой — бродяга по образу жизни и философ по призванию Абель. Вокруг него выстраивается вся образная система романа. Как и в «Последней главе», в нем Гамсун снова обращается к темам, проблемам и художественным представлениям раннего периода творчества.

О замысле романа «Круг замкнулся» Гамсун сообщает в письме директору «Гюльдендала» Харальду Григу 19 июня 1936 года. Он пишет о том, что «в этом романе последнее звено соединилось с первым», то есть указывает на непосредственную генетическую связь между романами «Круг замкнулся» и «Голод». Об этом косвенно свидетельствует и название последнего романа: норвежское

«slut» в «ringen sluttet» («круг замкнулся» или «круг замкнутый») читается как анаграмма слова «sult» («голод»). Среди других «свя-зующих звеньев» романов «Круг замкнулся» и «Голод» обращает на себя внимание удивительное внутреннее сходство между главными героями, натурами парадоксальными и непредсказуемыми, равнодушными к вопросам общественной морали, находящимися как бы вне социума и все же страдающими оттого, что оба они лишены подлинных человеческих связей и привязанностей. В духовном облике Абеля отсутствует одна, но очень важная черта героя «Голода», его художнический дар. Но доминанта образа Абе-ля та же, что и героя «Голода», — тотальное отрицание современ-ного общества, современной цивилизации. Как и в «Голоде», с образом главного героя неразрывно связан философский смысл романа: представление о вечном круговороте жизни. Процесс пере-мен в нем затрагивает только физическую природу человека, совершающего путь от юности к старости.

На русский язык роман переводится впервые.

Стр. 367. *Релинг* — поручень у верхней кромки судна.

Стр. 370. *Эркер* — остекленный выступ в стене здания.

Стр. 374. *Понттоппидан* Хенрик (1857—1943) — известный дат-ский писатель, один из основоположников реалистического направ-ления в датской литературе, исследовавший в своем творчестве на-ряду с проблемами общественной жизни проблемы назначения и смысла жизни человека. Идея развития и саморазвития лично-сти лежит в основе трех наиболее значительных произведений пи-сателя, романов «Обетованная земля» (1891—1895), «Счастличик Пер» (1898—1904) и «Царство мертвых» (1912—1916), за которые главным образом ему была присуждена в 1917 г. Нобелевская пре-мия.

Стр. 426. *Случись это в Лурде...* — Лурд — город на юге Фран-ции. В 1858 г. в Лурде молодой пастушке было явление Девы Ма-рии, и на этом месте забил целебный источник. С тех пор Лурд — место паломничества католиков.

Стр. 461. *Ульстер* — зимнее кожаное пальто.

Стр. 465. *Швырок* — колотые дрова.

Вестланд — Западная Норвегия.

Стр. 506. ...занесен в списки *Ллойда*. — Ллойд — английская стра-ховая компания, основанная в конце XVII в. С середины XIX в. при ней как самостоятельная организация существует классифи-кационное общество — «Регистр судоходства Ллойда», которое наблюдает за постройкой судов, присваивает им класс и издает списки судов морского торгового флота всех стран с указанием порта приписки.

Стр. 635. *Ганнибал* (247 или 246—183 до н. э.) — карфагенский полководец, одержавший ряд выдающихся военных побед.

...которых зовут «Александр». — Намек на Александра Македонского (356—323 до н. э.), царя Македонии, завоевавшего земли до реки Инд и создавшего крупнейшую монархию древности.

Стр. 636. *...не в одном только Вифлееме родилось на свет дитя.* — Вифлеем — город в Палестине, в котором, согласно Новому Завету, родился Иисус Христос.

А. Сергеев

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА. Роман. <i>Перевод Л. Лунгиной</i>	7
КРУГ ЗАМКНУЛСЯ. Роман. <i>Перевод С. Фридлянд</i>	367
Комментарии <i>А. Сергеева</i>	649

Гамсун К.

Г 18 Собрание сочинений. В 6 т. Т. 5. Последняя глава;
Круг замкнулся: Романы: Пер. с норв./Редкол.:
А. Сергеев, Ю. Яхнина; Сост. Ю. Яхниной; Коммент.
А. Сергеева. — М., Худож. лит., 1999. — 654 с.

ISBN 5-280-03090-2 (Т. 5)

ISBN 5-280-01700-0

В пятый том шеститомного Собрания сочинений Кнута Гамсуна (1859—1952) входят романы последнего, заключительного этапа художественного творчества писателя. Это «Последняя глава» (1923) и «Круг замкнулся» (1936).

УДК 82/89

ББК 84(4Нр)

КНУТ ГАМСУН
Собрание сочинений
в 6-ти томах
Том 5

Редактор Э. Шахова
Художественный редактор А. Максимов
Технический редактор Л. Синицына
Корректор И. Лебедева

Изд. лиц. № 010153 от 14.02.97. Сдано в набор 15. 09. 98. Подписано к печати 15. 03. 99. Формат 84 x 108 ¹/₃₂ Бумага тип. Гарнитура «Таймс».

Печать высокая. Усл. печ. л. 34,44+ альб.=35,28 . Усл. кр.-отт. 38,22.

Уч.-изд. л. 41,3+альб.=41,89. Тираж 12000 экз. Заказ № 622

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, Архангельск, Новгородский пр., 32

ISBN 5-280-03090-2

9 785280 030909

